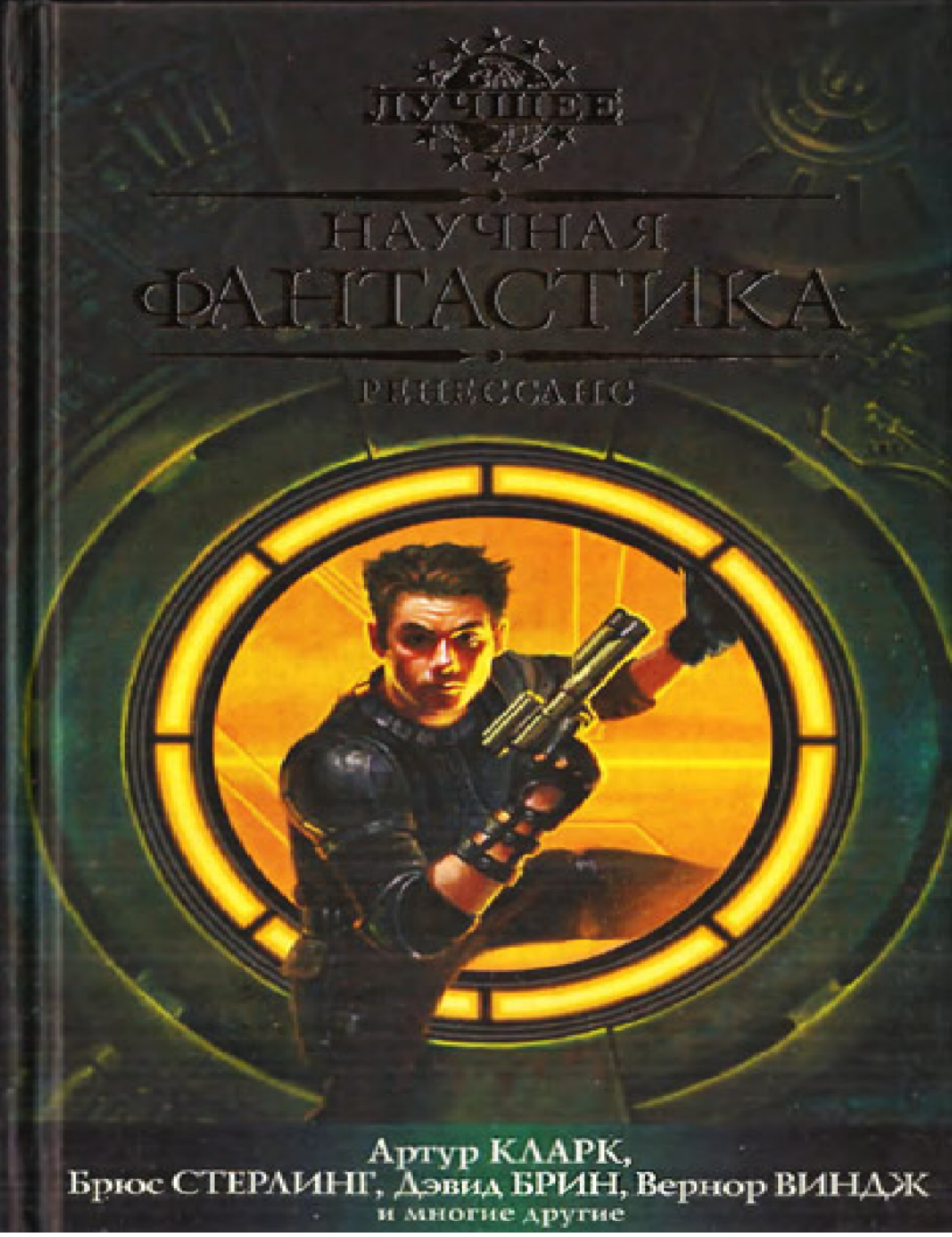
ЛУЧШЕЕ

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

РЕНЕССАНС



Артур КЛАРК,
Брюс СТЕРЛИНГ, Дэвид БРИН, Вернор ВИНДЖ
и многие другие

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Впервые под одной обложкой лучшие научно-фантастические повести и рассказы последних лет!

Возрождению жанра в его традиционном понимании посвящают себя такие мастера, как Артур Кларк, Брюс Стерлинг, Дэвид Брин, Вернор Виндж, Фредерик Пол и многие другие. Уникальная альтернативная реальность, созданная силой их воображения, завораживает читателя масштабными космическими сражениями и чудесами невероятных научных открытий. Таинственные инопланетные миры и загадочные порождения киберпространства, достижения суперинтеллекта и человеческого духа — на страницах новой антологии серии «Лучшее»! Блистательная современная проза Ренессанса научной фантастики!

Большинство произведений впервые выходят на русском языке и в новых, более адекватных переводах!

- Научная фантастика. Ренессанс
  - Пол Макоули
  - Ким Стэнли Робинсон
  - Стивен Бакстер
  - Артур Кларк
  - Джеймс Патрик Келли
  - Бен Бова
  - Чарлз Шеффилд
  - Брюс Стерлинг
  - Дэвид Брин
  - Дэвид Нордли
  - Грег Иган
  - Майкл Суэнвик
  -
  - Питер Уоттс
  - Тед Чан
  - Вернор Виндж
  - Пол Левинсон
  - Сара Зеттел
  - Аллен Стил
  - Фредерик Пол
    -
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3

        - Глава 4
        - Глава 5
        - Глава 6
        - Глава 7
        - Глава 8
        - Глава 9
        - Глава 10
        - Глава 11
        - Глава 12
    - Грегори Бенфорд
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33

- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77

- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121

- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153

Научная фантастика. Ренессанс

Пол Макоули
Генные войны

Пол Макоули (р. в 1955 г.) — английский писатель, часто обращающийся к жанру твердой научной фантастики. Ему, равно как и Стивену Бакстеру, Питеру Гамильтон, Иэну Бэнксу, мы обязаны возрождением твердой научной фантастики и космической оперы в 1990-е гг. Зоолог и ботаник по образованию, Макоули долгое время занимался наукой в Великобритании и Лос-Анджелесе. Лишь несколько лет назад, получив звание профессора, он оставил преподавательскую деятельность и полностью посвятил себя литературе. «Я испытываю и всегда испытывал своего рода наркотическую зависимость от науки, — говорит он. — Если бы я изначально занялся литературой, думаю, я все равно писал бы о науке и не уставал удивляться тому, насколько вселенная богата чудесами. Полагаю, научная работа приучила меня тщательно продумывать любые действия, не бояться исследований и доводить начатое до конца. Я стараюсь писать о биологии и научной этике — то есть о том, в чем разбираюсь».

Первый роман Макоули, «Четыреста миллиардов звезд» («Four Hundred Billion Stars»), в 1998 г. получил премию Филипа К. Дика, разделив ее с «Мокруха. exe» («Wetware») Руди Рюкера. С тех пор Макоули опубликовал несколько научно-фантастических романов, в том числе «Волшебную страну» («Fairyland», 1994), удостоенную премий Артура Кларка и Джона У. Кэмпбелла, а также «Ангел Паскуале. Страсти по да Винчи», ставший лауреатом премии «Сайдвайз» как лучший роман в жанре альтернативной истории. Перу Макоули также принадлежит научно-фантастическая трилогия «Слияние» («Book of Confluence»), состоящая из трех книг: «Дитя реки» («Child of the River», 1977), «Корабль древних» («Ancient of Days», 1998) и «Звездный оракул» («The Shrine of Stars», 1999). В 2001 г. писатель опубликовал два новых романа: «Секрет жизни» («Secret of Life»), научно-фантастический футурологический триллер, и «Весь мир» («Whole Wide World»), в котором интрига выстраивается вокруг технических достижений. Кроме того, Макоули выпустил два сборника малой

прозы: «Король горы и другие рассказы» («The King of Hill and Other Stories», 1991) и «Невидимая страна» («The Invisible Country», 1996). В одном из интервью, отвечая на вопрос, почему он относит себя к авторам «радикальной твердой научной фантастики», Макоули, в частности, сказал, что приписывает этому жанровому термину весьма широкое значение.

Он считает, что твердая фантастика учитывает достижения традиционной научной фантастики, в чем-то развивая их, но в то же время отталкивается от предшествующей волны. По словам писателя, для него особенно важно следующее различие: традиционная фантастика, как правило, описывает мир после какого-то одного крупного изменения (например, открытия бессмертия), а твердая фантастика рассказывает о мире, который меняется постоянно, в сотнях различных аспектов. Именно так понимают жанр твердой фантастики и большинство авторов, представленных в данной антологии.

Рассказ «Генные войны», где речь идет о биотехнике, вышедшей из-под контроля человека, — это, разумеется, история о меняющемся мире и плодах генной инженерии. Как и в «Схизматрице» («Schismatrix») Брюса Стерлинга, персонажи Макоули трансформируются до неузнаваемости. Кроме того, — и это тоже характерная черта твердой фантастики, — произведение затрагивает политические темы, в частности, движение против глобализации и генетически модифицированных продуктов. Подобная тематика объединяет многие произведения современной фантастики, но в то же время является отголоском фантастики начала и середины 1980-х гг.

1

Когда Эвану исполнилось восемь, тетушка прислала ему на день рождения самый современный ультрамодный биоконструктор «Сотвори себе живое». На крышке коробки было изображено какое-то инопланетное болото, кишащее странной аморфной живностью, а в углу красовалась рельефная картинка с двойной спиралью, торчащей из пробирки.

— Смотри, чтобы это не попалось на глаза отцу, — предупредила мать, и Эван унес конструктор в старый амбар,

расставил пластиковые инкубаторы с культурами бактерий, пузырьки с химикалиями и ретровирусами на пыльном верстаке в тени зачехленного комбайна.

Через пару дней отец наткнулся там на Эвана. Склизкая плесень, миллионы амеб, собравшихся вокруг циклического АМФ[1], были трансформированы ретровирусами и теперь расцветали синими лохматыми кляксами. Отец Эвана вытащил во двор и свалил в одну кучу инкубаторы с культурами и пробирки и заставил Эвана вылить на них литр промышленного отбеливателя. Эван плакал не столько от злости или обиды, сколько из-за кислотной вони.

В то лето компания, у которой семья Эвана арендовала землю, забрала у них скот. Прощелыга, следивший за конфискацией коров, уехал на большой машине, на крыле которой красовался логотип с пробиркой и двойной спиралью. В следующем году не уродилась пшеница, уничтоженная особо свирепой ржавчиной. Отец Эвана не мог позволить себе новый, устойчивый к заболеванию сорт, и ферма разорилась.

2

Эван жил в столице вместе с тетушкой. Ему было пятнадцать. У него имелись мопед, мощный компьютер и ручной микрозавр, трицератопс размером с кошку, покрытый забавной малиновой шерстью. На покупку специальной каши, которой только и мог питаться микрозавр, у Эвана уходила добрая половина карманных денег, потому он и позволил своему лучшему другу ввести питомцу контрабандный вирус, чтобы избавить микрозавра от пищевой зависимости. Средство подействовало: трицератопсу больше не требовалась особая еда, зато от солнечного света у него теперь случались эпилептические припадки. Эвану пришлось держать его в шкафу. Когда у микрозавра огромными пучками начала вылезать шерсть, он отнес его в ближайший парк. Все равно микрозавры уже вышли из моды. Они целыми дюжинами слонялись по парку, обгрызая листья, пощипывая траву, выискивая объедки. Вскоре они исчезли, вымерли от голода.

3

За день до выпускного Эвану позвонили из спонсорской фирмы и сообщили, что он все-таки не будет участвовать в

исследованиях. Политическая ситуация изменилась: тайные генные войны стали открытыми. Когда Эван начал возмущаться, женщина на другом конце провода ответила резко: — Вы в гораздо лучшем положении, чем большинство работников со стажем. С дипломом по молекулярной генетике вы хотя бы можете пойти сержантом.

4

Джунгли были живым зеленым одеялом, по которому разбегались серебристые молнии рек. Высунувшись из вертолета, Эван почувствовал на лице теплый ветер, ремни впились в плечи. Ему было двадцать три, техник-сержант. Он вылетел на задание во второй раз.

В его очках поверх изображения вспыхивали значки — идет поиск цели. Две деревни рядом, разделенные грязной красной дорогой, узкой, как капилляр, который вдруг расширился до артерии, когда вертолет нырнул вниз.

Вспышки на земле. Эван надеялся, что у этих крестьян только «Калашниковы», а то на прошлой неделе какой-то азиат подстрелил вертолет из древней зенитки. Потом Эван уже ни о чем не думал. Он был слишком занят, распыляя липкую, содержащую вирусы суспензию, которая туманом затягивала маисовое поле.

Когда все закончилось, пожилой пилот сказал по внутренней связи:

— С каждым днем обстановка все сложнее. Раньше просто брали лист, а остальное довершало клонирование. Это даже воровством нельзя было назвать. Но теперь… Я-то всегда считал, что война вредит бизнесу.

Эван ответил:

— Права на геном маиса принадлежат компании. У этих крестьян нет лицензии на его выращивание.

Пилот восхищенно произнес:

— Ну, парень, ты по-настоящему предан компании. Бьюсь об заклад, тебе даже не известно, что это за страна.

Эван задумался над его словами. Потом сказал:

— А с каких это пор страны имеют значение?

5

Лоскутки рисовых полей теснились в пойме реки, напоминая

стеганое одеяло. На каждом клочке крестьяне, склоняясь над собственным отражением, высаживали рассаду озимых.

В окружении делегатов ЮНЕСКО, под черным зонтиком, который держал его помощник, стоял министр сельского хозяйства. Он объяснял, почему страна погибает от голода после сбора рекордного урожая риса.

Эван стоял позади небольшой толпы, с непокрытой головой, несмотря на теплую морось. На нем были модный комбинезон и желтые галоши. Ему было двадцать восемь, он потратил два года, чтобы просочиться в ЮНЕСКО ради интересов компании.

Министр говорил:

— Нам приходится приобретать семена, генетически модифицированные и устойчивые к пестицидам, чтобы конкурировать с соседями, но мой народ не может позволить себе покупать рис, который выращивает. Его приходится отправлять на экспорт, чтобы покрывать долги. Наши дети погибают от голода среди этого изобилия.

Эван подавил зевок. Позже, на приеме в каком-то задрипанном посольстве, он сумел остаться с министром наедине. Министр, непривычный к крепкому алкоголю, напился. Эван сказал ему, что его взволновало увиденное.

— А посмотрите на наши города, — отозвался министр, с трудом ворочая языком. — Каждый день тысячи новых беженцев прибывают из деревень. Квашиоркор,[2] бери-бери.[3]

Эван сунул в рот канапе. Один из новых продуктов его компании: канапе сладострастно корчилось, пока он его не проглотил.

— Возможно, я смогу вам помочь, — произнес он. — У людей, которых я представляю, имеются новые дрожжи, они полностью удовлетворяют диетическим требованиям и растут на простой питательной среде.

— Насколько простой?

Эван начал объяснять, и министр, неожиданно протрезвевший, вытащил его на террасу. Он сказал:

— Вы же понимаете, это должно быть строго конфиденциально. По правилам ЮНЕСКО…

— Их всегда можно обойти. У нас заключены арендные соглашения с пятью странами, у которых расхождение между стоимостью экспорта и импорта сходное с вашим. Мы предоставляем геном в аренду с убытком для себя, чтобы поддержать те правительства, которые благосклонно примут другие наши продукты…

Генный пират демонстрировал Эвану свое производственное оборудование, когда медленный яд наконец начал действовать. Они находились на борту древней подводной лодки, некогда оснащенной межконтинентальными баллистическими ракетами и сейчас пришвартованной где-то в районе Филиппин. Ракетные шахты были трансформированы в биореакторы, мостик напичкан самыми современными операционными технологиями. Имелось устройство для воспроизведения виртуальной реальности, позволяющее осуществлять прямой контроль над роботами размером с молекулу, которые перемещались непосредственно в спиралях ДНК.

— Мне нужно не оборудование, — говорил пират Эвану, — а рынок сбыта.

— Нет проблем, — отвечал Эван.

Нейтрализовать охрану оказалось до смешного просто. Пират попытался заразить Эвана вирусом зомбирования, но его генетически привитая иммунная система запросто справилась с этим. Медленный яд действовал куда деликатнее: когда его обнаруживали, было уже слишком поздно. Эвану было тридцать два. Он, как правило, представлялся серым брокером из Швейцарии.

— А вот здесь я держу всякое старье, — сказал пират, похлопывая по криогенной камере из нержавеющей стали, — Старье, оставшееся с тех времен, когда у меня еще не было настоящего успеха. Например, генный комплекс свободного свечения. Помните, как бразильские тропические леса неожиданно начали излучать сияние? Это было моих рук дело. — Он вытер пот со лба, покосился на замысловатый термостат. Толстый и практически лысый, пират был в одних только шортах-бермудах и пляжных сандалиях. Он оказался под прицелом, потому что собирался перейти дорогу компании, выбросив на рынок новое лекарство от вируса иммунодефицита человека. А компания до сих пор неплохо зарабатывала на своем собственном снадобье и следила за тем, чтобы СПИД не был до конца искоренен в странах третьего мира.

Эван произнес:

— Помнится, народ принял это за плохое знамение, тогда ведь свергли бразильское правительство.

— Ну что ж, я был еще ребенком. Трансформировать ген оказалось просто, сложно найти вектор. Это все старье. А вот соматические мутации на самом деле станут следующим большим прорывом, уж поверьте мне. К чему выводить новый штамм, когда можно просто переделать геном клетка за клеткой? — Он постучал по термостату. Руки у него тряслись. —

Здесь действительно очень жарко, или мне кажется?

— Это просто первый симптом, — ответил Эван. Он отошел в сторону, когда генный пират рухнул на палубу. — А вот это второй.

Компания предусмотрительно позаботилась о подкупе начальника службы безопасности пирата, и у Эвана было достаточно времени, чтобы поработать с биореакторами. К тому времени, когда он высадился на берег, все в них выкипело. Поддавшись импульсу, действуя против правил, Эван в качестве образца захватил с собой микрограмм лекарства.

7

— Между пиратством и законной торговлей пролегло настоящее минное поле, — говорила Эвану наемная убийца. — И как раз здесь чаще всего происходят сбои в парадигме, в такие места меня и отправляют. Моя компания ценит стабильность. Еще год, и вы вышли бы, получили огласку, скорее всего, выпуск акций сделал бы вас миллиардером — даже незначительный игрок все равно игрок. А эти кошки, их нет больше ни у кого. Геном предполагалось уничтожить еще в двадцатые. Очень предусмотрительно с вашей стороны уйти с серого рынка лекарств и переключиться на предметы роскоши. — Она нахмурилась. — Почему это я так много болтаю?

— По той же причине, по какой вы не хотите меня убивать, — ответил Эван.

— Мне кажется, убить вас было бы такой глупостью, — призналась убийца.

Эван улыбнулся. Он давным-давно раскодировал двухступенчатый вирус, который испробовал на нем генный пират: вирус состоял из некоего «троянского коня», отвлекающего внимание Т-лимфоцитов, пока вторая его составляющая переписывала гены лояльности, которые компании вживляли в своих работников. Эван в очередной раз убедился в ценности приобретения. Он сказал:

— Мне нужен кто-нибудь вроде вас в организации. И, поскольку вы так долго подбирались ко мне в надежде соблазнить, возможно, вы окажете мне честь стать моей женой. Жена мне будет кстати.

— А вы готовы жениться на убийце?

— Конечно! Я и сам был таким.

8

Эван понимал, что приближается крах рынка. Из-за генных войн основными продуктами питания остались соевые бобы, рис и бесплатно распределяемые дрожжи — искусственные, вечно мутирующие болезни свели зерновые и прочие культуры, которые чего-то стоили, к нуклеотидным рядам, хранящимся в компьютерных базах. Три международные биотехнологические компании держали патенты на потребляемость калорий девяноста восьми процентов человечества, но они утратили контроль над технологиями, которые под давлением военной экономики упростились до такой степени, что любой мог запросто манипулировать собственным геномом, соответственно меняя и телесную оболочку.

Эван сколотил состояние на индустрии моделирования, продавая шаблоны и микроскопических самовоспроизводящихся роботов, которые вносили изменения в ДНК. Но он понимал, что рано или поздно кто-нибудь начнет продавать систему прямого фотосинтеза, поэтому его экспертные программы, следящие за котировками акций, отсматривали и все разработки в данной области. Они с женой продали контрольный пакет акций своей компании за три месяца до того, как появились первые зеленые люди.

9

— Я помню времена, когда мы знали, что такое человек, — печально произнес Эван. — Наверное, я старомоден, но что делать.

Из облака висящих в воздухе брызг его жена отвечала:

— Так вот почему ты не захотел стать зеленым? Из-за своей старомодности?

— Трудно отказаться от прежних привычек. — На самом деле он любил свое тело таким, каким оно было. А в те времена переход на фотосинтез означал соматические мутации, без которых невозможно было вырастить черный метровый колпак для абсорбции необходимого количества световой энергии. Большинство людей жили в тропиках, толпы анархистов в черных колпаках. Работа перестала быть необходимостью и сделалась привилегией. Эван добавил: — Я буду скучать по тебе.

— Что ж, по правде говоря, — ответила жена, — мы никогда не любили друг друга. Но я тоже буду скучать. — И с ударом мощного хвоста ее обтекаемое тело погрузилось в море.

10

Черные колпаки постгуманоидов скользили в солнечном свете, сползаясь и расползаясь, как амебы. Дельфиноиды со щупальцами, спрятанными под плавниками, покачивались в баках с мутной водой. Странствующие морские звезды, ходячие пучки шипов, одноногие и однорукие змеи, стайки крошечных птичек, сияющих, как изумруды, причем каждая стая являлась единым организмом.

Люди, сделавшиеся странными, напичканными мириадами микроскопических машин, которые могли по желанию изменить форму тела.

Эван жил в отдаленном поместье. Его почитали как отца-вдохновителя постгуманоидной революции. За ним повсюду следовал микрозавр с малиновой шерстью. Он записывал его слова, поскольку Эван решил умереть.

— Я не жалею ни о чем, — говорил Эван, — может быть, только о том, что не последовал за женой, когда она изменилась. Я знал, что так будет. Предчувствовал все это. Как только технологии стали достаточно простыми, достаточно дешевыми, компании утратили над ними контроль. Так уже было с телевизорами и компьютерами, хотя, полагаю, вы этого не помните. — Он вздохнул. У него было смутное ощущение, что все это он уже говорил. У Эвана лет сто не было новых мыслей, одно лишь желание положить конец размышлениям вообще.

Микрозавр произнес:

— Думаю, что я сам в некотором роде компьютер. Вы примите сейчас делегатов от колонии?

— Позже. — Эван доковылял до скамьи и медленно опустился на нее. За последнюю пару месяцев у него развился небольшой артрит, на кистях рук появились печеночные пятна — смерть наконец-то выжимала из него те фрагменты генома, которые он так долго подавлял. Жаркое солнце лилось сквозь бархатные щупальца древообразных существ. Эван задремал, а проснувшись, обнаружил глядящих на него морских звезд. У них были голубые человеческие глаза, по одному на конце каждого мускулистого луча.

— Они просят оказать им честь, позволить забрать ваш геном на Марс, — сказал маленький малиновый трицератопс.

Эван вздохнул:

— Я всего лишь хочу покоя. Отдохнуть. Умереть.

— О, Эван, — снисходительно произнес маленький трицератопс, — полагаю, даже вы понимаете, что теперь ничто не умирает насовсем.

Ким Стэнли Робинсон
Крученый мяч на Марсе

Ким Стэнли Робинсон (р. в 1952 г.) начал писать научную фантастику в 1970-е гг. и к моменту получения докторской степени в 1982 г. успел опубликовать уже с десяток рассказов. Следует отметить, что позже его диссертация была издана как монография «Романы Филипа К. Дика» (1984). Робинсон прославился благодаря своему дебютному роману «Дикий берег» («The Wild Shore») — посткатастрофическому произведению, выдержанному в стейнбековских тонах. К несчастью, этой книге не повезло: она увидела свет в том же году, что и «Нейромант» («Neuromancer») Уильяма Гибсона, оттеснивший ее с первых ступеней литературных наград. Однако гораздо хуже то, что все произведения Робинсона стали восприниматься как оппозиция киберпанку. И хотя писателю удалось получить ряд значительных премий и престижных номинаций, судьбу его работ последующего десятилетия определяли соображения литературной политики. Среди этих книг «Золотое побережье» («The Gold Coast», 1988), «У кромки океана» («Pacific Edge», 1990), вошедшие в трилогию об Оранжевой стране, а также «Айсхендж» («Icehenge»), «Память о белизне» («Memory of Whiteness») и «Побег из Катманду» («Escape from Kathmandu», 1989).

Позже, в 1990-е, Робинсон создал марсианскую трилогию: романы «Красный Марс» («Red Mars», 1992), «Зеленый Марс» («Green Mars», 1994) и «Голубой Марс» («Blue Mars», 1996), причем все три произведения были удостоены наград и номинаций. К этому же периоду относятся роман «Антарктика» («Antarctica», 1997) и сборник рассказов «Марсиане» («The Martians», 1999). Марсианская трилогия, завоевавшая Робинсону славу одного из ведущих авторов твердой фантастики, по праву считается одним из литературных шедевров 1990-х, в основном благодаря любовно прорисованным деталям декораций и повседневного труда ученых. В интервью журналу «Locus» Робинсон заявил, что научная фантастика редко представляет науку реалистично, со всей ее медлительностью и монотонностью работы, поскольку писать о науке как она есть очень сложно.

Кроме того, в свою марсианскую трилогию он привнес немало политической тематики, рассуждений левого толка и утопически-социалистических идей. Проблемы колонизации, к которым Робинсон питает особый, типичный для американца интерес, также нашли отражение в его произведениях.

Созданный им Марс сильно отличается от традиционно сложившегося образа мира, легко поддающегося покорению, — это не фантастический Марс Эдгара Раиса Берроуза, Рэя Брэдбери или Филипа К. Дика, а, скорее, реалистичная планета из программы исследования Марса, развернутой НАСА.

Рассказ, представленный в данной антологии, взят из сборника «Марсиане». Он повествует о том, как фанат бейсбола пытается приспособить горячо любимую игру к марсианским условиям.

Это был высокий тощий марсианский парнишка, сутулый и застенчивый. Неуклюжий, как щенок. Почему он играл у них на третьей базе[4] — ума не приложу. Опять же, и меня они назначили шортстопером,[5] а ведь я левша и не могу перехватить граундер.[6] Вот что значит изучать спорт по видео. Для нас, американцев, некоторые вещи настолько очевидны, что мы даже не задумываемся над ними. Например, никому сроду и в голову не придет поставить на шортстоп левшу. Но на Марсе все было внове. Многие люди там влюбились в бейсбол, заказали экипировку, раскатали несколько полей, и пошло-поехало.

Вот и мы там оказались — я и этот малыш Грегор — и пошли вытаптывать левую сторону внутреннего поля. Он выглядел таким юным, что я спросил, сколько ему лет, а он ответил: «Восемь», — и я подумал: «Черт побери, „юный“ — не то слово», но потом понял, что он имел в виду, конечно же, марсианские года, так что ему было лет шестнадцать-семнадцать, но казался он младше. Он откуда-то недавно перебрался на Аргир[7] и снимал квартиру то ли вместе с родственниками, то ли с друзьями, — я никогда не мог толком понять, — но он казался мне очень одиноким. Тренировок Грегор никогда не пропускал, хотя считался худшим игроком в какой-то ужасной команде, и было слишком заметно, как он сокрушается из-за всех своих оплошностей и страйк-аутов[8]. Меня всегда удивляло, зачем он вообще выходит на поле. А уж какой застенчивый; и эта сутулость; и прыщи; а как он запинался о собственные ноги, краснея и что-то бормоча, — определенно, Грегор был неподражаем.

Английский не был его родным языком. То был не то

армянский, не то моравский, не то что-то еще в этом роде, во всяком случае, на нем никто не говорил, за исключением пожилой пары, с которой он вместе жил. Так что бормотал Грегор какую-то неразбериху, которая на Марсе сходила за английский, а иногда даже пользовался транслейтором, но в основном старался не оказываться в ситуации, где ему пришлось бы говорить.

И делал ошибку за ошибкой. Должно быть, смотреть на нас со стороны было потешно — я ростом ему по пояс, и мы оба дружно пропускаем катящиеся мимо мячи, — цирк, да и только! А еще мы пинали их, расшвыривали во все стороны и гнали аж за пределы первой базы. Аут нам очень редко удавался. Бывало, это бросалось в глаза, за исключением тех случаев, когда все остальные тоже играли не лучше. Бейсбол на Марсе отличался крупным счетом.

Но все равно это была превосходная игра. Нет, в самом деле, все выглядело как во сне. Прежде всего — горизонт. Когда вы находитесь на плоской, такой как Аргир, равнине, то он от вас, скорее всего, лишь в трех милях, а не в шести. Это очень заметно глазу землянина. Потом эти площадки — у них просто сверхъестественные размеры ближнего поля, ну а дальнее поле — так и вовсе громадное. У моей команды оно было примерно девятьсот футов в длину и семьсот — в ширину. Стоишь на этой тарелке, и изгородь на границе дальнего поля кажется тонкой зеленой линией под пурпурным небом, почти у самого горизонта, — вот я и говорю вам, что бейсбольная площадка покрывала почти все видимое пространство. Это было так здорово!

Они играли с четырьмя аутфилдерами[9], как в софтболе[10], и все равно коридоры между игроками были широкими.

А воздух там почти такой же разреженный, как в базовом лагере Эвереста, и низкая гравитация. Поэтому когда вы бьете по твердому мячу, он летит так, будто его ударили длинной клюшкой для гольфа. Даже при таких больших полях в каждой игре было по несколько хоум-ранов[11]. На Марсе игры редко заканчиваются всухую. Мне, во всяком случае, до сих пор не приходилось быть тому свидетелем.

Я занялся бейсболом после восхождения на гору Олимп, где помогал основать новый научно-исследовательский почвенный институт. Им хватило ума не пытаться изучать эту проблему по видео. Поначалу в свободное время я взбирался на горы Харит, но потом ударился в бейсбол и оказался слишком занят. «Прекрасно, я стану играть, — ответил я, когда меня попросили. — Но тренером не буду. Не люблю указывать людям, что им делать».

Поэтому я вместе со всеми выходил и проделывал

футбольные упражнения, разогревая даже те мышцы, которые никогда не понадобятся. Потом Вернер принимался отрабатывать подачу на ближнем поле, а мы с Грегором начинали отбиваться. Мы походили на матадоров. Время от времени налетали на мяч и посылали его аж за первую базу, и изредка бейсмен[12], верзила ростом выше двух метров с комплекцией цистерны, брал наши подачи, и тогда мы с Грегором торжествующе хлопали перчаткой о перчатку друг друга. Проделывая это изо дня в день, он уже меньше стеснялся меня, хотя и не намного. И я видел, что он бросает мяч чертовски резко. Рука у него была такой длины, как все мое тело, она казалась бескостной, как щупальце кальмара, поэтому настолько свободно поворачивалась в запястье, что Грегор прямо-таки выстреливал мячом. Конечно, иногда мяч поднимался и проходил метров на десять выше головы первого бейсмена, но в том, что он летел в нужную сторону, сомнений не было. Я начинал понимать, что Грегор играет не только затем, чтобы находиться среди людей, с которыми ему не обязательно разговаривать, но и потому, что это давало ему возможность подняться в собственных глазах. Я понял, что он не столько застенчив, сколько угрюм. Или — и то и другое вместе.

В любом случае, наши броски были не броски, а посмешище. Удары битой шли чуть получше. Грегор научился подрезать их и отбивать граундеры до самой середины поля; это было довольно эффектно. Ну а я начал работать над своим чувством времени. После нескольких лет игры в софтбол с его медленными подачами я неделю спустя с таким остервенением замахивался битой на все, что попадалось под руку, что, уверен, глядя на это, мои товарищи по команде думали: не иначе, им достался умственно отсталый американец. А поскольку у них было правило ограничивать количество землян в команде двумя игроками, то, без сомнения, они чувствовали себя разочарованными этим обстоятельством. Но постепенно я приспособился выверять момент удара и после этого бил уже довольно прилично. Дело было еще в том, что их питчерам[13] не грозили травмы. Эти амбалы возвышались у тебя за спиной и вбрасывали с такой силой, на какую только были способны, как и Грегор, — от них ведь требовалось лишь заколотить противнику штрафное очко. Было немного боязно, потому что они частенько шарахали прямо в тебя. Но если мяч несся тебе под дыхало, то единственное, что могло спасти, — это точно рассчитанный момент удара. И если тебе это удавалось, то как мяч летел! Всякий раз, когда я соприкасался с ним, это было словно чудо. Казалось, если правильно ударить, то ты можешь запустить его на орбиту, и именно таким у них было одно из прозвищ хоум-рана. «О, этот

орбитальный», — бывало, говорили они, наблюдая, как мяч уходит за пределы поля, направляясь к горизонту. У них имелся маленький колокол, наподобие судового, прикрепленный к стенке позади «дома»[14], и в таких случаях кто-нибудь сильно бил в него до тех пор, пока тебя не окружали базовые игроки. Очень славный местный обычай!

Так что мне это нравилось. Прекрасная игра, даже когда ты весь избит. Сильнее всего после тренировки болели мышцы живота, я даже не мог смеяться. Однако я делал успехи. Принимая мячи, летевшие с правой стороны, я разворачивался и отбивал их первому или второму бейсмену. На зрителей подобный трюк производил впечатление, хотя, конечно же, выглядело это нелепо. Ты походил на одноглазого в стране слепых. И знаете — не сказать, чтобы они были плохими спортсменами, но никто из них не играл так, как играют дети, они оказались начисто лишены бейсбольного чутья. Им просто нравилось играть. И я мог их понять: огромное, как мир, зеленое поле под пурпурными небесами с летающими туда-сюда желто-зелеными мячами — это было прекрасно. Мы замечательно проводили время.

Я начал давать Грегору советы, хотя поклялся себе не втравляться в тренерство. Не люблю указывать людям, что им делать. Эта игра и без того слишком жесткая. Но, случалось, от моего удара мяч летел к аутфилдерам высоко над игровым полем, и было трудно удержаться и не сказать им, чтобы они не следили за мячом, а заходили под него и, подняв вверх перчатку, ловили, но не бежали всю дорогу с торчащими вверх, как у статуи Свободы, руками. Или когда принимали мячи с лета (это труднее, чем кажется), давал им под руку советы. Мы с Грегором отрабатывали броски в течение всей разминки, так что, просто следя за мной и стараясь попасть в такую низкую цель, как я, он совершенствовал свое мастерство. Определенно, Грегор был очень настойчив. И я видел, что в целом броски его становились все качественнее. Мячи летели ко мне каждый раз по новым траекториям, да и неудивительно, если принять во внимание, что запястье у него вращалось, как на шарнирах. Я должен был глядеть в оба, чтобы не пропустить мяч. Парень был непредсказуем, но явно обладал большим потенциалом.

И по правде говоря, наши питчеры никуда не годились. Я любил этих парней, но они не могли выиграть ни одного очка, если вы отбивали их мячи. За каждую игру они отправляли в пробежку по десять — двадцать бьющих, а игры эти состояли из пяти иннингов[15]. Вернер, бывало, проследит, когда Томас упустит десятого нападающего, и с легкой душой сам берется за

дело, чтобы продуть еще десяток очков.

Порой они проделывали это дважды, а мы с Грегором стоим себе, пока раннеры[16] другой команды проходят мимо, как на параде или в очереди у зеленщика. А когда Вернер направляется к горке, я встаю рядом с Грегором и говорю:

— Знаешь, Грегор, ты мог бы вбрасывать лучше этих парней. У тебя хорошая рука.

А он с ужасом глянет на меня и забормочет:

— Нет, нет, нет, нет, это невозможно.

Но как-то раз во время разминки он отколол такой поистине подлый удар, что угодил мне в запястье. Потирая ушибленное место, я шагнул к нему.

— Ты видел, как этот мяч загнулся? — спросил я.

— Да, — ответил он, глядя в сторону. Извини.

— Не извиняйся. Это называется крученый мяч, Грегор. Он может быть полезен. Ты в последний момент выгнул кисть, и мяч прошел над ней — вот так, понимаешь? Ну-ка, попробуй еще раз.

Так мы понемногу начали осваивать этот удар. В старших классах каких только бросков я не делал: и крученые, и скользящие, и сплит-фингеры, и с перехватом. Я понимал, что большинство из этих ударов у Грегора получаются чисто случайно, но чтобы не смущать его, я просто продолжал отрабатывать у него крученые. Я говорил ему:

— Просто брось мяч мне, как ты это сделал в первый раз.

— Я думал, ты не собирался тренировать нас, — сказал он.

— А я и не тренирую тебя! Просто брось, как в тот раз. А потом в игре бросай прямо. Как можно прямее.

Он поворчал немного на своем моравском, не глядя мне в глаза. Но проделал это. И некоторое время спустя выдавал уже добротные крученые. Конечно, воздух на Марсе более разреженный, а значит, не требовалось большого усилия, чтобы подрезать мяч. Но я заметил, что на мячах в синюю крапинку швы были несколько рельефнее, чем на мячах с красными точками. Игроки пользовались и теми и другими, не видя между ними разницы. Но она была. Поэтому я взял это на заметку и продолжал работать с Грегором.

Тренировались мы подолгу. Я показал ему, как бросать с оттяжкой, решив, что возбуждение, которое в нем чувствовалось, свидетельствовало о том, что он понемногу раскрепощается. И к середине сезона он бросал этот крученый с оттяжкой. Мы никому об этом не говорили. Грегор просто неистовствовал с этим ударом, но загибался он у него здорово; удар получился и вправду слишком крутым, чтобы его можно было легко взять. Это помогало мне и на шортстопе. Хотя в конце концов в одной игре

при счете, как обычно, 20:0 бьющий отбил высокий мяч, и я рванул за ним. Ветер уносил мяч, а я несся вслед, пока, догнав его, не растянулся там между нашими перепуганными центровыми.

— Может быть, тебе лучше играть аутфилдером, — сказал Вернер.

Я возблагодарил господа.

Так что после этого случая я играл левым или правым центровым и всю игру то гонял катившиеся по полю мячи к изгороди, то отбрасывал их назад на шортстопера. Или, что было чаще, стоял там и наблюдал, как другая команда делает перебежки. Я по привычке что-то выкрикивал, пытаясь поболтать с другими, но потом заметил, что на Марсе никто не кричит во время игры. Как будто играют глухонемые. Так что мне пришлось бы обмениваться репликами с командой с расстояния двухсот метров от центра поля, выслушивая вдобавок критические судейские замечания. Мне было плохо видно площадку, но все лее я делал свое дело лучше них, и они это тоже знали. Смех, да и только. Люди проходят мимо и говорят: «Эй, да это американец там».

Однажды после очередного проигрыша на своей площадке, кажется, со счетом 28:12 все пошли обедать, и один только Грегор остался, глядя куда-то вдаль.

— Ты собираешься идти? — спросил я его, показывая на других, но он покачал головой.

Грегор должен был идти домой и работать. Я и сам собирался вернуться на работу, поэтому пошел вместе с ним в город, такой же длинный и узкий, как одно местечко у нас в Техасе. Я остановился перед его кооперативным жилищем. Это был большой дом со множеством маленьких квартирок. Я никогда не мог отличить на Марсе одно такое здание от другого. Грегор застыл, как фонарный столб, и я уже собирался уйти, когда вышла пожилая женщина и пригласила меня внутрь. Грегор говорил ей обо мне, сказала она на ломаном английском. Меня представили людям, сидевшим в кухне, в большинстве своем они оказались невероятно высокими. Грегора, судя по всему, ужасно смущало мое присутствие, поэтому я постарался как можно скорее уйти. Мужчина и женщина, похоже, были дед и бабка Грегора. Молоденькая девушка, примерно того же возраста, что и Грегор, окинула нас ястребиным взглядом. Грегор даже не посмотрел на нее.

На следующей тренировке я спросил:

— Грегор, это были твои дедушка и бабушка?

— Вроде как.

— А эта девушка, кто она такая?

Ответа не последовало.

— Кузина или что-то в этом роде?

— Да.

— Грегор, а твои родители — где они?

Он только пожал плечами и начал подавать мне мячи.

У меня создалось впечатление, что они живут где-то в другой части этого дома, но наверняка я этого никогда так и не узнал. Многое из того, что я видел на Марсе, мне нравилось, — например, то, как они сообща управляются со своими делами, в такой тесноте, но живут при этом спокойнее, чем мы, земляне. Что касается их родственных связей — дети воспитывались группами сородичей или одним из родителей, или еще как-нибудь — в этом я не очень-то разбираюсь. Но если вы меня спросите, я отвечу, что при таком воспитании возникают проблемы. Компания подростков готова избить кого угодно. Им не важно, чем вы занимаетесь.

Как бы то ни было, сезон близился к концу, а по окончании его я собирался вернуться на Землю. Рекордным для нашей команды стал счет 3:15, и по результатам сезона мы заняли последнее место. Но во время уик-энда они устроили турнир для всех команд Равнины Аргир, состоявший из серии трехиннинговых игр, поскольку нашлось много желающих принять в них участие. Мы с ходу продули первую игру и шли в хвосте. Потом и следующую сдали, и все, главным образом, из-за пробежек. Вернер на какое-то время снял с игры Томаса, но потом, когда это не помогло, Томас вернулся на горку. Я побежал к ним туда от самого центра и сказал Вернеру:

— Посмотри на своих парней. Позволь вбрасывать Грегору.

— Грегору! — воскликнули они хором. — Ни за что!

— Он будет еще хуже нас, — возразил Вернер.

— Куда еще хуже? Вы, парни, только что завалили одиннадцать подач. Ночь наступит, прежде чем до Грегора дойдет очередь.

Они вынуждены были согласиться. Как вы можете догадаться, оба они были обескуражены. Так что я подбежал к Грегору и сказал:

— Ну-ка, теперь ты попробуй.

— Ой, нет, нет, нет, нет, нет, нет, нет.

Он был решительно против. Потом бросил взгляд на трибуны, откуда за нами наблюдало сотни две зрителей, в основном друзья, родственники да несколько любопытных прохожих. И тогда я увидел, что его «вроде как дедушка с бабушкой» и «кузина или что-то в этом роде» тоже сидят там. Грегор мрачнел с каждой

минутой и становился похожим на висельника.

— Давай, Грегор, — сказал я, вкладывая мяч в его перчатку. — Я сам стану ловить. Все будет, как на разминке. Просто швыряй свои крученые мячи. — И я потащил его к горке.

Итак, Вернер разминал его, а я тем временем переходил на кэтчерскую[17] позицию, а по пути, натягивая экипировку, передвинул поближе коробку с мячами в синюю крапинку — из судейского запаса.

Я видел, что Грегор волнуется, как и я сам. Я никогда прежде не играл кэтчером, как и он — питчером, а все базы были заняты, и никто не стоял за их пределами. Это была необычная бейсбольная ситуация.

Наконец я экипировался и подбежал к Грегору.

— Не старайся бросать слишком сильно, — сказал я. — Просто посылай крученый мяч прямо в мою перчатку. Не обращай внимания на бьющего. Я буду подавать тебе знак перед каждым броском: два пальца — крученый удар, один — быстрый.

— Быстрый? — переспросил он.

— Ну это когда ты сильно бросаешь. Не беспокойся об этом. Все равно мы будем заколачивать крученые.

— А еще говорил, что не собираешься быть тренером, — с горечью сказал он.

— Так я и не тренирую, я кэтчую.

С тем я и вернулся и занял позицию в дальней части кэтчерской зоны.

— Следи за крученными мячами, — сказал я судье.

— Крученными? — удивился он.

Итак, мы начали. Грегор стоял на горке, сгорбленный, как большой жук-богомол, мрачный, раскрасневшийся. Первый мяч просвистел к ограничительной стенке поверх наших голов. Объявили счет, а я подобрал мяч и, обогнав раннера, перебегавшего с первой на вторую базу, подлетел к Грегору.

— Все нормально, — сказал я, — базы очищены, а мы получили аут. Давай-ка просто брось теперь. Прямо в перчатку. Точно так же, только пониже.

Он так и сделал. Грегор направил мяч прямо на бьющего, тот отпрыгнул, и мяч врезался мне в перчатку. Судья онемел. Я развернулся и показал ему, что мяч у меня в руке.

— Это был страйк[18], — сказал я ему.

— Страйк! — заорал судья и ухмыльнулся мне: — Он ведь загнулся, верно?

Черт подери, так оно и было.

— Эй, — выговорил опешивший от неожиданности бьющий. — Что это было?

— Мы вам снова покажем, — ответил я.

И после этого Грегор пошел загибать удар за ударом. Я показывал ему два пальца, и он посылал крученые мячи. Это вовсе не означало, что все они становились страйками, но их оказалось достаточно, чтобы бьющие не слишком часто делали перебежки. Все мячи были в синюю крапинку. Судья начал выкидывать их из той самой коробки.

А в промежутке между двумя бьющими я оглянулся и увидел, что зрители и все команды, не игравшие в тот момент, столпились у задней стенки, чтобы следить за подачами Грегора. До сих пор никто никогда не видел на Марсе крученых мячей, и теперь люди давились там, позади, раскрывая от изумления рты и захлебываясь от хвалебных возгласов при каждом броске. Бьющий отскакивал или слегка отшатывался и с широкой ухмылкой оглядывался на толпу, как бы говоря: «Ну что, видели? Это был крученый!»

Так что мы сумели отыграться. Грегор так и оставался питчером, поэтому и три следующие игры мы тоже выиграли. В третьей он забросил ровно двадцать семь мячей и вывел в аут всех девятерых бьющих, каждого с тремя штрафными очками. Однажды, когда мы играли в школе, Вальтер Феллер вышиб всех двадцать семь бьющих; теперь и Грегор сделал то же самое.

Толпе это нравилось. Лицо у Грегора уже не было таким красным, и он почти выпрямившись стоял на своей позиции. Он все еще отказывался смотреть куда бы то ни было, кроме как на мою перчатку, однако взгляд его, прежде полный мрачного ужаса, теперь стал невероятно сосредоточенным. Может, Грегор и был тощий, но зато какой высокий! Там, на горке, он выглядел чертовски внушительно.

И вот мы снова взгромоздились на победный пьедестал, теперь нам предстоял полуфинал. В перерывах между играми люди толпами тянулись к Грегору с просьбой расписаться на бейсбольных мячах. Удивленное выражение почти не сходило с его лица, но в какой-то момент я заметил, что он мельком улыбнулся, бросив взгляд на свое семейство и помахав им.

— И как только у тебя рука выдерживает? — спросил я его.

— Что ты имеешь в виду? — уточнил Грегор.

— Ничего, все нормально, — ответил я. — Теперь послушай. Я хочу в этой игре снова встать аутфилдером. Ты сможешь подавать Вернеру? Видишь ли, в команде, с которой мы будем играть, есть два американца, Эрни и Сезар, а они, как я подозреваю, умеют закручивать удары. Просто у меня такое предчувствие.

Грегор кивнул, и я понял, что ему все равно, — лишь бы была

перчатка, в которую можно бросать. Так что я согласовал это с Вернером и в полуфинале снова встал правым центровым. К тому времени мы уже играли при зажженном свете. Под пурпурным сумеречным небом поле расстилалось во все стороны, словно большое бархатное покрывало. Из центра внешнего поля фигуры игроков казались крошечными.

И, похоже, предчувствие меня не обмануло, потому что я перехватил у Эрни сильный прямой мяч, а затем сделал еще одну пробежку через середину, как мне показалось, за тридцать секунд, прежде чем достал отбитый Сезаром мяч под рукой у высоченного техасского легионера. Даже Грегор между иннингами подбежал и поздравил меня. И вы знаете, давно известно, что хорошая игра в поле ведет к хорошему выходу на биту. Уже в предыдущих играх я бил прилично, но теперь, в этом полуфинале, я ударил высокий, с силой пущенный мяч так жестко, что, казалось, я вообще его не касался, а он летел себе и летел. Этот хоум-ран прошел над центром изгороди и исчез где-то в сумерках. Я потерял его из виду еще до того, как он упал.

Потом в финале я проделал это снова в первом иннинге, спиной к спине с Томасом, — его мяч ушел влево, а мой — опять по центру. Это получилось у меня два раза подряд, и мы выигрывали, а Грегор только успевал загибать мячи. Так что, когда начался второй иннинг, я чувствовал себя на высоте, и люди кричали, требуя очередной хоум-ран. У питчера команды противника был поистине непреклонный вид. Этот здоровенный парень одного с Грегором роста, но с мощной, как у многих марсиан, грудью возвышался позади меня и первым же своим мячом запустил мне в голову. Не нарочно, просто он не владел собой. После этого я едва отбил несколько подач за боковую линию, с запозданием отшатываясь, с трудом увертываясь от его неистовых ударов до самого страйк-аута и апатично думая про себя: «Какого черта, страйк-аут — ну и пусть, выбил парочку за изгородь, и то ладно».

Потом я услыхал, как Грегор орет:

— Давай, тренер, ты можешь это сделать! Держись! Соберись!

Догадываюсь, что вся наша команда со смеху покатывалась над тем, как он, надо сказать, довольно сносно подражал мне. Думаю, я раньше выдавал им подобные словечки, хотя, конечно же, это была всякая чушь, которую вечно автоматически выкрикиваешь во время игры и которая ровным счетом ничего не значит. Я даже не знал, что люди меня слышали. Но сам-то я теперь ясно слышал, как Грегор подбадривает меня. Я сделал шаг назад и подумал: «Послушайте, да мне вовсе не нравится быть тренером, я отыграл десять игр на шортстопе и не пытался вас,

ребята, тренировать». Я чувствовал такое раздражение, что едва соображал, когда увидел летящий на меня мяч, однако все-таки отбил его прямехонько за пределы изгороди, даже выше и дальше, чем первые два. А ведь это была сильная подача, точно в зону страйка[19], выше колен. Эрни мне потом сказал: «Ты сделал этого парня». Мои товарищи по команде били в маленький судовой колокол во время моих перебежек по базам, а на пути от третьей базы до «дома» я обменялся со всеми ребятами хлопками и чувствовал, что не могу сдержать довольной ухмылки. А потом я сидел на скамье и все еще чувствовал на ладонях их удары. А перед глазами у меня проплывал улетающий вдаль мяч.

Итак, в финальном иннинге мы вели со счетом 4:0. Команда противника была полна решимости отыграться. Грегор наконец начал уставать, он сделал пару перебежек, потом навесил крученый, а их громила перехватил мяч и швырнул его намного выше моей головы. Теперь-то я нормально контролирую прямые удары, но в ту минуту совершенно растерялся, увидев летящий выше меня мяч, поэтому я повернулся к нему спиной и помчался к изгороди, пытаясь на бегу вычислить, уйдет ли он за пределы поля, или я подберу его у ограждения, но потом потерял его из виду. Видите ли, бег на Марсе — очень странная штука. Ты разгоняешься, а потом тебя несет вперед, как на велосипеде с проколотыми шинами, — того и гляди, врежешься лицом в землю. Так я и летел, стараясь удержаться на ногах, когда, почти добежав до изгороди, оглянулся и увидел падающий мяч. Я подпрыгнул, пытаясь оттолкнуться точно вверх, но, понимаете, сила инерции была слишком велика, а я совсем забыл о гравитации, поэтому меня подбросило, и я, к своему удивлению, схватил мяч, но тут же обнаружил, что лечу прямо над изгородью.

Я упал и покатился, взметая в воздух пыль с песком, зато мяч прочно застрял в моей перчатке. Перепрыгнув обратно через ограждение на поле, я поднял мяч над головой, чтобы всем было видно, что он у меня. Но судьи все равно отдали хоум-ран другому питчеру по той простой причине, что ты должен оставаться в квадрате, когда принимаешь мяч, такое уж у них правило. Мне было все равно. И что ни говорите, а вся соль игры в таких вот именно штучках. А то, что тот питчер тоже заработал очко, было справедливо.

Мы снова поднялись на пьедестал, и Грегор запустил мячом в сторону. Мы выиграли турнир. Нас окружила толпа. Особый успех выпал на долю Грегора. Он оказался настоящим героем дня. Всем хотелось, чтобы он написал им что-нибудь на память. Он был все так же немногословен, но теперь уже не сутулился. На лице его застыло удивленное выражение. Потом Вернер взял два мяча, и

все расписались на них, чтобы сделать нам с Грегором своеобразные подарки. Позже я разглядел, что половина имен на моем трофее были шутливыми. «Микки Мантл»[20], и остальные в том же духе. А Грегор написал: «Салют тренеру Артуру, с уважением, Грегор». Этот мяч до сих пор лежит у меня на письменном столе.

Стивен Бакстер
На Линии Ориона

Британский писатель Стивен Бакстер (р. в 1957 г.) вошел в литературу в 1980–1990-е гг. как один из представителей нового поколения фантастов, с которыми знакомил публику журнал «Interzone». Перу Бакстера принадлежит множество романов и рассказов в жанре твердой фантастики. Среди ранних произведений можно назвать «Плот» («Raft», 1989), «По ту сторону времени» («Timelike Infinity», 1992), «Поток» («Flux», 1993), «Кора» («Rind», 1994). Прославился Бакстер очень быстро — как говорится, проснулся знаменитым. Когда его спросили, чем он объясняет внезапный расцвет жанра, писатель, в частности, выдвинул предположение, что причиной тому — разочарование людей в ходе освоения космоса. По его мнению, фантасты рассказывают о том, как все могло бы быть, и сглаживают это разочарование.

В 1995–1996-м гг. Бакстер получил международную известность, поскольку его книги начали публиковаться за пределами Великобритании. В США были переизданы ранние работы, а роман «Корабли времени» («The Time Ships», 1995) оказался в числе претендентов на премию «Хьюго». Он является продолжением классической «Машины времени» Герберта Уэллса и был издан к столетию со дня ее выхода. С середины 1990-х Бакстер писал примерно по 10 рассказов в год и печатался в лучших журналах. В начале 1997 г. в США и Великобритании вышел его новый роман «Путешествие» («Voyage»). На сегодняшний день Бакстер — одна из крупнейших фигур в твердой научной фантастике, лауреат премий Филипа К. Дика, Джона У. Кэмпбелла, премии Британской Ассоциации Научных Фантастов и др. «Энциклопедия научной фантастики» высоко оценила его вклад в литературу. Только в 2000 г. Бакстер опубликовал четыре романа: «Длинный бивень» («Longtusk») (продолжение «Мамонта» («Mammoth»)), «Пыль реальности» («Reality Dust»), «Бесконечность времени» («Manifold: Time») и «Свет иных дней» («The Light of Other Days»), написанный в соавторстве с Артуром Кларком. В том же году он вторично получил

премию Филипа К. Дика, на этот раз за сборник «Вакуумные диаграммы» («Vacuum Diagrams»). В 2001-м Бакстер выпустил пять новых книг, в том числе документальное произведение «Далекое будущее» («Deep Future») — гипотезы о вариантах развития будущего — и новый сборник рассказов. Среди знаменитых романов Бакстера следует также особо отметить «Титан» («Titan», 1997) и «Лунное семя» («Moonseed», 1998).

Рассказ «На Линии Ориона» посвящен традиционной для космической оперы теме краткости человеческой жизни на фоне многолетней галактической войны. Особенно интересно то, что написан он с точки зрения недалекого подростка — не вполне традиционный для твердой фантастики ход, хотя, с другой стороны, это позволило автору на законных основа-ниш включить в текст множество разъяснений. В то же время невежество персонажа своеобразно оттеняет затронутые в рассказе вопросы морали и этики.

«Живущий кратко горит ярко» оторвался от эскадры. Мы гнались за кораблем призраков, и мы его настигали.

Жилой купол «Ярко» был прозрачный, так что капитан Тейд в своем большом кресле, ее офицеры и их аппаратура, а также несколько низших чинов вроде меня словно плавали в пространстве. Слабо светилось скопление горячих молодых звезд, яркой полоской горели огни оставшейся позади эскадры, а вдали сияли ослепительные новые звезды. Там, в шести тысячах световых лет от Земли, проходила Линия Ориона — цепочка из тысячи огней, протянувшаяся по внутреннему краю спирального рукава Ориона, — и вспышки звезд отмечали места, где много лет назад проходили сражения.

А совсем рядом скользил сквозь пространство, спеша к дому, корабль призраков. Больше всего он походил на кокон, смотанный из серебристых бечевок. На бечевках висели сотни призраков. Видно было, как они перебираются с места на место, будто не замечая пустоты вокруг.

Призраки держали курс к маленькой желтой звезде. Наш ручной академик, Паэль, по каким-то отклонениям в спектре опознал в ней звезду-крепость. Но чтобы узнать крепость вблизи, не надо быть академиком. С борта «Ярко» я и невооруженным глазом видел окружающую ее бледно-голубую клетку — свободную решетку с ячеями в полмиллиона километров, выстроенную призраками для каких-то своих целей.

У меня хватало времени поглазеть. Я ведь просто рядовой.

Возраст — пятнадцать лет.

Определенных обязанностей на тот момент у меня не было. Полагалось быть под рукой и на подхвате, если кому понадобится помощь — скорее всего, первая медицинская помощь, если мы ввяжемся в бой. Сейчас из всей компании рядовых при деле была лишь Хэлл. Она гонялась за лужицей, которую натошнил наш академик Паэль, единственный штатский на мостике.

Обстановка на «Ярко» ничем не напоминала то, что приходится видеть в фильмах по виртуалке. Все тихо и спокойно, всякий знает свое дело. Слышались только негромкие голоса команды и урчание аппаратуры да шипение рециркулируемого воздуха. Ничего драматического — скорее это походило на операционную.

Раздался тихий предупредительный гудок.

Капитан подняла руку, подзывая академика Паэля, старшего помощника Тилла и Джеру — приписанного к кораблю комиссара. В их узком кругу шло обсуждение — и вроде бы спор. Я смотрел, как мерцающий свет новой играет на бритой макушке Джеру.

Сердце у меня забилось чаще.

Все знали, что означает этот гудок: мы приближались к крепостному кордону. Надо или отказываться от преследования, или гнаться за призраками дальше, внутрь их невидимой крепости. А все знали, что ни один корабль флота, проникший за крепостной кордон в десяти световых минутах от центральной звезды, обратно еще не вернулся.

Так или иначе все должно было решиться очень скоро.

Капитан Тейд резко прекратила дебаты. Она подалась вперед и обратилась к экипажу. Голос, разносившийся по кораблю, звучал дружелюбно и бодро, как шепоток вербовщика.

— Все вы видите, что нам не поймать этот рой призраков по нашу сторону кордона. И всем известно, чем мы рискуем, проходя за кордон. Но чтобы прорвать блокаду, нам рано или поздно придется научиться взламывать их крепости. Так что мы идем дальше. Займите свои места.

Ее речь не вызвала бурного ликования.

Я поймал взгляд Хэлл. Она ухмылялась. Кивнула на капитана, сжала кулак и изобразила, будто что-то накачивает. Я разделял ее чувства, но с анатомической точки зрения она допустила неточность, так что я поднял средний палец и подергал им взад-вперед.

За что немедленно схлопотал подзатыльник от комиссара Джеру.

— Безмозглые сопляки, — буркнула она.

— Простите, сэр…

За извинения я получил еще одну затрещину. Джеру — высокая плотная женщина — носила бесформенную монашескую одежду, введенную, говорят, еще тысячу лет назад основателями Комиссии Исторической Истины. Но, по слухам, до вступления в Комиссию Джеру накопила немалый боевой опыт, и я этому охотно верил, судя по ее силе и скорости реакции.

Мы приближались к кордону, и академик Паэль угрюмо начал обратный отсчет. Геометрические линии корабля призраков и обернутой в блестящую мишуру звезды-крепости понемногу заполняли все небо.

Все замолчали.

Самое поганое время — пока не дошло до дела. Пусть даже вам видно и слышно, что происходит, но делать-то нечего, вот и остается только думать. Что с нами станет, когда мы пересечем этот неосязаемый барьер? Может, мгновенно окажемся в окружении целой эскадры призрачных кораблей? Или какое-нибудь таинственное оружие просто сотрет нас с лица космоса?

Я поймал взгляд старшего помощника Тилла. Этот был ветераном, двадцать лет службы. Волосы у него начисто обгорели в какой-то давней схватке, когда меня еще и на свете не было, и он носил шрамы на голове как корону.

— За дело, юнга, — пробурчал он.

И страх пропал. Меня переполняло чувство товарищества. Пусть в дерьме, но мы вместе. Я больше не думал, о смерти. Только бы скорей началось.

— Да, сэр!

Паэль закончил отсчет.

И свет погас. Закружились колесом звезды.

И корабль разлетелся на куски.

Меня сбросило в темноту. Завывал ветер. Рядом со мной захлопнулась аварийная переборка, и я услышал чьи-то крики.

Меня швырнуло в стену корпуса, прижало носом к звездам. Я отлетел назад и поплыл. Значит, инерционное тяготение отсутствует. Вроде бы я чувствовал запах крови, — может, своей собственной.

Я все еще видел корабль призраков: переплетение веревок и серебристых пузырей, освещенное прожектором звезды-крепости. И мы все еще нагоняли его. Но я видел и осколки жилого купола и изуродованного корпуса. Это были осколки нашего «Ярко». Он погиб, погиб за долю секунды.

— За дело, — пробормотал я.

Я, кажется, ненадолго отключился.

Кто-то ухватил меня за ногу и стянул вниз. Потом меня умело похлопали по щекам, приводя в чувство.

— Кейс, ты меня слышишь?

Это был старпом Тилл. Даже в неверном свете звезд его изуродованный скальп ни с чем не спутаешь.

Я огляделся. Нас осталось четверо: Тилл, комиссар Джеру, академик Паэль и я. Мы сгрудились вокруг обрубка пульта, — кажется, это был пульт старпома. Я заметил, что вой ветра стих. Носовой отсек снова загерметизирован, значит…

— Кейс!

— Я… да, сэр.

— Докладывай.

Я тронул губу — на руке осталась кровь. В таких случаях ты обязан честно докладывать о своем состоянии, перечисляя все повреждения. Никому не нужны герои, которые потом окажутся недееспособными.

— Кажется, я в порядке. Может, контузия.

— Не так плохо. Привяжись.

Тилл сунул мне конец троса.

Я увидел, что остальные уже привязались к распоркам, и последовал их примеру.

Тилл с непринужденностью, которую дает только опыт, плавал в воздухе. Я догадался, что он ищет других выживших. Академик Паэль пытался свернуться клубком. Этот даже говорить не мог. У него из глаз капали слезы. Я уставился на крупные прозрачные шарики, которые поблескивали в воздухе, разлетаясь от его лица.

Все кончилось за какие-то секунды. Надо думать, слишком уж внезапно для земного червя.

Под одной из аварийных переборок я увидел пару ног — и ничего больше. Обрубленное тело, наверно, уплывало вместе с остальными обломками «Ярко». Но я опознал ноги по щегольской розовой полоске на одной подошве. Это была Хэлл. «Единственная девушка, которую я успел трахнуть, — подумал я, — и при таких обстоятельствах другие мне, пожалуй, не светят».

Я никак не мог разобраться, что я по этому поводу чувствую.

Джеру наблюдала за мной.

— Юнга, ты думаешь, нам всем следует трястись, как этот академик? — В ее выговоре чувствовался резкий незнакомый мне акцент.

— Нет, сэр.

— Нет. — Джеру с презрением разглядывала академика. —

Мы в шлюпке, академик. С «Ярко» что-то случилось. Купол при аварии распадается на шлюпки, такие же, как наша, — Она потянула носом, — Воздух у нас есть, и пока чистый. — Она подмигнула мне. — Может, мы, пока еще не умерли, сумеем нанести небольшой ущерб этим призракам. Как Ты считаешь, юнга?

Я ухмыльнулся:

— Да, сэр.

Паэль поднял голову и уставился на меня слезящимися глазами.

— Реки Аида! Ваши люди — чудовища, даже такой ребенок. — Он говорил с легким мелодичным акцентом. — Вы влюблены в смерть…

Джеру сгребла подбородок Паэля в тяжелую ладонь и стискивала, пока бедняга не запищал.

— Капитан Тейд схватила вас, академик, и отбросила сюда, в шлюпку, прежде чем рухнула переборка. Я это видела. Если бы она не потратила время на вас, могла бы спастись сама. Она была чудовищем? Была влюблена в смерть? — Она отпихнула от себя лицо Паэля.

До этой минуты я почему-то не задумывался об остальной команде. Наверно, у меня скудное воображение. Сейчас меня так и повело. Капитан… погибла?

Я заговорил:

— Простите, комиссар, сколько еще шлюпок выбралось?

— Ни одной, — произнесла она ровным голосом, избавляя меня от иллюзий. — Только эта. Они погибли, исполняя свой долг, юнга. Как и капитан.

Конечно, она была права, и мне немного полегчало. Паэль, каким бы он ни был, слишком дорого стоит, чтобы его бросить. Я-то выжил по чистой случайности: окажись капитан рядом, ее долгом было бы отшвырнуть меня с дороги и занять мое место. Тут вопрос не ценности человеческой жизни, а экономики: знания и опыт капитана Тейд — и Паэля — стоили гораздо дороже, чем я.

Хотя сейчас Паэль соображал еще хуже меня.

Старший помощник Тилл вернулся, нагруженный снаряжением.

— Одевайтесь-ка. — Он раздал герметичные костюмы.

Мы в учебке называли такие костюмы «слизняками»: легкая кожа-оболочка на подкладке из генномодифицированных водорослей.

— Шевелитесь, — поторопил Тилл. — Столкновение с призраками через четыре минуты. Источников энергии у нас

больше нет: нам остается только покрепче держаться.

Я впихнул ноги в костюм.

Джеру сбросила свой монашеский балахон, обнажив покрытое шрамами тело. Но не спешила переодеться, а спросила, нахмурясь:

— Почему не бронированный скафандр?

Вместо ответа Тилл вытащил из сброшенного снаряжения гравитационный пистолет, быстрым движением приставил его к голове Паэля и нажал спуск.

Паэль дернулся.

Тилл сказал:

— Видите? Ничего не работает. Кроме биосистем, как видно.

Он отбросил пистолет.

Паэль закрыл глаза и с трудом перевел дыхание.

Тилл обратился ко мне:

— Проверь связь.

Я надвинул капюшон и маску и отчетливо продекламировал:

— Один, два, три… — И ничего не услышал.

Тилл принялся возиться с нашими ранцами, перенастраивая системы. На его капюшоне проступили сменяющиеся бледно-голубые символы. Потом прорезался голос:

— …пять, шесть, семь… Слышишь меня, юнга?

— Да, сэр.

Символы были биолюминесцентными. В наших скафандрах имелись приемники — фоторецепторы, попросту глаза, — способные «читать» сообщения, светящиеся на оболочке скафандров товарищей. Эта аварийная система предназначалась для использования в условиях, когда нежелательно применение высоких технологий. Но, само собой, она действовала только до тех пор, пока мы могли видеть друг друга.

— Это сильно осложнит жизнь, — заметила Джеру.

Как ни странно, передатчик смягчал акцент, и понимать ее стало легче.

Тилл пожал плечами:

— Принимай жизнь, как она есть.

Он торопливо раздавал наборы снаряжения.

— Вот основной полевой набор. Здесь аптечка: нить для наложения швов, скальпели, системы переливания крови. Эти шприцы носите на шее, академик. В них обезболивающее, трансгенные медвирусы… Нет, поверх скафандра, Паэль, иначе вы не сможете ими пользоваться. Входные клапаны у вас вот здесь, на рукаве, и здесь, на бедре. — Очередь дошла до оружия. — Пистолеты возьмем на случай, если они заработают, но рассчитывайте лучше на это.

Он раздал боевые ножи.

Паэль отшатнулся.

— Возьмите нож, академик. На худой конец, сбреете свою ужасную бороду.

Я рассмеялся, и в награду Тилл мне подмигнул.

Я взял нож — тяжелый стальной брусок, прочный и внушающий уверенность. Мне сразу стало спокойнее.

— Две минуты до столкновения, — напомнила Джеру.

Мой хронометр не работал: должно быть, она отсчитывала секунды.

— Закрывайтесь.

Тилл проверил скафандр Паэля на герметичность. Мы с Джеру помогали друг другу. Маска герметична, перчатки герметичны, проверка давления… Запас воды, подача кислорода, фильтры двуокиси углерода…

Проверив скафандр, я рискнул высунуть голову над креслом Тилла.

Корабль призраков заполнил все пространство. Он имел несколько километров в поперечнике: наш бедный обреченный «Живущий кратко горит ярко» рядом с ним выглядел карликом. Невероятной сложности переплетение серебристых веревок, затмевающее звезды и огни флотов. В перекрестиях веревок висели массивные гондолы управления.

И повсюду капельками ртути скользили серебристые призраки. Я видел в их гладких оболочках отражения аварийных огней шлюпки — как брызги крови, нарушающие их совершенство.

— Десять секунд, — напомнил Тилл. — Держитесь.

Внезапно серебристые канаты, толстые, как стволы деревьев, окружили нас со всех сторон и загородили небо.

И нас снова швырнуло в хаос.

Я услышал скрежет сминаемого металла, визг воздушной струи. Корпус лопнул, как яичная скорлупа. Остатки нашего воздуха разлетелись ледяным туманом, и теперь я слышал только собственное дыхание.

Корпус, разрушаясь, отчасти погасил нашу инерцию.

Но потом основание шлюпки во что-то врезалось, и врезалось крепко.

Спинку кресла вырвало у меня из рук. Я взлетел вверх и ощутил резкую боль в левом предплечье. У меня невольно вырвался крик.

Страховочный тросик натянулся. По руке опять волной прокатилась боль. Сверху я видел остальных, окруживших

обломки кресла старпома.

Я задрал голову. Мы, как стрела, воткнулись в наружные слои корабля призраков. Повсюду виднелись дуги светящихся нитей, словно нас подхватила громадная сеть.

Джеру поймала меня и стянула вниз. Она задела больную руку, так что я поморщился. Но комиссар на меня не смотрела, она снова занялась Тиллом. Тот лежал под упавшим креслом.

Паэль доставал из чехла на шее шприц с обезболивающим.

Джеру отбросила его руку.

— Только аптечку пострадавшего, — прошипела она. — Ни в коем случае не свою.

— Почему? — обиженно спросил Паэль.

На этот вопрос мог ответить я.

— Потому что ваша, возможно, через минуту понадобится вам самому.

Джеру воткнула шприц в руку Тилла.

Паэль сквозь маску таращился на меня круглыми испуганными глазами.

— У тебя рука сломана.

Я впервые как следует рассмотрел свою руку и увидел, что она неестественно выгнута назад. Мне как-то не верилось, даже несмотря на боль. Я за все время в учебке и пальца ни разу не сломал.

Между тем Тилл дернулся, словно от легкой судороги, и изо рта у него выплыл большой пузырь слюны с кровью. Потом пузырь лопнул, и тело старпома обмякло.

Джеру, тяжело дыша, распрямилась.

— Ну что ж, ну что ж… Как там он сказал: «Принимай жизнь, как она есть»? — Она оглянулась на меня и Паэля. Я заметил, что она дрожит, и испугался. Комиссар продолжала: — Давайте двигаться. Нам надо найти ПУ. Пункт укрытия, академик. Логово, где можно отсидеться.

— А старпом?.. — начал я.

— Мертв. — Джеру посмотрела на Паэля. — Теперь нас только трое. Поневоле придется общаться, Паэль.

Он уставился на нее пустыми глазами.

Джеру перевела взгляд на меня, и ее лицо на мгновение смягчилось.

— Шея сломана. У Тилла сломана шея, юнга.

Вот так, еще одна смерть. На мгновение мне показалось, что я не выдержу.

Джеру резко отдала приказ:

— Приступай к исполнению обязанностей, юнга. Помоги червяку.

Я рявкнул, как положено:

— Есть, сэр! — И потянул Паэля за вялую руку.

Джеру двинулась первой, и мы последовали за ней в неизведанные глубины корабля призраков, оставив позади разбитую шлюпку.

Мы нашли себе ПУ.

Это было просто свободное пространство в густом сплетении серебристых канатов, но оно давало укрытие, а места скопления призраков располагались поодаль. Мы по-прежнему находились в открытом космосе — на всем их корабле, кажется, был вакуум, — и я понял, что от костюма мне еще долго не избавиться.

Выбрав ПУ, Джеру сразу заставила нас занять позиции для круговой обороны. А потом мы целых десять минут ничего, совершенно ничего не делали.

Этого требовала СОП, Стандартная Оперативная Процедура, и она произвела на меня впечатление. После хаоса, крушения «Ярко», крушения шлюпки, после бешеной активности — просто дать телу время приспособиться к новым условиям, звукам и запахам.

Только вот чуять здесь было нечего, кроме собственного пота и мочи, и слышать нечего, кроме своего же хриплого дыхания. И рука чертовски болела.

Чтобы чем-то занять мысли, я сосредоточился на ночном зрении. Глаза привыкают к темноте не слишком быстро — полностью приспосабливаются через сорок пять минут, — но уже через пять минут кое-что можно разглядеть. Сквозь щели между металлическими канатами мне видны были звезды, вспышки далекой новой звезды и ободряющие огни нашего флота. Но сам корабль призраков — темное место, смешение теней и расплывчатых отблесков. Высмотреть нас здесь будет нелегко.

Когда десять минут истекли, академик Паэль что-то проблеял, но Джеру, не слушая его, сразу повернулась ко мне. Она ухватила мою сломанную руку и стала прощупывать кость.

— Так, — резко сказала она, — как там тебя зовут?

— Кейс, сэр.

— Как тебе новый кубрик?

— А где здесь кормят?

Джеру усмехнулась:

— Отключи-ка связь.

Я исполнил приказ.

Она без предупреждения сильно дернула меня за руку. Я порадовался, что ей не слышно моего вопля.

Джеру сняла с пояса контейнер и залила место перелома.

Раствор обладал зачатками сознания и сам выбирал, где схватиться, образовав корку. Когда кость заживет, он сам и отвалится.

Она жестом приказала мне снова включить передатчик и взялась за шприц.

— Я обойдусь!

— Не храбрись, юнга. Это средство поможет кости срастаться.

— Сэр, ходят слухи, что от этого дела бывает импотенция. — Я еще не договорил, а уже почувствовал себя дураком.

Джеру громко рассмеялась и взяла меня за плечо.

— Все равно это шприц старпома, а ему он уже ни к чему, верно?

Возразить было нечего, и я позволил ей сделать укол. Боль сразу утихла.

Джеру достала из пояса маячок — оранжевый цилиндр с палец длиной.

— Попробую дать сигнал флоту. Надо будет выбраться из этой плетенки: даже если маяк работает, здесь он экранирован. — Паэль открыл было рог, но она ему и слова сказать не дала. Я чувствовал, что оказался замешан в затяжной конфликт этой пары. — Кейс, остаешься за мужчину. И покажи этому червю, что у него в поясе. Я вернусь тем же путем, каким ухожу. Все ясно?

— Да.

Это опять была СОП.

Джеру проскользнула между серебристыми канатами.

Я забился в самую гущу и начал перебирать содержимое поясов, которые добыл нам Тилл. Там оказались вода, соль для регидрации и пищевые концентраты — все в такой форме, чтобы, не нарушая герметизацию, подавать через патрубки в капюшонах. У нас имелись силовые установки с мой ноготь величиной, но они сдохли вместе с остальной техникой. Еще было много примитивных приборов, которые должны помочь нам выжить в самых разных условиях: магнитный компас, гелиограф, крошечная пилка, увеличительное стекло, скальные крючья, моток веревки и даже рыболовная леска.

Мне пришлось показать Паэлю, как работает туалетная установка костюма. Фокус тут в том, чтобы пустить дело на самотек: костюм-«слизняк» перерабатывает большую часть того, что из тебя вытекло, а остальное спрессовывает. Не скажу, чтобы это было удобно. Мне еще не попадался костюм, который хорошо поглощал бы запахи. Бьюсь об заклад, конструкторы никогда не проводили в своих изобретениях больше часа.

Я чувствовал себя нормально.

Катастрофа, смерть, выбивающая одного за другим, — все это

оставалось в глубине сознания. Я не собирался давать чувствам волю, во всяком случае, пока я не оставался без дела и мог на нем сосредоточиться. Вот когда шоу заканчивается, тогда можешь все выплеснуть.

Должно быть, Паэля этому не научили.

Это был тощий угловатый человечек, глаза его провалились в почерневшие глазницы, а нелепая рыжая борода скомкалась под маской. Сейчас, когда самое страшное, казалось, миновало, сила словно вытекла из него, и двигался он как в полусне. Я чуть не рассмеялся, глядя, как он перебирает бесполезное содержимое пояса.

Немного погодя Паэль заговорил:

— Кейс, не так ли?

— Да, сэр.

— Ты с Земли, мальчуган?

— Нет. Я…

Он меня не слушал.

— Академия базируется на Земле. Тебе это известно, мальчуган? Но они иногда принимают и людей из внешних миров.

Похоже, он всю жизнь чувствовал себя отверженным чужаком. Но мне до него дела не было. И какой я ему мальчуган! Я осторожно спросил:

— А вы откуда, сэр?

Он вздохнул:

— С Пятьдесят первой Пегаса b.

Никогда о таком не слышал.

— И как там? Это близко к Земле?

— Разве Земля непременно должна быть точкой отсчета?.. Не очень далеко. Мой мир — одна из первых экстрасолнечных планет, открытых землянами. То есть главная планета. Она относится к типу «горячий юпитер». Я вырос на ее спутнике.

Я знал, что значит «горячий юпитер»: планета-гигант, расположенная вблизи своей звезды.

Он поднял на меня взгляд:

— Оттуда, где ты жил, видно было небо?

— Нет…

— А от нас видно, и все — полное парусов. Видишь ли, в такой близости к звезде солнечные паруса отлично работают. Я часто смотрел на них по ночам: на яхты с парусами в сотни километров шириной, лавирующие в лучах света. А вот с Земли неба не видно. Во всяком случае, из бункеров Академии.

— Зачем же вы туда поступили?

— У меня не было выбора. — Он безрадостно засмеялся. —

Угораздило же меня родиться умным… Оттого-то, видишь ли, твои драгоценные комиссары так меня презирают. Меня научили думать — а мы, сам понимаешь, не можем себе этого позволить.

Я отвернулся и замолчал. Джеру не «моя», и спор этот меня уж точно не касался. И вообще, у меня от Паэля мурашки по коже бегали. Я всегда побаивался людей, которые слишком хорошо разбираются в науке и технологиях. Об оружии только и нужно знать, как оно действует, какое к нему полагается питание или боеприпасы, и что делать, если оно откажет. Народ, который все знает насчет технических принципов и статистики, чаще всего попросту прикрывает собственные недостатки; ведь главное, как оружие работает и как ты с ним справляешься.

Ну, а этот — не болтливый технарь. Он — академик, из научной элиты человечества. С ним у нас и вовсе не было ничего общего.

Я всматривался в просветы между канатами, пытаясь отыскать мерцающие, плывущие огоньки эскадры.

Потом я уловил какое-то движение и повернулся в ту сторону, знаком приказав Паэлю сидеть тихо и помалкивать. Нож я зажал в здоровой руке.

Джеру поспешно пробиралась к нам в точности той лее дорогой, какой уходила. Увидев, что я начеку, она одобрительно кивнула.

— Маяк даже не пикнул.

Паэль сказал:

— Вы понимаете, что времени у нас не много?

Я спросил:

— Скафандры?

— Он имеет в виду звезду, — отозвалась Джеру с тяжестью в голосе. — Кейс, звезды-крепости, по-видимому, нестабильны. Если призраки окружают звезду своим кордоном, значит, взрыв не за горами.

Паэль передернул плечами:

— Нам осталось несколько часов, в лучшем случае — дней.

— Чтобы дать сигнал флоту, нам придется выбраться за крепостной кордон. Или взломать его, — сказала Джеру.

Паэль хрипло хихикнул:

— И как, по-вашему, мы это сделаем?

Джеру обожгла его взглядом:

— Это вы мне должны сказать, академик!

Паэль откинулся назад и прикрыл глаза:

— Вы смешны, и не в первый раз.

Джеру что-то проворчала и обернулась ко мне.

— Ты. Что тебе известно о призраках?

— Они из холодного мира. Потому и заворачиваются в эти серебряные скорлупки. Лазер их не берет, как раз из-за этих скорлупок. У них идеальная отражающая способность, — ответил я.

— Не совсем идеальная, — поправил Паэль. — Эффект основан на постоянной Планка… Поглощается около одной миллиардной поступающей энергии.

Я помялся:

— Еще говорят, призраки ставят эксперименты на людях.

Паэль презрительно фыркнул:

— Вранье, которое распространяет ваша Комиссия Исторической Истины, комиссар. Вымазать противника черной краской — тактика древняя, как сам род человеческий.

Джеру невозмутимо откликнулась:

— Так почему бы не развеять заблуждения молодого Кейса? Чем на самом деле занимаются серебряные призраки?

— Призраки трудятся над законами физики, — сказал Паэль.

Я глянул на Джеру — та пожала плечами.

Паэль попытался объяснить. Речь шла о квагме.

Квагма — это состояние материи сразу после Большого Взрыва. Когда температура становится достаточно высокой, материя сплавляется в плазму кварков — квагму. При таких температурах четыре фундаментальных типа физических взаимодействий объединяются в один. Когда квагма с уменьшением плотности остывает, связующее супервзаимодействие распадается на четыре, которые мы знаем.

Как ни странно, я даже кое-что понял из его объяснений. Наши межзвездные корабли, такие как «Ярко», используют ведь как раз принцип GUT[21].

Словом, управляя распадом, вы можете сами выбирать соотношение между этими силами. А это соотношение определяет основные физические константы.

Что-то в этом роде.

Паэль говорил:

— Эти их чудесные отражающие оболочки — хороший пример. Каждый призрак окружен тонким слоем пространства, в котором фундаментальная величина, именуемая постоянной Планка, значительно уменьшена. Ну, и все квантовые эффекты рушатся… Поскольку энергия фотона — световой частицы — пропорциональна постоянной Планка, то фотон, соприкасаясь с этой оболочкой, должен сбрасывать большую часть энергии — отсюда и отражающая способность.

— Достаточно, — сказала Джеру. — Так чем они здесь занимаются?

Паэль вздохнул:

— Звезда-крепость, по-видимому, окружена незамкнутой оболочкой квагмы и экзотической материи. Мы предполагаем, что призраки надувают вокруг каждой звезды пузырь пространства-времени, в котором законы физики… искажены.

— И поэтому наше снаряжение не действует.

— Надо полагать, — с холодной иронией согласился Паэль.

— А чего им нужно? Зачем призраки все это делают? — спросил я.

Паэль пристально взглянул на меня:

— Тебя обучили их убивать, а это не объяснили?

Джеру только глазами сверкнула. Паэль продолжал:

— Призраки развивались не в процессе конкурентной эволюционной борьбы. Они — симбионты: когда их мир стал остывать, разные формы жизни объединились в борьбе за существование. И, по-видимому, они видят смысл существования не в экспансии и завоевании новых территорий, как мы, а в том, чтобы досконально разобраться в устройстве Вселенной. Что мы здесь делаем? Видишь ли, юнга, диапазон условий, в которых может существовать жизнь, очень узок. Мы считаем, что призраки в поисках ответа на свой вопрос слишком рискуют — фокусничают с законами, от которых зависит наше существование.

— Враг, способный использовать законы физики в качестве оружия, — сильный враг. Но рано или поздно мы превзойдем призраков и выживем их отсюда, — добавила Джеру.

Паэль лениво протянул:

— Ну да, эволюционное предназначение человечества. Как это грустно. Однако мы тысячу лет прожили с призраками в мире согласно Раульскому Договору. Мы настолько разные, наши цели настолько несхожи — у нас не больше причин для столкновения, чем у двух видов птиц в одном саду.

Я никогда не видел ни садов, ни птиц, так что это сравнение мне ничего не говорило.

Джеру наконец не выдержала:

— Вернемся к практике. Как действуют эти крепости? — Паэль не отвечал, и она рявкнула: — Академик, вы уже час находитесь за крепостным кордоном и не сделали ни одного нового наблюдения!

— Чего вы от меня ждете? — поинтересовался Паэль ядовитым тоном.

— Что заметил ты, юнга? — обратилась ко мне Джеру.

— Наши инструменты и оружие не действуют, — доложил я четко. — «Ярко» взорвался. Я сломал руку.

— А Тилл сломал шею, — дополнила Джеру и пошевелила пальцами в перчатке. — Делаем вывод: наши кости стали более хрупкими. Что еще?

Я пожал плечами.

— Мне становится жарковато, — признался Паэль.

— Эти изменения в организме могут оказаться существенными? — спросила Джеру.

— Не вижу связи.

— Так найдите ее.

— У меня нет приборов.

Джеру свалила ему на колени запасной набор — оружие, маяки.

— У вас есть глаза, руки и интеллект. Импровизируйте. — Она обернулась ко мне. — А мы с тобой, юнга, займемся сбором информации. Нам еще нужно придумать, как выбраться отсюда.

Я с сомнением покосился на Паэля:

— А здесь кто останется?

Джеру кивнула:

— Понимаю, но нас всего трое. — Она крепко сжала плечо Паэля. — Не зевайте здесь, академик. Мы вернемся той же дорогой, какой уходим. Чтобы вы знали, что это мы. Ясно?

Паэль, не глядя, стряхнул ее руку с плеча. Он рассматривал лежащие у него на коленях штуковины.

Я очень сомневался, что он заметит, даже если вокруг соберется целый полк призраков. Но Джеру была права: ничего другого нам не оставалось.

Она ощупала мою руку, всмотрелась в лицо:

— Ты как?

— Со мной все в порядке, сэр.

— Ты везунчик. Хорошая война бывает раз в жизни. Ты на свою успел, юнга.

Это походило на митинг-накачку, так что я отозвался в том же духе:

— Можно мне взять ваш паек, сэр? Вам он скоро будет ни к чему. — Я изобразил, будто копаю могилу.

Она в ответ свирепо ощерилась:

— Еще бы. А когда дойдет до тебя, не забудь вспороть скафандр и вытряхнуть дерьмо, прежде чем я сдеру его с твоего окоченелого трупа…

Голос Паэля дрогнул:

— Вы в самом деле чудовища.

Мы с Джеру переглянулись, но промолчали, чтобы не расстраивать нашего земного червя еще больше.

Я сжал боевой нож, и мы скользнули во тьму.

Мы надеялись отыскать что-нибудь вроде мостика. Даже если бы нам это удалось, я понятия не имел, что бы мы тогда стали делать. Но, во всяком случае, надо было попытаться.

Мы пробирались сквозь чащу канатов, таких прочных, что клинок их не брал. Правда, они были довольно гибкими: если застрянешь, можно отогнуть, хотя мы старались этого не делать — опасались поднять тревогу.

Мы использовали стандартную СОП патрулей, приспособив ее к новым обстоятельствам. Десять — пятнадцать минут движения, когда мы карабкались по канатам, и пять минут отдыха. Я делал глоток воды — она становилась все горячей — и проглатывал таблетку глюкозы, проверял свою руку и поправлял скафандр. Так положено. Если довести себя до изнеможения, в конце концов не останется сил на выполнение основного задания.

Я старался равномерно распределять внимание во все направления, защищал глаза от света, чтобы не потерять ночного зрения, и мысленно оценивал обстановку. На каком расстоянии Джеру? Что делать в случае атаки спереди, сзади, сверху, снизу, справа, слева? Где можно укрыться?

Я начинал представлять себе устройство корабля призраков. Он имел практически яйцевидную форму, длину километра два, а состоял в основном из одинаковых серебристых канатов. В этой путанице совершенно беспорядочно были разбросаны помещения, площадки и приборы — как крошки еды в бороде старика. Наверно, такая конструкция позволяла легко изменять конфигурацию. Там, где переплетение становилось гуще, я примечал более плотные ядра — цилиндры, вытянутые вдоль оси корабля. Может, это были двигатели. Я не знал, действуют ли они здесь: скорее всего, техника призраков могла приспосабливаться к измененным условиям внутри крепостного кордона.

И повсюду было полно призраков.

Они плавали над канатами и пробирались между ними, пользуясь невидимыми для нас проходами. Мы не знали, чем они заняты и о чем говорят. Человеку призрак кажется просто серебряным шаром, и замечаешь его только по отражению, как будто в пространстве вырезана дыра. Без специального оборудования одного от другого не отличишь.

Мы старались не показываться им на глаза, но я был уверен, что призраки замечают нас или, по крайней мере, следы нашего присутствия. Как-никак мы с разгона вломились в их корабль. Но они не предпринимали против нас никаких действий. Мы добрались до наружной оболочки — места, где кончилось переплетение канатов, и спрятались.

Отсюда мне открывались звезды.

Вспышки новых по-прежнему мелькали по всему небу, и все так же фонариками горели молодые звезды. Мне показалось, что звезда-крепость, окруженная клеткой, выглядит немного ярче и горячей, чем раньше, и я собирался доложить об этом академику.

Но самое грандиозное зрелище представлял наш флот.

Он растянулся на целые световые месяцы. Бесчисленные корабли тихо скользили в космическом пространстве. Они держали строй в трех измерениях, сохраняя коридоры между эскадрами. Во все стороны струились огненные ручейки: огни разных цветов отмечали разные типы судов. Здесь и там возникали мощные, ярко окрашенные вспышки света: это корабли человечества вступали в бой с врагом, это сражались и умирали люди.

То было величественное зрелище. Небо — огромное и пустое, до ближайшей звезды-карлика, заключенной в голубую клетку, очень далеко, и все кружилось Надо мной, и подо мной, и вокруг…

Я обнаружил, что пальцы моей здоровой руки накрепко вцепились в серебристый канат.

Джеру обхватила мое запястье и встряхивала, пока я не сумел разжать пальцы. Она и тогда не выпустила мою руку и взглянула мне прямо в глаза: *Я тебя держу. Ты не упадешь.* Потом она затащила меня в самую гущу канатов, заслонив небо.

Она прижалась ко мне, чтобы биосвечение наших скафандров не расходилось далеко. Глаза у нее оказались бледно-голубыми, как окна.

— Ты не привык к выходам в открытый космос, юнга?

— Простите, комиссар. Я прошел обучение…

— Но остался человеком. У каждого из нас есть слабые места. Штука в том, чтобы их знать и делать на них поправку. Ты откуда родом?

Я выдавил улыбку:

— С Меркурия. Равнина Жары.

Меркурий — железный шарик на дне солнечного гравитационного колодца. Там добывают железо и производят редкие вещества, а Солнце накрывает все это, как крышка ящика. Большая часть поверхности занята солнечными батареями, а внутри лабиринт туннелей, где дети отвоевывают у крыс право на существование.

— Потому ты и завербовался? Чтобы выбраться оттуда?

— Меня призвали.

— Брось, — фыркнула она, — в местах вроде Меркурия всегда найдется, где спрятаться. Или ты романтик, юнга? Тебе

хотелось увидеть звезды?

— Нет, — резко ответил я. — Здесь от меня больше пользы.

Она пытливо взглянула на меня:

— Живущий кратко должен гореть ярко — так, юнга?

— Да, сэр.

— А я с Денеба, — сказала она. — Слышал о таком?

— Нет.

— Тысяча шестьсот световых лет от Земли — система заселялась в четвертом столетии Третьей Экспансии. Она совсем не похожа на Солнечную систему. Она… организованна. К моменту, когда первый корабль достиг Денеба, механизм эксплуатации был вполне отработан. От предварительной разведки до запуска корабельных верфей и создания дочерних колоний — не больше столетия. Ресурсы Денеба — его планеты, астероиды, кометы, даже сама звезда — должны были обеспечивать новую волну колонистов для продолжения экспансии и, конечно, для войны с призраками.

Она обвела рукой небесное пространство.

— Подумай, юнга: Третья Экспансия, отсюда до Солнца — на шесть тысяч световых лет — никого, кроме людей, плод тысячелетнего строительства миров. И все эти миры связаны экономикой. Старые миры, подобные Денебу, с истощенными ресурсами — и само Солнце тоже — питаются потоками пищи и сырья, поступающими с гигантской периферии. Торговые пути протянулись на тысячи световых лет по занятой людьми территории, и по ним курсируют огромные многокилометровые грузовые суда. А теперь на нашем пути встали призраки. Вот за что мы сражаемся.

— Да, сэр.

Она прищурилась:

— Готов идти?

— Да.

Мы снова начали движение сквозь чащу канатов, все так же соблюдая СОП патрулирования.

Я был рад, что передышка закончилась. Мне всегда становилось не по себе от внеслужебного общения — тем более с комиссаром. Но, наверно, даже комиссару иногда нужно выговориться.

Джеру обнаружила группу призраков, двигавшихся цепочкой, как школьники, к носу корабля. Мы последовали за ними, потому что их действия выглядели более целенаправленными, чем все, что мы видели прежде.

Пройдя пару сотен метров, призраки стали проваливаться

куда-то в гущу канатов, скрываясь из виду. Мы последовали за ними.

На глубине метров, может, пятидесяти мы нашли большую закрытую камеру — гладкий бобовый стручок, в котором вполне могла бы поместиться наша шлюпка. Его поверхность была полупрозрачной, возможно, для того, чтобы пропускать солнечный свет. Я видел, как внутри движутся смутные тени.

Призраки собрались на корпусе, разбежались по его поверхности.

Джеру знаком приказала перебраться к дальнему концу, где скопилось меньше всего призраков. Мы приникли к оболочке стручка. На ладонях и носках подошв наших скафандров имелись специальные присоски, и, цепляясь ими, мы поползли вперед, прижимаясь к корпусу, когда в поле зрения вырастал один из призраков. Все равно что ползти по стеклянному потолку.

Внутри стручка был воздух. В одном его конце висел большой грязевой ком, бурый и липкий. Он как будто подогревался изнутри: медленно кипел, большие вязкие пузыри пара собирались на поверхности, усыпанной лиловыми и красными кляксами. Понятно, в невесомости конвекция не работает. Может, призраки использовали насос, чтобы создать поток пара. От поверхности кома грязи к корпусу стручка тянулись трубы. Вокруг толпились призраки и всасывали в себя красные кляксы.

Мы обсудили это зрелище приглушенным до «шепота» свечением капюшонов. Призраки кормились. Их родной мир так мал, что почти не сохранил внутреннего тепла, но где-то в глубине их застывших океанов или в темной толще скал, должно быть, еще теплились редкие геотермальные источники, вынося из недр планеты растворы минералов. И, как и на дне земных океанов, этими минералами и этим скудным теплом питалась жизнь. А этой жизнью питались призраки.

Так что этот грязный ком был их полевой кухней. Я еще раз взглянул на лиловую слизь, которой лакомились призраки, и ничуть им не позавидовал.

Нам здесь делать было нечего. Повинуясь новому знаку Джеру, я пополз за ней дальше.

Следующий отсек стручка оказался… странным.

Полная камера сверкающих серебристых блюдец, похожих на уменьшенные, сплюснутые копии призраков. Они носились по воздуху, или ползали друг по другу, или сбивались в большие шары, которые через несколько секунд рассыпались, а составлявшие их блюдца устремлялись на поиски новых приключений. Из стен отсека торчали концы пищевых труб, а среди маленьких блюдец плавали два-три больших призрака,

словно взрослые расхаживали по двору, полному расшалившейся ребятни.

На корпус передо мной упала зыбкая тень.

Я поднял взгляд и уставился на собственное отражение — остроконечная голова, разинутый рот, растопыренные руки и ноги — искаженное, как в объективе «рыбий глаз» и застывшее прямо у меня перед носом.

Это был призрак. Он тяжеловесно раскачивался надо мной.

Я медленно оттолкнулся от корпуса. Стиснул здоровой рукой ближайшую ветвь-канат. Я понимал, что нож, заткнутый за пояс на спине, достать не удастся. И Джеру нигде не было видно. Может, призрак с ней уже разделался. Во всяком случае, ни окликать ее, ни высматривать было нельзя, чтобы не выдать ее присутствия.

По «экватору» призрак был опоясан широким ремнем. Я, естественно, предположил, что часть висящих на нем сложных устройств представляла собой оружие. Если не считать пояса, тело призрака было совершенно гладким: неподвижен он или вращается со скоростью сотни оборотов в минуту — не различишь. Я всматривался в него, пытаясь вообразить под блестящей оболочкой отдельную Вселенную с искаженными законами физики, но видел только испуганно таращившееся на меня собственное лицо.

И тут на призрака сверху обрушилась Джеру, раскинув руки и ноги, зажав в каждой руке по ножу. Я понял, что она вопит, но только по разинутому рту — она отключила коммуникатор.

Взметнув тело, как плеть, она вогнала оба ножа в шкуру призрака — если считать пояс за экватор, то куда-то в район северного полюса. Призрак вздрогнул, по поверхности прошла сложная рябь. Но Джеру теперь было за что держаться, а ноги она забросила на канат над собой и крепко уцепилась за него.

Призрак развернулся, пытаясь стряхнуть ее. Но она цеплялась ногами и удерживала рукояти ножей, вбитых в шкуру, так что призрак добился только того, что в его теле образовались две длинные прорези. Изнутри выплеснулся пар, и я заметил, как там мелькнуло что-то красное.

Я остолбенел на несколько долгих секунд.

Нас обучали правильной реакции на нападение. Но вся наука словно испаряется, когда перед тобой оказывается вращающееся, вздрагивающее чудище, а у тебя нет никакого оружия, кроме ножа. Хочется съежиться, стать совсем маленьким: может быть, все сейчас исчезнет. Но ничего, понятное дело, не исчезает, и в конце концов приходится что-то делать.

Я ударил крест-накрест, соединяя нанесенные Джеру раны.

Шкура у призраков прочная, как толстая резина, но, если есть на что опереться, резать ее нетрудно. Скоро она повисла клоками и полосами, и я принялся отдирать их, открывая темную красноту под кожей. Пар вырывался мощной струей и тут же превращался в лед.

Джеру выпустила свой канат и присоединилась ко мне. Мы поддевали пальцами края прорех и рубили, резали, тянули. Призрак, хоть и вертелся как сумасшедший, не сумел нас стряхнуть. Скоро мы уже надрали из него целые горы теплого мяса — веревки вроде внутренностей, пульсирующую плоть, похожую на человеческую печень или сердце. Сперва нас засыпало кристаллами льда, но призрак терял тепло вместе с жизнью, и ветерок улегся, а на разрезах и рваных ранах появилась изморозь.

Наконец Джеру пихнула меня в плечо, и мы вдвоем отплыли от призрака. Он еще вращался, но видно было, что это движение — просто инерция: он остыл и умер.

Мы с Джеру смотрели друг на друга.

Я устало выдохнул:

— Никогда не слыхал, чтобы кто-нибудь дрался с призраком врукопашную.

— И я не слыхала. Реки Аида… — Она глянула на свою руку. — Кажется, палец сломала.

Ничего смешного в этом не было, но Джеру уставилась на меня, и я уставился на нее, и оба мы расхохотались, и наши слизняковые скафандры заиграли голубыми и розовыми картинками.

— Он крепко держался, — сказал я.

— Да. Наверно, решил, что мы угрожаем их детской.

— Та комната с серебряными блюдечками?

Она насмешливо пояснила:

— Призраки — симбионты, юнга. Сдается мне, это был детский сад для их шкур. Они — самостоятельные организмы.

Я никогда не задумывался о том, что у призраков могут быть детеныши. И в голову не приходило видеть в убитом нами призраке мать, защищающую детей. Я вообще не склонен к глубоким размышлениям, но тут мне отчего-то стало неуютно.

А Джеру уже двигалась дальше.

— Давай, юнга. Берись за работу.

Она зацепилась ногами за канаты и ухватила продолжавший вращаться труп призрака, чтобы остановить его.

Я тоже зацепился и стал помогать. Призраки — массивные существа, размером с большой механизм, и преодолеть инерцию вращения было нелегко: сперва я вообще не мог поймать куски

шкуры, проплывающие мимо моих рук. Запертое в клетку солнце, свет которого пробивался между канатами, жарило с каждой минутой все сильней.

Но работа вскоре прогнала тревожные мысли.

Наконец мы справились с призраком. Джери сорвала с него перевязь с инструментами, и мы как можно дальше запихнули ею тушу в гущу канатов. Грязная была работа. Мы толкали призрака, а из всех дыр у него лезли еще какие-то внутренности, уже застывшие, и я едва сдерживал рвоту, когда эта дрянь проплывала у самого лица.

Мы сделали что могли. Прозрачная маска Джеру покрылась черными и красными пятнами. Джеру сильно вспотела, и лицо у нее порозовело. Но она улыбалась, и трофей — пояс призрака — висел у нее через плечо. Мы повернули обратно, соблюдая все ту же СОП.

Возвратившись в свое логово, мы застали академика Паэля в беде.

Паэль свернулся клубком, закрыв ладонями лицо. Мы его развернули. Глаза у него были закрыты, лицо покрывала нездоровая краснота, и пластинка маски густо запотела.

Вокруг на канатах висели части снаряжения — в том числе, по-моему, взломанный пистолет. Я узнал призмы, зеркала и дифракционные решетки. Ну, если он не проснется, никто нам не объяснит, чем он здесь занимался.

Джеру осмотрелась. Центральная звезда-крепость сияла намного сильней. Наше укрытие теперь просто было залито светом и зноем, а все эти канаты совсем не давали тени.

— Есть идеи, юнга?

Возбуждение после рекогносцировки быстро покидало меня.

— Нет, сэр.

Покрытое потом лицо Джеру стало напряженным. Я заметил, что она бережет левую руку. Там, у стручка-детской, она упомянула, что повредила палец, но с тех пор ни разу о нем не заговорила и теперь не стала тратить на него время.

— Ладно… — Она сбросила с себя снаряжение призрака и глотнула воды через патрубок капюшона. — Юнга, ты за старшего. Попробуй прикрыть Паэля своей тенью. И если он придет в себя, спроси, что ему удалось узнать.

— Да, сэр.

— Хорошо.

И она исчезла, растаяла в тени канатов, словно с детства среди них играла.

Я нашел место, с которого мог держать круговой обзор, и

постарался прикрыть Паэля своей тенью, хоть и не верил, что это поможет.

Делать было нечего. Я просто ждал. Корабль призраков шел каким-то неведомым курсом, и узор теней от канатов сдвигался и разворачивался. Мне показалось, что я ощущаю вибрацию — медленную гармоничную дрожь, проходившую по всему телу гигантского корабля. Возможно, так звучат низкие голоса призраков, перекликающихся между собой от кормы до носа. Полезно было напомнить себе, что все вокруг меня — абсолютно все — было чужим и что я очень далеко от дома.

Я считал удары сердца и вдохи и пытался сообразить, сколько тянется секунда.

— Тысяча один, тысяча два…

Человек не может не следить за временем: время для нас основной ориентир, оно поддерживает связь мозга с реальностью. Но я все время сбивался со счета.

И никакие старания не помогали отогнать мрачные мысли.

В драматические моменты, вроде встречи с призраком, ты не соображаешь, что происходит, потому что организм блокирует мысли: на каком-то уровне ты знаешь, что сейчас раздумывать некогда. А теперь я не двигался, и на меня разом навалилась вся боль последних часов. У меня до сих пор ныли голова, спина и, конечно, сломанная рука, не говоря уже о глубоких ссадинах и ранах под перчатками. И похоже, я растянул плечо здоровой руки. Болел палец на ноге — я подумал даже, не сломал ли еще одну кость в этом жутком мире, где кости у меня становятся хрупкими, как у старика. И еще у меня саднило в паху, и под мышками, и под коленями, и на локтях, натертых скафандром. А ведь я привык к нему: обычно я бывал куда выносливее.

И лучи солнца, бившие в спину, тоже меня доставали: казалось, я лежу под нагревательным элементом духовки. Голова болела, желудок скручивало, в ушах стоял звон, а перед глазами плавали черные мушки. Может, дело было в усталости и обезвоживании, а может, и не только в этом.

Я стал перебирать в памяти детали операции, в которой побывал с Джеру. Лучше бы не вспоминал.

Ладно, столкнувшись с призраком, я выдержал и не выдал расположения Джеру. А вот когда она бросилась в атаку, я замешкался в первые, самые важные секунды. Может, окажись я крепче, комиссар не блуждала бы сейчас одна в чаще, когда ее все время отвлекает боль в сломанном пальце.

Наша подготовка предусматривает все, в том числе и такие запоздалые приступы раскаяния в минуты затишья. Нас учат, как их подавлять, или, еще лучше, извлекать из них уроки. Но

оказавшись один в металлических зарослях, я почувствовал, что все, чему меня учили, вряд ли мне пригодится.

Хуже того, я начал задумываться о будущем, а этого никогда не следует делать.

Мне не верилось, что академик добился успеха со своими не желающими работать устройствами. И хотя разведка прошла увлекательно, мы так и не нашли ничего, похожего на мостик, и не обнаружили уязвимого пункта, с которого можно было бы начать атаку, и единственной нашей добычей оказался набор механизмов, в которых мы ничего не понимали.

Я впервые всерьез задумался о том, что вряд ли выберусь из этой переделки, что я умру, когда откажет скафандр или когда взорвется звезда, но в любом случае через несколько часов, не больше.

«Живущий кратко горит ярко». Так нас учили. Долгая жизнь делает вас консервативным, боязливым и эгоистичным. Человечество уже совершало эту ошибку, и она превратила нас в расу рабов. Живи быстро и яростно, потому что ты ничего не значишь — в счет идет только то, что ты делаешь для своего рода.

Но я не хотел умирать.

Если мне больше не увидеть Меркурия, я не стану проливать слезы. Но сейчас моей жизнью являлся флот. И рядом были свои, народ, с которым я учился и служил вместе, такие, как Хэлл и даже как Джеру. В первый раз в жизни обретя чувство товарищества, я не желал так скоро с ним расставаться и в одиночку срываться во тьму — тем более если все это впустую.

И, может быть, у меня еще есть выбор.

Не знаю, сколько времени прошло, пока не вернулась Джеру. Она приволокла с собой серебристое одеяло. Шкуру призрака. И стала ее выворачивать. Я бросился ей помогать.

— Вы вернулись к тому, которого мы убили…

— И освежевала его, — отдуваясь, закончила она. — Просто соскребла эту дрянь ножом. Оболочка снимается легче легкого. И, смотри-ка… — Она быстро надрезала сверкающее полотнище, потом сложила края, провела пальцами по шву и продемонстрировала мне результат. Места разреза было даже не видно. — Самогерметизирующаяся и самозалечивающаяся оболочка, — сказала она. — Запоминай, юнга.

Мы принялись натягивать изрезанную шкуру над нашим убежищем, сооружая нечто вроде навеса, чтобы закрыть Паэля от солнца. На шкуре осталось несколько примерзших кусочков плоти, а вообще-то работать с ней было все равно что с тонкой, легкой металлической фольгой.

Оказавшись в тени, Паэль заворочался. Его стоны отражались

на капюшоне яркими светящимися пятнами.

— Займись им! — прикрикнула на меня Джеру. — Заставь попить.

Пока я исполнял приказ, она открыла свою аптечку и стала опрыскивать раствором пальцы на левой руке.

— Дело в скорости света, — сказал Паэль.

Он забился в угол нашего ПУ, подтянул колени к груди. И голос, должно быть, звучал чуть слышно: биолюминесцентные знаки на скафандре распадались на фрагменты, и коммуникатор выдавал несколько возможных вариантов звучания.

— Поясните, — предложила Джеру сравнительно мягким тоном.

— Призраки нашли способ изменить скорость света внутри крепости. А именно — увеличить ее. — Он принялся толковать о квагме, физических константах и скрученных измерениях пространства-времени, но Джеру нетерпеливо взмахнула рукой:

— Как вы это выяснили?

Паэль стал перебирать свои призмы и решетки.

— Воспользовался вашим советом, комиссар. — Он поманил меня к себе. — Смотри, малыш.

Я увидел, как луч красного света, рассеченный и преломленный призмой, пройдя сквозь дифракционную решетку, нарисовал на листке гладкого пластика четкий узор из точек и линий.

— Понимаешь? — Он шарил взглядом по моему лицу.

— Простите, сэр…

— Длина световой волны изменилась. Она увеличилась. Красному свету полагается иметь длину волны, э… на одну пятую короче, чем мы здесь видим.

Я изо всех сил старался понять. Я поднял руку.

— Разве тогда эта зеленая перчатка не должна выглядеть желтой или синей?..

Паэль вздохнул:

— Нет. Твое восприятие цвета зависит не от длины волны, а от ее энергии. Закон сохранения энергии действует даже здесь, его призраки не нарушили. Так что каждый фотон несет ту же энергию, что и раньше — и передает тот же «цвет». А энергия фотона пропорциональна его частоте, следовательно, и частота не изменилась. Но поскольку скорость света равна произведению частоты на длину волны, увеличение длины волны влечет…

— Увеличение скорости света, — закончила Джеру.

— Да.

Я мало что понял. Я отвернулся и стал смотреть на свет,

лившийся сквозь канаты мимо нашего навеса.

— Значит, мы видим те же цвета. Но свет этой звезды движется немного быстрее. И какая разница?

Паэль покачал головой:

— Малыш, универсальные константы, такие как скорость света, заложены в структуру Вселенной. Скорость света входит в соотношение, известное как структурная константа. — Он начал бормотать что-то про заряд электрона, но Джеру его оборвала.

Она сказала:

— Кейс, структурная константа определяет силу электромагнитного поля.

Это до меня дошло.

— И если увеличить скорость света…

— То поле слабеет. — Паэль встряхнулся. — Подумай хорошенько. Скрепленность молекул человеческого тела зависит от электромагнитного взаимодействия. Здесь электроны не так прочно связаны с атомом; и атомы в молекулах не так прочно связаны друг с другом. — Он постучал по корке у меня на руке. — Поэтому твои кости стали хрупкими, а твоя кожа легче повреждается и отслаивается. Понимаешь? Ты тоже часть пространственно-временного континуума, мой юный друг. Фокусы призраков сказываются и на тебе. А скорость света в этой адской дыре продолжает возрастать — насколько я могу судить из этих жалких экспериментов, — и значит, ты с каждой секундой становишься все более хрупким.

Странная это была мысль, жуткая, что можно манипулировать устройством Вселенной — самой основой существования. Я обхватил руками плечи и задрожал.

— Есть и другие следствия, — уныло продолжал Паэль. — Падает плотность вещества. Возможно, наши тела со временем начнут крошиться. И температура диссоциации уменьшается.

— Это еще что? — огрызнулась Джеру.

— Понижается температура плавления и кипения. Не удивительно, что нам так жарко. Странно другое: что биологические системы оказались устойчивее электромеханических. Но если мы не выберемся отсюда, наша кровь скоро вскипит…

— Хватит! — приказала Джеру. — Что со звездой?

— Звезда — это скопление газа, склонное коллапсировать под действием собственной тяжести. Но тепло термоядерного распада в ее ядре создает направленные вовне потоки газа и излучения, противодействующие тяготению…

— А при изменении структурной константы…

— Равновесие нарушается. Комиссар, по мере того как

гравитация проигрывает в этой затяжной войне, звезда испускает больше света — она быстрее сгорает. Это объясняет наблюдения, сделанные нами за пределами кордона. Но это не надолго.

— Новые, — сказал я.

— Верно. Взрывы, при которых слои звездной оболочки сбрасываются в пространство, — симптом дестабилизации. Звезда стремится к новому равновесию. Скорость, с которой наша звезда приближается к катастрофе, соответствует отмеченному мной сдвигу световой скорости. — Он улыбнулся и прикрыл глаза. — Единственная причина влечет так много следствий. С эстетической точки зрения это довольно красиво.

Джеру кивнула:

— Теперь по крайней мере понятно, что погубило корабль. Все системы управления действуют на основе тончайших настроек электромагнитного поля. Должно быть, электроника просто взбесилась…

Мы стали разбираться в причинах катастрофы. Наш «Живущий кратко горит ярко» принадлежал к классическим GUT-кораблям, их конструкция уже тысячу лет оставалась в сущности неизменной. Жилой купол, прочный прозрачный пузырь, вмещающий экипаж в двадцать человек. Купол насажен на цилиндр-хребет, ведущий к GUT-двигателю.

Как только мы пересекли линию кордона — тогда-то и погасли все огни на мостике, — система контроля отказала и вся резервная энергия двигателя рванулась наружу. Хребет корабля вбило в купол, как гвоздь в череп.

Паэль мечтательно рассуждал:

— Будь скорость света немножко больше, водород не мог бы соединиться с гелием. Тогда существовал бы один водород: не было бы энергии для звезд, не было бы химических процессов. И напротив, окажись скорость света несколько ниже, водород соединялся бы с гелием слишком легко, и вскоре не осталось бы водорода, не было бы материи звезд — и воды. Вы понимаете, что это значит для нас? Несомненно, призраки здесь, на Линии Ориона, достигли больших успехов в настройке Вселенной, хотя она и служит примитивным оборонительным целям.

Джеру набросилась на него, не скрывая презрения:

— Мы обязаны донести эту информацию до Комиссии. Если призраки могут выжить и действовать в этих ускоренных пузырях, значит, сможем и мы. Возможно, мы находимся в поворотном пункте истории, джентльмены.

Конечно, она была права. Основной обязанностью Комиссии Исторической Истины было накопление и использование сведений о противнике. А моей первой обязанностью — и

обязанностью Паэля — было помочь Джеру доставить собранные данные этой организации.

Но Паэль взглянул на нее с насмешкой:

— Ничего для себя, все для своего рода, не так ли, комиссар? Вы просто великолепны и в то же время смешны в своем невежестве. И что дал ваш донкихотский рейд по этому кораблю? Здесь, скорее всего, просто нет мостика. Вся морфология призраков, все их эволюционное строение основано на идее сотрудничества, симбиоза: на их корабле нет места, фигурально выражаясь, голове. А добытый вами трофей… — Он поднял вверх пояс призрака. — Здесь нет никакого оружия. Это датчики, инструменты. Ни один из них не сможет генерировать мощный энергетический разряд! Лук и стрелы и то оказались бы опаснее. — Он разжал пальцы, и пояс отплыл в сторону. — Призрак не пытался вас убить. Он хотел остановить вас. Типичная для призраков тактика.

Лицо Джеру окаменело.

— Он стоял на нашем пути. Это достаточная причина, чтобы его уничтожить.

Паэль покачал головой:

— Мышление, подобное вашему, уничтожит нас, комиссар.

Джеру впилась в него взглядом и вдруг сказала:

— Вы нашли способ. Так, академик? Способ, как нам выбраться отсюда.

Он пытался выдержать ее взгляд, но ее воля оказалась сильнее, и академик отвел глаза.

Джеру роняла слова, как камни:

— Не говоря о том, что на кону три жизни, разве долг для вас — пустое слово, академик? Вы мыслящий человек, разве вы не видите, что идет война за судьбу человечества.

Паэль рассмеялся:

— За судьбу — или за экономику?

Я в отчаянии и замешательстве глазел на них. Спросили бы меня, я сказал бы, что надо меньше умничать и больше драться.

Паэль покосился в мою сторону.

— Видишь ли, малыш, пока исследовательские и горнодобывающие флотилии, а также корабли с колонистами расходятся вширь, пока продолжается Третья Экспансия, наша экономика держится. Богатства поступают с окраин к внутренним мирам и питают полчища людей, расплодившихся так, что на них уже не хватает звезд. Но как только рост прекратится…

Джеру молчала.

Я опять-таки кое-что понял. Третья Экспансия достигла внутреннего края нашего рукава галактики. И первые корабли

колонистов попытались преодолеть пустое пространство, отделяющее нас от соседнего рукава.

Наш рукав, рукав Ориона, на самом деле всего лишь звездная отмель, коротенькая ветвь. А вот рукав Стрельца — одна из крупнейших галактических структур. В нем, например, есть обширная область звездообразования, чуть ли не крупнейшие в галактике гигантские газопылевые облака, каждое из которых способно породить миллионы звезд. Это в самом деле завидный трофей.

Но здесь живут серебряные призраки.

Когда обнаружилось, что наша неудержимая экспансия угрожает не только их таинственным экспериментам, но и родному миру, призраки в первый раз оказали нам сопротивление.

Они создали линию блокады, которую стратеги человечества назвали Линией Ориона: плотную завесу звезд-крепостей, отгораживающую внутренний край рукава Ориона. Этот кордон корабли военного флота и колонистов преодолеть не могли. Потрясающе эффективная стратегия.

Так что война шла за колонии, за новые миры. Тысячу лет мы непрерывно переходили от звезды к звезде, используя ресурсы одной системы, чтобы разведать, преобразовать на земной лад и заселить планеты следующей. Стоит этой цепочке прерваться, все предприятие обанкротится.

А призракам уже пятьдесят лет удавалось сдерживать экспансию человечества.

Паэль сказал:

— Мы задыхаемся. Это не первая война, юный Кейс: люди уже сражались с людьми, когда внутренние системы начинали голодать. Призракам всего-то и нужно подождать, пока мы перебьем друг друга и освободим им место для их гораздо более интересного проекта.

Джеру плавно опустилась и оказалась перед ним.

— Послушайте меня, академик. Я росла на Денебе, я видела в небе огромные грузовые корабли, несущие со звезд богатства, поддерживающие жизнь моего народа. У меня хватило ума понять логику истории — понять, что мы должны продолжать экспансию, потому что у нас нет выбора. Вот почему я поступила в военный флот, а позже перешла в Комиссию Исторической Истины. Я поняла страшную истину, на которой зиждется работа Комиссии. Именно поэтому мы обязаны ежечасно поддерживать единство и целеустремленность человеческого рода. Остановка для нас — смерть. Вот так, очень просто.

— Комиссар, ваше кредо эволюционного предназначения

человечества обрекает ваш род оставаться толпой детей, которым позволено уделить несколько мгновений любви, размножению и смерти, прежде чем их бросят в безнадежную войну. — Паэль смотрел на меня.

— Однако, — возразила Джеру, — это кредо уже тысячу лет объединяет нас. Это кредо связует бесчисленные триллионы человеческих существ, разбросанных на тысячи световых лет. Это кредо объединяет человечество, столь разнообразное, что в нем, кажется, уже возникают новые виды… И вы чувствуете в себе достаточно сил, чтобы отвергнуть его сейчас? Не надо, академик. Никто не выбирает, в каком времени жить. Но если уж нам выпало жить во время войн, мы обязаны сделать все возможное для других людей. Что нам еще остается?

Я тронул Паэля за плечо: он дернулся.

— Академик… Джеру говорит правду? Есть способ спастись?

Паэль вздрогнул. Джеру нависла над ним.

— Да, — наконец выговорил он. — Да, способ есть.

Идея оказалась совсем простой.

А план, который мы с Джеру составили для ее исполнения, — еще проще. Он основывался всего на одном допущении: призраки не агрессивны. Замысел был отвратительный, признаю, и понятно, почему такой мягкотелый земной червь, как Паэль, даже говорить о нем не хотел. Но бывает, приходится выбирать из двух зол.

Мы с Джеру несколько минут отдохнули, проверили скафандры, осмотрели свои раны и привели себя в порядок. Потом, соблюдая все ту же стандартную процедуру, снова отправились к отсеку с незрелыми шкурами.

Пробравшись через скопление канатов, мы плавно опустились на тот прозрачный стручок. От мест, где собирались призраки, старались держаться подальше, но особенно не скрывались. Смысла не было: о том, что мы задумали, они все равно скоро узнают.

Мы забили крючья в податливый корпус и привязались веревками. Потом достали ножи и начали прорубаться внутрь.

Вот тогда вокруг нас, как огромные антитела, стали собираться призраки.

Они просто маячили над нами: жуткие гладкие пузыри, покачивающиеся, словно в вакууме дул ветерок. Но увидев дюжину искаженных в кривом зеркале отражений собственного тощего лица, я почувствовал, как во мне копится необъяснимое отвращение. Может, вам они представляются семьей, защищающей своих детишек. Мне наплевать: ненависть,

заботливо выпестованную на протяжении целой жизни, так просто не отбросишь. Я взялся за работу с азартом.

Джеру первой сумела пробить оболочку.

Воздух вырвался из дыры мгновенно замерзающим фонтаном. Шкурки-детеныши затрепетали, сразу было видно, как им страшно. А сверкающие призраки начали теснить Джеру от пробоины.

Она обернулась ко мне.

— Делай свое дело, юнга.

— Есть, сэр.

Через пару минут и я пробился внутрь. Давление в стручке уже падало. Оно упало до нуля, когда мы вырезали в крыше здоровенный клапан размером с обычную дверь. Зацепившись покрепче ногами, мы откинули его, настежь открыли крышу. Над нашими головами собрались последние клочки пара. Они блестели ледяными кристалликами.

Маленькие шкуры агонизировали. Они еще не обладали способностью выжить в вакууме, который становился естественной средой обитания для взрослых особей. Но умирали они так, что еще облегчили нам работу. Серебристые шкурки одна за другой всплывали к открывшейся дыре. Нам оставалось только хватать их по одной, как пакеты из папиросной бумаги, протыкать ножом и нанизывать на веревку. Потом мы сидели и ждали, пока покажется следующая. Их там были сотни, так что долго ждать не приходилось.

Я не рассчитывал на то, что взрослые призраки, агрессивные они там или нет, оставят нас в покое, — и оказался прав. Они скоро надвинулись на меня громадными круглыми животами. Призраки тяжелые и твердые, и инерция у них основательная: если такой двинет тебя в спину, сразу почувствуешь. Они раз за разом сбивали меня так, что я растягивался на крыше плашмя. При этом моя страховочная веревка так натягивалась, что мне казалось, будто в ступне треснула еще пара костей.

А чувствовал я себя все хуже: голова кружилась, тошнило, и жар пробирал. И с каждым разом, когда меня сбивали, вставать становилось все труднее. Я быстро терял силы: мне так и виделось, как в этом отравленном призраками пространстве мое тело рассыпается на молекулы.

Я впервые всерьез поверил, что мы можем потерпеть поражение.

Но тут призраки вдруг отступили. Когда вокруг меня стало просторней, я разглядел, что они навалились на Джеру.

Она стояла на корпусе, привязанная за ногу к крюку, в каждой руке — по ножу. И она, как сумасшедшая, рубила

призраков и те шкурки, которые трепыхались вокруг нее. Она уже и не пыталась их ловить, просто вспарывала, уничтожая все, до чего могла дотянуться. Я видел, что одна рука у нее неестественно вывернута — вывих, а может, и перелом, — но она все равно дралась.

И призраки толпились вокруг нее, их тяжелые серебряные туши наваливались на хрупкую неукротимую человеческую фигурку.

Она жертвовала собой, чтобы спасти меня, — так же как капитан Тейд в последнее мгновение жизни «Ярко» погибла ради спасения Паэля. А мой долг был — довести дело до конца. Я колол и нанизывал, колол и нанизывал неуклюжие шкурки, толпившиеся у дыры и медленно умиравшие.

Наконец шкурки закончились. Я задрал голову, чтобы сморгнуть соленый пот, заливавший глаза. Несколько шкурок еще болтались внутри, но они уже умерли, и мне до них было не дотянуться. Остальные, те, что я упустил, разлетелись и запутались в переплетении корпуса. Гоняться за ними не стоило — слишком далеко. Придется обойтись теми, что я насобирал.

Я начал отступать к нашей разбитой шлюпке, где, как я надеялся, ждал меня Паэль.

Один раз я оглянулся. Не смог с собой совладать. Призраки кучей громоздились на корпусе стручка. Где-то в глубине этой кучи то, что осталось от Джеру, продолжало бой.

Меня тянуло, почти непреодолимо тянуло вернуться к ней. Ни один человек не должен умирать в одиночестве. Но я знал, что обязан выбраться отсюда, довести дело до конца, чтобы ее жертва не была напрасной.

Мы с Паэлем заканчивали работу на наружной оболочке корабля призраков.

Джеру была права: шкурки вспарывались легко. Так же легко оказалось сшивать их вместе: просто складываешь края и проводишь пальцами. Этим я и занимался: сшивал шкурки в парус, пока Паэль связывал концы веревок, закрепляя их на панели из разбитой шлюпки. Он действовал быстро и умело. Как-никак он был родом из мира, где каждый на каникулах хаживал под солнечным парусом.

Мы работали без перерыва несколько часов.

Я старался не замечать, где у меня ноет и саднит, как нарастает боль в голове, в груди и в животе, как дергает сломанную руку, не желавшую срастаться, и криком кричат сломанные кости ступни. Говорили мы только о деле. Паэль ни разу не спросил, что сталось с Джеру: он как будто заранее

предугадал ее судьбу.

Ни один призрак нас не потревожил. Я старался не думать, какие чувства клокочут в их серебристых телах, какие горячие споры бурлят на какой-то неизвестной длине волны. Я просто делал свое дело. Силы у меня кончились еще раньше, чем я вернулся к Паэлю. Я действовал вопреки изнеможению, сосредоточившись на работе.

И очень удивился, обнаружив, что все готово.

Мы смастерили парус в сотни метров шириной, сшитый из неощутимо тонких шкурок призраков. Он был более или менее круглый, и десятки тонких веревок крепили его к панели, которую мы выломали из разбитой шлюпки. Парус парил, и по его поверхности пробегала ленивая рябь.

Паэль показал мне, как управлять.

— Тяни за эту веревку и за эту… — Огромный лоскутный парус изгибался по его команде. — Я его поставил так, что лавировать тебе не придется. Он сам поплывет, надеюсь, за периметр кордона. Если тебе понадобится спустить паруса, просто перережь веревки.

Я машинально запоминал. Естественно, лучше, чтобы управлять маленькой яхтой умели оба. Потом до меня стал доходить подтекст его объяснений.

Я не успел понять, что происходит, а он уже пихнул меня на панель и оттолкнул ее от корабля призраков. Откуда и сила взялась…

Я видел, как он удаляется. Он будто тянулся вслед за мной из путаницы канатов. У меня не хватало сил сообразить, как преодолеть разделяющее нас расстояние, которое становилось все больше. Но мой скафандр читал символы, вспыхивающие на поверхности его скафандра. Все было ясно.

— Там, где я вырос, небо было полно парусов.

— Почему, академик?

— Ты уйдешь быстрее и дальше без лишней тяжести на борту. Кроме того, наша жизнь и так достаточно коротка: мы должны беречь молодых. Ты не согласен?

Я никак не мог понять, о чем он говорит. Паэль был куда ценнее меня, оставаться следовало мне. Как ему не стыдно…

По его капюшону пробежали сложные символы:

— Старайся держаться в стороне от прямых лучей. Свет становится все более интенсивным. Тебе это поможет.

И он скрылся, нырнул в чащу канатов. Корабль призраков был уже далеко — почти гладкое огромное яйцо в пустоте, мое помутившееся зрение не различало отдельных канатов.

Лучи разгорающегося солнца медленно надували парус над

моей головой. Паэль хорошо рассчитал конструкцию — такелаж был хорошо натянут, и на серебристой ткани не видно было ни морщин, ни складок.

Я прижался к крошечной палубе, укрываясь от солнца.

Через двенадцать часов я миновал невидимую линию, за которой тактический маяк у меня в кармане издал тонкий визг, отдавшийся в наушниках. Включилась вспомогательная система скафандра, и я вдохнул свежий воздух.

Вскоре от светящейся реки флота отделилась группа огоньков и стала наплывать на меня, становясь все ярче. Потом я увидел золотую торпеду корпуса, украшенную сине-зеленым четырехугольником, эмблемой свободного человечества. Это был корабль снабжения «Преобладание приматов».

А вскоре после этого флот призраков сбежал из крепости, и звезда взорвалась.

Как только я закончил официальный рапорт комиссару корабля и получил отпуск из лазарета, я попросил разрешения обратиться к капитану.

Я прошел на мостик. Слухи уже разошлись, и каждая заплата, которую оставили на мне медики, добавляла подробностей к героическим мифам, так что полюбоваться на меня собрался весь экипаж, и чего только я не наслушался!

— Покойник, так и лежи смирно, я уже зацапал твое жалованье и переспал с твоей мамашей… — в непременном сопровождении жеста, по которому матросня всего мира узнает друг друга: сжатый кулак, обхвативший невидимый пенис.

Более почтительная встреча показалась бы мне странной.

Капитан здесь была седым ветераном, со шрамом от лазера на щеке. Мне вспомнился старший помощник Тилл.

Я сказал ей, что хотел бы вернуться к своим обязанностям, как только мне позволит здоровье.

Она оглядела меня с головы до ног.

— Вы уверены, юнга? Перед вами открываются широкие возможности. Вы еще молоды, но уже внесли свой вклад в борьбу за Экспансию. Вы могли бы отправиться домой.

— И что там делать, сэр?

Она пожала плечами:

— Ферма, рудники, растить детей… Чем там еще занимаются земные черни? Или поступить в Комиссию Исторической Истины.

— Я комиссар?!

— Вы там побывали, юнга. Вы побывали среди призраков и вернулись с самой важной информацией, какую получала Комиссия за последние пятьдесят лет. Вы уверены, что хотите

снова воевать?

Я припомнил спор между Джеру и Паэлем. Будущее меня не радовало. Я попался в капкан, который Джеру назвала логикой истории. Но ведь то же самое относилось к большей части человечества на протяжении всей его долгой и кровавой истории. И что нам оставалось, как не прожить свою жизнь, ловить сколько сумеешь света — и стоять за своих товарищей?

Какой из меня фермер? А на Комиссию у меня в жизни мозгов не хватит. Нет, я не колебался.

— Живущий кратко горит ярко, сэр.

— Реки Аида! — У капитана вроде бы комок застрял в горле. — Это надо понимать как «да», юнга?

Я встал по стойке смирно, хотя внутри у меня что-то щипало.

— Да, сэр!

Артур Кларк
Молот Господень

Английский писатель Артур Кларк (р. в 1917 г.) живет на острове Шри-Ланка. В 1999 г. он был удостоен рыцарского звания, что, по признанию самого писателя, воспринял как честь, оказанную английской королевой всему жанру фантастики как таковому. Кларк дважды возглавлял Британское Межпланетное Общество (в 1946–1947 гг. и в 1950–1953 гг.), а в 1945-м выдвинул идею о том, что спутники можно использовать как средства связи. Первый научно-фантастический рассказ Кларка, «Лазейка» («Loophole»), был опубликован в 1946 г. в журнале «Astounding». Затем последовали «Пески Марса» («The Sands of Mars», 1951), «Острова в небе» («Islands in the Sky», 1952), «Не дай наступить ночи» («Against the Fall of Night», 1953) и «Конец детства» («Childhood's End», 1953). В первый из сборников рассказов, «Экспедиция на Землю» («Expedition to Earth»), вошел рассказ «Часовой» («The Sentinel»), послуживший основой для фильма Стэнли Кубрика «Космическая одиссея 2001» (1968) и впоследствии развернутый Кларком в знаменитый роман «2001». Артур Кларк всегда воспевал космос и технику, однако, как заметил Грегори Бенфорд, у Кларка гораздо больше общего с Генри Торо, чем с Робертом Хайнлайном. Для Кларка красота космоса — прежде всего красота природы, а освоение космоса диктуется жаждой знаний, интересом к неведомому, к открытию новых земель. Техника же, по мнению писателя, лишь средство, помогающее постичь мир. Кроме того, с точки зрения Кларка, артефакты могут быть красивы, таинственны и привлекательны сами по себе. В его рассказах основное внимание уделяется не столько могуществу, которое приносят познание и открытия, сколько эмоциональному удовлетворению. В 1990-е гг. Кларк работал в соавторстве с Грегори Бенфордом, Джентри Ли и Стивеном Бакстером, причем на последнего он оказал существенное влияние. Интересно также, что Кларк неоднократно вступал в яростные научные споры с Робертом Хайнлайном, например, в 1984 г. у них состоялась бурная дискуссия по поводу спутников и освоения космоса, что в определенной

степени обозначило раскол между британской и американской научной фантастикой.

Рассказ «Молот Господень», впервые опубликованный в журнале «Time» в 1992 г., посвящен столкновению астероида с Землей. Это дидактическая история с едва очерченными персонажами, которая разворачивается в масштабных космических декорациях. По мнению составителей данной антологии, этот рассказ — настоящий шедевр и ранее был незаслуженно обойден вниманием. Его публикация в свое время вызвала горячие споры в правительстве США о том, что предпринять, если подобное столкновение действительно будет угрожать планете.

Он вошел в атмосферу вертикально, проделав в ней дыру шириной в десять километров, и температура при этом поднялась настолько, что сам воздух начал гореть. Когда он ударился о землю неподалеку от Мексиканского залива, скалы расплавились и потекли, образовав гигантские волны, и растопленный камень застыл лишь после того, как образовал кратер диаметром двести километров.

Это было лишь началом катастрофы; теперь развернулась настоящая трагедия. С неба хлынули оксиды азота, превратив морскую воду в кислоту. Облака сажи от сгоревших лесов затмили небо, солнце скрылось на несколько месяцев. На всей Земле температура стремительно падала, при этом погибла большая часть растений и животных, переживших само столкновение. Хотя некоторые виды продержались еще тысячелетия, царству гигантских рептилий пришел конец.

Часы эволюции включились: начался обратный отсчет времени до возникновения человека. Это случилось приблизительно за шестьдесят пять миллионов лет до нашей эры.

Капитану Роберту Сингху нравилось гулять по лесу с маленьким сыном Тоби. Это был, конечно, цивилизованный, ухоженный лес, там не водились опасные звери, но здешняя природа резко отличалась от волнистых дюн, что окружали их последний дом в Аравийской пустыне, — и от предпоследнего места жительства, Большого Барьерного рифа в Австралии. Но после того как Космическая служба в очередной раз переехала, возникли какие-то неполадки в системе рециклизации пищи. Хотя в электронных меню имелись надежные дублирующие элементы, в последнее время некоторые блюда, выходившие из синтезатора, приобрели странный металлический привкус.

— Что это, папа? — спросил четырехлетний малыш, указывая на маленькую волосатую мордочку, уставившуюся на них из-за завесы листьев.

— Ну, какая-то разновидность обезьяны. Спросим Мозг, когда придем домой.

— А можно мне с ним поиграть?

— Не думаю, что это хорошая идея. Он может укусить. И, возможно, у него блохи. Твои роботоигрушки гораздо лучше.

— Но…

Капитан Сингх знал, что произойдет дальше: это повторялось уже в десятый раз. Тоби начнет плакать, обезьянка исчезнет, а он понесет ребенка домой, утешая его по дороге…

Это случилось двадцать лет назад, за четверть миллиарда километров отсюда. Воспоминания оборвались; звуки, картины, аромат незнакомых цветов и мягкое прикосновение ветра постепенно исчезли. Внезапно капитан снова оказался в своей кабине на борту космического буксира «Голиаф», он возглавлял экипаж из ста человек, выполнявший операцию «Атлант», важнейшее задание за всю историю освоения космического пространства. Тоби, мачехи и отчимы его разросшегося семейства остались далеко, в другом мире, в который Сингху не суждено было вернуться. Десятилетия, проведенные в космосе, и пренебрежение обязательными при нулевой гравитации упражнениями ослабили его организм, так что теперь он мог ходить лишь на Луне или на Марсе. Сила тяжести изгнала его с родной планеты.

— Один час до встречи, капитан, — раздался негромкий, но настойчивый голос Давида — такое имя неизбежно получил центральный компьютер «Голиафа». — Переходим в активный режим в соответствии с инструкциями. Пора возвращаться в реальный мир.

Живой командир «Голиафа» почувствовал, как его захлестывает волна печали, — последний образ его утерянного прошлого растворился в расплывчатом, пузырящемся тумане белого шума. Слишком быстрый переход от одной реальности к другой мог легко привести к шизофрении, и капитан Сингх всегда старался смягчить шок, мысленно воспроизводя самый мирный звук, который он знал: шум волн, мягко накатывающихся на пляж, и отдаленные крики чаек. Это было еще одно воспоминание из жизни, которую он потерял, из мирного прошлого, сменившегося страшным настоящим.

Еще несколько мгновений он помедлил, откладывая встречу с огромной ответственностью. Затем вздохнул и снял шапочку с нейропередатчиками, плотно облегавшую череп, которая

позволяла вызывать в сознании образы далекого прошлого. Как и все звездолетчики, капитан Сингх был сторонником движения «Лысина прекрасна» хотя бы потому, что парик создавал неудобства в отсутствие силы тяжести. Социологи и историки все еще не могли осмыслить факт того, что лишь одно изобретение — портативный «Мыслитель» — смогло за десять лет сделать лысину нормальным явлением. Даже моментальное окрашивание кожи и лазерная коррекция хрусталика, упразднившая очки, не внесли такого вклада в стиль и моду.

— Капитан, — сказал Давид. — Я знаю, что вы там. Или вы хотите, чтобы я взял управление на себя?

Это была старая шутка, возникшая на основе фантастических книг и фильмов о безумных компьютерах начала электронной эпохи. Давид обладал удивительным чувством юмора: ведь, в конце концов, согласно знаменитой Сотой поправке он был Узаконенной Личностью (Нечеловеком), наделенной почти всеми качествами своих создателей, а кое в чем даже превосходящей их. Но некоторые чувственные и эмоциональные сферы были ему совершенно чужды. Инженеры не сочли нужным снабдить компьютер обонянием или осязанием, хотя это не составило бы труда. И все его попытки рассказывать непристойные анекдоты оказались настолько неудачны, что он оставил эту тему.

— Все в порядке, Давид, — ответил капитан. — Я еще командую. — Он снял маску и неохотно повернулся к смотровому экрану. Прямо перед ним в космическом пространстве висела Кали.

Она выглядела довольно безобидной: просто небольшой астероид, по форме настолько сильно напоминавший земляной орех, что сходство это было почти комичным. Несколько больших кратеров и сотни крошечных вмятин, следы столкновений, беспорядочно усеивали ее угольно-черную поверхность. По виду ее нельзя было судить о размерах, но Сингх знал их наизусть: наибольшая длина 1295 м, ширина в самой узкой части 456 м. Кали без труда поместилась бы в любом городском парке.

Неудивительно, что даже сейчас большая часть человечества не верила, что этот скромный астероид должен стать орудием судьбы. Или, как называли ее хрисламистские фундаменталисты, «Молотом Господним».

Неожиданное возвышение хрислама стало одинаково болезненным для Рима и Мекки. Позиции христианской церкви пошатнулись после красноречивого, но запоздалого призыва Иоанна Павла XXV пользоваться контрацептивами и обнаружения в Новых свитках Мертвого моря неоспоримых доказательств того,

что евангельский Христос вобрал в себя черты по меньшей мере трех реально существовавших людей. Тем временем мусульманский мир утратил большую часть своего экономического могущества, когда победоносное открытие Холодного Слияния, после преждевременного сообщения о неудаче, положило неожиданный конец Нефтяной Эпохе. Время было подходящим для появления новой религии, которая, как признавали даже самые жесткие критики, объединила в себе лучшие элементы двух древних вероисповеданий.

Пророчица Фатима Магдалина (урожденная Руби Гольденберг) привлекла на свою сторону почти сто миллионов последователей, прежде чем погибнуть впечатляющей — и, как утверждали некоторые, ненужной — мученической смертью. Благодаря блестящему использованию нейропрограммирования во время церемоний для создания видений рая хислам распространялся с невиданной скоростью, хотя по числу приверженцев старые религии по-прежнему превосходили его.

После смерти пророчицы движение, естественно, раскололось на враждующие фракции, каждая из которых якобы защищала Истинную Веру. Группировка самых ярых фанатиков, называвшая себя «Возрожденными», заявляла, что установила прямой контакт с Богиней (или, по крайней мере, Ее архангелами) через некую мачту, расположенную в зоне молчания на обратной стороне Луны и закрытую от радиошумов с Земли тремя тысячами километров породы.

Теперь Кали заполнила собой главный экран. В увеличении не было нужды: «Голиаф» парил всего в двухстах метрах над ее древней изрытой поверхностью. Двое из членов экипажа уже опустились на астероид; они были одеты в утяжеленные скафандры — ходить по планетке, на которой сила тяжести почти равнялась нулю, не представлялось возможным.

— Использую радиомаяк. Мы его прочно закрепили. Теперь Кали от нас не скроется.

Это была не слишком удачная шутка, но офицеры на мостике рассмеялись. С момента встречи в состоянии экипажа произошло едва заметное изменение, наблюдались непредсказуемые перепады от уныния к детскому веселью. Корабельный врач уже прописал транквилизаторы одному из звездолетчиков, страдавшему легкими проявлениями маниакально-депрессивного синдрома. Ситуация должна была только ухудшиться, ведь у них не осталось никакого дела — только ждать, неделя за неделей.

Первый период ожидания уже начался. На Земле гигантские радиотелескопы были настроены на сигналы с маяка. Хотя орбиту

Кали уже рассчитали с максимально возможной точностью, оставался крошечный шанс, что астероид пролетит мимо. Радиомаяк поможет точно установить, что же произойдет.

Прежде чем пришел приговор, протекли два бесконечных часа, и наконец Давид доложил команде результат:

— Космический патруль сообщает, что вероятность столкновения с Землей составляет девяносто девять и девять десятых процента. Операцию «Атлант» необходимо начинать немедленно.

В задачу мифологического Атланта входило поддерживать небеса, чтобы они не рухнули на землю. Ракета «Атлант», которую «Голиаф» нес с собой в качестве груза, имела более узкую цель: удержать от падения на Землю крошечный кусочек неба.

Он был размером с небольшой дом, весил 9000 тонн и двигался со скоростью 50 ООО километров в час. Когда он пролетал над Национальным парком Гранд-Тетон, один проворный турист сфотографировал светящийся огненный шар с длинным хвостом из паров. Менее чем через две минуты шар скользнул по верхним слоям атмосферы Земли и вернулся в космос.

Незначительное изменение в орбите, происшедшее за миллиарды лет, что он летал вокруг Солнца, могло бы привести к тому, что астероид врезался бы в один из крупнейших городов мира и вызвал бы взрыв, по мощности в пять раз превосходящий мощность взрыва атомной бомбы, уничтожившей Хиросиму.

Это произошло 10 августа 1972 года.

Космический патруль был одним из проектов легендарного НАСА, он возник в конце XX века. Его первоначальная цель была довольно скромной: собирать как можно больше сведений об астероидах и кометах, пересекающих орбиту Земли, и определять, какие из них представляют потенциальную угрозу.

Бюджет проекта редко превышал десять миллионов в год, но к 2000 году в мире возникла сеть телескопов, которые по большей части обслуживали любители. Спустя 61 год впечатляющее возвращение кометы Галлея побудило руководство увеличить финансирование, а огромный огненный шар, упавший в 2079 году, к счастью, в центр Атлантического океана, придал Космическому патрулю дополнительный авторитет. К концу столетия патруль зафиксировал более миллиона астероидов, и считалось, что обзор закончен на 90 %. Однако его нельзя было прекращать: всегда оставалась возможность вторжения какого-нибудь астероида из неизведанных, внешних областей Солнечной

системы.

Именно так появилась Кали — ее обнаружили в конце 2212 года, когда она пролетала по направлению к Солнцу через внешнюю орбиту Юпитера. К счастью, человечество было подготовлено к этому событию благодаря тому, что почти за сто лет до этого сенатор Джордж Ледстоун (независимый кандидат от Западной Америки) возглавлял один влиятельный финансовый комитет.

Сенатор отличался одной явной странностью, и ему, как он весело признавался, был присущ один тайный порок. Он всегда носил массивные очки в роговой оправе (с простыми стеклами, разумеется), потому что они наводили страх на упрямых собеседников, из которых немногие встречали подобное новшество. Его «тайный порок», отлично всем известный, заключался в стрельбе из винтовки в давно заброшенной ракетной шахте неподалеку от горы Шайенн. Со времени демилитаризации Земли (ускорившейся после возникновения знаменитого слогана «Оружие — костыли импотентов») на подобные вещи смотрели косо, хотя и не запрещали.

Без сомнения, сенатор Ледстоун отличался оригинальностью; видимо, эта черта передалась ему по наследству. Его бабка служила полковником в наводящей страх Милиции Беверли-Хиллз, и ее стычки с неформальными группировками Лос-Анджелеса порождали бесконечное число психодрам во всех жанрах от старомодного балета до прямой стимуляции мозга. А дед был одним из самых знаменитых контрабандистов XXI века. Прежде чем его убили в перестрелке с канадскими пограничниками во время отчаянной попытки провезти тысячу тонн табака вверх по Ниагарскому водопаду, Ледстоун-старший успел отяготить свою совесть по меньшей мере двадцатью миллионами жизней.

Ледстоун нисколько не стеснялся своего деда, чья сенсационная гибель помогла пресечь третью, и самую неудачную, попытку запретить курение. Он утверждал, что разумным взрослым людям следует разрешить убивать себя так, как им угодно, — с помощью алкоголя, кокаина или даже табака, — если при этом они не убивают ни в чем не повинных окружающих.

Когда сенатору Ледстоуну представили проект бюджета Космического патруля (фаза 2), он пришел в ярость и не пожелал выбрасывать на ветер миллиарды долларов. Действительно, глобальная экономика держалась неплохо; после почти одновременной гибели коммунизма и капитализма математики Всемирного банка, умело используя теорию хаоса, остановили

вечный цикл «Бум и крах» и предотвратили (пока что) Финальную Депрессию, которую предсказывали многие пессимисты. Тем не менее сенатор считал, что эти деньги можно было гораздо разумнее потратить на Земле — в частности, на его любимый проект: реконструкцию остатков Калифорнии, уцелевших после Великого Землетрясения.

После того как Ледстоун дважды наложил вето на Космический патруль, все согласились, что никто на Земле не заставит его изменить свое мнение. Они не принимали в расчет одного человека с Марса.

Красная планета была уже не такой красной, хотя процесс озеленения только-только начался. У колонистов (они ненавидели это слово и уже с гордостью называли себя марсианами), которые сосредоточились на проблеме выживания, не оставалось сил на искусство или науку. Но молния гения ударяет там, где ей угодно, и величайший физик-теоретик столетия родился в одном из стеклянных домов-куполов Порт-Лоуэлла.

Подобно Эйнштейну, с которым его часто сравнивали, Карлос Мендоза был превосходным музыкантом; ему принадлежал единственный на Марсе саксофон, и он в совершенстве владел этим древним инструментом. Он мог бы получить свою Нобелевскую премию на Марсе, как все и ожидали, но Карлос любил сюрпризы и шутки. И он появился в Стокгольме, словно рыцарь в своих современных доспехах, в самоходном экзоскелете, разработанном для паралитиков. С помощью этого устройства Мендоза чувствовал себя почти полноценным человеком, тогда как без него земная сила тяжести быстро убила бы его.

Нет нужды говорить, что после окончания церемонии Карлоса забросали приглашениями на научные и общественные собрания. Среди немногих принятых было приглашение выступить перед Всемирным Бюджетным комитетом, где сенатор Ледстоун настойчиво поинтересовался его мнением о проекте «Космический патруль».

— Я живу на планете, изборожденной шрамами от множества ударов метеоритов, некоторые из них имеют в ширину тысячи километров, — сказал профессор Мендоза. — Когда-то они были таким же обычным делом на Земле, но ветер и дождь — у нас на Марсе их еще нет, но мы над этим работаем! — стерли их следы.

Сенатор Ледстоун:

— Космический патруль якобы регистрирует астероиды, которые должны упасть на Землю. Насколько серьезно следует относиться к их предупреждениям?

Профессор Мендоза:

— Очень серьезно, господин председатель. Рано или поздно произойдет еще одно крупное столкновение.

Молодой ученый произвел на сенатора Ледстоуна сильное впечатление и очаровал его, но не убедил. Изменить свое мнение сенатора побудила не логика, а эмоции. По дороге в Лондон Карлос Мендоза погиб в результате странного несчастного случая — отказала контрольная система его экзоскелета. Ледстоун, глубоко тронутый, немедленно изменил враждебное отношение к Космическому патрулю и одобрил постройку двух мощных космических буксиров — «Голиафа» и «Титана», которые должны были постоянно патрулировать космос на противоположных сторонах от Солнца. В глубокой старости он сказал одному из своих помощников: «Говорят, скоро мы сможем извлечь мозг Мендозы из жидкого азота и пообщаться с ним при помощи компьютера. Интересно, о чем он думал все эти годы…»

«Атлант», собранный на Фобосе, внутреннем спутнике Марса, представлял собой всего лишь систему ракетных двигателей с присоединенными к нему топливными баками, содержащими сто тысяч тонн водорода. Хотя его двигатель был способен генерировать толчок гораздо меньшей силы, чем примитивная ракета, которая вывела на орбиту Юрия Гагарина, он мог непрерывно работать несколько недель. И даже при этом ему не удалось бы сильно воздействовать на астероид — скорость небесного тела изменилась бы всего на несколько сантиметров в секунду. Но этого было бы достаточно, чтобы Кали отклонилась от своего смертоносного курса за те месяцы, которые оставались до ее встречи с Землей.

Теперь, когда баки с ракетным топливом, системы контроля и двигатели «Атланта» были надежно установлены на Кали, астероид выглядел так, словно какой-то сумасшедший построил на нем нефтеочистительный завод. Капитан Сингх устал, как и все члены экипажа, после долгих дней сборки и проверки. Но его согревало чувство выполненного долга: они сделали все, что от них требовалось, обратный отсчет пошел, а остальное уже было делом «Атланта».

Он не чувствовал бы себя таким удовлетворенным, если бы знал, что сообщение чрезвычайной важности из штаб-квартиры Астропола в Женеве уже летит к нему в виде плотного пучка инфракрасных лучей и должно достичь «Голиафа» через тридцать минут. Но было уже поздно.

Примерно за полчаса до назначенного времени «Голиаф»

отдалился от Кали на достаточное расстояние, чтобы не оказаться в зоне действия ракетных двигателей, с помощью которых «Атлант» должен был сбить ее с курса. «Словно мышь пытается оттолкнуть слона», — так описал эту операцию какой-то журналист. Но в безвоздушном пространстве, где отсутствует сила треиия, даже одной мышиной силы достаточно, если приложить ее вовремя и на нужный период.

Группа офицеров, молча стоящих на мостике, не ожидала увидеть ничего захватывающего: плазменные ракеты «Атланта» слишком разогреются, чтобы породить какое-то видимое излучение. Только с помощью телеметрии можно было установить, что воспламенение топлива произошло и Кали перестала быть безжалостной колесницей Джаггернаута, не подчиняющейся воле человечества.

Когда вместо вереницы нулей на акселерометре по экрану побежали первые цифры, люди ненадолго оживились и негромко зааплодировали. Находившиеся на мостике ощущали скорее облегчение, чем ликование. Хотя Кали сдвинулась с орбиты, пройдут еще дни и недели, прежде чем будет достигнута окончательная победа.

А затем, не веря своим глазам, они увидели, что цифры на приборе снова обратились в нули. Секунду спустя одновременно взвыли три сигнала тревоги. Все уставились на Кали и ракету «Атлант», которая должна была сдвинуть ее с курса. От открывшейся картины у людей будто что-то оборвалось внутри: огромные баки с топливом раскрылись, словно цветок в замедленной съемке, и в космос вылились тысячи тонн горючего, которое могло бы спасти Землю. Испещренную кратерами поверхность астероида заволокло облаками пара, затем скудная «атмосфера» рассеялась.

А Кали продолжала свой путь, неумолимо двигаясь вперед, к огненному столкновению с Землей.

Капитан Сингх сидел один в просторной, удобно обставленной каюте, которая была его домом дольше, чем любое другое место в Солнечной системе. Он еще не отошел от шока, но пытался смириться с неизбежным.

Он потерял, окончательно, навсегда, всех, кого любил на Земле. Институт семьи распадался, и Сингх испытывал много сильных привязанностей, и когда-то ему трудно было решить, кого избрать в матери положенных ему двоих детей. У него из головы не шла фраза из какой-то старой американской книги (автора он забыл): «Запомни их такими, каковы они сейчас, — и сотри»[22]. Тот факт, что он сам находился в абсолютной

безопасности, почему-то угнетал его; «Голиафу» ничто не грозило, у него хватило бы топлива, чтобы присоединиться к потрясенным остаткам человечества на Луне или на Марсе.

Да, у него много друзей — и один человек, который ему больше чем друг, — на Марсе; именно там его будущее. Ему только сто два года, впереди у него десятки лет активной жизни. Но у некоторых членов экипажа есть близкие на Луне; ему придется определить путь «Голиафа» голосованием.

В Уставе корабля не было никаких указаний на случай подобной ситуации.

— Я по-прежнему не понимаю, — сказал главный инженер, — почему этот детонирующий шнур не обнаружили во время предстартовой проверки.

— Потому что фанатику из «Возрожденных» было легко его спрятать — и никому даже в голову не могла прийти мысль о подобном. Жаль, что Астропол не поймал его, пока мы были на Фобосе.

— Но зачем они это сделали? Не могу поверить, что эти хрисламистские психи захотели уничтожить Землю.

— Невозможно спорить с их доводами, если принять за основу их суждения. Богиня, Аллах или кто там еще испытывают нас, и мы не должны вмешиваться. Если Кали пролетит мимо, хорошо. Если нет, что ж, это часть Ее высшего замысла. Может быть, мы настолько загрязнили Землю, что пришло время начать все сначала. Помните старое изречение Циолковского: «Земля — колыбель человечества, но нельзя же вечно жить в колыбели». Возможно, появление Кали — знак того, что пора покидать нашу планету.

Капитан поднял руку, призывая к тишине.

— Сейчас важен только один вопрос: Луна или Марс? И та, и другая планета нуждаются в нас. Я не собираюсь давить на вас. — Это едва ли было правдой: каждый знал, куда отправился бы капитан. — Так что я хотел бы сначала узнать ваше мнение.

Первое голосование дало следующие результаты: Марс — 6, Луна — 6, «Не знаю» — 1, капитан воздержался.

Каждая партия пыталась перетянуть на свою сторону того, кто написал «Не знаю», когда вмешался Давид.

— Существует еще одна возможность.

— Что ты имеешь в виду? — спросил капитан Сингх резко.

— По-моему, это очевидно. Хотя «Атлант» уничтожен, у нас еще есть шанс спасти Землю. В соответствии с моими расчетами, у «Голиафа» имеется как раз достаточное количество топлива, чтобы воздействовать на Кали — если мы немедленно начнем

бросок. Но чем дольше мы ждем, тем ниже вероятность успеха.

На минуту на мостике воцарилась тишина: каждый потрясение спрашивал себя: «Почему я не подумал об этом?» — и быстро находил ответ.

Давид был бесстрастен, если можно использовать подобный эпитет применительно к компьютеру, пока люди вокруг него пребывали в состоянии шока. У Узаконенной Личности (Нечеловека) имелись свои преимущества. Давид не ведал, что такое любовь, но и страха он, похоже, не знал. Он всегда мыслил логически, даже на краю гибели.

«Если повезет, — думал капитан Сингх, — это будет моя последняя передача на Землю. Я устал быть героем, да еще слегка перезрелым. Еще много чего непредвиденного может произойти, как это уже случилось…»

— Это капитан Сингх, буксир «Голиаф». Прежде всего, позвольте выразить нашу радость по поводу того, что старейшины хрислама нашли диверсантов и передали их в Астропол. Мы находимся в пятидесяти днях пути от Земли, и у нас возникла небольшая проблема. Поспешу добавить, что она не повлияет на наше решение еще раз попытаться изменить курс Кали. Я заметил, что средства массовой информации называют эту попытку «Операция „Спасение“». Нам нравится название, и мы надеемся оправдать его, но мы по-прежнему не уверены в полном успехе. Давид, который ценит полученные им доброжелательные послания, считает, что вероятность столкновения Кали с Землей по-прежнему составляет десять процентов… — Капитан Сингх помолчал немного и продолжил: — Сначала мы намеревались оставить в запасе достаточно топлива, чтобы обойти Кали непосредственно перед столкновением с ней и выйти на безопасную орбиту, где наш близнец «Титан» мог бы встретить нас. Но сейчас эта возможность потеряна. Когда «Голиаф» летел по направлению к Кали с максимальной скоростью, мы пробили слабое место в ее коре. Корабль не поврежден, но мы застряли! Все попытки освободиться потерпели неудачу. Мы не обеспокоены этим, ведь это может оказаться к лучшему. Теперь мы используем всё наше топливо для толчка. Может быть, именно эта последняя капля нужна, чтобы выполнить задание. Итак, мы вместе с Кали пролетим мимо Земли и свяжемся с вами с безопасного расстояния через пятьдесят дней.

Это будут самые долгие пятьдесят дней в истории человечества.

Гигантский полумесяц закрыл небо, и зазубренные горные

вершины, окаймлявшие его, горели в ослепительном свете лунного восхода. Но пыльные равнины, на которые еще не упали лучи Солнца, не были темными: они слабо светились в лучах, отраженных от облаков и континентов Земли. Там и сям на когда-то мертвой поверхности были рассеяны мерцающие светляки — первые постоянные поселения людей за пределами родной планеты. Капитан Сингх легко узнал Базу Клавиус, Порт-Армстронг, Платон-Сити. Он даже мог разглядеть ожерелье тусклых огоньков вдоль Транслунной железной дороги, по которой доставляли драгоценный груз воды из ледников на Южном полюсе.

До Земли оставалось лететь лишь пять часов.

Кали вошла в атмосферу Земли вскоре после полуночи по местному времени в двухстах километрах над Гавайскими островами. Гигантский огненный шар немедленно породил искусственный рассвет над Тихим океаном, разбудив диких животных на мириадах островов. Но немногие люди спали в ту великую ночь, кроме тех, кто искал забвения в наркотиках.

В Новой Зеландии от жара космической печи загорелись леса и растаял снег в горах, вызвав сход лавин. Но человеческому роду очень, очень повезло: основное термическое воздействие Кали, проносившейся над Землей, пришлось на Антарктиду, континент, который лучше всего поглощает тепло. Даже Кали оказалось не под силу растопить километры полярного льда, но она вызвала Великое Потепление, в результате которого изменились береговые линии всех континентов.

Ни один из очевидцев не мог описать звуки, порожденные пролетавшей Кали; записи были всего лишь слабым эхом. Видеосюжеты, разумеется, были великолепны, их будут смотреть поколения и поколения. Но ничто не сравнится с кошмарной реальностью.

Через две минуты после того, как Кали прошла через атмосферу, она снова вылетела в открытый космос. Она приблизилась к Земле на шестьдесят километров. Эти две минуты унесли сто тысяч жизней и причинили убытков на триллион долларов.

«Голиафа» защищал от жара массив самой Кали; потоки раскаленной плазмы не причинили ему вреда. Но когда астероид врезался в воздушное покрывало Земли на скорости, в сто раз превышающей скорость звука, сила тяжести на корабле моментально возросла до пяти, десяти, двадцати земных — и достигла уровня, которого не может выдержать ни один механизм или живое существо.

Теперь орбита астероида действительно сильно изменилась; Кали больше не суждено было приблизиться к Земле. Когда она в следующий раз возвратится во внутреннюю часть Солнечной системы, более быстроходный корабль позднейшего поколения посетит смятые останки «Голиафа» и почтительно доставит домой тела тех, кто спас мир.

До следующего астероида.

Джеймс Патрик Келли
Думать, как динозавр

Джеймс Патрик Келли (р. в 1951 г.), еще будучи начинающим писателем, услышал от своих преподавателей на семинаре «Clarion», что рассказы в жанре научной фантастики требуют тщательного продумывания и подготовки. Он принял это к сведению, и позже, когда выяснилось, что далеко не всегда его коллеги затрудняют себя научными изысканиями, подобный метод работы уже вошел у Келли в привычку. В твердой научной фантастике его больше всего привлекает многообразие ситуаций, которые позволяет создавать этот жанр, их драматические возможности. Келли прекрасный стилист, а его герои всегда наделены яркой и запоминающейся индивидуальностью. Имя Келли зачастую ассоциируется с писательским семинаром «Sycamore Hill», который в 1980-е являлся гуманистической оппозицией киберпанку; однако, как это ни парадоксально, составляя антологию киберпанка «Зеркальные тени» («Mirrorshades: The Cyber-Punk Anthology»), Брюс Стерлинг включил в нее произведения Келли, считая того ярким представителем данного направления.

Перу Келли принадлежит немало произведений в жанре твердой научной фантастики, интересных самому широкому кругу читателей. В основном писатель предпочитает малую форму, но на его счету также несколько романов: «Планета шепотов» («Planet of Wispers», 1984), «Заглянуть в Солнце» («Look into the Sun», 1989), «Дикая природа» («Wildlife», 1994). Рассказы Келли составили три сборника: «Героини» («Heroines», 1990), «Думать, как динозавр и другие рассказы» («Think Like a Dinosaur and Other Stories», 1997), «Странный, но не сторонний» («Strange But Not a Stranger», 2001). Рассказ «Несделанное» («Undone», 2001) был номинирован на премию «Небьюла». В последнее время Келли обратился к драматургии и написал пять пьес для радиопостановок — частично по мотивам своих произведений. Он также делает ежемесячный обзор Интернет-материалов для журнала «Asimov's».

Рассказ «Думать, как динозавр» в 1996 г. получил

премию «Хьюго». Он выдержан в классическом духе научной фантастики и, затрагивая проблемы пола, вступает в полемику с «Неумолимым уравнением» («Cold Equations») Тома Годвина.

Камала Шастри вернулась в этот мир такой же, какой оставила его, — обнаженной. Она неуверенно шагнула наружу из сборщика, стараясь сохранить равновесие в слабом притяжении станции «Туулен». Я подхватил ее, одновременно заворачивая в халат, а затем опустил на надувную подушку. Три года, проведенные на другой планете, переменили Камалу. Она похудела, стала мускулистее. Ногти на руках отросли сантиметра на два, по левой щеке тянулось четыре параллельных шрама, наверное, они соответствовали гендианским канонам красоты. Но что поразило меня больше всего — вопиющая отчужденность во взгляде. Это место, такое привычное для меня, кажется, едва не повергло ее в шок. Словно она сомневалась в этих стенах и скептически воспринимала местный воздух. Она научилась думать, как инопланетянин.

— Добро пожаловать обратно!

Надувная подушка зашуршала, потом громко зашипела, когда я потащил ее по коридору.

Камала с трудом глотнула, и мне показалось, что она сейчас заплачет. Три года назад она заплакала бы. Многие странники чувствуют себя опустошенными, когда выходят из сборщика, это потому, что нет никакого перехода. Несколько секунд назад Камала была на Генде, четвертой планете той звезды, которую мы называем Эпсилоном Льва, и вот она уже здесь, на лунной орбите. Почти дома, самое большое приключение ее жизни подошло к концу.

— Мэттью? — спросила она.

— Майкл. — Я невольно ощутил себя польщенным — она меня помнит. В конце концов, она изменила мою жизнь.

Я проводил, наверное, сотни три странников, приходящих и уходящих, с тех пор как впервые прибыл на «Туулен» изучать динозавров. Камала Шастри — единственный квантовый скан, которого я лично убил. Сомневаюсь, что динозавров это заботит, подозреваю, время от времени они сами позволяют себе подобные нарушения. Я знаю о ней, по крайней мере той, какой она была три года назад, больше, чем о себе самом. Когда динозавры отправили ее на Генд, ее масса составляла 50 391,72 грамма, а количество эритроцитов в крови — 4,81 миллиона на кубический сантиметр. Она умела играть на нагасварам, роде бамбуковой

флейты. Ее отец — уроженец Таны, под Бомбеем, жевательную резинку она любит со вкусом арбуза, у нее было пять любовников, в одиннадцать лет она мечтала стать гимнасткой, но вместо этого стала инженером по биоматериалам и в возрасте двадцати девяти лет добровольно отправилась к звездам, чтобы научиться выращивать искусственные глаза. Ей потребовалось два года для прохождения соответствующей подготовки, она знала, что может отказаться в любой момент, вплоть до того мгновения, когда Силлойн переведет ее в сверхлюминальный сигнал. Она понимала, что означает сохранение равновесия.

В первый раз я увидел ее 22 июня 2069 года. Она прибыла на «челноке» из порта Люнекса L1 и оказалась в нашей воздушной камере ровно в 10:15, маленькая, кругленькая женщина с темными волосами, расчесанными на прямой пробор и плотно прилегающими к голове. Ей вычернили кожу для защиты от радиационного излучения Эпсилона Льва, теперь она была цвета синих сумерек. На ней был полосатый комбинезон, на ногах тапочки на липучке, чтобы облегчить ей передвижение на тот короткий промежуток времени, который она должна была провести в нашей микрогравитации.

— Добро пожаловать на станцию «Туулен». — Я улыбнулся и протянул руку. — Меня зовут Майкл. — Мы обменялись рукопожатием. — В принципе, я сапиентолог, но по совместительству еще и местный проводник.

— Проводник? — Она рассеянно кивнула. — Хорошо. — Камала всматривалась куда-то мимо меня, словно ожидая увидеть кого-то еще.

— О, не волнуйтесь, — произнес я, — динозавры сидят по своим клеткам.

Глаза ее широко раскрылись, и рука выскользнула из моей.

— Вы называете ганениан динозаврами?

— А почему нет? — Я засмеялся. — Они же зовут нас младенцами. Или даже плаксами.

Камала покачала головой в изумлении. Люди, никогда не видевшие динозавров, обычно романтизировали их: мудрые, благородные рептилии, в совершенстве познавшие сверхлюминальную физику и познакомившие землян с чудесами галактических цивилизаций. Сомневаюсь, что Камала видела когда-либо, как динозавр играет в покер или заглатывает верещащего кролика. И она точно никогда не спорила с Линной, которая до сих пор сомневается, что люди психологически готовы к путешествию к звездам.

— Вы что-нибудь ели? — Я махнул рукой на коридор, ведущий к гостевым комнатам.

— Да… то есть нет. — Она не двинулась с места. — Я не голодна.

— Дайте-ка я угадаю. Вы слишком взволнованы, чтобы есть. И даже слишком взволнованы, чтобы разговаривать. Вы хотите, чтобы я заткнулся, засунул вас в шар и переместил отсюда. Давайте-ка попробуем преодолеть это состояние, ладно?

— На самом деле я не возражаю против разговора.

— Тогда пойдемте. Надо сказать, Камала, моей главной обязанностью является предупредить вас, что на Генде нет ни арахисового масла, ни хлеба с вареньем. И куриного виндалу тоже нет. Кстати, как меня зовут?

— Майкл?

— Смотри-ка, а вы не так уж и взволнованы. Никакого тако и ни кусочка пиццы с баклажаном. Вам предоставляется последний шанс поесть по-человечески.

— Хорошо. — Она не улыбнулась, была слишком занята тем, чтобы выглядеть храброй, но уголок ее рта дрогнул. — Пожалуй, я не откажусь от чашки чаю.

— А вот чай у них как раз есть. — Она позволила проводить ее в комнату «Д», ее тапочки со щелчком отрывались от ковра. — Но, естественно, заваривают его из того, что настригают с лужаек.

— У гендиан нет лужаек. Они живут под землей.

— Освежите, пожалуйста, мою память. — Я положил руку ей на плечо, мышцы под комбинезоном были будто камень. — Они похожи на хорьков, или это такие штуки с оранжевыми наростами?

— Они совсем не похожи на хорьков.

Мы протолкнулись сквозь дверной пузырь в гостевую комнату «Д», небольшое прямоугольное помещение с расставленной в беспорядке низкой безопасной мебелью. В одном конце располагалась кухня, в другом — уборная с вакуумным унитазом. Потолок был небесно-голубой, на длинной стене живая панорама Чарльз-ривер и Бостона в свете закатного июньского солнца. Камала только что получила докторскую степень в Массачусетском технологическом институте.

Я отключил дверь на вход-выход. Она присела на краешек кушетки — птичка, готовая улететь.

Пока я заваривал ей чай, у меня замигал встроенный в ноготь монитор. Я настроился на прием, и крошечное изображение Силлойн возникло в скрытом режиме. Она не смотрела на меня, была слишком занята наблюдением за лучами в аппаратной.

— У нас проблема, — прожужжал ее голос у меня в наушнике, — хотя и ничтожная. Однако нам придется исключить двоих последних из сегодняшнего расписания. Оставь их на

Люнексе до завтра, до первого сеанса. А эту можно будет задержать на часок?

— Конечно, — ответил я. — Камала, хочешь познакомиться с ганенианином? — Я переместил изображение Силлойн в стенное окно размером с динозавра. — Силлойн, это Камала Шастри. На самом деле главная здесь Силлойн. Я же просто привратник.

Силлойн поглядела сквозь стекло одним глазом, затем развернулась и уставилась на Камалу вторым глазом. Для динозавра она была невысокая, чуть больше метра, зато ее громадная голова покачивалась на шее, словно арбуз, балансирующий на грейпфруте. Наверное, она только что намазалась маслом, потому что все ее серебристые чешуйки сверкали.

— Камала, могу ли я сказать, что с тобой связаны мои самые радостные ожидания? — Она подняла левую руку, растопырив кожисгые пальцы и демонстрируя темные полумесяцы рудиментарных перепонок.

— Конечно же, я…

— И ты даешь разрешение на то, чтобы мы осуществили твое перемещение?

Камала выпрямилась.

— Да.

— У тебя есть вопросы?

Уверен, вопросов у нее было несколько сотен, но в данный момент она, должно быть, была слишком испугана, чтобы спрашивать. Пока она колебалась, влез я:

— Что раньше, ящерица или яйцо?

Силлойн проигнорировала меня.

— Когда тебе будет удобнее начать?

— Сейчас она пьет чай, — сказал я, передавая Камале чашку. — Я ее приведу, когда мы закончим. Скажем, через час?

Камала съежилась на своей кушетке.

— Нет, на самом деле мне не нужно столько…

Силлойн показала нам свои зубы, некоторые из них были размером с рояльную клавишу.

— Да, это наиболее приемлемо, Майкл. — Она отключилась, чайка летела теперь по стене, где только что было ее окно.

— Зачем вы это сделали? — Голос Камалы прозвучал резко.

— Просто мне сообщили, что вам придется подождать своей очереди. Вы не единственный странник, который отправляется сегодня утром. — Это, ясное дело, была ложь, расписание пришлось сократить, поскольку Джуди Лэтчоу, еще один сапиентолог, работающий на «Туулене», в данный момент представляла в университете имени Хиппарчуса наш доклад по

ганенианской концепции определения личности. — Не переживайте, со мной время пролетит незаметно.

Какое-то мгновение мы глядели друг на друга. Я мог бы проболтать без умолку весь час, я довольно часто так делал. Или же мог бы вытянуть из нее, ради чего она решилась на перемещение. Наверняка у нее оказалась бы какая-нибудь слепая бабушка или кузина, дожидающаяся ее возвращения домой с искусственными глазами, не говоря уже об обязательном наборе жалостливых историй, где речь непременно шла бы о чахотке, голоде и преждевременной эякуляции, и так далее и тому подобное. Или же мог бы оставить ее в одиночестве таращиться на стены. Вот тогда и выяснилось бы, насколько она на самом деле испугана.

— Откройте мне какую-нибудь тайну, — предложил я.

— Что?

— Тайну, ну, понимаете, что-то такое, о чем не знает больше никто.

Она смотрела на меня так, будто я только что свалился с Марса.

— Послушайте, через весьма короткий промежуток времени вы отправитесь на расстояние — какое? — в триста десять световых лет, да? По графику вы проведете там три года. К тому времени, когда вы вернетесь, я запросто могу уже стать богатым, знаменитым и вообще уехать куда-нибудь, возможно, мы никогда уже больше не встретимся. Так что же вы теряете? Я обещаю никому не рассказывать.

Она откинулась на кушетке и поставила чашку на бедро.

— Это очередной тест, верно? После всего, через что меня провели, они так и не решили, можно ли меня отправить?

— О нет, через пару часов вы уже будете щелкать орешки вместе с хорьками в какой-нибудь темной норе на Генде. Я просто спрашиваю для поддержания разговора.

— Вы ненормальный.

— Ну, лично мне больше нравится научный термин «логоманьяк». Это по-гречески, «логос» означает «слово», а «мания» значит, что я просто люблю поболтать, вот и все. Давайте я начну первый. Если моя тайна окажется недостаточно смачной, можете вообще ничего мне не рассказывать.

Ее глаза превратились в узкие щелки, пока она прихлебывала чай. Уверен, что бы ни волновало ее в данный момент, это точно не перспектива быть проглоченной большим синим шаром.

— Я воспитывался в католической вере, — начал я, усаживаясь в кресло напротив нее. — Теперь я уже не католик, но тайна не в этом. Мои родители определили меня в школу Девы

Марии, Матери Божьей, мы ее называли «Мамабо». Школу держала чета священников, отец Томас и его жена, матушка Дженифер. Отец Том преподавал физику, по которой у меня была вечная двойка, в основном из-за того, что он говорил так, будто у него рот набит грецкими орехами. Матушка Дженифер преподавала теологию, а человеческого тепла в ней было приблизительно столько, сколько в мраморной церковной скамье, мы ее прозвали «мама Мамабо».

Как-то вечером, за пару недель до нашего выпуска, отец Том и мама Мамабо сели в свой шевроле «Минимус» и отправились за мороженым. По дороге домой мама Мамабо проморгала желтый свет, и их протаранила машина «скорой помощи». Как я уже говорил, матушка была старая, наверное, лет ста двадцати, у нее должны были изъять права еще в пятидесятых. Она умерла на месте. Отец Том скончался в больнице.

Разумеется, всем нам полагалось скорбеть по ним, наверное, я ощущал некоторое сожаление, но, откровенно говоря, они никогда мне не нравились, и я был скорее возмущен тем, что их смерть испортила нам выпуск. Так что я больше негодовал, чем сожалел, и в то же время ощущал некоторые угрызения совести по поводу собственного жестокосердия. Наверное, нужно расти католиком, чтобы понять это. Как бы то ни было, через день после происшествия всех собрали в спортивном зале, мы ерзали на скамьях, пока самый настоящий кардинал вел в телеэфире заупокойную службу. Он все время пытался утешить нас, будто бы погибли наши родители. Когда я попытался пошутить по этому поводу, обращаясь к соседу, меня застукали, и последнюю неделю в старшем классе я был отстранен от занятий.

Камала допила чай. Тихонько поставила пустую чашку на один из держателей, вмонтированных в стол.

— Хотите еще? — спросил я.

Она обеспокоенно шевельнулась.

— Зачем вы рассказываете мне все это?

— Это все часть моей тайны. — Я подался вперед в своем кресле. — Дело в том, что мы тогда жили недалеко от кладбища Святого Духа, и, чтобы перехватить рейсовый автобус на авеню Мак-Кинли, я срезал путь через кладбище. И вот что произошло через пару дней после того, что случилось на мессе. Было около полуночи. Я возвращался домой с выпускного вечера, где выкурил пару просветляющих разум «косяков», и теперь ощущал себя хитрее царя Соломона. Проходя через кладбище, я наткнулся на два земляных холма, расположенных рядом друг с другом. Сначала я подумал, что это цветочные грядки, но потом увидел деревянные кресты. Свежие могилы, в них лежали отец Том и

мама Мамабо. В могильных крестах не было ничего особенного, просто палки с перекладинами, выкрашенные в белый цвет и воткнутые в землю. Имена были написаны на них от руки. Насколько я понял, это были временные кресты, отмечающие место захоронения, пока не поставят каменные надгробия. Не нужно было никакого просветления, чтобы понять: вот он, шанс, который выпадает в жизни один раз. Если я поменяю кресты местами, какова вероятность, что это кто-нибудь заметит? Выдернуть их из земли не составило труда. А потом я отряхнул землю с ладоней и помчался так, словно ад гнался за мной по пятам.

До этого момента ее, кажется, забавляла моя история, она начала проявлять ко мне снисхождение. Но теперь в ее глазах промелькнула тревога.

— Но это же ужасный поступок, — произнесла она.

— Абсолютно согласен, — сказал я, — хотя динозавры считают ужасной саму идею закапывать тела на кладбищах и обозначать места резными камнями. Они утверждают, что у мертвой плоти нет никакой индивидуальности, так к чему все эти сантименты? Линна постоянно спрашивает, почему мы до сих пор не додумались помечать собственное дерьмо. Только это все еще не тайна. Дело было теплой ночью в середине июня, но когда я бросился бежать, воздух вдруг похолодел, сделался морозным — я видел пар от собственного дыхания. И ботинки у меня становились все тяжелее и тяжелее, словно наливаясь свинцом. Когда я приблизился к задним воротам, мне казалось, что я сражаюсь с ураганным ветром и с меня вот-вот сорвет одежду. Я замедлил ход. Я знал, что могу выйти, но сердце бешено колотилось, а потом я еще услышал шум, похожий на шум внутри морской раковины, и запаниковал. Так вот вам моя тайна: я трус. Я поставил кресты на место и больше никогда не заходил на это кладбище. Более того, — я кивнул на стены гостевой комнаты «Д» станции «Туулен», — когда я повзрослел, то убежал от того места настолько далеко, насколько сумел.

Она наблюдала, как я снова откидываюсь в кресле.

— Все чистая правда, — заверил я, поднимая правую руку.

У Камалы был такой ошарашенный вид, что я засмеялся.

Улыбка расцвела на ее темном лице, она вдруг тоже захихикала. Звук был такой робкий, жиденький, словно тонкий ручеек побежал по круглым камням, отчего я засмеялся еще сильнее. У нее были полные губы и белоснежные зубы.

— Ваша очередь, — сказал я, отсмеявшись.

— О нет, я не могу. — Она замахала на меня руками. — У меня в запасе нет ничего столь интересного. — Она помолчала,

затем нахмурилась. — Вы уже рассказывали эту историю раньше?

— Один раз, — признался я. — Ганенианам, во время психологического теста при приеме на работу. Только я не рассказывал им финальной части. Я знаю, как думают динозавры, поэтому завершил рассказ на том месте, когда поменял местами кресты. Все остальное для них детский лепет. — Я нацелил на нее палец. — Помните, вы обещали хранить мою тайну.

— Неужели?

— Расскажите мне о своей юности. Где прошло ваше детство?

— В Торонто. — Она поглядела на меня оценивающе. — Там со мной случилась одна история, только совсем не веселая. Грустная.

Я кивнул, подбадривая ее, и сменил стенные обои на панораму Торонто, в небе которого доминировали телебашня «Си-Эн-Тауэр», «Торонто-Доминион Центр», «Коммерц Корт Уэст» и Королевский Шпиль.

Она обернулась, чтобы рассмотреть картинку, и заговорила:

— Когда мне было десять, мы переехали на другую квартиру, в центре, на Блёр-стрит, чтобы матери было удобно добираться на работу. — Она указала на стену и повернулась ко мне. — Она бухгалтер, а отец писал программы стенных обоев для «Имаджиниринг». Дом был громадный, мы каждый раз оказывались в лифте с десятком соседей, которых видели в первый раз. Однажды я возвращалась домой из школы, и меня остановила в фойе пожилая женщина. «Девочка, — сказала она, — хочешь заработать десять долларов?» Родители запрещали мне разговаривать с чужими, но эта старушка явно жила в нашем доме. Кроме того, у нее были допотопные искусственные ноги, так что я решила: в случае чего смогу убежать. Она попросила меня сходить в магазин, дала мне список продуктов и кредитную карточку и велела принести все в квартиру 10W. Я должна была бы отнестись к ее просьбе с подозрением, поскольку во всех магазинах имелась служба доставки, но уже скоро я догадалась, что на самом деле старушке просто хотелось с кем-нибудь поговорить. И она готова была за это платить, обычно пять или десять долларов, в зависимости от того, как долго я задерживалась у нее. И довольно скоро я начала заходить каждый день после школы. Думаю, родители запретили бы мне ходить к ней, если бы узнали, они были очень строгие. Им бы не понравилось, что я беру у старушки деньги. Но только они приходили домой не раньше шести, поэтому никто не узнал о моей тайне.

— Кто она была такая? — спросил я. — О чем вы с ней разговаривали?

— Ее звали Маргарет Эйс. Ей было девяносто семь лет, кажется, раньше она была как-то связана с юриспруденцией. Ее муж и дочь умерли, она осталась одна. Я мало о ней узнала, в основном она заставляла болтать меня. Расспрашивала о моих друзьях, о предметах в школе, о моей семье. И все в том же духе…

Камала замолчала, когда мой ноготь засветился. Я ответил на вызов.

— Майкл, имею удовольствие пригласить вас сюда, — прожужжал голос Силлойн у меня в ухе. Она проявилась почти на двадцать минут раньше, чем мы договорились.

— Вот видите, я же сказал, что со мной время пролетит незаметно. — Я поднялся, глаза Камалы широко распахнулись. — Я готов, если готовы вы.

Я протянул ей руку. Она позволила мне помочь ей подняться. Женщина чуть пошатнулась, и я ощутил, насколько мала ее уверенность в себе. Я обнял ее за талию и повел в коридор. В микрогравитации станции «Туулен» она уже казалась нематериальной, как воспоминание.

— Так расскажите же мне, что такого печального произошло потом?

Сначала мне показалось, она не услышала вопроса. Она шагала по коридору молча.

— Не держите меня в подвешенном состоянии, Камала, — попросил я. — Вы должны завершить историю.

— Нет, — сказал она. — Ничего я не должна.

Я не стал принимать этот ответ близко к сердцу. Моей главной целью было развлечь ее. Если она не желает расслабляться, это ее дело. Некоторые странники продолжали болтать вплоть до того момента, как оказывались в большом синем шаре, но большинство умолкали гораздо раньше. Они уходили в себя. Возможно, мысленно Камала уже шла по Генду, щурясь от жесткого белого света.

Мы пришли в центр сканирования, самое большое помещение на станции «Туулен». Тут же перед нами оказался шар, вместилище безопасного квантового сенсорного луча, БКСЛ, короче говоря. Шар был молочно-голубой, словно изо льда, и размером с двух слонов. Его верхняя полусфера поднялась, и, словно серый блестящий язык, выдвинулся стол для сканирования. Камала приблизилась к шару и коснулась своего отражения, расползшегося по гладкой поверхности. Справа от шара помещались мягкая скамейка, туалетный столик и кабинка туманообразователя. Я посмотрел налево, через окно аппаратной. Силлойн стояла и смотрела на нас, склонив набок свою невероятную голову.

— Она послушная? — прожужжал у меня в ухе ее вопрос.

Я поднял два скрещенных пальца.

— Добро пожаловать, Камала Шастри. — Голос Силлойн вырывался из колонок вместе с негромким шорохом. — Ты готова приступить к переносу?

Камала кивнула окну.

— Одежду можно оставить здесь?

— Если ты будешь столь любезна.

Камала проскользнула мимо меня к скамье. Кажется, я перестал для нее существовать; то, что происходило сейчас, касалось только ее и динозавра. Она быстро разделась, аккуратно сложила свой комбинезон, засунула тапочки под скамью. Краем глаза я видел маленькие ступни, широкие бедра и красивую, гладкую темную кожу спины. Она зашла в кабинку и закрыла дверь.

— Готова, — крикнула она.

В аппаратной Силлойн повернула выключатели, и кабинку затянуло густым облаком нанолинз. Наночастицы дошли до Камалы и рассеялись, покрывая все ее тело. Вдыхая частицы, она перемещала их из легких в кровоток. Кашлянула всего дважды — она была прекрасно подготовлена. Прошло восемь минут, Силлойн очистила воздух в кабинке туманообразователя, и Камала вышла. По-прежнему не обращая на меня внимания, она повернулась лицом к аппаратной.

— Теперь следует перейти на стол для сканирования, — произнесла Силлойн, — чтобы Майкл мог зафиксировать тебя.

Она двинулась к шару, не колеблясь, поднялась по придвижному трапу, забралась на стол и легла на спину.

Я пошел за ней.

— Точно не хотите рассказать мне до конца вашу тайну?

Она смотрела в потолок не моргая.

— Ну ладно. — Я достал из сумки на боку емкость с распылителем. — Все будет происходить так, как вас учили. — Я принялся распылять наночастицы на подошвы ее ног. Я видел, как поднимается и опадает ее живот, поднимается и опадает. Она полностью погрузилась в дыхательную гимнастику. — Помните, в сканере не скакать и не свистеть.

Она ничего не ответила.

— Теперь глубоко вдохните, — сказал я, приближая распылитель к большому пальцу у нее на ноге. Раздался коротенький треск, когда наночастицы на поверхности кожи сплелись в сеть и застыли, лишая ее возможности двигаться. — Полайте за меня на хорьков. — Я собрал свое оборудование, спустился по трапу и откатил его обратно к стене.

С негромким скрипом большой голубой шар втянул в себя «язык». Я наблюдал, как закрылась верхняя полусфера, поглотив Камалу Шастри, потом пошел к Силлойн в аппаратную.

Я не принадлежу к тем ученым, которые считают, будто бы динозавры воняют, иначе я не стал бы изучать их с такого близкого расстояния. Париккаль, например, насколько я могу судить, вообще не пахнет. Силлойн обычно издает слабый и не лишенный приятности запах подкисшего вина. Однако, когда она сильно волнуется, запах делается уксусным и пронзительным. Должно быть, у нее выдалось трудное утро. Дыша ртом, я сел на свой стул.

Она работала быстро, теперь, когда шар был закрыт. Несмотря на всю подготовку, на странников довольно скоро накатывала волна клаустрофобии. Все-таки они лежали в темноте, обездвиженные нанокорсетом, в ожидании перемещения. В ожидании. Симулятор в Сингапурском центре подготовки во время учебного сканирования издает звук, больше всего похожий на слабый дождик, бьющий по шару, некоторым он кажется похожим на шуршание статического электричества в приемнике. Пока они слышат этот звук, странникам кажется, что они в безопасности. Мы воспроизводим этот шум в то время, как они находятся в шаре, хотя сканирование занимает всего три секунды и происходит совершенно беззвучно. Со своего насеста я видел, как перестали мигать окна сагиттального и осевого разреза, корональное окно, что означало завершение сбора информации. Силлойн что-то озабоченно бормотала себе под нос, ее компьютер не удосуживался давать перевод. Видимо, она не говорила ничего такого, что нужно знать малышу Майку. Ее голова покачивалась, когда она просматривала бесконечные списки считанных данных, когти щелкали по сенсорным экранам, горящим оранжевым и желтым светом.

Передо мной был только один экран, отображающий состояние странника, и одна-единственная белая кнопка.

Я не кривил душой, утверждая, что я всего лишь привратник. Моя сфера деятельности — сапиентология, а не квантовая физика. Если что-то в то утро и пошло не так во время перемещения Камалы, я все равно ничего в этом не понимал. Динозавры говорили мне, что безопасный квантовый сенсорный луч в состоянии опровергнуть принцип неопределенности Гейзенберга, нарезая пространство-время на крошечные кусочки и не нарушая при этом двойственности волны-частицы. Насколько крошечные кусочки? Они утверждают, никто не в силах увидеть то, что составляет 1,62 на десять в минус тридцать третьей степени сантиметров в длину, потому что при таком размере

пространство и время разделяются. Время перестает существовать, а пространство превращается в пробабилистическую пену, что-то вроде квантового плевка. Люди называют это длиной Планка-Уилера. Существует и время Планка-Уилера, это десять в минус сорок пятой степени секунды. Если нечто происходит, а рядом с ним происходит нечто еще, и разница во времени между этими событиями составляет какие-то десять в минус сорок пятой степени секунды, невозможно сказать, какое событие произошло раньше. Все это динозавровы штучки, сейчас же шло простое сканирование. Ганениане используют различные технологии для создания искусственных червоточин в пространстве, держат их открытыми с помощью электромагнитного вакуума, передают через них сверхлюминальный сигнал, а затем принимают странника в виде элементарных частиц в пункте назначения.

На своем экране, отображающем состояние Камалы, я видел, что сигнал, которым сделалась Камала Шастри, уже сжат и затолкнут в подготовленную «червоточину». Все, что нам оставалось теперь, — это подождать, пока на Генде подтвердят прибытие. Как только они официально информируют нас, что она у них, настанет время мне восстановить равновесие.

Тук-тук, тук-тук-тук.

Некоторые их технологии такие мощные, что могут изменить саму реальность. «Червоточины» могут использовать какие-нибудь фанатики, желающие исправить ход истории, с помощью сканера-приемника можно создать миллионы Силлойн или Майклов Берров. Изначальная реальность, не искаженная никакими отклонениями, — вот что динозавры называют гармонией. Прежде чем сапиентолога принимают в галактический клуб, он обязуется следить за повсеместным сохранением равновесия.

С тех пор как я прибыл на «Туулен» изучать динозавров, я нажимал белую кнопку больше двухсот раз. Это как раз то, что я обязан делать по условиям контракта. Нажатие на эту кнопку посылает убийственный импульс ионизированной радиации через кору головного мозга дублированного, а стало быть, уже ненужного тела странника. Нет мозгов, нет боли, смерть наступает за секунду. Однако первые несколько раз, когда я восстанавливал равновесие, это представляло для меня проблему. И до сих пор осталось делом… неприятным. Но такова цена на билет к звездам. И если некоторые странные люди вроде Камалы Шастри считали, что цена приемлемая, это их выбор, а не мой.

— Результат неутешительный, Майкл. — Силлойн обратилась ко мне в первый раз с тех пор, как я зашел в аппаратную. —

Обнаруживаются несоответствия.

На своем экране состояния я видел, как начали включаться режимы проверки ошибок.

— Проблема здесь? — Я внезапно ощутил, как все во мне завязалось в узел. — Или там?

Если наш исходный скан окажется верным, все, что останется Силлойн, — снова отправить его на Генд.

Повисло долгое напряженное молчание. Силлойн уставилась на угол широкого экрана, словно там показывали ее первого детеныша, вылупляющегося из яйца. Кожаный мешок у нее за плечами раздулся, став в два раза больше своего нормального размера. Мой экран показывал, что Камала провела в шаре четыре лишних минуты.

— Наверное, было бы целесообразно откалибровать сканер и начать все сначала.

— Твою мать! — Я грохнул кулаками по стене, боль пронзила локоть. — Я думал, ты все уже починила. — Когда проверка на ошибки показывала, что проблема действительно существует, почти всегда принималось решение о повторе передачи. — Ты уверена, Силлойн? Ведь она была уже чуть ли не на месте, когда я только заталкивал ее в сканер.

Силлойн возмущенно фыркнула на меня и захлопала по листам с распечатками ошибок маленькой костлявой ладошкой, словно таким образом надеялась вернуть все в норму. Как Линна и прочие динозавры, она выходила из себя при виде того, что считала нашими слезливыми страхами перед перемещением. Однако, в отличие от Линны, она была твердо убеждена, что в один прекрасный день, после того как мы достаточно свыкнемся с ганенианскими технологиями, мы научимся думать, как динозавры. Возможно, она права. Возможно, когда мы полазим по их «червоточинам» несколько сотен лет, мы будем с радостью сбрасывать свои ненужные тела. Когда перемещаются динозавры и прочие сапиентологи, оставшиеся тела сворачиваются сами — весьма гармонично. Они пытались проделывать это с гуманоидами, но срабатывало не всегда. Вот поэтому я здесь.

— Необходимость очевидна. Процесс продлится около тридцати минут, — сообщила она.

Камала провела одна в темноте почти шесть минут, дольше, чем любой странник из тех, кого я сопровождал.

— Дай мне послушать, что делается в шаре.

Аппаратная комната наполнилась звуками рыданий Камалы. Эти звуки показались мне совершенно не человеческими, скорее похожими на визг покрышек перед аварией.

— Мы должны вынуть ее оттуда, — сказал я.

— Это младенческое мышление, Майкл.

— Так она, по-вашему, и есть младенец, черт возьми! — Я знал, что выпускать странников из шара чревато большими неприятностями. Я мог бы попросить Силлойн отключить колонки и сидеть, где сидел, пока Камала страдает. Но я принял решение.

— Не открывай шар, пока я не подтащу лестницу. — Я бросился к двери. — И не выключай звук.

Заметив полоску света, женщина взвыла. Верхняя полусфера, кажется, поднималась особенно медленно, Камала билась внутри шара в сети наночастиц. Когда я уже решил, что громче кричать невозможно, она все-таки сумела это сделать. Мы с Силлойн достигли невероятного результата: начисто стерли личность храброго инженера по биоматериалам, оставив вместо него до смерти напуганное животное.

— Камала, это я. Майкл.

Ее безумные крики обретали словесную форму.

— Не надо… перестаньте… о боже, помогите же, кто-нибудь!

Если бы я мог, я запрыгнул бы в шар, чтобы успокоить ее, но сенсорные лучи очень хрупкие, и я не хотел создавать лишние проблемы. Нам обоим пришлось ждать, пока верхняя полусфера откроется полностью и стол для сканирования подвезет Камалу ко мне.

— Все хорошо. Страшно больше не будет, правда. Сейчас мы вас высвободим, вот и все. Ведь все в порядке?

Когда я освободил ее, обработав из распылителя, она кинулась на меня. Мы опрокинулись назад и едва не скатились по ступенькам. Она вцепилась в меня так, что я едва не задохнулся.

— Не убивайте меня, прошу вас, не надо!

Я перекатился, подминая ее под себя.

— Камала! — Я высвободил одну руку и оперся на нее, отстраняясь от Камалы. Отступил боком к верхней ступеньке. Неуклюже пошатываясь в микрогравитации, она доковыляла до меня, ее ногти проехались по кисти моей руки, оставив кровавые полоски. — Камала, прекратите! — Это было все, что мне оставалось, не бить же ее в ответ. Я спустился по ступенькам.

— Скотина! Что вы все, сволочи, пытались со мной сделать? — Она судорожно втянула в себя воздух и зарыдала.

— Со сканером что-то случилось. Силлойн сейчас над ним работает.

— Причина поломки неясна, — отозвалась Силлойн из аппаратной.

— Но дело не в вас, — Я отступил к скамье.

— Они все врали, — забормотала она и вроде бы как-то

сложилась внутри себя, будто бы состояла из одной кожи без плоти и костей. — Говорили, что я ничего не почувствую и… а вы знаете, на что это похоже… это же…

Я поднял ее комбинезон.

— Слушайте, вот ваши вещи. Может быть, оденетесь? И мы выйдем отсюда.

— Вы скотина, — ответила она, но без всякого выражения.

Она позволила мне свести ее по трапу. Я считал пупырышки на стене, пока она влезала в свой комбинезон. Пупырышки были размером с десятицентовики, которые когда-то собирал мой дедушка, они светились мягким золотистым светом. Я успел насчитать сорок семь, пока она оделась, чтобы вернуться в гостевую комнату «Д», где раньше она сидела в ожидании на краешке кушетки. Теперь она снова села на то же место.

— И что дальше? — спросила она.

— Не знаю. — Я прошел в кухонный угол и взял кувшин из дистиллятора. — Что дальше, Силлойн? — Я принялся поливать руку водой из кувшина, чтобы смыть кровь.

Царапины засаднили. В наушниках ни звука в ответ. — Наверное, надо ждать, — сказал я наконец.

— Чего?

— Пока она починит…

— Я не собираюсь туда возвращаться.

Я решил пропустить это мимо ушей. Наверное, сейчас еще слишком рано спорить с ней по этому поводу, хотя, когда Силлойн откалибрует сканер, у Камалы будет очень мало времени, чтобы передумать. — Не хотите ли чего-нибудь из кухни? Например, еще чашечку чаю?

— А как насчет джина с тоником, тоник у вас есть? — Она потерла глаза. — Или двести миллилитров серентола?

Я попытался сделать вид, что принимаю ее слова за шутку.

— Знаете, динозавры не позволяют нам открывать бар для странников. Сканер может неверно считать химические параметры мозга, и ваше путешествие на Генд превратится в трехгодовой запой.

— Вы разве не понимаете? — Она снова была на грани истерики. — Я никуда не перемещаюсь!

Я не винил ее за такое поведение, но все, чего я хотел в данную минуту, — это избавиться от Камалы Шастри. Мне было плевать, отправится ли она на Генд, вернется ли на Люнекс или вообще потопает по радуге в страну Оз, главное, что мне не придется торчать в одной комнате с этим жалким существом, пытающимся привить мне чувство вины за то происшествие, к которому я не имею ни малейшего отношения.

— Я думала, я справлюсь. — Она зажала руками уши, словно не желая слышать собственного отчаяния. — Я убила два последних года на то, чтобы убедить себя, будто бы мне нужно будет просто лежать там и ни о чем не думать, а потом вдруг я окажусь далеко-далеко. Я собиралась отправиться в чудесный далекий край. — Она издала какой-то сдавленный звук, руки упали на колени. — Я хотела помочь людям обрести утраченное зрение.

— У вас все получилось, Камала. Вы сделали все, о чем мы просили.

Она покачала головой.

— Я не могла не думать. Вот в чем проблема. А потом там оказалась она, пыталась дотронуться до меня. А я не вспоминала о ней с… — Камала вздрогнула. — Это вы виноваты, вы заставили меня вспомнить.

— Вашего тайного друга, — догадался я.

— Друга? — Кажется, Камалу изумило это слово. — Нет, я не говорила, что мы стали друзьями. Я всегда немного побаивалась ее, потому что так и не могла до конца понять, чего же она все-таки от меня хочет. — Она задумалась. — Как-то раз я зашла в квартиру 10W после школы. Она сидела в своем кресле, глядя вниз, на Блёр-стрит. Спиной ко мне. Я окликнула ее: «Здравствуйте, миссис Эйс». Я собиралась показать ей сочинение, которое написала, только она ничего не сказала мне в ответ. Я обошла вокруг нее. Ее кожа была пепельного цвета. Я взяла ее за руку. Казалось, рука сделана из пластмассы. Она была жесткая, негнущаяся, это было уже не живое существо. Она стала похожа на какую-то вещь, на перо или на кость. Я побежала, мне хотелось выбраться оттуда. Я ворвалась в нашу квартиру и спряталась от нее.

Камала скосила глаза, словно наблюдая и оценивая себя, маленькую, сквозь линзу времени.

— По-моему, теперь мне ясно, чего она хотела. Наверное, она понимала, что умирает, должно быть, она хотела, чтобы я была с ней до самого конца или хотя бы обнаружила потом ее тело и сообщила бы о нем. Только я не могла. Если бы я рассказала всем, что она умерла, об этом узнали бы и мои родители. Или люди начали бы подозревать, что я сама сделала с ней что-то нехорошее… не знаю. Я могла бы позвонить в службу охраны, но мне было всего десять лет, я боялась, что они каким-нибудь образом выяснят, что это я. Прошло недели две, а ее так никто и не обнаружил. К тому времени было уже поздно рассказывать что-либо. Все бы осудили меня за то, что я так долго молчала. По ночам я представляла, как она чернеет и гниет в своем кресле,

словно банан. От всего этого я заболела, не могла ни есть, ни спать. Пришлось отправить меня в больницу, потому что я коснулась ее. Коснулась смерти.

— Майкл, — зашептала Силлойн без всякого предупреждающего сигнала. — Произошло невозможное.

— Как только я оказалась вне дома, мне стало лучше. А потом ее тело обнаружили. Вернувшись домой, я изо всех сил старалась позабыть миссис Эйс. И мне удалось, почти. — Камала обхватила себя руками за плечи. — Но прямо сейчас она снова пришла ко мне, там, в шаре… Я не видела ее, но почему-то знала, что она тянет ко мне руки.

— Майкл, Париккаль здесь, и Линна тоже.

— Разве вы не понимаете? — Камала горько рассмеялась. — Как же я могу отправиться на Генд? У меня галлюцинации.

— Происходящее нарушает гармоническое равновесие. Немедленно иди к нам, один.

Мне захотелось прихлопнуть навязчиво жужжащий в ухе голос.

— Знаете, я никогда раньше не рассказывала об этом.

— Ну, может быть, в конце концов, из этого выйдет какая-нибудь польза. — Я похлопал ее по коленке. — Извините, я покину вас на минуту.

Вроде бы она удивилась, что я ухожу. Я выскользнул в коридор, пузырь двери затвердел, запирая Камалу внутри.

— Что за невозможное? — спросил я, устремляясь к аппаратной.

— Она не станет возражать против возвращения в сканер?

— Еще как станет. Она испугалась до потери пульса.

— Говорит Париккаль. — У меня в ушах его скрежет пробивался сквозь шипение, словно там поджаривался бекон. — Смятение имеет место повсюду. Неприятное происшествие связано не с нашей станцией.

Я протолкнулся через пузырь в центр сканирования. Увидел трех динозавров за окном аппаратной. Они яростно мотали головами.

— Объясните-ка мне, — попросил я.

— Связь с Гендом была нарушена случайной помехой, — сообщила Силлойн. — Камала Шастри была принята там и восстановлена.

— Она переместилась? — Я ощутил, как пол уходит у меня из-под ног. — А как же та, которая осталась тут, у нас?

— Самое простое — поместить оставшееся тело в сканер и покончить с…

— У меня для вас новость. Она теперь и близко к шару не

подойдет.

— Ее присутствие здесь нарушает гармоническое равновесие.

Это первый раз заговорила Линна. На самом деле Линна не работала на станции «Туулен», она была скорее старшим компаньоном. Париккаль с Силлойн раньше отказывались от ее услуг, во всяком случае, мне кажется, что отказывались.

— Чего вы ждете от меня? Чтобы я свернул ей шею?

Повисла минутная тишина, которая действовала на нервы не так сильно, как их глаза, разглядывающие меня сквозь стекло, головы их сейчас застыли совершенно неподвижно.

— Нет, — сказал я.

Динозавры заскрежетали друг на друга, головы их кивали и мотались из стороны в сторону. Сначала они отрезали меня от связи, и повисла тишина, но вдруг их дискуссия прорвалась в мои наушники.

— Все точно так, как я и предупреждала, — сказала Линна. — Эти создания не ощущают гармонии. Было бы неправильно и дальше раскрывать перед ними другие миры.

— Возможно, ты права, — сказал Париккаль. — Но об этом мы поговорим позже. Сейчас на первом месте стоит необходимость восстановить равновесие.

— Времени нет. Нам придется самим уничтожить остаточное тело.

Силлойн обнажила длинные коричневые зубы. Наверное, ей потребуется секунд пять, чтобы перерезать. Камале горло. И хотя Силлойн была динозавром, лучше всех относящимся к нам, я нисколько не сомневался, что убийство доставит ей удовольствие.

— Я буду настаивать на приостановлении перемещения людей до тех пор, пока не изменится мышление этого мира, — заявила Линна.

Это было типичное высказывание динозавра. Надо заметить, хотя они вроде бы спорили друг с другом, на самом деле они обращались ко мне, расписывали ситуацию подробно, чтобы даже малыш-сапиептолог все осознал. Они давали мне понять, что я ставлю под сомнение космическое будущее человечества. Что Камала, ждущая в комнате «Д», умрет независимо от того, откажусь я или нет. Что уничтожение ее тела необходимо для восстановления равновесия и должно произойти прямо сейчас.

— Погодите, — сказал я. — Возможно, я смогу уговорить ее вернуться в сканер.

Мне нужно было остаться одному. Я вынул наушники и сунул в карман. Я так спешил уйти, что споткнулся, выходя из центра сканирования, и пролетел через коридор. Остановился на секунду, посмотрел на руку, упершуюся в стену. Мне показалось,

я смотрю на расставленные пальцы через другой конец телескопа. Я был так далек от себя самого.

Она сидела, съежившись, на кушетке, обхватив руками подтянутые к груди колени, словно пыталась сжаться так, чтобы ее никто не видел.

— Все уладилось, — сообщил я бодро. — Вы пробудете в шаре меньше минуты, обещаю.

— Нет, Майкл.

Мне показалось, что я падаю со станции «Туулен».

— Камала, вы отказываетесь от значительной части собственной жизни.

— Это мое право. — Глаза ее сверкали.

Нет, уже нет. Она была оставшимся телом, у нее не было никаких прав. Как там она говорила о мертвой старушке? Она стала вещью, как кость.

— Ну, ладно, тогда… — Я ткнул ее негнущимся пальцем в плечо. — Идем.

Она подскочила.

— Куда идем?

— Обратно на Люнекс. Я задержал для вас «челнок». Только что прибыли назначенные на после обеда странники, я должен помочь им разместиться, вместо того чтобы возиться с вами.

Она медленно распрямилась.

— Идемте. — Я грубо поставил ее на ноги. — Динозавры хотят, чтобы вы покинули станцию «Туулен» как можно скорее, и я хочу того же. — Я был так далеко отсюда. Я больше не видел перед собой Камалу Шастри.

Она кивнула и позволила мне провести ее через пузырь двери.

— И если мы встретим кого-нибудь в коридоре, держите рот на замке.

— Вы ведете себя так грубо, — невнятно прошептала она.

— А вы ведете себя как ребенок.

Когда внутренняя дверь скользнула в сторону, открываясь, женщина мгновенно догадалась, что здесь нет ведущей к «челноку» кишки. Она пыталась вырваться из моей хватки, но я толкнул ее плечом, сильно. Она пролетела через воздушную камеру, ударилась о внешнюю дверь и упала на спину. Когда я дернул рычаг, закрывающий дверь, я пришел в себя. Какую ужасную вещь я сотворил, я, Майкл Берр. Я не смог сдержаться и захихикал. Когда я видел ее в последний раз, Камала ползла по полу в мою сторону, но было уже слишком поздно. Я удивился, что она больше не кричит, все, что я слышал, — ее тяжелое дыхание.

Как только внутренняя дверь была заперта, я открыл внешнюю. В конце концов, много ли существует способов убить кого-нибудь на космической станции? Оружия здесь нет. Возможно, кто-то другой мог бы ударить ее ножом или задушить, но только не я. Отравить, но как? Кроме того, я не размышлял, я отчаянно старался не думать о том, что делаю. Я был сапиентологом, а не врачом. Мне всегда казалось, что выпадение в открытый космос влечет за собой мгновенную смерть. Взрывная декомпрессия или что-то в этом духе. Я не хотел, чтобы она страдала. Я старался сделать все как можно быстрее. Безболезненнее.

Я услышал хлюпанье высасывающегося воздуха и подумал, что это конец, тело унесло в космос. Я уже развернулся, чтобы уйти, когда послышался стук, бешеный, как удары скачущего в груди сердца. Должно быть, она сумела за что-то зацепиться. Бах, бах, бах! Это было уже слишком. Я привалился к внутренней двери, — бах, бах! — соскользнул по ней вниз, хохоча. Выходит, если выдохнуть из легких воздух, в открытом космосе можно прожить минуту или, может быть, две. Мне показалось, это очень смешно. Бах! Нет, правда, это весело. Я сделал для нее все, что было в моих силах, рисковал своей карьерой, и как она мне отплатила? Когда я прислонился щекой к двери, стук начал слабеть. Между нами было всего несколько сантиметров, расстояние от жизни до смерти. Теперь она знала все о восстановлении равновесия. Я хохотал так, что начал уже задыхаться. Так же, как и это тело за дверью. Умирай же наконец, ты, слезливая сука!

Не знаю, сколько это заняло времени. Удары затихли. Прекратились. А потом я стал героем. Я сохранил гармоническое равновесие, оставил нам дорогу к звездам открытой. Я надулся от гордости: я научился думать, как динозавр.

Я протолкнулся сквозь пузырь двери в гостевую комнату «Д».

— Пора загружаться на «челнок».

Камала переоделась в комбинезон и тапочки на липучке. В стене светилось не меньше десятка окон, комната была полна болтающими головами. Друзьям и родственникам сообщили: их обожаемая Камала вернулась, целая и невредимая.

— Мне пора идти, — сказала она стене. — Я вам позвоню, когда приземлюсь.

Она одарила меня улыбкой, которая казалась искусственной — так долго она не улыбалась.

— Хочу еще раз поблагодарить вас, Майкл. — Интересно, сколько времени требуется странникам, чтобы снова ощутить

себя людьми. — Вы так сильно мне помогли, я была такой… я была не в себе. — Она в последний раз обвела взглядом комнату и вздрогнула. — Я была по-настоящему испугана.

— Это верно.

Она покачала головой:

— Неужели настолько сильно?

Я пожал плечами и повел ее в коридор.

— Теперь я чувствую себя полной дурой. То есть я хочу сказать, ведь я пробыла в шаре меньше минуты, а потом, — она щелкнула пальцами, — раз, и я на Генде, как вы и обещали. — Она прижалась ко мне плечом, пока мы шли, тело под комбинезоном было крепким. — Как бы то ни было, я рада, что представился случай поговорить с вами. Я действительно собиралась найти вас по возвращении. И, разумеется, не ожидала, что вы все еще здесь.

— Решил остаться. — Внутренняя дверь в воздушную камеру скользнула, открываясь. — Такая работа, к которой прикипаешь всем сердцем. — Кишка дрожала, пока уравнивалось давление между станцией «Туулен» и «челноком».

— Вас ждут очередные странники, — предположила она.

— Двое.

— Завидую им. — Она повернулась ко мне. — А вы сами никогда не думали о том, чтобы отправиться к звездам?

— Нет, — ответил я.

Камала провела рукой по моему лицу.

— Это все меняет.

Я ощутил укол длинных ногтей, на самом деле настоящих когтей. На миг мне показалось, что она хочет оставить на моей щеке такие же шрамы, какие украшали ее лицо.

— Знаю, — ответил я.

Бен Бова
Олимп

Бен Бова (р. в 1932 г.) в юности занимался журналистикой, затем писал сценарии научно-популярных фильмов, участвовал в проекте «Vanguard» — первой американской программе по запуску искусственных спутников, работал менеджером по маркетингу в исследовательской лаборатории. В 1959 г. опубликовал свой первый научно-фантастический роман. С 1971 по 1978 г. Бова был редактором журнала «Analog», а с 1978-го по 1982 г. — журнала «Omni», после чего полностью посвятил себя писательской деятельности.

В фантастике Бова идет по стопам Джона У. Кэмпбелла, а своим девизом считает изречение Эйнштейна: «Самое таинственное во Вселенной — то, что она поддается пониманию». Среди научно-фантастических произведений Бова — «Сага о Кинсмене» («The Kinsman Saga», 1976–1979), с которой начались его книги о космосе, цикл «Путешественники» («Voyagers», 1981–1990), ряд взаимосвязанных романов — «Марс» («Mars», 1992), «Восход луны» («Moonrise», 1996), «Лунная война» («Moonwar», 1998), «Возвращение на Марс» («Return to Mars»,1999), «Венера» («Venus», 2000), «Юпитер» («Jupiter», 2001), «На краю пропасти» («The Precipice», 2001), «Старатели» («The Rock Rats», 2002). Сам писатель утверждает, что воспринимает свои книги как исторические произведения о том, чего еще не случилось, и говорит, что в числе его читателей не только поклонники научной фантастики, но и люди с техническим образованием, которых интересуют подробности межпланетных путешествий. Бова серьезно подходит к работе над романами: так, решив сделать главного героя «Марса» наполовину индейцем племени навахо, он специально поехал в Мексику для сбора материала.

Действие приключенческого рассказа «Олимп» разворачивается на Марсе: главные герои направляются к самой высокой горе на планете и в процессе полета узнают много нового о Марсе и о самих себе. Как всегда, Бова воплощает классическую хайнлайновскую идею о

неизведанных просторах и необыкновенных возможностях, которые может предложить первопроходцам космос.

Самая высокая гора в Солнечной системе — гора Олимп, расположенная на Марсе. Она представляет собой массивный щитовой вулкан, уснувший десятки, а возможно, и сотни миллионов лет назад.

Но когда-то здесь происходили самые мощные извержения на планете. Со временем лава образовала купол, в три раза превышающий по высоте Эверест, а основание горы по площади сравнимо с территорией штата Айова.

Основание окружено острыми базальтовыми скалами высотой более километра. На вершине горы, на высоте почти двадцати семи километров над окружающей равниной, находятся три огромные кальдеры, образованные провалившимися кратерами, из которых когда-то изливалась расплавленная порода.

На такой высоте углекислый газ, основная составляющая атмосферы Марса, замерзает и конденсируется на холодном, голом камне, покрывая его тонким прозрачным, слоем сухого льда.

Когда они с Футидой забирались в скафандры, Томас Родригес выглядел счастливым, как щенок, который стащил старый носок, чтобы пожевать его.

— Я попаду в Книгу рекордов Гиннесса, — радостно заявил он Джейми Уотерману, который помогал ему облачаться.

Труди Холл возилась с костюмом Футиды, а Стэси Дежурова сидела в центре связи, наблюдая за системами куполообразного здания базы и наружным оборудованием.

Был сорок восьмой день восемнадцатимесячной Второй Марсианской экспедиции, и согласно расписанию сегодня Родригес и биолог Мицуо Футида должны были лететь на гору Олимп.

— Самая высокая точка взлета и приземления летательного аппарата, — трещал Родригес, протискивая пальцы в перчатки. — Самый длительный полет пилотируемого летательного аппарата на солнечном ракетном двигателе. Наибольшая высота для пилотируемого самолета с солнечным двигателем.

— Самолета с экипажем, — пробормотала Труди Холл, — а не пилотируемого.

Не обращая внимания на замечание, Родригес продолжал:

— Может быть, я даже побью рекорд для беспилотных самолетов.

— А разве это честно — сравнивать полеты на Марсе с

полетами на Земле? — спросила Труди, помогая Футиде пристегивать на спину рюкзак с системами жизнеобеспечения.

Родригес яростно затряс головой:

— Для Книги рекордов важны только цифры, девочка. Только цифры.

— А если они возьмут и поставят рядом с цифрами звездочку и напишут примечание: «Выполнено на Марсе»?

Родригес попытался пожать плечами, но не смог этого сделать в жестком костюме.

— Какая разница? Лишь бы мое имя правильно написали.

Когда они надевали шлемы и прикрепляли их к скафандрам, Джейми заметил, что Футида за все время процедуры одевания не произнес ни слова. «Томас болтает за двоих», — подумал он. Но удивился: неужели Мицуо волнуется, нервничает? Выглядит он довольно спокойным, но это вполне может быть лишь маской. Если судить по разговорам Томаса, нервы у того сейчас натянуты, как струна.

Когда исследователи в первый раз вышли на поверхность Марса, их громоздкие скафандры из металлокерамики были девственно-белыми. Сейчас башмаки и штаны покрылись красноватой пылью, хотя каждый раз после возвращения в шлюз купола они тщательно выдерживали костюмы в вакууме.

Родригес был самым молодым из восьми членов экспедиции, он был астронавтом, предоставленным НАСА. Если его и раздражала необходимость подчиняться Дежуровой, более опытному русскому космонавту, он этого никогда не показывал. Во время подготовки, пятимесячного полета на Марс и почти семи недель, проведенных на поверхности планеты, он зарекомендовал себя как покладистый, усердный работник. Родригес был невысоким и коренастым. Его темные волосы сильно кучерявились, а смуглое лицо нередко озаряла ослепительная улыбка, от которой в глубоко посаженных карих глазах загорались искорки.

Но сейчас он нес всякий вздор, словно уличный торговец. Джейми не знал, приписать это нервному возбуждению или радости оказаться на планете без начальников, выполнять собственное задание. «А может быть, — подумал Джейми, — парень просто дорвался до возможности полетать».

Наконец оба оделись, опустили щитки шлемов, включили системы жизнеобеспечения, проверили радиосвязь. Джейми и Труди проводили их до шлюзовой: двое землян в компании неповоротливых роботов.

Джейми обменялся рукопожатием с Родригесом. Его рука с трудом обхватила перчатку астронавта, почувствовав «кости»

сервоприводного экзоскелета на тыльной стороне.

— Удачи тебе, Томас, — сказал он. — Не рискуй там без нужды.

Родригес ухмыльнулся из-под щитка.

— Ну, сами знаете поговорку: бывают опытные пилоты и отчаянные пилоты, но не бывает отчаянных опытных пилотов.

Джейми вежливо хмыкнул. Как глава миссии, он чувствовал, что должен произнести на прощание какие-то значительные слова.

— Помни об этом, когда окажешься там, снаружи, — попросил он.

— О'кей, босс. Не волнуйтесь.

Родригес вышел, и Футида шагнул к шлюзу. Даже в громоздком скафандре, рядом с похожей на воробья Труди Холл, он почему-то выглядел маленьким и уязвимым.

— Удачи, Мицуо, — попрощался Джейми.

Сквозь закрытый шлем до него донесся приглушенный, но твердый голос Футиды:

— Думаю, труднее всего мне будет терпеть болтовню Томаса всю дорогу до горы.

Джейми рассмеялся.

— А обратно и того хуже, — добавил Футида.

Индикаторные лампочки загорелись зеленым светом, и Труди нажала на кнопку, открывающую, внутреннюю дверь шлюза. Футида вошел внутрь, держа в руке ранец с портативной системой жизнеобеспечения.

«С ним все в порядке, — сказал себе Джейми. — Мицуо не боится и даже не волнуется».

Когда они залезли в кабину, уселись рядом в кресла и подключились к электрической сети и системам самолета, все изменилось.

Родригес принял сугубо деловой вид. Больше никакой болтовни. Он проверил устройства самолета и обменялся несколькими отрывистыми словами на жаргоне летчиков со Стэси Дежуровой, которая выполняла функции диспетчера в куполе, в центре связи.

Футида, напротив, почувствовал, как кровь оглушительно стучит у него в ушах, и удивился, почему этого шума не слышно но радио. Показания медицинских приборов наверняка близки к красной линии — так сильно колотится у него сердце.

Подобно беспилотным самолетам-планерам, использовавшимся в экспедиции, самолет с ракетным двигателем был сделан из тонкого, словно паутинка, пластика, натянутого на

каркас из керамики и какого-то синтетического материала. Футиде он казался огромной моделью из фольги, и это впечатление дополнял странный пропеллер с шестью лопастями, расположенный на носу.

Но самолет был достаточно велик, чтобы нести двоих людей. Великан по сравнению с беспилотными летательными аппаратами. Родригес говорил, что это просто топливный бак с крыльями. Широкие крылья распластались по сторонам, уткнувшись концами в землю. Кабина была крошечной — стеклянный шар в носовой части. Ракетные двигатели, расположенные у основания крыльев, выглядели слишком маленькими для того, чтобы поднять эту штуковину в воздух.

Ракетные двигатели предполагалось использовать только во время взлета; достигнув нужной высоты, самолет должен был держаться в воздухе при помощи пропеллера. Солнечные батареи, расположенные на верхней плоскости крыльев, обеспечивали энергией электродвигатель. На Марсе не хватило бы кислорода для реактивного двигателя; «мускулами» самолета были ракеты, вторичным источником энергии — солнечные батареи.

В куполе Джейми и остальные столпились за спиной Дежуровой, чтобы наблюдать за взлетом на мониторе центра связи.

Аэропорт базы оставлял желать лучшего. Выровненной бульдозером взлетно-посадочной полосе не хватало в длину как раз двух километров. Рулежной дорожки не было; после посадки Родригес с помощником — чаще всего это был Джейми — просто разворачивали хрупкий самолет носом к взлетно-посадочной полосе. Ветроуказателя тоже не было. В разреженной атмосфере не имело значения, куда дует ветер при взлете. Подъем самолета и скорость, достаточную для того, чтобы широкие, опущенные вниз крылья начали работать, обеспечивали в основном ракетные двигатели.

Склонившись над Дежуровой и наблюдая последние секунды перед взлетом, Джейми почувствовал глухую боль в челюсти. Сделав над собой усилие, он разжал зубы. «В этом самолете два человека, — подумал он. — Если что-то пойдет не так, если эта штука упадет, то оба погибнут».

— Взлет разрешаю, — механически произнесла Дежурова в губной микрофон.

— Понял, — донесся из динамиков голос Родригеса.

Стэси в последний раз окинула взглядом окружавшие ее мониторы и скомандовала:

— Включить зажигание.

— Включаю.

Внезапно два ракетных двигателя выстрелили бушующим пламенем, и самолет рванулся вперед. На экране видно было, как он, подпрыгивая, несется по дорожке, набирая скорость; длинные поникшие крылья, казалось, напряглись и распрямились.

— Давай, детка, — процедила Дежурова.

Картина разворачивалась перед Джейми, словно в замедленной съемке: самолет катился вперед по полосе, выхлоп ракет накалился так, что пламя стало невидимым, позади вздымались облака пыли и каменной крошки, а самолет разгонялся все сильнее и мчался, задрав нос.

— Выглядит неплохо, — прошептала Дежурова.

Самолет с шумом оторвался от земли и взмыл в безоблачное небо, оставив на взлетно-посадочной полосе медленно тающее облако пыли и пара. Джейми показалось, что облако пытается дотянуться до самолета и увлечь его обратно, на камни.

Но самолет уже был далеко и казался лишь точкой на розовом небосклоне.

Из динамиков послышался трескучий голос Родригеса:

— Следующая остановка — гора Олимп!

Родригес был счастливым человеком. Самолет реагировал на его прикосновения, как прекрасная женщина, нежная и чарующая.

Они с урчанием летели на высоте — он бросил взгляд на альтиметр — двадцати восьми тысяч и шести метров. «Посмотрим, — размышлял он. — В метре примерно три и две десятых фута, значит, это будет восемьдесят девять, почти девяносто тысяч футов. Неплохо. Совсем неплохо».

Родригес знал, что мировой рекорд высоты полета для самолета с солнечным двигателем составляет свыше сотни тысяч футов. Но это относилось к беспилотному летательному аппарату. Он знал, что ни один летчик не поднимался так высоко на самолете с солнечными батареями. Пилот улыбнулся, глядя через щиток шлема на большой пропеллер с шестью лопастями, лениво вращающимися перед ним.

Футида, сидящий рядом, хранил полное молчание и не шевелился. «Он может помереть там, в скафандре, а я и не замечу, — подумал Родригес. — Он боится, просто боится. Он мне не доверяет. Ему страшно лететь со мной. Возможно, он хотел, чтобы его везла Стэси, а не я.

Ну что же, мой молчаливый японский друг, ты оказался в одной команде со мной, нравится тебе это или нет. Давай сиди дальше, как чертова статуя, мне наплевать».

Мицуо Футида чувствовал непривычное щекотание: страх,

как червь, заполз в его внутренности. Это удивило его: ведь он почти два года ждал полета на вершину Олимпа. Он сотни раз «летал» на тренажере. Полет на гору Олимп был его идеей, и он сделал все, что мог, чтобы его включили в программу экспедиции.

Он научился летать, будучи студентом-биологом, и был избран президентом университетского авиаспортивного клуба. С бесхитростной настойчивостью конкурента, знающего, что ему необходимо победить лучших из лучших, чтобы добиться места во Второй Марсианской экспедиции, Футида потратил немало времени, получил квалификацию пилота сверхлегких летательных аппаратов во внутренних горах своего родного Кюсю и продолжил тренировки над зазубренными пиками Синьцзяна.

Он никогда в жизни не боялся летать. Наоборот: он чувствовал себя в воздухе беззаботным и счастливым, свободным от всех тревог и волнений жизни.

И вот сейчас, глядя, как солнце опускается к скалистому горизонту, отбрасывая зловещие алые лучи на ржаво-красную бесплодную равнину, Футида осознал, что ему страшно. А вдруг откажет двигатель? А вдруг Родригес разобьет самолет при посадке на гору? Один из беспилотных самолетов потерпел крушение во время разведывательного полета над вулканом; а что если с ними произойдет то же самое?

Даже в суровом Синьцзяне у них оставался реальный шанс выжить после аварийной посадки. Там можно дышать воздухом, там можно дойти до какой-нибудь деревни, даже если путь займет много дней. Здесь, на Марсе, все иначе.

Что будет, если Родригес получит травму там, снаружи? Футида летал на этом самолете только на тренажере и не знал, сможет ли управлять им в реальности.

«Родригес выглядит абсолютно спокойным, он полон восторга от полета. Он меня презирает, — подумал Футида. — И все же… насколько он компетентен? Как он поведет себя в случае опасности?» Футида надеялся, что ему не придется проверять это на практике.

Слева от них проплывала гора Павонис, один из трех гигантских щитовых вулканов, выстроившихся в ряд на восточной оконечности плато Тарсис. Гора была такой огромной, что занимала весь горизонт — массивный каменный купол, который некогда источал раскаленную лаву, заливая пространство, по площади равное территории Японии. Теперь он спит, холодный и безжизненный. Надолго ли?

Вдали протянулась целая цепь меньших вулканов, и за ними — чудовищно высокая гора Олимп. Что случилось здесь, как образовалась эта тысячекилометровая гряда вулканов? Футида

попытался обдумать это, но мысли возвращались к риску, которому они подвергались.

И к Элизабет.

Их свадьба была тайной. Людям, состоящим в браке, не разрешалось участвовать в экспедиции на Марс. Хуже того, Мицуо Футида влюбился в иностранку, в молодую ирландку-биолога, с огненно-рыжими волосами и кожей, напоминающей белый фарфор.

— Спи с ней, — посоветовал Футиде отец, — наслаждайся ею, если хочешь. Но не вздумай заводить от нее детей! И ни при каких обстоятельствах не женись на ней.

Элизабет Верном, казалось, была вполне довольна. Она любила Мицуо.

Они познакомились в Токийском университете. Подобно ему, она занималась биологией. Но, в отличие от Футиды, у нее не хватало ни таланта, ни энергии, чтобы преуспеть в борьбе за должности и звания.

— Со мной все будет хорошо, — говорила она Мицуо. Не упусти свой шанс побывать на Марсе. Я подожду тебя.

По мнению Футиды, это было непорядочно и несправедливо. Как он может улететь на Марс, провести годы вдали от нее и ожидать, что она сохранит прежнюю остроту чувств?

У отца были к нему свои претензии.

— Единственным погибшим в Первой Марсианской экспедиции был твой двоюродный браг, Коноэ. Он опозорил нас всех.

Исоруку Коноэ получил смертельную рану во время попытки исследования малого спутника Марса, Деймоса. Его русский коллега, космонавт Леонид Толбухин, рассказал, что Коноэ, оказавшись в открытом космосе в одном скафандре, поддался панике и потерял ориентацию при виде грозной скалистой громады Деймоса.

— Ты обязан восстановить честь семьи, — настаивал отец Футиды. — Ты должен заставить весь мир уважать Японию. Ты носишь имя великого воина[23]. Ты должен добавить новой славы этому имени.

Итак, Мицуо понял, что не может жениться на Элизабет открыто, честно, как он этого хочет. Вместо этого он отвез ее в далекий монастырь, затерянный в горах Кюсю, где он когда-то совершенствовал навыки скалолазания.

— В этом нет необходимости, Мицуо, — протестовала Элизабет, поняв, что он намерен делать. — Я люблю тебя. Обряд не изменит этого.

— Может быть, ты предпочитаешь католическое венчание? — спросил он.

Она обвила руками его шею. Он почувствовал слезы на ее щеке.

Когда настал день отъезда, Мицуо обещал Элизабет, что вернется к ней.

— И тогда мы снова поженимся, открыто, чтобы весь свет знал об этом.

— В том числе твой отец? — усмехнулась она невесело.

Мицуо улыбнулся:

— Да, в том числе мой благородный отец.

И он улетел на Марс, намереваясь восстановить честь семьи и вернуться к любимой женщине.

Согласно намеченному плану, они должны были сесть ближе к вечеру, почти на закате, когда низко опустившееся солнце отбрасывало наиболее длинные тени. Это позволило бы им хорошо видеть местность, где придется приземлиться, и совершить обратный путь при дневном свете. Перед ними четко вырисовывался каждый камень и каждая скала, и так они могли найти лучший участок для посадки.

Это также означало, понимал Футида, что сразу после приземления их ждет ледяная ночь. А что если сядут батареи? Он знал, что литиево-полимерные батареи успешно используются многие годы. Они накапливали электричество, генерированное панелями солнечных батарей, и обеспечивали энергией оборудование самолета во время долгих холодных ночных часов. Но вдруг они дадут сбой, когда температура упадет до ста пятидесяти градусов ниже нуля?

До него дошло, что Родригес издает какие-то странные звуки, похожие на стоны. Резко обернувшись, чтобы посмотреть на сидящего рядом астронавта, Футида увидел только внутреннюю поверхность своего собственного шлема. Чтобы разглядеть немелодично мурлыкавшего пилота, ему пришлось развернуться всем корпусом.

— С тобой все в порядке? — спросил Футида нервно.

— Конечно.

— Это была мексиканская песня, да?

— Не-а. «Битлз». «Люси и небо в алмазах».

— А.

Родригес счастливо вздохнул и произнес:

— Вот она.

— Что?

— Гора Олимп. — Он указал вперед.

Футида не видел горы — перед ним простирался лишь

горизонт. Казалось, он закруглялся, и японец вгляделся внимательнее: это был огромный пологий бугор.

По мере того как они приближались, бугор рос. И рос. И рос. Гора Олимп была немыслимо гигантским островом, континентом, вздымающимся над плоской красной равниной, словно туша могучего мифического животного. Над отвесными утесами, окружавшими основание, возвышались отлогие склоны. «На такую гору нетрудно взобраться», — подумал Футида. Затем он понял: гора так велика, что на подъем пешком от основания к вершине потребуются недели.

Родригес снова замурлыкал, он был спокоен и расслаблен, словно сидел у себя дома в любимом кресле.

— Тебе нравится летать, верно? — заметил Футида.

— Говорят, — ответил Родригес с безмятежной улыбкой, — что полет на самолете — второе самое возбуждающее занятие на свете.

Футида кивнул внутри шлема.

— А первое, должно быть, секс, да?

— Нет. Самая возбуждающая вещь на свете — сажать самолет.

Как старшая из двух астронавтов экспедиции, Анастасия Дежурова была техническим заместителем Джейми Уотермана. Она постаралась устроить так, что ее основной обязанностью стало заведование центром связи, откуда она могла наблюдать за всем и за всеми. Дежурова чувствовала, что, пока она контролирует обстановку, с ее товарищами не случится ничего плохого.

В куполе было тихо, каждый занимался своим делом. Дежурова видела, как снаружи Уотерман упрямо откалывает новые образцы породы. Труди Холл в своей лаборатории работала с лишайниками, привезенными из Большого Каньона; третья женщина в их команде, Виджай Шектар, сидела в лазарете, просматривая на компьютере показания медицинских приборов.

— Родригес вызывает базу, — неожиданно прохрипел в динамике голос астронавта. — Выполняю предварительный полет над районом приземления. Посылаю изображение с камеры.

— База — Родригесу, — отрывисто, деловым тоном произнесла Дежурова. — Копирую ваш файл. — Ее пальцы забегали по клавишам, и вдруг на главном мониторе возникла фотография изрытого ямами, усеянного валунами каменистого участка. — Мы получили изображение.

Дежурова почувствовала, что у нее пересохло в горле. Лучше позвать Джейми. Если они собираются здесь садиться, то ничего

хорошего из этого не выйдет.

Родригес немного наклонил самолет, чтобы лучше разглядеть местность. Футиде показалось, что самолет стоит на кончике левого крыла, а твердая голая скала внизу медленно описывает круг.

— Ну что же, — заключил Родригес, — у нас есть выбор: камни или кратеры.

— Но ведь самолеты-разведчики засекли здесь ровные участки? — спросил Футида.

— Ровный — понятие относительное, — пробормотал Родригес.

Футида сглотнул желчь, которая жгла ему глотку.

— Родригес вызывает базу. Я сейчас сделаю еще круг над местом приземления. Скажите, видите ли вы что-то еще, может быть, я что-нибудь упустил.

— Вас поняли, повторяйте круг. — Голос Стэси Дежуровой звучал с профессиональной четкостью.

Родригес пристально вгляделся в камни, мелькающие внизу. Заходящее солнце порождало длинные тени, которые подчеркивали каждый камешек. Между кратером, явно возникшим относительно недавно, и россыпью скал виднелась довольно чистая полоса длиной около километра. Достаточно места для приземления, если тормозные двигатели сработают как надо.

— Мне кажется, нормально, — произнес он в микрофон, встроенный в шлем.

— Едва ли, — послышался голос Дежуровой.

— Колеса проедут по небольшим камням.

— Амортизаторы не смогут смягчить удар о скалы, Томас.

Родригес рассмеялся. Они с Дежуровой спорили об этом десятки раз с того дня, когда получили первые фотографии с беспилотных самолетов-разведчиков.

— Разворачиваюсь в последний раз, — сообщил он.

Дежурова не ответила. Как диспетчер она обладала полномочиями запретить ему садиться.

— Захожу на посадку.

— Ваше изображение немного ухудшилось.

— Быстро темнеет.

— Да.

Футида смотрел, как поверхность планеты несется ему навстречу. Она была покрыта огромными камнями и кратерами и выглядела твердой, словно бетон, даже еще тверже. «Мы снижаемся слишком быстро», — подумал он. Ему захотелось

схватить контрольный рычаг и потянуть на себя, включить ракетные двигатели и убраться отсюда к чертовой матери, пока еще есть такая возможность. Но вместо этого он крепко зажмурился.

Самолет с силой ударился обо что-то, и Футида решил, что его сейчас выбросит через крышу. Однако ремни безопасности выдержали, и через мгновение он услышал вой и скрежет тормозных ракетных двигателей. Казалось, нос самолета загорелся. Они подпрыгивали, тряслись и с грохотом летели по полю, усыпанному булыжниками.

И вот самолет в последний раз содрогнулся, шум стих, и они остановились.

— Мы сели, — пропел Родригес. — Все очень просто.

— Отлично, — произнесла Дежурова бесстрастно.

Футиде срочно захотелось помочиться.

— О'кей, — обратился Родригес к своему спутнику, — А теперь просто будем сидеть тихо и ждать рассвета.

— Как парочка сардин в консервной банке, — отозвался Футида.

Родригес засмеялся.

— Эй, приятель, у нас есть все удобства, какие только можно пожелать, — почти все. Как в ночном рейсе туристическим классом.

Футида кивнул. Он не ощущал восторга при мысли о ночи в кабине самолета, внутри скафандра. Но такова была цена за честь стать первым из людей, ступившим на самую высокую гору в Солнечной системе.

Он едва не улыбнулся. «Я тоже попаду в Книгу рекордов Гиннесса», — подумал он.

— С тобой все в порядке? — спросил Родригес.

— Да, разумеется.

— Какой-то ты тихий, Мицуо.

— Любуюсь пейзажем, — пояснил Футида.

Вокруг, куда ни глянь, тянулась лишь голая каменистая равнина. Небо быстро темнело. Футида заметил несколько звездочек.

— Ну-ну, давай веселее, — пошутил Родригес. — Сейчас будем испытывать СЛФ.

Система ликвидации фекалий. Футида с содроганием ждал минуты, когда ему придется воспользоваться ею.

Родригес весело хихикал, словно во всем мире у него не было никаких забот. В двух мирах.

«Никогда не показывай страха». Томас Родригес научился

этому, будучи костлявым астматическим ребенком. Он вырос среди преступности и насилия в мексиканском квартале Сан-Диего.

— Никогда не позволяй им заметить, что ты боишься, — учил его старший брат Луис. — Никогда не уклоняйся от драки.

Томас не отличался физической силой, но у него был старший брат, который защищал его. Большую часть времени. Затем он нашел убежище в полуразрушенном спортзале по соседству, где за уборку ему позволяли пользоваться тренажерами. Набрав мышечную массу, он научился у Луиса основам уличной борьбы. В начальной школе Томаса заметил пожилой кореец, который преподавал боевые искусства на добровольных началах, и взял к себе.

В средней школе Родригес обнаружил, что он хорошо соображает и умен достаточно, чтобы не только понимать алгебру, но и хотеть понять ее и другие загадки математики и естественных наук. Он заводил друзей и среди «ботаников», и среди «качков», часто защищая первых от издевательств и жестокости последних.

Он вырос, стал плотным, широкоплечим юношей с быстрой реакцией и острым умом, позволявшими ему выходить без драки из большинства стычек. Он не искал столкновений, но, когда схватка становилась неизбежной, держал себя уверенно. Он работал, учился, и ему были присущи веселое расположение духа и физическая храбрость, которая заставила даже самых грязных школьных панков оставить его в покое. Он никогда не выступал за школьные команды и не принимал наркотики. Он даже не курил. Он не мог позволить себе подобную роскошь.

Ему удалось также избежать ловушки, в которую попалось большинство его приятелей: отцовства. Женатые или нет, парни быстро оказывались связанными с какой-нибудь женщиной. У Томаса было множество подруг, и еще в средней школе он познал радости секса. Но он никогда не заводил длительных отношений. Он не нуждался в этом. Да, девушки из его квартала были привлекательными, но лишь до той минуты, пока не открывали рот. Томас не мог далее представить себе, как он будет слушать подобную болтовню часами. Им нечего было сказать. Их жизни были пусты. А он жаждал чего-то большего.

Школьные учителя в основном ничего собой не представляли, но один — усталый старик, преподаватель математики — посоветовал ему попытаться получить стипендию для обучения в колледже. К своему невероятному удивлению, Томас добился права на курс обучения в Калифорнийском университете. Но даже при этом он не мог позволить себе стать студентом, так что снова

послушался совета своего наставника и вступил в военно-воздушные силы. Дядя Сэм оплатил его обучение, и он стал пилотом реактивного самолета. «Это забавнее секса, — говорил он, всегда добавляя: — Почти».

«Никогда не показывай страха». Это значило, что он всегда принимал вызов. Всегда. В кабине самолета или у стойки бара, приземистый молодой латиноамериканец с широкой улыбкой всегда принимал бой. Это стало его отличительной чертой.

Страх не покидал его, он присутствовал постоянно, но Родригес не позволял себе поддаваться ему. И никогда его не покидали эти внутренние сомнения. Чувство, что он почему-то не принадлежит к этому миру. Именно оно позволило мексиканскому мальчишке делать вид, что он не глупее белых, помогло ему закончить колледж на крошечную стипендию, надеть форму летчика и забавляться могучими реактивными самолетами.

Но на самом деле Родригес знал, что он чужак. Это ему каждый день ясно давали понять тысячами едва заметных способов. Он был латиносом, его терпели лишь до тех пор, пока он оставался на том месте, которое ему отвели. Нельзя было пытаться достичь слишком многого; нельзя высовываться; и прежде всего, нельзя встречаться с белыми девушками.

Но в воздухе все было по-другому. В кабине самолета, на высоте семи-восьми миль над землей, оставались только он и Бог, а прочий мир уходил куда-то далеко, исчезал из виду и из мыслей.

Затем появился шанс получить нашивки астронавта. Он не мог отступить. И снова ему недвусмысленно дали понять, что его участие в конкурсе не приветствуется. Но Томас не отступил и добился места в команде подготовки астронавтов. «Преимущества напора», — насмехался один из старших пилотов.

Чего бы он ни достиг, они всегда пытались высмеять его. Внешне Томас, как всегда, не обращал на это внимания; он скрывал свои раны и истекал кровью незаметно для других.

Спустя два года после того, как он получил «крылышки» астронавта, стало известно о подготовке Второй Марсианской экспедиции. Улыбаясь шире обычного, Томас подал заявление. Никакого страха. Он скрывал от всех неимоверное напряжение и был принят.

«Чертовски выгодное дельце, — говорили его приятели. — Ты будешь второй скрипкой при какой-то русской шлюхе».

Томас пожал плечами и кивнул. «Да, — согласился он. — Думаю, мне придется выполнять приказы всех вокруг».

И про себя добавил: «Зато я полечу на Марс, придурки, а вы

останетесь здесь».

Вслед за своим спутником-астронавтом Мицуо Футида неловко вылез из кабины, спустился по лестнице и ступил на вершину самой высокой горы в Солнечной системе.

В тусклом свете восходящего солнца это место не показалось ему похожим на вершину горы. Он много занимался скалолазанием в Японии и Канаде, и эта гора ничем не напоминала остроконечные, покрытые снегом гранитные глыбы, среди которых, словно брошенный нож, свистел ветер, а облака неслись где-то внизу, под тобой.

Здесь на первый взгляд не было ничего опасного — лишь широкая, довольно плоская равнина из голого базальта. Там и сям валялись булыжники и камни побольше, но не так густо, как у базы. Кратеры, которые они заметили с воздуха, были отсюда не видны; по крайней мере, Футида не видел ничего, напоминающего кратер.

Но, подняв голову, он понял, как высоко они забрались. Вместо обычного нежно-розового небо здесь было темно-синим. Частички пыли, придающие марсианскому небу красный цвет, остались далеко внизу. На Земле такая гора достигла бы стратосферы.

Футиде стало любопытно, сможет ли он увидеть сквозь щиток шлема звезды, может быть, даже найти Землю.

Он обернулся, пытаясь сориентироваться по восходящему солнцу.

— Смотри, куда идешь, — раздался в наушниках предупреждающий голос Родригеса. — Здесь…

Ботинок поехал вперед, и Футида с глухим стуком упал на землю, больно ударившись задней частью тела.

— …скользко, — запнувшись, закончил Родригес.

Астронавт, подволакивая ноги, осторожно приблизился к Футиде, двигаясь как человек, пересекающий каток в туфлях. Протянув руку, он помог биологу встать.

Футида, все тело которого онемело и болело после ночи, проведенной в кабине, теперь еще чувствовал пульсирующую боль ниже спины. «Там будет здоровенный синяк, — сказал он себе. — Мне повезло, что я не упал на рюкзак и не сломал систему жизнеобеспечения».

— Под ногами как будто лед, — заметил Родригес.

— Это не может быть лед, мы слишком высоко, здесь нет воды.

— Сухой лед.

— Ах да, — кивнул Футида. — Сухой лед. Углекислый газ из

атмосферы конденсируется на холодных камнях.

— Да.

— Но сухой лед не скользкий…

— А эта штука скользкая.

Футида быстро соображал.

— Возможно, под нашим весом тонкий верхний слой сухого льда испаряется.

— Значит, у нас под ногами слой углекислого газа, — сразу же понял Родригес.

— Точно. Мы скользим по газовой пленке, как газовые подшипники.

— Значит, нам будет чертовски трудно передвигаться.

Футиде хотелось потереть больное место, хотя он понимал, что в жестком скафандре это бесполезно.

— Взойдет солнце, и лед растает.

— Не думаю, что его тепла хватит на то, чтобы все это испарилось.

— Сухой лед возгоняется при семидесяти восьми и пяти десятых градуса ниже нуля. По Цельсию, — вспомнил Футида.

— При нормальном давлении, — возразил Родригес.

Футида взглянул на термометр на правом запястье.

— Уже выше минус сорока двух градусов, — сказал он, в первый раз за все путешествие почувствовав себя довольным, — К тому же чем ниже давление, тем ниже точка кипения.

— Да, точно. Ты прав.

— Должно быть, этот участок находился в тени крыла самолета, — указал Футида. — Дальше, мне кажется, земля чистая.

— Тогда пошли на пляж, позагораем, — предложил Родригес без смеха.

— Нет, пойдем к кальдере, как собирались.

— Ты думаешь, здесь безопасно расхаживать?

Кивнув сам себе, Футида сделал пробный шаг. Камень был гладким, но не скользким. Он шагнул еще раз, затем другой.

— Может быть, нам следовало взять футбольные бутсы.

— Не обязательно. Теперь можно нормально идти.

Родригес проворчал что-то.

— Тем не менее будь осторожен.

— Хорошо, буду.

Пока Родригес сообщал на базу утренние новости, пользуясь мощным передатчиком в кабине, Футида открыл люк грузового отсека, и их оборудование съехало на землю. И снова он удивился, как эта хрупкая пластиковая машина смогла нести их и все имущество. Это казалось совершенно невозможным, но это

была правда.

— Ты готов? — спросил он Родригеса, горя желанием отправиться в путь.

— Ага. Только дай мне проверить по компасу…

Футида не стал ждать, пока астронавт сверится с компасом. Он знал дорогу к кальдере так хорошо, словно координаты были выжжены у него в сердце.

Глядя в отверстие кальдеры, Родригес ощутил холодок неприятного предчувствия. Словно они стояли на краю гигантской дыры в мироздании, дыры, которая вела прямо в ад.

Ницше был прав, — сказал Футида, и Родригесу послышалось в его голосе благоговение, почти ужас.

Родригесу пришлось развернуться почти целиком, чтобы увидеть японца, стоящего рядом, безликого в громоздком скафандре, отмеченном лишь голубыми полосами на рукавах.

— Ты имеешь в виду то место, где говорится, что когда заглядываешь в бездну, то бездна глядит на тебя?

— Ты читал Ницше?

— По-испански, — фыркнул Родригес.

— Это, должно быть, интересно. Я читал его в японском переводе.

Хихикнув, Родригес заметил:

— Значит, ни ты, ни я не можем читать по-немецки, а?

Этот разговор разрядил напряжение. Кальдера была огромной, необъятной дырой, протянувшейся от одного края горизонта до другого. Они стояли над обрывом, глядя вниз, в темный, укутанный тенями провад, глубины которого никто не ведал, и это определенно выводило из ребя.

— Чертовски большая яма, — пробормотал Родригес.

— Такая большая, что туда может поместиться весь Эверест, — ответил Футида приглушенным от волнения голосом.

— Как долго спит это чудовище? — поинтересовался Родригес.

— Десятки миллионов лет по меньшей мере. Возможно, намного дольше. Это одна из вещей, которую нам предстоит установить, пока мы здесь.

— Как думаешь, собирается он снова ожить?

Футида рассмеялся дрожащим смехом:

— Не волнуйся, мы получим кучу предупреждений.

— Что, это я-то волнуюсь?

Они начали выгружать снаряжение, привезенное на салазках. Полозья были оснащены маленькими колесиками, покрытыми тефлоном, так что двое людей легко могли тащить салазки по

неровной поверхности. По большей части они везли с собой снаряжение для скалолазания: крепеж, скальные крючья и длинные, свернутые кольцами куски троса из углеродного волокна.

— Ты действительно хочешь туда спуститься? — спросил Родригес, сверля в твердом базальте дырки для Футиды, который устанавливал там геометеорологические маяки. Датчики, встроенные в тонкие стержни, должны были непрерывно измерять колебания грунта, тепловой поток, исходивший из недр планеты, температуру воздуха, скорость ветра и влажность.

— Я много времени посвятил исследованию пещер, — ответил Футида, хватая перчатками очередной маяк. — Я долго готовился к этому дню.

— Ты? Занимался спелеологией?

— Это называется «изучение пещер». Термин «спелеология» используется редко.

— Значит, тебе не терпится забраться внутрь, так?

Футида понял, что на самом деле ему не хочется туда лезть. Всякий раз, входя в пещеру на Земле, он ощущал какой-то иррациональный страх. Но он заставлял себя карабкаться по пещерам, потому что знал: это станет существенным плюсом для него в борьбе за место в экспедиции на Марс.

— Да, не терпится, — ответил биолог, с кряхтением запихивая в дыру геометеорологический маяк.

— Грязная работа, — пошутил Родригес, перекрикивая вой электрического бура, — но кто-то должен ее делать.

— Человек должен делать то, что должен, — ответил Футида в том же залихватском тоне, что и напарник.

Родригес рассмеялся:

— Это не Ницше.

— Нет. Джон Уэйн[24].

Закончив приготовления, они направились обратно, к краю кальдеры. Медленно. «Неохота, — подумал Родригес. — Ладно, даже если мы сломаем себе шею, бродя там, внизу, по крайней мере, маяки установлены и работают».

Футида остановился, чтобы проверить показания маяков.

— Нормально передают? — спросил Родригес.

— Да, — послышалось в наушниках. — Интересно…

— Что?

— Тепловой поток из глубины здесь гораздо интенсивнее, чем в куполе или даже внизу, в Каньоне.

Родригес почувствовал, что брови его поползли вверх.

— Ты хочешь сказать, что вулкан все еще активен?

— Нет, нет, нет. Этого не может быть. Но там, внизу,

присутствует какой-то источник термальной энергии.

— Надо было кукурузных палочек прихватить.

— Возможно. А может, нас там кто-то ждет, чтобы нами пообедать! — Голос биолога звучал возбужденно.

— Что ты имеешь в виду?

— Тепловая энергия! Где есть тепло, там может зародиться жизнь.

В мозгу Родригеса замелькали отрывки из плохих фильмов: скользкие инопланетные чудища со щупальцами и глазами навыкате. Ему пришлось сделать усилие, чтобы не рассмеяться. «Не волнуйся, их интересуют только блондинки с большими сиськами».

Футида окликнул его:

— Помоги мне прикрепить канаты и проверь, прочно ли держатся крючья.

«Он больше не боится, — понял Родригес. — Он действительно хочет спуститься в эту бездонную дыру и посмотреть, водятся ли там внеземные существа».

— Ты готов? — спросил Родригес.

Футида надел на скафандр страховочную обвязку, надежно пристегнул канат к стропам, проходившим под мышками.

— Все, готов, — ответил биолог с уверенностью, которой совсем не чувствовал. Эта темная, зияющая бездна будила в обоих какой-то первобытный страх, но Футида не хотел признаваться в этом самому себе, а тем более товарищу.

Родригес провел утро, приводя в порядок снаряжение для спуска, пока Футида собирал образцы породы, затем организовал получасовой виртуальный видеосеанс для зрителей на Земле. Здесь, на вершине горы Олимп, было меньше скал, чем внизу, на равнинах, и нигде не виднелись окрашенные участки, указывающие на колонии марсианского лишайника.

И все же сбор образцов являлся первоочередной задачей биолога. Он рассматривал их как дар геологам, чувствуя тоскливую уверенность в том, что здесь, на крыше этого мира, нет никакой жизни. Но вот внизу, в кальдере… там, возможно, дело обстоит иначе.

К шлему Футиды прикрепили оборудование для получения виртуального изображения. Они не собирались проводить прямую трансляцию, но запись первого спуска в главную кальдеру горы Олимп представляла большую ценность как для ученых, так и для любопытных.

— Отлично, — сказал Родригес, своим тоном выражая неодобрение всей затеи, — я готов начать, как только ты

скажешь.

Кивнув, Футида произнес:

— Тогда начинаем.

— Давай осторожнее, — предупредил Родригес, когда биолог медленно попятился к провалу.

Футида не ответил. Развернувшись, он перелез через слегка закругленный край гигантской дыры в земле. Кальдера была так велика, что прошло полчаса, прежде чем он исчез из поля зрения Родригеса, сидящего у лебедки.

«Готовясь к этому заданию, я должен был прочесть „Ад“ Данте», — подумал Футида.

Он знал, что начало дороги в ад довольно пологое. Вскоре склон станет более отвесным.

И в этот миг он поскользнулся и сорвался вниз.

— Ты в порядке? — раздался в наушниках Футиды озабоченный голос Родригеса.

— Мне попался скользкий участок. Должно быть, здесь, в тени, на скале кое-где остался сухой лед.

Биолог лежал на боку, бедро ужасно болело после падения. «Если так дальше пойдет, — подумал он, — ниже пояса я весь буду в синяках».

— Ты сможешь встать?

— Да. Разумеется. — Смущение было сильнее боли. Футида сердито ухватился за трос и заставил себя подняться на ноги. Даже при марсианской гравитации, составляющей одну треть земной, это потребовало усилий — мешали скафандр и рюкзак. И все снаряжение, болтающееся на поясе и ремнях.

Поднявшись, он снова вгляделся в зияющую пасть кальдеры. «Она похожа на глотку огромного чудовища, — мелькнула мысль. — Похожа на врата в преисподнюю».

Он глубоко вдохнул и сказал в микрофон:

— Все нормально. Я начинаю спуск.

— Осторожнее, приятель.

— Спасибо за совет, — фыркнул Футида.

Родригеса, казалось, не задело раздраженное замечание.

— Может быть, мне натянуть канат посильнее, — предложил он. — Чтобы не болтался.

Сожалея о своей вспышке, Футида согласился:

— Да, это должно помочь мне удержаться на ногах.

Бок сильно болел, а ягодицы еще ныли после первого падения.

«Мне еще повезло, что я не порвал скафандр, — подумал он. — Или не повредил рюкзак».

— О'кей, я натянул веревку. Не волнуйся, давай.

«Дорога длиной в тысячу миль начинается с одного шага». Мицуо Футида вспомнил древнее изречение Лао-Цзы, ступив обутой в ботинок ногой на склон перед собой. Голая скала, казалось, хорошо держала его.

«Ты не заметишь льда», — напомнил он себе. Слой слишком тонкий, чтобы увидеть. В нескольких десятках метров справа от него косые лучи солнца освещали пологий спуск в кальдеру. «Там не должно быть льда», — решил Футида. Он двинулся в ту сторону, медленно, проверяя почву перед каждым шагом.

Канат крепился к обвязке на груди, так что он мог без труда отстегнуть его в случае необходимости. Трос натянулся, и идти стало еще труднее. Футида почувствовал себя какой-то марионеткой на веревочке.

— Ослабь немного, — попросил он Родригеса.

— Ты уверен?

Он обернулся, чтобы взглянуть на своего спутника, и с удивлением увидел, что астронавт превратился в крошечную фигурку на краю кратера, освещенную ярким солнцем и едва заметную на фоне темно-голубого неба.

— Да, уверен, — сказал он с деланым терпением.

Через несколько секунд Родригес спросил:

— Ну а теперь как?

Футида не заметил никакой разницы, но ответил:

— Лучше.

В свете солнца он разглядел примерно в двадцати метрах внизу скальный выступ и решил направиться к нему. Медленно, осторожно он начал спуск.

— Я тебя не вижу. — Голос Родригеса в наушниках звучал слегка озабоченно.

Подняв голову, Футида увидел лишь просторы синего неба и пологий склон голой скалы. И туго натянутый канат, его спасительную ниточку.

— Все нормально, — сообщил он. — Я включил виртуальные камеры и записываю спуск. Я собираюсь остановиться у уступа и отколоть там несколько образцов породы.

— Эй, Мицуо, — позвал Родригес.

Футида машинально взглянул вверх, но астронавта не увидел. Футида был один внизу, на выступе отлогого каменного склона кальдеры. Углеродный трос, соединявший его с лебедкой наверху, также служил «каналом» для радиопереговоров между напарниками.

— Что такое? — ответил он, обрадовавшись голосу

Родригеса.

— Как там дела, приятель?

— Да как сказать, — ответил Футида. — Это зависит…

— Зависит от чего?

Биолог заколебался. Он уже несколько часов работал на этом уступе, откалывая образцы, измеряя тепловой поток, терпеливо вгрызаясь буром в твердый базальт, чтобы выяснить, нет ли в скале включений водяного льда.

Он оказался в тени. Солнце ушло. Подняв голову, он с облегчением увидел, что небо по-прежнему оставалось ярко-синим. Там, наверху, еще светит солнце. Он знал, что Родригес не позволит ему задержаться здесь после заката, но вид дневного неба все же несколько успокаивал его.

— Это зависит, — медленно ответил он, — от того, что ты ищешь. Геолог ты или биолог.

— Вот оно как, — сказал Родригес.

— Здесь рай для геолога. В этих скалах сохранилось значительное количество остаточного тепла. Больше, чем может накопиться в результате падения солнечных лучей.

— Думаешь, вулкан еще активен?

— Нет-нет. Он потух, но гора еще теплая — чуть-чуть.

Родригес не ответил.

— Ты понимаешь, что это значит? Этот вулкан может быть намного моложе, чем мы думаем. Намного моложе!

— Насколько?

— Думаю, на какие-нибудь несколько миллионов лет, — ответил Футида возбужденно. — Не больше чем на десять миллионов.

— Мне он по-прежнему кажется чертовски старым, дружище.

— Но здесь может существовать жизнь! Если здесь сохранилось тепло, то в толще скалы, возможно, есть жидкая вода.

— А мне казалось, что на Марсе вода не может быть жидкой.

— На поверхности — нет, — объяснил Футида, чувствуя дрожь восторга. — Но глубже, внутри, где давление выше, там, возможно…

— Там, внизу, по-моему, дьявольски темно.

— Верно, — подтвердил Футида, заглядывая через край уступа, на котором он сидел. Обогреватель скафандра работал нормально; здесь, наверное, было градусов сто ниже нуля, но он чувствовал себя комфортно.

— Мне не нравится, что ты сидишь там в темноте.

— Мне тоже, но ведь именно за этим мы сюда и прилетели, верно?

Ответа не последовало.

— Мне кажется, у нас еще есть несколько сот метров неразвернутого троса, так?

— Тысяча сто девяносто два метра, согласно измерителю.

— Значит, я могу спуститься довольно глубоко.

— Мне не нравится эта темнота.

— Фонарь у меня на шлеме работает нормально.

— И все-таки…

— Не волнуйся за меня, — настаивал Футида, отметая опасения астронавта.

Ему хватало и своих собственных страхов; он не хотел сражаться еще и со страхами Родригеса.

— В конце уступа я видел щель, — сообщил он астронавту. — Похоже на отверстие старого лавового туннеля. Возможно, он ведет довольно глубоко внутрь.

— Думаешь, это хорошая мысль?

— Я взгляну, что там внутри.

— Не делай того, чего ты не обязан делать.

Футида поморщился, медленно поднимаясь на ноги. Все тело болело от синяков, полученных при падении, и затекло после долгого сидения на камне. «Иди осторожно», — предупредил он сам себя. Хотя здесь, внутри, камень теплее, здесь тоже могли попадаться участки, покрытые льдом.

— Слышишь меня? — позвал Родригес.

— Если бы я послушался твоего совета, то спал бы сейчас в своей собственной кровати в Осаке, — пошутил японец, стараясь, чтобы голос звучал беззаботно и весело.

— Да, наверное.

Неловко передвигая ноги, Футида направился к замеченной раньше расселине. Фонарь на шлеме отбрасывал вперед светлое пятно, но ему приходилось слегка наклоняться, чтобы свет падал под ноги.

Вот она, он заметил ее. Узкая, слегка округлая дыра в базальтовой стенке. Похожа на вход в пиратскую пещеру.

Футида ступил внутрь и огляделся, освещая фонарем стены.

Это лавовый туннель, он был уверен. Подобно норе какого-то гигантского инопланетного червя, он, изгибаясь, вел внутрь. «Как далеко?» — подумал биолог.

Заглушив внутренний голос, шептавший ему об опасности, Футида двинулся вперед, в холодный, темный Лавовый туннель.

— Джейми, — раздался резкий голос Стэси Дежуровой, — у нас тревожное сообщение от Родригеса.

Услышав голос Дежуровой, разнесшийся по куполу, Джейми,

сидевший в геологической лаборатории за электронным микроскопом, оторвался от экрана. Оставив образец породы во включенном приборе, он рванулся в центр связи.

Дежурова молча подала Джейми наушники, и вид у нее был мрачный. Остальные ученые столпились позади них.

Голос Родригеса был спокойным, но напряженным.

— …там, внизу, больше двух часов, а затем радиоконтакт прервался, — говорил астронавт.

Джейми уселся во вращающееся кресло рядом с Дежуровой и, поправив микрофон, сказал:

— Это Уотерман. Что случилось, Томас?

— Мицуо спустился в кальдеру, как и было запланировано. Примерно в пятидесяти — шестидесяти метрах от края он обнаружил лавовый туннель и вошел туда. Затем его передатчик заглох.

— Сколько времени?..

— Прошло более получаса. Я дергал за трос, но ответа не получил.

— Как ты думаешь, что произошло?

— Либо он без сознания, либо его радио вышло из строя. Я дергал за трос как следует. Никакого отклика.

Астронавт не упомянул о третьей возможности: о том, что Футида мог погибнуть. Но эта мысль жгла Джейми.

— Ты говоришь, что радиоконтакт прервался, когда он все еще был в туннеле?

— Да, верно. Это случилось более получаса назад.

Тысячи возможных объяснений мелькали в мозгу Джейми. Страховка очень прочная, оборваться она не может, это Джейми знал твердо. Такие углеродные тросы выдерживают тонны нагрузки.

— Скоро начнет темнеть, — напомнил Родригес.

— Тебе придется спуститься за ним, — сказал Джейми.

— Знаю.

— Просто зайди туда и выясни, что с ним. Погляди, что случилось, и вызывай нас.

— Ладно. Понял.

— Мне это не нравится, но тебе придется это сделать.

— Мне это тоже не очень-то нравится, — заметил Родригес.

Преодолевая боль, застилающую сознание, Мицуо Футида осознал иронию ситуации, в которой оказался. Он сделал великое открытие, но ему не суждено выжить и рассказать о нем другим.

Войдя в лавовый туннель, он почему-то почувствовал непривычный страх, как герой старого фильма ужасов, который

медленно, боязливо идет по узкому коридору дома с привидениями, держа в руке лишь мерцающую свечу. Но этот коридор был туннелем, давным-давно проделанным в скале потоком раскаленной лавы, и свет исходил от фонаря на шлеме скафандра Футиды.

«Чепуха! — фыркнул он про себя. — В скафандре ты в безопасности, и трос связывает тебя с Родригесом, который ждет там, наверху». Он вызвал астронавта и завел с ним пустую болтовню, просто чтобы не чувствовать себя отрезанным от всей вселенной в темном узком туннеле.

Камеры виртуального изображения, укрепленные у него на шлеме, записывали все, что он видел, но Футида подумал, что только геолог заинтересуется фильмом об этом тесном коридоре, вызывающем приступ клаустрофобии.

Туннель уходил вниз, стены его были довольно гладкими, местами блестели, как стекло. В свете фонаря на черном камне возникали блики. Иногда коридор сужался, затем снова расширялся, но нигде не достигал такой ширины, чтобы Футида смог развести руки в стороны.

По губам и лбу Футиды стекал пот, холодные струйки ползли по спине. «Хватит валять дурака, — уговаривал он себя. — Тебе приходилось бывать в пещерах пострашнее».

Он подумал об Элизабет, которая ждет его там, в Японии, и терпит едва уловимые уколы от окружающих, потому что любит его и хочет быть с ним, когда он вернется. «Я вернусь к тебе, — поклялся он, — даже если этот туннель приведет меня в ад».

Время от времени ему казалось, что трос натягивается. Ему приходилось останавливаться и дергать его, чтобы освободить. А может быть, это Родригес меняет натяжение, решил он.

Он углублялся в коридор, ступая осторожно, время от времени касаясь перчатками странно гладких стен.

Вскоре Футида потерял счет часам, откалывая куски породы, наполняя мешочки для образцов, болтающиеся на поясе. Трос мешал ему идти вперед, поскольку присоединялся к ремням спереди. Неудобно: нужно было закинуть его за плечо или обмотать вокруг талии.

И тут он заметил слева, в круге света, отбрасываемом фонарем, углубление в блестящей черной стене, небольшую впадину, которая, как ему показалось, имела более светлую окраску. Футида подобрался ближе и слегка наклонился, чтобы рассмотреть нишу.

Ее образовал пузырь в лаве, решил он. В нише едва мог поместиться человек. То есть человек, не обремененный жестким скафандром и громоздким рюкзаком. Футида остановился у входа

в узкую нишу, с любопытством заглядывая внутрь.

А затем он заметил какую-то красноватую, ржавого цвета полосу. Ржавчина? Почему именно здесь, а не где-нибудь в другом месте?

Он придвинулся ближе, втиснулся в углубление, чтобы рассмотреть странное пятно. Да, действительно, цвет ржавчины.

Футида вытащил из набора инструментов, висящего на поясе, скребок и едва не уронил его, так неудобно было работать в перчатках. «Если я его уроню, то не смогу наклониться, чтобы поднять, особенно в этой крошечной нише», — понял он.

Красноватое пятно раскрошилось при прикосновении скребка. «Странно! — подумал Футида. — Совершенно не похоже на базальт. Неужели здесь есть… влага? Нет! При таком низком давлении вода не может существовать в жидком состоянии. Но каково давление внутри скалы? Возможно…»

Красный порошок легко поместился в пакетик для образцов, подставленный дрожащими руками. Должно быть, это оксид железа, которое каким-то образом вступило в контакт с водой. Вода и железо. Сидерофилы! Бактерии, усваивающие железо и воду!

Футида был уверен в этом так же твердо, как и в том, что дышит. Сердце его бешено забилось. Колония питающихся железом бактерий в кальдере вулкана Олимп! Кто знает, что еще можно обнаружить там, дальше?

Лишь когда он запечатал пакет с образцом и поместил его в пластиковый мешок на поясе, он услышал странный рокот. Сквозь шлем рокот казался приглушенным, далеким, но любой звук в этом глубоком туннеле пугал.

Футида начал пятиться прочь от крошащейся рыжевато-красной расщелины. Рокот, казалось, усиливался, походил на рычание крадущегося хищника. Разумеется, это все чушь, но ему показалось, что туннель слегка дрожит, покачивается. «Это ты дрожишь, глупец»! — убеждал он себя.

Что-то в подсознании говорило ему, что страх обоснован. Его нечего стыдиться, если ты…

Покрытая ржавчиной скала взорвалась, вырвавшийся из щели фонтан поднял Футиду в воздух и с силой швырнул в дальнюю стену туннеля.

Ударившись затылком о шлем, Футида едва не потерял сознание. Он лежал на полу туннеля, щиток шлема запотел, череп раскалывался от боли.

Скрежеща зубами, он собрал всю свою волю, чтобы не отключиться. Несмотря на пульсирующую боль в голове, он

заставил себя остаться в сознании, соображать. «Не смей падать в обморок! — приказал он себе. — Не позволяй себе отступить. Если хочешь жить, ты должен думать». Он почувствовал, что на лбу выступил пот, он заливал глаза, вынуждая Футиду моргать.

Затем Футиду захлестнула волна гнева. «Какой же ты идиот! — обрушился он на себя самого. — Гидротермальная скважина. Вода. Жидкая вода, здесь, на Марсе. Тебе следовало знать. Тепловой поток, пятна ржавчины. Здесь должны жить сидерофилы, бактерии, перерабатывающие железо и воду. Они ослабили стену, а ты еще отскреб немного, и этого оказалось достаточно, чтобы давление воды прорвало перегородку.

Да, — согласился он сам с собой. — Теперь, когда ты совершил открытие, ты должен жить, чтобы сообщить о нем остальному миру».

Щиток по-прежнему был в испарине. Футида нащупал на запястье контрольный рычаг, который должен был включить вентиляторы в скафандре и очистить щиток. Он решил, что нашел то, что нужно, и нажал. Ничего не изменилось. Более того, прислушавшись, он не услышал едва заметного жужжания вентиляторов. Тишину нарушало лишь его собственное тяжелое дыхание.

«Подожди. Успокойся. Думай.

Вызови Родригеса. Расскажи ему, что произошло».

— Томас, у меня небольшая неприятность.

Никакого ответа.

— Родригес! Ты меня слышишь?

Молчание.

Медленно, осторожно он согнул руки, затем ноги. Все тело болело, однако переломов, по-видимому, не было. Но вентиляторы молчали, по лбу Футиды катился пот.

Мигая, хлопая ресницами, он заметил, что щиток шлема начал очищаться сам по себе. «Гидротермальный выброс, наверное, был слабым», — с благодарностью подумал он. Он не слышал больше рокота; туннель перестал дрожать.

Неохотно он поднял руку к лицу и поднес к глазам клавиатуру на запястье. Панель была пуста. Неисправность в электросети! Он яростно застучал по клавишам: ничего. Обогреватель, теплообменник, вентиляторы, радио — все отключилось.

«Я покойник».

Панический страх сдавил сердце ледяной рукой. «Вот почему я больше не слышу жужжания! Наверное, врезавшись в стену, я повредил батарею скафандра».

Футида ощущал, как стучит в ушах кровь. «Успокойся! —

скомандовал он себе. Все не так плохо. В скафандре еще осталось воздуха больше чем на час. И он хорошо изолирован, ты не замерзнешь — по крайней мере, несколько часов. Ты сможешь обойтись без вентиляторов. Некоторое время».

Настоящий ужас охватил его, когда он попытался подняться. Правая щиколотка горела огнем. «Сломана или вывихнута, — понял Футида. — Я не могу стать на эту ногу. Я не смогу выбраться отсюда».

Ирония ситуации поразила его. «Я буду первым человеком, умершим от перегрева на Марсе».

«Проблема в том, — сказал себе Родригес, — что у нас только одна страховочная обвязка, и она у Мицуо.

Мне придется спуститься туда без страховки, без всего снаряжения для скалолазания, которое осталось у Футиды».

Дерьмо!

Другой выход, знал он, — это оставить биолога и вернуться в безопасный самолет. Родригес покачал головой. «Оставить его я не могу. Уже темнеет, и он не доживет до утра.

С другой стороны, существует чертовски большая вероятность, что мы оба там погибнем».

Куча дерьма.

Долгие, бесполезные минуты он провел, уставившись в темные глубины кальдеры, которая полностью погрузилась в тень, поскольку солнце опустилось к самому горизонту.

«Никогда не показывай страха, — повторил Родригес про себя. — Даже себе самому». Он кивнул. Да-а, это легко сказать. А сделать трудно, когда вот так мурашки по спине бегают.

Но все же он пошел вниз, медленно, осторожно, перебирая руками трос.

Уже через пару метров стало совершенно темно. Единственное светлое пятно отбрасывала тусклая лампа на шлеме, и, казалось, черные скалы, окружавшие его, жадно стремятся пожрать этот свет. Родригес аккуратно, не торопясь, переставлял ноги, зная, что углекислый газ из атмосферы уже начал конденсироваться на ледяном камне.

Родригес бросил быстрый взгляд в темнеющее небо, словно заключенный, который в последний раз отчаянно смотрит на свободный мир перед тем, как войти в темницу.

«По крайней мере, я могу идти но веревке, — подумал он. Он двигался неуклюже, рассчитывая каждый шаг, стараясь не наступить на обледенелый участок, — Если я упаду и сломаю что-нибудь, нам обоим крышка, — говорил он себе. — Не волнуйся. Не спеши. Не допусти ошибки».

Медленно, медленно астронавт спускался вниз. Когда канат привел его к входу в лавовый туннель, клочок неба над головой скрылся из виду; стало совершенно темно. Если звезды и подмигивали ему оттуда, сверху, он не видел их сквозь затемненное стекло шлема.

Он вгляделся в туннель. Это было все равно что смотреть в бездонный колодец.

— Эй, Мицуо! — окликнул он. — Слышишь меня?

Никакого ответа. «Либо он потерял сознание, либо погиб, — решил Родригес. — Он лежит где-то далеко в туннеле, и мне нужно его найти. Или то, что от него осталось».

Он сделал глубокий вдох. «Никакого страха», — напомнил он себе.

И он побрел вглубь туннеля, не обращая внимания на внутреннюю дрожь, не слушая голоса, говорившего, что он зашел достаточно далеко, что парень мертв, что нет смысла подыхать здесь, что нужно убираться отсюда к чертям, немедленно.

«Я не могу его бросить! — безмолвно прокричал Родригес, обращаясь к этому голосу. — Мертв он или жив, я не могу оставить его здесь».

«Тогда тебе конец», — возразил голос.

«Да, разумеется. Я отлично смогу вернуться на базу и без него. Но что они подумают обо мне? Как я…»

Он увидел обмякшее тело биолога, привалившееся к стене туннеля, — безжизненный скафандр и рюкзак с оборудованием.

— Эй, Мицуо! — крикнул он.

Неподвижное тело не шелохнулось.

Родригес поспешил к биологу и попытался рассмотреть его лицо внутри шлема. Стекло сильно запотело.

— Мицуо! — проорал он. — Ты в порядке? — И сразу же понял, какой идиотский он задал вопрос.

Но Футида внезапно вытянул руки и ухватился за его плечи.

— Ты жив!

Ответа по-прежнему не было. «У него радио не работает, — наконец сообразил Родригес. — А атмосфера слишком разрежена, звук не распространяется».

Он прикоснулся своим шлемом к шлему Футиды.

— Эй, приятель, что случилось?

— Батарея, — ответил биолог; голос его звучал приглушенно, но понятно. — Батарея отказала. И моя нога. Я не могу идти.

— Господи Иисусе! Ты сможешь подняться, если обопрешься на меня?

— Не знаю. У меня вентиляторы не работают. Я не хочу выделять лишнего тепла.

«Дерьмо, — выругался про себя Родригес. — Неужели мне придется нести его всю дорогу наверх?»

Сидя в туннеле, как глупый школьник в первой экспедиции в пещеру, Футида жалел, что в свое время не уделял большого внимания буддизму. Сейчас самое подходящее время для медитации, достижения внутреннего мира и безмятежного альфа-состояния. Или это было бета-состояние?

Поскольку вентиляторы не работали, воздух в изолированном скафандре почти не циркулировал. Тепло, выделяемое телом, не переносилось к теплообменнику, находившемуся за спиной; температура внутри скафандра все время поднималась.

Хуже того, выдыхаемый им углекислый газ почти не поступал в очиститель воздуха. Он скоро задохнется в скафандре от своих собственных испарений.

Оставалось сидеть как можно спокойнее, не шевелиться, не моргать. Успокоиться. Достичь небытия. Не суетиться. Ждать. Ждать помощи.

«Родригес придет за мной, — говорил он себе. — Томас не оставит меня умирать здесь. Он придет за мной».

Но успеет ли он вовремя? Футида попытался отогнать мысли о смерти, но понимал, что она неизбежна.

«И, что самое обидное, я уверен, что набрал полный мешок сидерофилов! Я стану знаменитым. Посмертно».

И тут он заметил приближающийся трясущийся свет фонаря. И едва не разрыдался от облегчения. Появился Родригес — неуклюжее существо в громоздком скафандре, похожее на робота. Для Футиды он был прекраснее ангела.

Сообразив, что нужно прислониться к шлему Футиды, Родригес спросил:

— Как, черт тебя побери, ты умудрился так стукнуться?

— Гидротермальная скважина, — объяснил Футида. — Струя швырнула меня через весь туннель.

— «Верный Старик»[25] бьет на Марсе, — проворчал Родригес.

Футида попытался рассмеяться, но у него получилось лишь трясущееся хриплое хихиканье.

— Ты можешь двигаться? Встать?

— Думаю, да… — Медленно, с помощью Родригеса, подхватившего его под мышки, Футида поднялся на ноги. Он глубоко вздохнул, затем закашлялся. Попытавшись ступить на поврежденную ногу, он едва не рухнул на пол.

— Легче, легче, приятель. Обопрись на меня. Нужно доставить тебя в самолет, пока ты не задохнулся.

Родригес забыл про лед.

Он почти тащил Футиду по туннелю, и лишь маленькие пятна света, отбрасываемые их фонарями, разрывали абсолютную, давящую тьму, окружавшую их.

— Как ты, дружище? — спросил он японца. — Скажи что-нибудь.

Прислонившись своим шлемом к шлему астронавта, Футида ответил:

— Мне жарко. Я сейчас сварюсь.

— Везет тебе. А у меня задница отмерзает. Наверное, что-то с обогревателем.

— Я… я не знаю, сколько смогу протянуть без вентиляторов, — выдавил Футида слегка дрожащим голосом. — У меня голова начинает кружиться.

— Ничего, — ответил Родригес с наигранной бодростью. — Ну, будет тебе немного душно в скафандре, но ты не задохнешься.

Родригес знал, что первый американский астронавт, вышедший в открытый космос в скафандре, едва не погиб от перегрева. Проклятые скафандры удерживают внутри все тепло, выделяемое телом; именно поэтому нас заставляют надевать кальсоны с водяным охлаждением и ставят в скафандры теплообменники. Но если вентиляторы не гоняют воздух, то от этих теплообменников нет ни черта пользы.

Родригес ухватился за канат. В тусклом свете фонаря он видел, что канат ведет вверх, прочь из этой бездны.

— Мы будем в самолете через полчаса, а то и раньше. Тогда я починю твое оборудование.

— Хорошо, — сказал Футида и снова закашлялся.

Казалось, прошли часы, прежде чем они выбрались из туннеля и снова оказались на уступе, на склоне гигантской кальдеры.

— Давай, хватайся за трос. Мы поднимаемся.

— Ладно.

Но тут ботинок Родригеса скользнул по камню, и астронавт с глухим стуком рухнул на колени.

— Проклятие, — пробормотал он. — Скользко.

— Лед.

Астронавт перекатился и сел на корточки, колени сильно болели.

— Что, слишком скользко, чтобы подниматься? — Судя по голосу, Футида был близок к панике.

— Ага. Придется нам тащить себя вверх с помощью лебедки. — Он лег на живот и знаком приказал японцу сделать то же.

— А это не опасно? Что если мы порвем скафандры?

Родригес постучал по плечу Футиды.

— Прочный, как сталь, дружище. Они не порвутся.

— Ты уверен?

— Хочешь провести ночь здесь, внизу?

Футида ухватился за трос обеими руками.

Ухмыляясь про себя, Родригес тоже вцепился в канат и велел Футиде включить подъемник.

Но через несколько секунд он почувствовал, что натяжение ослабло.

— Стой!

— Что случилось? — спросил Футида.

Родригес несколько раз осторожно подергал за трос. Он болтался свободно.

— Вот дерьмо, — проворчал он.

— Да что такое?

— Лебедка не может выдержать наш вес. Мы вырвем ее из опор.

— Ты хочешь сказать, что мы здесь застряли?

— Я так понимаю, что никому из нас спать не придется.

При этих словах Стэси Дежурова улыбалась, но ее ярко-голубые глаза были совершенно серьезными. Труди Холл была по-прежнему на посту у консоли центра связи. Стэси стояла у нее за спиной, а Джейми медленно расхаживал взад и вперед по комнате. Виджай Шектар, доктор, принесла еще один стул и села у дверей, наблюдая за ними.

В слишком тесной для четверых кабине центра связи было душно и жарко. Джейми не ответил на замечание Дежуровой; он просто продолжал расхаживать, пять шагов от одной перегородки до другой, затем обратно.

— Родригес, должно быть, уже нашел его, — сказала Холл, слегка повернувшись на стуле к Стэси.

— Тогда почему он не выходит на связь? — спросила та почти зло.

— Наверное, они еще в кальдере, — предположил Джейми.

— Уже ночь, — напомнила Стэси.

Джейми кивнул и продолжал расхаживать.

— Самое худшее — это ожидание, — вступила Виджай. — Когда не знаешь, что…

— Это Родригес, — прохрипело радио. — У нас тут небольшая проблема.

Джейми в мгновение ока оказался у консоли, склонившись между двумя женщинами.

— Что произошло, Томас?

— Футида жив. Но его оборудование повреждено, батарея отключилась. Обогреватель, вентиляторы — ничего в скафандре не работает.

Голос звучал напряженно, но спокойно, как у пилота, у которого только что загорелся реактивный двигатель: неприятно, но справиться можно. Пока ты не врежешься в землю.

Затем он добавил:

— Мы сидим на выступе примерно в тридцати метрах от края кальдеры и не можем выбраться, потому что камни покрыты сухим льдом и карабкаться наверх слишком скользко.

Пока астронавт продолжал рассказывать, как они едва не вырвали из скалы лебедку, попытавшись подняться на канате вверх, Джейми постучал Холл по плечу и попросил найти спецификации на систему вентиляции скафандров.

— Хорошо, — обратился он к Родригесу, когда тот закончил. — Вы оба не ранены?

— Я получил несколько синяков. У Мицуо плохо с ногой. Он не может на нее наступить.

На одном из экранов консоли появилась схема циркуляции воздуха в скафандре. Холл просматривала длинный список рядом.

— Мицуо, как ты себя чувствуешь? — спросил Джейми, стараясь выгадать время, чтобы подумать, чтобы получить нужную информацию.

— У него радио не работает, — объяснил Родригес. И, помедлив, добавил: — И еще он говорит, что ему жарко. Он вспотел.

Виджай, кивнув, пробормотала:

— Гипертермия.

Странно, но Родригес хихикнул:

— Мицуо еще говорит, что он обнаружил сидерофилов внутри кальдеры! Он хочет, чтобы Труди это знала.

— Я слышу, — ответила Холл, не отрываясь от спецификации. — Он взял образцы?

Пауза, затем Родригес произнес:

— Ага. Внутри скалы есть вода. Жидкая вода. Мицуо говорит, что это нужно опубликовать… разместить в Сети.

— Жидкая? — Холл перестала просматривать списки. Глаза ее широко раскрылись. — Ты уверен насчет…

— Сейчас это не важно, — прервал ее Джейми, изучая цифры на экране. — Если верить спецификации, с выключенными вентиляторами можно протянуть по меньшей мере два часа.

— Тогда мы не можем дожидаться здесь рассвета, — сказал

Родригес.

— Томас, ремни Мицуо присоединены к лебедке? — спросил Джейми.

— Насколько я вижу, да. Но если мы попробуем подняться на ней, то вырвем ее из грунта.

— Тогда Мицуо придется подниматься самому.

— Самому?

— Именно так, — подтвердил Джейми. — Пусть он поднимется на лебедке наверх, затем снимет ремни и бросит их тебе, чтобы ты смог подняться. Понятно?

В тусклом свете фонарей Футида не видел лица Родригеса через затемненное стекло. Но он понимал, что сейчас должен чувствовать астронавт.

Приблизившись к Родригесу, он сказал:

— Я не могу оставить тебя здесь одного, даже с тросом.

Должно быть, микрофон в шлеме Родригеса уловил эти слова, потому что Уотерман ответил железным голосом:

— Никаких возражений, Мицуо. Вытаскивай оттуда свою задницу и бросай ремни обратно. Чтобы вам обоим подняться, потребуется несколько минут, не больше.

Футида хотел было возразить, но Родригес оборвал его:

— О'кей, Джейми. Звучит неплохо. Мы свяжемся с вами, когда окажемся наверху.

Футида услышал, как радио, щелкнув, отключилось.

— Я не могу тебя тут бросить, — повторил он, чувствуя, как его охватывает отчаяние.

— Как раз это тебе и придется сделать, приятель. Иначе мы оба останемся здесь.

— Тогда иди первым и брось мне трос.

— Ни в коем случае, — возразил Родригес. — Ты ученый, твоя жизнь важнее. Я астронавт, меня учили, как действовать в случае опасности.

— Но это моя вина… — начал Футида.

— Дерьмо собачье! — рявкнул Родригес. И добавил: — А кроме того, я сильнее и выносливее тебя. А теперь иди, и хватит тратить время!

— Как ты найдешь трос в темноте? Он может болтаться в двух метрах от твоего носа, а твой фонарь не осветит его!

Родригес презрительно фыркнул:

— Привяжешь маяк к концу троса и включишь фонарик.

Футида почувствовал себя униженным. «Я должен был об этом подумать. Это так просто. Наверное, у меня действительно голова кругом идет, мозги совсем не соображают».

— А теперь — пошел! — приказал Родригес. — Ложись на живот и включай лебедку.

— Подожди, — сказал Футида. — Я хочу тебя кое о чем попросить…

— Что? — нетерпеливо спросил Родригес.

Футида помедлил, затем торопливо заговорил:

— Если… если у меня не получится… если я погибну… ты свяжешься с одним человеком, когда вернешься на Землю?

— Ты не погибнешь.

— Ее зовут Элизабет Верной, — продолжал Футида; он боялся, что, если его остановят, он не сможет закончить. — Она лаборантка на факультете биологии в Токийском университете. Передай ей… что я люблю ее.

Родригес понял всю важность слов своего спутника.

— Твоя подружка не японка?

— Моя жена, — сказал Футида.

Родригес негромко присвистнул, затем ответил:

— О'кей, Мицуо. Разумеется. Я передам ей. Но ты сможешь ей сам это сказать. Ты не умрешь.

— Конечно. Но…

— Нет. Я знаю. А сейчас иди!

Футида неохотно повиновался. Он ужасно боялся тысячи несчастий, которые могли произойти: от порванного скафандра до необходимости оставить своего спутника замерзнуть насмерть. Но еще больше он боялся сидеть внизу, ничего не предпринимая.

Хуже всего было то, что ему стало жарко. Он задыхался в своем скафандре. Скрежеща зубами, он ухватился за трос так крепко, как только позволяли сервомоторы на его перчатках. Затем сообразил, что ему нужна свободная рука, чтобы поворачивать рычаги лебедки, находящиеся на его страховочных ремнях.

Дрожащей рукой он потянулся к рычагам, отчаянно пытаясь вспомнить, какой из них запускает лебедку. Он нашел и надавил. Прошла секунда, ничего не изменилось.

Затем его внезапно оторвало от уступа и потянуло вверх, по каменному склону кальдеры, скафандр скрежетал, скрипел, трещал, соприкасаясь с шероховатой скалой.

«У меня никогда не получится, — понял Футида. — Даже если скафандр выдержит, я задохнусь прежде, чем доберусь до вершины».

Родригес смотрел, как Футида рывками ползет вверх по склону, то поднимаясь, то съезжая обратно, — тусклое светлое пятно удалялось медленно, но все же удалялось. Сквозь шлем,

изолирующий звуки, он не слышал, как скафандр биолога скрежещет о покрытый льдом камень; он слышал только свое учащенное дыхание. «Спокойно, — приказал он сам себе. — Успокойся, и все будет в порядке».

«Да, конечно, — ответил сардонический голос у него в мозгу, — Проще простого. Пара пустяков».

И тогда он понял, что остался совершенно, абсолютно один в темноте.

«Все нормально, — убеждал он себя. — Мицуо сбросит мне трос, и я поднимусь наверх».

Фонарь на шлеме отбрасывал тусклое пятно света на темную шероховатую скалу. Когда Родригес обернулся, бездонная пропасть кальдеры поглотила свет; она была глубокой, широкой, бескрайней.

Тьма окружала его. Ему казалось, что он остался один во всей вселенной, что сама вселенная исчезла и осталась только жадная тьма этой холодной черной ямы.

Непрошеное воспоминание, строчка из какой-то пьесы, которую он читал в школе, пришла ему на ум:

«Мой ад везде, и я навеки в нем»[26].

«Не будь дураком, — рявкнул он на себя. — С тобой все будет в порядке. Твой скафандр работает нормально, а Мицуо, скорее всего, уже наверху, снимает обвязку и сейчас сбросит ее тебе».

Да, без сомнения. Он мог потерять сознание, мог зацепиться за скалу, а может быть, чертовы ремни оборвались, когда лебедка тащила его вверх по склону.

Родригес положил руку в перчатке на камень, чтобы успокоиться. «Скоро все кончится», — повторил он мысленно. И удивился: неужели свет лампы слабеет? Неужели батареи садятся?

Футида так сильно ударился головой о шлем, что почувствовал во рту вкус крови. Он изо всех сил зажмурился и увидел суровое, непреклонное лицо отца. «Как он будет разочарован, узнав, что я погиб на Марсе, как кузен Коноэ.

И Элизабет. Наверное, так будет лучше. Она сможет вернуться в Ирландию и найти другого мужа, своего соотечественника. Моя смерть избавит ее от жизни, полной тревог».

Лебедка внезапно остановилась, и Футида ощутил смертельный страх. Она застряла! В этот миг он понял, что не готов к смерти. Он не хотел умирать. Только не здесь, на Марсе. Вообще где бы то ни было.

На него смотрел зловещий красный глаз. На миг Футида решил было, что он теряет сознание, затем не сразу, но

сообразил, что это огонек на верхушке одного из метеорологических маяков, которые они расставили по краю кальдеры.

Напрягая зрение, чтобы рассмотреть хоть что-нибудь в свете звезд, он решил, что видит лебедку, возвышающуюся над его распростертым телом. Вытянув руку, он дотронулся до нее.

Да! Он добрался до вершины. Но он был близок к обмороку, чувствовал тошноту. Тело взмокло от пота. «Перегрев», — подумал он. Как смешно умереть от перегрева, когда температура вне скафандра равна примерно двумстам градусам ниже нуля.

Футида засмеялся, понимая, что у него начинается истерика, но был не в силах остановиться. Он смеялся до тех пор, пока на него не напал страшный приступ кашля.

Внизу, на уступе, Родригес боролся с подступающим страхом.

— Мицуо, — позвал он, включив радиосвязь между скафандрами. — Ты в порядке?

Ответа не было. Разумеется, тупица! У него же радио не работает. Холод, казалось, просачивался сквозь скафандр. В таком холоде начинает замерзать углекислый газ. В таком холоде может испортиться обогреватель скафандра. В таком холоде можно умереть.

— Поднимайся, Мицуо, — шептал он. — Поднимайся наверх целым и невредимым и бросай мне чертов трос.

«Он меня здесь не оставит. Если, конечно, доберется до вершины. Он не побежит к самолету, бросив меня здесь. В любом случае, он бежать-то не может. Даже идти не может. Но все же сможет доползти до самолета, выбравшись отсюда. Хромая, прыгая на одной ноге. Нет, он этого не сделает. Он не бросит меня здесь умирать одного. Должно быть, с ним что-то случилось. Наверное, он ранен или без сознания».

На него нахлынули воспоминания о смерти старшего брата. Внезапно он увидел окровавленное, изувеченное тес ло Луиса, которое спасатели вытащили из-под обломков прицепа. Полицейская погоня на автостраде. Все эти годы его брат перевозил на своем трейлере наркотики из Тихуаны, а Томас не знал, даже не подозревал об этом. Он уже ничего не мог сделать. Когда он увидел сплющенный грузовик Луиса на обочине шоссе, было уже слишком поздно.

Он видел себя, беспомощного, оцепеневшего, слышал, как брата его объявили мертвым и вкатили в ожидавшую «скорую», затем увезли прочь. Вот так. Смерть приходит внезапно, как удар молнии.

«Что я мог сделать для его спасения? — в тысячный раз

задавался вопросом Родригес. — Я должен был что-то предпринять. Но я был слишком занят, изображая летчика, занят подготовкой к космическим полетам. У меня не оставалось времени для семьи, для родного брата».

Он глубоко, с горечью вздохнул, втягивая консервированный воздух. «Что же, теперь справедливость будет восстановлена. Я добился того, чего хотел, я прилетел на Марс, а теперь я здесь умру».

А потом он услышал негромкий, мелодичный голос брата: «Не бойся, малыш. Никогда не показывай страха. Даже себе самому».

Родригес не боялся. Он чувствовал лишь непреходящую грусть, потому что не помог Луису, когда тот нуждался в помощи. А теперь все подходило к концу. Все сожаления, все надежды, все-все…

На какой-то миг ему показалось, что он видит на стене тусклый красный огонек. Он моргнул. Ничего. Он снова поднял взгляд, но шлем мешал видеть. «Ты хватаешься за соломинку, — сказал он себе. — Ты так хотел увидеть это, и ты увидишь, даже если его там на самом деле нет».

Но смутный огонек снова мелькнул, и на этот раз не исчез, даже когда Родригес сморгнул. «Проклятые шлемы!» — разъярился он. Нельзя ничего к чертовой матери увидеть, пока оно не окажется у тебя под носом.

Он попытался отклониться назад всем телом, понимая: одно лишнее движение — и он свалится с уступа и полетит в бездонную кальдеру.

Вот он! Далеко у него над головой раскачивался красный огонек маяка, похожий на недремлющее око всевидящего спасителя.

Он снова прислонился к скале. Ноги его стали мягкими, безвольными. Черт подери, старина, ты действительно испугался.

Теперь он различал болтающиеся ремни, к которым клейкой лентой был примотан телескопический столбик маяка. «Где, дьявол его возьми, Мицуо достал клейкую ленту? — удивился он. — Должно быть, все это время носил с собой. Универсальное средство. Когда мы вернемся на Землю, то сделаем этой штуке рекламу. „Спаси свою жизнь на Марсе с помощью проклятой клейкой ленты“».

Казалось, прошел целый час, прежде чем маяк приблизился и Родригес смог его схватить. Подрагивающими руками Родригес потянулся и вцепился в маяк, оторвал его и пристегнулся к тросу. Затем он защелкнул все крепления и, пробуя, дернул за трос. Он показался прочным.

Родригес потянулся к контрольному рычагу, который включал подъемный механизм. Но остановился.

— Погоди немного, — прошептал он отрывистым тоном профессионального летчика.

Он наклонился и подобрал маяк. Раздвинув его на полную длину, он засунул заостренный конец в щель в базальтовой стене. Вряд ли он долго продержится, да и работать сможет, только если солнце будет светить на него несколько часов в день. Но он почувствовал удовлетворение, оставив знак того, что люди с Земли были здесь, что они спустились в эту яму, вырвали у нее по крайней мере несколько секретов и выжили — возможно.

— О'кей, — сказал он сам себе, хватаясь за канат одной рукой. — Поехали.

Он надавил на контрольный рычаг, и его сбило с ног. Он почувствовал, как его тащит по скалистому склону, и скафандр трется, сминается, скрипит, голова его билась о шлем, ноги, обутые в ботинки, болтались, но он ехал вверх.

Хуже этого ему не приходилось испытывать ни в одном тренажере. Хуже, чем в центрифуге с повышенной силой тяжести, в которую его сажали. «Такого даже в „Диснейленде“ не увидишь», — подумал Родригес, стуча зубами и подпрыгивая, когда его вынесло на край кальдеры.

Наконец все было кончено. Родригес лежал, пыхтя, задыхаясь, все тело ныло. Рядом на камнях застыла неподвижная фигура Футиды.

Родригес перекатился на бок, насколько позволял ему рюкзак. Небо над темным силуэтом Футиды было усыпано звездами. Сверкающие яркие, дружелюбные огоньки подмигивали ему, словно тысячи тысяч алмазов. Словно райское видение.

«Я это сделал, — сказал себе Родригес. И поправился: — Пока не совсем. Рано об этом говорить».

Он приблизил свой шлем к голове Футиды.

— Эй, Мицуо! Ты в порядке?

Это был глупый вопрос, и он сам это понимал. Футида не ответил, но Родригесу показалось, что он слышит дыхание японца: тяжелое, частое и поверхностное.

«Нужно нести его в самолет. Здесь я не могу для него ничего сделать».

Родригес торопливо расстегнул свои ремни, затем осторожно поднял продолжавшего оставаться без сознания Футиду и встал на ноги. «Хорошо, что мы на Марсе. Я бы никогда не смог тащить его в этом скафандре, будь мы на Земле. А теперь где, черт подери, этот самолет?»

В отдалении Родригес заметил одинокий красный глаз

установленного ими маяка. Он направился к огоньку, бережно неся на руках товарища.

«Я не смог сделать этого для тебя, Луис, — мысленно произнес Родригес. — Я хотел бы помочь тебе тогда, но это все, что в моих силах».

В куполообразном здании базы было темно и тихо, освещение выключено, поскольку наступило время сна, пластиковая оболочка сделалась непрозрачной, чтобы предотвратить утечку тепла во время марсианской ночи. Стэси Дежурова по-прежнему сидела у консоли, она задремала, когда раздался вызов Родригеса.

— Мы в самолете, — без предисловий объявил астронавт. — Дайте мне Виджай.

— Виджай! — крикнула Стэси голосом, от которого сонное здание задрожало. — Джейми!

В темноте послышался звук торопливых шагов, босые и одетые в носки ноги шлепали по пластиковому полу. Виджай, врач, скользнула в кресло рядом с Дежуровой, и ее черные, как смоль, глаза были широко раскрыты, в них читалось напряженное внимание. Вбежали Джейми и Труди Холл, еще полусонные, и остановились за женщинами.

— Это Виджай, — произнесла врач. — Как вы себя чувствуете?

На экране они могли видеть только шлемы и плечи двоих мужчин. Лица их были скрыты за темными стеклами. Но Родригес ответил твердо, уверенно:

— Со мной все в порядке. Немного ушибся, но это ерунда. Я продул скафандр Мицуо и подключил его к аварийной системе воздухоснабжения самолета. Но он еще без сознания.

— Как давно ты это сделал? — спросила Виджай, и ее смуглое лицо напряглось.

— Пятнадцать-шестнадцать минут назад.

— И ты вышел на связь только сейчас? — сердито спросила Дежурова.

— Мне пришлось чинить его батарею, — объяснил Родригес, не обращая внимания на ее тон. — Она отключилась, когда его сбило с ног…

— Сбило с ног? — вырвалось у Джейми.

— Ага. И когда он повредил щиколотку.

— Сильно он ранен? — спросила Виджай.

— По меньшей мере растяжение. Возможно, перелом.

— Он не мог сломать кость в скафандре, — пробормотал Джейми. — Там хорошая защита.

— В любом случае, — заключил Родригес, — электричество в скафандре отрубилось. Я решил, что исправить это — второе по важности дело. Снабдить его свежим воздухом было первым.

— И третьим — связаться с нами, — намного мягче сказала Дежурова.

— Верно, — согласился Родригес.

— Я вижу его показатели, — сообщила Виджай, изучая экран с показаниями медицинских приборов.

— Да, я снова подключил батарею, и скафандр работает нормально.

— Генератор включился? — спросила Виждай.

— Должен был, — ответил Родригес. — Подождите…

Они увидели, как астронавт наклонился и прикоснулся шлемом к плечу неподвижного Футиды.

— Да, — через несколько секунд объявил он. — Я слышу, как насос пыхтит. Вода уже должна циркулировать в его скафандре.

— Это понизит его температуру, — пробормотала Виджай, обращаясь скорее к себе. — Проблема в том, что у него может быть шок от перегрева.

— И как мне ему помочь? — спросил Родригес.

Врач покачала головой:

— Ты мало что можешь сделать, друг. Особенно когда вы оба запечатаны в скафандрах.

Несколько долгих минут они молчали. Виджай не отрывалась от медицинского экрана. Температура тела Футиды понижалась. Пульс в норме. Частота дыхания почти нормальная. Он должен…

Биолог закашлялся и пошевелился.

— Что произошло? — выдавил он слабым голосом.

Все четверо в комнате связи расплылись в улыбках. Они не видели лица Родригеса за щитком шлема, но услышали в его голосе облегчение:

— Ну а теперь, Мицуо, тебе полагается спросить: «Где я?»

Биолог выпрямился.

— Труди здесь?

— Не волнуйся насчет…

— Я здесь, Мицуо, — произнесла Труди Холл, склонившись между Дежуровой и Виджай Шектар. — В чем дело?

— Сидерофилы! — воскликнул Футида, — Бактерии, питающиеся железом, живут внутри кальдеры.

— Ты взял образцы?

— Да, разумеется.

Двое биологов принялись болтать, и Джейми отступил прочь. Футида едва не погиб, а для него имеет значение только то, что он нашел новый организм. Улыбнувшись про себя, Джейми

признал, что, возможно, он и прав.

Джейми проснулся как раз в тот момент, когда в куполе включилось дневное освещение. Отбросив тонкую простыню, он вскочил на ноги. После долгой ночи, которая выпала им всем, он должен был чувствовать себя усталым, измученным. Но он был бодр, полон сил, готов начать новый день.

Джейми быстрыми шагами подошел к письменному столу и включил портативный компьютер, затем установил связь с Футидой и Родригесом. Взглянув на настольные часы, он увидел, что еще только шесть тридцать три. Он сомневался лишь секунду, затем вызвал двоих путешественников на горе Олимп.

Как он и думал, оба уже проснулись. На экране компьютера Джейми появились оба, сидящие бок о бок в кабине самолета.

— Доброе утро, — произнес он. — Хорошо спалось?

— Превосходно, — ответил Футида.

— Эта кабина показалась нам лучше, чем самый дорогой номер в отеле, когда мы забрались сюда вчера ночью, — добавил Родригес.

— Да, могу вам поверить, — кивнул Джейми.

Родригес сделал короткое, четкое сообщение. Футида восторженно восхвалял астронавта за то, что он очистил его скафандр от углекислого газа и починил электричество в рюкзаке.

— Мои вентиляторы жужжат как следует, — сказал он. — Но думаю, что я не много пользы смогу принести с поврежденной ногой.

Прошлой ночью, когда Футида пришел в сознание, они обсудили, что делать со щиколоткой. Виджай предполагала, что у него растяжение, но хотела, чтобы биолог как можно скорее вернулся на базу, чтобы провести рентгенологическое обследование.

Джейми решил, что Родригесу следует, прежде чем возвращаться, сделать в одиночку как можно больше из запланированного. По расписанию, им следовало провести на вершине горы еще несколько часов, затем во второй половине дня отправиться в обратный путь. Еще до заката они должны были приземлиться у купола.

— Буду счастлив избавиться от этого скафандра, — признался Футида.

— Когда мы их снимем, запах от нас будет не из лучших, — добавил Родригес.

Джейми обнаружил, что изо всех сил вглядывается в маленький экран, пытаясь различить лица за шлемами.

Разумеется, это невозможно. Но держатся оба довольно оживленно.

Страхи и опасности прошлой ночи исчезли, дневной свет и относительная безопасность самолета придали им бодрости.

— Мы решили, что я спущусь обратно в кальдеру и как следует закреплю маяк, который мы оставили там, на уступе, — сообщил Родригес.

— Таким образом мы сможем получать с него данные, — вступил Футида, словно боясь, что Джейми запретит ему это делать.

— Вы действительно думаете, что стоит рискнуть? — спросил Джейми.

— Это будет не слишком трудно, — беззаботно ответил Родригес, — если только мы не станем снова приближаться к проклятому лавовому туннелю.

— «Мы» — это он просто так выразился, — объяснил Футида. — Боюсь, что мне придется остаться здесь, в самолете.

— А там, где вы собираетесь установить маяк, достаточно света? — уточнил Джейми.

Ему показалось, что биолог кивнул внутри своего шлема.

— Да, каждый день солнце несколько часов освещает уступ.

— Так что мы будем получать информацию прямо из кальдеры, — напомнил Родригес.

— Это не очень глубоко, — заметил Футида, — но все же лучше, чем вообще никакой информации.

— Вы и правда собираетесь это сделать?

— Да, — ответили оба в один голос.

Джейми почувствовал, что они настроены решительно. Это была их маленькая победа над горой Олимп, их способ доказать себе, что они не боятся гигантского вулкана.

— Ладно, о'кей, — согласился Джейми. — Только будьте на этот раз осторожнее.

— А мы всегда осторожны, — сказал Футида.

— Почти всегда, — со смехом добавил Родригес.

Чарлз Шеффилд
Леди исчезает

Чарлз Шеффилд (1935–2002), физик и писатель, родился в Великобритании, образование получил в Кембридже, но с 1960-х гг. жил в США. В 1998 г. он женился на известной писательнице Нэнси Кресс. Фантастику Шеффилд начал публиковать в 1970-е гг. и быстро завоевал репутацию восходящей звезды и продолжателя дела Артура Кларка. Он работал в разных жанрах фантастики, но неизменно сохранял положительный взгляд на науку как способ решения любых задач. По словам самого Шеффилда, «без научного содержания научная фантастика превращается просто в фэнтези». Шеффилд — весьма плодовитый автор: он писал в среднем больше чем по одному крупному произведению в год. Среди них романы «Единение разумов» («The Mind Pool», 1993) и его продолжение «Небесные сферы» («Spheres of Heaven», 2001). В 2002 г. вышли сразу две книги — «Темнее дня» («Dark as Day»), продолжение «Холоднее льда» («Cold as Ice», 1992), и «Неподражаемый доктор Дарвин» («The Amazing Dr. Darwin»). За роман «Брат драконам» («Brother to Dragons», 1992) Шеффилд удостоился премии Джона У. Кэмпбелла, а рассказ «Мыслями в Джорджии» («Georgia on My Mind», 1993) был выдвинут одновременно на две премии — «Хьюго» и «Небьюла». Рассказы Шеффилда составили несколько сборников, в частности, «Векторы» («Vectors», 1979), «Скрытые перемены» («Hidden Variables», 1981), «Магистр Эразм» («Erasmus Magister», 1982), «Хроники Мак-Эндрю» («The McAndrew Chronicles», 1983), «Мыслями в Джорджии и других местах» («Georgia on My Mind and Other Places», 1996). Кроме того, Шеффилд написал документальную книгу «Границы науки: как мыслить подобно ученому и писать научную фантастику» («Borderlands of Science: How to Think Like a Scientist and Write Science Fiction», 1999).

Рассказ «Леди исчезает» — едкая сатира на государственные разведывательные службы. В его основе история о том, как одаренная женщина-ученый открывает секрет невидимости и исчезает с намерением

бросить работу в ФБР. Судя по тексту, автор хорошо разбирался не только в оптике, но и в работе спецслужб.

В чем абсурдность картины?

Полковник Уолкер Брайнт стоит в дверях Отдела конечного хранения. Он улыбается и держит под мышкой книгу.

Ответ: картина абсурдна в целом. Полковник Брайнт — именно тот человек, кто назначил (вернее, сослал) меня в Отдел конечного хранения по причинам, которые он счел убедительными и достаточными. Но сам он никогда здесь не бывал. Его можно понять: отдел расположен на шестом подземном этаже под зданием Разведывательного управления Вооруженных сил на военно-воздушной базе в Боллинге, в подвале, куда можно попасть только пешком и которого, если верить пульту управления в лифте, вообще не существует. Здесь обитают крысы, пауки и я.

Кроме того, Уолкер Брайнт улыбается лишь тогда, когда что-то обстоит не так; и я ни разу не видел, чтобы он читал что-либо, кроме разведывательных донесений и спортивных страничек газет. Полковник Брайнт с книгой — примерно то же самое, что мать Тереза с автоматом АК-47.

— Доброе утро, Джерри, — сказал он, бросил в рот мятный леденец, положил на стол книгу и уселся. — Я только что прикатил из Пентагона. Наверху чудесный весенний день.

— Откуда мне об этом знать! — Я вложил в свой ответ максимальный заряд сарказма, но у Брайнта непробиваемая носорожья шкура. Он всего лишь крякнул.

— Ты сам знаешь, Джерри, что тебя перевели сюда не для того, чтобы испортить жизнь. Я сделал это для твоего же блага: пользуйся простором и полной свободой. В общем, я узнал кое-что небезынтересное для тебя.

Проработав с человеком достаточно долго, учишься улавливать скрытый смысл его речей. «Кое-что небезынтересное для тебя» означало: «Я понятия не имею, в чем тут дело. Может, хоть ты разберешься?»

Я подался вперед и взял со стола его книгу. Это был «Человек-невидимка» Герберта Уэллса.

— Вы это читаете?

Я не называю Уолкера Брайнта «сэр», хоть режьте меня, и он, как ни странно, не протестует.

— Конечно, — кивнул он.

— Прямо так и читаете, сами?

— Пока только пролистал. На первый взгляд, не больно интересно, но я все равно собираюсь прочесть книгу толком, как

только выкрою время.

Я подметил, что книга библиотечная и взята три дня назад. Если она имела отношение к нашей встрече, то полковник Брайнт владел новостью, представляющей для меня интерес, уже не меньше трех дней.

— О книге мне сказал генерал Аттуотер, — продолжил он, неодобрительно поглядывая на цитату из Суинберна, которую я повесил на стену своего кабинета: «Сюда уходят годы, отмирая, в лохмотьях бед». Я решил, что это подходящий девиз для Отдела конечного хранения, все равно что «Оставь надежду, всяк сюда входящий».

— Генерал у нас эрудит, вроде тебя. Я подумал, что уж ты-то непременно читал «Человека-невидимку». Ты ведь все время читаешь.

Смысл последнего высказывания гласил: «Ты слишком много читаешь, Джерри Маседо, потому твоя башка и набита всякой чепухой вроде этой надписи на стене».

— Читал, — сознался я.

Наш разговор принимал чудной оборот. Генерал Джонас Аттуотер принадлежал к военно-воздушным силам и возглавлял целых три из числа крупнейших «черных» программ — тайных разработок с собственным колоссальным бюджетом, о которых понятия не имел американский налогоплательщик.

— Тогда ты знаешь, что тут рассказано о парне, который что-то принимает и становится невидимым, — сказал Брайнт. — Трое ученых из светил, работающих на генерала Аттуотера, сегодня утром на совещании утверждали, что с точки зрения науки это невозможно. Мне стало любопытно, что скажешь ты.

— Я согласен с учеными.

Видя его разочарование, я взялся объяснять:

— Поразмыслите об этом минуту-другую — и сами поймете, почему это невозможно. Тут даже не надо вдаваться в физику. Лекарство должно так изменить ткани человеческого тела, чтобы коэффициент отражения у него стал таким же, каким обладает воздух. Тогда ваше тело не будет поглощать и рассеивать свет. Свет начнет проходить сквозь вас, не отражаясь, не преломляясь, вообще никак не изменяясь. Но если ваши глаза не поглощают свет, вы становитесь слепцом, потому что зрение — результат воздействия света на сетчатку. А пища, которую вы съели и которой надо перевариться? Было бы видно, как она претерпевает изменения в вашем пищеварительном тракте, попадая из пищевода в желудок, а оттуда в кишечник. Увы, полковник, все это — фантазии чистой воды.

— Видимо, да. — Мои слова его не очень расстроили. — Я

тебя понял: невозможно, и точка. — Он встал. — Поднимемся ненадолго ко мне в кабинет. Я тебе кое-что покажу — если ты, конечно, не слишком занят.

Смотря что понимать под словом «занят»… Как всегда по утрам, я просматривал готовящиеся к печати данные по физическим наблюдениям. С конденсатами Бозе — Эйнштейна и макроскопическими квантовыми системами творилось что-то странное, но процесс протекал так стремительно, что мне пока было трудно в нем разобраться. Каждый день происходило что-то новое. Через неделю-другую должна была появиться обобщающая статья, после которой многое встанет на свои места. Я не питал надежд сказать свое слово в этой сфере, поэтому мог отложить чтение и проследовать за Брайнтом на верхний этаж. «Я тебе кое-что покажу» прозвучало почти как «Эврика!». Я терялся в догадках.

Подчиненные полковника не обратили на меня внимания. Сам Брайнт никогда ко мне не спускался, но довольно часто вызывал к себе наверх. Как ни страшно об этом подумать, полковник, кажется, питает ко мне симпатию. Что еще хуже, я тоже ему симпатизирую. По-моему, в глубине его души кроется печаль.

Мы прошли к нему в кабинет. Он запер дверь и жестом предложил сесть. Можно было подумать, что мы по-прежнему находимся на одном из подвальных этажей: в этом кабинете проводились совещания настолько секретные, что ни о каких окнах не могло идти речи.

— Что ты можешь сказать мне о Луизе Берман?

То, что я мог и что хотел сказать, — две разные вещи. Брайнту было известно, что, поступив в Управление, доктор Луиза Берман сначала работала под моим руководством в научно-исследовательском подразделении. Потом она стремительно взлетела вверх, тогда как я опускался вниз, хотя и не столь резко.

— Ее послужной список, — стараясь придерживаться фактов, начал я, — звание доктора после окончания Лос-Анджелесского университета, потом два года у Беркнера в «Карнеги-Меллон». К моменту прихода в Управление имела двадцать восемь патентов. Одному богу известно, сколько их у нее теперь. Специализируется в областях материаловедения и оптики. Не знаю, над чем она работает в настоящий момент, но это — умнейшая женщина, с какой мне доводилось знаться.

Поразмыслив над своей последней фразой, я внес редакторскую правку:

— Умнее человека я вообще не встречал.

— Тебя можно упрекнуть в необъективности. Есть данные,

что вы с ней в свое время встречались.

— С тех пор прошло уже около года.

— Ходят также настойчивые слухи, Что вы были любовниками, но подтверждений этому не получено.

Я ничего не ответил. Он продолжал:

— Происходило это в нерабочее время, у вас одинаковая форма секретности, поэтому никто не забеспокоился. Теперь сотрудники генерала Аттуотера считают, что тебе больше, чем кому бы то ни было, понятны мотивы ее поступков. Это важно.

— Что-то я не пойму… Наши с ней жизни больше не пересекаются.

— С ней вообще никто больше не пересекается. В том-то и беда. — Я озадаченно уставился на него, не в силах расшифровать последнее высказывание. — Неделю назад Луиза Берман куда-то исчезла.

Я начал приподниматься.

— Ты сиди, Джерри. Она не просто пропала из дому или что-нибудь в этом роде. — Он стоял у демонстрационного проектора. — Во вторник двадцать пятого июня она, как обычно, явилась на работу. Луиза занималась проектом, для которого требовались особые условия. Единственное подходящее для этого место — Рестон. Там строжайшие меры безопасности, круглосуточная охрана, непрерывное видеонаблюдение. Единственный вход-выход, за исключением пожарных. Каждый, кто переступает порог здания, немедленно регистрируется, процедура повторяется на выходе. Все это фиксирует видеокамера.

Перед тобой на столе лежит фотокопия листка прихода-ухода от двадцать пятого июня. — Я потянулся к бумаге. — Можешь в нее не заглядывать, поверь мне на слово. Доктор Берман явилась в восемь часов двадцать две минуты и больше не уходила. Одного листка мало, тут у меня полный набор видеозаписей приходов-уходов. Камера реагирует на движение. Если пожелаешь удостовериться сам, можешь сделать это потом. Суть ясна: ее честь по чести пропустили в здание. Выход зафиксирован не был.

— Значит, она там осталась. — Мысль пренеприятнейшая: если Луиза пробыла там неделю, то, скорее всего, ее уже нет в живых.

— Внутри ее тоже нет — ни живой, ни мертвой, — сказал полковник, словно читая мои мысли. — Здание новехонькое, люди Аттуотера располагают его исчерпывающей схемой. Там нет никаких ниш и прочих мест, куда можно было бы спрятаться. Весь комплекс тщательно прочесали четыре-пять раз. Безрезультатно. Она где-то разгуливает, но мы не знаем, каким образом она

ускользнула.

— И я не знаю.

На самом деле мой ответ означал: «Непонятно, при чем тут я». Видимо, между строк читали мы оба, потому что Брайнт сказал:

— Насколько известно, ты — последний, с кем доктор Берман состояла в близких личных отношениях. Не знаю, сумеешь ли ты нам помочь, но попытаться должен. Сегодня с десяти утра по распоряжению генерала Аттуотера мы с тобой имеем еще три дополнительных допуска к СКИ.

Я заерзал в кресле. СКИ — специальные категории информации. У меня и так было многовато допусков.

Уолкер Брайнт включил проектор и вставил слайд.

— Согласно документации, доктор Луиза Берман занималась в Рестоне разработкой секретной технологии «стелс» по обнаружению изображений.

Его взгляд был крайне многозначительным. Я рассмеялся своим мыслям. После «Человека-невидимки» его последняя реплика отдавала фарсом. Весь замысел технологии «стелс» зиждется на затруднении обнаружения объекта. Для этого используются либо примитивные способы подавления видимого спектра вроде особых красок, сливающихся с фоном, либо материалы с низким отражением радарного сигнала. В большинстве систем обнаружения используется активная микроволна — радар, поэтому в эту сторону и направлены почти все усилия. Бомбардировщик B-2 — блестящий пример провала технологии «стелс», поскольку на волнах большей части спектра он виден как на ладони. Это тем не менее не стало препятствием для его производства: то обстоятельство, что технология «стелс» не работает должным образом в пределах видимости, не помешало истратить на нее уйму денег.

Соображения подобного свойства стали основной причиной того, что мы с Луизой расстались. Оказавшись в разведке, человек становится обладателем такого количества сведений, что ему уже никогда не позволят расстаться с системой. Разведка становится для него таким же пленом, как янтарь для мухи; наподобие насекомого, он не может обрести свободу даже после смерти. Тебе не позволено говорить о том, что некоторые секретные проекты — полнейший бред и сплошное разбазаривание денег налогоплательщиков, поскольку корпоративное мнение гласит, что в них есть глубокий смысл. Убеждая ночи напролет Луизу в обратном, я пришел к выводу, что обязательно провалю следующую проверку на детекторе лжи (чего пока не случилось).

Она придерживалась другого мнения. Разногласия касались не напрасной траты денег, что было трудно оспорить, а возможности вырваться на свободу. Она утверждала, что путь из системы существует, надо только его нащупать. После ожесточенных дискуссий, в ходе которых она обвиняла меня в пораженчестве, а я ее — в склонности к иллюзиям, каждый из нас пошел своей дорогой: она стала одолевать служебную лестницу, как будто поставила целью выпорхнуть, словно птичка, через верхнее окошко, а я, наоборот, забился в подвал, подобно слепому кроту, утратившему последнюю надежду.

Неужели она превратилась в «женщину-невидимку» и таким чудодейственным способом разрубила путы разведки?

Я не мог взять в толк, как это у нее получилось, и информация Брайнта ничуть не приблизила меня к разгадке.

— При чем тут волоконная оптика? — не вытерпел я.

Последние несколько минут, пока я сидел, погруженный в воспоминания, Уолкер Брайнт развивал именно это направление. На последней его видеограмме красовались вычерченные от руки кривые, демонстрирующие, как благодаря новой технологии потери света по всей длине оптического кабеля могут составить нулевую величину. Это было, несомненно, перспективно, с точки зрения специалиста компьютерной сферы, однако Луиза работала в совершенно другой области.

На мой вопрос он недоуменно пожал плечами.

— Я вообще не пойму, о чем тут речь. Я надеялся услышать что-нибудь путное от тебя. Это перерисовано из рабочих тетрадей Луизы Берман.

— Пока это ни о чем мне не говорит. Но вы продолжайте.

Без этого совета можно было и обойтись. Уолкер Брайнт сделал военную карьеру в основном благодаря богатым запасам Sitzfleisch, то есть терпения, настойчивости и силы характера, необходимых для просиживания на совещаниях такого количества часов, какое понадобится, чтобы измотать оппозицию. Он вовсе не собирался останавливаться. Я его антипод: по-моему, у меня гинерактивность, хотя диагноз врача отсутствует. Мне работается гораздо лучше, когда я могу свободно расхаживать взад-вперед.

Этим я и занялся, поглядывая на экран. Брайнт косился на меня, но работал, словно автомат. Пошли записи, сделанные знакомым Луизиным почерком, касающиеся новых сенсоров изображений; по ее расчетам, их можно было сделать меньше булавочной головки. Я обратил внимание, что страницы идут не подряд.

— Кто решал, какие записи переводить на слайды, а какие

нет? — спросил я.

— Рич Уильямсон. Ты думаешь, он что-то пропустил?

— Рич молодец, но в своей области. Он — специалист по КВИКИ.

— Расшифруй.

— Коротковолновое инфракрасное излучение. От одного до пяти микрометров. В видимом спектре длина волны короче — около половины микрометра. Но если Луиза сделала…

— Что?

— Не важно. Если Луиза стала невидимой, то нам следует искать ее в видимой области спектра. В общем, я предпочел бы ознакомиться с ее записями в оригинале, а не довольствоваться чужими соображениями, что в них важно, а что нет.

— Для этого пришлось бы ехать в Рестон. Записи нельзя выносить. — Это было произнесено с неподдельным отвращением. С точки зрения Уолкера Брайнта, все мало-мальски важное происходило либо на поле боя, либо непосредственно в столице. Рестон, находившийся от нас на расстоянии 25 миль, был для него точкой в межзвездном пространстве.

— Превосходно, едем в Рестон.

— Ты сможешь отправиться туда сегодня днем, Джерри. Я тебе там не понадоблюсь. Но блокноты — это еще не все.

Он выключил проектор и запустил видеомагнитофон.

— Я говорил, что мы не знаем, как она вышла, — сказал он. — Но дело не только в этом. У нас есть надежные доказательства, что в здании ее нет. Сегодня мы узнали, что она еще не покидала Вашингтон, и даже получили кое-какое представление о ее перемещениях.

Такие сведения позволили службе безопасности с облегчением вздохнуть. Они вечно пребывают в страхе, что кто-нибудь пропадет, причем боятся не гибели сотрудника, которая, как ни печально это событие само по себе, означает устранение риска для системы безопасности. Гораздо хуже, если сотрудник жив-здоров и покидает Америку по собственной воле или в беспамятстве, погруженный в контейнер, — чтобы передать секреты другой стране.

Я разделял их чувства. Судя по тону Брайнта, Луиза еще не превратилась в труп, который таскают туда-сюда, а действовала самостоятельно.

— Остановись на минутку, — взмолился он, — и взгляни вот на это. Мы свели воедино шесть видеозаписей, сделанных в местных банках. Как тебе известно, любая операция со счетом через банкомат в помещении банка фиксируется на пленку в целях предотвращения преступных махинаций. Деньги Луизы

Берман снимались в шести разных банкоматах. Смотри внимательно.

Перед камерой стоял совершенно незнакомый мне мужчина. Он взял деньги, пересчитал их и удалился. Через некоторое время его место заняла женщина — определенно не Луиза. Она, наоборот, внесла деньги, после чего поправила шляпку, глядясь в зеркальную плоскость автомата, и отошла.

Похожая сцена повторялась еще пять раз. Разница состояла только в возрасте, росте, весе, цвете кожи и одежде клиентов. У каждого банкомата было снято по двое людей. Один был навечно занесен в архивы службы безопасности ковыряющим в носу, другой — пинающим автомат, когда что-то — видимо, количество денег на счете — пришлось ему не но вкусу. Луизы Берман на пленках не было.

— Обычные денежные операции, — прокомментировал Брайнт, когда кончилась запись. — С одной особенностью: в каждом из банкоматов снимала деньги со своих счетов — у нее их несколько — и Луиза Берман, причем в промежутках между клиентами, попавшими на пленку! У нас есть банковские чеки, подтверждающие этот факт, — можешь при желании их изучить. Все как обычно: сначала операция того, кто попал в кадр, потом деньги уходят со счета Луизы Берман, однако видеокамера снимает при этом пустоту, потом новый клиент в кадре.

— Невидимая женщина, — подытожил я.

Брайнт кивнул.

— Главный вопрос: *как* ей это удается?

С моей точки зрения, вопрос был поставлен неверно. По поводу того, как она это делает, у меня уже имелись кое-какие, хоть и смутные, предположения. По дороге из Вашингтона в Рестон мне не давала покоя другая, гораздо более важная загадка: *зачем* это Луизе?

У меня и мысли не было, что она представляет угрозу для безопасности. Мы с ней давно пришли к согласию насчет того, что наша служба в разведке — наихудшая из возможных, не считая всех остальных. Она ни за что не стала бы работать на противника. Однако, оставаясь в этом районе, она рисковала быть пойманной. Слоняясь от банкомата к банкомату и снимая в каждом по жалкой сотне, она словно бросала вызов: поймайте меня!

Все банкоматы наверняка уже находились под круглосуточным наблюдением, как и ее квартира, из чего следовало, что Луиза нашла убежище в другом месте. Но ведь я отлично знал, как она привязана к своим книгам и пленкам и как

ненавидит «жизнь на чемоданах»…

Спохватившись, я убрал ногу с педали акселератора — автомобиль уже разогнался до семидесяти пяти миль в час — и задумался. Могла ли Луиза поселиться где-то еще? Если ей захотелось продемонстрировать достоинства своего изобретения, то самым правильным решением было жить дома, уходя и возвращаясь под носом у бдительных блюстителей безопасности и дразня их своей неуязвимостью.

В объект насмешки она превратила и меня. Луиза прекрасно знала, что в случае ее исчезновения меня обязательно позовут на помощь. Я представлял себе выражение ее лица и тон, каким она произносит: «Посмотрим, как ты меня поймаешь, Джерри, прежде чем до меня доберутся остальные».

Если я правильно рассчитал, в ее распоряжении оставались считаные дни. В научном подразделении работали головастые ребята, куда сообразительнее меня, которым мешали только секретность и раздробленность. Внешне такая схема выглядит вполне логично: меньше возможностей для шпионажа. Рабочие ячейки должны быть максимально мелкими, каждый должен знать ровно столько, сколько требуется для его работы, и ни на йоту больше.

Вся проблема в том, что наука задохнется, если не будет руководствоваться прямо противоположным подходом. Открытия — результат «перекрестного опыления», понимания взаимосвязей в различных сферах, не имеющих, на первый взгляд, ничего общего.

Именно на этом я и сломал себе шею: мои сражения с начальством были настолько длительными и яростными, что в итоге меня полностью отстранили от научной работы. Служба у Уолкера Брайнта позволяла мне находиться в курсе любой научной деятельности, но сам я заплатил за это огромную цену: отлучение от науки. Впрочем, я все равно остался при своем мнении.

В Рестоне у меня было достаточно времени, чтобы ознакомиться с записями Луизы. Они представляли собой сочетание дневника и рабочего журнала, где она фиксировала все, что вызывало ее интерес. Любому, кто не знаком с ней достаточно хорошо, это показалось бы полнейшим винегретом. Рич Уильямсон сделал что мог, однако оставил без внимания места, которые показались ему незначительными.

Я, в отличие от него, знал, в какой тесной сцепке находится все, чем занята Луизина голова, и не раздражался, видя запись о коже рептилий, после которой шли соображения о волоконной оптике. Заметки о чувствительности человеческого глаза при

различных уровнях освещенности соседствовали с вычислениями, касающимися радаров. Запись о сенсорно-квантовой эффективности находилась на одной странице с диаграммой расположения источников света и теней в комнате; рядом с характеристиками нового сверхпроизводительного чипа помещались данные по оптическим параметрам органических веществ в зависимости от их температуры. Возможно, все это были компоненты, выстраивающиеся в единую концепцию.

Не представляла для меня секрета и добросовестность Луизы. Если бы ей дали задание, относящееся к технологии «стелс», то она посвятила бы свои дни и ночи размышлениям о ее возможностях в настоящем и будущем.

В пять часов я был в лаборатории и взял там под расписку кое-какое оборудование. Поужинал я в ресторане быстрого питания, листая «Человека-невидимку». С собой я захватил сэндвич с куриным салатом и кока-колу, зная, что мне предстоит бессонная ночь.

В шесть вечера я уже сидел на Кафедрал-авеню в машине с выключенным двигателем и опущенным стеклом водительской двери. Я намеренно остановился под знаком «парковка запрещена» напротив дома, где жила Луиза. Если бы ко мне прицепился полицейский, я бы сказал, что подвез знакомого, объехал квартал и встал бы на том же месте.

Подъезд дома вызывал интерес не у меня одного. На скамейке напротив неподвижно сидел мужчина, по улице то и дело проезжала одна и та же синяя машина с номерным знаком Виргинии. Опускались сумерки, скоро должны были зажечь фонари.

Меня так и подмывало оглядеться, но я кренился, как мог, и не отрывал взгляд от маленького продолговатого экрана на приборе, который держал в руках. Размером экранчик не превышал видоискатель фотоаппарата, да еще был разделен на две части. В левой половинке я видел стандартное изображение подъезда, как в глазке видеокамеры, в правой — то же самое, только в черно-белом варианте. Любой, кто проходил мимо или входил в дом, появлялся в обеих половинках экрана.

Вернее, почти любой. В 6:45 появилась фигура, которую зафиксировала одна правая половинка. У подъезда не было ни души, но я все равно позвал совсем негромко, чтобы меня не услышал человек на скамейке:

— Луиза! Иди сюда! Садись в машину. Подожди, сейчас я открою тебе дверцу.

Я ничего не увидел, ничего не услышал. Тем не менее вышел и распахнул дверцу, после чего застыл, как болван.

Внезапно до моих ноздрей долетел запах духов, и машина чуть осела.

— Я здесь, — окликнул меня голос Луизы.

Я захлопнул дверцу, вернулся на водительское место и завел мотор. Человек на скамейке, несмотря на свою профессиональную наблюдательность, ровно ничего не понял и не шелохнулся, когда я тронулся с места.

Я покосился вправо. Там как будто никого не было: я видел проплывающие справа дома. Странным выглядело только заднее сиденье: вместо обычной синей ткани я разглядел серо-черную заплату в полтора фута в поперечнике.

— Я один. За нами не следят, — сказал я. — Сними, если хочешь. Или под этим на тебе ничего нет?

— Есть. — Я услышал негромкий звук, словно при разрывании ткани. — Если бы ты пораскинул мозгами, то не задавал бы идиотских вопросов.

Я не выдержал и притормозил. Я бы все равно оглянулся. Так уж лучше затормозить, чем в кого-нибудь вмазаться.

— Вообще-то я давно догадался, — сказал я. — В здании не нашли одежды, следовательно, ты ушла в ней.

Уже почти совсем стемнело. Я заехал на стоянку и остановился под раскидистым дубом. Над задним сиденьем появилась, как из пустоты, светлая прядь волос. Пространство позади меня исказилось, и я увидел лоб, нос, подбородок Луизы. Когда настала очередь шеи, возникла еще одна, последняя волна искажений, после чего я разглядел Луизу целиком, одетую в какой-то нелепый комбинезон.

— Бедные микропроцессоры! — Луиза обеими руками откинула волосы с лица. — При слишком высокой нагрузке они того и гляди выйдут из строя.

Она сняла с себя комбинезон: сначала спустила его на пояс, потом высвободила руки, в последнюю очередь — ноги. На ней оказались тонкое шелковое платье и легкие туфли на плоской подошве. Комбинезон превратился в ее руках в бело-серый комок. Она посмотрела на него.

— Требует доработки. Начать с того, что в нем страшно жарко.

— Поэтому я тебя и высмотрел. — Я показал ей свой прибор, — Не знал и не знаю до сих пор, как ты это делаешь, но нормальная температура тела у живого человека — девяносто восемь и шесть десятых градуса по Фаренгейту.

Этот инструмент реагирует на тепловые инфракрасные волны, поэтому он зафиксировал твой тепловой образ. В видимом спектре он ничего не показывает.

— Надев костюм, человек становится невидимым для волн длиной до одного микрона, то есть в нормальной и в ближней инфракрасной области. — Она подбросила «комок». — С другой стороны, это только первое поколение силиконовых сенсоров. Куда лучше было бы воспользоваться арсенидом галлия, но с выделением тепла все равно ничего нельзя поделать. Если двигаться слишком быстро или заниматься интенсивной работой, то процессоры не поспевают, и вся система выходит из строя.

— И еще: напрасно ты надушилась! Конечно, я догадался, кто сидит в машине. Не хочешь рассказать мне, как это получается? У меня есть догадки, но самого общего порядка.

— Сколько времени ты проработал с моими записями?

— Полдня.

— Еще пара дней — и ты бы сам до всего дошел. Ничего, я тебе помогу, — Она похлопала по «Человеку-невидимке». — Уэллс мог бы проявить больше проницательности, даже в тысяча девятисотом году. Он знал, что животные в природе делают все, чтобы стать невидимыми для жертв или хищников. Правда, они не меняют собственных оптических параметров, так как это все равно ничего не дало бы. Они «знают» другое: можно стать невидимым, если слиться с фоном. Правильно подходит к делу, скажем, хамелеон, но у него ограниченный запас возможностей, потому он способен только на скромный маневр окраской и рисунком. Я подумала, что человек просто обязан сделать несравненно больше. Ты следишь за мыслью?

— Вполне. — Я увидел, как рядом с нами притормаживает патрульная машина, и тронулся с места. — Костюм снимает то, что находится позади тебя, и передает данные по цветам и их насыщенности жидкокристаллическим дисплеям. Тот, кто идет тебе навстречу, видит с расстояния в пятнадцать-двадцать футов все, что ты закрываешь от него собой. И наоборот. Неразрешимая пока для меня проблема состоит в том, что система должна срабатывать с любою угла. Не пойму, как эту проблему решает пучок оптических волокон.

— Он ее и не решает. Я довольно долго шла этим путем, но ты совершенно прав, говоря, что оптические волокна лишены такой гибкости, чтобы по-разному выглядеть под разными углами. Я пользуюсь ими только для того, чтобы не терять зрение внутри помещения. Крохотные отверстия, усеивающие костюм, посылают по оптическим волокнам свет и создают на очках изображения. Все очень просто. Стать невидимкой гораздо труднее. Требуется голография, чтобы обработать отражения со множеством углов, а также большая компьютерная мощность, чтобы учитывать меняющуюся геометрию, в противном случае

человек будет оставаться невидимым, только когда стоит неподвижно. — Луиза опять подбросила скомканный костюм. — Тут на каждом квадратном сантиметре по целой грозди микропроцессоров, соединенных в единую сеть. Полагаю, один этот костюм по суммарной компьютерной мощи превосходит все, что имеется в крупном банке. Однако он отказывает, если я чуть ускоряю шаг или попадаю в ситуацию со сложной игрой света и тени. Слабое однородное освещение и достаточно однородный фон — вот что подходит больше всего. Именно так получилось сегодня вечером. — Она вскинула голову и взглянула на меня как-то странно. — Вот так! Что скажешь, Джерри?

Я смотрел на нее с огромным уважением, мучась в то же время сразу пятью предчувствиями.

— По-моему, ты совершила настоящий научный подвиг. Ты — просто чудо! Но тебе все равно не спрятаться. Я опередил остальных на день-другой только потому, что знаю тебя лучше, чем другие.

— Нет, дело в ином. Ты умница, но дробление идей сводит тебя с ума, и ты отказываешься играть в эти игры. Пройдет не день-два, а еще несколько недель, Джерри. Только в мои планы не входит прятать свое открытие, иначе я не осталась бы в Вашингтоне. Завтра же явлюсь на работу, как обычно, и посмотрю на их физиономии.

— Но после того, что ты натворила…

Я запнулся. Что она, собственно, натворила? Не зарегистрировалась при выходе из здания, только и всего. Исчезла на неделю, не уведомив начальство. Вынесла собственность правительства из охраняемого помещения, не получив соответствующего разрешения. На все эти обвинения ей было очень просто возразить: нет лучшего способа проверить изобретение, чем самой стать невидимкой!

Начальство может устроить Луизе допрос и выволочку, а также сделать соответствующую запись в ее досье. Этим все и закончится. Она представляет для них слишком большую ценность, чтобы предпринять что-либо более серьезное. Луиза выйдет сухой из воды.

— А что ты будешь делать сейчас? — спросил я. — Ты не можешь вернуться к квартиру незамеченной, даже если наденешь костюм. В темноте дверь окажется закрытой, тебе придется ее открыть — и выдать себя.

— Что ты предлагаешь?

— Лучше поехали ко мне. Там ты будешь в безопасности.

Наступила самая продолжительная пауза с тех пор, как она, еще будучи невидимой, села ко мне в машину. Потом Луиза

покачала головой.

— Я бы не возражала, но только не сегодня. Как-нибудь в другой день. Обещаю, что в следующий раз не откажусь.

— Куда ехать?

— Высади меня на ближайшем перекрестке и поезжай к себе домой.

Я хотел сказать, что ей нельзя появляться без костюма, но потом подумал, что жизнь в городе с полумиллионным населением — своеобразная форма утраты видимости. Если Луиза не будет пытаться вернуться к себе в квартиру, то шанс попасться на глаза знакомому практически равняется нулю. К тому же, если у нее возникнет желание снова воспользоваться костюмом, она это тут же сделает.

Я остановился на следующем же углу. Она вышла, прижимая к груди бесформенный комок, улыбнулась мне, помахала рукой и жестом приказала уезжать.

Утром, спустившись к себе в подвал, я позвонил Луизе, но на работе не застал. Я звонил ей каждые несколько минут, и все без толку. Она не пришла ни к полудню, ни во второй половине дня. Она вообще больше не появлялась.

На сей раз не было ни операций с банкоматами, по которым можно было выследить Луизу, ни вообще каких-либо признаков, что она находится где-то неподалеку. Один раз, невзирая на круглосуточную охрану здания в Рестоне, она побывала там среди ночи и забрала свои записи, оставив на их месте кусок белого картона, на котором было начертано: «Я знаю, почему поет птичка в клетке».

Эта строчка обсуждалась в течение нескольких недель на сотне совещаний. Ее подвергли текстологической экспертизе, всевозможным физическим и химическим анализам, доказавшим одно: надпись сделана на простой картонке. Смысла же не понял никто.

Кроме меня, разумеется. Послание Луизы было обращено ко мне одному и означало: «Вырваться можно! Путь на свободу существует всегда, даже для узника глубочайшего подземелья и высочайшей башни».

Я рассказал о костюме-невидимке все, что мог. Ученые с энтузиазмом принялись создавать его дубликат, я же вернулся в Отдел конечного хранения, к своей прежней рутине.

Однако различие есть, даже два. Во-первых, я работаю теперь упорнее, чем когда-либо в жизни, и стремлюсь к конкретной цели. Ведь выход существует. Луиза убедила меня, что и я сумею обрести свободу, иначе она не сказала бы: «В следующий раз не

откажусь».

Второе различие — это перемена, происшедшая с Уолкером Брайнтом. Он почти не загружает меня работой, зато часто спускается в подвал. Говорит он мало, а больше сидит и наблюдает, как я тружусь. Иногда я замечаю в его глазах странное, тоскливое выражение, которого не было раньше. Думаю, он догадывается, что моя встреча с Луизой не исчерпывалась тем, в чем я признался..

Уходя, я оставлю ему послание. Пока еще не знаю, что я ему напишу, но это должно быть что-то понятное и близкое ему. Даже полковники ВВС заслуживают право на надежду.

Брюс Стерлинг
Велосипедный мастер

Брюс Стерлинг (р. в 1954 г.) дебютировал романами «Глубинные течения» («Involution Ocean», 1977) и «Искусственный ребенок» («The Artificial Kid», 1980). В начале 1980-х он привлек внимание читающей публики, начав выпускать любительский журнал «Cheap Truth» под псевдонимом Винсент Омниаверитас. Первый номер содержал яростные нападки на жанр фэнтези: «Американская фантастика погрузилась в гибернацию, как огромная рептилия, а ее младшая родственница фэнтези — пронырливая вездесущая скользкая ящерица вроде геккона — вскарабкалась уже на все книжные полки». В дальнейшем Стерлинг оставался не менее пристрастным и язвительным критиком, в пух и прах разнося в своем журнале все, что ему не нравилось, и превознося все, что приходилось по душе. Например, книгу Ларри Нивена «Мир вне времени» («A World out of Time») он назвал «воодушевляющим доказательством того, что Нивен еще не совсем выдохся как художник». К шестому выпуску журнал превратился в рупор киберпанка — еще до того, как жанр с подачи Гарднера Дозуа получил это название. Стерлинг трактовал киберпанк как переосмысление научной фантастики, а остальные черты жанра, как то: внимание ко всякого рода технике, специфическое видение мира и т. д., были отмечены и описаны гораздо позже. Из всех авторов, чьи имена ассоциируются с ранним киберпанком, Стерлинг больше прочих интересовался наукой.

Настоящую славу ему принес роман «Схизматрица» («Schizmatrix», 1985), переизданный в 1996-м под одной обложкой с известными рассказами. В соавторстве с Уильямом Гибсоном Стерлинг написал «Машину различий» («The Difference Engine», 1990), после чего превратился в общественно значимую фигуру и увлекся журналистикой, однако в 1995 г. вновь обратился к литературе. Его перу принадлежат немало романов и рассказов, в том числе «Дурная погода» («Heavy Weather», 1994), «Священный огонь» («Holy Fire», 1996), «Распад» («Distraction», 1998). Парадоксально, но факт: один из относительно недавних романов Стерлинга «Дух

времени» («Zeitgeist», 2000) создан в жанре фэнтези.

Рассказ «Велосипедный мастер» впервые появился в антологии «Intersections» под редакцией Джона Кессела и Марка Ван Нейма, выпущенной писательским семинаром «Sycamore Hill». Это произведение можно отнести к киберпанку, однако в тексте наблюдается определенная ирония в адрес жанра, и в то же время в нем присутствуют черты классической научной фантастики. Стерлинг раскрывает перед читателем параноидальный мир будущего, перегруженного техникой.

Спавший в гамаке Лайл проснулся от противного металлического стука. Он со стоном сел и оглядел свою захламленную мастерскую.

Натянув черные эластичные шорты и взяв с верстака замасленную безрукавку, он поплелся к двери, недовольно косясь на часы. Было 10:04:38 утра 27 июня 2037 года.

Лайл перепрыгнул через банку с краской, и пол загудел у него под ногами. Вчера дел было столько, что он завалился спать, не прибравшись в мастерской. Лакокрасочные заказы неплохо оплачивались, но пожирали уйму времени. Лайл был сильно утомлен работой, да и жизнью тоже.

Он распахнул дверь и оказался перед глубоким провалом. Далеко внизу серела бескрайняя пыльная площадь. Голуби пикировали в огромную дыру в закопченном стеклянном перекрытии. Где-то в темной утробе небоскреба они вили свои гнезда.

Стук повторился. Юный курьер в униформе слез со своего трехколесного грузового велосипеда и ритмично колотил по стене свисающей сверху колотушкой — изобретением Лайла.

Лайл зевнул и помахал курьеру рукой. Отсюда, из-под чудовищных балок пещеры, бывшей некогда атриумом, взору открывались три выгоревших внутренних этажа старого комплекса «Чаттануга Архиплат». Элегантные прежде поручни превратились в рваную арматуру, обзорные площадки — в смертельные ловушки для неосторожных: любой неверный шаг грозил провалом в стеклянную бездну. В бездне мерцало аварийное освещение, громоздились курятники, цистерны с водой, торчали флажки скваттеров. Опустошенные пожаром этажи, искривленные стены и провисшие потолки были соединены кое-как сколоченными пандусами, шаткими лесенками, винтовыми переходами.

Лайл заметил бригаду по разбору завалов. Ремонтники в желтых робах устанавливали мусорососы и прокладывали

толстые шланги на тридцать четвертом этаже, возле защищенных от вандализма западных лифтов. Два-три раза в неделю город посылал в зону разрушения бригаду, делавшую вид, что она работает. Лицемерно отгородившись от любопытных глаз козлами и лентами с надписью «Проход воспрещен», компания лентяев бездельничала на всю катушку.

Лайл, не глядя, налег на рычаг. Велосипедная мастерская с лязгом спустилась на три этажа и встала на четыре опоры — бочки, залитые цементом.

Курьер был знакомый: то и дело показывался в Зоне. Как-то раз Лайл чинил его грузовой велосипед; он отлично помнил, что менял, что регулировал, но имени парня вспомнить не мог, хоть убей. На имена у него совсем не было памяти.

— Какими судьбами, приятель?

— Не выспался, Лайл?

— Просто дел по горло.

Парень наморщил нос. Из мастерской действительно убийственно несло краской.

— Все красишь? — Он заглянул в электронный блокнот. — Примешь посылочку для Эдварда Дертузаса?

— Как всегда. — Лайл поскреб небритую щеку с татуировкой. — Если надо, конечно.

Парень протянул ему ручку.

— Распишись за него.

Лайл устало сложил на груди голые руки.

— Э, нет, братец. Расписываться за Ловкача Эдди я не стану. Эдди пропадает в Европе. Сто лет его не видел.

Курьер вытер потный лоб под фуражкой и оглянулся. Скваттерский муравейник служил источником дешевой рабочей силы для выполнения разовых поручений, но сейчас там не было видно ни души. Власти отказывались доставлять почту на тридцать второй, тридцать третий, тридцать четвертый этажи. Полицейские тоже обходили опасные участки стороной. Не считая бригады по разбору завалов, сюда изредка забирались разве что полубезумные энтузиасты из системы социального обеспечения.

— Если ты распишешься, мне дадут премию. — Парень умоляюще прищурился. — Наверное, это непростая посылка, Лайл. Сам понимаешь, сколько денег отвалил отправитель за доставку.

Лайл оперся о дверной косяк.

Давай-ка взглянем, что там.

Посылка представляла собой тяжелую противоударную коробку, запаянную в пластик и покрытую европейскими

наклейками. Судя по количеству наклеек, посылка не меньше восьми раз передавалась из одной почтовой системы в другую, пока не нашла путь к адресату. Обратный адрес, если он вообще существовал, трудно было разглядеть. Возможно, она пришла откуда-то из Франции.

Лайл поднес коробку к уху и встряхнул. Внутри что-то брякнуло.

— Будешь расписываться?

— Пожалуй. — Лайл начертал нечто неразборчивое на пластинке и покосился на курьерский велосипед. — Тебе надо отрегулировать переднее колесо.

Парень безразлично пожал плечами.

— Что-нибудь передашь на «большую землю»?

— Ничего, — проворчал Лайл. — Я больше не выполняю заказы по почте. Слишком сложно, и есть опасность, что обжулят.

— Тебе виднее… — Парень сел на велосипед и помчался как угорелый прочь из Зоны.

Лайл вывесил на двери табличку «Открыто» и надавил ногой на педаль. Крышка огромного мусорного бака откинулась, и он бросил коробку в кучу прочего имущества Дертузаса.

Но закрываться крышка не пожелала. Количество мусора, принадлежавшего Ловкачу Эдди, достигло критической массы. Ловкач Эдди ни от кого не получал посылок, зато постоянно отправлял их самому себе. Отовсюду, где он останавливался, — из Тулузы, Марселя, Валенсии, Ниццы и особенно из Барселоны, — поступал вал дискет. Из одной Барселоны он переправил столько гигабайтов, что позавидовал бы любой киберпират.

Эдди использовал мастерскую Лайла в качестве сейфа. Лайла это устраивало. Он был перед Эдди в долгу: тот установил в его мастерской телефон, систему виртуальной реальности и всевозможные электронные примочки. Кабель, продырявив крышу тридцать четвертого этажа, впивался в разводку тридцать пятого и исчезал в рваной дыре, проделанной в алюминиевой крыше передвижного домика Лайла, подвешенного на тросах. Соответствующие счета оплачивал неведомый знакомый Эдди, а довольный Лайл только переводил наличные анонимному абоненту почтового ящика. То был редкостный и ценный выход в мир, где имелась организованная власть.

В мастерской Лайла Эдди посвящал много времени марафонским виртуальным заездам. Кабели опутывали его по рукам и ногам, как тесемки смирительной рубашки. В один из таких заездов Эдди завел непростой роман с немкой, которая была заметно старше его. Родители Эдди без особой симпатии

наблюдали за всеми взлетами и падениями этого виртуального романа. Немудрено, что Эдди покинул родительский кондоминиум и переселился к самозахватчикам.

В велосипедной мастерской Эдди прожил в общей сложности год. Лайлу это было на пользу, поскольку его гость пользовался немалым уважением у местных скваттеров. Ведь именно он был одним из организаторов гигантского уличного празднества в Чаттануге в декабре 35-го года, вылившегося в вакханалию и оставившего три этажа комплекса «Архиплат» в их теперешнем виде.

Лайл учился с Эдди в одной школе и был знаком с ним много лет; они вместе выросли в «Архиплате». Несмотря на юный возраст, Эдди Дертузас был чрезвычайно хитроумным, имел связи и солидный выход в Сеть. Жизнь в трущобах была для обоих хорошим вариантом, но когда немка проявила интерес к Эдди не только в виртуальном обличье, он улетел первым же рейсом в Германию.

Лайл и Эдди расстались друзьями, и Эдди получил право отсылать свой европейский информационный мусор в велосипедную мастерскую. Все данные на дискетах были тщательно зашифрованы, и никакие представители властей никогда не сумели бы их прочесть. Хранение нескольких тысяч дискет было для Лайла мелочью по сравнению с невольным участием в сложной, компьютеризированной личной жизни Эдди.

После неожиданного отъезда Эдди Лайл продал его вещи и перевел деньги ему в Испанию. Себе он взял экран, медиатор и дешевый виртуальный шлем. Насколько Лайл понял их уговор, все, что осталось от Эдди в мастерской, за исключением программ, принадлежало теперь ему, Лайлу, и могло использоваться по его усмотрению. По прошествии некоторого времени стало абсолютно ясно, что Эдди никогда не вернется в Теннесси, а у Лайла накопились кое-какие долги.

Лайл выбрал подходящий инструмент и вскрыл посылку Эдди. Среди прочего в ней оказался кабельный телеприемник, смешная древность. В Северной Америке чего-либо похожего было не сыскать; за подобным антиквариатом пришлось бы наведаться к полуграмотной баскской бабуле или в бронированный бункер какого-нибудь индейца.

Лайл поставил телевизор рядом с настенным экраном. Сейчас ему было не до игрушек: наступило время для настоящей жизни. Сначала он заглянул в крохотный туалет, отгороженный от остального помещения занавеской, и не спеша отлил, потом кое-как почистил зубы облезлой щеткой и смочил лицо и руки водой. Чисто вытершись маленьким полотенцем, он обработал

подмышки, промежность и ноги дезодорантом.

Живя с матерью на пятьдесят первом этаже, он употреблял старомодные антисептические дезодоранты. Удрав из матушкиного кондоминиума, он многое понял. Теперь Лайл пользовался гель-карандашом с полезными для кожи бактериями, которые жадно поглощали пот и выделяли приятный безвредный запах, напоминающий аромат спелых бананов. Жизнь упрощается, если наладить отношения с собственной микрофлорой.

Потом Лайл сварил себе тайской лапши с сардиновыми хлопьями. Помимо этого его завтрак состоял из немалого количества «Биоактивной кишечной добавки д-ра Бризейра». После завтрака Лайл проверил, высохла ли краска на раме велосипеда, с которым он возился перед сном, и остался доволен сделанным. Чтобы так хорошо поработать в три часа ночи, надо обладать незаурядными способностями.

Покраска неплохо оплачивалась, а ему позарез нужны были деньги. Но, конечно, собственно к ремонту велосипедов такая работа имела мало отношения. Здесь все диктовалось гордыней владельца, что вызывало у Лайла отвращение. Наверху, в пентхаузах, хватало богатых ребят, увлекающихся «уличной эстетикой» и готовых платить за украшение своих машин. Но боевая раскраска не сказывается на достоинствах велосипеда. Важнее сама конструкция рамы, крепления, правильная регулировка.

Лайл подключил свой велотренажер к виртуальному рулю, надел перчатки и шлем и на полчаса присоединился к гонкам «Тур де Франс» 2033 года. Пока дорога вела в гору, он оставался в «пелетоне», но потом на целых три минуты оторвался от участников-французов и догнал самого Альдо Чиполлини. Чемпион был настоящим монстром, сверхчеловеком со слоновьими ляжками. Даже в дешевой игре, без костюма, дающего всю полноту ощущений, Лайл не рискнул обогнать Чиполлини.

Он вышел из виртуальной реальности, проверил свой сердечный ритм на ручном хронометре, слез с тренажера и осушил пол-литровую бугылку противостарителя. Жизнь казалась гораздо легче, когда у него был партнер.

Второй сосед Лайла, вернее, соседка была из компании велосипедистов, опытная гонщица из Кентукки. Звали ее Бриджитт Роэнсон. Лайл сам, считался неплохим гонщиком, пока не запорол себе стероидами почку. От Бриджитт он не ждал неприятностей: она разбиралась в велосипедах, обращалась за помощью к Лайлу в починке своей двухколесной машины, не гнушалась тренажером и была лесбиянкой. В гимнастическом

зале и за пределами гонок она была спокойной и неполитизированной особой.

Однако жизнь в Зоне сильно повысила градус ее эксцентричности. С начата она стала пропускать тренировки, потом прекратила нормально питаться. Скоро в мастерской начались шумные девичники, быстро превратившиеся в наркотические оргии с участием татуированных «штучек» из Зоны, которые заводили непотребную музыку, лупили друг друга чем попало и воровали у Лайла инструменты. Лайл вздохнул с облегчением, когда Бриджитт упорхнула из Зоны, заведя обеспеченную ухажерку на тридцать седьмом этаже. И без того скудные финансы Лайла успели к этому времени полностью иссякнуть.

Лайл покрыл часть рамы еще одним слоем эмали и отошел, чтобы дать ей подсохнуть. Поддев крышку древнего аппарата, присланного Эдди, он, даже не будучи электронщиком, не обнаружил ничего опасного: стандартная начинка и дешевый алжирский силикон.

Он включил медиатор Эдди, но тут на настенном экране появился видеоробот его матери. Экран был так велик, что лицо этого компьютерного творения походило на рыхлую подушку, а галстук-бабочка — на огромный башмак.

Оставайтесь на связи. Вас вызывает Андреа Швейк из «Карнак Инструментс», — елейно проговорил видеоробот.

Лайл ненавидел видеороботов всей душой. Подростком он сам завел такого и установил на телефон кондоминиума. Видеоробот Лайла, подобно всей этой братии, выполнял единственную функцию: перехватывал ненужные звонки чужих роботов. Так Лайл скрывался от консультантов по выбору профессии, школьных психиатров, полиции и прочих напастей. В свои лучшие времена его видеоробот представлял собой хитрющего гнома с бородавками, гнусавого и истекающего зеленым гноем. Общаться с ним было неприятно, что и требовалось.

Однако Лайл не уделял ему должного внимания, и это привело к трагическому исходу: дешевый робот впал в безумие.

Удрав от матери и примкнув к когорте самозахватчиков, Лайл прибег к простейшей самообороне: почти перестал включать телефон. Но это было половинчатым решением. Он все равно не смог спрятаться от ушлого, дорогого корпоративного видеоробота матушки, который с неусыпным механическим рвением ждал, когда оживет его номер.

Лайл со вздохом вытер пыль с объектива медиатора.

— Ваша мать выходит на связь, — предупредил робот.

— Жду не дождусь, — пробурчал Лайл, поспешно приглаживая волосы.

— Она распорядилась вызвать ее для немедленного общения. Она очень хочет с вами поговорить, Лайл.

— Потрясающе! — Лайл не мог вспомнить, как называет себя матушкин робот: то ли мистером Билли, то ли мистером Рипли, то ли каким-то еще дурацким именем.

— Вам известно, что Марко Сенгиалта выиграл летнюю гонку в Льеже?

Лайл привстал и заморгал.

— Ну да?

— У велосипеда мистера Сенгиалты керамические колеса с тремя спицами и жидким наполнением. — Видеоробот сделал паузу, учтиво ожидая реплики собеседника. — Он был обут в дышащие бутсы «Келвар-микролок».

Лайл терпеть не мог манеру этого видеоробота узнавать об интересах абонента и соответственно строить беседу. При полном отсутствии человеческого тепла этот разговор был тем не менее поразительно интересным и притягивал — такой бывает иногда реклама в глянцевом журнальчике. На получение и обработку всей статистики по льежским гонкам у матушкиного видеоробота ушло не больше трех секунд.

Потом Лайл увидел мать. Она завтракала в своем кабинете.

— Лайл?

— Привет, мам. — Лайл помнил, что говорит с единственным человеком в целом свете, способном в случае чего внести за него залог и освободить до суда. — Какими судьбами?

— Как обычно. — Мать отставила тарелку с проростками и тиляпией. — Захотелось узнать, живой ли ты.

— Пойми, мам, быть скваттером вовсе не так опасно, как утверждают полицейские и домовладельцы. Я в полном порядке, сама видишь.

Мать поднесла к носу секретарские очки на цепочке и внимательно осмотрела сына компьютеризированным взглядом.

Лайл навел объектив медиатора на алюминиевую дверь мастерской.

— Видишь, мам? Это электрическая дубинка. Если кто-то вздумает меня донимать, то получит удар в пятнадцать тысяч вольт.

— А это законно, Лайл?

— Вполне. Заряд не убивает, а просто надолго вырубает. Я отдал за эту штуковину хороший велик. У нее много полезных защитных свойств.

— Звучит ужасно.

— Дубинка совершенно безопасна. Видела бы ты, чем теперь вооружены фараоны!

— Ты продолжаешь делать себе инъекции, Лайл?

— Какие инъекции?

Она нахмурилась.

— Сам знаешь какие.

Лайл пожал плечами:

— Это тоже безопасно. Гораздо лучше, чем мотаться в поисках знакомства.

— Особенно с такими девицами, что болтаются там у вас, в Зоне бунта. — Мать боязливо поежилась. — Я надеялась, что ты останешься с той приятной гонщицей — кажется, Бриджитт? Куда она подевалась?

— Женщина с таким прошлым, как у тебя, могла бы понять значение этих инъекций, — игнорировал вопрос Лайл. — Речь идет о свободе от воспроизводства. Средства, устраняющие половое влечение, дают человеку истинную свободу — от потребности к размножению. Ты бы радовалась, что у меня нет сексуальных партнеров.

— Я не возражаю против отсутствия партнеров, просто обидно, что тебя это вообще не интересует.

— Но, мам, мной тоже никто не интересуется! Никто! Что-то не заметно, чтобы женщины ломились в дверь к механику-одиночке, живущему в трущобе. Если это произойдет, ты узнаешь первой. — Лайл радостно улыбнулся. — Когда я был гонщиком, у меня были девушки. Я уже через это прошел, мам. Если у человека в голове мозги, а не сплошные гормоны, то секс — пустая трата времени. Освобождение от секса — это главная форма движения за гражданские права в наше время.

— Глупости, Лайл. Это противоестественно.

— Прости, мам, но тебе ли говорить о естественности? Ты ведь вырастила меня из зиготы в возрасте пятидесяти пяти лет! — Он пожал плечами. — И потом, для романов я слишком занят. Мне хочется как можно лучше разобраться в велосипедах.

— Когда ты жил у меня, ты точно так же возился с велосипедами. У тебя была нормальная работа и нормальный дом с возможностью регулярно принимать душ.

— Да, я работал, но разве я когда-нибудь говорил, что хочу работать? Я сказал, что хочу разбираться в велосипедах, а это большая разница. Зачем мне вкалывать, как какому-то рабу, на велосипедной фабрике?

Мать промолчала.

— Я ни о чем тебя не прошу, мам. Просто мне не нужно начальство, учителя, домовладельцы, полицейские. Здесь мы

один на один — я и моя работа с великами. Знаю, власть не выносит, когда человек двадцати четырех лет от роду живет независимой жизнью и делает только то, что ему хочется, но я стараюсь не привлекать к себе внимания, и пусть никто мной не интересуется.

Мать побежденно вздохнула:

— Ты хоть нормально питаешься, Лайл? Что-то ты осунулся.

Лайл показал объективу свое бедро.

— А это видала? Скажешь, перед тобой недокормленный, болезненный слабак?

— Может, навестишь меня, в кои-то веки нормально поужинаешь?

— Когда?

— Скажем, в среду. Я пожарю свиные отбивные.

— Может быть. Посмотрим. Я еще позвоню, ладно? — Лайл первым повесил трубку.

Присоединить кабель медиатора к примитивному телевизору оказалось нелегко, но Лайл был не из тех, кто пасует перед простой технической загвоздкой. Покраска была отложена на потом: он покопался в мини-зажимах и вооружился резаком для кабеля. Работая с современными тормозами, он научился справляться с волоконной оптикой.

Наладив телевизор, Лайл убедился, что его возможности до смешного скромны. Современный медиатор обеспечивал навигацию в бескрайнем информационном пространстве, тогда как по этому ящику можно было смотреть всего лишь «каналы». Лайл успел забыть, что в Чаттануге можно принимать старомодные каналы даже по оптико-волоконной сети. Каналы финансировало правительство, которое всегда отставало по части овладения информационными сетями. Интересоваться ерундой на каналах общественного доступа мог только закоренелый ретроград, зануда и тугодум, не поспевающий за современными веяниями.

Оказалось, что телевизор может транслировать только политические каналы. Их было три: Законодательный, Судебный, Исполнительный. Для всех существовала только Североамериканская зона свободной торговли — НАФТА. Законодательный канал усыплял парламентскими дебатами по землепользованию в Манитобе; Судебный — адвокатскими разглагольствованиями о рынке прав на загрязнение воздуха; Исполнительный канал показывал толпу, собравшуюся где-то в Луизиане в ожидании некоего события.

По телевизору нельзя было узнать о политических событиях в Европе, в Сфере, на Юге. Ни перечня, ни «картинки в картинке».

Приходилось пассивно ждать, что покажут дальше. Вся трансляция была построена так безыскусно и примитивно, что даже вызывала извращенное любопытство, словно вы подглядывали в замочную скважину.

Лайл остановился па Исполнительном канале, так как на нем ожидалось событие. Рассчитывать на то, что монотонная жвачка по другим каналам сменится чем-то побойчее, не приходилось, он даже решил вернуться к покраске.

На экране появился президент НАФТА, доставленный вертолетом к месту сборища толпы. Из людской гущи выбежала многочисленная охрана, в облике которой странным образом сочеталась деловитость и ледяная невозмутимость.

Внезапно по нижнему краю изображения побежала текстовая строка из старомодных белых букв с неровными краями. «Смотрите, он не знает, где встать! Почему его толком не подготовили? Он похож на бездомного пса!»

Президент пересек бетонную площадку и с радостной улыбкой пожал руку кому-то из местных политиков. «Так жмет руку только отъявленная деревенщина. Этот южанин-остолоп — бомба под твои следующие выборы!» Президент побеседовал с политиком и со старухой, видимо женой политика. «Скорее прочь от этих кретинов! — бесновалась строка. — Быстрее на трибуну! Где твои помощники? Опять наширялись? Забыли о своих обязанностях?»

Президент хорошо выглядел. Лайл давно заметил, что президент НАФТА всегда хорошо выглядит, словно это его профессиональное качество. Европейские руководители все время казались погруженными в свои мысли интеллектуалами, политики Сферы убеждали своим видом, что скромны и преданы делу, руководители Юга напоминали злобных фанатиков, а президент НАФТА будто только что поплавал в бассейне и побывал на массаже. Его широкая, лоснящаяся, жизнерадостная физиономия была испещрена мелкими татуировками: на обеих щеках, на лбу, над бровями, еще несколько буковок на каменном подбородке. Не лицо, а рекламный плакат сторонников и заинтересованных групп.

«Он что, думает, что нам нечего делать? — не унимался текст. — Что за пустота в эфире? Неужели исчезли люди, способные как следует организовать трансляцию? И это называется информировать общественность? Если бы мы знали, что „инфобан“ кончится подобным идиотизмом, то никогда бы на него не согласились».

Президент повернул к трибуне, заставленной ритуальными микрофонами. Лайл заметил, что президенты питают слабость к

старым пузатым микрофонам, хотя существуют микрофоны с маковое зернышко.

— Ну, как делишки? — с улыбкой осведомился президент.

Толпа приветствовала его воодушевленным криком.

— Подпустите людей поближе! — внезапно распорядился президент, обращаясь к фаланге телохранителей. — Давайте, братцы, подходите! Садитесь на землю. Мы тут все равны. — Президент благодушно улыбался плотной толпе в шляпах, сгрудившейся вокруг и не верящей своему счастью.

— Мы с Мариэттой только что отменно пообедали в Опелузасе, — сообщил президент, похлопывая себя по плоскому животу. Он сошел с трибуны и смешался с луизианским электоратом. Пока он пожимал тянущиеся к нему руки, каждое его слово фиксировалось спрятанным у него в зубе микрофоном. — Лопали темный рис, красную фасоль — ох и острая! — и устриц, да таких, что проглотят любого лангуста! — Он прищелкнул языком. — Ну и зрелище, доложу я вам! Я глазам своим не поверил.

Президентская охрана, не привлекая к себе внимания, обрабатывала толпу портативными детекторами. Нарушение протокола, допущенное президентом, не застало молодцов врасплох.

«Все понятно: опять собирается разразиться болтовней насчет генетики!» — гласили титры.

— В общем, у вас есть право гордиться сельским хозяйством своего штата, — сказал президент. — Агронаука у вас хоть куда! Я знаю, конечно, что на севере, в «снежном поясе», есть узколобые луддиты, которые долдонят, что мелкие устрицы лучше…

Смех в толпе.

— Заметьте, я не против. Если есть ослы, готовые расходовать честно заработанные деньги на мелких устриц, мы с Мариэттой не возражаем. Ведь правда, дорогая?

Первая леди улыбнулась и помахала рукой в перчатке.

— Но, братцы, мы-то с вами знаем, что эти нытики, сетующие на убывание естественной пищи, устриц в глаза не видели! Естественная пища — скажите пожалуйста! Кого они пытаются обвести вокруг пальца? Да, у вас тут не город, но это не значит, что ДНК вам неподвластна.

«Он неплохо выстроил региональный уклон. Для уроженца Миннесоты это успех. Но почему так бездарно работают операторы? Неужели всем на все наплевать? Что творится с нашими некогда высокими стандартами?»

К обеду Лайл покрыл велосипед последним слоем эмали. Потом подкрепился кашей из тритикале и сжевал богатую йодом

и прочими минералами губку.

После обеда он, усевшись перед настенным экраном, занялся инерционными тормозами. Лайл знал, что инерционные тормоза принесут большие деньги — когда-нибудь, где-нибудь, кому-нибудь. От самого принципа пахло будущим.

Лайл вставил в глаз лупу и стал копаться в механизме. Ему нравилось превращение кинетической энергии в электрическую. Энергия, затраченная на торможение, снова шла в дело. В этом было заключено волшебство.

Лайл видел будущее в инерционных тормозах, улавливающих энергию и возвращающих ее с помощью цепной передачи — непосредственно к мускулам ездока, без помощи опостылевшего бесплотного электричества. Если у него получится, велосипедист, ощущая естественность, будет одновременно чувствовать себя немножко сверхчеловеком. Система должна была быть простой, поддающейся несложному ремонту. Всякие выкрутасы не годились, с ними велосипед потерял бы свою сущность.

У Лайла было много конструкторских идей. Он не сомневался, что претворил бы их в жизнь, если бы не выбивался из сил, пытаясь удержать на плаву мастерскую. Многие велосипеды оснащались теперь микросхемами, но между настоящим велосипедом и компьютером все равно нет ничего общего. Компьютеры — просто коробки, принцип их работы не виден глазу. К велосипедам же люди испытывают сентиментальные чувства; когда речь заходит о велосипедах, в человеке просыпается романтик. Поэтому на рынке не прижились велосипеды с лежачим положением ездока, хотя у них было много механических преимуществ. Людям не захотелось сложных велосипедов. Они испугались, как бы велосипеды не стали вредничать, жаловаться, ныть, требовать внимания и постоянного усовершенствования, как это происходит с компьютерами. Велосипед — сугубо личный предмет и обязан служить долго.

Лайл услышал стук в дверь и пошел открывать. Внизу стояла рослая брюнетка в шортах, синей безрукавке, с волосами, собранными в хвост. Под мышкой у нее был легкий тайваньский велосипед.

— Это вы — Эдвард Дертузас? — спросила она, задрав голову.

— Нет, — спокойно ответил Лайл. — Эдди в Европе.

Она подумала и сказала:

— Я недавно в Зоне. Сможете заняться моим велосипедом? Я купила его подержанным и думаю, что его надо подправить.

— Конечно, — отозвался Лайл. — Вы обратились к кому следует: Эдди Дертузас не умеет чинить велосипеды. Он просто

жил здесь. А мастерская принадлежит мне. Давайте-ка свой велик.

Лайл нагнулся, ухватил руль и втянул велосипед в мастерскую. Женщина уважительно смотрела на него снизу вверх.

— Как вас зовут?

— Лайл Швейк.

— А меня — Китти Кеседи. — Она помялась. — Мне можно войти?

Лайл взял ее за широкое запястье и помог забраться в будку. Ее нельзя было назвать хорошенькой, зато она была в отменной спортивной форме, как горная велосипедистка или мастер триатлона. На вид ей можно было дать лет тридцать пять, но внешность обманчива. Косметические операции и биокорректировка получили такое распространение, что определение возраста превратилось в серьезную проблему. Тут требовался вдумчивый, прямо-таки медицинский анализ век, верхнего слоя кожи и прочего.

Она с любопытством огляделась и тряхнула своим коричневым хвостом.

— А вы откуда? — спросил Лайл, уже успевший забыть ее имя.

— Я родилась в Джуно. Это на Аляске.

— Значит, канадка? Здорово! Добро пожаловать в Теннесси.

— Вообще-то Аляска была штатом США.

— Кроме шуток? — удивился Лайл. — Я, конечно, не историк, но карту с американской Аляской не видел.

— Надо же, у вас тут умещается целая мастерская! Поразительно, мистер Швейк! Что за этой занавеской?

— Свободная комната, — ответил Лайл. — Раньше там жил мой сосед.

— Дертузас?

— Он самый.

— А теперь кто живет?

— Теперь никто, — грустно ответил Лайл. — Теперь у меня там склад.

Она кивнула и с явным любопытством продолжила осмотр.

Что это за трансляция?

— Трудно сказать, — ответил Лайл и выключил телевизор. — Какая-то несусветная политическая чушь.

Он осмотрел ее велосипед. Все серийные номера были спилены. Типичный велосипед из Зоны.

— Первым делом, — начал он, — надо подогнать его под ваш рост и фигуру: отрегулировать высоту седла, педалей, руля. Потом я перетяну цепь, выровняю колеса, проверю тормоза и

подвеску, все подкручу, смажу. В общем, все как обычно. Седло надо бы сменить — это мужское. У вас кредитная карточка?

Она кивнула и сразу нахмурилась.

— Только кредита уже немного.

— Не беда. — Он открыл потрепанный каталог. — Здесь то, что вам нужно: выбирайте любое дамское седло. Его доставят завтра утром. А потом, — он полистал каталог, — закажите вот это.

Она подошла ближе и взглянула на страницу.

— Набор керамических гаечных ключей?

— Да. Я чиню вам велосипед, вы покупаете мне набор — и мы в расчете.

— Идет! Это совсем недорого. — Она улыбнулась. — Мне нравится ваш подход, Лайл.

— Проживите в Зоне с мое — тоже привыкнете к бартеру.

— Раньше я не была скваттершей, — задумчиво молвила она. — Вообще-то мне здесь нравится, но, говорят, здесь опасно?

— Не знаю, как в других городах, но в трущобах Чаттануга совсем не опасно, если, конечно, вы не боитесь анархистов, которые опасны, только когда напьются. Самое худшее, что может произойти, — вас время от времени будут обворовывать. Ну, бродит тут парочка крутых парней, хвастающих, что у них есть пистолеты, но я еще ни разу не видел, чтобы кто-нибудь пустил в ход огнестрельное оружие. Старые пистолеты раздобыть нетрудно, но для того, чтобы наделать боеприпасов, нужно быть настоящим химиком. — Он тоже улыбнулся. — А вы, кажется, способны за себя постоять.

— Я беру уроки танцев.

Он понимающе кивнул и вынул из ящика рулетку.

— Судя по тросам и блокам у вас на крыше, вы можете поднять свою мастерскую? Подвесить где-то наверху?

— Могу. Это спасает от взлома и нежелательных визитов. — Лайл посмотрел на электрическую дубинку на двери. Она проследила за его взглядом, и в ее глазах отразилось уважение.

Лайл измерил ей руки, торс, расстояние от паха до пола и все записал.

— Готово. Приходите завтра днем.

— Лайл?

— Я вас слушаю. — Он выпрямился.

— Вы не сдаете угол? Мне нужно безопасное местечко в Зоне.

— Прошу извинить, — вежливо ответил он, — но я так ненавижу домовладельцев, что никогда не буду сам выступать в этом качестве. Мне нужен сосед и партнер, который мог бы работать наравне со мной в мастерской. Чтобы поддерживал

жилище в порядке или вместе со мной чинил велосипеды. Да и вообще, если бы я взял с вас деньги или назначил квартплату, у налоговой полиции появился бы дополнительный повод ко мне привязаться.

— Это верно, но… — Она помолчала, потом томно взглянула на него из-под ресниц. — Со мной вам было бы лучше, чем в пустой мастерской.

Лайл удивленно приподнял брови.

— Я женщина, умеющая приносить мужчине пользу, Лайл. Пока что никто не жаловался.

— Вот как?

— Представьте себе. — Она отбросила смущение.

— Я обдумаю ваше предложение, — сказал Лайл. — Как, говорите, вас зовут?

— Китти. Китти Кеседи.

— Сегодня у меня полно работы, Китти, но мы увидимся завтра, хорошо?

— Хорошо, Лайл. — Она улыбнулась. — Подумайте, ладно?

Лайл помог ей спуститься и смотрел, как она шагает по атриуму и исчезает в дверях переполненного трущобного кафе. Потом он позвонил матери.

— Ты что-то забыл? — спросила она, оторвавшись от рабочего дисплея.

— Знаешь, в это трудно поверить, но только что мне в дверь постучала незнакомая женщина и предложила себя.

— Ты, видимо, шутишь?

— Надо полагать, в обмен на кров и стол. Я же обещал, что, если это случится, ты узнаешь первая.

— Лайл… — Мать подыскивала нужные слова. — По-моему, тебе надо меня навестить. Давай вместе поужинаем дома! Поедим, обсудим твои дела.

— Идет. Все равно я должен доставить один заказ на сорок первый этаж.

— Все это мне не слишком нравится, Лайл.

— Ладно, мам, увидимся вечером.

Лайл собрал свежевыкрашенный велосипед, переключил подъемное устройство на дистанционное управление и покинул мастерскую. Сев на велосипед, он нажал кнопку. Мастерская послушно взмыла в воздух и, слегка покачиваясь, повисла под черным от пожара потолком.

Лайл покатил к лифтам — туда, где прошло его детство.

Сначала он вернул велосипед счастливому идиоту — заказчику, а потом, спрятав заработанную наличность в ботинок, отправился к матери. Там он принял душ, побрился. Они

полакомились свиными отбивными и выпили. Мать жаловалась на конфликт с третьим мужем и плакала навзрыд, хоть и не так долго, как обычно, когда всплывала эта тема. У Лайла создалось впечатление, что она скоро совсем остынет, а там и подберет себе четвертого муженька.

В районе полуночи Лайл отклонил ритуальное материнское предложение пополнить его гардероб и устремился обратно в Зону. После матушкиного хереса у него все плыло перед глазами, и он провел некоторое время у разбитой стеклянной стены атриума, глядя на тусклые звезды в подсвеченном городскими огнями небе. Ночью пещерная темнота Зоны привлекала его, как ничто другое. Тошнотворное круглосуточное освещение, которым был залит весь остальной «Архиплат», здесь, в Зоне, так и не было восстановлено.

По ночам в Зоне кипела жизнь: все нормальные люди принимались обходить здешние подпольные пивнушки и ночные заведения; о том, что там происходило, можно было только догадываться — все двери были предусмотрительно затворены. Редкие красные и синие сполохи только добавляли загадочности.

Лайл вынул прибор дистанционного управления и опустил мастерскую. Дверь оказалась взломанной. Его последняя клиентка лежала без сознания на полу. На ней был черный комбинезон военного образца, вязаная шапочка, специальные очки и альпинистское снаряжение.

Первое, что она сделала, вломившись в заведение Лайла, — это вытащила из чехла висевшую у двери электрическую дубинку. За что и поплатилась разрядом в пятнадцать тысяч вольт и смесью краски с разрешенными к применению нервно-паралитическими химикатами, ударившей ей в лицо.

Лайл обезвредил со своего дистанционного пульта сделавшую свое дело дубинку и аккуратно вернул ее в чехол. Незваная гостья еще дышала, но иных признаков жизни не подавала. Лайл попробовал вытереть ей платком нос и рот. Парни, продавшие ему чудо-дубинку, не зря хихикали, говоря о «несмываемости». Лицо и горло женщины были теперь зелеными, а на груди красовалось пятно, отливавшее всеми цветами радуги. Половину лица закрывали ее диковинные очки. Подбирая для нее подходящее сравнение, Лайл остановился на еноте, повалявшемся на мольберте пейзажиста.

Попытка снять с нее испорченную одежду традиционным способом успехом не увенчалась, и он сходил за ножницами по металлу. С их помощью Лайл избавил женщину от толстых перчаток и перерубил шнурки ее пневмореактивных башмаков. У черной водолазки оказалась абразивная поверхность, а грудь и

спину незваной гостьи закрывала кираса, которую вряд ли удалось бы пробить даже из пушки.

В ее брюках он насчитал девятнадцать карманов, набитых всякой всячиной. Там было электро-паралитическое оружие, аналогичного с его дубинкой действия, фонарик, пакетики с порошком для снятия отпечатков, нож с несколькими десятками лезвий, какие-то лекарства, пластмассовые наручники, а также мелкие деньги, четки, расческа и косметичка.

В ушах у женщины Лайл обнаружил крохотные микрофонные усилители; их удалось извлечь с помощью пинцета. После этого он сковал ей руки и ноги цепочкой для парковки велосипедов. Лайл боялся, как бы она, очнувшись, не принялась бесчинствовать.

Часа в четыре утра она разразилась кашлем и сильно задрожала. Летними ночами в мастерской действительно бывало зябко. Лайл придумал, как решить проблему: принес из свободной комнаты теплосберегающее одеяло. В середине одеяла, он, как в пончо, прорезал дыру для головы и надел на свою гостью. Потом, сняв с нее велосипедные кандалы (они бы ее нее равно не остановили), Лайл наглухо зашил все одеяло снаружи прочнейшей седельной нитью. Прикрепив края пончо к ремню, он набросил ремень ей на шею, застегнул и для верности повесил на пряжку замок. Тело оказалось в мешке, из которого торчала одна голова, хрипевшая и пускавшая слюни.

Не пожалев суперклея, Лайл намертво приклеил мешок с женщиной к полу. Одеяло было достаточно прочным; если гостья все равно сумеет освободиться, пустив в ход ногти, — значит, она даст фору самому Гудини, и Лайлу здесь делать нечего. Он смертельно устал и вполне протрезвел. Лайл выпил глюкозы, заглотнул три таблетки аспирина, сжевал шоколадку и завалился в гамак.

Проснулся Лайл в десять утра. Пленница сидела в мешке с бесстрастным зеленым лицом, красными глазами и слипшимися от краски волосами. Лайл встал, оделся, позавтракал и починил сломанный дверной замок. Он помалкивал — отчасти потому, что надеялся на молчание как на способ привести ее в чувство, отчасти потому, что опять забыл, как ее зовут. К тому же он сомневался, что она сказала настоящее имя.

Починив дверь, он повыше подтянул колотушку — чтобы их не беспокоили. Сейчас им надо побыть наедине.

Наконец Лайл включил настенный экран и антикварный телеприемник. При появлении дурацких титров женщина заерзала.

— Кто ты такой? — выдавила она.

— Я ремонтирую велосипеды, мэм.

Она фыркнула.

— Полагаю, ваше имя мне ни к чему, — сказал Лайл. — Важнее узнать, кто вас послал и зачем, а также что я сам смогу извлечь из этой ситуации.

— Ничего не выйдет.

Возможно, — согласился он. — Но вы-то полностью провалились. Я всего-навсего механик двадцати четырех лет из Теннесси, — чиню велосипеды и никого не трогаю. Зато на вас столько всяких штучек, что их хватило бы на пять таких мастерских, как моя.

Он открыл зеркальце из ее косметички и показал ей, как она выглядит. Зеленое лицо напряглось еще больше.

— Лучше расскажите, что вы замышляли.

— И не мечтай! — огрызнулась она.

— Если вы надеетесь на подмогу, то вынужден вас разочаровать: надежды тщетны. Я вас хорошенько обыскал, нашел все приспособления, которые на вас были, и повынимал из них батарейки. — Некоторые я вижу впервые и понятия не имею, зачем они и как работают, но батарейка — она батарейка и есть. Прошло уже несколько часов, а ваши коллеги все не торопятся. Вряд ли они знают, где вас искать.

На это она ничего не ответила.

— В общем, — подытожил он, — вы провалили операцию. Вас поймал полный профан, и вы попали в положение заложницы, которое может длиться сколь угодно долго. Моих запасов воды, лапши и сардин хватит на несколько недель. Если в вашу берцовую кость вмонтировано какое-нибудь тайное устройство, вы можете связаться хоть с самим Президентом, но мне все же кажется, что у вас возникли серьезные проблемы.

Она еще немного повозилась в своем мешке и отвернулась.

— Наверное, дело в этом антенном приемнике?

Она промолчала.

— Вряд ли он имеет какое-то отношение ко мне или к Эдди Дертузасу. Прислали-то его, видать, для Эдди, но он вряд ли об этом просил. Просто кому-то — может, его психованным дружкам в Европе — захотелось, чтобы у него был этот ящик. Раньше Эдди принадлежал к политической группе КАПКЛАГ — слыхали о такой?

Не приходилось сомневаться, что она слышала это название не в первый раз.

Лично мне эти типы всегда были не по душе, — продолжал Лайл. — Сначала я клюнул на их разглагольствования про свободу и гражданские права, но достаточно разок побывать на их

собрании на верхних этажах в пентхаузах и послушать, как они изрекают: «Мы должны подчиняться технологическим императивам или окажемся на свалке истории», — и сразу становится ясно, что это просто никчемные богатенькие зазнайки, не умеющие завязать собственные шнурки.

— Это опасные радикалы, подрывающие национальную безопасность.

Лайл прищурился:

— Чью национальную безопасность, если не секрет?

— Вашу и мою, мистер Швейк. Я из НАФТА. Я федеральный агент.

— Почему же тогда вы вламываетесь в чужой дом? Разве это не запрещено Четвертой поправкой?

— Если вы имеете в виду Четвертую поправку к Конституции Соединенных Штатов Америки, то этот документ отменен много лет назад.

— Ну да? Что ж, вам виднее… Я не очень-то внимательно слушал учителей. Простите, вы называли свое имя, но я…

— Я говорила, что меня зовут Китти Кеседи.

— Ладно, Китти, мы сидим тут с тобой нос к носу и решаем нашу личную проблему. Как ты думаешь, что я должен сделать в этой ситуации? Чисто практически.

Китти раздумывала недолго.

— Немедленно меня освободить, вернуть все, что забрал, отдать мне приемник и то, что к нему относится, — записи, дискеты. Потом ты должен тайком провести меня Через «Архиплат», чтобы из-за краски на лице меня не остановила полиция. Еще мне бы очень пригодилась сменная одежда.

— Ты считаешь?

— Такое поведение было бы наиболее разумным. — Она прищурилась. — Ничего не могу обещать, но это самым благоприятным образом отразилось бы на твоем будущем.

— А ты не скажешь, кто ты, откуда явилась, кто тебя послал, что все это значит?

— Не скажу. Мне запрещено раскрываться при любых обстоятельствах. Да тебе и не нужно ничего знать. Если ты действительно тот, за кого себя выдаешь, зачем тебе все это?

— Не желаю всю жизнь оглядываться, опасаясь, что ты выскочишь из темного угла.

— Если бы я хотела причинить тебе вред, то сделала бы это при первой же встрече! Кроме нас с тобой, здесь никого не было, и я могла бы запросто тебя нейтрализовать и забрать все, что мне требовалось. Так что лучше отдай мне приемник с дискетами и прекрати нелепый допрос.

— Представь, что я вломился в твой дом, Китти. Что бы ты со мной сделала? — Молчание. — Так у нас не получится. Если ты не скажешь, что здесь происходит, мне придется прибегнуть к крутым мерам.

Она презрительно скривила губы.

— Что ж, сама напросилась. — Лайл взял медиатор и сделал голосовой вызов. — Пит?

— Видеоробот Пита слушает, — ответил голос в телефоне. — Чем могу вам помочь?

— Передай Питу, что у Лайла Швейка крупные неприятности и я жду его у себя в мастерской. Пускай приведет с собой ребят покрепче из «пауков».

— Что за неприятности, Лайл?

— С властями. Крупные. Больше ничего не могу сказать. Боюсь прослушивания.

— Будь спок. Дело на мази. Бывай, братан.

Лайл сердито сбросил с верстака велосипед Китти.

— Знаешь, что меня больше всего злит? — сказал он. — Что ты не пожелала обойтись со мной по-человечески. Поселилась бы здесь честь по чести — и могла бы утащить свой дурацкий ящик и что угодно в придачу! Но у тебя не хватило порядочности. Кстати, тебе даже не пришлось бы ничего красть, Китти! Достаточно улыбнуться, вежливо попросить — и я сам вручил бы тебе приемник и любые другие игрушки. Я все равно ничего не смотрю. Терпеть не могу эту дребедень.

— Это был экстренный случай. Времени на дополнительное обследование и внедрение не было. Так что перезвони своим гангстерам и скажи, что произошла ошибка. Пусть лучше не приходят.

— Ты готова к серьезной беседе?

— Никаких бесед!

— Что ж, посмотрим.

Через двадцать минут у Лайла зазвонил телефон. Прежде чем ответить, он выключил экран. Звонил Пит, один из «городских пауков».

— Эй, где твоя колотушка?

— Прости, я втянул ее в мастерскую, чтобы не беспокоили. Сейчас спущу мастерскую.

Пит был высок ростом и худ, как и положено верхолазу. У него были загорелые руки и колени и огромные башмаки-прыгуны с крючками на носках. На кожаном комбинезоне без рукавов было полно зажимов и карабинов, за плечами болталась здоровенная матерчатая сума. На левой щеке, заросшей щетиной, красовалось целых шесть татуировок.

Пит глянул на Китти, приподнял заскорузлыми пальцами очки и внимательно изучил пленницу.

— Ну и ну, Лайл! Никогда бы не подумал, что ты так влипнешь.

— Да, дело серьезное, Пит.

Пит повернулся к двери и втащил в мастерскую женщину в костюме с кондиционером, в длинных брюках, ботинках на молнии и очках в металлической оправе.

— Меня зовут Мейбл.

— А меня Лайл. Там, в мешке — Китти.

— Ты говорил, что тебе нужна тяжелая артиллерия, вот я и захватил с собой Мейбл, — объяснил Пит. — Она социальный работник.

— Как я погляжу, ты держишь ситуацию под контролем, — сказала Мейбл, почесывая в затылке и озираясь. — Что случилось? Она проникла в мастерскую?

Лайл кивнул.

И первым делом схватилась за твою электрическую дубинку, — догадался Пит. — Я же предупреждал: воры сразу тянутся к оружию. — Пит довольно поскреб у себя под мышкой. — Главное, оставить его на виду. Вор никогда не избежит такого соблазна, — Он осклабился. — Срабатывает как часы.

Пит из «городских пауков», — объяснил Лайл Китти. Эта мастерская построена его ребятами. Как-то темной ночью они подняли мой дом на высоту тридцать четвертого этажа посреди «Архиплата» — и никто даже слова не сказал, никто ничего не видел; они бесшумно проделали в стене дыру и втащили через нее мой домик. Потом загнали в стену арматуру и подвесили мастерскую. «Пауки» — фанатики верхолазания, как я — фанатик велосипедов, только они относятся к своему занятию еще серьезнее, чем я, и их очень много. Они были среди первых скваттеров Зоны. Это мои друзья.

Пит встал на одно колено и заглянул Китти в глаза.

— Я люблю вламываться в разные места, а ты? Самое милое дело — взять и куда-нибудь вломиться. — Он порылся в своей суме и вытащил фотоаппарат. — Только воровать — это неспортивно. Разве что прихватить трофеи как доказательство, что вы где-то побывали. — Он сделал несколько снимков. — Но вы, мэм, не устояли перед алчностью, висели дух собственничества и присвоения в наше прекрасное дело и тем его предали. Вы поставили пятно на наш спорт. — Он выпрямился. — Мы, «городские пауки», не любим заурядных грабителей, особенно тех, кто проникает с корыстными целями в жилища

наших клиентов, вроде Лайла. А больше всего — безмозглых воров, застигнутых на месте преступления, как вы.

Пит нахмурил кустистые брови.

— Знаешь, как бы я предложил поступить, старина Лайл? Давай обмотаем твою приятельницу кабелем с ног до головы, вынесем на людное место и повесим вниз головой под куполом!

— Не очень-то человеколюбиво! — серьезно заметила Мейбл.

Пит оскорбленно засопел.

— Учти, я не собираюсь брать с него плату! Представь, как изящно она будет вращаться при свете сотен фонарей, отражаясь в бесчисленных зеркалах!

Мейбл опустилась на колени и заглянула Китти в лицо.

— Она пила воду после того, как лишилась чувств?

— Нет.

— Ради бога, Лайл, напои бедную женщину водой!

Лайл подал Мейбл пластмассовую бутылку.

— Кажется, вы оба так и не врубились, — сказал он. — Полюбуйтесь, чего я с нее поснимал! — Он показал им очки, ботинки, оружие, перчатки, альпинистское снаряжение и все прочее.

— Ух ты! — Пит нажимал на своих очках кнопки, чтобы рассмотреть инвентарь в мельчайших подробностях. — Это не простая грабительница, а прямо уличный самурай из «Пташек войны» или того почище!

— Она называет себя федеральным агентом.

Мейбл резко выпрямилась и отняла у Китти бутылку.

— Шутишь?

— Спроси у нее сама.

— Я социальный работник пятой категории из Управления городского развития. — Она показала Китти удостоверение. — А вы кто?

— Я не готова к немедленному разглашению подобной информации.

— Прямо не верится! — Мейбл убрала потрепанное голографическое удостоверение обратно в фуражку. — Как я погляжу, ты поймал члена правореакционного секретного формирования! — Она покачала головой. — У нас в Управлении только и слышишь о правых военизированных группах. Но я никогда не видела их боевиков живьем.

— Внешний мир полон опасностей, мисс социальный работник.

— Она еще будет мне рассказывать! — возмутилась Мейбл. — Я работала на «горячей линии», уговаривала самоубийц не расставаться с жизнью, а террористов — не казнить заложников.

Я профессиональный социальный работник! Я видела столько ужаса и страдания, сколько тебе и не снилось. Пока ты отжималась в своем тренировочном лагере, я имела дело с реальным миром. — Мейбл машинально глотнула из бутылки. — Что тебе понадобилось в скромной велосипедной мастерской?

Китти не соизволила ответить.

— Кажется, дело в этом телеприемнике, — подсказал Лайл. — Его доставили сюда вчера. Через несколько часов явилась она и давай со мной заигрывать, намекать, что хочет здесь пожить. У меня сразу возникли подозрения.

— Естественно, — откликнулся Пит. — Промашка, Китти. Лайл сидит на антилибидантах.

Китти презрительно покосилась на Лайла.

— Теперь понятно! — выдавила она. — Вот, значит, во что превращается мужичок, перестав интересоваться сексом: в бесполое существо, ковыряющееся в гараже!

Мейбл вспыхнула.

— Слыхали? — Она пнула мешок с Китти. — Какое ты имеешь право издеваться над чужими особенностями и интересами? Особенно после попытки превратить человека в объект сексуальной манипуляции в своих противозаконных целях? Совсем совесть потеряла? Да ты… Тебя надо судить!

— Попробуй.

— И попробую!

— Вот и давай подвесим ее за ушко на солнышке! — подхватил Пит. — И созовем прессу! Нам, «паукам», очень пригодится ее инвентарь: все эти уши-телескопы, порошок для снятия отпечатков пальцев, подслушивающие устройства, присоски для лазания, специальный трос — все вместе! Только не ее военная обувка.

— Все это мое, — серьезно предостерег Лайл. — Я первым это увидел.

— Давай так, Лайл: ты уступаешь нам ее барахло, а мы прощаем тебе должок по монтажу мастерской.

— Держи карман шире! Одни ее боевые очки стоят всей этой мастерской.

— А меня интересует этот телеприемник, — алчно заявила Мейбл. — Кажется, это не слишком сложное устройство? Оттащим-ка его парням из «Синего попугая» и попросим разобрать на части. Запустим схему в сеть и подождем, что выпадет из киберпространства.

— За ужасные последствия столь глупого и безответственного поступка будешь отвечать сама, — прошипела Китти.

— Ничего, я рисковая, — беззаботно ответила Мейбл,

заламывая фуражку. — Пусть моя либеральная головка от этого немного пострадает, зато твоя фашистская башка треснет, как гнилой орех.

Китти отчаянно завозилась в мешке. Все трое с интересом наблюдали, как она пускает в ход зубы и ногти, как молотит ногами. Результат был нулевым.

— Ладно, — прохрипела она, отдуваясь. — Я сотрудница сенатора Крейтона.

— Кого-кого? — спросил Лайл.

— Джеймса П. Крейтона, он сенатор от вашего Теннесси на протяжении последних тридцати лет.

— А я и не знал, — признался Лайл.

— Мы анархисты, — объяснил Пит.

— Я, конечно, слыхала об этом старом маразматике, — сказала Мейбл, — но сама я из Британской Колумбии, а мы там меняем сенаторов, как вы — носки. Если вы тут, конечно, меняете носки.

— Сенатор Крейтон чрезвычайно влиятелен! Он был сенатором США еще до избрания первого сената НАФТА. У него огромный штат из двадцати тысяч опытнейших и преданных делу сотрудников. К нему прислушиваются в комитетах по сельскому хозяйству, банковскому делу, телекоммуникациям.

— Ну и что?

— А то, что нас, повторяю, целых двадцать тысяч. — Голосу Китти недоставало бодрости. — Мы работаем не одно десятилетие и добились хороших результатов. Сотрудники сенатора Крейтона заправляют важными делами в правительственных структурах НАФТА. Если сенатор отойдет отдел, это повлечет нежелательные политические потрясения. Возможно, вам странно слышать, что сотрудники сенатора могут быть так влиятельны, но если бы вы потрудились разобраться, как функционирует власть, то поняли, что я нисколько не преувеличиваю.

— Ты хочешь сказать, что даже у какого-то паршивого сенатора есть собственная карманная армия? — спросила Мейбл, почесывая в затылке.

Китти оскорбленно вскинула голову.

— Он прекрасный сенатор! Когда у тебя двадцать тысяч сотрудников, вопрос о безопасности стоит очень остро. В конце концов, у исполнительной власти всегда были свои силовые формирования. А как же баланс властей?

— Кстати, твоему старикашке уже лет сто двадцать или около того, — напомнила Мейбл.

— Сто семнадцать.

— Как бы о нем ни заботились лучшие медики, ему осталось совсем чуть-чуть.

— Вообще-то его уже, можно сказать, нет… — призналась Китти. — Лобные доли отказали. Он еще способен сидеть и повторять то, что ему нашептывают, если подпитывать его стимулирующими препаратами. У него два вживленных слуховых аппарата, и вообще… им управляет его видеоробот.

— Видеоробот? — задумчиво переспросил Пит.

— Очень хороший видеоробот, — сказала Китти. — Он тоже стар, но его надежно обслуживают. У него твердые моральные устои и отличный политический нюх. Робот почти ничем не отличается от самого сенатора в расцвете сил. Но старость есть старость: он по-прежнему предпочитает старомодные информационные каналы, все время смотрит официальную трансляцию, а в последнее время совсем свихнулся и начал транслировать собственные комментарии.

— Всегда говорю: видеороботам доверия нет, — вставил Лайл. — Ненавижу!

— И я, — подхватил Пит. — Но даже роботы бывают приличнее политиков.

— Не пойму, в чем, собственно, проблема, — озадаченно произнесла Мейбл. — Сенатор Хиршхеймер давно уже находится на прямой нейронной связи со своим видеороботом, и у него самый обнадеживающий избирательный рейтинг. То же самое — у сенатора Мармалехо из Тамаулипаса: она, конечно, немного рассеянная, все знают, что бедняжка подсоединена к медицинской аппаратуре, зато она активный борец за права женщин.

— По-вашему, такого не может быть? — спросила Китти.

Мейбл покачала головой:

— Не собираюсь судить об отношениях индивидуума и его цифрового воплощения. Насколько я понимаю, это один из важнейших элементов неприкосновенности личности.

— Я слыхала, что в свое время это вызывало страшные скандалы. Возникала паника, когда становилось известно, что крупный правительственный чин — не более чем ширма для искусственного интеллекта.

Мейбл, Пит и Лайл переглянулись.

— Вас удивляет это известие? — спросила Мейбл.

— Нисколько, — ответил Пит.

— Велика важность! — поддакнул Лайл.

Китти, устав сопротивляться, уронила голову на грудь.

— Эмигранты в Европе распространяют приемники, способные дешифровать комментарии сенатора — то есть его

видеоробота. Робот говорит так, как когда-то говорил сам сенатор — не на людях, конечно, и не под запись. В стиле его дневниковых заметок. Насколько известно, робот исполнял роль дневника… Раньше это был его портативный персональный компьютер. Он просто переводил файлы, совершенствовал программы, обучал его новым штукам вроде узнавания голоса и письма, потом оформил ему кучу доверенностей… В один прекрасный день робот вырвался на свободу. Мы считаем, что робот принимает себя за сенатора.

— Так велите ему заткнуться, и дело с концом!

— Невозможно. Мы даже не знаем наверняка, где он физически находится и как вставляет свои саркастические комментарии в видеорепортажи. В былые времена у сенатора было полно друзей в видеоиндустрии. Робот может вещать из множества разных мест.

— И это все? — расстроился Лайл. — Весь твой секрет? Почему ты сразу не рассказала нам про приемник? Зачем понадобилось вооружаться до зубов и высаживать мою дверь? Твой рассказ меня убеждает. Я бы с радостью отдал тебе ящик.

— Не могла, мистер Швейк.

— Почему?

— Потому, — ответил за нее Пит, — что она представляет надутое чиновничество, а ты нищий механик из трущоб.

— Мне твердили, что здесь очень опасно, — сказала Китти.

— Вовсе не опасно! — возразила Мейбл. — Нисколечко. Для того чтобы представлять опасность, у них нет сил. Здесь просто общественная отдушина. Городская инфраструктура Чаттануги перегружена. Сюда долго вкладывали слишком большие деньги. Городская жизнь полностью утратила свою непосредственность. Моральная атмосфера стала удушливой. Поэтому все втайне радовались, когда бунтовщики устроили пожар на трех этажах.

Убытки были возмещены по страховке. Первыми сюда пришли мародеры, потом здесь стали прятаться дети, жулики, нелегалы. Наконец настал черед постоянного самозахвата. Дальше стали появляться мастерские художников, полулегальные мастерские, заведения под красным фонарем, кафе, пекарни. Скоро здесь станут открывать свои офисы и кабинеты адвокаты, консультанты, врачи, благодаря этому будет починен водопровод, восстановлено центральное энергоснабжение. Цены на недвижимость подскочат, и вся Зона превратится в пригодный для жизни, благоустроенный город. Такое происходит сплошь и рядом.

Мейбл ткнула пальцем в дверь:

— Если вы хоть что-нибудь смыслите в современной

городской географии, то понимаете, что подобное спонтанное возрождение городской среды — обычнейшее явление. Пока хватает энергичной наивной молодежи, которая обитает в таких трущобах, с иллюзией, будто она свободна от остального мира, это будет происходить и дальше.

— О!..

— Представьте себе! Такие зоны удобны всем. Некоторое время люди могут баловаться нестандартными мыслями и позволять себе экстравагантное поведение. Поднимают голову разные чудаки и безумцы; если им удается зашибить деньгу, они обретают легальность, если нет — падают замертво в спокойном местечке, где считается, что каждый отвечает за себя сам. Ничего опасного в этом нет. — Мейбл засмеялась, потом посерьезнела. — Ну-ка, Лайл, выпусти эту дурочку из мешка.

— Она там абсолютно голая.

— Значит, прорежь в мешке дыру и накидай ей туда одежды. Живее, Лайл!

Лайл сунул в мешок велосипедные шорты и безрукавку.

— А как же мой инвентарь? — спросила Китти, одеваясь на ощупь.

— Значит, так, — постановила Мейбл. — Пит вернет тебе его через неделю, когда его приятели все перефотографируют. Пока что пусть инвентарь остается у него. Считай, что так ты расплачиваешься с нами за наше молчание. А то возьмем и расскажем, кто ты и чем здесь занимаешься.

— Отличная мысль! — одобрил Пит. — Разумное, прагматичное решение. — Он стал сгребать имущество Китти в свою сумку. — Видал, Лайл? Всего один звонок старому «пауку» Питу — и все твои проблемы решены. Мы с Мейбл умеем разрешать кризисные ситуации, как никто другой! Вот и еще одна конфронтация, чреватая жертвами, сведена на нет без кровопролития. — Пит застегнул сумку. — Все, братцы! Дело сделано. Лайл, дружище, если потребуется подсобить, только свистни! Держи хвост пистолетом. — Пит вылетел в дверь и понесся прочь со всей скоростью, какую ему помогали развить реактивные башмаки.

— Большое спасибо за передачу моего снаряжения в руки общественно опасных преступников, — сказала Китти. Потом, высунувшись из дыры и схватив с верстака резак, она стала вспарывать мешок.

— Это побудит вялых, коррумпированных, плохо финансируемых полицейских Чаттануги более серьезно относиться к действительности, — сказала Мейбл, сверкая глазами. — К тому же глубоко недемократично делать

специальные технические сведения достоянием тайной военной элиты.

Китти попробовала пальцем керамическое лезвие резака, выпрямилась и прищурилась.

— Мне стыдно работать на то же правительство, что и ты.

— Ваша традиция, именуемая глубокой правительственной паранойей, безнадежно устарела. Раскрой глаза! Нами управляет правительство из людей с острым шизофреническим раздвоением личности.

— Какая низость! Я презираю тебя больше, чем могу выразить. — Она указала на Лайла. — Даже этот спятивший евнух-анархист в сравнении с тобой выигрывает. По крайней мере, он ни у кого ничего не просит и ориентируется на рынок.

— Мне он тоже сразу понравился, — беззаботно откликнулась Мейбл. — Хорош собой, в отличной форме, не пристает. К тому же умеет чинить мелкие приборы и имеет свободную квартиру. Переезжай к нему, детка.

— Ты это к чему? Считаешь, что я не смогу устроиться в Зоне так удачно, как ты? Думаешь, что у тебя авторское право на жизнь не по закону?

— Нет, просто тебе лучше засесть с дружком за запертыми дверями и не высовываться, пока не сойдет с лица краска. У тебя вид отравившегося енота. — Мейбл развернулась на каблуках. — Займись собой, а обо мне забудь. — Она спрыгнула вниз, села на свой велосипед и укатила.

Китти вытерла губы и сплюнула ей вслед.

— Ты когда-нибудь проветриваешь помещение? — окрысилась она на Лайла. — Смотри, не доживешь даже до тридцати, так и подохнешь здесь от запаха краски.

— У меня нет времени на уборку и проветривание. Я слишком занят.

— Значит, уборкой займусь я. Приберусь тут и проветрю. Все равно мне придется здесь побыть, понял? Может, довольно долго.

— Как долго? — осведомился Лайл.

Китти уставилась на него.

— Кажется, ты не принимаешь меня всерьез. Учти, мне не нравится, когда меня не принимают всерьез.

— Ничего подобного! — поспешно заверил ее Лайл. — Ты серьезная, даже очень.

— Слыхал что-нибудь о поддержке мелкого бизнеса, дружок? О стартовом капитале, например? О федеральных субсидиях на исследования и развитие? — Китти пристально смотрела на него, взвешивая слова. — Обязательно слыхал, мистер Спятивший Технарь. Считаешь, что федеральной поддержкой пользуется кто

угодно, только не ты? Учти, Лайл, дружба с сенатором переводит тебя совсем в другую категорию. Улавливаешь, куда я клоню?

— Кажется, да, — медленно ответил Лайл.

— Мы еще об этом побеседуем, Лайл. Надеюсь, ты не станешь возражать?

— Какие могут быть возражения!

— Здесь, в Зоне, творится много такого, чего я сперва не понимала. Это очень важно. — Китти смолкла и стряхнула с волос каскад зеленых хлопьев высохшей краски. — Сколько ты заплатил этим гангстерам-«паукам» за подвешивание твоей мастерской?

— Это была бартерная сделка, — ответил Лайл.

— Как ты думаешь, они сделают то же самое для меня, если я заплачу наличными? Сделают? Мне тоже так кажется. — Она задумчиво кивнула. — Эти «пауки» вроде бы неплохо оснащены. Ничего, я избавлю их от этой ведьмы-левачки, прежде чем она превратит их в революционеров. — Китти вытерла рукавом рот. — Ведь мы находимся на территории, подопечной моему сенатору! Мы совершили глупость, отказавшись от идеологической борьбы только из-за того, что здесь живут отбросы общества, не посещающие избирательные участки. Именно поэтому здесь важнейшее поле битвы! Эта территория может сыграть ключевую роль в культурной войне. Сейчас же позвоню в офис и все обговорю. Мы не можем оставить этот участок в лапах самозваной королевы мира и справедливости. — Она фыркнула и вытащила из спины занозу. — Немного самоконтроля и дисциплины — и я спасу этих «пауков» от них самих и превращу их в поборников законности и порядка. За дело!

Две недели спустя на связь с Лайлом вышел Эдди. Он звонил из пляжного домика где-то в Каталонии, на нем были шелковая цветастая рубашка и новенькие, с виду чрезвычайно дорогие очки.

— Как дела, Лайл?

— Порядок, Эдди.

— Жалоб нет? — У Эдди на щеке появились еще две татуировки.

— Никаких. У меня новая соседка. Специалистка по боевым искусствам.

— На этот раз ты с ней ладишь?

— Да. Она не сует нос в мою работу с велосипедами. В последнее время велосипедный бизнес набирает обороты. Возможно, я получу официальную линию электроснабжения,

дополнительную площадь, стану опять принимать заказы по почте. У моей новой соседки уйма полезных связей.

— Поздравляю, Лайл. Дамочкам ты по вкусу. Ты ведь никогда им не противоречишь. Им только этого и надо. — Эдди наклонился вперед, отодвинув пепельницу, полную окурков с золотыми фильтрами. — Ты получаешь посылки?

— Регулярно.

— Хорошо, — поспешно сказал Эдди. — Теперь можешь от всего этого избавиться. Мне эти копии уже ни к чему. Сотри данные, а диски уничтожь или продай. У меня тут наклевываются новые делишки, и старый мусор мне без надобности. Все равно это детские игрушки.

— Ладно, как скажешь.

— Ты не получал одну посылочку?.. Аппаратик, вроде как телеприемник?

— Как же, получил!

— Отлично, Лайл. Вскрой его и все внутри закороти.

— Прямо так?

— Да. Закороти, разбей на куски и повыкидывай в разные места. Это опасная вещь, Лайл, ты понял? Я больше не хочу головной боли.

— Считай, что ты уже от нее избавился.

— Вот спасибо! Больше тебя не будут беспокоить посылками. — Он помолчал. — Но это не значит, что я не ценю твои прежние усилия и добрую волю.

— Лучше расскажи, как твоя личная жизнь, Эдди, — скромно предложил Лайл.

Эдди вздохнул:

— В разгаре. Сначала это была Фредерика. Раньше мы ладили, а потом… Не знаю, с чего я взял, что частные детективы — сексуальная порода. Видать, совсем спятил. В общем, теперь у меня новая подружка. Политик! Радикальный член испанских кортесов. Можешь себе представить? Я сплю с депутатом одного из местных европейских парламентов! — Он засмеялся. — Политики — вот где таится секс! Знал бы ты, Лайл, какие это горячие штучки! У них и харизма, и стиль, и влияние. Деловой народец! Знают обходные дорожки, умеют подлезть с изнанки. С Виолеттой мне так весело, как еще ни с кем не бывало.

— Рад слышать, дружище.

— Это еще приятнее, чем ты можешь подумать.

— Ничего, — снисходительно ответил Лайл, — у каждого ведь своя жизнь, Эдди.

— Истинная правда!

Лайл кивнул.

— У меня дела, Эдди:

— Все совершенствуешь свои инерционные… как их там?

— Тормоза. В общем, да. Здесь нет ничего невозможного. Я много над этим работаю и уже близок к решению. Принцип ясен, а это самое главное. До всего остального можно додуматься.

— Слушай, Лайл… — Эдди отхлебнул из бокала. — Ты, часом, не подсоединял этот ящик к антенне и не смотрел его?

— Ты меня знаешь, Эдди, — ответил Лайл. — Кто я такой? Простой парнишка с гаечным ключом.

Дэвид Брин
Красный свет

Дэвид Брин (р. в 1950 г.), физик по образованию, дебютировал в 1980 г. романом «Прыжок в солнце» («Sundiver») за год до того, как закончил работу над диссертацией. Его роман «Звездный прилив» («Stardive Rising», 1983) завоевал премии «Хьюго» и «Небьюла». «Война за Возвышение» («Uplift War», 1987) также получила премию «Хьюго». Один из последних романов Брина, «Глина» («Kiln People», 2002), — научно-фантастический детектив, который разворачивается в мире, где люди для повседневных дел научились создавать себе глиняных дублеров. Помимо крупных произведений, Брин пишет рассказы. В частности, выходили такие сборники его малой прозы, как «Река времени» («The River Of Time», 1986) и «Чуждость» («Otherness», 1994). В последние годы Брин активно пытается заинтересовать научной фантастикой юного читателя. Совместно с журналом «Analog» он спонсирует конкурс «Webs of Wonder», призванный поощрять сайты, которые сочетают образовательные цели с качественной научной фантастикой. Брин, оптимист и футурист по воззрениям, в 1998 г. опубликовал книгу «Прозрачное общество. Заставит ли технический прогресс нас выбирать между частной жизнью и свободой?» («The Transparent Society: Will Technology Force Us to Choose Between Privacy and Freedom»). В качестве персонажей своих произведений Брин, как правило, представляет обычных людей, и стиль изложения предпочитает очень простой, лишенный орнаментальных изысков, тем самым продолжая традицию Джона У. Кэмпбелла и Роберта А. Хайнлайна. Выбор персонажей он объясняет так: «Я считаю, что нужно писать об обычных людях, которые оказываются в водовороте героических событий. Терпеть не могу идею „сверхчеловека“, все эти суперменские штучки, которыми прямо-таки кишит научная фантастика. По-моему, никакой супергерой не справится с делом так, как это сможет крепкая команда из двадцати сообразительных и упорных тружеников».

В прозе Брина всегда присутствует элемент научной игры, он любит ставить перед читателем

математические, логические и словесные загадки и, возможно, в этом идет по стопам Льюиса Кэрролла. Такие загадки, наряду с особым юмором, ставшим традиционным благодаря Л. Спрэгу де Кампу, Генри Каттнеру и др., являются отличительной чертой твердой научной фантастики и позволяют хитроумно закручивать сюжет.

В рассказе «Красный сеет», впервые опубликованном в журнале «Analog» в 1996 г., межпланетное путешествие становится причиной расширения Вселенной, и следящие за экологическим балансом инопланетяне просят путешественников вести себя прилично. Разумеется, это произведение с подтекстом.

Мы спокойненько направлялись к скоплению Геркулеса, никого не трогая, когда капитан сообщил по интеркому, что нас преследуют.

Я как раз читал лекцию по основам имплозивной геометродинамики: растолковывал устройство звездного двигателя юнцам, которые восемь лет назад по корабельному времени, когда мы взошли на борт «Фултона», были несмышлеными младенцами.

— Древняя научная фантастика, — говорил я, — предлагала множество самых невероятных способов превзойти скорость света. Некоторые способы казались теоретически возможными, особенно после того, как мы научились воздействовать на пространственно-временной континуум, порождая микроскопические сингулярности. К сожалению, практика частенько расплющивает теорию в лепешку: чтобы воздействовать на континуум в требуемых масштабах, необходимо столкнуть между собой две галактики. Посему мы перемещаемся в пространстве в полном соответствии со старым добрым законом Ньютона — каждое действие предполагает противодействие. Правда, нашим предкам и не снился тот способ, каким…

Изложить принципы физической геометрии мне не удалось.

— Судя по всему, нас преследуют, — разнесся по отсекам голос капитана. — Кроме того, неопознанный звездолет требует, чтобы мы сбросили скорость и дали ему возможность приблизиться.

Как выяснилось, нас пытался перехватить корабль сверхминиатюрных размеров. Весил он меньше микрограмма и двигался по направленному лучу от ближайшей звезды. Этот красный луч, отражавшийся на обзорных экранах, содержал в себе

сообщение, смысл которого был предельно ясен: заглушить двигатели и приготовиться к встрече.

Попробуйте представить, как все происходило. Два спиральных рукава, между которыми зияет бездонная пучина; звезды вокруг благодаря допплеровскому эффекту превратились в узкий сверкающий обруч с голубым свечением вдоль наружной кромки и с темно-красным вдоль внутренней. «Фултон», похожий на громадного кита рядом с крошечным кусочком планктона… Когда мы уравняли скорости, наш транспорт, битком набитый людьми и прочими обитателями старушки Земли, очутился бок о бок с чем-то вроде зонтика. Этот зонтик отличался изысканным дизайном и, как не замедлило выясниться, обладал даром речи.

— Спасибо, что выполнили нашу просьбу, — услышали мы, когда компьютеры двух кораблей установили между собой контакт. — С вами говорит представитель межгалактического Корпуса Неукоснительных Прагматиков. Сокращенно — КНП.

Никто из нас слыхом не слыхивал о подобной организации. Однако капитан ответил как ни в чем не бывало:

— Неужели? Чем можем быть полезны?

— Вы нас весьма обяжете, если заглушите свой двигатель.

— Что? Чем он вам не нравится?

— Этот двигатель создает последовательность микросингулярностей, которые заимствует из пространственно-временного континуума, он основан на принципе квантовой неопределенности. В процессе заимствования сингулярности возникают и самоуничтожаются, что ведет к искажению континуума и порождает волну, которая и перемещает ваш корабль. Поэтому вас не заботят расходы материи и энергии.

Честно говоря, даже я, человек, съевший на сингулярностях собаку, не смог бы сформулировать точнее.

— Ну и что? — вкрадчиво поинтересовался капитан.

— Таким образом, вы путешествуете от одной звездной системы к другой, причем с высокой относительной скоростью.

— Совершенно верно. Это нас вполне устраивает, вот почему звездный двигатель столь популярен.

— В том-то и дело, — отозвался представитель Прагматиков. — Я преследовал вас с одной-единственной целью: попросить, чтобы вы перестали его использовать.

Ну и дела, доложу я вам!

Агент КНП утверждал, что звездный двигатель по сути своей безнравственен и смертельно опасен.

— Существуют иные возможности, — заявил он. — Можно перемещаться по направленному лучу из исходной точки. Как я.

Естественно, в этом случае вам придется покинуть свои тела и путешествовать в качестве компьютерных сущностей. На борту моего корабля около миллиона пассажиров в таком состоянии. Если вы согласны, они с удовольствием потеснятся, чтобы освободить место для вашего экипажа.

— Спасибо, не стоит, — пробормотал капитан. — Нас вполне устраивают наши тела. Вдобавок, предложенный вами способ передвижения, по правде сказать, не внушает оптимизма. Он не слишком удобен.

— Зато экологически и космологически безопасен! Тогда как ваш грубо нарушает природу континуума.

Мы навострили уши. Галактический кодекс разрешает колонизировать планеты только тем, кто заботится об экологии. Это продиктовано не столько соображениями морали, сколько стремлением сохранить места обитания для наших внуков и правнуков.

Последняя фраза агента КНП поставила нас в тупик.

— Что значит «грубо нарушает»? — осведомился я, поняв, что капитану просто нечего сказать. — Мы всего лишь взрываем за кормой небольшие черные дыры и движемся вперед на взрывной волне. С каких это нор вносить нечто в пустоту означает нарушать целостность континуума?

— Подумайте, — посоветовал агент. — Подобным образом вы непрерывно увеличиваете расстояние, отделяющее исходную точку от места назначения.

— Верно, — согласился я. — Но всего-то чуть-чуть. А одновременно мы идем с большим квазиускорением, которое приближает нас к скорости света.

— Вам, безусловно, так удобно, однако как насчет остальных?

— Кто такие эти остальные?

— Все прочие обитатели Вселенной! — заявил агент, в голосе которого прозвучало раздражение. — Продвигаясь к цели, вы увеличиваете расстояние между точками А и Б и затрудняете тем самым дорогу тому, кто, возможно, пойдет следом.

Я расхохотался.

— Вот именно! *Возможно!* Понадобятся миллионы кораблей — сотни миллионов, — чтобы произошло заметное расширение континуума. Между прочим, Вселенная и так расширяется…

— И отчего это происходит, по-вашему? — перебил агент.

Я на какое-то время утратил дар речи и тупо уставился на экран.

— Что… — Я сглотнул. — Что вы имеете в виду?

КНП осуществлял благородную миссию. Его агенты сновали

по галактикам — тем, что видны с Земли, и многим другим, — побуждая близоруких разумных существ вроде нас изменить свои взгляды. Задуматься о будущем. Не портить жизнь грядущим поколениям.

Этим они занимались на протяжении тысячелетий.

— Похоже, к вам не очень-то прислушиваются, верно? — спросил я, кое-как оправившись от изумления.

— К сожалению, да, — мрачно ответил агент. — Вселенная продолжает расширяться. Расстояния между звездами увеличиваются, из-за чего прежние средства передвижения устаревают, а принципы физической геометрии приобретают все большую популярность. Ведь это так удобно! Отказываются в основном древние, умудренные опытом расы. Те, что моложе, как правило, отвергают наши советы.

Я оглядел рубку нашего замечательного корабля, куда набились любопытные — дети, супруги, родственники. Люди в компании с домашними животными, существа из укромного уголка Вселенной, устремившиеся покорять галактики. Судя по словам агента, мы не одиноки в своем стремлении — горячем желании повидать мир, в порыве торговать, колонизировать, покорять. Да просто двигаться!

Выходит, мы — типичные покорители пространств.

— Да, — сочувственно подтвердил я. — Так оно, по всей видимости, обычно и бывает.

Агенты КНП продолжали преследовать наши корабли, взывали к разуму, использовали уговоры и угрозы, убеждая нас остановиться. Однако уговоры не действовали, на голос разума никто не обращал внимания, а угрозы были пустыми, как пространство между звездами.

С тех пор я не раз встречался с агентами КНП. Они поистине вездесущи, весьма настойчивы и крайне редко добиваются успеха. В большинстве случаев их хрупкие, похожие на зонты кораблики попросту не замечают, принимая красный луч на обзорных экранах за очередной выкрутас релятивистского пространства.

Признаться, теперь я смотрю на это немного иначе. Расширение Вселенной, которое мы приписывали Большому Взрыву, в значительной мере вызвано звездными двигателями. Континуум искажается, расстояния увеличиваются, участь грядущих поколений осложняется…

Словом, Вселенная расширяется — каждый год, каждый день, когда кто-либо, озабоченный исключительно собственными нуждами, выходит в космос. В незапамятные времена расстояния были существенно короче и можно было обойтись иными

средствами передвижения. Если бы тогда КНП удалось убедить разумных существ… если бы они проявили хотя бы толику здравомыслия… никаких звездных двигателей не было бы и в помине!

С другой стороны, то же самое наверняка скажут про нас в будущем, когда галактики и отдельные звезды отдалятся друг от друга настолько, что станут едва видны, а между ними проляжет созданная нашими стараниями пустота.

Увы! В молодости, когда тебя переполняет желание поскорее увидеть и испробовать все, что можно, с эмоциями справиться нелегко. Вдобавок, все вокруг одержимы той же страстью. Да чего стоят все наши корабли по сравнению с необъятными просторами Вселенной?! И потом, уж если останавливаться, то всем вместе, а не только нам, правильно?

Как ласково мурлычет двигатель! Как здорово мчаться вдоль звездного обруча на предельно возможной скорости!

Сегодня мы почти не смотрим на обзорные экраны и почти не обращаем внимания на этот назойливый красный свет.

Дэвид Нордли
В пещерах Миранды

Дэвид Нордли (р. в 1947 г.) живет в Калифорнии. В свое время он учился на астронома, однако в 1967 г. поступил на службу в американские Военно-Воздушные силы, чтобы избежать призыва во Вьетнам. Главным образом Нордли занимался расчетами для запуска спутников. В этот период он познакомился с физиком и писателем Робертом Л. Форвардом, во многом повлиявшим на его дальнейшую судьбу. В 1989 г. Нордли вышел в отставку в звании майора, а год спустя начал публиковать рассказы. В 2002 г. появился электронный сборник его малой прозы под названием «После викингов. Истории о Марсе будущего» («After the Viking: Stories of a Future Mars»). Произведения Нордли посвящены освоению космоса, а главная их тема, как правило, — драматические аспекты жизни людей в далеком будущем. Нордли считает, что термин «твердая» применительно к научной фантастике следует понимать как «точная» в смысле фактов и описаний. Сам он предпочел бы термин «научный реализм», и, по его мнению, даже если писателю-фантасту приходится изобретать новые законы природы, все же необходимо придерживаться правдоподобия, а не жертвовать им ради эффектности. Нордли утверждает, что фантастам следует ориентироваться на традицию Дж. Оруэлла, Жюля Верна и Артура Кларка, на фантастику-предсказание, которая заставляет читателя думать о том, что может быть. Кроме того, Нордли полагает, что наука в научной фантастике играет такую же роль, как юриспруденция в детективе или история в историческом романе.

«В пещерах Миранды», как и «Олимп» Бена Бовы, — рассказ об освоении космоса. Особенно любопытно в произведении представлено то, как природа чужой планеты заставляет человека менять поведение и влияет на закономерности выживания.

К тому времени, когда начинается мой рассказ, мы прошли, проползли, процарапали себе пятьдесят три километра по извилистому пути в недрах Большой Расселины Миранды и находились на глубине семнадцати километров под основной поверхностью. Я начал писать потому, что сильнейшая встряска только что замуровала нас здесь, а у этих записок гораздо больше шансов на выживание, чем у меня; теперь необходимо создать нечто большее, чем просто заметки к статье. Я пишу потому, что верю в человеческое упрямство, проявляющееся даже в самых безнадежных ситуациях, и думаю, что в конце концов спасатели найдут нас. Меня зовут Войчич Бубка, и это мой дневник.

Миранда, спутник Урана, — космический представитель тех вещей, что созданы из несовместимых элементов, подобно второй попытке в браке, законам об этнической интеграции или поэту, пытающемуся писать для научного журнала. Миллиард лет назад какой-то взрыв разрушил ее, и с тех пор отдельные части путешествуют по космосу, держась более или менее вместе. Здесь есть дыры. Расселины. Пустоты, в которые попадают предметы, которым здесь не место, предметы, не принадлежащие к этому мирку.

Как и множество великих открытий, существование расселин было очевидно само по себе. Однако нашему геологу, Нихилу Рэю, пришлось десять лет терпеть насмешки, получать обратно статьи из редакций, развестись с женой, которая не желала жить с посмешищем, и подвергаться публичным унижениям в научно-популярных передачах, прежде чем геологический истеблишмент наконец признал, что исследования сейсмологов на поверхности Миранды подтверждают его теорию.

Нихил всего лишь заметил, что хотя Миранда состоит из тех же пород, что и все остальные планеты системы Урана, но плотность ее выше плотности воды лишь в один и три десятых раза, в то время как другие спутники примерно в два раза плотнее воды. Это могло объясняться тем, что планета образована из небольшого количества горной породы и значительной массы льда. Другое объяснение, на котором терпеливо настаивал Нихил, заключалось в том, что внутри просто мало вещества; что там, под поверхностью, находится совокупность пустот или пузырей.

Итак, согласно извращенной логике, которой мы все подчиняемся, после того как открытия сейсмологов показали, что Миранда состоит из значительного количества пустого пространства, Нихил превратился в знаменитость малой Солнечной системы, обзавелся постоянным креслом в Кориолисе и красивой, нервной, молодой и стройной женой в качестве трофея.

Но боюсь, что к тому времени в душе Нихила также образовалась довольно значительная пустота.

Как и в случае с Мирандой, это не было заметно по его изысканным и в то же время энергичным манерам. Он был высок для бенгальца, и из-за недостатка солнца кожа его имела лишь слабый оттенок бронзы; узкое лицо указывало на арабских или британских предков; похоже, у него были и те и другие. Он двигался быстро, решительно, энергично, что прекрасно сочеталось с манерами терпеливого добряка, приписываемыми, по традиции, аристократам от академической науки. Если он теперь и не доверял людям, обращаясь с ними вежливо, но держа на почтительном расстоянии, если он и питал тайное презрение к человеческому роду, то Кэтрин Рэй, доктор медицины, по-видимому, не заметила этого, когда выходила за него замуж после восстановления его академической репутации.

Думаю, что позднее она обнаружила эту пустоту у него в душе, и часть ее отдалилась от него, тогда как другая, трезвомыслящая часть не нашла никаких объективных причин разрушать брак, позволяющий мелькать в высших академических кругах Солнечной системы. Возможно, из-за этого Кэтрин решила отправиться в двухнедельную экспедицию с человеком, которого, по ее словам, терпеть не могла; о, она могла наговорить вам что угодно. Возможно, в этом крылась причина ее цинизма. Возможно, и нет.

Мы вошли в большую расселину три долгих дня тому назад, перебравшись через огромную гряду; здесь встречались два разных геологических образования, которые удерживались вместе слабой гравитацией Миранды и какими-то еще силами. Под испещренной кратерами, покрытой пылью поверхностью большая расселина представляла собой череду пустот между гребнями, образовавшимися при сжатии; необработанные деревяшки, кое-как слепленные ленивым плотником воскресным вечером. Нихил считает, что сеть эта пронизывает всю планету. Есть другие узлы, другие расселины, другие системы пустот, но эта одна из самых больших.

Ах да, эти огромные пустые пространства. Как поэта меня завораживают контрасты, и для меня есть что-то привлекательное в исследовании пустоты, скрытой под внешней оболочкой, какой бы та ни была.

Я, так сказать, чувствителен к пустоте. Я — явный мятежник в определенно импрессионистском литературном мире, полном мрака и притворства, которому недоступна настоящая поэзия. Здесь поэтам дают понять, что они занимаются чем-то вроде интеллектуальной мастурбации, — и платят им соответственно.

Миранда заинтересовала меня как метафора; под пылью и льдом скрывалась эпическая поэма. Там, в самой большой подземной системе пещер, известной человечеству, должны таиться чудеса. В моем воображении мелькали статьи, интервью, телешоу. Все, что от меня требовалось, — попасть туда.

У меня появилась отличная идея, как воплотить свою задумку в жизнь. Ее звали Миранда Лотати. Четыре года назад эта девушка, спелеолог-любитель, дочь главы проекта «Астрография Солнечной системы», изучала под моим руководством литературу в университете Кориолиса. Когда я услышал о загадочных пещерах, открытых Нихилом, мне ничего не стоило возобновить знакомство, и на этот раз нас не сковывали университетские условности. К тому времени она могла похвастаться впечатляющим списком исследованных пещер, гор и прочих труднодоступных мест — благодаря деньгам и связям своего папаши, как я подумал тогда.

В бытность студенткой она казалась мне грубоватой и вспыльчивой. Сочинения ее содержали сухо и немногословно изложенные банальности, никогда не превышали требуемого объема, но в достаточной мере отвечали требованиям, так что честность повелевала мне принимать их.

Теперь, вооруженный сведениями о недавно открытых пещерах Миранды, я решил, что ее имя — это знак судьбы. Я навел справки и не удивился, узнав, что у нее нет мужчины. Итак, я решил стать ее мужчиной и склонить ее к своей цели. К моему небольшому удивлению, это сработало. Сработало до такой степени, что теперь мне было не совсем ясно, кто кого направляет — я ее или она меня.

Рэнди, как я называл ее, была в некотором смысле похожа на черную дыру: туда попадало все, но обратно не появлялось ничего. Вещи и люди каким-то образом переходили на ее орбиту и склонялись перед ее волей без видимых словесных усилий с ее стороны. Она могла целый вечер не произносить ничего, кроме «угу».

— Тебе нравится Бах? У тебя симпатичная квартирка. Тебе удобно? Хочешь еще? Тебе понравилось? Хочешь завтра повторить?

— Угу.

— Скажи, если отправляться в недра Миранды, нужно сделать что-то еще, кроме фотографий, как тебе кажется? В свое время я замолвил кое-кому словечко, так что, возможно, я смогу предложить свои услуги и составить отчет об экспедиции. Как ты думаешь?

— Угу.

Наш договор не выражен словами, и, следовательно, условия ставит она. Выхода нет. Но мы дополняем друг друга. Я стал ее агентом. Я уговорил ее отца финансировать Нихила, уговорил Нихила принять помощь от одного из своих старых врагов. Рэнди организовывала людей и вещи, которые начали стекаться к нам в процессе подготовки к экспедиции.

Рэнди невнятно выражается, но она неглупа. Она обращается со своими хитрыми штуковинами очень деловито. К словам она прибегает для составления списков: «Батареи, рециклизаторы углекислого газа, кирки, робот, тросы, запасные костюмы, сети, вакуумные палатки, медикаменты, мешки для мусора и т. д.».

Все это она получала из грантов, в качестве пожертвований, от друзей по прошлым экспедициям, благодаря своему отцу и удаче. Она немало потрудилась, чтобы упорядочить все это. Иногда я чувствовал, что нахожусь среди этого «и т. д.», где-то между «т.» и «д.», и считал, что мне повезло. Если бы она включила в свой список «Черный ход», нам наверняка удалось бы найти и его.

Сейчас, когда я пишу, она лежит рядом со мной в нашей палатке, измученная тревогой. Я тоже устал.

Мы потратили день, сидя на подобных сосискам поддонах, на которых мы везли оборудование, беседуя и убеждая себя двигаться дальше.

Нихил объяснил, в чем состоит проблема: тезка Рэнди сотрясается, подпрыгивая вверх-вниз на своей несовершенной орбите, которая настолько же непохожа на другие орбиты, как и сама планета — на другие планеты. Напряжения накапливаются внутри планеты веками, они нарастают и в конце концов ломают все вокруг. Мы обнаружили, говорил он, что Миранда продолжает сжиматься из-за постепенного обрушения пещер, происходящего во время этих «землетрясений». Кроме того, из-за низкой гравитации серия землетрясений и следующих за ними слабых толчков может затянуться на годы. Опасность эта будет существовать еще долгое время после того, как мы спасемся отсюда или погибнем.

Нам необходимо было убедиться, что главный вход закрыт. Да, он был закрыт — захлопнут: широкая галерея, по которой мы прошли, прежде чем добраться до этой пещеры, теперь превратилась в шов, в щель. Лишь шрам и различие в цвете камня указывали на то место, где соединились два прежде отдельных слоя клатратов[27].

Сэм втиснул все четыре руки в стену, закрепил их пальцами-

крючьями, прижался своим брюхом, набитым замысловатыми потрохами, к новому шву и гудел до тех пор, пока не выдал изображение заваленного прохода.

— Завал тянется вглубь по меньшей мере на километр, — объявил он.

Оптико-волоконный кабель, который мы тянули последние три дня, тоже больше не связывал нас с поверхностью. Сэм выдернул бесполезный провод из своего узла связи и присоединил его к лазерному радару.

— Разрыв находится примерно в пятнадцати километрах отсюда, — сообщил он.

— Как ты узнал? — удивился я.

— Частичное зеркало, — объяснила Рэнди вместо Сэма. — Внутреннее отражение.

«Пятнадцать километров», — задумался я. Не то чтобы мы могли прокопать ход длиной хотя бы в километр, но мы притворялись, что сумеем что-то предпринять. Теперь притворству пришел конец, и мы столкнулись с реальностью.

Я не боялся внезапной смерти, а в космических экспедициях редкие смерти обычно происходят внезапно. К нашему предприятию я относился так: если я добьюсь успеха, то награда будет велика, а если погибну, все уже будет не важно. Я должен был получше обдумать возможность мучительной медленной смерти в каменной могиле.

Затем мы надолго замолчали. Что касается меня, то я перебирал способы безболезненно лишить себя жизни прежде, чем природа сделает это за меня, не заботясь о том, как сильно я страдаю.

Затем тишину нарушил голос Нихила:

— Друзья, мы понимаем, что нам грозит. Если это может послужить каким-то утешением, то мы наблюдали самые сильные колебания с тех нор, как на этой луне были установлены измерительные приборы. По силе они превосходят предыдущие в десять раз. Эта подгонка, — он махнул рукой в сторону щелей в стенках пещеры, — должна была закончиться сотню миллионов лет назад. Боюсь, нам крупно не повезло.

— А может быть, проход снова откроется? — спросила его жена; лицо ее, скрытое прозрачным щитком шлема, было искажено от волнения.

Нихил не заметил иронии в ее тоне и ответил на вопрос, в свою очередь, насмешливо:

— Может быть. Еще через сто миллионов лет. — И он улыбнулся.

Рэнди негромко заговорила:

— Двадцать дней. Катализатор для переработки углекислого газа закончится через двадцать дней. Еды у нас на две недели, если брать обычные порции, то мы сможем растянуть ее на четыре недели, даже больше. У каждого из нас есть запас воды примерно на месяц, в зависимости от того, сколько мы будем пить. Мы всегда сможем раздобыть еще, откалывая лед и пропуская его через аппараты для переработки отходов. Но без катализатора мы не сможем регенерировать воздух.

— И мы не можем перестать дышать, — добавила Кэти.

— Кэти, — вмешался я, — думаю, для поэтов такой ход мысли обычен, так что я задам этот вопрос. Есть ли какой-то способ, так сказать, закончить все это изящно, когда придет наш час? И когда именно он придет?

— Несколько найдется, — пожала она плечами. — Сначала я могу вырубить вас с помощью наркотика. Потом убить.

— Каким образом? — уточнил я.

— Разве это имеет значение?

— Для поэта — да.

Она кивнула и улыбнулась.

— Тогда, Войчич, я воткну вам в сердце крюк, чтобы вы не восстали из мертвых и не обесценили таким образом свои заметки, которые к тому времени будут продаваться за миллионы. — Кэти улыбалась редко, но показывала при этом зубы.

— Дорогая, — начал Нихил, и передатчики в наших шлемах честно воспроизвели его снисходительный тон, — для врача, сидящего у постели больного, твои манеры несколько необычны.

— Дорогой, — пробормотала Кэти, — что ты можешь знать о вещах, имеющих отношение к постели?

Выстрел и ответный выстрел. Возможно, подобные перепалки скрепляли их брак, подобно тому как глюон[28] скрепляет мезон, пока тот не аннигилирует.

Сэм вернулся от «главного входа».

— Мы не можем выбраться этим путем, а спасателям при помощи современного бурового оборудования за двадцать дней до нас не добраться. Предлагаю отправиться ку-да-нибудь еще.

У робота есть преимущество: в подобных ситуациях он сохраняет способность логически мыслить.

— Вот именно. Если мы будем ждать здесь, — сказал Нихил, — Миранда может и отнять у нас возможность медленной смерти, с посторонней помощью или без. Думаю, последуют новые толчки.

— Толчки, обвалы, смерть от удушья, — перечислила Рэнди, — или еще что-нибудь.

Нихил пожал плечами и указал в противоположную сторону пещеры:

— Идем?

— Я последую за тобой хоть в ад, дорогой, — отозвалась Кэти.

Мы с Рэнди обменялись взглядами, означавшими: «Спасибо звездам, что у меня есть ты».

— Карты, какие есть, — начала Рэнди. — Рацион, вахты, руководство и так далее. Решайте сейчас, пока мы в состоянии думать. — И она посмотрела прямо в глаза Нихилу: — Пока нам еще не все равно.

— Очень хорошо, — пожал плечами Нихил. — Сэм немного медлителен при столкновении с неизвестным, Кэти и Войчич мало разбираются в этом деле, так что, может быть, мы с Рэнди поведем отряд по очереди? Я предлагаю не урезывать свои порции за ужином, но в остальное время обходиться минимальным количеством пищи…

— Мой дорогой дурачок, нам нужен белок, чтобы вырабатывать энергию для работы, — перебила его Кэти. — Нам необходимо хорошо завтракать, даже за счет обеда.

— Может быть, найдем компромисс за ланчем, — предложил я.

— Это зависит от пройденного пути, нашего состояния и длительности напряжения.

— С другой стороны, — поправился я, — умеренность во всем…

Когда мы наконец отправились в путь, близилась «ночь» — время сна, и Рэнди все превосходно устроила. Мы шли гуськом за вожаками, которые время от времени менялись. Я тащил один поддон, Кэти — второй, а Сэм замыкал колонну.

Между нашей пещерой и следующей существовал короткий коридор, более узкий, чем все остальные.

— Мне кажется, я вижу признаки эрозии! — воскликнул Нихил, шедший впереди, и в голосе его прозвучало удивление.

— Ветер? — изумился я. — Откуда на Миранде ветер?

— Во время катаклизмов, преобразовавших планету, высвободилось огромное количество газов, причем за короткое время. Газ должен куда-то деваться. Проходя здесь, обратите внимание на полосы.

Да, подойдя ближе, я заметил полосы — словно кто-то обработал стены коридора пескоструйкой. Миранда дышала — когда-то.

— Я думаю, — продолжал Нихил, — что существует

равновесие между газом, находящимся в пещерах Миранды, и кольцом газа, окружающим всю систему. Гравитации Миранды вряд ли достаточно, чтобы сжать его в нужной степени. Но совокупность пещер действует как охлаждаемая ловушка и грубый диффузионный барьер… хм… возможно.

— И сколько в этих пещерах газа? — поинтересовался я.

Он покачал головой:

— Находясь здесь, трудно сказать, верно?

Мы шли еще полчаса после того, как наступило время запланированной остановки, пока не обнаружили монолитный участок, на котором можно было не опасаться толчков. Коридор был как раз достаточной ширины, чтобы вместить уложенные вплотную надувные палатки. Мы поужинали в нашей с Рэнди палатке. Ужин был скудным, было тесно, сильно пахло едой. Мы ели молча. Даже Нихил выглядел подавленным. Когда мы надели шлемы и выпустили воздух, чтобы Рэй с женой могли вернуться к себе, я решил, что больше мы вместе есть не будем. Хождения туда-сюда по вакуумным палаткам отнимают слишком много времени и энергии.

Мы снова накачали воздух, и я погрузился в нехитрое наслаждение — наблюдал, как Рэнди снимает одежду и обтирается мокрой губкой в дальнем углу палатки. Она махнула мне, чтобы я отвернулся, пока она пользуется удобствами, и я раскрыл свою электронную записную книжку, надел очки и сосредоточился на дневнике, стараясь как можно вернее преобразовать мелькающие передо мной образы в слова.

Она прикоснулась к моей руке, давая понять, что пришла моя очередь, быстро поцеловала меня и, спрятавшись между эластичными простынями, мгновенно уснула. Теперь моя очередь.

Четвертый день мы провели, пробираясь сквозь череду просторных, почти горизонтальных пещер. Оказывается, Миранда все еще дышит. Разумеется, это едва уловимое дыхание, его можно зафиксировать лишь с помощью чувствительных инструментов Сэма. Но здесь, видимо, существует какая-то разность давлений; газы продолжают просачиваться через эти пещеры на поверхность. Сэм может найти следующий проход, измеряя молекулярный поток.

Мы продвигались вперед, помогая себе руками, словно дайверы с тяжелым снаряжением в подводной пещере; да, вполне подходящее сравнение. Мы тащились так медленно, что отсутствие силы тяжести было незаметно.

Пока мы ползли, я забыл о нашем несчастье и с удивлением разглядывал ледяные стены, похожие на мрамор. Рэнди ползла

впереди меня, и я представлял себе, что на ней нет пыльного комбинезона, мысленно видел ее тугое, гибкое тело в облегающем нижнем костюме. Я представлял себе, как сокращаются и расслабляются мускулы ее рук — рук гимнастки, видел перед собой твердые очертания ее шеи и локтей. Она сама поэтесса, думал я, хотя с трудом подбирает выражения, но она словно пишет поэму языком своего тела и его движений.

Сэм напомнил нам, что наступило время очередного прощупывания пути и смены ведущего. На следующем километре проход сузился, и нам пришлось протискиваться сквозь щели, едва пропускавшие наши скелеты.

От подобных упражнений все мое тело покрылось синяками, но я не боялся, что костюм порвется: ткань была скользкой и практически неуязвимой. В первый день Рэнди напугала меня до смерти — взяла покрытый льдом, острый, как нож, обломок камня и попыталась сделать себе харакири, воткнув его в живот с такой силой, что камень сломался. Глядя на мою реакцию, она рассмеялась и сказала, что меня нужно было убедить в надежности снаряжения.

Синяк у нее до сих пор не прошел — виден темный след среди более светлых, старых пятен на ее много испытавшем теле. Я целую его, когда мы занимаемся любовью, а она отвечает: «Ну что? Я же тебе говорила». В тринадцать лет Рэнди взбиралась на гору Гилберта у полюса Меркурия со своим отцом и братом, таща полный комплект вакуумного снаряжения. От напряжения у нее сломалась локтевая кость, но она никому не сказала, пока не добралась до вершины.

Щель расширилась и, к нашему облегчению, вывела нас в другую пещеру, которая перешла в очередной узкий коридор. Рэнди шла впереди, за ней — Нихил, затем я, Кэти и Сэм.

Сэм напоминает мне краба, нарисованного кубистом, или небольшую газонокосилку без рукоятки, на тараканьих ножках вместо колес. Он умеет ясно выражать свои мысли и весьма остроумен, снабжен полным набором искусственных эмоций и заранее записанных юмористических диалогов. Сэм служит нашим экспертом по известным вещам. Но он с большим трудом разбирается в том, чего раньше не видел, и не может вообразить того, что не хранится в его памяти, так что обычно он идет в хвосте колонны.

К концу дня мы преодолели двадцать восемь километров и приблизились к центру маленькой планеты еще на восемнадцать километров. По-видимому, дорога наша вела именно туда, хотя, по мнению Нихила, мы шли по хорде, проходящей примерно в пятидесяти километрах от центра, где миллиард лет назад

соединились две основные глыбы.

Я говорил себе, что это бесполезная затея, не имеющая шансов на успех. Но насколько все-таки лучше, насколько человечнее бороться с судьбой, вместо того чтобы просто ждать смерти.

Этим вечером мы ели парами, в своих палатках.

II

На пятый день мы застряли.

В то утро Рэнди разбудила меня, ощупывая мое тело, устраиваясь поудобнее рядом со мной среди эластичных простыней, которые крепко прижимали нас друг к другу. Каким-то образом эротический сон, который мне снился, перешел в реальность, и я лишь на миг удивился ее приходу.

— У тебя появились новые синяки, — сказал я, посмотрев на нее.

Ее глаза оставались закрытыми.

— Доброе утро, — пробормотала она и снова обняла меня.

Время замедлило ход, когда я проник в ее неумолимое, жадное естество.

Но время, разумеется, нельзя остановить. В наушниках наших шлемов запищал утренний звонок Сэма, к счастью, он не успел помешать части моего тела стать частью Рэнди. Сэм напомнил мне, что если мы хотим выбраться из пещер Миранды, то придется наверстать упущенное время.

Рэнди покинула постель, вращаясь, проплыла по воздуху и медленно опустилась на свою койку, стоявшую напротив моей. Во всем блеске своей наготы, она сладко потягивалась, словно кошка, глядя прямо в мои зачарованные глаза.

— Женщины воплощают в себе инстинкт; они безобидны, здоровы и приносят удовольствие.

Безобидны? Я ухмыльнулся и напомнил ей:

— Однако нам пора ползать по пещерам.

— Вас поняла, — рассмеялась Рэнди, выхватила свой костюм из кучи одежды в конце палатки и принялась натягивать его. Штаны надевались, словно пара колготок, с той разницей, что были скользкими изнутри и легко принимали форму тела. Ее тела. Я последовал ее примеру, и мы быстро выпустили воздух из палатки и упаковали ее.

Сэму потребовался час, чтобы найти вход в пещеру. Это оказалась всего лишь щель, в которую мы едва могли

протиснуться. Час мы потратили на то, чтобы убедить себя, что других вариантов нет, затем, извиваясь, вползли в щель, словно муравьи, толкая перед собой снаряжение и верхние костюмы, прижимаясь к стенкам изо всех сил.

Думаю, мы не делали и ста метров в час. При такой скорости положение наше представлялось безнадежным, но Сэм уверял, что впереди еще будут пещеры.

Возможно, лучше было бы, если бы нас вел Нихил. Он крупнее Рэнди и менее склонен пренебрегать неудобствами, он полз бы медленнее и откалывал бы больше камня от стенок, и, как мы убедились, в этом случае дело продвигалось бы быстрее.

Когда я медленно протискивался вперед, поглощенный разгадыванием загадки Рэнди, Миранда застонала — по крайней мере, стон раздался в наушниках моего шлема, прижатого к узкому потолку щели, в которую превратился наш коридор. Я почувствовал что-то. Неужели мне на ребра давит сильнее? Я справился с паникой, сосредоточившись на окружающих меня людях и их фонарях, освещающих промежутки между стенками расщелины и нашими телами.

— Я не могу пошевелиться. — Это голос Кэти. — И мне холодно.

Наши костюмы были лучшими из серии «Исследовательских» — двадцать слоев тончайшей ткани, склеенной эластичным полимерным составом. Хотя они были тонкими, они хорошо сохраняли тепло, а окружающее нас безвоздушное пространство Миранды изолировало еще лучше.

Обычно потери тепла ограничиваются участками ладоней или ботинок, прикасающимися к поверхности льда, и главная проблема состоит в том, чтобы избавиться от тепла. Поэтому наши костюмы преимущественно бывают темно-серого или угольно-черного цвета. Но если почти квадратный метр вашего тела прижат к ледяной поверхности, даже лучший материал толщиной в миллион атомов, который может приобрести Астрографическое общество, не предотвратит охлаждения.

Старое выражение «холоднее, чем ведьмина грудь», возможно, даст вам представление о положении Кэти.

— Я мало что могу сделать, — ответил я. — Я сам почти застрял. Попробуй еще протиснуться.

— Сэм, — выдавила Кэти, по ее голосу ясно было, что в ней происходит борьба между паникой и самообладанием, — стань между стенками, как клин. Удержи их, чтобы они не сближались.

— Это не поможет, Кэти, — ответил он. — Меня раздавит, и я буду уничтожен совершенно напрасно.

— Вспомни о своих законах! — взвизгнула Кэти. — Ты обязан

мне подчиняться. А теперь действуй, пока мне не сломало ребра! Нихил, заставь этого робота повиноваться мне!

— Кэти, дорогая, — произнес Нихил, — я тебе сочувствую, но не могла бы ты немного помолчать. Давай подумаем, что молено сделать.

— Я через несколько минут превращусь в сосульку, а ты хочешь подумать! Пропади все пропадом, Нихил, мне больно. Пожертвуй роботом и спаси меня. Я ваш врач.

— Кэти, — сказал Сэм, — мы постараемся вытащить тебя, но ведь с момента землетрясения мы прошли всего сто километров, а нам, возможно, придется одолеть еще тысячу. Если мы будем каждые сто километров встречаться с подобными трудностями, нас может ожидать еще десять таких случаев. А у вас есть только один робот, которым можно «пожертвовать», как ты выразилась. Если сейчас вы лишитесь меня, то рискуете в дальнейшем остаться без помощи. Сейчас толчков нет, так что размышление не ведет к непосредственному риску.

Провались ты со своей логикой! Мне холодно. Вытащите меня отсюда!

После этой вспышки наступила смущенная тишина, и, казалось, на целую минуту все задержали дыхание. Затем Кэти начала коротко, испуганно всхлипывать, и, по крайней мере, мы поняли, что она еще жива.

Тишину нарушила Рэнди:

— Остальные могут двигаться вперед?

— Да, — ответил Нихил, — немного.

— Я тоже, — добавил я.

— Сэм, — приказала Рэнди, — телемодуль. Трос.

— Это у меня есть.

— Ага. Пусть твой телемодуль принесет мне сюда конец троса, обойдя Кэти. Когда конец будет у меня, поставь на трос зажим сразу за ногами Кэти.

— Хорошо, Рэнди, — ответил Сэм. — Но зачем? — Ему тоже нужно было больше информации.

— Чтобы Кэти могла ногами… ухватиться… э… упереться в него. — По голосу Рэнди чувствовалось, что ей трудно подбирать слова, но она не паниковала. — Можешь себе это представить? Создать образ? Видишь, что получится?

— Могу представить, как Кэти стоит на зажиме троса, затем вращается вокруг своей оси, стенки окружают ее… Ясно! — воскликнул Сэм. — Телемодуль движется к тебе.

— Прошу вас, поторопитесь! — всхлипывала Кэти, теперь уже немного спокойнее.

Я чувствовал, как крошечное, похожее на краба устройство бежит между моим телом и камнем. Мимо меня двигался канат, сплетенный из фулереновых нитей толщиной в миллиметр, который мог бы выдержать динозавра при земной гравитации, — словно цепочка муравьев ползла у меня по коже. Я передернулся — цифры на щитке моего шлема, указывавшие температуру, предупреждающе загорелись красным. Ножки модуля, проползавшего мимо, застучали по шлему. Я ждал, и мне казалось, что прошли часы.

— Беритесь за трос, — скомандовала Рэнди, и мы повиновались. — Упираешься ногами, Кэти?

— Не могу… не могу найти зажим.

— Хорошо. Я натяну немного, трос ослаб… Теперь нашла, Кэти?

— Вот он. О боже, надеюсь, это сработает.

— Отлично, — ответила Рэнди. — Все сразу. Хватайте. Тащите.

Я уперся в пол шипованными ботинками и потянул изо всех сил. Никакого результата.

— Черт! — пробормотала Рэнди.

— Воспользуйтесь роботом, я замерзаю, — плакала Кэти.

Дорогая, — буркнул Нихил, — она и пользуется роботом. Она же сама не робот.

Я сам начал мерзнуть. Пальцы шевелились, но я не мог согнуть колени, так что дело было в икрах. «Если бы я только мог пошевелить ими, — думал я, — если бы только я мог встать». Разумеется, все дело в этом.

— Рэнди, — окликнул я. — А что если Кэти схватится за канат руками, встанет на Сэма и упрется ногами? Может быть, это поможет?

Она ответила немедленно:

— Угу. Сэм, ты можешь, гм, подвинуться под ноги Кэти и… э… укрепиться?

— Ты имеешь в виду стать под ней или сзади, чтобы она могла отталкиваться от меня ногами?

— Сзади, Сэм. Э-э… — Рэнди снова не могла найти слов, — э… ну смоделируй, как она вращается, чтобы ноги оказались внизу, и ты поймешь, что я имею в виду, ну… э… представь себе.

— Да… я могу это представить. Да, я это сделаю, но Кэти не может согнуть колени.

— Поняла, Сэм. Ей и не нужно сильно сгибать. Ну что, Кэти, ты поняла?

— Д-да, Рэнди. — Несколько секунд царапания, затем: — Все, я поставила ноги на Сэма.

— Тогда попробуем. Тяните на счет три. Раз, два, три.

На этот раз мы все немного продвинулись вперед, но не сильно. И все же это было уже что-то по сравнению с тем, сколько мы прошли за последние полчаса.

— Давайте еще.

Я почувствовал, что Рэнди подбирает провисший канат.

— Раз, два, три.

И мы вылетели, словно пробка из бутылки.

В течение следующего часа мы проползли на животе что-то около ста десяти метров. Затем Рэнди отколола последний кусок, загораживавший нам дорогу, и ахнула.

Я измучен и ужасно устал, и я не в силах описать словами чувства, которые нахлынули на меня, когда я выполз из узкой трещины, словно из горизонтального дымохода, на наклонный, усыпанный гравием край первой большой пещеры. Я невольно застонал: переход от клаустрофобии к открытому пространству был слишком резким. Внезапно перед нами возникла эта невообразимая пустая полость, стены тонули в адской тьме, которая поглощала свет наших фонарей, не давая ни единого отблеска.

По моему дисплею побежали красные цифры, сообщавшие, как далеко мне падать — около шестисот метров, как долго я буду падать — чуть больше двух минут; и с какой скоростью я буду падать — почти десять метров в секунду. Скорость эта была смертельной в отсутствие сопротивления ноздуха: представьте себе олимпийского чемпиона в беге на стометровую дистанцию, который на полном ходу врезается в кирпичную стену. Я отшатнулся от края слишком поспешно и потерял равновесие в ничтожной гравитации Миранды.

Медленно осознавая свое отчаянное положение, я подпрыгнул; я не мог достать ботинками до поверхности, не мог дотянуться до нее руками. «Спокойно, — сказал я себе, — сможешь оттолкнуться и полетишь в сторону стенки пещеры, когда приблизишься к обрыву в следующий раз». Я подождал, пока не начал медленно опускаться вниз, и попытался дотянуться до обрыва рукой, но меня увлекало не только вниз, но и прочь от него. Взглянув на обрыв, я понял, что не смогу дотянуться до него. Я ничего не мог предпринять, чтобы спасти себя, — мой реактивный пистолет остался в багаже. В мозгу пронеслась картина — Хитрый Койот[29] машет лапами в воздухе, пытаясь зацепиться за уступ, и я невольно попытался поплыть в вакууме. Это несправедливо; по крайней мере, у койота был воздух.

Я парил над уступом, и цифры на дисплее снова стали

красными. Я впал в отчаяние, мне было не до стеснения, и я, открыв рот, издал какое-то гортанное мычание. Я снова втянул воздух, но, прежде чем я успел что-то прокаркать, Кэти схватила меня за руку и прицепила к моему поясу канат. Она слегка пожала мне руку, когда я, надежно удерживаемый крюком, прижался спиной к скале и постарался отползти от края как можно дальше. Меня трясло. Слишком, это уже слишком.

Я совершенно изменил свое мнение о Кэти. Надо судить о человеке по тому, сколько он прошел, а не по тому, как он это сделал. Сэм сообщил, что пещера тянется на двадцать семь километров и круто уходит вниз. Наш уступ находился на вершине шестисотметрового обрыва. Мы предусмотрительно разбили лагерь на уступе, с легким сердцем укрылись в палатках, закрепленных крючьями, и молча поглотили двойные порции пищи, ни на минуту не забывая об огромной подземной пещере, которая простиралась на многие километры за тонкими стенками нашего искусственного укрытия.

Как хочется уснуть поскорее.

День шестой. Тьма беспамятства поглотила мои мысли подобно тому, как тьма пещеры поглощала свет наших фонарей, и, очнувшись, я не вспомнил ни одного сновидения. Прошла минута — горячая, всклокоченная, полубессознательная, — а затем наступило холодное осознание безвыходности положения, и я содрогнулся. На то, чтобы пройти последние десять километров, понадобился целый день, включая пять часов тяжелого забытья под эластичными простынями. Сегодня придется поторопиться.

Этим утром Рэнди умудрилась выглядеть испуганной и решительной одновременно. Сегодня никакого любования друг другом — мы быстро оделись, упаковали груз и спустя считаные минуты после пробуждения уже сдували палатку. Позавтракали горстью сухарей — прямо в шлемах.

Я уложил палатку на грузовой поддон и, обернувшись, увидел, что Рэнди молча стоит у обрыва. В одной руке она держала катушку фулеренового каната, в другой — его конец, туго натянула его и кивнула. Я вспомнил, что у нас имеется пятьдесят километров этого троса.

— Рэнди, неужели ты думаешь…

Она обернулась и улыбнулась мне улыбкой паука, увидевшего муху. Да она такой и была.

— Абсурд! — только и ответил Нихил, когда Рэнди объяснила, что она придумала. Кэти, покорная и смущенная после вчерашнего потрясения, только некстати захихикала —

коротко, испуганно.

И мы начали готовиться к самому длинному в истории спуску с тросом, надеясь преодолеть всю пещеру за один бросок. Нихил просверлил дыру в участке стены, казавшейся относительно монолитной, и прикрепил к ней катушку. Сэм, снабженный собственным двигателем, должен был дожидаться здесь, пока мы благополучно не достигнем цели, затем присоединиться к нам.

Рэнди натянула небольшой кусок троса между двумя крючьями и показала нам, как пользоваться им, чтобы не отлететь от стены в отсутствие тяготения. Мы легко приняли позы сидящих мух, согнув ноги, словно пружины.

— Реактивные пистолеты? — спросила Рэнди.

— Есть, — ответил Нихил.

— Ноги держатся?

Три «да».

— Трос держится?

— Да, — ответил Сэм.

Рэнди откашлялась.

— Тогда на счет три. Раз, два, *три.*

Мы прыгнули вперед и вниз, в направлении центра Миранды. Прошла секунда иррационального страха, и мы собрались с духом и принялись размышлять о чудесах теории относительности, сидя в свободном полете, а «потолок» пещеры летел мимо нас. Это было странное ощущение: закрыв глаза, я мог представить себе, что парю рядом с космической станцией. Но я открывал глаза, и в свете моего фонаря в нескольких десятках метров от меня проносилась зазубренная стенка пещеры. Я заметил, что она приблизилась.

Благоразумно подобрав провисший канат, Нихил, который разбирался в скалолазании, с помощью реактивного пистолета увеличил нашу скорость и направил нас слегка в сторону от потолка. Лес ледяных зубьев, искривленных, словно слоновьи бивни, тысячелетиями изменений гравитации, проносился мимо слишком близко, чтобы я мог чувствовать себя комфортно, а ничтожная сила тяжести и мягкие толчки реактивного пистолета направляли нас вниз, в центр пещеры.

Мы плыли. Ощущение веса пришло внезапно: ноги дергались где-то вверху, кровь прилила к голове, а слабина исчезла, и канат начал натягиваться. Рэнди, которая вращалась вверх ногами, по-прежнему держала радар направленным «вниз». Наверное, мы секунд двадцать провели в таком положении, и ноги наши тащило вверх все сильнее с каждым пройденным метром. А затем, на удивление неожиданно, стена пещеры, летевшая мимо нас, остановилась. Рэнди произнесла: «Все!» — и отпустила канат, и

мы остались парить в пространстве всего в километре над полом пещеры.

Я включил фонарь поярче, чтобы рассмотреть степу пещеры, мелькавшую рядом с нами. Мы словно оказались внутри аметистовой жеоды[30]: повсюду нагромождения остроконечных кристаллов лилового оттенка.

— Великолепно, — произнесла Кэти с фальшивым воодушевлением в голосе.

«Пытается наладить контакт с нами, хочет вернуться к нормальному общению после вчерашнего», — подумал я.

— Я бы сказал, сейчас самое время глядеть себе под ноги, — напомнил Нихил ей и всем нам. — Мы же не хотим снова все испортить, а?

Кэти не возразила, и я взглянул в ее сторону. Она повернулась к лесу кристаллов и, казалось, застыла. Выстрелив из реактивного пистолета, я оказался рядом с ней и, прикоснувшись к ее руке, привлек ее внимание. Она кивнула. Кристаллы были огромными, и я тоже удивился этому.

Я проверил дисплей своего шлема — инерционные датчики сообщали, что я нахожусь на глубине пятидесяти километров под поверхностью планеты, а ускорение свободного падения из-за слабой гравитации Миранды составляет менее семи сантиметров за секунду в квадрате. Если бы мы всего через три минуты долетели до покрытой зубьями поверхности в километре от нас, мы врезались бы в нее со скоростью одиннадцать метров в секунду. Я представил себе олимпийского чемпиона в беге на стометровую дистанцию, который на полном ходу врезается в кирпичную стену.

— Рэнди, мне кажется, мы слишком высоко. — Я пытался говорить ровным голосом. Обычно эта роль отводилась Сэму, но сейчас он был далеко.

И, словно в ответ, она выстрелила крюком с канатом в стену, которая понеслась мимо с волнующей скоростью.

— Развернитесь к стене ногами вперед, замрите, затем падайте снова, — велела она.

— Ногами к стене! — повторил Нихил, и канат начал натягиваться, давая обманчивое ощущение падения. В определенный момент качнуло к стене, а затем натяжение ослабло, и мы устремились по наклонной траектории прямо к лесу кристаллов. Пистолеты с крючьями занимают мало места, но им не сравниться с молотком.

— Никаких проблем, — сказал Нихил. — Мы делаем пару метров в секунду. Попробую еще раз.

Он выстрелил, а Рэнди ослабила свой трос.

В конце концов мы оказались у стены. Кэти выглядела напряженной и испуганной, но подогнула ноги, как нужно, и закрыла лицо руками, когда навстречу нам устремились гигантские кристаллы.

От наших прикосновений они рассыпались в пыль и даже не хрустнули, когда наши ботинки, сломав их, ткнулись в стену.

— Какого… — вырвалось у меня — я ожидал чего-то более жесткого.

— Осаждение, а не выступы? — предположила Рэнди, и вопросительная интонация явно предназначалась для Нихила.

— Именно. Иней, образовавшийся при низкой гравитации. А на вид не скажешь, правда?

— Ты, ты знал, да? — обвиняющим тоном воскликнула Кэти, голос ее прерывался.

— Подозревал, — ответил Нихил, и в голосе его не слышно было и следа эмоций, — но я чувствовал такое напряжение, как и вы все. На самом деле я был не совсем уверен, а?

— Всем привет, увидимся внизу, — окликнул нас Сэм, разрядив обстановку.

Трое из нас подняли головы, и в свете фонарей показался робот, падающий нам навстречу.

Стена, на которую мы приземлились, едва заметно изгибалась в направлении нижнего края пещеры, так что мы преодолели оставшееся расстояние стометровыми прыжками, при каждом гигантском шаге круша кристаллы, и получали какое-то вандалистское удовольствие от необходимости разрушения такой красоты. Догнав Сэма, мы смеялись.

— Здесь, — указал он одной из своих конечностей на сплошную стену, — находится еще одна большая пещера, она идет почти туда же, куда нам нужно. Кажется, что она уходит вниз наклонно, а не вертикально.

На дисплеях наших шлемов возникла модель, созданная с помощью его сейсмологических датчиков: множество помех, вдали вообще ничего не видно, но ход явно вел вниз.

Миновав пару ложных коридоров, мы обнаружили достаточно широкую щель, ведущую в новую галерею. Кэти, залезая в нее, содрогнулась.

Длина этой пещеры составляла всего три километра — мы видели противоположную стену. Мы выстрелили в ту сторону крюком и вскрикнули от радости, когда он вонзился в камень; теперь с помощью каната мы сможем преодолеть это расстояние за десять минут.

Кэти, приземляясь, сдвинула большой валун, и, покатившись на ледяные кристаллы, он породил звук — звон бьющихся

льдинок.

— Эй, — воскликнул я, когда смысл происшедшего дошел до меня, — я слышал это!

— Здесь есть атмосфера, в основном метан и азот. Давление около десяти миллибар, температура — почти сто градусов по Кельвину[31], — ответил Сэм на мой безмолвный вопрос. Первоклассный робот этот Сэм.

И в эту минуту мне пришла в голову мысль: если мы все погибнем, Сэм может выбраться отсюда. Почти наверняка выберется. Так что кто-нибудь все-таки прочтет этот дневник.

Следующая пещера тоже вела вниз, как и та, что следовала за ней. Мы шли еще долго после того, как наступило время отдыха, почти засыпая на ходу. Теперь звук наших молотков порождал эхо, зловещее высокое эхо, разносящееся по пещерам, словно звон стального шарика, падающего на металлическую пластину.

Мы разбили лагерь всего в ста семидесяти километрах от центра Миранды, в восьмидесяти километрах от ее поверхности. Нихил сказал, что если расселина по-прежнему идет в этом направлении, по хорде, минуя центр, то мы уже преодолели более трети пути — значительно больше, чем рассчитывали. Когда я забивал в скалу крюк для веревки, чтобы закрепить палатку, Рэнди подошла ко мне и ухватила за локоть.

— Психическое напряжение; Кэти и Нихил, это опасно.

— Да уж. Но этому вряд ли поможешь, верно?

— А может быть, и можно помочь. Переночевать сегодня с Кэти. Пусть они побудут отдельно друг от друга. Небольшая передышка.

Я взглянул на Рэнди: она была серьезна. Говорят, что приливы и отливы поблизости от черной дыры могут быть смертельно опасны.

— Мальчики в одной палатке, девочки в другой?

— Нет. Я не могу дать Кэти то, что ей нужно.

— А почему ты думаешь, что я могу?

— Позаботься о ней. Заставь ее почувствовать себя человеком.

Если честно, то Кэти вела себя ничуть не лучше, чем Нихил. Хотя я снисходил до ее состояния, думая, что понимаю ее переживания, все же я смотрел на нее скорее как на помеху, чем на человека, о котором нужно заботиться. Просьбу Рэнди будет нелегко выполнить. К тому же у этого необычного обмена имелась и другая сторона.

— А ты? С Нихилом?

— Когда я училась в Стэнфорде, то как-то пропустила неделю занятий. Отправилась в Неваду, в один бордель. Любопытно.

Хотела узнать, смогу ли я сделать это, если потребуется для выживания. Провела там четыре дня. Просто неплохой секс, ничего личного. — Она постучала по карману моего костюма, в котором хранилось устройство, записывающее все для моей будущей статьи, — Можешь воспользоваться этим, если мы выкарабкаемся. Секреты — лишняя головная боль. — Она пожала плечами. — Папа это сможет уладить.

— Рэнди…

Я понял, что, как это ни странно, от нее вполне можно ожидать подобного поступка. По-видимому, Рэнди все время восстает против комфорта, привычной жизни, действует на пределе возможностей, идет на риск, хочет доказать, что она может испытать все и все преодолеть. Но в отличие от какого-нибудь робкого технаря, который в свободное время сочиняет сексуальные триллеры, у Рэнди нет возможности облечь свои переживания в слова. Чтобы выразить себя, ей нужно испытать все самой.

— Рэнди, я могу понять, что Нихилу и Кэти нужно как-то помочь, но мне кажется — это слишком.

— Только один раз. Поверь мне. — Она улыбнулась и устроилась напротив меня. — Просто будь милым. Не волнуйся за себя. Пусть она задает тон. Может быть, нужно будет обнять ее, поцеловать, может быть, просто выслушать. Но как бы то ни было, подчинись. Всего одну ночь, ладно? Чтобы они не погубили друг друга. И нас.

Мне потребовалось около минуты, чтобы переварить эту идею. И еще одна мысль пришла мне в голову. Мы с Рэнди были свободны — даже не сожительствовали в обычном смысле слова, — но Нихил и Кэти…

— И какими словами ты собираешься предложить им это?

Рэнди испуганно покачала головой:

— Только не я!

Думаю, сегодня вечером мне не удастся закончить свои записи.

III

День седьмой. Прошлая ночь принесла разрядку. Нихил счел обмен занятной идеей, и на самом деле он явно испытал облегчение. Но Кэти… Когда нервное напряжение дошло до предела, она просто упала в мои объятия и разрыдалась, как ребенок. Я лежал рядом и слушал, а она говорила.

Она родилась на Марсе в семье богатого торговца и была интеллектуальной бунтовщицей, вступила в борьбу с авторитарным пасторальным движением, которое позднее дало начало Новой Реформации. В пятнадцать лет ее выгнали из школы за то, что она хвасталась, будто переспала с парнем. На самом деле это было не так, но «мне так были противны люди, которые говорили, что делать этого нельзя, что я всем стала рассказывать, что спала с ним».

Ее родители, оказавшись меж двух огней — с одной стороны, дочь, с другой — клиенты, разрешили проблему, отослав Кэти в космическую академию Международной Ассоциации Врачей на Венере L1. Там она познакомилась с Нихилом, который читал начальный курс палеонтологии. В двадцать два года она получила диплом врача и углубилась в исследовательскую работу в области археоиммунологии. Она снова встретилась с Нихилом на конференции по ископаемым следам болезней; он хотел уйти от полемики относительно внутреннего строения Миранды и при помощи антипротонного сканирования критиковал доказательства панспермии, обнаруженные в ядрах образцов с Тритона[32]. Его статус изгоя привлек ее. Они начали встречаться.

Когда он внезапно стал знаменитостью, она отбросила осторожность и приняла его предложение. Но она обнаружила, что Нихил тщательно скрывает свои эмоции, а на месте чувства юмора в душе его зияет холодная, искусственная пустота. Кэти рассказала, что первая их словесная дуэль произошла во время медового месяца из-за ее купального костюма, состоявшего из одних трусиков, и с тех пор они продолжали перепалки в духе Вирджинии Вульф.

— Проклятый сухарь, напыщенный ублюдок, это его конек, — бормотала она в ту ночь, обвивая меня руками. — А здесь чем-то воняет, тебе не кажется?

И она заснула со слезами на глазах. Она была соблазнительна, привлекательна, и совесть не мучила меня.

Наутро, когда мы проснулись, обшаривая друг друга взглядами, я подумал: «А вдруг она ждет чего-то?» Возможно, мне

следует во имя дружбы предложить себя? Но я решил не рисковать, боясь ошибиться, а она ничего не сказала — только улыбнулась. Так что, кроме этого быстрого взгляда, отношения наши остались исключительно дружескими.

Рэнди ничего не рассказывала о ночи с Нихилом; я и не ожидал от нее этого. Поговорив с Кэти, она горячо и надолго прижала меня к себе. Мы все были очень добры друг к другу, собираясь и начав свой путь по цепочке огромных пещер, двигаясь гигантскими шагами в условиях почти незаметной гравитации.

Этим утром Кэти раздала нам последние кальциевые таблетки. Через неделю или около того нам предстоит испытать обычные при низкой гравитации симптомы — ломкость костей и слабость. Мы не очень тревожились — если мы выживем, это можно будет вылечить.

К концу дня я не слишком устал, но мысли мои были поглощены загадкой чудесных кристаллов. Откуда они берутся? Или, скорее, откуда они взялись? Сэм и Нихил пришли к выводу, что имеющийся поток газов, удивительный по своей интенсивности, не проходит настолько близко, чтобы за несколько сотен миллионов лет, миновавших после разрушения Миранды, образовать эти кристаллические леса.

Теперь мы находились в ста пятидесяти километрах от поверхности, и Нихил сказал, что эти стены должны выдерживать давление более девяноста атмосфер, чтобы пещеры не обрушились. Неудивительно, что больших пещер встречается все меньше, а стены у них в основном силикатные, а не клатратные — каменные глыбы вместо грязного льда.

Прошлой ночью мне показалось, что я слышу, как они стонут тонкими голосами.

— Сейчас уже за полночь по универсальному времени, — объявила Кэти. Она, казалось, уже оправилась от своего приступа паники и была готова снова играть роль врача. Но в голосе ее слышался какой-то надлом. — Мне кажется, сейчас нам следует немного поспать.

Она сказала это, когда мы пропихивали наши вещи в очередную узкую щель между галереями расселины, которую Сэм нашел при помощи своего локатора, так что мы с Рэнди усмехнулись, подумав о невозможности выполнить ее пожелание прямо сейчас. Но в ее словах был смысл. Мы прошли половину пути сквозь Миранду за пять дней из двадцати — значительно быстрее, чем планировали.

Нихил, шедший впереди, воспринял ее слова как шутку и ответил:

— Да, дорогая, мне кажется, это очень хорошая мысль. Может

быть, в следующей галерее.

— От вас, людей, было бы гораздо больше толку, если бы вы не нуждались в отдыхе, — заметил Сэм юмористическим тоном, который делал честь создателям его медицинского программного обеспечения.

Однако мне показалось, что этот фальшивый шовинизм робота не понравился Кэти.

— У нас, — возразил я, — в сердце нет ни миллиграмма антиводорода, который поддерживал бы наше существование.

— То, что ты завидуешь моему превосходству, — само по себе прекрасная черта, потому что это говорит о…

— Ах, Шива! — выкрикнул Нихил, возглавлявший колонну.

— Что там? — спросили мы трое почти в один голос.

— Гигантская. Гигантская пещера. Я… вам лучше взглянуть на это самим.

Присоединившись к нему, мы обнаружили, что он находится на уступе, нависающем над очередной пещерой. Сначала она не показалась особенно большой: в свете наших фонарей мы могли разглядеть противоположную сторону — просто еще один хрустальный собор. А затем я взглянул вниз — и увидел звезды. К счастью, после приключения в Пещере Рэнди я научился контролировать свои телодвижения. Я быстро уцепился за ближайший канат.

— Попробуйте выключить фонари, — предложил Нихил, когда мы снова высунулись из-за обрыва.

Звезды исчезли, мы снова включили свет, и они вернулись. Человеческий глаз не приспособлен для того, чтобы различать такие маленькие промежутки времени, так что, возможно, все это было лишь плодом моего воображения. Но все же мне показалось, что «звезды» загорелись вновь сразу после того, как вспыхнули фонари.

— Девяносто километров, — сказал Сэм.

— Девяносто километров? — в бешенстве воскликнул Нихил — спокойствие изменило ему. — Как это возможно? Клатрат не выдержит такого давления.

Рэнди пристегнулась, покопалась в моем багаже и вытащила геологический молоток. Она качнулась над обрывом, на котором мы стояли, пользуясь небольшой силой тяжести, дающей ускорение свободного падения в три с половиной сантиметра в секунду, и в ушах у меня прозвучал резкий звон, возможно донесшийся через ботинки.

— Железо и никель? — спросил Нихил.

— Угу. Думаю, да, — ответила Рэнди. — Там сплошные разломы, отсюда и дальше вниз.

— Может быть, именно из-за этого Миранда впервые раскололась, — предположила Кэти.

— Это чистый домысел, — возразил Нихил. — Друзья, нам нужно идти.

— Я знаю. Возьмем образцы, проанализируем потом, — сказала Рэнди. — Пора идти.

— Через пещеру или вниз? — спросил я.

Вопрос был непростой. По плану мы должны были следовать вдоль главного разлома, который, вероятно, продолжался на другой стороне. Путь вниз представлял собой свободный проход длиной девяносто километров, ведущий к самому центру маленькой планеты. Я вспомнил романы Жюля Верна.

— Нам необходимо выбраться из этих недр меньше чем через две недели, — напомнил нам Нихил. — Мы всегда можем вернуться.

— Центральный газовый резервуар, трубы, это связано, — пробормотала Рэнди.

Поразмыслив минуту, я все понял. Если мы двинемся вниз по этой трубе, то покинем хорду и будем приближаться к центру. Расселина идет вдоль хорды; Сэм установил это при помощи своих измерений. Но поскольку через нее не происходит утечка газов, она вряд ли может вывести нас на поверхность. Нужно найти еще один черный ход.

— О, разумеется, — сказал Нихил. — Все дороги ведут в Рим — и, что также верно, все они ведут прочь от Рима. Утечка газов, ветер из ядра — вот что соединило все эти пещеры и пробило коридоры, в которые мы можем протиснуться. Она хочет сказать, что наш самый верный шанс — это найти другую трубу, а это можно сделать только у ядра, верно?

— Угу, — подтвердила Рэнди.

Никто не произнес ни слова, и могу поклясться, что в тишине я услышал звук падающих капель, а затем — какой-то глухой стук, возможно, это был мой пульс. В любом случае, мертвой тишины верхних пещер как не бывало. Я рискнул еще раз наклониться над обрывом. Что находится там, внизу?

— У нас есть проблема, — вступила в разговор Кэти. — Ядовитый газ. Давление азота составляет почти одну двадцатую бара, а это больше, чем было когда-то на Марсе. Достаточно, чтобы нести с собой опасное количество пахучих соединений — не просто метана, но такой штуки, как циан. Я не знаю, заметил ли еще кто-нибудь из вас, но эта дрянь начинает конденсироваться на нашем снаряжении, и от этого пахнет в палатках. У ядра положение может ухудшиться, и я не знаю подходящего способа избавиться от загрязнения.

— Э, ракеты, — нарушила молчание Рэнди. — Ракеты Сэма. Наши реактивные пистолеты. Попробуем сперва их.

Так мы и сделали. Мы рассчитали, на каком расстоянии от сопел следует стоять и как долго — достаточно долго для того, чтобы весь осадок испарился с наших костюмов и снаряжения, но не настолько долго, чтобы повредить их, — и как часто это следует делать. У Сэма хватило бы топлива на сто двадцать подобных процедур — больше, чем могло понадобиться за оставшееся нам время. Кэти вызвалась быть первой, встала под струю, затем скрылась в палатке и, выйдя, объявила, что пахнет от нее нормально.

Мы решили двигаться к ядру.

Так близко к центру Миранды ускорение свободного падения составляло всего пять сантиметров на секунду в квадрате — примерно в триста раз меньше, чем на Земле. Пять тысячных от земной гравитации. Отпустите какую-нибудь вещь прямо перед собой, отвернитесь и сосчитайте до тысячи одного, затем взгляните на вещь снова: она упадет, может быть, на два пальца. Вы забываете о ней, занимаетесь чем-то другим и оглядываетесь через десять минут. Вещь исчезла. Она пролетела десять километров и движется в три раза быстрее, чем может бежать человек, — со скоростью тридцать метров в секунду. Если она еще не наткнулась на что-нибудь. Низкая гравитация, повторяю вам снова и снова, может быть опасна.

Это в вакууме, но мы были теперь не в вакууме. Даже распределив между собой груз, мы весили меньше десяти ньютонов — почти как литр водки там, в Польше, с тоской подумал я, — и каждый из нас имел площадь поверхности, равную площади небольшого воздушного змея. Нам повезет, если мы сможем падать со скоростью три метра в секунду в начале пути, а у дна мы будем парить, словно снежинки.

Почему-то я вспомнил о бабочках.

— А мы не можем сделать себе крылья? — спросил я.

— И в самом деле, крылья! — Нихил был настроен скептически.

— Крылья! — возбужденно воскликнула Кэти.

— Простыни, скобы для палаток, клейкая лента, канаты. Все сойдет, — предложила Рэнди.

— Мы об этом очень, очень пожалеем, — предупредил Нихил.

Четыре часа спустя мы были готовы и выглядели как существа из кошмара Бэтмена.

Рэнди полетела первой. Она с кажущимся безразличием оттолкнулась от обрыва и начала постепенно дрейфовать вниз. Закусив губу, я не без дрожи прыгнул за ней. За мной со

стоическим видом последовал Нихил, следом — притихшая Кэти.

Через десять минут после прыжка я почувствовал, что позади меня образовалась зона пониженного давления и я почти могу планировать — или, по крайней мере, контролировать высоту. Поэкспериментировав, Рэнди обнаружила, что, взмахивая крыльями, словно бабочка, она может продвигаться вперед.

Через полчаса мы установили, что можем лететь со скоростью идущего человека, прилагая примерно столько же усилий. Вскоре мы и в самом деле планировали и научились при желании набирать высоту.

Проплыв в воздухе еще час, мы наткнулись на источник капающих звуков, которые я слышал вчера вечером. На стенках пещеры конденсировалась какая-то жидкость, образуя капли размером с шары для боулинга. Капли со временем отделялись от стены и, пролетев примерно километр, падали в лужу, образовавшуюся в трещине. Этот «водопад» на Миранде выглядел, как в замедленной съемке: здесь были капли и круги на воде, но все было гораздо большего размера и происходило в реальном времени.

— В основном этан, — сообщил нам Сэм.

Робот, более плотный и обтекаемый, чем мы, летел с постоянной скоростью и лавировал, время от времени включая заднюю ракету: он называл это «изредка пукнуть». Если я выберусь из этой переделки, надо будет побеседовать с создателями его программного обеспечения.

— Войчич, идите сюда, посмотрите на это! — окликнула меня Кэти, находившаяся у дальней стены трубы.

Я подгреб к ней, за мной Рэнди и Нихил.

— Хорошо, если это действительно важно, — заметил Нихил, напомнив нам о времени.

Я нуждался в подобном напоминании — меня заворожили капли, падавшие по несколько минут, и пруды, которые, казалось, непрерывно мерцали.

Кэти парила рядом со стеной, сохраняя неподвижность взмахами крыльев каждые три-четыре секунды. Когда мы присоединились к ней, она указала ногой на открытое пространство на стене. Примерно посредине торчал грязный предмет в форме буквы «Т» с дырками на концах перекладины.

— Это скальный крюк. Наверняка он.

Она не упомянула, что крюк был явно не наш.

— Сэм, можешь ты сказать, сколько ему лет?

— Он моложе, чем стена. А стена, похоже, является частью древней поверхности одного из фрагментов Миранды. Видите кратеры?

Теперь я тоже заметил их. Их было несколько — обычные небольшие кратеры, какие покрывают изрезанную трещинами корку любой небольшой планеты. Только между этими кратерами и поверхностью лежали двести километров скалы и клатрата. У меня возникло такое же неприятное чувство потери ориентации, какое посетило когда-то в детстве, когда я лазал по вершинам скал на северном краю Большого Каньона в Колорадо, на Земле, на высоте двух тысяч метров над уровнем моря, — и обнаружил в скале окаменевшие раковины.

— Крюк, — добавил Сэм, — моложе, чем кристаллы инея, потому что эту площадку вычистили, прежде чем воткнуть его.

И тут у меня в мозгу что-то щелкнуло. Все кристаллы, окружавшие чистую площадку, были почти метр в длину.

— Посмотрите на длину кристаллов вокруг! — воскликнул я, возбужденный своей догадкой. — Кто бы ни очистил это место, он должен был также убрать зародыши кристаллов. Но на самой границе чистой площадки он просто сломал их и оставил основания, на которых кристаллы выросли заново. Так что высота кристаллов на границе раздела поможет нам вычислить, сколько прошло времени.

— Но какова, по вашему мнению, скорость роста кристаллов? — спросил Нихил. — Этого мы не знаем, можно лишь сказать, что сейчас они растут медленно. Мне жаль говорить это, потому что я заинтересован не меньше остальных, но нам пора. Сэм все зарегистрировал. Если мы доберемся до поверхности, эту вещь исследуют другие экспедиции. Если нет — это не имеет значения. Так что, идем?

Не ожидая нашего согласия, Нихил отвернулся и, решительно взмахивая крыльями, направился к центру Миранды.

— Черт бы его побрал, — прошипела Кэти и, подлетев к крюку, вытянула одну руку и ухватилась за инопланетный предмет. Вцепившись в него покрепче обеими руками, она уперлась ногами в стену, из которой он торчал, и потянула. Как и следовало ожидать, крюк не поддался.

— Другие экспедиции. Мы вернемся, — сказала ей Рэнди.

Со вздохом Кэти оставила свои попытки и поплыла вниз, прочь от стены. Мы плыли рядом с ней, пока она не начала работать крыльями. Мы не сделали попытки догнать Нихила, который к этому времени опередил нас на километр.

В воздухе — теперь мы могли пользоваться этим словом — появился какой-то туман. Нихил, сигнал которого по-прежнему отображался на дисплее моего шлема, скрылся из виду. Для Сэма, оснащенного радаром, сонаром, фильтрами, обладающего большим диапазоном зрения, туман не был помехой, и он

продолжал порхать от одной стены гигантской вертикальной пещеры к другой, собирая образцы. Потеряв из виду стены, мы собрались в центре. Невероятно, но, несмотря на увеличивающееся давление на стены, туннель расширялся.

— Эта штука смертельна, — заметила Кэти. — Всем следует убедиться, что в костюме поддерживается большее давление, чем снаружи, но не слишком большое, чтобы не возникло утечки; в этой среде кислород может загореться. Если бы подобный туннель существовал на Земле, экологическая служба уничтожила бы его.

Быстро проверив свой костюм, я убедился, что с ним все в порядке, но давление поддерживалось на таком уровне, что я дважды подумал бы, прежде чем пролететь мимо самого жалкого огонька. Наши костюмы были разработаны и созданы для вакуума, а не для защиты от химического оружия; мы и так пользовались ими не совсем по назначению.

— Этой пещере нужно дать имя, — сказала Рэнди. — Угу. Задача для поэта, как мне кажется.

Намек предназначался мне. Но самым лучшим, что я мог предложить, было «Дымоход Нихила». Я хотел увековечить имя первооткрывателя и слегка намекнуть на мрачное настроение, в котором он пребывал. Кэти, по крайней мере, засмеялась.

Смотреть было не на что, и я попросил Сэма показать трехмерную модель пещеры, которую тот любезно отправил на мой дисплей. На прозрачном щитке, закрывающем мое лицо, возникло трехмерное изображение Миранды в разрезе, и казалось, что оно плывет в нескольких метрах от меня. Наша пещера шла почти точно вдоль северного полюса Миранды, и, по-видимому, именно здесь столкнулись два огромных, изогнутых стокилометровых куска камня. Представьте себе две толстые деревянные ложки, сложенные вместе.

Куски эти состояли из твердого материала, подобно железо-никелевым и силикатным астероидам. Существует множество теорий относительно причин появления здесь этой породы; радиоактивность и имеющиеся напряжения вполне могли нагреть даже небольшие небесные тела, и состав их изменился; гравитационный хаос в молодой Солнечной системе должен был вышвырнуть наружу множество астероидов из главного пояса, некоторые могло занести в гравитационную яму Урана. А может быть, некое воздействие, благодаря которому Уран вращается почти «лежа на боку», вырвало из него небольшие куски, образовавшие ядра его лун.

Тело мое двигалось словно на автопилоте, взмахивая крыльями каждые десять секунд, чтобы не отстать от Рэнди, а сам

я грезил, представляя себя астрогеологом, так что не заметил, как туман начал рассеиваться. Казалось, что облако тумана разделилось и укрыло обе стены коридора, оставив центр относительно чистым. Затем туман стал реже — и сквозь разрывы я увидел нечто вроде реки, бегущей… рядом? Вверху? Внизу?

— Рэнди, мне кажется, я вижу реку.

— Понятно, Войчич.

— Но как такое может быть? Как она может оставаться на одном месте?..

— Приливы.

— Да, — подтвердил Нихил. — Здесь ширина трубы составляет почти три километра. Одна сторона находится ближе к Урану, чем центр массы Миранды, и вращается вокруг большой планеты с меньшей скоростью. Предметы стремятся упасть внутрь, на эту сторону, словно с апоапсиды — точки, наиболее удаленной от центра вращения Миранды. Противоположная сторона дальше от Урана, движется с большей скоростью. Предметы, находящиеся там, стремятся наружу.

— Масса Миранды сейчас окружает нас, словно гравитационная эквипотенциальная яма, которая уравновешивает саму себя, так что здесь действуют только эти приливно-отливные силы. Они невелики — несколько тысячных от земной гравитации, — но этого достаточно, чтобы для жидкостей возникли «верх» и «низ». В какой-то степени это напоминает поверхность Титана[33], хотя здесь немного теплее и давление неизмеримо ниже.

— А это вода там, внизу? — спросила Кэти.

— Нет, — ответил Сэм. — Температура там всего двести градусов по Кельвину[34], это примерно на семьдесят градусов ниже температуры замерзания воды. Вода здесь была бы твердой, как камень.

На дне — или в конце — Дымохода Нихила мы обнаружили скалу высотой в три километра, имевшую свое собственное микроскопическое гравитационное поле. Согласно вычислениям, центр Миранды находился в ста тридцати метрах под нами. Довольно близко: мы практически ничего не весили. Сэм осветил для нас место, и мы разбили палатки. Очистка костюмов прошла немного нервно, но большая часть ядовитых газов скопилась на противоположной стороне границы приливов, а здесь воздух состоял почти исключительно из чистого холодного сухого азота.

Тем не менее устройство на ночлег затянулось до полуночи, и мы все сразу же улеглись спать.

Это был очень длинный день.

Прошлой ночью Нихил и Кэти забыли, что, хотя они и находятся в вакуумной палатке, палатка стоит теперь не в абсолютном вакууме. Слава богу, большая часть их разговора доносилась в виде приглушенного бормотания, но ранним утром восьмого дня мы услышали примерно следующее:

— …неблагодарная, высокомерная свинья…

— …у тебя выдержки не больше, чем у перегревшегося на солнце шимпанзе…

— …такой холодный и бесчувственный, что…

— …дурацкие развлечения, когда на карту поставлены наши жизни…

Рэнди открыла глаза и взглянула на меня почти в ужасе, затем резко придвинулась ко мне и сжала меня в объятиях. Может показаться странным, что эта стальная женщина, которая могла плевать в лицо самым могучим природным стихиям, содрогалась при ссоре, которая разрушала чужой брак, но раннее детство Рэнди было заполнено родительскими скандалами. Затем последовал развод, и, как я понял, шестилетнему ребенку он показался отвратительным, но никаких подробностей она мне не рассказывала.

Я кашлянул так громко, как только мог, и вскоре сердитые голоса стихли, сменившись далеким ревом порогов этановой реки.

Рэнди пробормотала что-то.

— А?

Неужели она хочет предложить очередную передышку?

— А мы не могли бы пожениться? Мы с тобой?

Она впервые заговорила на эту тему. Я вступил с ней в близкие отношения исключительно с целью организовать эту экспедицию и написать о ней статью и никогда, никогда прежде и намеком не давал ей понять, что имею виды на ее руку и состояние. Я был полностью уверен, что она это отлично знает.

— Э, Рэнди. Послушай, я не думаю, что нам стоит заводить речь об этом. Умирающие с голоду поэты, пытающиеся притворяться журналистами, не подходят к тем кругам, где ты вращаешься. А кроме того, — я кивнул в сторону соседней палатки, — после этого у меня нет настроения для подобных разговоров. Почему…

— Потому что ты так не делаешь, — перебила меня Рэнди. Это было необычно; она никогда не перебивала никого, разве что в экстренных случаях, — она была самым молчаливым человеком из всех, кого я знал.

«Хорошо», — подумал я. Наверное, это в своем роде экстренный случай. Я поцеловал ее в лоб и подавил смешок.

Какой странной женой для поэта была бы она! Она сидела, борясь с собой, пытаясь облечь какие-то мысли в слова.

— Почему… Потому что мы занимаемся сексом, работаем вместе, ищем приключений, и об этом не страшно вспомнить, мы не ссоримся.

У моих родителей случались, как это обычно бывает, и ссоры, и разногласия, но они очень редко повышали голос. После громкого спора Рэев у Рэнди, видимо, открылись какие-то старые раны. Я обнял ее и утешил, как мог. Но в конце концов любопытство взяло надо мной верх.

— Твои родители ссорились?

— Папа не ходил на вечеринки. Не любил всей этой толчеи. Не любил маминых друзей. Но у него были деньги. — Рэнди взглянула мне в глаза с выражением одновременно гневным и умоляющим. — Ну вот. Она захотела убить его. Наняла кого-то.

Я никогда не слышал ничего подобного, а ведь любое событие из жизни папы Гейлорда Лотати стало бы крупной сенсацией.

— Что?

— Кто-то из маминых знакомых знал кого-то. Но этот парень оказался растяпой. Легкое ранение в грудь. Частный врач. Частный детектив. Все в тайне. Денежная компенсация. Развод по взаимному согласию. Мне было шесть. Я тогда знала лишь, что папа неделю провел в больнице. А потом мама просто не вернулась из путешествия. Приехал грузовик и увез… увез кое-какие вещи. Один из грузчиков играл со мной в мяч. Приехал другой грузовик, и мы переселились в дом поменьше. И больше не было криков, никогда, и маму я тоже больше не видела. Так что теперь ты знаешь. Когда ты обнимаешь меня, я забываю обо всем этом. Я чувствую себя в безопасности, и я хочу всегда чувствовать себя так.

Что полагается отвечать на это в ледяном углеводородном аду? Я просто нежно качал ее, уставившись в стенку палатки, словно надеясь прочесть там ответ.

— Послушай, я люблю тебя, действительно люблю, — наконец сказал я ей. — Но мне нужно найти свои собственные «потому что». Иначе это будет неравный брак. — Я ухмыльнулся. — Мы должны быть скорее похожи на Плутон и Харон[35], чем на Уран и Миранду.

— А кто из нас будет Плутоном, и кто — Хароном? — шаловливо спросила она, глаза ее сверкали сквозь выступившие слезы, и она обняла меня.

Из черной дыры убежать невозможно, и когда я упал на ее горизонт событий[36] и мы слились в одно существо, вопрос о том, кто Плутон, а кто — Харон, для всей вселенной уже ничего

не значил. Как и то, слышал ли нас кто-нибудь.

Мы вернулись в реальный мир, к поискам запасного выхода, с опозданием; Кэти и Нихил почти закончили укладывать свой груз, когда мы спустили палатку и вышли. Мы все смотрели друг на друга с некоторым смущением. Нихил положил руку на плечо жене.

— Простите. Просто большое напряжение, все уладится. — Он махнул на камни Миранды, окружающие нас. — Ну что, сделаем новый бросок?

— Есть какие-нибудь соображения насчет того, где искать? — спросил я.

— Выход этана? — предположила Рэнди.

«Да, — подумал я, — эти реки должны куда-то течь». Однако я надеялся, что удастся избежать плавания по ним.

Сэм объявил:

— На другой стороне этой сидерофильной конкреции есть большая пещера.

— Этой чего? — вздрогнула Кэти.

— Этой треклятой трехкилометровой железо-никелевой скалы, на которой ты стоишь, — фыркнул Нихил, прежде чем Сэм успел ответить, потом спохватился и неловко добавил: — Дорогая.

Она коротко кивнула.

Рэнди сделала пару пробных шагов по валуну, скорее, как мне показалось, чтобы унять раздражение, чем сомневаясь в словах Сэма.

— Отверстий здесь нет. Лучше проверить края, — предложила она.

Все согласились.

После пятичасовых поисков стало ясно, что единственный выход лежит по течению этановых рек.

— Вы меня простите, но сейчас я жалею, что не настоял на пути вдоль расселины, — сказал Нихил.

Кэти была поблизости, и я похлопал ее по руке. Она пожала плечами.

Нужно было решать, куда идти — направо или налево, и оставалось только бросить жребий. На каждой стороне от границы зоны приливных сил текла своя этановая река, и обе они исчезали в пещерах. Сэм снова и снова прощупывал стены вокруг этановых озер в конце Дымохода Нихила. Оказалось, что внутреннее озеро, расположенное ближе к Урану, впадало в пещеру длиной пять километров на противоположной стороне Скалы Кэти, как мы назвали центральный утес. Другое тянулось на семь километров, прежде чем достичь достаточно большого

отверстия, но это отверстие, по-видимому, вело в направлении расселины. На этот раз никто и не подумал спорить с Нихилом.

Теперь, когда вопрос о маршруте был решен, оставалось придумать, как преодолеть его.

— Все просто, — заявила Кэти. — Сэм протянет через реку веревку, затем мы все заберемся в палатку, и он потащит нас.

— К сожалению, я не могу находиться в среде этана такое продолжительное время, — возразил Сэм. — А вам в любом случае понадобится мой источник энергии, чтобы продолжить путешествие.

— Кэти, — спросила Рэнди, — этан, гм, насколько это плохо?

— Нельзя вдыхать его — он сожжет тебе легкие.

— Внутри костюма давление.

— Но кое-что может просочиться сквозь поры в ткани костюма.

Она была права. Если влага и газы с поверхности кожи могут постепенно просачиваться наружу сквозь поры костюма, то этан, скорее всего, может проникнуть внутрь.

Рэнди кивнула.

— А если заблокировать поры в костюме?

Когда я понял, что она предлагает, у меня вырвалось громкое: «Что?» Мы можем носить эти костюмы потому, что они позволяют коже дышать — пот и газы медленно проникают сквозь набухающую пористую ткань. Если этот процесс прекратить, последствия будут очень неприятными, если не смертельными. Но Кэти Рэй, доктора медицины, казалось, это не беспокоило. Видимо, какое-то короткое время подобное можно было вынести.

— Большие молекулы. У тебя есть что-нибудь, Кэти?

— У меня есть пленка для заклеивания ожогов и ссадин, полуинтеллектуальное волокно. Называется «Экзодерм», знаешь такое, Сэм?

— Покрытие «Экзодерм» не пройдет сквозь поры ткани. Но у него есть свои собственные поры, как у костюма, и через некоторое время оно начнет пропускать этан. Несколько тысяч молекул в секунду на квадратный метр.

Рэнди пожала плечами:

— А если заклеить поры костюма, то он не сможет просочиться. Слишком мало, не стоит беспокоиться.

— Я пойду с тобой, — заявил я, удивляясь сам себе.

Рэнди покачала головой:

— Ты попробуешь пробраться через внешний проход, если у меня сейчас ничего не выйдет. Давай сюда эту дрянь, Кэти.

Кэти открыла грузовой поддон и достала баллончик. Я начал распаковывать вакуумную палатку.

— В палатке это будет нелегко сделать, — предупредила Кэти.

Ничего. Ты готова? — спросила Рэнди.

Кэти кивнула и пустила пробную струю ей на руку. Какое то время рука выглядела так, словно ее облепили сахарной ватой, но вата быстро опала и превратилась в плоскую блестящую кляксу. Кэти оторвала кляксу от рукава и осмотрела ее.

— Работает как надо. Теперь тебе следует раздеться.

Рэнди вместо ответа учащенно задышала, и, прежде чем кто-нибудь успел остановить ее, спустила давление в костюме, ловко сняла шлем, распечатала застежки костюма и уже парила перед нами обнаженной.

Кэти, к ее чести, не поддалась потрясению.

— Только выдыхай, не вдыхай, как бы сильно тебе ни хотелось, — велела она Рэнди и начала опрыскивать ей спину, пока Рэнди еще снимала ботинки.

Меньше чем через минуту Рэнди уже была покрыта жирной серой пленкой. Спокойными, точными движениями Рэнди натянула костюм поверх липкой штуки, запечатала его, проверила и надела шлем. На все это ушло менее трех минут. Нихил не мог вымолвить ни слова, я чувствовал себя немногим лучше.

— С тобой все в порядке? — спросил я, хотя ответ был очевиден.

Рэнди пожала плечами.

— Одна десятая атмосферы, нет ветра, влаги, конвекции, воздух немного пощипывает. Кожу стягивает. Ничего — ожоги можно вылечить. Могу задержать дыхание на пять минут.

— Ты… тебе лучше поторопиться, — сказала Кэти, с усилием сохраняя профессиональный тон. — Этан не может проникнуть внутрь, но твоя кожа не дышит.

Рэнди кивнула:

— Катушку троса. Крюк.

Я взял себя в руки и нашел все эти вещи в мешке, где Кэти хранила «Экзодерм». Рэнди пристегнула свободный конец троса к поясу, сняла, дважды проверила застежку и снова пристегнула.

— Дерну три раза, договорились? Жду пять минут, пока вы соберетесь, затем начинаю тянуть. Ясно?

Мы кивнули. Тогда она ухватилась за мой шлем и притянула его к своему.

— Я сделаю это. А если нет, не ставь меня в неудобное положение, хорошо?

Я сжал ее руку при этом непривычном прощании. Рэнди отстегнула крепления на ботинках, схватила реактивный

пистолет и, выстрелив, полетела к берегу этанового озера, находившегося в полутора километрах от нас.

Мне пришло в голову: а почему бы не встроить оптиковолоконный шнур в трос и использовать его не только для перетаскивания, лазанья, прыжков, но и для связи? Но наши тросы были самыми обыкновенными, и мы потеряли радиоконтакт с Рэнди вскоре после того, как она бросилась в озеро. Трос продолжал подергиваться, но, напомнил себе я, это потому, что ее тело покачивает течение. Я гадал, был ли когда-то трос привязан к чужому крюку, который мы обнаружили наверху, и долго ли он висел там.

Надеясь на успех, мы приготовились к «подводному» путешествию в этане. Вытащили палатки, герметично упаковали грузовые мешки. Я открыл еще одну катушку троса и привязал ее к блоку, укрепленному на Скале Кэти; просто на всякий случай, если придется возвращаться сюда.

— Думаю, это вряд ли понадобится, — заметил Нихил, — но мы будем благодарны, если трос пригодится. Вы становитесь настоящим профессионалом, мистер Бубка.

— Спасибо.

Я не отрываясь смотрел на катушку, борясь с иррациональным желанием смотать ее.

Кэти подхватила багаж и подтащила его ближе к берегу. Там ориентация гравитационного поля менялась, и женщина теперь стояла под прямым углом ко мне и Нихилу. Она уселась там, глядя на озеро, в котором скрылась Рэнди.

Я стоял и теребил свой блок.

Нихил подошел ко мне.

— Знаете, я не думаю о себе как о бенгальце, — ни с того ни с сего начал он. — Когда мне было десять, моих родителей вышвырнули из Бангладеш. Думаю, дело было в политике, хотя подробностей я так и не понял. Как бы то ни было, я учился в Австралии и Кембридже, а докторскую степень получил в Джовис Толусе[37].

Я все это знал, но ответил, чтобы поддержать разговор:

— Там придерживаются доктрины Новой Реформации, верно?

— Официально они не поддерживают секты, это государственное учреждение, как вам известно. Совет, может быть, и склоняется к этому, но влияние Реформации неявно. А кроме того, нет реформатской геологии, если вы, конечно, не раскапываете «Лицо на Марсе»[38]. — Нихил снисходительно махнул рукой. — Так что, как видите, я жил в двух мирах: холодном, дисциплинированном, глубокомысленном британском академическом мире и в эклектичной, шумной, суеверной

бенгальской теплице.

Было ясно, какой мир он предпочитал. Но я решил найти щель в его броне.

— Значит, вы последователь Аристотеля?

— Не буду возражать против такого определения, но дело этим не ограничивается.

— Тогда вас привлекает идея золотой середины, избегания крайностей.

— Именно.

— Хорошо, Нихил. Но подумайте, ведь и в пределах рационального мира непредсказуемые вещи могут быть полезны. Предохранительный клапан для требований эволюции. Быстрый способ коммуникации и обмена мыслями. Творчество, искусство. Мотивы для добрых дел, сочувствие, сострадание.

— Возможно. — Он холодно улыбнулся. — Я не робот. Эти вещи… — слово «вещи» он произнес с явным отвращением, — … присущи мне, как и любому другому. Но я стараюсь удержаться от необдуманных поступков, слушать и анализировать шум внутри себя, прежде чем реагировать. И я нравлюсь себе таким.

— А как насчет Кэти?

Не успев произнести эти слова, я уже пожалел о них, но Нихил лишь покачал головой.

— Кэти не знает ничего иного. Я вырос в мире, где жизнь мучительна и ценится дешево, там это обычное явление. Я был в Дум-Думе, я видел страшные вещи… но эти вещи, несмотря ни на что, странным образом привлекали меня. — В его немигающих карих глазах застыло непонятное выражение — возможно, из-за щита взрослых софизмов на меня глядел семилетний мальчик. Но защищает ли этот щит его от нас, или нас от него? Какую ночь провели они с Рэнди?

— Так что, — продолжал он, — Кэти никогда не испытает подобного, пока я держу себя в руках. Она слишком много для меня значит, я ей очень обязан. — Он покачал головой. — Если бы только она не просила меня о том, чего я не могу ей дать… Но это между нами, ладно?

Не знаю, что я на это ответил бы, но в этот момент Сэм сообщил, что канат перестал разматываться, и я быстро кивнул Нихилу, а затем мы полетели «вниз» к берегу этановой реки ждать трех рывков — сигнала к отправлению.

Но канат был неподвижен. Мы потянули за него. Он провис. И мы снова ждали, не желая осмысливать произошедшее. Я делаю записи в дневнике, пытаясь не думать о настоящем.

IV

День заканчивался, когда я наконец попросил Кэти приготовиться к обработке меня «Экзодермой». Возражений не последовало: мы, наверное, и так ждали дольше, чем должны были. «Не ставь меня в неудобное положение», — сказала Рэнди. Я мрачно решил спрятать подальше свое горе и не ставить ее в неудобное положение. Я помнил, что такова судьба многих пропавших экспедиций — терпеть неудачи, одну за другой. Черт возьми, мне будет не хватать ее.

Согласно плану сейчас нужно было исследовать другой проход, но мы молча отказались от этого; я собирался отправиться вслед за Рэнди, на тот случай, если ее еще можно спасти. Чтобы не сдаваться, я нуждался в этой последней надежде.

Но, конечно, по закону Мерфи, когда я стоял, замерзая, в этаново-азотной реке, покрытый гадостью, трос Рэнди натянулся. Три раза. Кэти и Нихил помогли мне выбраться на берег. Меня сильно трясло, от облегчения я не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Нам пришлось изо всех сил торопиться, размещая Сэма, Кэти и Нихила в ненадутой палатке. Поскольку я мог войти в реку, а Рэнди, по-видимому, осталась жива после такого погружения, мне следовало оставаться снаружи и следить за тем, чтобы палатка во что-нибудь не врезалась. Я как раз проверял изоляцию во второй раз, когда Рэнди снова начала дергать за трос. По какой-то милости небес я не забыл прикрепить канат, который оставил на скале, к багажному мешку, и мы погрузились в этановое озеро.

Там было холодно — словно голышом ныряешь в Берингово море. Вокруг меня кипел этан, и пространство между моим герметичным костюмом и верхним комбинезоном заполнилось слоем этановой пены. Окруженный этой пеной и блестящей изоляцией, мой костюм сохранял внутри терпимую температуру, когда снаружи было что-то около девяноста двух градусов по Кельвину[39]. Пока мы плыли, я дрожал и намеренно напрягал и расслаблял все мышцы, какие только мог вспомнить.

Смотреть было не на что, коридор был широким — его выточила река, текущая здесь миллионы лет. В свете фонаря я различал вокруг пузырящиеся водовороты, а дальше простиралась тьма.

Канат вел нас — вверх? вниз? — внутрь коридора, прочь от реки. Я ухватился за него и без труда пошел вдоль, словно спускался на веревке в мире с низкой гравитацией. Палатку с моими спутниками и наш багаж, таким образом, не пришлось волочить по твердой поверхности.

Время на дисплее указывало на то, что мы провели «под водой» час.

Завернув за угол, мы оказались в намного более узком проходе. Я был настолько поглощен огибанием разных препятствий, что забыл о холоде. Но я заметил, что кожу начинает пощипывать. Затем впереди мелькнул свет. Может быть, мне показалось?

Нет. Скорее, чем я ожидал, вспышка повторилась, осветив окруженную пеной дыру в жидкости вверху, над нами. Затем мы всплыли на кипящую поверхность, и Рэнди, взмахнув рукой, подтащила нас к берегу.

Я выбрался из потока, оттолкнувшись ногами и руками, и очутился в ее объятиях. Наверное, прошло не меньше минуты, прежде чем я вспомнил об остальных, запертых в палатке-субмарине.

— В конце главного коридора нет твердого участка. Я оказалась в кипящем море, полном пены и пузырей, и ничего не видела вокруг. Даже потолка. Пришлось возвращаться и плыть в обход. — Она задрожала. — Мне нужно в палатку, быстро.

Но из-за процедуры очистки нам не удалось разбить палатки быстро, и, когда мы наконец снова оказались в своих коконах, было уже три часа по универсальному времени. Рэнди стонала, дрожала и почти потеряла сознание. Когда я стянул с нее костюм, «Экзодерм» отвалился, и показалась ярко-красная воспаленная кожа, только пальцы рук и ног были страшного желто-черного цвета. Я включил медицинскую установку и позвал Кэти, которая назначила общую регенерацию тканей, стимулятор и велела получше заизолировать палатку.

К пяти часам Рэнди уснула, дыхание восстановилось, краснота немного спала. Кэти заглянула и предложила присмотреть за аппаратурой, чтобы я мог поспать.

Засыпая, я задавал себе вопрос: а смог бы я сделать это, если бы на карту были поставлены наши жизни?

Десятый день был коротким. Мы были утомлены до предела и отправились в путь только в три часа дня. Рэнди выглядела ужасно, особенно руки и ноги, но натянула запасной костюм без единой жалобы. Должно быть, она прочла мои мысли по лицу, потому что во взгляде ее светился вызов.

— Я пойду впереди, моя очередь.

Но Кэти, ожидавшая нас, снова надула палатку и увела Рэнди обратно. Мы с Нихилом пожали плечами и занялись упаковкой других вещей. Когда женщины вышли, Кэти заявила очень решительно, что Рэнди необходим покой и неподвижность.

Рэнди возражала:

— Я пойду… Это мой долг.

Моя очередь.

— Настало время дать шанс кому-то другому, Рэнди. Например, мне. А кроме того, если ты навредишь себе еще больше, ты станешь нам обузой.

Рэнди покачала головой:

— Согласна. Но я не знаю, что делать. Я не хочу… не хочу быть грузом.

— Я бы не стал называть это «быть грузом», — фыркнул Нихил. — Вынужденный отдых по предписанию врача. А теперь, если вы хотите быть профессионалом, а не избалованной дочкой своего папочки, вы взбодритесь, последуете медицинским указаниям и перестанете тратить время.

— Нихил, дорогой, — прорычала Кэти, — заткни свой проклятый рот и не нервируй мою пациентку.

«Нихил был прав, черт бы его побрал», — подумал я, но готов был ударить его за то, как он выражался.

— Очень хорошо, — спокойно ответил Нихил, не обращая внимания на эмоции жены, — мне жаль, что я перешел на личности, Рэнди, но тема не закрыта. Прошу вас, не упрямьтесь.

Рэнди, не встретив ни у кого поддержки, пришлось сдаться. Она позволила нам примотать себя к носилкам, наспех сооруженным из тех же креплений для палаток, простыней и ленты, которыми мы воспользовались раньше, чтобы сделать крылья.

Закончив, Нихил обернулся ко мне:

— Вы что-то говорили о том, чтобы идти первым?

К счастью, нам предстояло пройти нечто вроде Дымохода Нихила, только уменьшенного в три раза. Это была не одна труба, а цепь вертикальных пещер, немного отклоняющихся от прямой линии. Сэм летел впереди с прицепленным канатом и тащил нас всех. Короткие проходы между пещерами представляли собой типичные широкие трещины с низкими потолками, и я шел сквозь них без большого труда, хотя меня удивило, сколько камня и льда нужно отколоть, чтобы расчистить путь. В костюме это было нелегко, и мое уважение к Нихилу и Рэнди сильно возросло.

В конце последней пещеры проход поворачивал на север, постепенно сужаясь в виде воронки. Мы слышали, как вокруг воет ветер. Неподалеку находилась большая горизонтальная пещера, сухая, но полная кристаллов. Расселина была хорошо видна — трещина в потолке. Но это мы оставили на завтра.

Концентрация этана значительно снизилась, и мы отказались от очистки, и, прежде чем разойтись по палаткам, поздравили

себя с тем, что оставили позади шестьдесят процентов пути меньше чем за половину расчетного времени.

Когда мы ложились, Рэнди сказала, что снова чувствует пальцы ног и рук. Из этого следует, что, требуя пустить ее вперед сегодня утром, она их не чувствовала.

Она спит спокойно, сейчас только полночь, и мне предстоит впервые за долгое время хорошо выспаться.

Слава богу, одиннадцатый день закончился, мы измучены и пережили горькое разочарование.

День начался с открытия, которое при других обстоятельствах оправдывало бы всю нашу экспедицию: мумифицированные останки инопланетян, предположительно тех самых, что оставили странный крюк. Там было два больших тела и одно маленькое, они лежали навзничь на полу пещеры, на какой-то куче — должно быть, это были их костюмы. Может быть, у них кончилась пища и воздух и они завершили свой путь здесь? Или они умерли по какой-то другой причине и были похоронены собратьями, которых мы, возможно, найдем где-то в другом месте?

Это были двуногие существа, с четырьмя руками, выше нас и, вероятно, легче, хотя по мумии об этом судить трудно. Верхние руки у них были намного крупнее и сильнее нижних, а лицами они напомнили мне панд. Насколько я мог припомнить, они не принадлежали ни к одной из пяти известных рас, населяющих Вселенную, так что при других обстоятельствах подобное открытие стало бы важным событием. Но сейчас эта загадка вызвала у меня лишь смутное раздражение. Либо мое любопытство еще не пробудилось, либо я оставил его где-то позади, в одной из хрустальных пещер.

— Сколько им лет? — спросила Кэти у Сэма, понизив голос. Она, по крайней мере, была заинтригована.

— Если принять за постоянную величину теперешнюю скорость оседания пыли, то им примерно двести тридцать тысяч лет, плюс-минус десять тысяч.

— Они не оставили никакого снаряжения, кроме костюмов, — заметил Нихил. — Из этого, по моему мнению, следует, что эта пещера — не конец пути, если, конечно, у нас, есть силы идти дальше. Сфотографировал, Сэм? Отлично. Идем?

Мы повернулись к Нихилу, оставив трупы.

— Отдушина, — сказал он, подняв голову, — вероятно, находится там, вверху.

— Я легко могу допрыгнуть до этой расщелины, — предложил Сэм. — А потом вытащу вас отсюда.

Мы продолжили путь, но Миранда обманула нас.

Оказавшись в верхних пещерах, мы поняли, что в том направлении, где, согласно сейсмологическим данным Сэма и нашим собственным глазам, находилась расселина, нет утечки газа. Но мы все же решили испытать судьбу, однако проход быстро сузился, и двигаться стало ужасно тяжело. Пройдя три километра, мы обнаружили, что коридор наглухо завален, и вынуждены были вернуться обратно, в пещеру. Другая трещина в потолке также вела в тупик.

— Сильные толчки, — объяснил Нихил. — Должно быть, расселина закрылась в этом месте — ну, скажем, сто миллионов лет назад, если судить но отложениям пыли.

Итак, в то время, когда на Земле хозяйничали динозавры, Миранда запутала свой лабиринт — без сомнения, с намерением расстроить нашу предполагаемую экспедицию.

В конце концов Сэм отыскал направление утечки газа. Поток устремлялся обратно, на север.

— Сим крещу эту пещеру Пещерой Тупиков, — объявил я, когда мы уходили, и, надеюсь, мне удалось придать голосу юмористическое выражение.

К моему удивлению, Нихил, да благословит его Бог, ответил на это коротким «Ха!».

Рэнди не захотела сегодня оставаться в стороне и, чтобы облегчить задачу Нихилу, вызвалась идти первой. Но вскоре она утомилась — так сказала Кэти, наблюдавшая за ней. Я принял у нее эстафету и повел отряд дальше.

Пол плавно понижался, а сам коридор был достаточно широким, и нам не пришлось тратить много времени на обтесывание препятствий, так что мы развили неплохую скорость, подтаскивая себя на канате, укрепленном на каком-нибудь выступе, или просто скользя вниз. Мы устроили вечерний привал в тесной пещерке диаметром в десять метров и расправились с дневной порцией крекеров, настояв, чтобы Рэнди съела двойное количество. Никто не заговорил о том, чтобы разбить лагерь, и это означало молчаливое согласие на еще один вечер лазанья и скольжения.

— Скоро, — сообщил Сэм, демонстрируя свою карту на экранах наших шлемов, — мы пройдем очень близко от верхнего конца Дымохода Нихила.

Никто ничего не сказал, но мы понимали, что возвращаемся назад, теряя время.

Показалась последняя горизонтальная пещера, и поток воздуха был направлен в сторону оси вращения планеты. Мы без труда догадались, что это означает, но отложили принятие

решения до утра. Когда-то я читал классический роман одного древнего писателя по имени Вэнс[40], где описывался вымышленный мир. В этом мире был принят такой способ самоубийства: человек входил в лабиринт и бродил там кругами, пока не погибал от голодной смерти. Там люди гибли оттого, что забывали, где находится выход. А мы даже не знали, существует ли этот выход.

Итак, утро двенадцатого дня застало нас снова в начале Дымохода Нихила, на уступе, похожем на другой, в километре отсюда, с которого мы впервые увидели эту пещеру. Мы говорили мало, отлично понимая, сколько времени мы потратили зря и как мало его осталось. Нам все еще предстояло преодолеть значительную часть пути сквозь Миранду, а из отпущенного нам времени прошло больше половины.

Сэм снова обошел потолок Дымохода Нихила в поисках других отдушин. Но их не было. Нашей единственной надеждой оставался путь вниз.

— Что лучше, — спросил я, — попробовать пойти вдоль внутренней реки или по другому ответвлению реки Рэнди и попытаться переплыть Кипящее море?

Хотя мы весили менее трех ньютонов, Нихил растянулся на уступе и задумался. Несмотря на то что по радио до меня доносился его голос, неподвижное тело по какой-то жуткой ассоциации напомнило мне об останках инопланетян из Пещеры Тупиков.

— Кипящее море, — сказал он. — Туда попадает основная масса жидкости из реки, так что оно должно иметь выход на поверхность. Очевидно, оно находится в пещере, а в пещере есть крыша. Может быть, нам удастся забросить туда крюк — наугад.

Но я подумал о Дымоходе Нихила — в подобных местах расстояния слишком велики, и выстрелом наугад не обойдешься.

— Может быть, Сэм сможет долететь до потолка, — предложил я. — Если мы защитим его, когда доберемся до Кипящего моря, то он, возможно, выдержит кратковременный контакт с этаном. Оказавшись на потолке, он вытащит наверх нас всех.

Кэти кивнула и швырнула камень в Дымоход Нихила, и он на наших глазах довольно быстро скрылся из виду. «Плотная порода, и камень тяжелый», — подумал я. Оказалось, эта мысль пришла в голову не только мне.

— Смотрите, что у меня здесь, — позвала нас Рэнди.

«Что» оказалось массивным валуном диаметром, наверное, метра два. Рэнди легко катила его, несмотря на то что весил он

не меньше пяти-шести тонн.

— Бьюсь об заклад, это не будет парить, как снежинка, — сказала она и забила в него крюк.

Даже при такой низкой гравитации нам пришлось действовать вдвоем, чтобы перекатить его через обрыв.

Двумя часами позже, находясь примерно в километре над Скалой Кэти, мы прыгнули вслед за валуном и увидели, как он упал. Он ударился об пол пещеры с глухим стуком, породившим эхо, раскололся на тысячу кусков, большая часть которых разлетелась во все стороны и вонзилась в стены пещеры. Вскоре мы достигли постоянной скорости и поплыли, словно перышки, в клубах пыли к тому месту, которое покинули три дня назад.

Кэти решила, что Рэнди не в состоянии перенести еще одно «купание», и считала, что мне также не стоит этого делать. У меня действительно осталось несколько красных пятен на коже, хотя я провел в среде этана несравненно меньше времени, чем Рэнди. Мы посмотрели на Нихила, и он нахмурился.

Кэти покачала головой.

— Думаю, сейчас моя очередь. — Но голос ее дрожал. — Я хорошо плаваю, а Нихилу, наверное, несколько лет не доводилось этого делать. Обрызгаете меня, Войчич. Не нужно покрывать каждый кусочек тела, волокна сами заполнят пустоты, но убедитесь, что вы нанесли достаточно пены. Обрызгивайте непрерывно по меньшей мере пятнадцать секунд. Рэнди, я не могу удерживать дыхание так же долго, как ты. Тебе придется помочь мне быстро надеть костюм.

Когда все было приготовлено, она несколько раз глубоко вздохнула, выпустила воздух из шлема и разделась почти так же быстро, как прежде Рэнди. «Неужели это та самая женщина, которая в панике рыдала, застряв в расщелине всего неделю назад», — думал я. Вся операция заняла меньше двух минут.

Блок, оставленный мной, еще действовал, но с его помощью мы могли добраться лишь до ответвления коридора, который вел в Пещеру Тупиков. Начиная с этого места Кэти придется тащить нас.

Не очень-то приятно было просидеть более часа в непрозрачной, ненадутой палатке, в то время как тебя тащат и бьют обо что-то, а сам ты совершенно ничего не можешь предпринять. Когда Сэм с помощью лебедки поднял нас к потолку пещеры Кипящего моря и мы снова обрели крошечный вес, я почувствовал огромное облегчение.

Рэнди, Нихил и я выползли из палатки с кряхтением, но обрадованные, и оказались на полу пещеры, которую Сэм обнаружил в двухстах ярдах от центра куполообразного потолка.

Пол уходил вниз, но не очень сильно, а в отсутствие сколько-нибудь заметной силы тяжести это не имело значения. Я помог Нихилу укрепить палатку, и вскоре ее уже можно было герметизировать. Сэм перезарядил батареи грузовых поддонов, а Рэнди прикрепила к стене фонарь. Кэти скрылась, чтобы счистить с себя «Экзодерм», а мы занялись установкой другой палатки.

Закончив работу, мы вытянулись и стали молча парить в нашей маленькой комнате.

Я выглянул из пещеры; включив фонарь, я мог разглядеть лишь белое озеро внизу и лес желтых и белых сталактитов на потолке — многие из них достигали сотен футов в длину. Дальняя стена — по данным радара Сэма, до нее было всего два километра — скрывалась в тумане.

Затем я заметил кое-что еще. Например, то, что мой костюм не так плотно прилегал к телу, как раньше.

— Каково здесь давление воздуха?

— Полбара, — сообщил Сэм. — Я настроил ваши костюмы так, чтобы давление внутри было минимальным. В основном это азот, метан, этан, пары аммиака и еще кое-какая летучая органика. Кстати, Кипящее море состоит в основном из аммиака; здесь температура выше двухсот двадцати градусов по Кельвину[41]. При столкновении с аммиаком этан испаряется — вот почему там все кипит.

Гравитации Миранды было недостаточно, чтобы создать такое давление, и я удивился: что же происходит?

— Войчич, — прошептала Рэнди, словно боясь разбудить кого-то, — посмотри на стены.

— Ну и что? — Стены были такого же грязно-коричневого цвета, как и в других пещерах, но только не на Миранде. — А, здесь нет инея.

Она потерла стену рукой и показала мне бурую грязь.

— Я хочу взглянуть на это в микроскоп. Сэм?

Робот быстро приблизился и поднес образец поближе к своему нижнему ряду глаз. Я увидел на экране внутри своего шлема то, что увидел он.

— Этот образец имеет явную клеточную структуру, но внутри клеток образований мало, если они вообще есть. Органические молекулы и аммиак в каком-то геле.

У меня на глазах одна из клеток раздвоилась. Я был так захвачен этим зрелищем, что не заметил, что Кэти присоединилась к нам.

— Они должны поглощать вещества прямо из воздуха, — теоретизировала она. — Кстати, воздух этот токсичен, но только в высоких концентрациях. Видимо, что-то поглощает циан и другие

сильно ядовитые газы. Может быть, эта штука.

— На стенке их полно, — заметила Рэнди. — Как ты?

— Кожа не так сильно воспалилась, как у тебя, но есть раздражение в нескольких местах. Физически я истощена. Надеюсь, мы остановимся здесь на ночь.

— Это одна из отдушин, через которую газы выходят из Пещеры Кипящего моря, — добавил Сэм. — Кажется, здесь имеется неплохая возможность продолжить путь. Насколько я могу видеть, коридор свободен от препятствий, кроме этих наростов, которые мой радар не видит.

— Они препятствуют воздушному потоку, — заметил Нихил, — и, наверное, поэтому здесь такое высокое давление. Думаю, теплота конденсации дает им энергию.

— Как это? — Мои воспоминания о школьной науке давно стерлись.

— Войчич, когда пар конденсируется, он подвергается фазовому переходу. Пары этана, превращаясь в жидкий этан, отдают столько же тепла, сколько поглотили, чтобы испариться. Этого тепла должно было хватить, чтобы начались некоторые химические реакции, необходимые этим организмам.

— Они живые? — спросил я.

— Трудно сказать, — ответила Кэти. — Но это вопрос семантики. Наделены ли жизнью кристаллы инея? От камней до людей пролегает непрерывная цепь организмов и их взаимодействия с окружающей средой. Любая линия, которую ты захочешь провести, произвольна и пройдет через несколько переходных зон.

— Хм, — фыркнул Нихил, — Некоторые разграничения все же более полезны, чем другие. Думаю, эта штука размножается. Давайте возьмем несколько образцов, но нам нужен отдых.

— Да, дорогой. — Кэти невольно зевнула.

Оказавшись в палатке, Рэнди и я устроили себе последний приличный ужин: восстановленного цыпленка и блюдо из спагетти, которые мы сберегли, чтобы что-то отпраздновать. В палатке пахло немытым телом и углеводородами, но мы уже привыкли к этому, и еда казалась нам превосходной, несмотря на неприятный запах. Отныне нам придется есть только крекеры. Но сейчас мы уже на пути к выходу. Здесь должен быть выход. Рэнди чувствовала себя полностью здоровой и улыбнулась мне, устраиваясь на ночлег среди эластичных простыней.

Должно быть, хороший ужин, съеденный впервые за несколько дней, придал нам сил. Она разбудила меня в середине «ночи» и ласково перетянула на свою койку, чтобы заняться любовью; скорее, это был вызов судьбе, чем удовольствие. Я

ответил на ее призыв, удивляясь сам себе, и мы ласкали друг друга все неистовее, — возможно, это страх подгонял нас.

Поблизости от горизонта событий Рэнди действуют приливные силы; она не просто сильна для женщины, она вообще очень сильная — сильнее большинства мужчин, которых я знаю, включая меня самого. Мне пришлось наполовину в шутку, наполовину всерьез предупредить ее, чтобы она не сломала нам ребра, ставшие хрупкими в отсутствие силы тяжести. При этих словах она хихикнула и сжала меня в объятиях так сильно, что у меня на миг перехватило дыхание, отчего она захихикала снова.

Когда мы разжали руки, она сделала жест в сторону потолка палатки, выставив средний палец, и неудержимо засмеялась. Я присоединился к ней, но на миг мне стало жаль Нихила и Кэти.

Последовало еще одно полное любезностей утро, и мы собрались в путь с рекордной скоростью. Мы огляделись в поисках отдушины, и Сэм указал прямо на коричневую массу в задней части пещеры.

— Газ уходит туда, прямо сквозь это, — сказал он.

Мы назвали организм «криогрибами». Они росли по краям большой, расширившейся иод действием эрозии вертикальной трещины в стенке пещеры и встречались в середине. Однако колонии грибов, росших на противоположных стенках, не сливались, просто прижимались вплотную друг к другу. Мы обнаружили, что, приложив усилие, можно наполовину плыть, наполовину протискиваться вдоль этого шва.

Когда мы прошли пять километров по заросшей грибами трещине, мне в голову пришла зловещая мысль. Упругие бурые грибы поглощают органические вещества сквозь стенки клеток.

— А обязательно ли эти вещества должны быть газообразными? — спросил я у Кэти.

— Я проделала эксперимент. Скормила своему образцу крошку от крекера.

— И что?

— Крекер как бы растворился в грибах. Видимо, осуществляется транспорт молекул.

Я поразмыслил мгновение.

— Кэти, если бы на нас не было костюмов…

— Думаю, вода для них оказалась бы немного горячей, но, с другой стороны, аммиак растворим в воде. Если хочешь испытать неприятные минуты, представь, что твой костюм пористый. Может быть, — я мысленно видел ее белозубую улыбку, — это поможет тебе двигаться быстрее.

— Прекрасно, дорогая, — буркнул Нихил. — Это придает совершенно новый оттенок нашим блужданиям по внутренностям Миранды.

Истерический смех избавил нас от напряжения, и мы ощутили почти что духовное единение. Возможно, чтобы достичь его, нужно взглянуть смерти в лицо — ну что ж, если иначе нельзя, пусть будет так.

После десяти километров грибы постепенно начали становиться менее эластичными. На двенадцатом километре они при прикосновении рассыпались в бурую пыль, словно кристаллы инея. Пыль плыла, увлекаемая током воздуха, словно какой-то коричневый туман. Я ничего не видел, и Сэму пришлось двигаться рядом со мной.

Сэм три километра служил «собакой-поводырем»; после этого пыль наконец унесло прочь, и воздух очистился. Снова было поздно, давно пришла пора разбивать лагерь. Мы находились под землей уже тринадцать дней, и, по расчету, нам оставалось еще восемь. Если верить Сэму, до поверхности требовалось пройти сто пятьдесят километров. Мы решили идти еще час-два.

Коридор имел форму трубы и относительно ровные стены, сцепления с поверхностью не было почти никакого. Мы выстреливали крючьями в очередной поворот и подтягивались на канате.

— Сильное выветривание, — заметил Нихил, крутя крюк за ушко, чтобы вытащить его. — Должно быть, ветер дул здесь тысячелетиями, прежде чем грибы заблокировали трубу.

В свете фонарей мелькала череда искривленных фигур, петель и источенных ветром камней, многие из которых напоминали зловещие статуи: святые и горгульи. Коридор вывел нас в пещеру длиной в километр, пол ее слегка поднимался. Пещера образовалась под двумя валунами-мегалитами, которые склонились друг к другу, наверное, после того, как выходящий газ расшатал их. В отличие от прежних пещер, густо поросших кристаллами, здесь было голо и сухо. Сэм рассчитанным движением перелетел к противоположной стенке, захватив трос. Мы начали подтягиваться за ним. Мы удалялись от центра планеты, и вес наш снова возрос до двадцати ньютонов — да, это немного, но попробуйте размахивать двадцатью ньютонами вверх-вниз восемнадцать часов подряд.

— Я больше не могу, — заявила Кэти, — Руки не двигаются. Остановитесь вместе со мной или похороните меня на этом месте, — Она отпустила веревку и медленно опустилась на пол.

Там было тихо, ни капель, ни посвистывания, это напоминало

о вакууме, который был далеко, наверху. Я попытался снять напряжение, дав пещере имя.

— В любом случае, эта пещера наверняка предназначалась, чтобы стать могилой. Можем назвать ее Египетской Гробницей.

— Не смешно, Войчич, — огрызнулся Нихил. — Простите, старина, я сам немного устал. Да, можно разбить лагерь, но, может быть, мы потом об этом пожалеем.

— Надо остановиться. Мы шли дольше намеченного времени и достигли, достигли максимального результата, — вступила Рэнди. — Вы должны доверять нам. Будет хуже, если мы свалимся сейчас от переутомления.

— Хорошо, — уступил Нихил и тоже опустился на пол.

Потянувшись к Кэти, он на мгновение обнял ее, и я отмстил его жест потому, что это было первое проявление физического влечения между ними. Рэнди и я выпустили багаж и сами упали на землю. Приземляться оказалось больнее, чем мы ожидали. «При крошечной гравитации так же трудно предсказать это, как и в свободном падении», — подумал я. А может быть, даже труднее, потому что, хотя здесь имеются реальные «верх» и «низ», кажется, что «низ» не имеет значения.

Устанавливая палатки, мы были осторожны и спокойны. Но каждый из нас мысленно пытался заранее смириться с одной мыслью: учитывая встреченные до сих пор препятствия, нам не удастся добраться до поверхности за оставшуюся неделю.

Прежде чем разойтись по палаткам, мы быстро обменялись рукопожатиями. Это получилось само собой — раньше мы этого никогда не делали. Но сейчас нам почему-то показалось важным подбодрить друг друга таким образом.

V

Предыдущая запись относится к тринадцатому дню, сейчас я опишу события четырнадцатого и пятнадцатого дней. Да, я уже не так прилежно веду свой дневник.

Мы привыкли считать Рэнди машиной — почти такой же неуязвимой и стойкой, как Сэм, но вчера, вечером четырнадцатого дня, эта машина дрожала и плакала.

Теперь мы все ощутили влияние плохого питания и переутомления. Сэм тащил нас через попадавшиеся изредка пещеры, но в основном приходилось, извиваясь, ползти сквозь трещины под руководством кого-то одного. Мы менялись местами каждый раз, как натыкались на достаточно широкое место, но однажды пришлось ползти без передышки шесть часов. Это

произошло, когда первой была Рэнди. Она не выказывала слабости, но, когда мы наконец добрались до небольшой пещеры, откатилась к стене и отвернулась, стоило мне подойти к ней. Следующие несколько часов мы не слышали от нее ни слова.

Вечер застал нас в конце большой овальной пещеры в ста шестидесяти километрах от поверхности; почти на такой же глубине, как и верхняя часть Дымохода Нихила, Мы, шатаясь, оборудовали лагерь, и Сэм дважды проверил все. Мы просто повалились на кучу растянутых простыней прямо в комбинезонах и поспали час-другой, прежде чем наши организмы потребовали внимания к себе. Сон немного освежил нас, мы помылись, справили свои нужды, и Рэнди свернулась в моих объятиях, а затем разрыдалась. Ее тело сплошь было покрыто синяками, старыми и свежими. Как и мое.

— Ты можешь дать себе волю, ты знаешь это, — говорил я ей. — Когда Кэти плохо, она сразу сообщает нам об этом. Нихил становится сварливым. Я веду себя глупо и отпускаю плоские шутки. Тебе не нужно притворяться перед нами.

— Это не для вас, для себя, для себя самой. Я должна делать вид, что все могу, иначе меня бросят, как маму.

Я поразмыслил над этим. Женщина, пытавшаяся убить мужа, чтобы сохранить положение в обществе, наверняка была способна на многое.

— Рэнди, что это значит? Ты не хочешь рассказать?

Она покачала головой:

— Я не могу объяснить.

Я поцеловал ее в лоб.

— Думаю, что мне с родителями повезло.

— Да. Приятные люди. Приятная ферма. Никаких скандалов. Так зачем же тебе нужно все это?

Действительно, зачем?

— Чтобы испытать настоящее приключение, чтобы связать свое имя с чем-то еще, кроме туманных поэтических изысков. Мама унаследовала от своего отца ферму, и это было лучше, чем жить на государственную ренту в Польше, и они переехали. Они действительно начали делать полезные вещи, разрабатывать сельскохозяйственных роботов. Но они смертельно боялись потерять ферму, потому что хорошую работу было очень трудно найти, и множество неглупых и способных людей готовы делать все что угодно, лишь бы получить работу на Земле. Так что они сделались очень, очень приятными. Они никогда не раскачивают лодку. Думаю, мне нужно было что-то еще, кроме «приятного».

— Но ты, э, такой же приятный, как и они.

— Хорошая тренировка, привычка. — О да, это защитная

реакция, которой учится нонконформист после того, как его снова и снова давят весьма социально корректными, внешне мягкими способами, иссушающими душу. — Кстати, Рэнди, я ненавижу это слово.

— А?

— Приятный.

— Но ты пользуешься им.

— Да, и ненавижу себя за это. Послушай, ты ведь устала не меньше меня? — Я собрался извиниться и искать утешения во сне.

— Нет. Еще нет. У меня достаточно сил.

— В самом деле…

— Может быть, это последний раз, и больше нам не придется.

Мы оба знали, что она права, но тело не слушалось меня, и мы просто крепко прижались друг к другу, словно пытаясь выжать друг из друга еще немного жизненных сил. Я не помню, как уснул.

Пятнадцатый день был похож на предыдущий, за исключением того, что самая длинная вахта выпала на долю Кэти. Она почти не в силах была идти. В течение семи часов она то и дело останавливалась, затем, начав замерзать, снова двигалась вперед, пока не уставала. Кое-как мы добрались до места, где я смог сменить ее.

Больше всего во всем этом меня удивило поведение Нихила. Не было ни словесных дуэлей, ни фальшивой веселости. Замерзнув, он просто спрашивал ее, готова ли она идти дальше.

Когда мы закончили переход, было далеко за полночь. Почему-то мне было трудно заснуть.

Сегодня газовая отдушина наконец-то вывела нас к цепи небольших пещер, похожих на расселину, по которой мы шли, прежде чем попасть в Дымоход Нихила. Большую часть пути Сэм тащил нас, и пришлось лишь два раза переползать через длинные трещины. Есть хорошая новость: катализатор переработки углекислого газа расходуется меньше из-за того, что мы мало двигаемся, и у нас, возможно, есть в запасе еще один день.

Плохая новость заключается в том, что Рэнди пришлось снова немного урезать наши порции. Мы не заботились как следует о том, чтобы беречь продукты, думая, что скорее погибнем от удушья, чем от голода, и с едой проблем не будет. Но проблема появилась. Винить было некого — виноваты были мы все. Мы там и сям съедали лишний крекер и допустили значительный перерасход.

Мы остановились на ночлег, смертельно усталые, как всегда,

в пятисотметровой галерее, заваленной обломками. Я назвал ее Мусорной Ямой. Сэм не смог сразу найти выход, но мы продвинулись так далеко, что решили наверстать упущенное прошлой ночью и как следует отдохнуть.

Где мы? Сегодня восемнадцатый день. За прошедшие два дня мы поднялись к поверхности на пятнадцать километров. Мусорная Яма оказалась тупиком, по крайней мере для путешественников размером с человека. Газ просачивался вверх сквозь расщелины в клатрате, но было уже ясно, что это не основной выход и что эта отдушина закрылась после сотрясения Миранды миллионы лет назад.

Пришлось возвращаться на развилку, которую Сэм не заметил, когда тащил нас через трубу средних размеров. Логика и опыт подсказывали, что выход должен находиться в верхней части трубы, и там действительно обнаружилась дыра, ведущая дальше. К Мусорной Яме. Миранда рушит подобную логику.

Мы отыскали настоящую отдушину на противоположном конце трубы, когда спускались вниз на канате.

— Человеческое существо, — сказала Кэти, заметив большую вертикальную трещину, которая и была выходом, — проявило бы любопытство и обследовало бы это. Она глубокая.

— Не знаю, дорогая, — возразил Нихил, думая, как я понимаю, защитить Сэма, — если бы время поджимало, я бы сам пропустил ее.

Услышав, как Нихил невольно отождествляет себя с роботом, мы смолкли. Затем Рэнди хихикнула, и скоро мы все опять разразились истерическим смехом. Настоящие знатоки юмора, вспомнил я, говорят, что от смеха недалеко до слез. Потом Нихил, к нашему изумлению, изменил своему самообладанию настолько, что снова обнял жену. И она ответила на его объятие. Я протянул руку и поймал их, прежде чем канаты, пристегнутые к их поясам, успели натянуться. Итак, к концу семнадцатого дня мы покрыли шестьдесят километров пещер и трещин и только на пятнадцать километров приблизились к поверхности.

К вечеру восемнадцатого дня мы проделали еще пятнадцать изнурительных километров по щелям, нашли только одну большую пещеру и свалились от усталости, расположившись лагерем в широком участке коридора, где хватило места только на то, чтобы надуть палатки.

То, что сегодня произошло, — это не ссора. У нас не осталось сил для ссор.

Мы только что вышли на широкий отрезок галереи, по

которой ползли; высота, ширина и длина пещерки составляли десять метров. Кэти возглавляла группу и продолжала идти дальше по коридору, когда Нихил поддался приступу пессимизма.

— Кэти, — крикнул он, — стой! Проход впереди слишком сильно сужается, это еще один чертов тупик. Нужно вернуться обратно в последнюю большую пещеру и поискать другую отдушину.

Кэти не ответила, но остановилась.

Рэнди раздраженно произнесла:

— Нет времени, — и двинулась к коридору вслед за Кэти.

Нихил зевнул и презрительно фыркнул.

— Прошу прощения, маленькая леди. Я геолог и старший из вас, и, хотя мне не слишком это нравится, я за все отвечаю. — Здесь он, казалось, потерял нить и смутился. — Ты права насчет времени — нет времени на споры.

Никто не произнес ни слова, но Рэнди не сдвинулась с места.

Нихил взвыл:

— Я говорю, возвращаемся, и на этот раз мы вернемся!

Я был в растерянности; у нас остается еще четыре, возможно, пять дней. Если мы отыщем нужную цепь пещер, мы еще можем выбраться на поверхность. Если дело и дальше так пойдет, мы в любом случае не успеем. «Возможно, он прав», — подумал я. Но Рэнди была непоколебима.

— Нет, Нихил. Ты кое-что задолжал мне, Нихил, две недели назад. Я собралась с силами. Сейчас нужно идти вперед. Воздушный поток, полосы на стенах, замеры Сэма и… и мои деньги, черт бы их побрал.

Вот и верь своим мыслям. Я вынужден был вспомнить о своем положении в аккреционном диске[42] Рэнди.

— Деньги твоего папочки, — фыркнул Нихил, а затем произнес громко, с фальшивой веселостью: — Но это неважно. Давайте снова положим Рэнди на носилки, пока она не… придет в себя.

Он неуклюже потянулся было к Рэнди, странно мыча. Она обернулась и приготовилась к обороне, упершись ногами в камень и освободив руки.

— Нихил, отойдите, — предупредил я. — Вы же не серьезно.

— О, я ценю ваше искусство слова, старина. — Голос его определенно звучал неразборчиво. — Но я сказал то, что сказал, и я серьезен. Я больше не потерплю, чтобы со мной спорили любители. Мы возвращаемся. Иди обратно, Кэти. А что касается тебя…

Он снова двинулся к Рэнди. В этот момент я понял, что он не

в себе, и мне показалось, что я знаю причину.

Рэнди, видимо, тоже поняла это — вместо того чтобы отшвырнуть его прочь и, возможно, ранить, она просто увернулась от тянущихся к ней пальцев.

И громко вскрикнула от боли.

— Что? — воскликнул я, отшвырнув в сторону Нихила и подойдя к Рэнди.

— Проклятая нога, — всхлипнула она. — Забыла отстегнуть крепеж на ботинках. Устала. Кости стали хрупкими. Слишком маленькая сила тяжести. Чертовски болит.

— Сломала?

Она, сжав губы, кивнула, немного овладев собой. Но я видел у нее в глазах слезы. Я ничем не мог помочь ей в тот момент, только дать обезболивающее. Но я подумал, что для Нихила сделать кое-что можно. Где же Кэти?

— Нихил, — сказал я как можно спокойнее, — сколько у вас кислорода?

— Прошу прощения?

— Просите прощения у Рэнди. Я спросил, сколько у вас сейчас кислорода.

— Я немного экономлю. Вы знаете, меньше кислорода, меньше углекислого газа. Пытаюсь растянуть время.

— Какой у вас уровень? — произнес я с расстановкой.

— Одна десятая. Все нормально. Мне приходилось много работать на большой высоте…

— Пожалуйста, повысьте его до двух десятых на пять минут, и тогда мы поговорим.

— Одну минутку. Вы что, хотите сказать, что…

— Будьте разумным человеком, Нихил. Прошу вас, верните его обратно ненадолго, пожалуйста. Сделайте мне одолжение. Пять минут ничего не изменят.

— Ну, может быть, и не изменят. Хорошо. Ну и что теперь?

— Подождите немного.

Мы молча стали ждать. Рэнди сопела, пытаясь вытерпеть боль. Я смотрел, как лицо Нихила медленно становится все более и более озабоченным. Наконец я спросил:

— Теперь вы снова с нами?

Он кивнул:

— Думаю, да. Мои извинения, Рэнди.

— Я стала неуклюжей. Слишком сильной для своих собственных костей. Забудь об этом. И еще, ты ничего мне не должен. Я сказала глупость. Это был мой выбор.

О чем она говорит? Две недели назад, в его палатке?

— Очень хорошо, — ответил Нихил, изо всех сил изображая

достоинство.

Кто, кроме Рэнди, мог сказать о сломанной щиколотке «забудь», и кто, кроме Нихила, покончил бы на этом? Я покачал головой.

Рэнди, вытянув правую ногу, сказала с нескрываемой болью в голосе:

— С этим нужно что-то делать. В палатке. Кэти.

Разумеется, снаружи трудно судить о тяжести перелома.

— Совершенно верно, — отозвался Нихил. — Что ж, ты была права насчет направления. Наверное, нам следует продолжить путь.

Я жестом попросил его подождать немного и нашел в багаже обезболивающее для Рэнди, и она проглотила его через замок шлема, слегка подавившись.

— Здесь еще есть немного этана. — Она коротко рассмеялась. — Разбудите меня. Все будет хорошо.

— Дай мне знать.

Я находился так близко от ее горизонта событий, что все, что осталось снаружи, казалось мне искаженным ее присутствием. Это были последние минуты моей свободы, последние минуты и секунды, когда я смотрел на наши взаимоотношения со стороны. Теперь никакая сила не могла снова вернуть мне независимость. Наши судьбы соединились, и мы стали одним целым.

Голод и усталость довели меня до того, что я серьезно подумывал, как бы устранить Нихила; холодно, словно размышлял, как прихлопнуть таракана. Пистолет с крюком отлично подойдет. Но я решил, что Кэти тоже нужно дать право голоса. Возможно, она захочет оставить его себе в качестве домашнего животного. Кэти, разумеется, сейчас шла первой. А это означало, что на самом деле за нас отвечает она, и Нихил об этом забыл.

— Кэти, — позвал я, отбросив иронию. — Рэнди сломала ногу. А в остальном мы готовы следовать за тобой.

Ответа не было, но в этом месте радио работало плохо — тропа изгибалась слишком часто, и какая-то составляющая в клатрате просто съедала наши частоты, как покрытие самолетов «Стеле». Так что я дважды дернул за трос, связывающий нас, что означало: «Все в порядке, мы идем».

Трос безжизненно повис.

Кэти, скорее всего под влиянием гнева на Нихила, попыталась утвердить свой авторитет самым надежным способом: отправилась дальше одна. По крайней мере, я от всей души надеялся, что дело только в этом. Я подполз к началу коридора и заглянул внутрь. Ничего.

— Сэм, пройди по канату к Кэти и попроси ее подождать, скажи, что мы идем.

Сэм протиснулся мимо меня и поспешил прочь. Вскоре его сигнал, отражавшийся на моем дисплее, погас; мы потеряли контакт и с ним…

И снова мы недали рывка каната в тишине, которая походила на крик отчаяния. Нихил делал вид, что изучает стену, Рэнди глядела прямо перед собой, словно в трансе. Я смотрел на нее, хотел до нее дотронуться, но у меня не хватало сил, чтобы подползти к ней, на другую сторону маленькой пещеры.

Время шло, мои надежды и страхи усиливались. Свободный трос может означать, что Кэти прошла гораздо больше, чем мы предполагали, и это была бы хорошая новость. Но это могло также значить, что с ней и Сэмом случилось какое-то несчастье. В этом случае нас также ждала гибель. Или, как в случае нашей переправы через Кипящее море, это могло значить нечто третье, чего мы не в силах вообразить.

— Войчич, Нихил, — окликнула Рэнди тихим, предупреждающим голосом, — выключите фонари.

Я оглянулся на Нихила, но тот смотрел в никуда, всем своим видом словно показывая, что ему все равно. Но фонарь его погас. Я кивнул и выключил свой. Сначала тьма казалась абсолютной, но затем, когда мои зрачки расширились, я понял, что могу различить нечто серое, какой-то контраст, тень. Свою тень.

Я обернулся к источнику свечения. Конечно же, свет исходил из трещины за моей спиной, в которой исчезли Кэти и Сэм. Когда мои глаза привыкли к темноте, свет стал почти ярким. Он был белый, с оттенком зеленого. Трещина, окруженная тенями от камней и ледяных наростов, выглядела словно пасть какого-то чудовища, готовящегося пожрать нас.

— Есть ли у нас причины оставаться здесь? — спросил я.

Мы тронулись в путь. Трещина быстро расширялась, и после часа вполне терпимого пути ползком мы смогли вернуться к более быстрому способу передвижения и подтягивались по канату. Мы прошли десять километров, двигаясь почти по прямой. Со внезапностью, обычной в подобных местах, трещина превратилась в туннель с такими ровными стенками, что он походил на творение человеческих рук, а туннель, в свою очередь, привел нас в каплевидную пещеру диаметром сто метров, со скользкими обледенелыми стенами и ярким кругом в центре потолка. Я собрался выстрелить туда крюком, когда Рэнди, потянув меня за руку, указала на лестницу из крюков с двумя петлями в трех метрах от нас, ведущую вверх, к кругу.

Итак, мы собрались вскарабкаться к Сфере, когда канат Кэти

снова натянулся.

Это случилось в конце девятнадцатого дня. Мы были одновременно переутомлены и перевозбуждены и не могли заснуть.

Пещера, обнаруженная наверху, имела почти идеальную сферическую форму, отсюда и имя, которое мы дали ей; диаметр ее составлял почти пятнадцать километров. По вертикальной оси от пола до потолка шла спираль, утыканная, словно рождественская елка, какими-то консолями, что возможно при тяготении семьдесят пять тысячных от земного.

Теперь от поверхности нас отделяло сорок километров, так что мы находились почти в полном вакууме, но некоторые признаки указывали на то, что так было не всегда.

— Кэти? — позвал Нихил. Это были первые слова, которые он произнес после ссоры.

— Боже милосердный, вы уже здесь. Мы ждали столько, сколько нам показалось разумным.

— Мы увидели свет.

— Он возник, как только я оказалась здесь. Сэм ищет другие автоматические системы, например защиту от воров.

— По-видимому, — перебил ее Сэм, — здесь ничего такого нет. Источник питания двухступенчатый: урановый радиоэлектронный модуль длительного действия и что-то вроде твердотопливной ячейки, которая включается при нагреве. Последняя, кажется, способна вырабатывать почти киловатт.

— Хорошо, — сказал я, удивляясь: неужели программное обеспечение Сэма не распознает раздражения в моем тоне. — Кэти, у Рэнди сломана нога.

Даже при гравитации менее одной сотой земной Рэнди не следовало наступать на нее.

— О нет! Нужно немедленно разбить палатку. Сэм, бросай все и иди сюда, ты мне нужен. И ты! — Она указала на Нихила. — Сейчас экстренный случай, и все должны слушаться меня. У тебя с этим проблемы? — В голосе Кэти слышались истерические нотки.

Нихил просто отвернулся, не говоря ни слова, и начал раскладывать палатку.

Рэнди дотронулась до Кэти.

— Кэти, Нихил слишком сильно снизил потребление кислорода, пытаясь сэкономить катализатор для всех нас. Он был не в себе. Щиколотка горит как в огне, но я сама виновата. Мне было бы лучше, если бы ты, гм, не сердилась на него. Ладно?

Кэти пару секунд стояла молча, затем пробормотала:

— Хорошо, хорошо. Дай мне минуту, чтобы собрать все

необходимое, и мы пойдем в палатку. Я посмотрю, что можно сделать. Войчич?

— Да, Кэти?

— Я накричала на своего мужа, но сейчас мне некогда его утешать, потому что нужно наложить Рэнди повязку. Нихил в панике. — Она отстегнула липучку на одном из своих карманов и достала маленькую плоскую коробочку. — Дай ему одну таблетку и скажи, что я сожалею.

Я взглянул на нее. Мне показалось, что она близка к обмороку или истерике, но держит себя в руках каким-то невероятным усилием воли. Может быть, именно это и привлекало меня в ней.

— Прости, Войчич, — прошептала она. — Это самое большее, что я могу сделать.

Я сжал ее руку.

— Мы справимся, верно? Просто продержись еще немного, док.

Она улыбнулась мне мимолетной, грустной улыбкой, затем схватила медоборудование и вслед за Рэнди скрылась в палатке, которую быстро надули.

Нихил сидел на грузовом поддоне, и я уселся рядом с ним.

— Послушайте, Нихил, я смотрю на это так: вся эта чепуха не имеет значения. Единственное, что важно, — это чтобы мы четверо убрались с этой планеты живыми.

Он бросил на меня быстрый взгляд, затем снова опустил голову.

— Нет, нет, Войчич, это имеет значение. Вы знаете, каково быть живым мертвецом? Когда тело продолжает жить, но все, во что ты вложил душу, уничтожено? Моя репутация… Будут говорить, что Нихил Рэй сломался, не выдержал напряжения. Это оказалось слишком для старины Нихила. Нихил избивает женщин. Да, это действительно будет чертовски неприятно.

Я вспомнил о коробочке, которую дала мне Кэти, достал ее и открыл.

— Предписание доктора, Нихил. Она думает о вас, действительно думает.

Он улыбнулся мне жуткой улыбкой, взял капсулу, развернул ее и проглотил через шлем.

— Не могу сказать, что одобряю лекарства, воздействующие на мозг, но нельзя больше разочаровывать доктора, а? Я был ее преподавателем в медицинском колледже, вы знаете. Когда мы познакомились, ей было восемнадцать. Студентка-биолог, изучающая эволюцию, а я вел курс палеонтологии. Черт побери, она была красавицей, а такие красавицы никогда… — Он воздел

руки, словно в каком-то жесте, затем уронил их. — Я нарушил собственное правило: сначала подумай, а потом делай. Теперь я никогда не забуду о том, что случается, когда нарушаешь правила.

— Послушайте, Нихил. Она не хотела причинить вам боль. — Я попытался как-то отвлечь его, заставить подумать о чем-то другом. — Так вот, у нас есть несколько минут. Почему бы не осмотреться здесь, возможно, это нагл единственный шанс. Как только Кэти закончит с Рэнди, нам нужно будет немного поспать, затем продолжить путь наверх. Осталось сорок километров, и катализатор кончится всего через два дня.

— Говорите как я, верно? Очень хорошо. — Он, казалось, едва заметно распрямился. — Но, видимо, посетители, прежде чем уйти, захватили все с собой. Эти платформы у центральной колонны — просто решетка. Разумеется, будет немного странно, если они забрали с собой все.

— Как это?

— Лагерь обычно представляет собой свалку. Все, что не нужно прямо сейчас, разбрасывается вокруг. Если неряхи знают, что экологической полиции поблизости нет, барахло обычно остается лежать около палаток — экспедиции, идущие следом, могут найти что-нибудь полезное для себя.

— Ясно. Вы думаете, что где-то здесь должна быть такая свалка.

— Видимо, у них был тайник. Почему бы не быть и свалке?

Я не знал, чем нам могут помочь технологии инопланетян. Чтобы сообразить, как ими воспользоваться, нам могло понадобиться намного больше двух дней. Но этот разговор, казалось, несколько оживил Нихила, так что я уступил ему.

Мы нашли мусорную кучу. Она находилась в сотне метров от основания центральной колонны. Выстрелом из реактивного пистолета я стряхнул с мусора пыль.

Это было именно то, что мы искали. Ненужные вещи. Ломаные строительные панели, несколько коробок с электрическими проводами. Нечто похожее на испорченный дистиллятор. Небольшая конструкция на колесиках, которую я принял бы за детский трехколесный велосипед, и вытянутый вакуумный шлем с треснувшим щитком. Еще какой-то мусор. Я копался пять минут, когда заметил, что внимание Нихила привлек дистиллятор.

— Нихил?

— У меня еще осталась возможность восстановить свое доброе имя. Взгляните на это.

Видимая часть представляла собой большой клубок каких-то

трубок. Были также приспособления, похожие на электромоторы, и несколько емкостей для дистиллята.

— Эти трубки, Войчич.

— Не понимаю.

— Если мы будем дышать через них, при этой температуре углекислый газ, выдыхаемый нами, будет конденсироваться.

О! Мы сможем обойтись без катализатора.

— Их трудно будет нести.

— Вовсе нет. — Нихил кивал в такт своим мыслям. — Но их нести и не нужно. Кэти и Рэнди могут остаться здесь, пока вы, я и Сэм возьмем остатки катализатора и отправимся за помощью.

Неужели я не ослышался? Затем я обдумал его предложение. Рэнди была беспомощна, Кэти по своим возможностям и темпераменту меньше всего годилась для испытания, которое нам предстояло. В этом был смысл, но Рэнди… Нет, Рэнди придется согласиться, если в этом есть смысл. Она профессионал.

— Лучше сначала проверить, как это работает, — предложил я.

VI

Через час наш дистиллятор уже работал. Клейкая лента, лишние соединения, инопланетный источник света и способности Сэма к мгновенным расчетам позволили нам создать нечто, способное поддерживать жизнь двух относительно малоподвижных людей. Им придется каждый час нагревать его, возгонять осевший углекислый газ, чтобы аппарат не засорился, но он работал.

Нога Рэнди находилась в более плачевном состоянии.

— Рэнди сейчас отдыхает, — сообщила нам усталая Кэти, появившись наконец из палатки. — Перелом плохой, кость расщепилась. Думаю, кости стали ломкими от длительного пребывания в невесомости. Во всяком случае, пяточная кость тоже сломана, и нога сильно распухла, не помещается в вакуумный ботинок. Чтобы выйти из палатки, мне пришлось поместить ее в спасательный мешок. — Кэти бросила презрительный взгляд на мужа, который опустил взгляд. — Пройдет несколько дней, прежде чем опухоль спадет, и ей нужно гораздо больше пищи, чем мы можем ей дать.

— Я… — начал Нихил, а затем — эту минуту я запомню на всю жизнь — на лице его отразилось замешательство. — Я? — Руки и ноги его беспомощно повисли, и под действием едва заметной гравитации Миранды он упал, словно осенний лист, на

пыльный пол пещеры. Оба мы были слишком сильно поражены, чтобы подхватить его, хотя падение продолжалось несколько секунд.

— Нет, нет, — задыхаясь, выговорила Кэти.

Я опустился на колени около Нихила и распрямил его конечности, не зная, что еще можно предпринять.

— Это удар? — спросил я у Кэти.

Она, казалось, снова взяла себя в руки и стала врачом. Я услышал, как она задержала дыхание.

— Возможно. Сердце бьется нормально. Может быть, он просто упал в обморок. Давай натянем вторую палатку.

Нам удалось справиться с этим только при помощи Сэма. Мы делали ошибки при установке, ошибки, которые стоили бы нам жизни, если бы Сэм не замечал и не исправлял их. Мы устали и в последнее время слишком мало ели. Это заняло час. Мы положили Нихила в палатку, и Кэти уже хотела пойти за ним, но обернулась ко мне.

— Основное медицинское оборудование в палатке Рэнди. Если нужно будет делать операцию, оно мне понадобится. Чтобы поспать, ей пришлось после моего ухода выбраться из спасательного мешка. Ты должен разбудить ее, положить обратно в мешок и спустить давление…

Я поднял руку.

— Я смогу с этим управиться, а если не смогу я, сможет она. Кэти, она повредила себе только ногу, но не повредилась в уме.

Кэти кивнула, и сквозь щиток шлема я заметил, как она слегка улыбнулась.

— Рэнди, — окликнул я, — мне не хочется будить тебя, но у нас есть проблема.

— Я слышала. Эти передатчики — тупая штука, друзья. Если говоришь о ком-то, то одновременно говоришь и с ним. Сейчас я выйду и вынесу медицинский набор.

— Что? — потрясение воскликнула Кэти. — Нет, Рэнди, нельзя надевать ботинок. Прошу тебя, не надо.

— Поздно, — ответила Рэнди.

Мы смотрели, как съеживается спускаемая палатка. Рэнди показалась в дверях с медицинским оборудованием и мешком для образцов. Мы с Кэти сразу посмотрели на ее ботинок — он выглядел совершенно как всегда, если не считать того, что Рэнди закрепила его какими-то скобами, крючьями и вакуумной лентой.

А затем мы посмотрели на мешок для образцов. В нем лежала раздутая сине-зеленая карикатура на человеческую ногу, аккуратно отрезанную над щиколоткой, очевидно, хирургическим лазером. Я не знал, что говорить, что делать.

— О нет, Рэнди! — вскричала Кэти и бросилась ей навстречу. — Я пыталась, Рэнди, я пыталась.

— У тебя не было времени. — Женщины обнялись. — Не говори ничего… — И после паузы добавила: — Ему. — Она кивнула в сторону палатки Нихила. — Пока мы не окажемся в безопасности. Пожалуйста, а?

Кэти застыла, затем медленно кивнула, взяла мешок и осмотрела срез ноги.

— Во всяком случае, выглядит чистым. Хотя бы дай мне посмотреть на ногу, прежде чем уйдешь, ладно?

Рэнди покачала головой:

— Размотать ее будет нелегко. Я прижгла лазером. Искусственная ткань поверх культи. Заклеила пластиком. Пропасть обезболивающего. Ничего не чувствую. Я хорошо поработала, Кэти.

Я наконец обрел дар речи:

— Рэнди… зачем?

— Нихил недееспособен. Придется идти. Ничего, Войчич. Мне вырастят новую ногу. Нам с тобой нужно идти дальше.

— Мне? Сейчас?

На миг я удивился, но понял, что иначе нельзя. Кэти должна остаться с Нихилом. К тому же я уже побывал во многих ситуациях, когда одному человеку оказывалось не под силу то, что могли сделать двое. Наш аварийный дистиллятор для углекислого газа был рассчитан максимум на двух человек.

— Немедленно. Будем идти, пока можем, потом спать. Есть все, что осталось. Чтобы как можно быстрее добраться до поверхности. Это единственный путь.

Кэти кивнула. Она отдала мне ступню Рэнди, почти не замечая, что делает, и пошла в палатку ухаживать за Нихилом. Рэнди рассмеялась, взяла у меня ногу и зашвырнула ее подальше, к мусорной куче. Учитывая невесомость, она, скорее всего, попала.

Я попытался не думать об этом, когда мы с Рэнди при помощи Сэма упаковывали наши вещи. Двигаясь медленно и обдуманно, мы избежали большей части ошибок. Откуда брала силы Рэнди, я не знаю. Я черпал силы у нее. Через час мы были готовы к отправлению и попрощались с Кэти.

Ей придется ждать здесь, возможно, в одиночестве, если Нихил не выживет, возможно, вечно, если мы потерпим неудачу. Каково ей будет? Может быть, когда-нибудь исследователи примут ее за одно из существ, что построили в этой пещере станцию? А может быть, мы и сами уже совершили подобную ошибку с телами, найденными в Пещере Тупиков?

Я пожалел, что не занялся любовью с Кэти в ту ночь, что мы провели вместе, — я чувствовал, что наши отношения остались неполными, а чувства неразделенными. Сейчас я с радостью обнял бы ее на прощание, но она была в палатке, ухаживала за мужем, и нам с Рэнди, почти без пищи, имея в запасе мало времени, пришло время уходить, и уходить немедленно. В рывке к поверхности каждая минута была дорога.

Неутомимый Сэм исследовал пристанище инопланетян, обнаружил отверстие в великолепном, украшенном кристаллами куполе пещеры и сбросил нам трос. Меня окружали чудеса, но я так устал, что чуть не заснул, пока Сэм тащил нас вверх. Это было какое-то сюрреалистическое зрелище, не поддающееся описанию.

Я помню мало подробностей о следующих нескольких днях. Сэм тащил нас по коридорам, трубам, через отдушины и пещеры. Время от времени он останавливался, столкнувшись с какой-нибудь проблемой, и Рэнди ухитрялась заставить себя решать ее.

Однажды мы наткнулись на стену метровой толщины, в которой образовалась трещина, достаточная для выхода газа. Сэм с помощью акустического радара обнаружил за стеной большую пещеру, так что необходимо было проделать себе путь. Несмотря на все свои таланты, Сэм не умел обращаться с молотком. Эта информация предназначена разработчикам роботов для пещерных экспедиций.

Мы с Рэнди, меняясь каждые пять минут, три бесконечно долгих часа долбили стену, прежде чем в приступе истерической энергии я не пробил ее насквозь. Мы слишком устали, чтобы радоваться, — просто уцепились за трос, который тащил Сэм, и постарались не заснуть и не умереть, пока он волок нас через новые пещеры и новые трещины.

Пробираясь через череду усеянных кристаллами пещер, мы нашли еще один брошенный скальный крюк. Рэнди решила, что он отличается от виденного нами прежде, и приказала Сэму вытащить его и положить в мешок для образцов, который нес робот — как самый стойкий из нас.

Я упоминаю об этом потому, что смерть была близка, и мы знали это, но еще могли думать о будущем. Все умирают, думал я, так что каждый человек рожден для какой-то цели. Единственное, что имеет значение в конце, — это ответ на вопрос: зачем? Сохранив крюк, мы добавили еще несколько слов к этому ответу.

Это наверняка была наша последняя «ночь» в палатке. Думаю, от нас ужасно пахло, но я уже ничего не чувствую, так что не могу

точно сказать. Мы шли без остановки тридцать семь часов. Сэм говорит, что до поверхности осталось три километра, но пещеры идут параллельно поверхности и никак не поднимаются.

Теоретически катализатор должен был уже закончиться, по мы еще дышим.

После очередного землетрясения я попал в ловушку.

Рэнди ползла впереди. Ей как-то удалось отодвинуться в сторону и пропустить Сэма, чтобы он помог мне. Сэм отколол куски клатрата вокруг моего шлема, что позволило мне разогнуть шею.

После этого началось новое движение, на этот раз обширное, но медленное, и сквозь шлем я ясно слышал стон раздираемой оболочки Миранды — голову мне снова зажало между стенками трещины. Я видел, как с каждым тошнотворным толчком трещина впереди меня смыкается все больше, хотя давление в том месте, где я стоял, немного ослабло. Но коридор! Если он замкнется, пока Рэнди еще на этой стороне, мы погибли.

— Иди! — велел я Рэнди. — Теперь все зависит от тебя. — Как будто раньше это было не так. Меня снова оттеснило вбок и назад очередной сейсмической волной. Лед трескался с резким звуком.

Сэм повернулся боком к стене, прижавшись своим хрупким содержимым к миллиону тонн породы.

Рэнди исчезла впереди.

— Я люблю тебя, — сказала она. — Я сделаю это.

— Я знаю, что сделаешь. Эй, мы женаты, хорошо?

— Вот так просто?

— Я пользуюсь правом человека, находящегося в отчаянном положении.

— Хорошо. Женаты. Двое детей. Идет?

— Идет.

— Я люблю тебя.

Сэм треснул под давлением, и его электронные потроха рассыпались по полу. Я ничего не видел из-за его корпуса.

— Сэм? — позвал я.

Бесполезно.

— Рэнди?

Никакого ответа.

Непонятно почему, но я больше не ощущал давления. Я слишком сильно боялся за Рэнди, слишком сильно устал, чтобы бояться смерти, и я погрузился в дрему.

Когда я очнулся, то почувствовал, что в шлеме скопился

углекислый газ. Было совершенно темно — система костюма отключила фонарь, чтобы сберечь бесполезные ватты. Я еле мог пошевелиться и решил перекатиться на спину, думая, что так будет легче дышать, смутно сознавая, что лишнее давление на легкие мешает мне. К своему удивлению, я смог перевернуться.

В кромешной тьме наверху появилась звезда. Всего на мгновение — затем я моргнул, и звезда исчезла.

Я несколько минут вглядывался в эту тьму, не осмеливаясь поверить в увиденное, а потом увидел еще одну. Да, на самом деле звезда.

Это могло значить лишь одно: надо мной образовалась трещина, выходящая на поверхность, очень узкая или очень глубокая, но открытая, и время от времени над ней проплывали звезды. Вскарабкаться было невозможно, но я подумал, что если фотоны попадают сюда, то и отсюда они могут выходить.

Весь дрожа, я заговорил, едва шевеля языком:

— Уран, Уран, говорит Войчич Бубка. Я нахожусь на дне трещины на поверхности Миранды. Помогите. Уран, Уран…

Что-то омывало мне лицо, разбудив меня. Воздух и влага.

Открыв глаза, я увидел, что к щитку моего шлема припаяна трубка, которая сверлит дыры для нескольких трубок поменьше. Одна из них пыталась добраться до моего рта. Я открыл рот, чтобы помочь ей, и сглотнул нечто теплое и сладкое.

— Спасибо, — прокаркал я, не выпуская трубки.

— Не за что, — ответил молодой женский голос, в котором звучало облегчение, подобное тому, что чувствовал я.

— Моя жена в этом коридоре, где-то в той стороне, куда направлена моя голова. Вы можете доставить ей такую же трубку?

Пауза.

— Ваша жена?

— Миранда Лотати, — выговорил я. — Она была со мной. Пыталась добраться до поверхности. Пошла туда.

Снова пауза.

— Мы постараемся, Войчич. Видит Бог, мы постараемся.

Через несколько минут уменьшенная копия Сэма приземлилась мне на грудь и, таща за собой трос, поползла мимо обломков робота в ту сторону, где исчезла Рэнди. Казалось, что трос полз мимо меня целую вечность. Я вспомнил прочитанное где-то: хотя объект, попадающий на горизонт событий черной дыры, неизбежно устремляется к ее центру, для наблюдателя из нашей вселенной это путешествие длится вечно.

Большинство людей при мысли о спасателях представляют себе землеройную машину; этакий огромный агрегат с поршнями,

балансирами и стальными когтями, вгрызающийся в клатратную расщелину, как муравьед в поисках муравьев. Но уверяю вас, когда лежишь прямо под этой штукой, она выглядит гораздо более впечатляюще.

Я уже находился в госпитале, на корабле, когда они нашли Рэнди, в одиннадцати километрах от меня, в трещине, которая все сужалась, и сужалась, и сужалась.

В конце Рэнди сломала себе кости, протискиваясь вперед. Таз, обе ключицы, оставшаяся щиколотка.

Щиколотка заставила ее остановиться — когда Рэнди рухнула на землю, у нее не осталось возможности ползти дальше по этой роковой трещине.

И она лежала там, минута за минутой, несмотря ни на что, стремясь продержаться как можно дольше.

И, несмотря ни на что, она выжила.

Они ввели в костюм трубки через пустой ботинок и нашлепку на культе, потому что левая нога замерзла, как камень. Они сказали мне не сразу — только после того, как убедились, что она жива.

Когда спасатели нашли Кэти и Нихила, Кэти спокойно присматривала за своим парализованным мужем, но как только она убедилась, что он в руках профессионалов, она ввела себе успокоительное и начала кричать, пока не потеряла сознание. Несколько недель с ней невозможно было разговаривать. Но теперь она поправилась и вспоминает об этом со смехом. Они с Нихилом живут в большом университетском куполе на Тритоне, и мы встречаемся все вместе в их доме без крыши — они устроили так, что искусственный дождь идет везде.

Миранда, моя жена, три года провела с ампутированными руками и ногами и вернулась на Миранду еще без них, в костюме-роботе, чтобы отвести людей в Пещеру Тупиков. Сейчас не трудно заметить те места, где ее бронзовая, обветренная кожа заканчивается и начинается гладкая розовая плоть ее новых конечностей. Но если вы не обратите на это внимания, она с ухмылкой укажет вам на них.

Стали ли мы, побывав в царстве Аида и вернувшись обратно, лучшими друзьями? Для развлечений у нас имеются более подходящие товарищи. Нихил по-прежнему несколько высокомерен, и они с Кэти по-прежнему иногда перебрасываются колкими фразами, но чаще всего — с улыбкой. Я пришел к выводу, что в каком-то смысле это стимулирует их и заменяет Нихилу вещи, о которых он не хочет говорить.

Кэти и Рэнди по-прежнему особенно не о чем беседовать, это

дает возможность вести разговор нам, мужчинам, которые якобы немногословны. Нихил говорит, что я выслушал столько лекций по геологии, что мог бы сдать экзамены на докторскую степень. Может быть, когда-нибудь я последую его совету. Он часто уговаривает меня сдать эти экзамены, но моя книга имеет такой успех, что до конца жизни я могу ничего не делать, разве только из любви к искусству. Но я не уверен, что люблю геологию.

Часто, когда мы приезжаем к ним в гости, мы просто сидим все четверо, молчим и ничего не делаем — только попиваем сок местного винограда, который нам всем нравится. Мы улыбаемся друг другу и предаемся воспоминаниям.

Но пусть это молчание вас не обманет. Нас четверых связывает нечто большее, чем дружба, нечто большее, чем любые пустые разговоры, моя глупая критика наших таких разных и экстравагантных характеров или прошлые ошибки во время путешествия через Большую Расселину на Миранде. Это крошки со стола величия, пусть ими питаются те, кто последует за нами.

Величайшая правда состоит в том, что когда я, моя жена, Нихил и Кэти собираемся вместе, я чувствую, что возвышаюсь над человеческой природой. Я нахожусь среди полубогов, которые вызвали на смертный бой саму Вселенную — и победили.

Грег Иган
Причины для счастья

Грег Иган (р. в 1961 г.) — один из самых прогрессивных и противоречивых представителей твердой научной фантастики 1990-х гг. В одном из интервью он заявил: «В моих произведениях происходит своего рода размывание границы между наукой и метафизикой. Собственно, я пытаюсь расширить область науки, но не отказаться от этого понятия».

В интервью для журнала «Gigamesh» писатель отозвался о рассказе «Причины для счастья» как об одном из самых значимых и противоречивых своих произведений: «В последнее время я пишу медленнее, чем раньше. Над этим рассказом я работал три месяца, однако должен признать, что прекрасно провел время и доволен каждым словом в тексте. Конечно, я не могу сказать, что никто не сумел бы сделать лучше, но когда в написанном ничего не хочется изменить, — это чертовски приятное чувство».

По сравнению с героем представленного в этой антологии рассказа Теда Чана «Понимание» герою Игана повезло больше: его жизнерадостность и способность быть счастливым все-таки восстановились. Однако, получив возможность выбирать, как относиться к миру и что чувствовать, он тем не менее не научился управлять отношением окружающего мира к себе. Одна из главных тем рассказа — противоречия и согласованность, которые присутствуют в отношениях человека и мира, материи и разума.

1

В сентябре 2004 года, вскоре после своего двенадцатого дня рождения, я вступил в период почти полного счастья. Мне никогда не приходило в голову задаться вопросом, почему я счастлив. Хотя занятия в школе были по-прежнему нудными, учился я достаточно хорошо и мог позволить себе на уроках витать в облаках. А дома у меня оставалось достаточно времени, чтобы читать в книгах и на интернет-сайтах о молекулярной биологии и физике элементарных частиц, о кватернионах и

эволюции галактик, создавать собственные абстрактные мультфильмы и компьютерные игры на сюжеты из византийской истории. И несмотря на то что я был тощим, нескладным ребенком и спорт как таковой вызывал у меня смертельную скуку, мое тело меня вполне устраивало и я получал истинное удовольствие от бега. А бегал я постоянно.

У меня были пища, кров, любящие родители, поддержка. Почему не чувствовать себя счастливым? И хотя мне не удавалось окончательно избавиться от неприятных мыслей о школьной рутине, вредных одноклассниках и мелких проблемах, с легкостью гасивших вспышки моего энтузиазма, все шло прекрасно до тех пор, пока неожиданно не обратилось в прах. Счастье всегда приносило с собой уверенность, что оно будет длиться вечно, и пусть я тысячи раз видел, как это оптимистическое заблуждение рушится, я был еще молод и недостаточно циничен и удивился, когда тревожные признаки в конце концов появились.

У меня начались приступы рвоты, и доктор Эш, наш семейный врач, назначила мне курс антибиотиков и на неделю освободила от занятий. Родители едва ли удивлялись, что эти незапланированные каникулы радовали меня гораздо больше, нежели угнетала загадочная инфекция. Тем не менее мать с отцом были озадачены тем, что я не давал себе труда изображать больного. Впрочем, в этом не было нужды, ведь меня, как по расписанию, рвало три-четыре раза в день.

Антибиотики не помогли. Меня шатало, я спотыкался на ровном месте. В кабинете врача я не мог различить букв в таблице для определения остроты зрения. Доктор Эш направила меня к невропатологу в Вэстмидский госпиталь, и тот велел немедленно сделать томограмму. В тот же день меня положили в больницу. Моим родителям диагноз сообщили сразу, но мне потребовалось еще три дня, чтобы вытянуть из них всю правду.

У меня была опухоль, медуллобластома, она заблокировала один из наполненных жидкостью желудочков головного мозга, и у меня поднялось внутричерепное давление. Вообще-то медуллобластомы смертельны, но после операции, жесткой лучевой и химиотерапии две трети пациентов, которым поставили диагноз на этой стадии, могли протянуть еще лет пять.

Я вообразил себя на железнодорожном мосту с прогнившими шпалами, и выбора у меня не было: только идти вперед, проверяя каждую подозрительную доску, прежде чем наступить на нее. Я осознавал ожидающую меня опасность, осознавал отчетливо, но не чувствовал ни настоящего страха, ни настоящей паники. Самым близким к страху ощущением было волнующее

головокружение, словно мне предстояло всего лишь покататься на карусели.

Это объяснялось следующим образом.

Большая часть симптомов была связана с повышением черепного давления, но анализ спинномозговой жидкости выявил также существенное повышение уровня вещества, называемого лей-энкефалин — эндорфина, нейропептида, который возбуждает те же рецепторы, что и опиаты, например морфин и героин. Видимо, где-то на своем зловещем пути мутация, «запустившая» деление раковых клеток, также активировала гены, отвечающие за выработку лей-энкефалина.

Это был необычный случай, не просто побочный эффект. Я тогда мало знал об эндорфинах, но мои родители повторили то, что сказал им невропатолог, а позднее я прочитал обо всем этом в книгах. Лей-энкефалин не относится к анальгетикам, вырабатываемым на случай, когда боль угрожает жизни; он не обладает притупляющим действием, свойственным анестезирующим веществам. Скорее это некий примитивный способ передачи положительных эмоций; лей-энкефалин высвобождается, когда поведение субъекта или обстоятельства предвещают радость. Бесчисленное множество других нервных импульсов головного мозга модулирует это простое сообщение, создавая почти безграничную палитру положительных эмоций, а соединение лей-энкефалина с нейронами-мишенями служит лишь первым звеном в длинной цепочке данных, передаваемых другими нейромедиаторами. Не вдаваясь в эти тонкости, могу подтвердить один простой факт: лей-энкефалин давал мне *радость*.

Узнав обо всем, родители буквально сломались, именно я утешал их, сияя безмятежной улыбкой, как некий блаженный маленький мученик из слезоточивых телепередач об онкологических больных. Дело было не в моей внутренней силе или зрелости; я физически был неспособен горевать о своей судьбе. И благодаря специфическому воздействию лей-энкефалина я мог бесстрашно смотреть правде в глаза, как если бы меня до ушей напичкали примитивными опиатами. Голова у меня оставалась ясной, но эмоции били через край, я просто излучал бодрость.

Сначала мне установили желудочковый шунт — тонкую трубку, которая проникала глубоко в череп и способствовала снижению давления; затем должна была последовать более инвазивная и рискованная процедура удаления опухоли; операцию назначили на конец недели. Доктор Мейтленд,

онколог, подробно объяснила, как будет проходить лечение, и предупредила, что после операции меня ожидают месяцы дискомфорта и опасность рецидива. Что ж, ремни были пристегнуты, и я готов был отправиться в путь.

Тем не менее, когда первый шок остался позади, родители не захотели сидеть сложа руки и гадать, доживу ли я до зрелости: шансы были один к двум. Они обзвонили весь Сидней, затем еще несколько городов, желая услышать мнение других специалистов.

Мать нашла на Золотом Берегу частную клинику — единственный австралийский филиал сети «Дворцы Здоровья», расположенной в Неваде; там на онкологическом отделении предлагали новый метод лечения медуллобластомы. В спинномозговую жидкость вводили генетически модифицированный вирус герпеса, который поражал делящиеся раковые клетки и активировал мощный цитотоксический препарат, а тот в свою очередь убивал инфицированные клетки. После лечения, согласно статистике, восемьдесят процентов больных проживали еще пять лет. Кроме того, такая методика исключала риск хирургического вмешательства. Я сам просмотрел цены на веб-сайте больницы. Они предлагали комплексное соглашение: три месяца пребывания в стационаре с питанием, все процедуры и рентгеновские снимки, все лекарства за шестьдесят тысяч долларов.

Мой отец работал электриком на стройке. Мать — продавщицей в супермаркете. Я был единственным ребенком, так что мы отнюдь не бедствовали, но родителям пришлось получить вторую закладную на дом и еще на пятнадцать — двадцать лет погрязнуть в долгах, чтобы оплатить лечение. При той и другой методике шансы были примерно одинаковые. Я слышал, как доктор Мейтленд предупреждала родителей, что сравнивать их нельзя — лечение с помощью вируса разработано совсем недавно. Было бы более понятно, если бы они последовали ее совету и выбрали традиционный способ.

Может быть, моя питаемая энкефалином святость как-то на них повлияла. Может быть, они не пошли бы на такие большие жертвы, если бы я сохранял свой обычный угрюмый вид или если бы я просто панически боялся, а не проявлял этого противоестественного мужества. Я так никогда и не узнал этого наверняка. В любом случае, мое мнение об отце и матери не изменилось бы. Хотя энкефалин и не заполнил их мозги, они все же, наверное, поддались его влиянию.

Весь полет на север я держал отца за руку. Мы никогда не были близки, скорее, немного разочарованы друг в друге. Я знал, что он предпочел бы иметь более крепкого, атлетически

сложенного, более общительного сына, а мне отец всегда казался ленивым конформистом, чьи взгляды на жизнь основывались на безоговорочно принятых банальных чужих мыслях. Но во время этого путешествия, за которое мы едва перекинулись парой слов, я почувствовал, что его разочарование превратилось в какую-то пылкую, неистовую, покровительственную любовь, и устыдился того, что мало уважал его. Я позволил лей-энкефалину убедить себя в том, что, когда все это закончится, наши отношения изменятся к лучшему.

Со стороны «Дворец Здоровья» на Золотом Берегу казался обычным дорогим приморским отелем — и даже внутри он почти ничем не отличался от гостиниц, которые я видел в кино. Мне предоставили отдельную комнату, где были телевизор шире кровати и компьютер с выходом в Интернет. После недели обследований в мой желудочковый шунт вставили капельницу и ввели через нее сначала вирус, а затем, через три дня, препарат.

Опухоль начала уменьшаться почти сразу же; мне показали снимки. Родители выглядели счастливыми, но ошеломленными. Похоже, они не слишком доверяли заведению, куда миллионеры приезжали делать операции на мошонке, и считали, что из них только выкачают деньги и накормят первоклассными байками, а я тем временем угасну. Но опухоль продолжала уменьшаться, и когда этот процесс приостановился на два дня, онколог повторил процедуру, после чего щупальца и клубки на экране томографа стали совсем тонкими, почти прозрачными.

Теперь у меня были все основания для буйной радости, но я, напротив, начал испытывать растущее беспокойство и решил, что это следствие снижения уровня лей-энкефалина в организме. Возможно даже, что опухоль вырабатывала такое количество этой штуки, что я очутился на вершине блаженства, и у меня не было иного пути, кроме как вниз.

А теперь каждое облачко тревоги в моем солнечно-ясном расположении духа только подтверждало добрые вести на экране томографа.

Однажды утром я проснулся от кошмара — это был первый кошмар за несколько месяцев; мне приснилась опухоль в образе когтистого чудовища, которое мечется у меня в голове. Я слышал, как оно бьется панцирем о мой череп, словно скорпион, запертый в банке. Я был напуган, весь взмок от пота… я *освободился* от этого чудовища. Страх вскоре уступил место ярости: болезнь сделала меня слабым, но теперь я мог противостоять ей, кричать о том, что думаю, изгнать демона при помощи праведного гнева.

Я действительно чувствовал себя в какой-то степени

обманутым. Я переживал спад после борьбы со своей злой судьбой, которая теперь уже сама отступала. И прекрасно понимал, что кривлю душой, представляя себя разгневанным победителем болезни — вроде того, как если бы вилочный погрузчик снял с моей груди камень, а я вообразил бы, что убрал валун сам, легким дуновением. Но я старался принимать свои запоздалые эмоции такими, как есть.

Спустя шесть недель после того, как я поступил в клинику, снимки были хорошими; в крови, спинномозговой и лимфатической жидкости не наблюдалось белков, характерных для раковых клеток. Тем не менее существовал риск, что в организме остались какие-то пораженные клетки, и мне назначили короткий, мощный курс совершенно других препаратов, не связанных с вирусом герпеса. Сначала мне сделали тестикулярную биопсию под местным наркозом, что было скорее неловко, нежели болезненно; у меня также взяли образец костного мозга из бедра, чтобы способность организма производить сперму и кровяные клетки можно было восстановить, если бы лекарства уничтожили их источник. Я облысел, и рвало меня теперь чаще и гораздо сильнее, чем в начале болезни. Но когда я стал жаловаться, одна из сестер железным тоном объяснила мне, что дети вдвое младше меня подвергались этому лечению месяцами.

Эти традиционные препараты никогда не смогли бы вылечить меня, но, очистив организм от остатков раковых клеток, они значительно сократили риск рецидива. Я узнал красивое слово — *апоптоз*, самоубийство клеток, запрограммированная смерть — и повторял его себе снова и снова. В конце концов я стал получать почти удовольствие от ощущения тошноты и усталости; чем более несчастным я чувствовал себя, тем легче мне было представить судьбу раковых клеток, представить, как их мембраны сморщиваются, словно воздушные шарики, когда лекарства приказывают им покончить с собой. *Умирайте в страданиях, ничтожные зомби!* Я думал, что, наверное, придумаю про это игру или даже целую серию игр, кульминацией которой станет *«Химиотерапия III: Битва за мозг»*. Я сделаюсь богатым и знаменитым, я смогу заплатить долг родителям, и жизнь на самом деле будет такой же замечательной, как заставляла меня считать раковая опухоль.

Меня выписали в начале декабря, и я был совершенно здоров. Родители казались настороженными и ликующими попеременно, словно постепенно избавлялись от убеждения в том, что за преждевременную радость придется поплатиться. Побочные

эффекты химиотерапии исчезли; волосы отрасли заново, осталась только небольшая плешь на том месте, где когда-то размещался шунт, и желудок мой нормально удерживал пищу. Смысла возвращаться в школу не было, до конца учебного года оставалось две недели, и у меня сразу же начались летние каникулы. По электронной почте я получил пошлое, неискреннее, написанное под диктовку учителя письмо от одноклассников в духе «поправляйся скорее», но друзья пришли к нам домой, немного смущенные и испуганные, и приветствовали меня, вернувшегося с порога смерти.

Так почему же мне было так плохо? Почему каждое утро, когда я открывал глаза и видел за окном ясное голубое небо — мне разрешали спать сколько захочется, отец и мать обращались со мной как с принцем, но держались в стороне и не ворчали, если я сидел перед компьютером по шестнадцать часов, — почему же при первом луче дневного света мне хотелось зарыться лицом в подушку, сжать зубы и шептать: «Лучше бы я умер, лучше бы я умер»?

Ничто не приносило мне ни малейшей радости. Ничто — ни мои любимые Интернет-магазины и веб-сайты, ни звуки нджари[43], которыми я когда-то наслаждался, ни самая дорогая, соленая, сладкая и высококалорийная еда, которую я получал по первому слову. Я не мог заставить себя прочесть до конца страницу ни в одной книге, не мог написать десяти строчек кода. Я не мог смотреть в глаза своим друзьям, не мог допустить мысли об общении по Интернету.

Все, что я делал, все, о чем я думал, вызывало у меня ужасное чувство досады и страха. Единственное сравнение, приходившее мне в голову, — документальный фильм об Освенциме, который показывали в школе. Фильм-хроника открывался длинной панорамой, камера неумолимо приближалась к воротам лагеря, и когда я наблюдал эту сцену, на душе у меня становилось все мрачнее и мрачнее — я уже хорошо знал, что произойдет внутри. Я не сходил с ума; я ни минуты не верил, что за каждой радужной картинкой меня подстерегает какое-то неописуемое зло. Но когда я просыпался и видел небо, меня охватывало то же тошнотворное предчувствие, как если бы я смотрел в ворота Освенцима.

Возможно, я боялся, что опухоль появится снова, но боялся не настолько. Быстрая победа над вирусом в первом раунде значила немало, и отчасти я действительно считал себя везучим и испытывал соответствующую благодарность. Но я не мог больше радоваться своему спасению, теперь, после энкефалинового блаженства, мне было так плохо, что хотелось покончить с собой.

Родители встревожились и потащили меня к психологу на

«консультации для выздоравливающих». Эта идея показалась мне такой же отвратительной, как и все остальное, но у меня не было сил сопротивляться. Доктор Брайт и я проанализировали вероятность того, что я подсознательно стремлюсь быть несчастным, потому что привык связывать счастье с риском смерти, и тайно страшусь, что новое появление главного симптома опухоли — радости — возродит саму болезнь. Часть моего разума отвергала это удобное объяснение, но другая часть уцепилась за него. Видимо, подсознательно я надеялся, что подобные сложные умозаключения помогут мне вытащить мои несчастья на свет Божий, где тоска и печаль потеряют надо мной власть.

Но депрессия и отвращение, которое вызывало во мне все вокруг — пение птиц, рисунок на кафеле в ванной, запах тостов, форма моих рук, — только усиливались.

Я решил, что, возможно, повышение уровня лей-энкефалина, вызванное опухолью, спровоцировало мои нейроны сократить количество соответствующих рецепторов, или я стал «толерантным» к лей-энкефалину, как наркоман-героинщик к опиатам, то есть в моем организме начало вырабатываться регуляторное вещество, блокирующее рецепторы. Когда я поделился своими соображениями с отцом, он настоял, чтобы я обсудил все это с доктором Брайтом. Тот изобразил живейший интерес, но явно не принял мои слова всерьез. Он по-прежнему говорил родителям, что мое состояние — совершенно нормальная реакция на перенесенное заболевание и что мне необходимы только время, терпение и понимание.

В начале нового учебного года меня отправили в школу, но после того как я целую неделю тупо сидел за партой, уставившись в никуда, родители устроили так, чтобы я обучался на дому. Дома мне действительно удавалось пускай медленно, но все же осваивать школьную программу в периоды оцепенения, которые чередовались с приступами всепоглощающей депрессии. В эти же промежутки относительной ясности мысли я продолжал размышлять о возможных причинах своего состояния. Я порылся в медицинской и биологической литературе и обнаружил статью об исследовании влияния высоких доз лей-энкефалина на кошек, но там утверждалось, что эффект толерантности непродолжителен.

Затем, одним мартовским утром, глядя на электронный микроснимок раковой клетки, инфицированной вирусом герпеса, вместо того чтобы изучать биографии давно умерших ученых, я наконец выработал более или менее логичную теорию. Вирус при

помощи особых белков присоединялся к инфицируемой клетке, затем проникал сквозь мембрану. Но если вирус позаимствовал от многочисленных РНК-транскриптов раковой клетки копию гена лей-энкефалина, он уже мог цепляться не только к размножающимся клеткам опухоли, но и к любому нейрону с лей-энкефалиновым рецептором в моем мозгу.

А затем появился цитотоксический препарат, активируемый вирусом, и убил все подряд.

Каналы, которые в норме стимулировались погибшими нейронами, отмирали, лишенные входящей информации. Все участки моего мозга, способные испытывать положительные эмоции, постепенно гибли. И хотя временами я просто ничего не чувствовал, мое настроение определялось колеблющимся соотношением сил. Не встречающая ни малейшего сопротивления депрессия могла в любой момент полностью мной завладеть.

Я ни словом не обмолвился родителям. У меня не хватило духа рассказать им, что в битве за мою жизнь, которую они изо всех сил помогали мне выиграть, я оказался покалеченным. Я попытался связаться с онкологом, который лечил меня на Золотом Берегу, но мои звонки зависали в режиме ожидания, а письмо, отправленное по электронной почте, осталось без ответа. Мне удалось поговорить наедине с доктором Эш. Она вежливо выслушала мою теорию, но отказалась направить меня к невропатологу, поскольку симптомы у меня были исключительно психологическими, а в анализах крови и мочи не обнаружилось никаких стандартных признаков клинической депрессии.

Периоды просветления становились все короче. Вскоре я уже проводил в постели большую часть дня, рассматривая затемненную комнату. Мое отчаяние было настолько однообразным, абсолютно не связанным с реальными событиями, что до некоторой степени притуплялось собственной абсурдностью: никого из моих близких не убили, рак был почти на сто процентов побежден, я еще мог отличить свои ощущения от настоящего горя и настоящего страха.

Но я был не в состоянии отбросить уныние и чувствовать то, что мне хотелось. Моя свобода выбора ограничивалась попытками отыскать причины моей тоски — обмануть себя мыслью, что это моя собственная, абсолютно естественная реакция на какую-то придуманную цепь несчастий — или отречься от нее как от чего-то инородного, привнесенного извне, поймавшего меня в эмоциональную ловушку, сделавшее меня бесполезным и бесчувственным, словно паралитик.

Отец не стал обвинять меня в слабости или неблагодарности, он просто тихо исчез из моей жизни. Мать все еще старалась

достучаться до меня, утешить или расшевелить, но дошло до того, что у меня едва хватало сил пожать ей руку в ответ. Я не был в буквальном смысле этого слова парализован или слеп, я не онемел, не помутился рассудком. Но все яркие миры, когда-то принадлежавшие мне, — физические и виртуальные, реальные и воображаемые, интеллектуальные и эмоциональные, — стали невидимыми, недостижимыми. Скрылись в тумане. Утонули в дерьме. Были погребены под пеплом.

К тому моменту, когда меня приняли на неврологическое отделение, мертвые участки моего мозга отчетливо просматривались на томограмме. Но даже если бы диагноз поставили раньше, остановить процесс все равно было бы невозможно.

И я понимал: теперь никто не в состоянии забраться внутрь моего черепа и восстановить механизм счастья.

2

Будильник разбудил меня в десять, но мне потребовалось еще три часа, чтобы найти в себе силы пошевелиться. Я отбросил простыню и сел на край кровати, вяло бормоча ругательства и пытаясь избавиться от неизбежной мысли о том, что вставать не стоило. Какие бы грандиозные достижения ни сулил мне сегодняшний день (ухитриться не только отправиться в магазин, но еще и купить что-нибудь, помимо полуфабрикатов), какая бы невероятная удача ни обрушилась на меня (например, страховая компания перечислит деньги прежде, чем наступит срок платить за квартиру), завтра я проснусь с точно таким же чувством.

Ничто не поможет, ничто не изменится. Все заключалось в этих шести словах. Но я давно уже смирился с этим, разочарованиям не осталось места. И нечего было сидеть и в тысячный раз жаловаться на проклятую очевидность.

Верно?

К дьяволу. Просто вставай.

Я проглотил свои «утренние» лекарства, шесть капсул, которые я с вечера положил на тумбочку, затем отправился в ванную и помочился ярко-желтой жидкостью, состоявшей в основном из продуктов распада вчерашней дозы. Ни один антидепрессант в мире не мог обеспечить мне искусственный рай, но эта штука поддерживала достаточно высокий уровень дофамина и серотонина[44] в моем организме и избавляла меня от полного ступора — от капельниц, судна и обтираний губкой.

Я побрызгал в лицо водой, пытаясь выдумать причину для

того, чтобы выйти из дому, в то время как в холодильнике еще полно еды. Оттого, что я, небритый, немытый, целыми днями торчал дома, мне делалось только хуже: я был тощим и вялым, словно какой-то бледный паразитический червь. Но по-прежнему могла пройти неделя или две, прежде чем отвращение к себе становилось настолько невыносимым, чтобы заставить меня пошевелиться.

Я уставился в зеркало. Отсутствие аппетита более чем компенсировало отсутствие физических нагрузок — я не получал удовольствия ни от лакомств, ни от движения, — и можно было пересчитать ребра под дряблой кожей у меня на груди. Мне было тридцать лет, а выглядел я как изможденный старик. Я прижался лбом к холодному стеклу, повинуясь какому-то рудиментарному инстинкту, говорившему мне, что это приятное ощущение. Но ничего приятного я не почувствовал.

Зайдя в кухню, я увидел на телефоне огонек: получено сообщение. Я отправился обратно в ванную и сел на пол, пытаясь убедить себя, что это не обязательно плохая новость: умирать вроде бы некому, а развестись дважды мои родители не могут.

Я приблизился к телефону и включил дисплей. Возникло миниатюрное изображение незнакомой строгой женщины средних лет. Имя отправителя — доктор З. Даррэни, Отдел биомедицинской инженерии, Университет Кейптауна. В графе «тема» значилось: «Новые технологии в протезной реконструктивной нейропластике». Это меня удивило: обычно люди так невнимательно просматривали мою историю болезни, что считали, будто я слегка умственно отсталый. Я ощутил бодрящее отсутствие отвращения к доктору Даррэни, самое близкое к уважению чувство, на которое я был способен. Но я знал: никакие новые технологии уже не смогут мне помочь.

Соглашение с «Дворцом Здоровья» предусматривало в случае неудачного лечения пожизненное содержание в размере минимальной оплаты труда плюс компенсацию за необходимое медицинское обслуживание; таким образом, в моем распоряжении не было никаких астрономических сумм. Тем не менее расходы на лечение, которое потенциально сделало бы меня трудоспособным, страховая компания по своему усмотрению могла покрыть полностью. Объем выделяемых средств, учитывая общие затраты на мое пожизненное содержание, постоянно уменьшался, но тогда во всем мире сокращалось финансирование медицинских исследований.

Большая часть предлагавшихся мне до сих пор терапевтических методов заключалась в применении новых препаратов. Лекарства действительно избавляли меня от

пребывания в стационаре, но надежда, что они превратят меня в маленького счастливого труженика, была равносильна ожиданию, что мазь поможет прирастить ампутированную конечность. Тем не менее, с точки зрения Глобальной страховой компании, раскошеливаться на нечто более сложное было слишком рискованно. Без сомнения, подобная перспектива заставляла менеджера, занимавшегося моим делом, постоянно производить актуарные калькуляции. Не было смысла торопиться с расходованием средств, когда еще оставалась значительная вероятность, что после сорока я покончу с собой. Дешевые способы всегда предпочтительнее, даже если они не дают быстрых результатов, а любое предложение радикальных методов, имеющих реальные шансы на успех, наверняка было неподходящим с точки зрения соотношения риск-цена.

Я опустился на колени перед экраном, обхватив голову руками. Я мог стереть сообщение, не просмотрев его и не узнав, что я теряю, избавить себя от разочарования… Но ведь неведение ничем не лучше. Я нажал кнопку воспроизведения и отвел глаза; встречаясь взглядом с другим человеком, пусть даже на экране, я испытывал ужасный стыд. Я понимал причину этого: рецепторы, восприимчивые к эндорфину, давно уже были заблокированы или мертвы, а отрицательная информация вроде неприятия или враждебности поступала бесперебойно по каналам, ставшим гиперчувствительными, и теперь все свободное пространство заполнялось мощными негативными импульсами, независимо от реального положения вещей.

Я слушал доктора Даррэни со всем вниманием, на которое был способен, пока она описывала, как работает с пациентами, перенесшими удар. Стандартным лечением в данном случае была пересадка искусственно выращенной нервной ткани, но Даррэни вместо этого вводила в пораженный участок полимерную пену специально разработанной структуры.

Пена вступала во взаимодействие с аксонами и дендритами окружающих нейронов, а сам полимер был создан таким образом, что служил как бы сетью электрохимических переключателей. С помощью микропроцессоров, распределенных в пене, изначально аморфную сеть-матрицу программировали на общее восстановление функций погибших нейронов, затем настраивали таким образом, чтобы достичь совместимости с организмом конкретного пациента.

Доктор Даррэни перечислила свои достижения: восстановление зрения, речи, двигательной функции, музыкального слуха, способности регулировать мочеиспускание и дефекацию. Мой случай, учитывая количество погибших

нейронов и синапсов[45], пока лежал за пределами ее возможностей. Но от этого задача становилась только интереснее.

Я ждал, когда же наконец она назовет «скромную» шести-семизначную сумму гонорара. Голос с экрана произнес:

— Если вы в состоянии оплатить дорожные расходы и стоимость трехнедельного пребывания в клинике, то само лечение будет осуществлено за счет моего гранта.

Я дюжину раз прослушал эти слова, пытаясь найти в них подвох, — это было единственное занятие, в котором я преуспел. Когда мне это не удалось, я собрался с духом и написал по электронной почте ассистенту Даррэни в Кейптаун, попросив разъяснений.

Все было правильно. За стоимость годовой дозы лекарств, которые с трудом поддерживали меня в сознании, мне предлагали возможность стать нормальным человеком на всю оставшуюся жизнь.

Организация поездки в Южную Африку была мне совершенно не по силам, но когда Глобальная страховая компания осознала собственную выгоду, машина на двух континентах завертелась, действуя от моего имени. Все, что от меня требовалось, — это подавить желание все отменить. Перспектива снова оказаться в больнице, опять стать беспомощным угнетала меня несказанно, но размышление о нервном протезе само по себе было подобно ожиданию Судного дня, обозначенного в календаре. Седьмого марта 2023 года я либо вступлю в бесконечно огромный, богатый, прекрасный мир, либо буду искалечен без надежды на выздоровление. И в каком-то смысле даже окончательный крах надежд представлялся мне гораздо менее пугающим, чем его противоположность: я и так был жестоко болен и с легкостью воображал себя искалеченным окончательно. Единственное представление о счастье, которое я мог вызвать в памяти, был образ меня самого в детстве, радостно бегущего в лучах солнечного света: это было приятно, но лишено какого-либо практического смысла. Если бы я хотел стать солнечным лучом, я в любое время мог бы вскрыть себе вены. Но мне нужна была работа, мне нужна была семья, мне нужна была обыкновенная любовь — довольно скромные амбиции, но на протяжении многих лет я был лишен всего этого. Однако я не мог представить себе, что произойдет, когда я наконец достигну желаемого, так же как не мог представить себе повседневную жизнь в двадцати шести измерениях.

Перед утренним рейсом из Сиднея я не спал всю ночь. В аэропорт меня отвозила специальная медсестра, однако я был

избавлен от сопровождения до Кейптауна. Во время полета в минуты бодрствования меня терзала паранойя, я боролся с искушением придумать тысячи оснований для тревоги и тоски, терзавших меня. Никто на этом самолете не смотрит на меня с презрением. Методика Даррэни — не обман. Я преуспел в борьбе с бредовыми идеями, но, как всегда, изменить свои чувства оказалось мне не под силу, мне даже не удалось провести четкую грань между моим чисто патологическим беспокойством и вполне естественным страхом человека перед рискованной операцией на головном мозге.

Разве не блаженством будет перестать все время бороться. Пусть не счастье; но даже грядущее, полное горя, окажется триумфом, ведь я буду знать, что у этого горя есть причина.

Люк де Врие, один из ассистентов Даррэни, встретил меня в аэропорту. На вид ему было лет двадцать пять, он излучал такую самоуверенность, что только усилием воли мне удалось не принять ее за презрение. Я сразу же почувствовал себя беспомощным, загнанным в угол; он все устроил, я словно ступил на ленту конвейера. Но я понимал, что если бы мне пришлось все делать самому, то процесс остановился бы.

Мы добрались до клиники, расположенной в пригороде Кейптауна, за полночь. Пересекли автостоянку. Вокруг жужжали неизвестные насекомые, в воздухе витали совершенно незнакомые запахи, созвездия выглядели искусными подделками. Когда мы подошли к входу в здание, я рухнул на колени.

— Эй! — Де Врие остановился и помог мне подняться. Я трясся от страха и вместе с тем от стыда, что устроил такую сцену.

— Это нарушает мою Терапию Уклонения.

— Терапию Уклонения?

— Любой ценой уклоняться от больниц.

Де Врие рассмеялся, но может, он просто хотел поднять мне настроение. Сознание, что ты вызвал искренний смех, оказалось приятным, хотя участки, отвечающие за смех, также были мертвы.

Де Врие сказал:

— Последнюю пациентку нам пришлось вносить на носилках. А покинула она нас, почти так же твердо держась на ногах, как вы.

— Настолько плохо?

— У нее барахлило искусственное ребро. Не наша вина.

Мы поднялись по ступеням и вошли в ярко освещенное фойе.

На следующее утро — в понедельник, шестого марта, за день

до операции — я познакомился с большинством врачей, которые должны были выполнить первую, чисто механическую часть процедуры: вычистить бесполезные полости, оставленные погибшими нейронами, а затем закачать внутрь пену Даррэни. Помимо старой дыры, которая осталась от шунта, введенного восемнадцать лет назад, у меня в черепе появятся еще две.

Медсестра выбрила мне голову и наклеила на кожу пять меток, затем весь день меня обследовали. Окончательное, трехмерное изображение всех мертвых участков моего мозга походило на карту спелеолога — цепь соединенных пещер с обвалами и разрушенными туннелями.

В тот вечер сама Даррэни пришла навестить меня.

— Пока вы будете под наркозом, — объяснила она, — пена застынет, и образуются первые соединения с окружающей тканью. Затем микропроцессоры дадут команду полимеру образовать сетку, которую мы выбрали в качестве исходной структуры.

Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы заговорить: любой вопрос — вежливый или невежливый, здравый и относящийся к делу или наоборот — вызывал у меня болезненное и унизительное чувство, словно я стоял перед нею голый и просил вычистить дерьмо у меня из волос.

— А откуда вы берете матрицу, которой пользуетесь? Вы что, сканируете добровольца?

Неужели мне предстояло начать новую жизнь в качестве клона Люка де Врие — унаследовать его вкусы, амбиции, эмоции?

— Нет, нет. Существует международная база данных здоровых нервных структур — данные взяты у двадцати тысяч человек, умерших без черепно-мозговых травм. Это более тонкая процедура, чем томография: мозг замораживается в жидком азоте, разрезается на тонкие пластинки микротомом с алмазным лезвием, затем эти пластинки окрашивают и фотографируют с помощью электронного микроскопа.

Мой мозг отказывался воспринимать миллиарды гигабайт информации, о которых она упомянула мимоходом; я совершенно отстал от компьютерного прогресса.

— Значит, вы воспользуетесь неким композитом из базы данных? Вы дадите мне нечто среднее, какую-то типичную структуру?

Даррэни, казалось, хотела согласиться с этим объяснением как достаточно близким к истине, но она явно была педантом и к тому же, видимо, имела довольно высокое мнение о моих умственных способностях.

— Не совсем. Это похоже скорее на совокупность образцов разных структур, чем на нечто среднее. Мы воспользовались

почти четырьмя тысячами записей из базы данных — это мужчины в возрасте от двадцати до сорока лет, — и если у одного из них нейрон А был связан с нейроном В, а у другого — с нейроном С, то вы будете иметь соединение и с В, и с С. Таким образом, вы изначально получите сетку, которая теоретически может быть сокращена до одной из четырех тысяч индивидуальных версий, использованных для ее создания, но на самом деле вы вместо этого создадите свою собственную, уникальную версию.

Это звучало лучше, чем перспектива превратиться в эмоционального клона или подобие Франкенштейна; я стану необтесанной статуей, черты которой еще нужно будет определить. Но…

— А как сократить ее? Как я смогу избежать превращения в любого из них, в?..

В кого? В себя двенадцатилетнего, воскресшего из мертвых? Или в себя тридцатилетнего, коллективного клона четырех тысяч незнакомцев? Я смолк; я потерял последнюю веру в то, что говорю разумные вещи.

Даррэни, казалось, сама слегка забеспокоилась — если я мог хоть сколько-нибудь правильно судить о ее реакциях. Она сказала:

— В вашем мозгу должны существовать некие нетронутые области, несущие информацию о том, что было утрачено. Воспоминания раннего детства, представления о вещах, которые когда-то доставляли вам удовольствие, фрагменты структур, не пораженные вирусом. Протез автоматически настроится на состояние, совместимое с остальными частями вашего мозга, он начнет взаимодействовать со всеми этими системами, и связи в подобных условиях будут только крепнуть. — Она на минуту задумалась. — Представьте себе искусственную руку, которая сначала несовершенна, но, по мере того как вы пользуетесь ею, приспосабливается к вам: вытягивается, когда вам не удается схватить то, к чему вы тянетесь, отдергивается, неожиданно натыкаясь на что-то, пока не принимает именно ту форму и размер, которые имеет воображаемая конечность, созданная вашими движениями. Она лишь образ потерянной плоти и крови.

Метафора казалась привлекательной. Тем не менее трудно было поверить, что моя ослабевшая память содержит достаточно информации, чтобы восстановить ее воображаемого владельца во всех подробностях. Нелегко представить, что человек, каким я был когда-то или каким я мог бы стать, способен восстановиться из нескольких намеков, оставшихся в мозгу и затерявшихся в свалке четырех тысяч чужих представлений о счастье. Но эта тема

заставляла по крайней мере одного из нас испытывать неловкость, так что я решил не продолжать и ограничился последним вопросом:

— А что я буду ощущать, проснувшись после наркоза, пока связи еще не установились?

Даррэни призналась:

— Как раз этого я и не знаю. Вы сами мне расскажете.

Кто-то повторял мое имя, спокойно, но настойчиво. Я постепенно просыпался. Шея, ноги, спина — все болело, к горлу подступала тошнота.

Но в постели было тепло, и простыни были мягкие. Было приятно просто лежать вот так.

— Сегодня среда, уже день. Операция прошла хорошо.

Я открыл глаза. В изножье стояла Даррэни с четырьмя ассистентами. Я уставился на нее в изумлении: лицо, которое я когда-то считал «строгим» и «отталкивающим», было… привлекательным, магнетическим. Я мог бы смотреть на нее часами. Затем я перевел взгляд на Люка де Врие, стоявшего рядом с ней. Он был таким же прекрасным. Я по очереди оглядел остальных троих ассистентов. Все они казались одинаково очаровательными; я не знал, куда смотреть.

— Как вы себя чувствуете?

Я не находил слов. Лица этих людей были так многозначительны, так занимали меня, что я не мог выделить ни одного конкретного выражения: они все казались мудрыми, восторженными, прекрасными, задумчивыми, внимательными, сочувственными, безмятежными, энергичными… Это был «белый шум» качеств, позитивных, но совершенно сливавшихся друг с другом.

Но когда я заставил себя переводить взгляд с одного лица на другое, пытаясь определить настроение людей, выражение их начало кристаллизоваться — словно я сфокусировал на них взгляд, хотя с самого начала видел все четко.

Я спросил Даррэни:

— Вы улыбаетесь?

— Слегка. — Она помедлила, — Конечно, существуют стандартные тесты, но, пожалуйста, попробуйте описать мое выражение лица. Скажите, о чем я думаю.

Я ответил без размышлений, словно меня попросили прочитать таблицу для определения остроты зрения.

— Вам… любопытно? Вы внимательно слушаете. Вы заинтересованы, и вы… надеетесь на что-то хорошее. И вы улыбаетесь, потому что думаете, что это хорошее произойдет.

Или потому, что не можете до конца поверить, что оно произошло.

Она кивнула, улыбнувшись шире:

— Хорошо.

Я не упомянул о том, что нашел ее до боли прекрасной, так же как и всех мужчин и женщин, находившихся в комнате: завеса противоречивых настроений, которые я видел на их лицах, исчезла, обнажив сияние, при взгляде на которое замирало сердце. Меня немного встревожили новые ощущения — они были слишком беспорядочными, слишком сильными и напоминали реакцию на свет человека, вышедшего из темноты. Но после восемнадцати лет, в течение которых я видел в лицах лишь уродство, я не собирался жаловаться на присутствие пяти человек, которые выглядели, словно ангелы.

— Вы не хотите есть? — спросила Даррэни.

Я задумался.

— Да.

Один из студентов принес еду, почти такую же, как и ланч, который я ел в понедельник: салат, булочка, сыр. Я взял булку и откусил кусочек. На ощупь она была такой же, как прежде, вкус не изменился. Два Дня назад я прожевал бы этот кусок и проглотил с легким отвращением, которое вызывала во мне всякая еда.

По щекам у меня покатились горячие слезы. Я не был в экстазе; ощущение казалось странным и болезненным, словно я пил из источника потрескавшимися губами, на которых запеклись соль и кровь.

Болезненное, но завораживающее чувство. Опустошив тарелку, я попросил еще. Есть было приятно, есть было правильно, есть было необходимо. После третьей порции Даррэни твердо заявила:

— Достаточно.

Меня трясло, так я хотел есть, и, несмотря на то что она по-прежнему была сверхъестественно прекрасна, я гневно закричал на нее.

Она взяла мои руки в свои и сжала их, успокаивая меня.

— Вам придется нелегко. Будут возникать порывы, подобные этому, колебания в разные стороны, пока не сформируется сетка. Вам придется сделать усилие, чтобы успокоиться, поразмыслить. Протез делает возможным многие вещи, к которым вы не привыкли, но пока вы под наблюдением.

Я заскрежетал зубами и отвел взгляд. От ее прикосновения у меня произошла немедленная, мучительная эрекция.

Я ответил:

— Правильно. Я под наблюдением.

В последующие дни ощущения, вызванные присутствием протеза, стали намного спокойнее, привычнее. Я почти чувствовал, как самые острые, плохо установленные края сетки, фигурально выражаясь, сглаживались при использовании. Есть, спать, общаться с людьми было по-прежнему необыкновенно приятно, но теперь мне казалось, что я попал в розовую мечту о детстве, а не как в первый день — будто в мозг мой вонзили провод под высоким напряжением.

Разумеется, протез не посылал в мой мозг сигналов удовольствия. Сам протез стал частью меня, которая ощущала удовольствие, — каким-то образом это затронуло все: восприятие, речь, познавательную деятельность. Размышления об этом сначала вызывали у меня беспокойство, но со временем стали казаться не более ужасными, чем воображаемый эксперимент, в процессе которого соответствующие участки головного мозга окрасили бы в синий цвет, а затем заявили бы: «Это они чувствуют удовольствие, а не ты!»

Команда Даррэни пыталась оценить свой успех, и меня подвергли серии психологических тестов, большинство из которых я уже много раз проходил как часть ежегодного обследования для получения страховки. Вероятно, функционирование восстановленной конечности было легче оценить объективно, тогда как я совершил скачок от самой низшей до самой высокой отметки на шкале. Эти тесты отнюдь не раздражали меня, напротив, они дали мне первую возможность использовать протез — испытывать такое счастье, которого мне не доводилось переживать никогда прежде. Меня просили интерпретировать различные бытовые ситуации — что сейчас произошло между этим ребенком, женщиной и мужчиной? Мне демонстрировали великие произведения искусства, от сложных аллегорических и сюжетных полотен до элегантных работ в абстрактном стиле. Я прослушивал фрагменты диалогов, даже крики неприкрытой радости и боли, мне включали записи музыкальных произведений, принадлежащих к различным культурам, эпохам, стилям.

Именно тогда я наконец понял, что что-то не так.

Джейкоб Тсела воспроизводил аудиофайлы и регистрировал мою реакцию. Во время тестирования он старался сохранять невозмутимость, чтобы не выдать собственного отношения и не испортить результаты. Но после того как он включил великолепный фрагмент европейского классического произведения и я поставил этой музыке двадцать баллов из

двадцати возможных, я заметил на лице врача отпечаток недовольства.

— Что такое? Вам это не понравилось?

Тсела неопределенно улыбнулся:

— Нравится мне это или нет, не имеет значения. Мы сейчас определяем вашу реакцию.

— Я уже поставил свою оценку, вы не можете на меня повлиять. — Я умоляюще смотрел на него, я отчаянно нуждался в любом общении. — Я был мертв для всего мира восемнадцать лет. Я даже не знаю, что это за композитор.

Он помедлил:

— Иоганн Себастьян Бах. И я согласен с вами: он великолепен. — Он потянулся к сенсорному экрану и продолжил эксперимент.

Так что же расстроило его? Я понял ответ сразу же. Я был идиотом, что не заметил этого раньше, но музыка полностью завладела мной.

Я не поставил ни одному фрагменту ниже восемнадцати баллов. То же самое касалось и живописи. Я унаследовал от своих четырех тысяч виртуальных доноров не наименьший общий знаменатель, а самый широкий вкусовой спектр — и за десять дней я не внес в него никаких поправок, никаких собственных предпочтений.

Все картины были для меня прекрасны, так же как и музыка. Любая пища казалась превосходной. Все, кого я видел, выглядели совершенными.

Возможно, я просто впитывал удовольствие отовсюду, где только мог получить его, после долгих лет жажды, но со временем я должен был насытиться, стать таким же разборчивым, таким же уникальным, как любой человек.

— Неужели я останусь таким навсегда? Всеядным? — выпалил я почти в панике.

Тсела приостановил фрагмент, который звучал, — эта мелодия могла быть албанской, марокканской или монгольской, я понятия не имел, что это, но от него у меня на затылке шевелились волосы, и я погружался в блаженство. Как и от всего остального.

Он помолчал несколько минут, взвешивая «за» и «против». Затем вздохнул и произнес:

— Вам лучше поговорить с Даррэни.

В своем кабинете на настенном экране Даррэни продемонстрировала мне гистограмму — число искусственных синапсов, изменявшееся под воздействием протеза каждый из

прошедших десяти дней: связи образовывались и разрушались, ослабевали и укреплялись. Встроенные микропроцессоры отслеживали подобные вещи, а антенна, которую устанавливали у меня над головой каждое утро, считывала данные.

Первый день был драматичен — протез приспосабливался к своему окружению. Хотя четыре тысячи донорских систем работали совершенно бесперебойно в черепах своих владельцев, объединенная версия, которую я получил, никогда раньше не подключалась к чьим-либо мозгам.

На второй день активность снизилась примерно в два раза, на третий день — в десять.

Начиная с четвертого дня фиксировался только шум. Мои отрывочные воспоминания, какими бы приятными они ни были, явно хранились где-то в другом месте — ведь я определенно не страдал амнезией, — но после первого всплеска активности схема положительных эмоций нисколько не изменилась.

— Если в последующие несколько дней возникнут какие-то характерные проявления, мы сможем усилить их — как в нужную сторону валят подпиленные деревья. — Слова Даррэни не обнадеживали. Уже прошло слишком много времени, а сеть нисколько не изменилась.

— А как насчет генетических факторов? — спросил я. — Вы не можете расшифровать мой геном и определить по нему структуру моего мозга?

Она покачала головой:

— На работу нервной системы влияет по меньшей мере две тысячи генов. Это сложнее, чем подобрать группу крови или тип тканей; доноры базы данных имели в большей или меньшей степени такие же гены, как и вы. Разумеется, некоторые люди наверняка были ближе к вам по типу темперамента, чем остальные, но мы не можем идентифицировать их генетически.

— Понятно.

Даррэни осторожно сказала:

— Мы можем полностью прекратить работу протеза, если хотите. Операции не понадобится — мы просто выключим его, и вы окажетесь в прежнем состоянии.

Я пристально вгляделся в ее сияющее лицо. Как я могу вернуться к прежней жизни? Что бы там ни говорили тесты и гистограммы, разве это неудача? Хотя я и тонул в море бессмысленной красоты, я не был каким-то зомби, напичканным лей-энкефалином. Я мог испытывать страх, тревогу, печаль; тесты выявили общие закономерности, присущие всем донорам. Ненавидеть Баха или Чака Берри, Шагала или Пауля Клее было выше моих сил, но я так же, как все нормальные люди,

отрицательно реагировал на болезни, голод, смерть.

И я не испытывал безразличия к своему будущему, как когда-то был безразличен к раку.

Но какой окажется моя судьба, если я и дальше стану пользоваться протезом? Вселенское счастье, вселенское горе… Половина рода человеческого будет управлять моими эмоциями? Все годы, проведенные во тьме, меня поддерживало только одно: я надеялся, что храню в себе нечто вроде семени, содержащего информацию обо мне, и оно может прорасти, если ему дадут возможность. Неужели эта надежда оказалась напрасной? Мне предоставили материал, из которого создаются личности, и хотя я перепробовал все и всем восхищался, я ничто не назвал своим. Вся радость, которую я испытал за последние десять дней, ничего не значила. Я был просто мертвой оболочкой, я болтался на ветру в лучах света, исходящих от других людей.

— Думаю, вы должны это сделать, — сказал я. — Выключить его.

Даррэни подняла руку.

— Подождите. Если вы захотите, мы можем попробовать еще одну вещь. Я сейчас обсуждаю это с нашим комитетом по этике, а Люк начал подготовку программного обеспечения, но в конечном итоге решать вам.

— Что вы собираетесь делать?

— Сетка может быть модифицирована в любом направлении. Мы знаем, как вмешаться в ее работу и осуществить это: нарушить равновесие, сделать одни вещи источником большего удовольствия, чем другие. Изменения не произошли сами по себе, но это не значит, что мы не можем добиться нужного результата другими методами.

Я засмеялся, голова у меня слегка закружилась.

— То есть, если я правильно понимаю, ваш комитет по этике будет выбирать музыку, которая мне нравится, еду, увлечения? Они решат, кем мне стать?

Неужели все так плохо? Я давным-давно умер, а теперь дам жизнь совершенно новому человеку? Я буду донором не каких-то там легких или почек, я отдам все свое тело, все воспоминания, все, что у меня осталось, заново созданному, произвольно сконструированному, но исправно функционирующему человеческому существу?

Даррэни была возмущена.

— Нет! У нас и в мыслях не было ничего подобного! Мы сможем запрограммировать микропроцессор таким образом, чтобы позволить вам контролировать сетку. Мы предоставим вам возможность самостоятельно, сознательно, обдуманно выбирать

вещи, которые способны сделать вас счастливым.

Де Врие произнес:

— Попытайтесь представить себе регулятор.

Я зажмурился.

Он сказал:

— Так нельзя. Если вы привыкнете закрывать глаза, это ограничит ваши возможности.

— Хорошо.

Я уставился в пространство. В лаборатории звучало какое-то величественное произведение Бетховена; мне трудно было сосредоточиться. Я попытался вообразить вишнево-красный горизонтальный регулятор, который линия за линией сконструировал де Врие у меня в голове пять минут назад. Внезапно он стал чем-то большим, нежели смутный образ; он возник в комнате, я видел его так же явственно, как любой реальный объект где-то на границе поля зрения.

— Есть.

Ползунок регулятора колебался около отметки «девятнадцать».

Де Врие бросил взгляд на экран, скрытый от меня.

— Хорошо. А теперь попытайтесь снизить отметку.

Я слабо засмеялся. Отказаться от Бетховена?

— Как? Как можно даже пытаться не любить его?

— Вы и не должны. Просто постарайтесь переместить ползунок влево. Компьютер контролирует работу вашей зрительной коры, фиксирует воображаемое визуальное восприятие. Отключитесь от всего, просто представьте, что ползунок движется, — и вы это увидите.

И я увидел. Ползунок двигался с трудом, словно застревал на ходу, но мне удалось переместить его на десять делений, прежде чем я остановился, чтобы оценить результат.

— Черт.

— Как я понимаю, это работает?

Я глупо кивнул. Музыка по-прежнему была приятной, но очарование совершенно пропало. Словно я слушал зажигательную речь, а посередине ее понял, что оратор не верит ни единому своему слову: поэтичность и красноречие остались, но сила исчезла.

Я почувствовал, как по лбу у меня катится пот. Когда Даррэни объясняла мне принцип модификации сетки, это казалось слишком абсурдным, чтобы быть правдой. И поскольку я уже потерпел поражение в попытке установить власть над протезом — несмотря на биллионы нервных связей и

бесчисленные возможности, предоставленные крупицам моего «я» для того, чтобы взаимодействовать с этой штукой и формировать ее, — я боялся, что, когда придет время сделать выбор, я буду парализован и не смогу принять решение.

Но я знал, что, без сомнения, не должен приходить в дикий восторг от музыкального фрагмента, который я либо никогда раньше не слышал, либо — поскольку он, очевидно, был знаменитым и часто звучал — который случайно раз-другой попадался мне, но совершенно меня не трогал.

И теперь, за несколько секунд, я сумел избавиться от этого фальшивого восторга.

У меня еще оставалась надежда. У меня еще была возможность воскресить самого себя. Просто мне придется делать это сознательно, шаг за шагом.

Де Врие, щелкая по клавиатуре, весело сказал:

— Я обозначу разными цветами регуляторы для всех основных виртуальных систем в протезе. Вы попрактикуетесь пару дней, и это станет вашей второй натурой. Только помните, что в некоторых ситуациях задействованы две или три системы одновременно, так что, если вы занимаетесь сексом под музыку, которую решили сделать менее отвлекающей, убедитесь, что двигаете вниз красный ползунок, а не синий. — Подняв глаза, он увидел мое лицо. — Только не беспокойтесь. Вы всегда сможете снова подвинуть его вверх позднее, если ошибетесь. Или передумаете.

3

Когда самолет приземлился в Сиднее, было девять вечера. Девять часов, суббота. Я спустился в метро и собирался в центре сделать пересадку, но, увидев, сколько людей выходит на станции Таун-Холл, я сдал чемодан в камеру хранения и последовал за толпой.

С тех пор как меня лечили вирусом, мне доводилось несколько раз бывать в центре города, но ночью — никогда. Я чувствовал себя так, словно вернулся на родину, проведя полжизни в чужой стране, или после заключения в одиночной камере иностранной тюрьмы. Все вокруг сбивало меня с толку. У меня возникало головокружительное дежа вю при виде зданий, которые казались хорошо сохранившимися, но все же не совсем такими, какими я их помнил. И появлялось ощущение пустоты всякий раз, когда, поворачивая за угол, я обнаруживал, что знак частного владения, магазин или вывеска, которые я помнил с

детства, исчезли.

Я остановился у входа в бар, достаточно близко, чтобы почувствовать грохот музыки. Я видел внутри людей, они смеялись, танцевали, передавали друг другу напитки, расплескивая их на ходу, лица посетителей раскраснелись от алкоголя и веселья. Некоторые оживились, предчувствуя драку, другие — в предвкушении секса.

Теперь я могу войти прямо туда, увидеть эту картину изнутри. Туман, скрывавший мир, растворился; я стал свободным и мог идти, куда захочу. И я почти ощущал, как мертвые собратья этих гуляк, загруженные в матрицу, трепещут при звуках музыки и при виде своих товарищей, умоляя меня нести их в мир живых.

Я сделал несколько шагов вперед, но краем глаза заметил какую-то фигуру и отвлекся. В переулке сбоку от бара, прислонившись к стене, сидел мальчишка десяти — двенадцати лет, спрятав лицо в пластиковый пакет. Сделав несколько вдохов, он поднял взгляд, в остекленевших глазах застыло невероятное блаженство.

Я отшатнулся.

Кто-то дотронулся до моего плеча. Повернувшись, я увидел человека, который улыбался мне во весь рот.

— Иисус любит тебя, брат! Твои искания закончились!

Он сунул мне в руку брошюру. Я пристально посмотрел ему в лицо, и его состояние стало мне понятно: он научился повышать уровень лей-энкефалина произвольно, но сам этого не знал и решил, будто открыл некий божественный источник счастья. Я почувствовал, как в груди у меня что-то сжалось от ужаса и жалости. Я по крайней мере знал о своей опухоли. И даже обдолбанный подросток в переулке понимал, что он просто дышит клеем.

А люди в баре? Знают ли они, что делают? Музыка, общение, алкоголь, секс… Где граница? Где мотивированное счастье превращается в нечто бессмысленное, патологическое, как у этого человека?

Я, спотыкаясь, попятился и направился обратно к станции. Люди вокруг меня смеялись, кричали, держались за руки, целовались, а я смотрел на них, словно это были анатомические пособия без кожи, демонстрировавшие тысячи переплетающихся мышц, которые работали одновременно, с прирожденной точностью. Машина счастья, скрытая во мне, снова и снова распознавала себя.

Теперь я не сомневался, что Даррэни действительно запихнула мне в череп всю способность рода человеческого к радости, до последнего клочка. Но чтобы иметь право хоть на

один из них, я должен был проглотить то, что даже опухоль не сумела заставить меня проглотить: счастье само по себе ничего не значит. Жизнь без счастья невыносима, но как конечная цель оно не является самодостаточным. Я свободно мог выбирать причины для счастья и радоваться своему выбору, но что бы я ни чувствовал, создав себе новое «я», всегда оставалась вероятность того, что выбор мой ошибочен.

Глобальная страховая компания дала мне срок до конца года, чтобы привести в порядок дела. Если ежегодное психологическое обследование покажет, что лечение Даррэни оказалось эффективным — независимо от того, найду ли я к тому времени работу или нет, — меня отдадут на милость еще менее добросердечных органов социального обеспечения, перешедших теперь в частные руки. Так я и болтался, пытаясь отыскать точку опоры.

В первый день после возвращения я проснулся на рассвете, устроился возле телефона и начал в нем копаться. Рабочая область памяти была помещена в архив; по тогдашним ценам хранение ее стоило всего около десяти центов в год, а у меня на счету оставалось еще тридцать шесть долларов двадцать центов. Весь блок загадочной древней информации кочевал нетронутым от одной компании к другой, пережив несколько слияний и поглощений. Разобравшись с многообразием инструментов, позволяющих декодировать вышедшие из употребления форматы данных, я извлек осколки моей прежней жизни на свет Божий и изучал их, пока это занятие не стало слишком болезненным.

На следующий день я двенадцать часов потратил на уборку квартиры, под звуки нджари, я выскребал каждый угол, делая перерыв только для того, чтобы с жадностью поесть. И хотя я мог вернуть себе детские предпочтения в еде и поглощать вредную соленую пищу, как в двенадцать лет, я решил — скорее прагматично, нежели добродетельно — не жаждать ничего более ядовитого, чем фрукты.

В последующие недели я с хорошей скоростью набирал вес, хотя, глядя на себя в зеркало, или пользуясь программами, позволяющими моделировать внешность, я понял, что могу быть счастливым почти с любым телом. Должно быть, в базу данных включили людей с самыми разнообразными представлениями об идеальной фигуре или просто они умерли, совершенно довольные своим видом.

И снова я выбрал прагматизм. Мне еще многое предстояло наверстать, и я не хотел умереть в пятьдесят пять от сердечного приступа, если этого можно было избежать. С другой стороны, не

было смысла зацикливаться на недостижимом или абсурдном, так что, представив себя толстяком, я поставил оценку «ноль» и сделал то же для внешности Шварценеггера. Я выбрал гибкое, жилистое тело — если верить компьютеру, стать таким было вполне возможно — и оценил его как шестнадцать из двадцати. Затем я начал бегать.

Сначала я бегал медленно, и, даже представляя себя ребенком, который с легкостью носится по улицам, я был осторожен и старался не переоценить радость движения, чтобы она не пересилила боль от травм. Когда я, хромая, зашел в аптеку за мазью, я обнаружил, что там продаются так называемые простагландиновые модуляторы, противовоспалительные препараты, которые якобы снимают боль, не препятствуя естественному процессу заживления. Я отнесся к этому скептически, но, оказалось, эта штука действительно помогает: в первый месяц я испытывал болезненные ощущения, но у меня не опухли ноги, и в то же время я вовремя заметил, что порвал мышцу.

А когда мои сердце, легкие и мускулы вновь с криками боли вернулись к жизни, мне стало хорошо. Я каждое утро посвящал бегу час, кружа по улочкам своего квартала, а по воскресеньям обходил весь город. Я не старался набирать темп; у меня не было никаких спортивных амбиций. Я просто хотел почувствовать свободу.

Вскоре бег стал для меня чем-то большим, нежели физическая нагрузка. Я наслаждался биением собственного сердца и движениями тела, а затем, отодвигая их на задний план в виде общего чувства удовлетворения, я просто рассматривал пейзаж, словно из окна поезда. Получив назад свое тело, я хотел получить назад весь мир. Я осматривал пригороды, один за другим — от полосок леса, жмущихся к берегам реки Лейн-Ков, до убожества Параматта-Роуд. Я изучал Сидней, как обезумевший турист, схватывая пейзаж невидимыми геодезическими инструментами и отпечатывая его в своем сознании. Я бегал через мосты в Глейдсвилле, Айрон-Ков, Пирмонте, Мидоубэнке, через Харбор-бридж, и доски шатались у меня под ногами.

Порой меня терзали сомнения. На этот раз меня не опьяняли эндорфины, но я чувствовал себя слишком хорошо, чтобы это было правдой. Может, это примерно то же, что вдыхать клей? Может быть, десять тысяч поколений моих предков получали такое же удовольствие, преследуя дичь, избегая опасности, размечая территорию, чтобы выжить, а для меня все это было только славным прошлым.

И все же я не обманывал себя и никому не причинял вреда. Я

извлек эти два правила из мозга мертвого ребенка, покоившегося во мне, и продолжил бег.

Тридцать лет — необычный возраст для полового созревания. Вирус не кастрировал меня в буквальном смысле, но, лишив удовольствия от сексуальных фантазий, стимуляции гениталий и оргазма и частично повредив гормональные регуляторные функции гипоталамуса, он не оставил мне ничего, достойного слов «сексуальная функция». Мое тело избавлялось от спермы путем спорадических спазмов, не приносящих никакого удовольствия, а без смазки, обычно выделяемой простатой во время эрекции, у меня потом возникали боли при мочеиспускании.

Теперь все изменилось, и изменилось резко — даже в моем состоянии сравнительного полового бессилия. По сравнению с эротическими снами мастурбация доставляла невероятное удовольствие, и я обнаружил, что не хочу снижать ей оценку. Но можно было не волноваться, что она лишит меня интереса к настоящему сексу: я замечал, что откровенно разглядываю людей на улице, в магазинах и электричках, пока с помощью силы воли и регулировки протеза мне не удалось побороть эту привычку.

Матрица сделала меня бисексуальным, и хотя я быстро опустил уровень сексуальных желаний значительно ниже, чем у самых любвеобильных доноров, когда дело дошло до выбора ориентации, я зашел в тупик. Сеть не представляла собой какую-то среднюю величину. Если бы это было так, надежда Даррэни на то, что фрагменты моей нервной системы смогут подчинить ее себе, потерпела бы крах при первой же попытке выбора. Так что я не являлся геем на десять или пятнадцать процентов; оба сексуальных предпочтения присутствовали во мне в равной степени, и мысль о том, чтобы выбрать одно из них, тревожила и расстраивала меня, словно я жил с этим десятилетия.

Но неужели это была просто защитная реакция протеза или частично моя собственная реакция? Я не знал. До своей болезни, в двенадцать лет, я был абсолютно асексуален; я всегда считал себя нормальным и, разумеется, находил привлекательными некоторых девочек, но не предпринимал никаких попыток подтвердить это чисто эстетическое мнение. Я просмотрел последние исследовательские работы, но все утверждения генетиков, которые я помнил с детства, оказались опровергнутыми — так что, даже если моя сексуальная ориентация была заложена от рождения, не существовало способа выяснить, кем я стал. Я достал свои старые томограммы, но не нашел там определенного ответа, никаких анатомических

предпосылок.

Я не хотел быть бисексуалом. Я был слишком стар, чтобы экспериментировать, как тинейджер; мне требовалась уверенность, твердые основы. Я хотел быть моногамным — хотя моногамия редко достигается без усилий, а я не желал создавать себе лишние проблемы. Так кого же мне убить? Я знал, какой выбор будет легче, но если все свести к вопросу о пути наименьшего сопротивления, чьей жизнью мне предстоит жить?

Я был тридцатилетним девственником, перенесшим нервное заболевание, без денег, без перспектив, без навыков общения, и я в любой момент мог повысить уровень довольства своим положением, а все остальное назвать фантазией. Я не обманывал себя, я никому не причинял вреда. Большее было не в моей власти.

Я неоднократно обращал внимание на этот книжный магазин, приютившийся в одном из закоулков Лейхардта. Но однажды, в воскресный день, пробегая мимо, я увидел в витрине экземпляр «Человека без свойств» Роберта Музиля[46], невольно остановился и рассмеялся.

Я взмок от пота, так что не стал заходить и покупать книгу, но, рассмотрев сквозь стекло прилавок, заметил объявление «Требуется помощник».

Поиски неквалифицированной работы казались мне напрасной тратой времени; уровень безработицы составлял пятнадцать процентов, так что, решил я, всегда найдется тысяча других кандидатов: молодых, согласных работать за низкую плату, сильных, здоровых. И хотя я решил продолжить обучение, продвигалось оно очень медленно. Область моих интересов расширилась в тысячу раз, и, несмотря на то что протез давал мне бесконечную энергию и энтузиазм, на изучение всего потребовалась бы целая жизнь. Я понимал, что мне придется пожертвовать девяноста процентами моих увлечений, если я планирую выбрать профессию, но у меня по-прежнему не хватало духу отсечь что-либо.

Я вернулся в магазин в понедельник. По пути от станции Петершем я успел повысить уверенность в успехе, но она и сама возросла бы, когда выяснилось, что других претендентов нет. Владельцу было за шестьдесят, и он сорвал спину. Ему нужен был кто-нибудь, чтобы таскать коробки и сидеть за прилавком, когда хозяин занят чем-то другим. Я рассказал ему правду: моя нервная система повреждена после перенесенной в детстве болезни, и я поправился только недавно.

Он принял меня сразу, с испытательным сроком в месяц.

Начальная зарплата как раз равнялась пенсии, выплачиваемой мне Глобальной страховой компанией, но, впоследствии я должен был получать немного больше.

Работа оказалась несложной, и хозяин разрешал мне читать в задней комнате, когда не было дел. В каком-то смысле я очутился в раю: десять тысяч книг, и все бесплатно; но иногда меня охватывал страх перед дегенерацией. Я читал с жадностью и об одном мог с уверенностью судить: я был способен отличить талантливых писателей от бездарных, честных от обманщиков, банальных от оригинальных. Но протез по-прежнему требовал, чтобы я наслаждался всем подряд, объял необъятное, рассеялся среди пыльных полок, пока не превратился бы в ничто, в призрак, блуждающий в Вавилонской библиотеке.

Она вошла в книжный магазин через две минуты после открытия, в первый день весны. Наблюдая, как она перелистывает книги, я пытался хладнокровно взвесить последствия задуманного. В течение нескольких недель я по пять часов в день стоял за прилавком, надеясь, что в результате контакта с людьми возникнет… что-нибудь. Не безумная любовь с первого взгляда, а хотя бы крошечный проблеск взаимного интереса, едва заметное доказательство того, что я действительно могу желать одно человеческое существо больше всех остальных.

Этого не произошло. Некоторые покупательницы слегка заигрывали со мной, но я понимал, что в этом нет ничего особенного, это просто способ установить контакт — и у меня не возникало никаких ответных чувств. И хотя я мог определить, какая из них была в общепринятом смысле этого слова хорошенькой, живой или загадочной, остроумной или очаровательной, какая излучала молодость или тщеславие, меня это просто не интересовало. Четырем тысячам доноров нравились очень разные люди, вместе составляющие практически все человечество. И ситуация не изменилась бы, если бы я не решился нарушить равновесие сам.

Итак, за прошедшие недели я снизил все соответствующие оценки в протезе до трех или четырех. Люди стали мне едва ли более интересны, чем чурбаны. А сейчас, оказавшись наедине с этой произвольно выбранной незнакомкой, я медленно перемещал ползунки регуляторов вверх. Чем выше становились оценки, тем сильнее мне хотелось поднять их, но я заранее определил уровень, на котором остановлюсь.

К тому моменту, когда незнакомка выбрала две книги и подошла к прилавку, я ощущал одновременно и дерзкую уверенность, и болезненную неловкость. Мне удалось правильно

настроить протез, и мои чувства при виде этой женщины казались вполне правдоподобными. И хотя все, что я сделал для того, чтобы испытать их, было хорошо просчитано, искусственно, ненормально, отвратительно, другого пути у меня не было.

Когда незнакомка покупала книги, я улыбнулся, и она тепло улыбнулась мне в ответ. Обручального кольца не было, но я пообещал себе, что в любом случае ничего не предприму. Это был просто первый шаг: заметить кого-то, выделить кого-то из толпы. Я мог бы пригласить любую из десяти, из ста женщин, отдаленно похожих на нее.

Я произнес:

— Не хотите как-нибудь выпить со мной кофе?

Она выглядела удивленной, но не обиженной, нерешительной, но вместе с тем слегка польщенной моим вниманием. И мне подумалось: я ведь готов к тому, что разговор этот ни к чему не приведет. Но пока я смотрел, как она размышляет, что-то болезненно пронзило мне грудь. Если бы эта боль хоть частично отразилась на моем лице, женщина, возможно, потащила бы меня в ближайшую клинику.

Она произнесла:

— С удовольствием. Кстати, меня зовут Джулия.

— А я Марк.

Мы пожали друг другу руки.

— Когда вы заканчиваете работу?

— Сегодня? В девять.

— Понятно.

Я спросил:

— А как насчет ланча? Когда вы обедаете?

— В час, — На мгновение она заколебалась, потом продолжила: — Есть неплохое кафе возле компьютерного магазина.

— Замечательно.

Джулия улыбнулась:

— Тогда встретимся там. Около десяти вечера. Хорошо?

Я кивнул. Она повернулась и вышла. Я не отрываясь смотрел ей вслед, ошеломленный, испуганный, ликующий. Я думал: это просто. Любой может сделать это. Это все равно что дышать.

Сердце забилось сильнее. Я был эмоционально отсталым подростком, и она выяснила это за пять минут. Или, хуже того, почувствовала, как четыре тысячи взрослых у меня в голове дают мне советы.

Я пошел в туалет, и меня вырвало.

Джулия рассказала мне, что она заведует магазином одежды

в нескольких кварталах отсюда.

— Ты в книжном магазине недавно, верно?

— Да.

— А чем ты раньше занимался?

— Я нигде не работал. Очень долго.

— Давно?

— Со школы.

Она поморщилась.

— Что-то криминальное, да? Ну что ж, я тоже понемножку занимаюсь то одним, то другим. Я работаю только полдня.

— Правда? И как тебе это?

— Прекрасно. Я хочу сказать, мне повезло, эта работа прилично оплачивается, так что мне хватает и половины жалованья. — Она засмеялась. — Люди думают, что у меня маленькие дети. Словно это единственное возможное оправдание.

— А тебе просто нравится иметь свободное время?

— Да. Время — это важно. Ненавижу спешку.

Мы снова пообедали два дня спустя, а затем еще дважды на следующей неделе. Она говорила о магазине, о своем путешествии в Южную Америку, о сестре, выздоравливающей после рака груди. Я чуть не рассказал о своей давно побежденной опухоли, но, во-первых, испугался, что это может далеко меня завести, а во-вторых, это прозвучало бы как попытка вызвать сочувствие. Дома я намертво приклеился к телефону, но не в ожидании звонка, я смотрел новости, чтобы иметь хоть какой-нибудь предмет для разговора, кроме собственной персоны. *Кто твой любимый певец/писатель/ художник/актер? Понятия не имею.*

Все мои мысли были заняты Джулией. Я каждую секунду хотел знать, что она делает; я хотел, чтобы она была счастлива, чтобы с ней все было в порядке. Почему? Потому что я выбрал ее. Но… почему я чувствовал себя обязанным кого-то выбирать? Потому что в конечном счете единственной общей чертой всех доноров было то, что они желали кого-то одного больше остальных и волновались лишь за него. Почему? Это стало двигателем эволюции. Человек мог помогать другому человеку и защищать его, только если он спал с ним, и это сочетание, очевидно, оказалось эффективным для передачи генетической информации. Так что мои эмоции имели то же происхождение, что и у остальных людей; а чего еще мне желать?

Но как мне было притворяться, что мои чувства к Джулии реальны, если в любой миг я мог перенастроить регулятор в своей голове, и эти чувства исчезли бы? Пусть даже мое влечение казалось достаточно сильным, чтобы удержать меня от этого…

Иногда я думал: наверное, так происходит у всех. Люди принимают решение узнать кого-то поближе отчасти произвольно; все начинается именно с этого. Порой по ночам я часами лежал без сна, размышляя, не превратился ли я в жалкого раба или опасного маньяка. Может ли что-нибудь отвратить меня от Джулии теперь, когда я выбрал ее? Или, по крайней мере, вызвать негативные эмоции? А если она решит порвать со мной, как я на это отреагирую?

Мы вместе пообедали, затем взяли такси. Я поцеловал Джулию на пороге ее дома и пожелал доброй ночи. Оказавшись в своей квартире, я просмотрел пособия по сексу в Сети, недоумевая, как я мог рассчитывать, что сумею скрыть свою полную неопытность. Все казалось мне неосуществимым с точки зрения анатомии; только для того, чтобы научиться заниматься сексом в классической позиции, думал я, мне понадобится шесть лет тренировок. С тех пор как мы с Джулией познакомились, я отказался от мастурбации; фантазировать о ней, представлять ее себе без ее согласия казалось мне возмутительным, не заслуживающим прощения. Но в конце концов я сдался и потом лежал без сна до рассвета, пытаясь понять, в какую же ловушку я угодил по собственной воле и почему мне не хочется освобождаться.

Джулия наклонилась и сладко поцеловала меня.

— Это была хорошая идея. — Она слезла с меня и повалилась на кровать.

Последние десять минут я плавно передвигал голубой ползунок, стараясь не кончить раньше времени. Я словно играл в компьютерную игру. Теперь я настроил регулятор на отметку близости и, взглянув Джулии в глаза, понял, что она видит эффект. Она погладила меня по щеке.

— Ты приятный мужчина. Ты это знаешь?

Я ответил:

— Мне нужно кое-что тебе рассказать.

Приятный? Я марионетка, робот, извращенец.

— Что?

Я не мог говорить. Ей это, видимо, показалось забавным, она поцеловала меня.

— Я знаю, что ты гей. Все нормально; для меня это не имеет значения.

— Я не гей. *(Больше не гей?)* Хотя и мог бы им стать.

Джулия нахмурилась:

— Гей, бисексуал… мне все равно. Честно.

Мне больше не нужно было двигать ползунки; протез

зафиксировал настроение, и через несколько недель я собирался позволить ему функционировать самостоятельно. Тогда я буду чувствовать естественно, как и все люди, то, что сейчас мне приходилось выбирать.

Я признался:

— В двенадцать лет я перенес рак.

Я рассказал ей все. Я наблюдал за выражением ее лица и увидел ужас, сменившийся сомнением.

— Ты мне не веришь?

Она ответила, запинаясь:

— Ты говоришь об этом как о самой банальной вещи. Восемнадцать лет? Как ты можешь так просто сказать: «Я потерял восемнадцать лет»?

— А как я должен говорить это? Я не пытаюсь вызвать у тебя жалость. Я просто хочу, чтобы ты поняла.

Когда я начал рассказывать о нашей с ней встрече, у меня внутри все сжалось от страха, но я продолжал говорить. Через несколько секунд я увидел в глазах Джулии слезы и почувствовал себя так, словно меня пырнули ножом.

— Прости. Я не хотел причинить тебе боль. — Я не знал, обнять ее или тут же предложить ей расстаться. Я не сводил с нее взгляда, но комната поплыла у меня перед глазами.

Она улыбнулась:

— О чем ты сожалеешь? Ты выбрал меня. Я выбрала тебя. Все могло случиться иначе. Но случилось так, как случилось. — Она сунула ладонь под простыню и взяла меня за руку. — Так, как случилось.

По субботам Джулия отдыхала, но мне нужно было на работу к восьми. Я уходил в шесть, она сонно поцеловала меня на прощание, и всю дорогу до дома я чувствовал себя невесомым.

Должно быть, я глупо улыбался каждому посетителю, но сам едва замечал это. Я строил планы на будущее. Я не разговаривал с родителями уже девять лет, они даже не знали о лечении Даррэни. Но теперь все на свете казалось мне возможным. Я могу прийти к ним и сказать: Это я, ваш сын, воскресший из мертвых. Вы действительно спасли мне жизнь тогда, много лет назад.

Придя домой, я обнаружил на автоответчике сообщение от Джулии. Прежде чем просмотреть его, я решил начать готовить обед. Было какое-то странное удовольствие в том, чтобы заставлять себя ждать, в предвкушении воображать ее лицо и голос.

Я нажал на кнопку «Воспроизведение». Лицо Джулии оказалось не совсем таким, каким я представлял его себе.

Я не понимал ее слов, и мне приходилось останавливать запись и перематывать назад. Отдельные фразы вонзались мне в память. Слишком необычно. Слишком ненормально. Нет ничьей вины. Мои объяснения прошлой ночью не были совсем уж напрасными. Но когда у Джулии появилось время все осмыслить, она обнаружила, что не готова к взаимоотношениям с четырьмя тысячами мужчин и женщин.

Я сидел на полу и думал, что мне чувствовать: обжигающую боль, обрушившуюся на меня, или что-нибудь еще, по желанию. Я знал, что могу обратиться к настройкам протеза и сделать себя счастливым — счастливым, потому что я снова «свободен», счастливым, потому что мне лучше без Джулии, счастливым, потому что ей лучше без меня. Или просто счастливым, потому что само по себе счастье ничего не значит, и, чтобы достичь его, мне достаточно всего лишь накачать мозги лей-энкефалином.

Я сидел, вытирая с лица слезы и сопли, пока на кухне горели овощи. Запах навеял мысли о прижигании раны.

Я оставил все как есть, я не притронулся к регуляторам, но помнил о том, что могу все изменить. И тогда я понял, что, если бы пошел к Люку де Врие и сказал: я здоров, мне больше не нужна возможность выбирать, я все равно никогда не смог бы забыть, откуда взялись все мои чувства.

Вчера ко мне приезжал отец. Мы мало говорили, но он пока не женился во второй раз, так что даже пошутил: не пойти ли нам вместе прогуляться по ночным клубам.

По крайней мере, я надеюсь, что это была шутка.

Наблюдая за ним, я думал: он там, у меня в голове, и мать тоже, и десять миллионов предков, людей, протолюдей, таких далеких, что даже представить сложно. К ним добавились еще четыре тысячи, ну и что с того? Всем приходится создавать свою жизнь из одинакового материала: отчасти общего, отчасти индивидуального, отчасти скорректированного бесконечным естественным отбором, отчасти смягченного свободой выбора. Мне просто пришлось несколько более прямо взглянуть правде в глаза.

И я мог продолжать так жить, балансировать на тонкой грани между бессмысленным счастьем и бессмысленным отчаянием. Может быть, мне повезло; может быть, лучший способ удерживаться на этом узком мостике — ясно понимать, что находится с той и с другой стороны.

Перед тем как уйти, отец выглянул с балкона на реку Параматта. В воде отчетливо виднелись пятна нефти, мусор, отходы.

Отец с сомнением спросил:
— И ты счастлив в этом месте?
— Мне здесь нравится, — ответил я.

Майкл Суэнвик
Яйцо грифона

Майкл Суэнвик (р. в 1950 г.) — один из ведущих современных фантастов. Его литературным дебютом, состоявшимся в 1980 г., стали рассказы «Гинунгагап» («Ginungagap») и «Праздник святой Дженис» («The Feast of St. Janis»). Название «Гинунгагап» содержит отсылку к северной мифологии и буквально означает первичный хаос, а метафорически — черную дыру. Рассказ появился в специальном выпуске журнала «Triquarterly», посвященном научной фантастике. «Праздник святой Дженис», своеобразный реверанс Джину Вулфу, был опубликован в антологии «Новые измерения 11» («New Dimensions 11») под редакцией Марты Рэндалл и Роберта Сильверберга. Первый роман Суэнвика, «В зоне выброса» («In the Drift», 1985), написан в жанре альтернативной истории и посвящен последствиям ядерной катастрофы. Он вышел в серии Терри Карра «Ace Specials», представлявшей таких мастеров слова, как Уильям Гибсон с «Нейромантом» («Neuromancer») и Ким Стенли Робинсон с «Диким берегом» («Wild Shore»). С тех пор Суэнвик пишет по роману в три-четыре года. Среди них «Вакуумные цветы» («Vacuum Flowers», 1987); «Путь прилива» («Stations of the Tide», 1991), завоевавший премию «Небьюла» как лучший роман; «Дочь железного дракона» («Iron Dragon's Daughter», 1993) — «техно-фэнтези», по определению самого автора; остросатирический «Джек Фауст» («Jack Faust», 1997) и «Кости Земли» («Bones of Earth», 2002), в основу которого лег рассказ «Скерцо с тираннозавром» («Scherzo with Tyrannosaur»), получивший премию «Хьюго».

Рассказы Суэнвика объединены в сборники «Ангелы гравитации» («Gravity Angels», 1991), «География неведомых земель» («Geography of Unknown Lands», 1997), «Лунные гончие» («Moon Dogs», 2000), «Сказания Старой Земли» («Tales of Old Earth», 2000), «Букварь Пака Элешира» («Puck Aleshire's Abecedary», 2000). Кроме того, перу Суэнвика принадлежит два серьезных критических эссе: одно о научной фантастике — «Постмодернизм: руководство пользователя» («User's Guide to the Postmoderns», 1985), другое о фэнтези — «В традиции…»

(«In the Tradition…», 1994). Наконец, Суэнвик известен как лучший современный рецензент фантастики малой формы.

О рассказе «Яйцо грифона» сам автор говорит следующее: «Мне запомнилась картинка, которую как-то принес домой мой отец-инженер. На ней был изображен лунный кратер, стены которого имели форму террас. Четверть века спустя этот образ стал зерном, из которого проклюнулся рассказ о лунной колонии. Этот кратер всегда казался мне чем-то очень реальным — как будто в детстве мне пообещали, что я увижу его наяву». По завершении работы над рассказом Суэнвик планировал приступить к написанию романа «Дочь железного дракона» и знал, что не скоро вновь обратится к научной фантастике, поэтому вложил в «Яйцо грифона» огромные усилия и, по его словам, собрал колоссальное количество научного материала, который использовал лишь частично. Писатель даже рисовал карты и схемы. Чтобы создать нечто убедительное и объемное, говорит Суэнвик, нужно детально изучить это нечто и убедить себя в том, что оно реально.

Луна? Яйцо грифона, и она —
Взгляни — округла тоже и бледна.
В яйце таится завтрашняя ночь.
Мальчишки крик восторга превозмочь
Не в силах будут, — слышишь их толпу? —
Когда грифон проклюнет скорлупу,
Расправит крылья, небо заслонит,
Но девочек он в бегство обратит:
Испуганные, прячутся, дрожат,
Мальчишкам смех — а девочки визжат[47].
Вэчел Линдзи

Солнце осветило горы. Гюнтер Уэйл вскинул руку в приветствии и, когда яркий свет ударил в лицо, сощурился на тот короткий миг, который понадобился щитку-визору его шлема, чтобы поляризоваться.

Уэйл вез топливные стержни в промышленный парк кратера Чаттерджи. Реактор В кратера Чаттерджи за сорок часов перед восходом вошел в критический режим, угробив пятнадцать дистанционников и микроволновое реле и ударной волной повредив все производства парка. К счастью, система предусматривала вероятность аварии. К тому времени, как над хребтом Ретика[48] взошло солнце, новый реактор был собран и готов к подключению.

Гюнтер привычно вел машину, машинально отмечая расстояние от Бутстрэпа по количеству мусора, наваленного вдоль шоссе Моря Паров. Вблизи города обломки механизмов и поврежденных автосборщиков свозили в открытые вакууму склады в надежде на дальнейшую утилизацию. Десятью километрами дальше взорвался герметичный грузовик, и обломки металла разбросало по округе вместе с похожими на гигантских червей ручейками изолирующей пены. С двадцать

пятого километра плохо профилированная дорога обозначалась в основном разбитыми фарами и упаковочной тарой на обочинах.

За сороковым километром дорога становилась чистой: прямая ровная полоса в пыли. Не слушая голосов в затылке: дорожной болтовни и автоматических предупреждений службы безопасности движения, которые грузовик ежеминутно скармливал его чипу, Гюнтер развернул на приборной панели топографическую карту.

Примерно здесь.

Он свернул с шоссе Моря Паров и покатил напрямик по нетронутой целине.

— Вы отклонились от предписанного маршрута, — сообщил грузовик. — Отклонения от маршрута допускаются только с заверенного разрешения вашего диспетчера.

— Ну еще бы! — Голос Гюнтера гулко прозвучал в шлеме — единственный живой звук в гомоне призрачных голосов. Он не герметизировал кабину, но изолирующие слои скафандра заглушали даже рокот машины. — Мы-то с тобой прекрасно знаем, что пока я более или менее выдерживаю расписание, Бет Гамильтон не волнует, куда меня занесло по дороге.

— Вы превысили лингвистические способности данной системы.

— Ничего, не смущайся.

Ловким движением он скрутил провода и вырубил радиоустановку кабины. Голоса в затылке мгновенно смолкли. Теперь Гюнтер был совсем один.

— Вы обещали, что больше это не повторится. — Слова, переданные прямо на его трансчип, прозвучали гулко и низко, как глас самого Господа, — Полиция «Поколения-Пять» требует, чтобы все водители поддерживали постоянную радио…

— Не хнычь. Тебе не идет.

— Вы превысили лингвистические способности…

— Да заткнись ты!

Гюнтер провел пальцем по карте, прослеживая курс, проложенный им прошлой ночью. Тридцать километров по девственным просторам, где не проходил до сих пор ни человек, ни механизм, а потом на север на Марчисонское шоссе. Если повезет, он даже прибудет в Чаттерджи раньше срока.

Гюнтер углублялся в лунную равнину. По обе стороны кабины проплывали скалы. Впереди неприступной стеной высились горы. Если не считать протянувшихся позади отпечатков протекторов, от горизонта до горизонта — никаких следов человеческого присутствия. И полная тишина.

Гюнтер жил ради таких минут. Вступить в нетронутую

чистоту пустыни, испытать величие бытия, когда кажется: все, что видишь, — звезды, равнины, кратеры и все остальное — заключено внутри тебя. Городские виды Бутстрэпа таяли, как сон, как далекий остров на мягко волнующейся глади каменного моря. «Никто уже не станет здесь первым, — думал он. — Только я».

В памяти всплыла картинка из детства. Был сочельник, и он с родителями ехал на машине к рождественской мессе. В полном безветрии густо валил снег, дороги Дюссельдорфа скрылись под чистым белым покрывалом. Машину вел отец, а сам он перегнулся через спинку переднего сиденья и зачарованно смотрел на замерший преобразившийся мир. И было совсем тихо.

Он ощутил святое прикосновение одиночества.

Грузовик плыл по переливам серого моря, под слоем пыли мерещились все цвета радуги. Солнце стояло у Понтера за плечом, а когда он развернул переднюю ось, объезжая булыжник, тень грузовика повернулась и протянулась в бесконечность. Гюнтер углубился в себя, зачарованный суровой красотой этих мест.

Повинуясь мысли, его ПК вывел на чип музыку. Вселенную наполнила «Stormy Weather».

Гюнтер спускался по длинному, почти неощутимому уклону, когда панель управления сдохла у него под руками. Грузовик отключил питание и остановился.

— Черт тебя возьми, проклятая колымага! — рявкнул Гюнтер. — Что теперь?

— Местность впереди непроходима.

Гюнтер врезал кулаком по панели, так что карта заплясала. Впереди все было полого и гладко, если эта местность когда-то и проявляла склонность к мятежу, взрыв в районе Моря Дождей укротил ее в незапамятные времена. Трусливая железяка! Гюнтер пинком открыл дверцу и спустился из кабины.

Грузовик застрял перед провалом, который змеился поперек проложенного Гюнтером курса, и больше всего напоминал русло пересохшего ручья. Гюнтер подошел к краю. Пятнадцать метров в ширину и не больше трех в самом глубоком месте. Пролом слишком мелкий, чтобы его отметили на топографической схеме. Гюнтер вернулся в кабину и бесшумно закрыл за собой дверь.

— Слушай. Склоны не такие уж крутые. Я сто раз проезжал в местечках похуже. Мы просто проберемся потихоньку, осторожненько, идет?

— Местность впереди непроходима. Прошу вернуться на ранее проложенный маршрут.

Теперь зазвучал Вагнер. «Тангейзер». Гюнтер отключил его

нетерпеливым движением мысли.

— Ты же, черт побери, способен к активному поиску решений, почему бы тебе не прислушаться к голосу разума? — Он сердито пожевал губу и тряхнул головой. — Если возвращаться, мы сильно выбьемся из расписания. Наверняка эта борозда через сотню-другую метров сойдет на нет. Давай-ка проедем вдоль нее до этого места, а потом свернем на Марчисонское. И будем в парке вовремя.

Три часа спустя Гюнтер наконец выбрался на Марчисонское шоссе. К тому времени он взмок и пропах потом, плечи ныли от напряжения.

— Где мы? — кисло спросил он и, прежде чем грузовик смог ответить, добавил: — Отбой.

Грунт внезапно почернел. Это наверняка выброс из шахты «Сони-Рейнпфальц». Их рельсовая пушка ориентирована почти точно на юг, в сторону от сателлитных производств, так что их выброс первым делом падал на дорогу. Значит, Гюнтер уже близко.

Марчисонское шоссе было, в сущности, просто наезженной колеей, которую кое-как выровняли и разметили оранжевыми кляксами на камнях вдоль дороги. Гюнтер быстро проехал одно за другим несколько приметных мест: выброс «Харада Индастри», выброс «Океан Бурь Макрофакчуринг», выброс «Крупп пятьдесят». Он знал их наизусть. «П-5» обеспечивала эти компании робототехникой.

Гюнтера обогнала легкая платформа, груженная бульдозером. Взметнувшаяся пыль улеглась одновременно с гравием. Управлявший платформой дистанционник приветственно взмахнул длинной тонкой рукой. Гюнтер машинально помахал в ответ, пытаясь вспомнить, знаком ли ему водитель.

Местность здесь была изрезана и перекопана, камни и грунт свалены в кучи. На обочине мелькали ремонтные станции и цистерны аварийных кислородозаправок. Мимо проплыл указатель: «ТУАЛЕТНАЯ УСТАНОВКА 1/2 КМ». Гюнтер недовольно скривился. Потом вспомнил про радио и привел в порядок провода. Пора вернуться в реальный мир. В трансчип тут же ворвался пронзительный и шумящий помехами голос диспетчера:

— …ин сын! Уэйл! В какую дыру тебя занесло?

— Я на месте, Бет. Малость подзадержался, но уже на месте, где мне и положено быть.

— Сукин… — Запись отключилась, и ее сменил живой голос рассвирепевшей Гамильтон. — Надеюсь, милок, у тебя найдется

достойное оправдание!

— Да ведь ты знаешь, как оно бывает. — Гюнтер отвел взгляд от дороги и уставился на пыльные горы. Хорошо бы забраться туда и никогда не возвращаться. Может, там найдется пещера. А может, там водятся чудовища: вакуумные тролли и лунные драконы с замедленным обменом веществ, сверхплотные существа, плавающие в толще камня, как в воде, лениво продвигающиеся на одну длину тела за целый век. Он представил, как они ныряют, уходят в глубину, следуя линиям магнитного поля, купаются в алмазных и плутониевых жилах, поют, запрокинув голову… — Я подобрал по дороге попутчика, и мы попали в историю.

— Попробуй рассказать это Измайловой. Она зла на тебя, как тысяча шершней.

— Кому?

— Измайловой. По мультикорпоративному контракту она зачислена сюда новым инженером-взрывником. Прибыла на хоппере четыре часа назад и с тех пор дожидается вас с Зигфридом. Насколько я понимаю, ты с ней еще незнаком…

— Нет.

— Ну так будь поосторожнее. Она из тех суровых начальников, кому твои шуточки не кажутся смешными.

— Да брось, одним внештатным технарем больше, ну и что? Она мне не начальство. Что она мне сделает?

— Да-да, утешайся, малыш. Не так много ниточек надо потянуть, чтобы отправить такого оболтуса, как ты, прямиком на Землю.

Когда впереди замаячил Чаттерджи А, солнце поднялось над горами не больше чем на палец. Гюнтер то и дело опасливо поглядывал на него. Через щиток шлема, настроенный на фильтр альфа, оно выглядело сверкающим белым шаром, на котором медленно проступали черные точки. Зернистость больше обычной. Высокая солнечная активность. Гюнтер удивился, что служба радиационного прогнозирования не объявила тревоги на поверхности. Ребята из Обсерватории обычно следят за положением дел.

Чаттерджи А, В и С были тройной цепочкой простых кратеров чуть ниже Хладни, причем два меньших представляли мало интереса. Чаттерджи А возник в результате падения метеорита, пробившего базальты Имбрийского периода до роскошной алюминиевой жилы. Жила располагалась так удобно, что стала любимой игрушкой правления Бутстрэпа, и Гюнтера ничуть не удивляло, что Керр-Макджи из кожи вон лез, лишь бы поскорее

снова запустить реактор.

Парк кишел самоходниками, поисковиками и сборщиками. Они виднелись повсюду: среди фабрик, покрытых пузырями куполов, среди плавилен, загрузочных доков и вакуумных гаражей. Там, где разбирали крупные промышленные конструкции, созвездиями вспыхивали и гасли голубые огоньки. Флотилии большегрузных машин веером расходились по лунной равнине, поднимая за собой пыль. Зазвучала «The Joint is Jumping» Фэтса Уоллера, и Гюнтер рассмеялся.

Он замедлил ход так, что едва полз, объехал газовый пресс, который затаскивали на погрузчик, и напрямик выехал на пандус, ведущий к Чаттерджи В. Чуть ниже взрывом выровняли в скале новую посадочную площадку, и приземлившийся на ней хоппер обступили несколько фигур. Восемь дистанционно управляемых модулей и один человек.

Один из дистанционников говорил, отрывисто рубя рукой в такт словам. Другие стояли неподвижно, точь-в-точь древние телефонные будки, снятые с эксплуатации, но готовые принять вызов, если кому-то еще понадобится подключиться.

Гюнтер отстегнул Зигфрида с крыши кабины и, держа в одной руке пульт управления, а в другой — катушку кабеля, направился к хопперу.

Человек шагнул ему навстречу.

— Вы! Что вас задержало?

Измайлова щеголяла красно-оранжевым скафандром «Студио Волга», который казался особенно изысканным на фоне казенного рабочего скафандра Гюнтера с логотипом «П-5» на груди. Сквозь золотистый щиток шлема он не мог разглядеть ее лица, но по голосу представил: горящие глаза, поджатые губы…

— Шину проколол. — Он выбрал подходящий гладкий камешек и, пристроив на нем катушку, качнул ее, проверяя, ровно ли лежит. — Мы доставили футов пятьсот защищенного кабеля. Вам хватит?

Короткий кивок.

— Вот и хорошо. — Он отстегнул свой монтажный пистолет, — Посторонитесь. — Гюнтер встал на колени, чтобы закрепить катушку на камнях. — Уже известно, что там творится?

Один из дистанционников ожил, выступил вперед и назвался Доном Сакаи из команды по чрезвычайным ситуациям управления «П-5». Гюнтеру уже приходилось работать с ним: довольно крепкий парень, только, как это часто бывает с канадцами, слишком настороженно относится к ядерной энергии.

— Мисс Ланг, — вежливый кивок в ее сторону, — из «Сони-Рейнпфальц» провела внутрь своего робота, но из-за сильного

излучения успела произвести только предварительный осмотр и потеряла контроль. — Второй дистанционник кивнул, однако задержка передачи сигнала из Торонто помешала Сакаи заметить кивок. — Робот просто пошел дальше, не слушая команд. — Он нервно кашлянул и добавил без нужды: — Автономные цепи оказались слишком чувствительными.

— Ну, с Зигфридом нам это не грозит. Он бесчувственный, как камень. На эволюционной шкале машинного интеллекта Зигфрид находится ближе к лому, чем к компьютеру.

После паузы в две с половиной секунды Сакаи вежливо посмеялся. Гюнтер кивнул Измайловой:

— Введите меня в курс дела. Объясните, чего вы хотите.

Измайлова подошла вплотную к нему, их скафандры на миг соприкоснулись, пока она вставляла коммутационный шнур в его пульт управления. По наружной стороне ее щитка пробежали смутные, как тени сновидения, образы.

— Он знает, что делает? — спросила она.

— Эй, я…

— Заткнись, Уэйл, — посоветовала по закрытой связи Гамильтон и добавила по открытой: — Его бы здесь не было, если бы компания не была абсолютно уверена в его технических навыках.

— Никто, конечно, не сомневается… — начал Сакаи и замолчал, когда слова Гамильтон наконец дошли до него.

— Взрывное устройство в хоппере, — сообщила Измайлова Гюнтеру. — Принесите его.

Он повиновался, настроив Зигфрида на маленький плотный груз. Робот низко склонился над хоппером, обхватив устройство большими чуткими ладонями. Гюнтер слегка нажал. Ничего не изменилось. Тяжелая, зараза! Он медленно, осторожно увеличивал мощность. Зигфрид выпрямился.

— Вверх по дороге и потом вниз, внутрь.

Оплавившийся реактор был неузнаваем: помятый, просевший, с торчащими по сторонам перекрученными трубами. В самом начале аварии взорвались охладители, и на краю кратера блестели брызги металла.

— Где находится радиоактивный материал? — спросил Сакаи. Несмотря на то что его отделяла от реактора треть миллиона километров, голос его встревоженно дрогнул.

— Там все радиоактивно, — ответила Измайлова.

Они подождали, пока дойдет сигнал.

— Я хочу сказать, вы понимаете… Топливные стержни.

— В данный момент топливные стержни расположены на глубине триста метров и уходят глубже. Мы говорим о

расщепляющихся материалах, достигших критической массы. Топливные стержни с самого начала должны были сплавиться в этакий сверхгорячий комок, способный прожечь себе дорогу сквозь скалу. Представьте плотную, тяжелую каплю воска, медленно погружающуюся в лунную кору.

— О, обожаю физиков! — вставил Гюнтер.

Шлем Измайловой повернулся к нему, резко побледнев. После долгой паузы он снова включился и отвернулся.

— Во всяком случае, на спуске чисто. Ведите робота до упора. Сбоку имеется шурф. Старый. Я хочу проверить, не забило ли его.

— А одного устройства хватит? — усомнился Сакаи. — Я хочу сказать, для очистки кратера.

Женщина пристально следила за продвижением Зигфрида. Она рассеянно отозвалась:

— Мистер Сакаи, для очистки этого участка необходимо перегородить цепью подъездную дорогу. Стены кратера защитят работающих поблизости от гамма-излучения, и не трудно проложить маршруты хопперов так, чтобы не подставлять пассажиров. Наибольшую опасность для живых организмов при аварии реактора представляет альфа-излучение, которое исходит от изотопов, рассеянных в воде и в воздухе. При значительной концентрации в теле альфа-частицы способны причинить серьезный вред — но только в этом случае. Их может задержать лист бумаги. Так что пока вы не впускаете реактор в свою экосистему, он не более опасен, чем любая другая большая машина. Закапывать разрушенный реактор просто потому, что он радиоактивен, совершенно не требуется, и, с вашего позволения, это просто суеверие. Но не я составляю план работ. Я просто взрывник.

— Вы этот шурф искали? — спросил Гюнтер.

— Да. Пройдите его до конца. Он неглубокий.

Гюнтер зажег фонарь на груди Зигфрида и отрегулировал катушку, чтобы кабель не провисал. Они спускались вниз. Наконец Измайлова заговорила:

— Стоп. Достаточно.

Он бережно опустил взрывное устройство и по ее указанию включил запуск.

— Готово, — сказала Измайлова. — Выводите робота. Я даю вам час, чтобы убраться подальше от кратера.

Гюнтер заметил, что дистанционники уже начали отступление.

— Хм… Мне еще надо разгрузить топливные стержни.

— Не сегодня. Новый реактор уже разобран и вывозится из зоны взрыва.

Гюнтер представил, каково разбирать всю эту механику и выволакивать за пределы промпарка, и в первый раз поразился масштабу задуманной операции. Обычно из зоны взрыва удаляли только самые чувствительные установки.

— Погодите-ка. Похоже, вы затеваете просто чудовищный взрыв?

Измайлова всем своим видом являла самонадеянность.

— Я умею с этим обращаться. Устройство дипломат-класса, той же серии, что применялась пять лет назад. Почти сто — случаев использования, и ни малейшего сбоя. Это самое надежное оружие в истории военной техники. Вы вправе гордиться, что участвуете в работе с ним.

Гюнтер похолодел.

— Матерь Божья, — пробормотал он. — Вы заставили меня подсунуть туда портфельчик с атомной бомбой!

— Привыкайте. «Вестингауз Лунар» запускает этих малюток в массовое производство. С их помощью мы будем раскалывать горы, прокладывать дороги через хребты, разрушать стены лунных борозд, чтобы посмотреть, что там под ними… — Она вещала, как вдохновенная пророчица. — И это только начало. Существует план обогащения полей в Заливе Зноя. Взорвите над реголитом[49] несколько бомб и черпайте плутоний прямо из грязи. Мы станем топливным баком для всей Солнечной системы.

Очевидно по позе Гюнтера догадавшись, какой ужас он испытывает, Измайлова рассмеялась:

— Считайте это оружием во имя мира.

— Это надо было видеть! — рассказывал Гюнтер. — Хрен поверишь! Один край кратера просто снесло. Как не бывало. Разбило в пыль. И как долго все светилось! Кратеры, машины — все. Мне щиток так перегрузило, что он стал мигать. Я уж думал, выгорит. Настоящая чертовщина. — Он взял свои карты. — Ну кто так сдает?

Кришна застенчиво улыбнулся и опустил голову.

— Я играю.

Хиро поморщился, заглядывая в свои карты.

— Похоже, я помер и попал в ад.

— Повышаю ставку, — отозвалась Аня.

— Наверное, я получил по заслугам.

Они сидели в парке Ногучи у центрального пруда: расположились на валунах, искусно обработанных так, чтобы казались обточенными водой. Рядом поднималась рощица из саженцев березок по колено высотой, чей-то игрушечный кораблик подплывал к конусу стока посреди пруда. Над клевером

вились пчелы.

— И представляете, как только стена рухнула, эта чокнутая русская стерва…

Аня сбросила тройку.

— Поосторожнее насчет чокнутых русских стерв.

— Взлетает на своем хоппере…

— Я видел по телевизору, — кивнул Хиро. — Мы все видели. Это было в новостях. Один парень, который работает в «Ниссан», говорил, что Би-би-си уделила вам целых тридцать секунд.

Хиро сломал нос на занятии по каратэ, налетев на кулак инструктора, и сочетание квадратного белого пластыря с кустистыми черными бровями придавало ему мрачный пиратский вид.

Гюнтер сбросил одну карту.

— Бейте. Ничего вы не видели. Надо было чувствовать, как дрожала потом земля.

— А что связывает Измайлову с «портфельной войной»? — поинтересовался Хиро. — Ясно, она не какой-нибудь курьер. Она занималась снабжением или стратегией?

Гюнтер пожал плечами.

— Помните «портфельную войну»? — саркастически продолжал Хиро. — Половину военной элиты Земли убрали в одночасье. Одна дерзкая операция, и мировая война, которая уже готова была разразиться, отменяется. Подозреваемые террористы превращаются в героев!

Гюнтер отлично помнил «портфельную войну». Когда весь мир забился в судорогах и едва не покончил с собой, ему было девятнадцать, и он работал тогда на «Финском Геотермическом». Именно тогда он укрепился в решении убраться с планеты.

— Можем мы говорить о чем-нибудь, кроме политики? Я до тошноты уже наслушался об Армагеддоне.

— Кстати, тебе разве не пора на встречу с Гамильтон? — вдруг осведомилась Аня.

Он поднял взгляд на Землю. Восточное побережье Южной Америки как раз входило в зону сумерек.

— Еще успеем доиграть.

Выиграл Кришна, у которого оказались три дамы. Сдача перешла к Хиро. Он быстро перетасовал и стал короткими злыми движениями раскидывать карты.

— Ну, — спросила Аня, — что тебя гложет?

Хиро сердито посмотрел на нее, резко отвел взгляд и приглушенно, словно заразившись застенчивостью от Кришны, сказал:

— Я уезжаю домой.

— Домой?

— Это на Землю, что ли?

— Ты с ума сошел! Когда все вот-вот полыхнет! Зачем?

— Потому что Луна меня достала. Думаю, это самое отвратительное место во Вселенной.

— Отвратительное?

Аня обвела внимательным взглядом сады на террасах; ручей, начинающийся на верхнем уровне и восемью туманными водопадами сбегающий к центральному пруду, чтобы начать новый цикл; красиво изогнутые дорожки. Между высокими вьющимися кустами роз, мимо башенок форзиции, цветущих золотыми колокольчиками, прогуливались отдыхающие. Широкие, плавные, как во сне, лунные шаги напоминали движение под водой. Другие люди выныривали из офисных туннелей и снова скрывались в них, задержавшись на миг, чтобы полюбоваться зябликами, кружащими над ухоженными огуречными грядками. На среднем ярусе, пестревшем бирюзовым, алым и аквамариновым шелком, располагались торговые палатки, где предприимчивые рабочие в свободное время торговали мини-фабриками, соломенными корзинками, пресс-папье из яркого стекла, пособиями по танцу и трудами по поэзии Елизаветинского периода.

— По-моему, на вид очень мило. Немножко тесновато, пожалуй, но это ведь эстетика первопроходцев.

— Похоже на базар, но я не об этом. Понимаете… — Хиро замялся в поисках слов. — Понимаете, меня беспокоит, как мы обращаемся с этим миром. Я хочу сказать, мы в нем копаемся, забрасываем его мусором, сносим горы, а чего ради?

— Ради денег, — отозвалась Аня. — Товары широкого потребления, сырье, будущее наших детей. Что тут плохого?

— Мы создаем не будущее, мы создаем оружие.

— На Луне нет ни единого пистолета. Это зона межкорпоративной разработки. Оружие здесь запрещено.

— Вы знаете, что я имею в виду. Фюзеляжи бомбардировщиков, системы детонаторов, оболочки снарядов — все это производится здесь и пересылается на низкую околоземную орбиту. Не надо притворяться, будто мы не знаем, зачем мы здесь.

— И что? — ласково спросила Аня. — Мы живем в реальном мире, все мы не настолько наивны, чтобы поверить в возможность правительства без армии. Почему нельзя производить все это здесь, если в других местах можно?

— Меня бесит то, с какой равнодушной, эгоистической жадностью мы все это делаем. Вы давно не выбирались на

поверхность полюбоваться, как ее вскрыли, выпотрошили и перелопатили? Еще остались места, где можно замереть перед красотой, не изменившейся с тех дней, когда наши предки качались на деревьях. Но мы и эти места испакостим. Через поколение, от силы — через два на Луне останется не больше красоты, чем на любой мусорной свалке.

— Ты же видишь, во что промышленность превратила Землю, — сказала Аня. — Что плохого в том, чтобы убрать ее с планеты?

— Да, но Луна…

— Даже не имеет экосферы. Здесь нечему вредить.

Они сердито уставились друг на друга. Наконец Хиро буркнул:

— Не хочу об этом говорить. — И мрачно уткнулся в свои карты.

Через пять или шесть конов к ним рассеянно подошла какая-то женщина и уселась на траву у ног Кришны. На веках у нее были ярко-лиловые тени, а на лице безумная улыбка.

— О, привет! — сказал Кришна. — Все знакомы с Салли Чанг? Она, как и я, исследовательский компонент «Центра Технологий Самовоспроизводства».

Остальные кивнули. Гюнтер представился:

— Гюнтер Уэйл, рабочий компонент «Поколения-Пять».

Женщина хихикнула.

Гюнтер моргнул.

— У вас, видно, хорошее настроение. — Он постучал костяшками пальцев по доске. — Я при своих.

— Я на псиле, — ответила женщина.

— На псилоцибине? — переспросил Гюнер. — Я, может быть, заинтересуюсь. Вы его выращиваете или синтезируете? У меня в комнате есть пара мини-фабрик, я мог бы поделиться с вами, если вы получите лицензию на программное обеспечение.

Салли Чанг покачала головой и беспомощно рассмеялась. По ее лицу текли слезы.

— Ну, когда вы спуститесь на землю, можно будет поговорить. — Гюнтер покосился на свои карты. — Может здорово пригодиться для шахмат.

— В шахматы давно никто не играет, — презрительно бросил Хиро. — Это только для компьютеров.

Гюнтер взял банк с двумя парами. Он перетасовал, Кришна отказался снять, и он стал сдавать карты.

— Так вот, эта чокнутая русская дамочка…

Чанг ни с того ни с сего взвыла. Дикий взрыв хохота заставил

ее выгнуться всем телом и снова скрючиться. В ее глазах горела радость открытия, она ткнула пальцем прямо в Гюнтера.

— Ты — робот! — выкрикнула она.

— Прошу прощения?

— Ты просто робот, — повторила она. — Ты машина, автомат. Посмотри на себя. Ничего, кроме реакций на раздражители. У тебя вовсе нет собственной воли. Ничего нет. Ты не смог бы действовать самостоятельно даже ради спасения жизни.

— Да ну? — Гюнтер огляделся в поисках вдохновения. Какой-то мальчуган, — может быть, Петр Нафис, хотя отсюда трудно было сказать, — стоял на берегу, подкармливая карпов хлебными крошками. — А скажем, я спихну вас в воду. Это будет самостоятельное действие?

Она со смехом покачала головой:

— Типичное поведение примата. На возможную угрозу отвечает имитацией агрессии.

Гюнтер засмеялся.

— Затем, если это не срабатывает, примат демонстрирует подчинение. Заискивает. Обезьяна показывает свою безобидность, понимаешь?

— Эй, это уже не смешно, — предостерегающе заметил Гюнтер. — Собственно говоря, это, пожалуй, оскорбление.

— И снова возвращается к проявлению агрессии.

Гюнтер вздохнул и поднял руки вверх.

— И как мне реагировать? С вашей точки зрения, что бы я ни сказал или ни сделал — все плохо.

— Опять же подчинение. Агрессия — подчинение, туда и обратно, туда и обратно. — Она двигала руками, будто качала насос. — Как маленькая машина, понимаешь. Это все — автоматические реакции.

— Эй, Криш! Ты у нас нейро-био-что-то-там, верно? Замолви за меня словечко. Вытащи меня из этой трепотни.

Кришна покраснел. Он старался не встречаться с Гюнтером взглядом.

— Видишь ли, в Центре мисс Чанг очень ценят. Если она считает нужным о чем-то задуматься, значит, об этом стоит подумать.

Женщина жадно рассматривала их блестящими глазами с точками сузившихся зрачков.

— Насколько я понимаю, она имеет в виду основную проблему жизни. Что мы действуем на автопилоте. Не конкретно ты, а мы все. — Он напрямик обратился к Чанг: — Так?

— Нет, нет, нет, — замотала головой женщина. — Именно он.

— Я сдаюсь.

Гюнтер отложил карты и откинулся навзничь на гранитную плиту, так что через стеклянную крышу ему видна была Земля. А закрыв глаза, он видел поднимающийся хоппер Измайловой. Простейшее устройство: кресло на площадке, под ним пучок из четырех реактивных сопл и сложная система опор. Гюнтер видел, как хоппер поднимается над расцветающим взрывом, как он словно зависает над кратером, подобно коршуну. Фигура в красном скафандре сидела, опустив руки, с нечеловеческим спокойствием наблюдая за происходящим. В отраженном свете она сияла, как звезда. Это было жутковато и красиво.

Салли Чанг, прижавшись к коленям Гюнтера, раскачивалась взад, и вперед и смеялась, смеялась…

Бет Гамильтон была включена в телеприсутствие. Когда Гюнтер вошел в ее кабинет, она откинула один окуляр, но продолжала двигать руками и ногами. Слабые сонные движения, которые будут приняты и усилены на одной из невидимых за горизонтом фабрик.

— Ты опять опоздал, — довольно равнодушно заметила она.

Большинство людей хоть немного, да страдали от расщепления реальности, работая в двух местах сразу. Гамильтон принадлежала к числу тех избранных, кто умел одинаково эффективно справляться с двумя реальностями.

— Я вызвала тебя, чтобы обсудить твои перспективы в «Поколении-Пять». А именно — возможность перевода на другой участок.

— Ты хочешь сказать, на Землю?

— Вот видишь! — сказала Гамильтон. — Ты не так туп, как хочешь казаться. — Она снова вставила окуляр, застыла, потом подняла руку в металлической перчатке и проделала сложное движение пальцами. — Ну?

— Что «ну»?

— Токио, Берлин, Буэнос-Айрес — куда тебя влечет? Как насчет Торонто? Правильный выбор может дать хороший толчок твоей карьере.

— Я просто хочу остаться здесь, делать свое дело и получать жалованье, — осторожно сказал Гюнтер. — Я не стремлюсь к продвижению по службе, не хочу повышения, не надо никуда меня переводить. Я вполне доволен тем, что имею.

— Ты выбрал странный способ продемонстрировать это. — Гамильтон отключила питание перчаток и высвободила руки. И почесала нос. Она сидела у рабочего стола — черного гранитного куба. На нем стоял ее ПК вместе с россыпью кристаллов меди.

Мысленным приказом она вывела голос Измайловой на чип Гюнтера.

— Я с глубочайшим сожалением обращаю ваше внимание на непрофессиональное поведение одного из ваших штатных сотрудников, — начал голос.

Слушая донос, Гюнтер ощутил совершенно неожиданный приступ отчаяния и еще более сильную злость на Измайлову, которая посмела так, с ходу осудить его. Он постарался скрыть свои чувства.

— Безответственность, недисциплинированность, легкомыслие и совершенно неуважительное отношение.

Он усмехнулся:

— Кажется, она меня недолюбливает.

Гамильтон промолчала.

— Но этого недостаточно, чтобы… — Он осекся. — Или?..

— В обычных обстоятельствах, Уэйл, было бы достаточно. Начальник опытного участка — не просто «внештатный технарь», как ты изящно выразился. Правительство не раздает такие лицензии кому попало. И, если ты не знаешь, ты давно на плохом счету. Большие способности, которые не находят применения. Честно говоря, ты их разочаровал. Но, к счастью для тебя, эта мадам Измайлова оскорбила Дона Сакаи, и он дал нам понять, что мы не обязаны беспрекословно выполнять все ее требования.

— Измайлова оскорбила Сакаи?

Гамильтон покосилась на него:

— Ну, ты должен знать, ты же там был.

Теперь он вспомнил тираду Измайловой по поводу ядерной энергии.

— А, верно. Теперь понимаю.

— Так что решать тебе. Я могу записать выговор, который пойдет в твое личное дело вместе с жалобой Измайловой. Или ты переведешься на Землю, а я позабочусь, чтобы такие мелочи не задержались в системе корпорации.

Выбор был не богат, но Гюнтер постарался сделать хорошую мину при плохой игре.

— Похоже, что вам придется пока меня потерпеть.

— Пока, Уэйл. Пока.

Гюнтер вернулся на поверхность на следующую двухдневную вахту. В первый день он опять отвозил стержни для Чаттерджи С. На сей раз он строго следовал маршруту, и реактор был заправлен точно по графику. На второй день пришлось мотаться аж в Триснекер за какими-то старыми стержнями, которые полгода валялись во временном хранилище, пока люди Керр-

Макджи спорили, стоит ли их перерабатывать или просто захоронить. Для него это оказалось выгодной работенкой, потому что хотя цикл солнечной активности заканчивался, но предостережения еще поступали, и Гюнтер получал дополнительную плату за риск.

Когда он прибыл на место, техник из Франции дистанционно объявил, что о стержнях можно забыть. Состоялось очередное совещание, и принятие решения снова отложили. Гюнтер повернул обратно к Бутстрэпу, на полную громкость запустив в голове новую а капелла версию «Трехгрошовой оперы». На его вкус, звучала она слишком слащаво, но это слушали у него дома.

На пятнадцатом километре счетчик ультрафиолета на панели скакнул.

Гюнтер потянулся, чтобы постучать по нему пальцем. Счетчик не отозвался. Чувствуя, как по спине побежали мурашки, Гюнтер поднял голову к крыше кабины и прошептал:

— О нет.

— Служба радиационного прогнозирования только что объявила тревогу первой степени, — невозмутимо доложил грузовик, — вызванную непредвиденной вспышкой солнечной активности. Всем, находящимся на поверхности, немедленно следовать к ближайшему убежищу. Повторяю: немедленно следуйте в убежище.

— Я в восьмидесяти километрах от…

Грузовик замедлил ход и остановился.

— Поскольку данное устройство не защищено, повышенная радиация может повредить его. В целях обеспечения исправного функционирования транспортного средства все управление будет переведено на ручной режим, и данное устройство прекращает свою работу.

Как только радиофильтры грузовика отключились, в голове Гюнтера зазвучали перекрывающие друг друга голоса. Помехи забивали их, превращая в бессмыслицу попытки что-то сообщить.

…асность… повторяю… на пове… не защ… подв… опа… Моду… и перс… немедленно напр… ытия… Максим… срок двадцать ми… унд… ленно… ща. Говорит автопред… радиац… блюдения… интенсивн… нечной вспышки… одящиеся на пове… подверг… ости. Говор… убирайтесь с по… и… тесь, черт вас… ите? В убежища!! Не пыта… до Бутстрэпа, пряч… вас поджарит! Ты слы… так тебя и так? Уэ… ай все и…

…на Лунн… Уэйл! …чай, ты где?.. Давай, дружи… подземн… ще…

…Нги-ге… ближайшее убе… метров… Поворачи… му… от…

Где… всем-всем!.. Знает… Михаи… Миша, где ты… не…

…достать нам… голос… слы… я Ез…

— Бет! Ближайшее убежище осталось позади, в Вайскопфе, мне до него полчаса гнать. Я слышал, убраться надо за двадцать минут. Посоветуй, что делать?

Но град тяжелых обрывков оказался слишком сильным: больше ничего расслышать не удалось. Чья-то рука, скорее всего его собственная, потянулась к панели и отключила радио. Голоса в голове смолкли.

Но треск помех продолжался. Грузовик замер без движения, в получасе отовсюду, а невидимая смерть просачивалась сквозь крышу кабины. Гюнтер надел шлем и перчатки, дважды проверил застежки и разблокировал дверь кабины. Она распахнулась рывком. Страницы из руководства по эксплуатации улетели прочь, перчатка весело закувыркалась по грунту, погнавшись за пушистыми розовыми кубиками, подаренными ему Эвридикой в ту последнюю ночь в Швеции. Печенье, лежавшее на панели в открытой банке, рассыпалось в пыль и исчезло вместе с жестянкой. Взрывная декомпрессия. Он забыл о разгерметизации. Гюнтер остолбенел, осознав, какую ужасную — и опасную — ошибку совершил.

Опомнившись, он выбрался наружу, запрокинул голову и уставился на солнце. Оно хмурилось пятнами и негодовало огромной неожиданной вспышкой.

«Я умру», — подумал Гюнтер.

Одно долгое мгновение он, обессилев, пробовал на вкус эту ледяную в своей несомненности мысль. Он должен был умереть. Он знал это наверняка, знал так твердо, как ничего не знал прежде.

Мысленно Гюнтер видел смерть, надвигающуюся на него с лунной равнины. Смерть представлялась ему гладкой черной стеной, протянувшейся в обе стороны в бесконечность. Она рассекала мир пополам. На этой стороне была жизнь, тепло, кратеры и цветы, мечты, роботы-рудокопы, мысли — все, что знал или мог вообразить Гюнтер. По ту сторону — нечто? Ничто? Стена не давала подсказки. Она была непроницаема, загадочна, абсолютна. И она надвигалась на него. Она была уже близко, протяни руку — дотронешься. Скоро она будет здесь. Он пройдет сквозь нее и тогда узнает.

Гюнтер вырвался из этих мыслей и метнулся к кабине. Заскреб руками по борту, карабкаясь вверх. Слыша свист, шорохи и треск помех в трансчипе, он рванул магнитные крепления, удерживающие на месте Зигфрида, сгреб катушку и пульт управления и спрыгнул обратно.

Приземлился со скрежетом, упал на колени и тут же

закатился под кузов. На топливных стержнях такой слой изоляции, что его хватит для того, чтобы защитить от самого жесткого излучения, откуда бы оно ни исходило. Должна защищать от груза, так защитит и от солнца. Треск в чипе стих, и стиснутые челюсти разжались.

Спасен.

Под кузовом было темно. Гюнтер принялся размышлять. Даже если запустить восстановитель на полную мощность и отключить все дополнительные системы скафандра, кислорода переждать бурю не хватит. Ну что ж, значит, надо отыскать убежище. Ближе всего Вайскопф, до него всего пятнадцать километров, а там в сборочном цехе «П-5» есть убежище. Значит, ему туда.

Действуя на ощупь, Гюнтер нашарил стальные перемычки рамы и воспользовался магнитными креплениями Зигфрида, чтобы пристегнуться к дну грузовика. В тесноте работа продвигалась медленно, однако в конце концов он повис над дорогой лицом вниз. Нащупал пульт управления и запустил Зигфрида.

Ему понадобилось двенадцать изнурительных минут, чтобы осторожно спустить робота с крыши. Кабина не была рассчитана на такие крупные предметы. Чтобы втиснуть в нее робота, Гюнтеру пришлось сперва снести дверцу, а потом вырвать и выкинуть наружу сиденье. Оставив все это валяться на обочине, он загнал Зигфрида в кабину. Тот согнулся пополам, попробовал одну конфигурацию, потом другую и наконец пристроился в тесной кабине. Медленно, бережно он потянулся к приборной панели и сделал первое движение.

Грузовик дернулся и поехал.

Та еще вышла поездочка. Грузовик, и прежде не отличавшийся проворством, мотался по дороге, как чугунная свинья. Оптика Зигфрида была направлена на приборную панель, и перевести ее, не освободив механической руки, не представлялось возможным. Чтобы посмотреть вперед, робот должен был сперва остановить грузовик.

Гюнтер управлял, следя за дорогой под собой. Ему удавалось более или менее ориентироваться по уходящей назад колее. Каждый раз, как грузовик сходил с колеи, Гюнтер заставлял Зигфрида поворачивать обратно, и в результате они двигались зигзагами.

Мелькали и подпрыгивали тени, дорога текла под ним с опасным однообразием. Гюнтера подбрасывало и встряхивало в самодельных креплениях. Шея вскоре заболела из-за необходимости постоянно задирать голову, чтобы видеть светлую полосу дороги, уходящую в тень передней оси, а глаза устали от

монотонности пейзажа.

На ходу грузовик поднимал пыль, а даже мелкие частицы несли достаточный электростатический заряд, чтобы прилепиться к скафандру. Временами Гюнтер протирал залепленный тонкой серой пленкой щиток шлема, размазывая пыль длинными полосами.

У него начались галлюцинации: продолговатые цветные пятна появлялись перед глазами и исчезали, когда Гюнтер встряхивал головой и плотно зажмуривался, чтобы сосредоточиться. Искушение подольше не открывать глаза было слишком велико, но он не мог себе позволить этого.

Гюнтеру вспомнилась последняя встреча с матерью, и что она тогда говорила. Что худшее во вдовстве — это то, что каждый день все начинается заново, не лучше, чем накануне, что боль по-прежнему свежа и с отсутствием мужа все так же невозможно смириться. Это, сказала она, все равно что самой быть мертвой: ничего никогда не меняется.

Ах, господи, подумалось ему, не стоило этого делать. Булыжник размером с человеческую голову возник перед шлемом. Руки бешено дернули управление, Зигфрид резко повернул машину, камень метнулся в сторону и остался позади. После чего Гюнтер перестал рефлексировать.

Он настроил свой ПК. Зазвучал «Saint James' Infirmary». Не помогло.

«Держись, ублюдок! — думал он. — Ты справишься».

Руки и плечи ныли, спина тоже, и Гюнтер совсем перестал думать. Одна нога, должно быть из вредности, онемела. Голову приходилось держать под таким углом, что все время отвисала челюсть. Через некоторое время по легкой ряби на визоре Гюнтер догадался, что в изгибе шлема скопилась слюна. Он пускал слюни! Гюнтер закрыл рот, проглотил слюну и уставился вперед. Минуту спустя он поймал себя на том же самом.

Медленно, мучительно он приближался к Вайскопфу.

Завод в Вайскопфе, принадлежащий «П-5», ничем не отличался от других себе подобных. Белый пузырь-купол, смягчающий перепады температур в течение долгого лунного дня, башня микроволновых передач, обеспечивающая телеприсутствие, и сотни полуавтономных модулей, выполняющих работы.

Гюнтер проскочил подъездную дорогу, развернулся и подогнал грузовик прямо к стене завода. Он заставил Зигфрида выключить двигатель и только тогда выронил из рук пульт управления. Не меньше минуты он просто висел на ремнях с

закрытыми глазами, наслаждаясь неподвижностью. Потом выпутался из креплений и выполз из-под кузова. Под непрерывный шорох и треск помех он, спотыкаясь, зашагал к заводу.

В тусклом свете, просачивающемся сквозь купол, цех напоминал подводный грот. Фонарь на шлеме не столько помогал, сколько мешал видеть. В освещенное пятно со всех сторон склонялись механизмы, казалось, он смотрит в объектив «рыбий глаз». Гюнтер отключил фонарь и стал ждать, пока глаза привыкнут к темноте.

Довольно скоро он начал различать тонких, как привидения, роботов-сборщиков, двигающихся с неземной точностью и плавностью. Вспышка солнечной активности сказалась на них. Они покачивались, словно водоросли, чуть ли не в такт друг с другом. Воздев руки, они танцевали под музыку радиопомех.

На сборочном конвейере, как вскрытые и выпотрошенные тела, лежали полусобранные роботы. Тонкое переплетение их медных и серебряных нервов оказалось на виду, соединения перепутаны. Огоньки зарядов, собравшиеся на кончиках металлических пальцев, заставляли тела судорожно вздрагивать.

Все это по большей части были слепые механизмы, закрепленные на полу в соответствии с логикой сборки. Но имелись и мобильные единицы: надсмотрщики и многофункциональные устройства пьяно бродили по цеху, и в глазах их светилось безумие. Гюнтер заметил резкое движение и успел обернуться, когда автоперфоратор качнулся к нему и пробил дыру в полу прямо у него под ногами. Гюнтер подошвами почувствовал сотрясение и отскочил назад.

Механизм последовал за ним, пробойник с алмазным наконечником нервно высовывался и снова прятался в чехол. Автомат двигался пугливо и угловато, как новорожденный жеребенок.

— Тише, тише, малыш, — прошептал Гюнтер.

В дальнем конце цеха нанесенная на стену кратера светящаяся зеленая стрелка указывала на железную дверь. Убежище. Гюнтер попятился от перфоратора, продвигаясь по служебному проходу между рядами автоматов, волнующихся, как трава на ветру.

Перфоратор на своих колесах покатился за ним. Потом, сбитый с толку шевелением вокруг, остановился, оглядывая ряды роботов. Гюнтер окаменел.

Наконец перфоратор медленно и неуклюже развернулся.

Гюнтер побежал. Разряды гудели у него в голове. Серые тени плавали среди дальних механизмов, то приближаясь, то отступая,

словно акулы в море. Здесь и там на манипуляторах сборщиков звездочками вспыхивали сварочные дуги. Ныряя и виляя на бегу, он добрался до убежища и схватился за дверь шлюза. Даже сквозь перчатку она казалась холодной на ощупь.

Он толкнул дверцу.

Люк был маленьким и круглым. Гюнтер протиснулся внутрь, с трудом уместившись в совсем небольшой камере, постарался свернуться в тугой клубок и дернул дверь на себя.

Темнота.

Он опять включил нашлемный фонарь. Отраженный луч обжег глаза: свет был слишком ярким для такого тесного помещения. Чувствуя, как подбородок упирается в колени, Гюнтер братски посочувствовал Зигфриду, загнанному в тесноту кабины.

Внутреннее управление люка было проще не придумаешь. Дверь откидывалась на петлях внутрь, так что давление воздуха удерживало ее в закрытом положении. Имелась ручка, которая, если за нее дернуть, впускала ток кислорода в шлюз. Когда давление выравнивалось, внутренняя дверь открывалась без труда. Он дернул ручку.

Пол дрогнул от поступи чего-то тяжелого снаружи.

В убежище места хватило только на койку, химический туалет и восстановитель с запасным баллоном кислорода.

Тепло и свет обеспечивала одна и та же установка над головой. Для развлечения имелись карманные издания Библии и Корана, доставленные сюда неимоверно далекими миссионерскими обществами. Даже в пустом убежище было маловато места.

Но оно не пустовало.

Женщина щурилась и прикрывала глаза рукой от луча его фонаря.

— Выключите, — велела она.

Гюнтер послушался. В оставшемся мягком свете он увидел: очень короткие, почти по-мужски подстриженые белые волосы, через них просвечивала розовая кожа головы. Высокие скулы. Веки, словно крылья, чуть приподняты искусно наложенными тенями. Темные полные губы. Гюнтер невольно восхитился самодисциплиной, которая требовалась, чтобы так тщательно накладывать косметику, когда лицо все равно скрыто шлемом. Только потом он заметил красно-оранжевый модный скафандр «Студио Волга».

Это была Измайлова.

Чтобы скрыть смущение, Гюнтер стал возиться со шлемом и

перчатками, стаскивая их.

Измайлова освободила место, сдвинув свой лежащий на койке шлем, и он присел рядом с ней. Протянул руку, сказал чопорно:

— Мы уже встречались. Меня зовут…

— Я знаю. У вас на скафандре написано.

— А, да. Верно.

Неловкое молчание затянулось. Наконец Измайлова прокашлялась и резко заговорила:

— Это просто смешно. Нам нет причин…

БАМС!

Две головы дружно обернулись к двери. Звук был резким, громким, металлическим. Гюнтер напялил шлем, схватился за перчатки. Измайлова, тоже поспешно герметизируя скафандр, передала ему на чип:

— Что это?

Тщательно задвигая одну за другой застежки манжет, Гюнтер отозвался:

— Полагаю, это автоматический перфоратор. — Поняв, что шлем заглушает слова, он повторил их через чип.

БАМС!

Теперь они уже ждали этого звука. И больше не сомневались. Что-то пыталось вскрыть наружный люк шлюза.

— Что-что?

— А может, какой-нибудь молот или кузнечный модуль. Слава богу, что не лазерный резчик. — Он протянул ладони перед собой. — Проверьте крепление.

Она покрутила туда-сюда манжеты, взялась за шлем, потянула.

— Все в порядке. — И тоже протянула ладони. — Но чего он добивается?

Герметизация перчаток у нее тоже была в порядке. Один замок шлема чуточку расшатан, но не настолько, чтобы нарушить цельность. Гюнтер пожал плечами:

— Он не в себе. Мало ли что взбрело ему в голову. Например, пытается укрепить ослабшие петли.

БАМС!

— Он же ломится сюда!

— Да, это тоже возможно.

Измайлова чуть повысила голос:

— Но даже если программы перепутаны, в его памяти не должно быть ничего такого, что заставляет его так действовать. Как беспорядочный сигнал мог вызвать такое поведение?

— Он не так действует. Вы представляете себе роботов,

какими они были в вашем детстве. А эти автоматы — просто шедевр. Они манипулируют не инструкциями, а концепциями. Это делает их поведение более гибким. Не приходится программировать каждый шажок при переходе к чему-то новому. Вы просто ставите цель…

БАМС!

— …например, разобрать роторный бур. В автомате имеется банк доступных навыков, вроде резки, откручивания болтов или общие манипуляции, и он перестраивает их в различном порядке в зависимости от поставленной задачи. — Гюнтер говорил, лишь бы слышать собственный голос и не удариться в панику. — И в обычных условиях это просто прекрасно. Но уж если такая штуковина выходит из строя, так на уровне концепции. Понимаете? Так что…

— Так что он принимает нас за роторный бур, который нужно разобрать?

— Ну… в общем, да.

БАМС!

— И что нам делать, когда он сюда доберется?

Они оба невольно поднялись на ноги и стояли лицом к двери. Свободного пространства было не много, и они заполнили его целиком. Гюнтер остро ощущал, что здесь не хватит места, чтобы драться или бежать.

— Не знаю, как вы, — сказал он, — а я намерен шарахнуть эту дрянь по башке унитазом.

Она повернулась к нему.

БАА…

Звук оборвался хриплым свистящим взрывом. Мгновенно наступила тишина.

— Взломал наружную дверь, — спокойно констатировал Гюнтер.

Они подождали.

После долгого молчания Измайлова спросила:

— Мог он уйти?

— Не знаю. — Гюнтер отстегнул свой шлем и прижался ухом к полу. Камень был до боли холодным. — Возможно, его повредило взрывом.

Он ощущал легкую вибрацию сборщиков и более тяжелый гул машин, перекатывающихся по цеху. Все эти звуки оставались в отдалении. Он сосчитал про себя до ста. Ничего. Он еще раз сосчитал до ста и наконец выпрямился.

— Ушел.

Оба снова сели. Измайлова сняла шлем, Гюнтер неловко отстегивал перчатки. Застежки не поддавались.

— Посмотрел бы кто на меня, — неуверенно засмеялся он. — Пальцы как сосиски. Так перетрусил, что с манжетами не справиться.

— Давайте помогу. — Измайлова отстегнула и потянула перчатку. Та легко сошла с руки. — Где там у вас вторая рука?

Они сами не заметили, как сняли друг с друга скафандры, как отстегнули крепления и распечатали швы. Начали они медленно, но с каждой застежкой торопились все больше, словно в отчаянной спешке. Гюнтер вскрыл красный скафандр Измайловой, под которым обнаружилась красная шелковая рубашка. Он подсунул под нее руку, задрал до груди. Соски были твердыми. Он взял грудь в ладонь и сжал ее.

Измайлова издала низкий гортанный стон. Она уже вскрыла скафандр Гюнтера и теперь подбиралась к члену. Выпростала его и нетерпеливо потянула мужчину на койку. Потом встала над ним на колени и направила член в себя. Губы Гюнтера встретились с женскими губами, теплыми и влажными. Они занимались любовью, так и не избавившись до конца от скафандров. Гюнтер освободил одну руку и просунул ее под рубашку Измайловой, поглаживая длинную спину и затылок. Короткий ежик волос щекотал и покалывал ладонь.

Она крепко оседлала его, ее плоть скользила по его коже.

— Ты уже готов? — бормотала она. — Готов? Скажи, когда будешь готов.

Она покусывала его плечо, шею, подбородок, нижнюю губу. Ее ногти впивались ему в кожу.

— Готов, — шепнул он.

Или, может быть, только подумал, и она поймала мысль на свой чип. Так или иначе, она стиснула его еще крепче, будто хотела сломать ребра, и все ее тело содрогнулось в оргазме. И он тоже освободился, выбросив страсть в вихре отчаяния, экстаза и облегчения.

Ничего лучше он в жизни не испытывал.

Потом они полностью содрали с себя скафандры и спихнули их с койки. Гюнтер вытянул из-под себя одеяло и с помощью Измайловой укутал ее и себя. Они лежали рядом молча, наслаждаясь отдыхом.

Он прислушался к ее дыханию. Она дышала тихо. Потом она повернулась к нему лицом, и теплое дыхание согрело ему ямочку на горле. Ее запах наполнял комнату. Рядом с ним находилась незнакомка.

Гюнтер устал, ему было тепло и спокойно.

— Ты давно здесь? — спросил он. — То есть не в убежище, конечно, а…

— Пять дней.

— Так мало… — Он улыбнулся. — Добро пожаловать на Луну, мисс Измайлова.

— Екатерина, — сонно поправила она. — Зови меня Екатерина.

Они плавно взмыли вверх и к югу, через Гершель. Дорога Птолемея бежала под ними крутыми изгибами, скрываясь из виду и неизменно появляясь снова.

— Здорово! — каркнул Хиро. — Это же… Жаль, что я целый год не давал себя уговорить.

Гюнтер определил место и потихоньку начал снижаться, забирая на восток. Два других хоппера не отставали от него, держась тесным треугольником. Вспышка солнечной активности закончилась два дня назад, и Гюнтер, отгуливая законные выходные, пообещал, как только отменят тревогу на поверхности, свозить друзей в горы.

— Мы уже близко. Проверьте хорошенько ремни безопасности. У тебя все в порядке, Криш?

— Да, мне вполне удобно.

Они опускались на посадочную площадку «Залив Зноя Компани».

Хиро сел вторым, а на поверхности оказался первым. Он запрыгал вокруг, как спущенный с поводка колли, носился вверх и вниз, выискивая все новые точки, откуда можно было вдоволь полюбоваться видом.

— Просто не верится, что я здесь! Я здесь каждый день работаю, но — представляете! — я в первый раз на самом деле сюда выбрался! Я хочу сказать, собственной персоной!

— Смотри под ноги, — напомнил Гюнтер. — Это тебе не телеприсутствие — если сломаешь ногу, нам с Кришной придется тебя тащить.

— Я целиком на тебя полагаюсь. Парень, который попал под солнечную вспышку и так классно кончил…

— Эй, прикуси язык, ладно?

— Да все уже слышали. Я к тому, что мы уже считали тебя покойником, и вдруг вас обоих обнаруживают спящими! Об этом еще сто лет будут болтать. — Хиро чуть не задохнулся от смеха. — Вы стали легендой!

— Ну так дай легенде малость отдохнуть. — Чтобы сменить тему, Гюнтер заметил: — Неужто ты собираешься снимать эту помойку?

Разработка в Заливе Зноя велась открытым способом: роботы-бульдозеры сгребали с поверхности реголит и скармливали его

перерабатывающей фабрике, раскинувшейся на гигантских отвалах. Здесь добывали торий, и выход продукции был так мал, что к обогатительному реактору ее доставляли на хопперах. Рельсовая пушка тут не применялась, и позади фабрики громоздились горы отходов производства.

— Не смеши меня! — Хиро протянул руку к югу, в сторону Птолемея. — Вот!

Солнце осветило стену кратера, между тем как равнина внизу была еще в тени. Пологие склоны выглядели неприступными кручами, а сам кратер сиял ослепительной белизной собора.

— Где твоя камера? — спросил Кришна.

— Мне она не нужна. Я принимаю данные прямо на шлем.

— Я не слишком разобрался в этом твоем проекте с мозаикой, — признался Гюнтер. — Объясни-ка еще раз, что там у вас получается.

— Это идея Ани. Она арендовала сборщик, чтобы нарезать шестиугольные плитки для пола: белые, черные и четырнадцати промежуточных оттенков серого. А картинки раздобыл я. Мы выбрали ту, которая нам понравилась больше всего, сканировали ее в черно-белом режиме, настроили интенсивность цвета и запрограммировали сборщик на укладку пола — одну плитку на пиксель. Здорово получилось — заходи завтра, увидишь.

— Ага, зайду.

Хиро, стрекоча, как белка, увел их от края карьера. Они направились к западу поперек склона.

Гюнтер услышал голос Кришны через свой трансчип. Это был старый трюк «земляных крыс». Чип на расстоянии пятнадцати ярдов мог работать как передатчик — отключи радио и болтай с чипа на чип.

— В твоем голосе тревога, друг мой.

Гюнтер прислушался, ловя второй носитель, и ничего не услышал. Хиро находился за пределами зоны приема.

— Это из-за Измайловой. Я…

— Влюбился в нее.

— Откуда ты знаешь?

Они растянулись по склону. Хиро оказался впереди. Некоторое время оба молчали. Это было спокойное, доверительное молчание, похожее на безликую тишину исповедальни.

— Пожалуйста, не пойми превратно, — сказал Кришна.

— Чего не понять превратно?

— Гюнтер, если взять пару сексуально совместимых людей, оставить их в тесном пространстве, изолировать и напугать до полусмерти, они полюбят друг друга. Это факт. Это механизм

выживания, программа, введенная в систему задолго до твоего рождения. Когда миллиарды лет эволюции подсказывают, что наступил брачный сезон, твоему мозгу нечего возразить.

— Эй, давайте сюда! — крикнул по радио Хиро. — Это надо видеть!

— Идем, — откликнулся Гюнтер. И снова на чип: — Ты делаешь из меня что-то вроде автомата вашей Салли Чанг.

— В каком-то смысле мы все автоматы. Это не так плохо. Мы чувствуем жажду, когда нуждаемся в воде, адреналин впрыскивается в кровоток, когда нам необходим выплеск агрессивной энергии. Невозможно сражаться с собственной природой. Да и какой в этом смысл?

— Да, но…

— Ну, разве не здорово? — Хиро пробирался по россыпи валунов. — Этому конца нет! А туда взгляните! — Выше по склону становилось видно, что они перебираются через расщелину, забитую валунами. Камни были здоровенные, больше хопперов, а иные чуть ли не с кислородные цистерны дофабричной эпохи. — Эй, Кришна, все хочу тебя спросить: чем вы занимаетесь в этом вашем Центре?

— Мне не положено рассказывать.

— Да брось! — Хиро поднял на плечо булыжник величиной с голову и запустил им в пространство, словно толкатель ядра. Камень описал длинную дугу и рухнул далеко внизу, взметнув фонтан белой пыли. — Ты здесь среди друзей. Нам можно доверять.

Кришна покачал головой. Щиток его шлема блеснул на солнце.

— Ты сам не знаешь, о чем просишь.

Хиро подобрал второй камень, еще больше первого. Гюнтер уже видел его в таком настроении и хорошо представлял ехидную ухмылочку на его лице.

— Я как раз об этом и говорю — Мы оба ни шиша не понимаем в нейробиологии. Спокойно можешь прочитать нам десятичасовую лекцию, все равно той малости, что мы сумеем уловить, никак не хватит, чтобы нарушить секретность.

Новый фонтан пыли.

— Ты не понимаешь. Центр самовоспроизводящихся технологий не зря размещен здесь. Лаборатория на Земле обошлась бы во много раз дешевле, но наши спонсоры перевели, работы сюда, потому что они по-настоящему напуганы.

— Ну, а что ты можешь нам рассказать? Из открытых материалов, вроде тех, что показывают в видеожурналах? Без всяких секретов.

— Ну… ладно. — Теперь пришла очередь Кришны. Он поднял маленький камушек, размахнулся, как бейсболист, и метнул. Камушек скрылся вдали. Над поверхностью повисло белое облачко. — Вы знакомы с Салли Чанг. Она только что закончила работу над полной картой передающих функций нейронов.

Они ждали продолжения. Убедившись, что Кришна больше ничего не добавит, Хиро сухо произнес:

— Ух ты.

— Подробнее, Криш. Не все способны увидеть Вселенную в одной песчинке так быстро, как ты.

— Кажется, очевидно. Полная генетическая карта мозга существует уже почти десятилетие. Теперь добавьте к этому химическую карту Чанг, и вы все равно что получаете ключ от библиотеки. Нет, больше того. Представьте, что вы всю жизнь провели в огромной библиотеке, полной книг на неизвестном вам языке, а теперь вы нашли словарь и программу чтения.

— Так что? Теперь мы полностью понимаем, как работает мозг?

— Мы полностью контролируем работу мозга. Посредством химического воздействия мы можем заставить каждого думать или чувствовать то, что нам хочется. Мы сможем мгновенно излечивать психические заболевания нетравматической природы. Мы сможем производить тонкую настройку агрессии, страстей, творческих способностей: усиливать, приглушать — все равно. Понимаете теперь, почему спонсоры так напуганы результатами наших исследований?

— Честно говоря, нет. Капелька здравомыслия миру не повредит, — сказал Гюнтер.

— Согласен. Но кто будет определять, что такое здравомыслие? Многие правительства считают признаки политического несогласия поводом для заключения в психиатрическую лечебницу. Это откроет двери мозга, позволит обследовать его снаружи. Впервые станет возможным выявлять невысказанный мятеж. Можно объявить вне закона те или иные мысли. Открываются необозримые возможности злоупотреблений.

И задумайтесь о применении в военных целях. Сочетание нашего открытия с некоторыми военными нанотехнологиями может привести к созданию газа-берсерка, позволит натравить вражескую армию на мирное население ее же страны. А еще проще — вызвать у них психическое расстройство и заставить уничтожить самих себя. И усмирять города, вызывая у жителей кататонию[50]. А потом можно создать для них вторую, внутреннюю реальность, которая позволит завоевателю

использовать население как рабов. Всего не перечислить.

Они долго молчали, переваривая сказанное. Наконец Хиро произнес:

— Господи, Кришна, если это — открытые материалы, что же за дьявольщину вы скрываете?

— Этого я не могу вам сказать.

Через минуту Хиро снова ускакал вперед. У подножия следующего холма он отыскал неохватный валун, ушедший в почву узким концом, и заплясал вокруг, пытаясь подобрать хороший ракурс, в который не попали бы его собственные следы.

— Так в чем дело? — раздался из чипа голос Кришны.

— Дело в том, что я никак не могу с ней увидеться. С Екатериной. Я оставляю сообщения, но она на них не отвечает. И ты же знаешь наш городок — попробуй в нем не столкнуться с тем, кто по-настоящему хочет тебя увидеть. Но она умудряется.

Кришна промолчал.

— Я просто хочу понять, что происходит.

— Она тебя избегает.

— Но почему? То есть я люблю, а она нет, ты это хочешь сказать? То есть она морочит мне голову или как?

— Что она чувствует, я не могу сказать, не поговорив с ней. Но вполне вероятно, что она попалась так же крепко, как ты. Разница в том, что с твоей точки зрения это прекрасно, а с ее — нет. Так что, естественно, она тебя избегает. Встречи только помешают ей справиться со своими чувствами.

— Дерьмо!

В голос Кришны вкралась нотка неприязни.

— На тебя не угодишь. Минуту назад ты жаловался, что я считаю тебя машиной. Теперь ты недоволен, что Измайлова себя машиной не считает.

— Эй, ребята! Идите сюда. Я нашел отличный пейзаж. Вы должны взглянуть.

Обернувшись, они увидели Хиро, махавшего им с вершины холма.

— Ты, по-моему, собирался сматываться? — проворчал Гюнтер. — Тебя тошнило от Луны, и ты хотел улететь, чтобы никогда на нее не возвращаться. Как это ты так внезапно передумал?

— То было вчера! А сегодня я первопроходец, строитель миров, основатель династий!

— Это начинает надоедать. Нет ли способа получить от тебя прямой ответ?

Хиро высоко подпрыгнул и завис в довольно забавной позе —

с растопыренными руками. Приземляясь, он пошатнулся.

— Мы с Аней решили пожениться!

Гюнтер с Кришной переглянулись: каждый смотрел в непрозрачный визор другого. Гюнтер с вымученным энтузиазмом откликнулся:

— Что ты говоришь? Кроме шуток? Поздрав…

Затрещали помехи. Гюнтер поморщился и вырубил прием.

— Мой дурацкий приемник…

Один из двух его спутников — они уже сошлись, и на расстоянии он не мог их различить — указывал вверх. Гюнтер задрал голову, чтобы взглянуть на Землю. Он не сразу понял, на что смотреть, но через секунду увидел: ослепительно яркую точку света на ночной стороне. Как маленькая яркая дыра в реальности где-то в континентальной Азии.

— Это что за чертовщина? — удивился он.

Хиро тихо ответил:

— По-моему, это Владивосток.

К тому времени, когда они вернулись в Центральный Залив, первая точка стала красной и потухла, зато вспыхнули две другие. В Обсерватории оператор отдела новостей выбивался из сил, пытаясь выделить главные новости из сумятицы слухов и предположений. Радиочастоты были забиты переговорами об ударах по Сеулу и Буэнос-Айресу. В этом никто не сомневался. Сведения об ударах по Панаме, Ираку, Денверу и Каиру оставались неподтвержденными. Невидимая ракета прошла низко над Хоккайдо и была отведена в Японское море. «Швейцарская Орбитальная» лишилась нескольких производств на спутниках. По поводу источника агрессии шли споры, и хотя подозрения в основном склонялись в одну сторону, Токио отрицал все.

На Понтера самое сильное впечатление произвел британский видеообозреватель, который сказал, что не важно, кто выстрелил первым и почему.

— Кого винить — Южный Альянс, Токио, генерала Кима или какую-нибудь подпольную террористическую организацию, о которой прежде никто и не слышал? Для мира, в котором пальцы лежат на взведенных курках, это вопрос несущественный. Первый же взрыв запустил автономные программы нанесения удара, называемого на официальном языке «ответным». Сам Горшов не сумел бы его предотвратить. Его тактическая программа выбрала трех наиболее вероятных агрессоров этой недели — по меньшей мере двое из них определенно невиновны — и нанесла ответный удар. Люди уже ничего не могли изменить.

Эти три государства в свою очередь нанесли «ответные

удары». Их результаты мы только начинаем узнавать. Теперь предстоит пятидневное перемирие для переговоров между всеми заинтересованными сторонами. Откуда нам это известно? Выдержки из всех основных оборонных программ содержатся в открытом доступе. Они не секретны. Их открытость, в сущности, является фактором сдерживания.

У нас есть пять дней, чтобы предотвратить войну, которая не нужна буквально никому. Вопрос в том, успеют ли политики и военные за пять дней обуздать собственные оборонные программы? И захотят ли? Учитывая вызванные последними событиями боль и гнев, застарелую ненависть, национальный шовинизм и естественную реакцию тех, чьи близкие уже погибли, возможно ли преодолеть все это, чтобы удержаться от тотальной войны? Наиболее информированные из наших источников предполагают, что невозможно. Нет, не успеют.

Доброй ночи, и да помилует нас всех Бог.

Они молча летели на север. Даже когда голоса в эфире смолкли, никто из них не заговорил. Наступал конец света, и все, что они могли сказать, показалось бы слишком мелким перед значением этого факта. Они просто летели домой.

Грунт вокруг Бутстрэпа был испещрен граффити, большими черными надписями, выбитыми на валунах. КАРЛ ОПС — ЭНДХОВЕН 49 и ЛУИЗА МАКТАЙГ АЛЬБУКЕРК и огромный глаз в пирамиде. Корона над надписью «АРСЕНАЛ — ЧЕМПИОН МИРА ПО РЕГБИ». КОРНПОУН. ПИ ЛЯМБДА ФИ. МОТОРИСТЫ. Гигант с дубинкой. Проходя над ними, Гюнтер отметил, что все надписи относятся к миру над головой, а не к порождениям Луны. То, что всегда представлялось пустяком, сейчас наполнило его невыразимой печалью.

От площадки хопперов до вакуумного гаража пешком было два шага. Они не стали вызывать транспорт.

Гараж, через который он проходил тысячу раз, сейчас показался Гюнтеру странно незнакомым. Он словно погрузился в собственную тайну, как если бы все, что в нем было, незаметно заменили точными копиями, двойниками, вставив в них что-то иное и непознаваемое. Ряды машин выстроились по ниточке вдоль нанесенных краской линий. Лучи света от ламп на потолке тянулись к полу и не дотягивались до него.

— Надо же, какая тишина! — Голос Хиро прозвучал неестественно громко.

Он был прав. Во всем пространстве грота-гаража не двигался ни один модуль, ни один обслуживающий робот. Даже маленькие течеискатели замерли неподвижно.

— Может, это из-за новостей, — пробормотал Гюнтер. Он

обнаружил, что не готов говорить о войне прямо.

В дальнем конце гаража в ряд располагались пять воздушных шлюзов. Над ними в скале теплой полоской светилось желтое окошко. Было видно, как в помещении за шлюзом расхаживает контролер.

Хиро махнул рукой, и маленькая фигурка за окном, наклонившись, махнула в ответ. Они собрались у ближайшего шлюза и стали ждать.

И ничего не дождались. Через несколько минут они отошли от шлюза, чтобы еще раз заглянуть в окно. Контролер был на месте и все так же неспешно прогуливался.

— Эй, — крикнул Хиро на открытой частоте, — ты, там! Ты работать собираешься?

Человек улыбнулся, кивнул им и снова помахал.

— Так открывай этот чертов люк. — Хиро шагнул вперед, и контролер, кивнув напоследок, склонился над пультом.

— Слушай, Хиро, — начал Гюнтер, — тут что-то не так…

Дверь рывком распахнулась, сорвавшись с половины петель. Воздух, как из пушки, вырвался наружу. Гараж мгновенно наполнился незакрепленными инструментами, частями скафандров и обрывками материи. Гюнтера зацепило гаечным ключом, развернув его и сбив с ног.

Он, оторопев, беспомощно наблюдал. Клочки и обломки на немыслимо долгое время зависли над полом. Наконец воздух рассеялся, и они медленно посыпались вниз. Гюнтер неуклюже поднялся, сквозь рукав потер плечо.

— Хиро, ты в порядке? Криш?

— О боже, — проговорил Кришна.

Гюнтер повернулся к нему. Кришна в тени ремонтной платформы склонился над чем-то, что никак не могло оказаться Хиро, потому что было совершенно неестественно выгнуто. Гюнтер прошел сквозь незнакомое сияние, опустился на колени рядом с Кришной и уставился на труп Хиро.

Когда контролер открыл шлюз, не откачав из него воздух, Хиро стоял прямо перед люком. Удар пришелся по нему. Его приподняло и отбросило на край платформы. Позвоночник был сломан, щиток визора разбит отдачей. Он, наверное, умер мгновенно.

— Кто здесь? — спросил женский голос.

Гюнтер не заметил, как в гараж въехало такси. Подняв взгляд, он увидел, как появляется второе, за ним третье. Из машин вылезали люди. Скоро в гараже набралось два десятка человек. Они разбились на две группы. Первая направилась прямо к шлюзам, вторая, поменьше, — к Гюнтеру и его друзьям. Все это

чертовски напоминало военную операцию.

— Кто здесь? — повторила женщина.

Гюнтер поднял тело друга на руки и встал.

— Это Хиро, — тускло ответил он. — Хиро.

Они опасливо надвигались полукругом — цепь скафандров с непрозрачными щитками. Гюнтер читал логотипы корпораций на костюмах: «Мицубиси», «Вестингауз», «Хольц Орбитал». Среди них он увидел красно-оранжевый скафандр Измайловой и еще один, незнакомый, с ярким узором.

Женщина заговорила снова, напряженно и неуверенно:

— Скажи мне, как ты себя чувствуешь, Хиро?

Это была Бет Гамильтон.

— Он не Хиро, — сказал Кришна. — Он Гюнтер. Вот Хиро. У него на руках. Мы были в горах и… — Голос у него сорвался, он сбился и замолчал.

— Это ты, Кришна? — спросил кто-то. — Хоть в чем-то повезло. Пропустите его вперед, он нам понадобится на входе.

Кто-то взял Кришну за плечо и увел за собой.

Четкий голос по радио обратился к контролеру:

— Дмитрий, это ты? Говорит Син. Ты меня помнишь, правда, Дмитрий? Я Син Омстед. Я твой друг.

— Конечно, я тебя помню, Син. Я тебя помню. Как же я мог забыть друга? Конечно, помню.

— Вот и хорошо. Я очень рад. Слушай меня внимательно, Дмитрий. Все хорошо.

Негодующий Гюнтер переключил свое радио на передачу.

— Черта с два! Этот идиот!..

Коренастый мужчина в скафандре «Вестингауза» ухватил Понтера за больное плечо и встряхнул.

— Заткнись, кретин! — рявкнул он. — Дело серьезное. Нет времени с тобой нянчиться.

К ним протиснулась Гамильтон.

— Бога ради, Познер, у него на глазах только что… — Она осеклась. — Я о нем позабочусь. Он сейчас успокоится. Дай нам полчасика, хорошо?

Остальные переглянулись, кивнули и отступили.

К удивлению Понтера, Екатерина обратилась к нему через трансчип:

— Мне очень жаль, Гюнтер, — пробормотала она. И сразу пропала.

Он все еще держал на руках тело Хиро. Гюнтер заметил, что не может отвести взгляда от изуродованного лица друга. Лицо потемнело и разбухло, как переваренная сосиска. Он смотрел и не мог оторваться.

— Идем. — Бет подтолкнула его, чтобы вывести из оцепенения. — Положи тело в кузов того фургона и отвези нас к скале.

Гамильтон потребовала, чтобы машину вел Гюнтер. Он обнаружил, что ему стало легче, когда нашлось дело. Его руки были заняты управлением, а смотрел он вперед, отыскивая проезд к Мавзолею. Глаза щипало, они были нечеловечески сухими.

— По нам пришелся первый удар, — рассказывала Бет. — Диверсия. Мы только-только начали разбираться. Никто не знал, что вы на поверхности, а то мы послали бы кого-нибудь вас встретить. Здесь все вверх дном.

Он вел машину молча, с головой укрывшись, как одеялом, милями окружающего их жесткого вакуума. Присутствие тела Хиро в фургоне отзывалось постоянно ощутимым зудом между лопатками. Но пока он молчал, ему ничего не грозило — мир, несущий боль, оставался вовне. Он не касался Гюнтера. Он ждал, но Бет ничего не добавила к сказанному.

Наконец ему пришлось заговорить:

— Диверсия?

— Разрушение программ на радиостанции. Взрывы всех рельсовых пушек. Троих из «Микроспейскрафт Аппликэйшен» убило, когда рванула пушка «Бойцовый Кот». Думаю, это было неизбежно. Здесь столько военной промышленности, что неудивительно, если кому-то пришло в голову вывести нас за скобки. Но это еще не все. В Бутстрэпе что-то случилось с людьми. Что-то совершенно ужасное. Я была в Обсерватории, когда это произошло. Из «Новостей» позвонили туда, чтобы узнать, не остались ли резервные программы, которые помогли бы снова запустить станцию, а в ответ какая-то бессмыслица. Бред сумасшедшего. В Обсерватории нам пришлось отключить всех дистанционников, потому что операторы… — Бет плакала, тихо и безутешно, и прошла целая минута, прежде чем она смогла продолжить рассказ. — Какое-то биологическое оружие. Это все, что мы знаем.

— Мы на месте.

Только подъехав к утесу Мавзолея, Гюнтер вспомнил, что не захватил мотобур. Потом он увидел в скале десять темных ниш и понял, что кто-то позаботился заранее.

— Не пострадали только те, кто работал в Центре или в Обсерватории, и еще кто был на поверхности. Всего около сотни.

Они обошли машину, остановились перед кузовом. Гюнтер подождал, но Бет не выразила желания понести тело. Почему-то это вызвало в нем вспышку гнева и отвращения. Он сдвинул запор

на дверце, влез на протектор и извлек труп в скафандре.

— Давай кончать с этим.

До этого дня на Луне умерло всего шесть человек. Гюнтер и Бет прошли мимо пещер, в которых ожидали вечности их тела. Гюнтер знал всех поименно: Хайссе, Ясуда, Спехальски, Дубинин, Миками, Кастильо. А теперь еще и Хиро. Невозможно было представить, что когда-нибудь мертвых станет слишком много, чтобы помнить все имена.

Маргаритки и тигровые лилии были разбросаны перед склепами так густо, что пришлось ступать прямо по цветам.

Они вошли в первую пустую нишу, и Гюнтер опустил Хиро на каменный стол, высеченный из скалы. В сиянии его нашлемного фонаря изломанное тело выглядело жалким и бесприютным. Гюнтер заметил, что плачет: горячие слезы текли по лицу и попадали в рот при вдохе. Он ненадолго отключил радио и сморгнул слезы с глаз.

— Дерьмо.

Он провел рукой по щитку шлема.

— Наверно, надо бы что-то сказать.

Гамильтон взяла его руку и сжала.

— Я никогда не видел его таким счастливым, как сегодня. Он собирался жениться. Он бегал вприпрыжку, смеялся и мечтал о семейной жизни. А теперь он мертв, а я даже не знаю, какой он веры. — Тут он вспомнил еще одно и беспомощно повернулся к Гамильтон. — Что мы скажем Ане?

— Ей не до того. Давай прочитай молитву и пойдем. У тебя кончается кислород.

— Да, ладно. — Он склонил голову. — «Господь Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться…»[51]

Оставшаяся в Бутстрэпе группа уже захватила шлюзы и увела контролера от панели управления. Работник «Вестингауза», Познер, взглянул на них через окно.

— Не вскрывайте скафандры, — предупредил он. — Они должны быть постоянно герметизированы. То, что поразило этого ублюдка, все еще вокруг нас. То ли в воде, то ли в воздухе. Один вдох, и вас вырубит. Поняли?

— Ясно, ясно, — буркнул Гюнтер. — Позагорать не светит.

Рука Познера на панели управления застыла.

— Давай там, соберись. Я тебя не впущу, пока не осознаешь, насколько серьезно положение. Это тебе не пикник. Если ты не готов помогать, обойдемся без тебя. Понятно?

— Мы все понимаем и готовы сделать все возможное, — торопливо заверила Гамильтон. — Верно, Уэйл?

Он с несчастным видом кивнул.

Взломан был только один шлюз, а между поверхностью и основным запасом воздуха Бутстрэпа имелись еще пять. Конструкторы города не пренебрегали надежностью.

Под присмотром Познера они прошли по коридору, через шлюзы и раздевалки, к грузовому лифту. И наконец оказались в самом городе.

И замерли, хлопая глазами, на краю преисподней.

Невозможно было сразу определить, что именно создает упорное ощущение неправильности, притаившееся на краю сознания. В парке было полно народу, огни на стенах кратера и на куполе горели ярко, и водопады грациозно перетекали с уступа на уступ. В траве забавно подпрыгивали перепелки.

Потом стали проступать более мелкие детали. По четвертому уровню, шатаясь, двигался человек. Голова у него дергалась, он бешено размахивал руками. Мимо прошла пухлая женщина. Она катила пустую тележку от передвижной мини-фабрики и на ходу покрякивала, как утка. Кто-то сидел среди крошечного леса в парке Ногучи и выдергивал одно деревце за другим.

При ближайшем рассмотрении неподвижные фигуры внушали еще больше тревоги. Какой-то человек лежал, наполовину скрывшись в туннеле, спокойно и беззаботно, как собака. Три женщины застыли в расслабленных позах, как будто обессилев от отчаяния. И ни один человек не заговаривал с другими, ни взглядом, ни жестом не показывал, что замечает их присутствие.

— Что… — Что-то ударило Гюнтера в спину, сбило с ног. Оказавшись на земле, он осознал сперва, что его снова и снова бьют кулаками, а чуть позже — что тощий человечек, встав ему коленом на грудь, истерически вопит:

— Не делай так! Не делай так!

Гамильтон схватила человека за плечо и оттащила назад. Гюнтер поднялся на колени. Он видел перед собой само безумие: круглые от страха глаза, ужас на лице. Человек панически боялся Гюнтера.

Потом он резко вывернулся и бросился бежать, словно за ним гнались демоны. Гамильтон проводила его взглядом.

— Ты в порядке? — спросила она.

— Да, конечно. — Гюнтер поправил пояс для инструментов. — Пойдем поищем других.

Они направились к озеру, разглядывая погруженных в себя людей, усеявших траву. Мимо пробежала босая женщина. Она держала в руках охапку цветов.

— Эй! — окликнул Гюнтер.

Она мимоходом улыбнулась через плечо, но не замедлила бег. Гюнтер встречал ее раньше — одна из диспетчеров на «Мартин Мариетта».

— Они что здесь, все сошли с ума? — спросил он.

— Похоже на то.

Женщина добежала до берега и грациозным движением бросила цветы в воду. Они закачались на воде.

— Чертовски жаль.

Гюнтер помнил Бутстрэп, когда в городе еще не росли цветы. Он знал, каких трудов стоило получить разрешение на их посадку и изменения в городской экологии.

Вдоль берега озера пробежал человек в крупповском скафандре в синюю полоску.

Женщина, избавившись от цветов, сама бросилась в воду.

Сперва показалось, что она вдруг вздумала искупаться. Но когда она забарахталась, забила руками, попав на глубину, стало ясно, что плавать она не умеет.

Пока Гюнтер соображал, что происходит, Гамильтон бегом рванулась вперед, к озеру. Но мужчина в крупповском скафандре опередил обоих. Он с плеском прыгнул за женщиной, протянул руку и ухватил ее за плечо, но тут же поскользнулся и упал, потащив бедняжку за собой. Когда он вынырнул из воды, обхватив женщину, та побагровела и задыхалась.

Но Гюнтер и Бет уже влезли в воду, и втроем они доставили женщину на берег. Как только ее выпустили, она повернулась и ушла, будто ничего не случилось.

— Отправилась за новыми цветами, — пояснил компонент «Круппа». — Наша прекрасная Офелия уже третий раз пытается утопиться. И она не единственная. Я держусь поблизости, вытаскиваю, когда они бросаются в воду.

— Вы не знаете, где остальные? Кто командует? Отдает кто-нибудь приказы?

— Вам нужна помощь? — спросил Гюнтер.

Крупповский пожал плечами:

— Я обхожусь. А вот где остальные, понятия не имею. Когда я решил остаться здесь, мои приятели собирались на второй уровень. Если их увидите, передайте, что я не прочь получить от них весточку. Трое в крупповских скафандрах.

— Сделаем, — обещал Гюнтер.

Гамильтон уже уходила.

На ступеньке у самого верха лестницы распростерся один из знакомых Гюнтера, компонент «П-5».

— Сидни, — осторожно заговорил с ним Гюнтер, — как дела?

Сидни хихикнул:

— Я стараюсь, если ты об этом. Не думаю, что здесь особо важно «как».

— Понятно.

— Лучше бы спросил, почему я не на работе. — Он встал и вполне непринужденно пристроился рядом с Понтером, — Естественно, я не могу находиться в двух местах сразу. Ты бы не захотел ведь, чтоб тебе делали серьезную операцию в твое отсутствие? — Он снова хихикнул. — Это оксюморон. Как с лошадьми: эти классически прекрасные, как статуи Праксителя, тела извергают противоестественно длинное дерьмо.

— Понятно.

— Я всегда восхищался, сколько искусства они умудряются втиснуть в единый образ.

— Сидни, — сказала Гамильтон. — Мы ищем друзей. Троих мужчин в рабочих скафандрах в синюю полоску.

— Я их видел. Я точно знаю, куда они пошли. — Его глаза оставались пустыми и холодными, и непонятно было, куда именно он смотрит.

— Ты мог бы провести нас к ним?

— Даже цветок узнает свой лик.

Плавно изогнутая гравийная дорожка вела через частные огороды и крокетные площадки. Сидни повел их по ней.

На второй террасе было мало народу: с наступлением безумия большинство попрятались в пещеры. Из немногих оставшихся одни не замечали их, другие шарахались в стороны. Гюнтер поймал себя на том, что напряженно вглядывается в лица людей, пытаясь разобраться в отклонениях, ощущавшихся в каждом. В глазах притаился страх: пугающее сознание, что с ними случилось что-то ужасное, переплеталось с полным непониманием природы этого ужаса.

— Господи, эти люди!..

Гамильтон что-то проворчала.

Гюнтеру казалось, что он идет сквозь сновидение. Скафандр приглушал звуки, и цвета сквозь визор шлема казались менее яркими. Чудилось, будто его незаметно отдалили от мира, он был одновременно здесь и не здесь, и это ощущение усиливалось с каждым новым лицом, которое смотрело сквозь него безумными, невидящими, равнодушными глазами.

Сидни свернул за угол, перешел на бег и рысцой вбежал в устье туннеля. Гюнтер заторопился за ним. У входа в туннель он задержался, чтобы дать визору время приспособиться к новому освещению. Когда зрение прояснилось, он увидел, как Сидни шмыгнул в боковой проход. Гюнтер пошел за ним.

На пересечении туннелей они не увидели ни следа своего

провожатого.

— Ты видела, куда он пошел? — по радио спросил Гюнтер у Гамильтон. Ответа не последовало. — Бет!

Он сделал несколько шагов по проходу, остановился и повернул обратно. Туннели тянулись далеко в глубину. По ним можно блуждать целую вечность. Гюнтер вернулся на террасы. Гамильтон он не увидел и здесь.

За неимением лучшего плана он пошел по дорожке. За живописным кустом остролиста его ожидало видение прямо из Уильяма Блэйка.

Мужчина, сбросив рубашку и сандалии, остался в одних шортах. Он настороженно и терпеливо восседал на большом камине, поедая помидор. Обрезок стальной трубы лежал у него на коленях, как посох или скипетр, а на голову он вместо венца намотал платиновую проволоку. С нее на лоб свисали драгоценные сверхпроводниковые чипы. Человек всем своим видом напоминал царственное животное.

Он спокойно, не моргая, уставился на Гюнтера.

Тот вздрогнул. В этом человеке человеческого оставалось меньше, чем в антропоиде — по-своему приспособленном, но лишенном разума. Казалось, он сквозь тысячелетия смотрит на обезьяноподобного предка, ожидающего пробуждения мысли. Гюнтера пронзил суеверный трепет. Так вот что происходит, если лишить мозг высших функций! Может быть, в каждом под самой кожей прячется архетип, ожидая только случая прорваться наружу?

— Я ищу приятельницу, — заговорил он. — Женщину в скафандре «Поколение-Пять», таком же, как у меня. Вы ее не видели? Она искала троих… — Он замолчал. Человек бессмысленно смотрел на него. — О, ладно…

Гюнтер отвернулся и пошел дальше.

Вскоре он утратил связность восприятия. Фрагменты бытия в разрозненных образах. Скрючившийся вдвое мужчина, восторженно тискающий резиновую уточку. Женщина, выскочившая, как чертик из табакерки, из-за регистратора уровня радиоактивности воздуха, визжит и машет руками. Старая приятельница распростерлась на земле, кричит, у нее сломана нога. Когда Гюнтер хотел ей помочь, она испуганно поползла от него. Он не решился ничего сделать из боязни навредитъ ей еще больше.

— Оставайся здесь, — сказал он женщине. — Я приведу помощь.

Пять минут спустя он понял, что потерялся и не сумеет найти ее снова. Он вышел к лестнице, ведущей обратно к озеру.

Спускаться по ней не было смысла. И не было смысла не спускаться. Он пошел вниз.

Он как раз выбрался на нижний уровень, когда мимо пробежал человек в модном лавандовом скафандре.

Гюнтер крикнул по радиосвязи:

— Привет!

Лавандовый обернулся к нему, показав визор из пластинки обсидиана, но подходить не стал.

— Вы не знаете, где все? Я совсем растерялся. Как бы мне узнать, что надо делать?

Лавандовый скафандр нырнул в туннель.

Женский голос ответил:

— Попытайте счастья в конторе городского управления.

Контора городского управления была тесным помещением на восьмом километре туннеля, среди лабиринта административных и вспомогательных переходов. Управление никогда не играло большой роли в жизни города. Основной обязанностью градоправителя было поддерживать обеспечение водой и воздухом и следить за порядком проверки воздушных шлюзов — компьютер справился бы лучше, если бы только они решились доверить эту работу машине. Вероятно, здесь никогда еще не собиралось столько народу. Десятки людей в полном вакуумном снаряжении вливались сюда из холла, беспокойно прислушиваясь к голосу Екатерины, совещавшейся с Кризисной Управляющей Программой. Гюнтер протолкался вперед, насколько это было возможно, но и отсюда едва разглядел ее.

— …шлюзы, фермы и энергоносители; и отключили всех дистанционников. Что дальше?

ПК, подвешенный на рабочем поясе Екатерины, усиливал беззвучный голос программы:

— Теперь, когда восстановлен основной контроль, наибольшее внимание необходимо направить на производственный сектор. Следует закрыть и изолировать фабрики. Реакторы заглушить. Для их обслуживания недостаточно людей-контролеров. Производства снабжены программами консервации, доступными по запросу.

Третье: фермы недопустимо оставлять без обслуживания. Пятнадцать минут без кислорода приведут к полной гибели тиляпии. Морская тепловодная фауна еще менее устойчива. Следует немедленно назначить туда три опытных агрономических компонента. Если вы располагаете только неопытными компонентами, их число следует удвоить. Программы-руководства доступны. Какими ресурсами вы располагаете?

— К этому я вернусь позже. Что еще?

— А что с людьми? — воинственно спросил мужской голос. — Какого черта вы беспокоитесь о фабриках, когда люди в таком состоянии?

Измайлова резко повернулась к спросившему.

— Вы ведь из исследовательских компонентов группы Чанг, не так ли? Почему вы здесь? Вам что, нечем заняться? — Она огляделась, словно проснувшись. — Вы, все? Чего вы ждете?

— Вы нас так легко не прогоните! Кто это назначил вас генеральшей? Мы не обязаны подчиняться вашим приказам!

Зеваки беспокойно зашевелились, но остались на месте, косясь друг на друга. Их скафандры в тесноте были практически неразличимы, шлемы непроницаемы и невыразительны. Все это

напоминало яйца, сложенные в инкубаторе.

Настроение толпы колебалось, в это мгновение достаточно было пушинки, чтобы склонить весы к ярости или покорности. Гюнтер вскинул руку.

— Генерал! — громко объявил он. — Рядовой Уэйл явился. Ожидаю приказаний. Что мне делать?

По толпе пробежал смешок, напряжение разрядилось. Екатерина сказала:

— Берите тех, кто поближе, и начинайте очищать административные помещения от затронутых ударом. Направляйте их на открытое пространство, там для них безопаснее. Убедившись, что комната или коридор пусты, запирайте их. Понятно?

— Да, мэм. — Он похлопал по ближайшему скафандру, и сосед кивнул.

Но попытавшись выйти, они обнаружили, что выход запружен толпой.

— Вы! — ткнула в кого-то пальцем Екатерина. — Отправляйтесь на фермы и загерметизируйте люки: там не должно быть никаких загрязнений. Все, кто имеет опыт работы с фабриками — таких, я думаю, среди нас большинство, — пусть найдут себе дистанционников и начинают сворачивать производство. КУП вам поможет указаниями. Кому нечего делать, собирайтесь группами и начинайте очищать коридоры. Как только мы выработаем более внятный план действий, я созову собрание. — Она помолчала. — Я еще что-то забыла?

К общему удивлению, ей ответила КУП:

— В городе находятся двадцать три ребенка: двое семилетних достигли неполного совершеннолетия, остальные моложе пяти лет — потомство постоянно зарегистрированных лунных компонентов. Действующие директивы требуют предоставлять детям особую заботу и защиту. Часовня на третьем уровне может быть преобразована в детский центр. Следует объявить, чтобы обнаруженных детей переводили в нее, и назначить надежного индивидуума для надзора за ними.

— Боже мой, конечно же! — Она повернулась к воинственно настроенному мужчине из Центра и приказала: — Исполняйте!

Помедлив, тот иронически отсалютовал и повернулся к выходу.

Это послужило сигналом. Толпа начала рассасываться. Гюнтер со своей напарницей — это оказалась Лиза Нагенда, такая же «земляная крыса», как он, — взялись за работу.

Годы спустя Гюнтер часто вспоминал то время, когда его

жизнь вошла в темный туннель. Долгие кошмарные часы они с Лизой метались по кабинетам и складам, пытаясь вывести затронутых ударом из производственных районов на свет.

Затронутые им не содействовали.

Первые несколько помещений оказались пустыми. Только в четвертом обнаружилась женщина, рассеянно вытягивавшая ящики стола и папки, выбрасывая из них содержимое. Пол был устлан мусором.

— Что у вас тут, милая? — ласково заговорил с ней Гюнтер. Говорить приходилось громко, чтобы ей был слышен голос из шлема. — Что вы ищете?

Она повернула к нему лицо, улыбнулась шаловливо, обеими руками, высоко задрав локти, пригладила волосы, заложила за уши выбившиеся пряди.

— Это не важно, все равно я наверняка найду. Появились два скарабея, и между ними пылающий солнечный круг — это добрый знак, не говоря уже об аналогии с сексом. Мне знаком секс, очень много секса, меня в девять лет за уборной изнасиловал король ящериц. А мне что? У меня тогда были крылья, я думала, что умею летать.

Гюнтер бочком придвинулся к ней.

— Вас трудно понять.

— Знаете, Толстой писал, что в лесу за его домом есть зеленая палочка, и когда ее найдут, все станут любить друг друга. Я считаю, эта зеленая палочка — основа материального существования. Вселенная существует в матрице четырех измерений, которые мы воспринимаем, и еще семи, недоступных нам, поэтому мы переживаем мир и братство как семилинейный зеленопалочковый феномен.

— Вы меня послушайте.

— Зачем? Вы скажете, что Гитлер мертв. Я не поверю в такую чушь.

— О, черт, — сказала Нагенда, — Что толку взывать к разуму тронутой. Просто бери ее за локти и выводи.

Это оказалось не так-то просто. Женщина их боялась. Она опасливо уклонялась от их рук. Когда они двигались медленно, она уворачивалась, а когда вдвоем бросились на нее, она перепрыгнула письменный стол и тут же забилась под него. Нагенда сгребла ее за ноги и потянула. Женщина взвыла и припала к коленям ее скафандра.

— Отцепись от меня! — рявкнула Лиза. — Гюнтер, сними с меня эту тронутую.

— Не убивайте меня! — вопила женщина. — Я всегда голосовала дважды, вы же знаете. Я сказала им, что вы гангстер,

но я ошиблась. Не лишайте мои легкие кислорода!

Они вытащили женщину из кабинета и снова упустили ее, когда Гюнтер повернулся, чтобы запереть дверь. Она помчалась по коридору. Нагенда преследовала ее по пятам, но женщина нырнула в другой кабинет, и все началось сначала.

На то, чтобы выгнать женщину из коридоров и выпустить в парк, у них ушел час. Следующие трое после этого показались довольно простыми. Потом опять попался трудный, а пятой стала первая женщина, которая вернулась искать свой кабинет. Когда они снова вывели ее на открытое место, Лиза Нагенда заметила:

— Четыре психа на месте, осталось три тысячи восемьсот пятьдесят восемь.

— Слушай, — начал Гюнтер, и тут в его трансчипе зазвучал голос Кришны. Он отчеканил:

— Всем немедленно пройти к центральному озеру для организационного собрания. Повторяю: немедленно пройти к озеру. Сейчас же выходите к озеру.

Он, вероятно, говорил через аварийный передатчик. Слышимость была плохой, голос в чипе гудел и прерывался.

— Ладно, ладно, все ясно, — сказала Лиза. — Можешь уже заткнуться.

— Пожалуйста, немедленно выходите к озеру. Всем пройти к центральному…

— Цыц ты!

Выбравшись в парк, они увидели, что в пространстве под куполом собралась толпа. И не только одетые в скафандры фигуры уцелевших. Все затронутые вытекали из туннелей и коридоров Бутстрэпа. Они слепо и неуверенно продвигались к озеру, словно вызванные из могил мертвецы. Нижний уровень был забит битком.

— Чтоб его! — недоверчиво пробормотал Гюнтер.

— Что происходит, Гюнтер? — спросила Нагенда.

— Это же трансчипы! Чтоб его, всего-то и надо было говорить с ними через чипы. Они сделают все, что велит им голос у них в голове.

Толпа была настолько густой, что Гюнтер с трудом отыскивал в ней другие скафандры. Вдруг он заметил на краю второго уровня фигуру в скафандре, которая махала ему обеими руками. Он махнул в ответ и начал пробиваться к лестнице. Когда он поднялся наверх, там уже собралась солидная группа уцелевших. К ним, привлеченные видом скафандров, присоединялись все новые и новые. Наконец Екатерина заговорила по открытому каналу своего шлемофона:

— Нет смысла ждать, пока соберутся все. Я думаю, вы

достаточно близко, чтобы меня слышать. Сядьте и отдохните немного, вы это заслужили.

Люди стали устраиваться на травке. Кое-кто прямо в скафандрах растянулся на спине или на животе. Другие просто присели.

— По счастливой случайности мы открыли средство контролировать наших пострадавших друзей. — Послышались легкие аплодисменты. — Но перед нами еще много проблем, которые не решаются так просто. Не буду говорить об очевидном. Скажу о самом худшем. Если война на Земле перейдет в термоядерную стадию, мы окажемся целиком и полностью отрезанными, возможно, на десятилетия.

По толпе прошел тихий ропот.

— Что это означает для нас? Помимо простых неудобств: никакой роскоши, ни шелковых платьев, ни новых запасов семян, ни возвращения домой для тех, кто собирался вернуться на Землю, мы потеряем многое из жизненно необходимого. Вся аппаратура молекулярного синтеза поступала к нам со «Швейцарской Орбитальной». Запаса воды хватит на годы, но сколько-то ее уходит на коррозию и сколько-то — в вакуум, каждый раз, когда кто-то проникает через шлюз, а нам, чтобы выжить, необходимы и эти капли.

Но мы можем выжить. Мы способны добывать водород и кислород из реголита и сжигать их для получения воды. Собственный воздух мы уже производим. Без большей части наноэлектроники можно обойтись. Мы можем существовать, расти и процветать, даже если Земля… даже если случится худшее. Но для этого понадобятся все наши производственные мощности и все организованное наблюдение. Мы должны не только восстановить производство, но и найти способ вернуть наших людей. В ближайшие дни работы для всех хватит с головой.

Нагенда прислонила свой шлем к шлему Гюнтера и буркнула:

— Вот понесла!

— Не мешай, я хочу послушать.

— К счастью, Кризисная Управляющая Программа предусматривает подобную ситуацию. По ее данным, которые, возможно, неполны, я обладаю большим военным опытом, чем кто-либо из сотрудников. Кто-нибудь желает это оспорить?

Она подождала, но никто не отозвался.

— На время чрезвычайного положения мы переходим к квазимилитаристской структуре. Исключительно в целях организации. Для офицеров не будет никаких привилегий, и военное управление будет распущено немедленно по разрешении

самых насущных задач. Это главное.

Она заглянула в свой ПК.

— С этой целью я образую триумвират подчиненных мне офицеров, состоящий из Карлоса Диас-Родригеса, Миико Езуми и Вилла Познера. Им будут подчинены девять офицеров, каждый из которых отвечает за штат не более чем из десяти персон.

Она зачитала имена. Гюнтер попал в штат-4, группу Бет Гамильтон. Затем Екатерина сказала:

— Все мы устали. Группа сотрудников Центра закончила обеззараживание кухни и нескольких спальных помещений. Штаты один, два и три проработают еще четыре часа, затем получат полных восемь часов сна. Штаты с четвертого по девятый могут теперь вернуться в Центр, чтобы поесть и отдохнуть четыре часа. — И она заключила: — Это все. Идите.

Отрывистые возгласы радости быстро стихли. Гюнтер встал. Лиза Нагенда дружески ущипнула его пониже спины, а когда он свернул направо, подцепила его под руку и потянула налево, к служебным лифтам, и непринужденно обняла за талию.

Он знавал парней, которые спали с Лизой, и все они говорили, что она не подарок: собственница, истерична и до смешного чувствительна. Но какого черта? Легче отдаться…

Он потащился за ней.

Дел было слишком много. Они работали до изнеможения — и не справлялись. Они налаживали систему узкочастотного радиопередатчика для КУП, восстанавливали микроволновую линию к Центру, чтобы оттуда могли более эффективно руководить их усилиями, — все мало. Они непрерывно организовывались и перестраивались. Но ноша была слишком тяжела, и без аварий не обходилось.

Половина уцелевших рельсовых пушек — небольших установок, предназначенных для выброса сырья и отработанного топлива в горы и за залив, — сильно пострадали, когда их алюминиевые рельсы спеклись под полуденным солнцем: не выставили вовремя экраны. Невесть сколько роботов-бульдозеров разбрелось от карьеров и, по всей видимости, пропали безвозвратно. Сколько именно, оставалось только догадываться, потому что инвентарные программы стерлись. Запасы продовольствия в Бутстрэпе не внушали доверия: пищу приходилось доставлять прямо с ферм через аварийные шлюзы. Неопытная работница не справилась со своим дистанционником, и десять баков с водными культурами выкипели в вакуум вместе с девятью тысячами мальков. По приказу Познера установки дистанционного управления срочно упаковали и перевезли в

Центр. Когда их распаковали, почти у всех оказались повреждены балансиры манипуляторов.

Были и маленькие победы. Гюнтер в свою вторую вахту обнаружил на складе четырнадцать тюков хлопка и настроил сборщик на шитье лежаков для Центра. Можно было больше не спать на голом полу, и остаток дня он проходил в героях. В Центре не хватало туалетов; Диас-Родригес приказал снять туалеты из убежищ на фабриках. Уриэль Гарза обнаружил талант готовить вкусные блюда из минимума продуктов.

И все-таки они теряли позиции. Поведение затронутых не поддавалось прогнозу, и они были повсюду. Обезумевший системный аналитик, повинуясь голосу в голове, вылил в озеро несколько баррелей смазочных масел. Водные фильтры забило, и пришлось на время ремонта перекрыть водопровод. Врач умудрился задушить самого себя проводами диагностера. Экосистема города сильно страдала от беспорядочного вандализма.

Наконец кто-то додумался запустить на передатчик петлю записи. «Я спокоен, — вещала она, — я безмятежен. Мне ничего не хочется делать. Я счастлив оставаться на месте».

Когда включилась передача, Гюнтер с Нагендой работали на ремонте водопровода. Подняв голову, он увидел, как Бутстрап охватывает противоестественное спокойствие. Затронутые на всех террасах застыли в позах полного, совершенного безразличия. Только маленькие фигурки в скафандрах мелькали, как жучки, среди охваченных катотонией.

Лиза подбоченилась:

— Восхитительно! Теперь нам придется их еще и кормить!

— Слушай, не ной, а? Это первая хорошая новость уж не помню с каких пор.

— Ничего в ней хорошего нет, милок. Все то же самое.

Она была права, и облегчение не помешало Гюнтеру признать ее правоту. Одна бесконечная забота сменилась другой такой же.

Он устало забирался в скафандр для третьего рабочего дня, когда Гамильтон задержала его вопросом:

— Уэйл, ты что-нибудь понимаешь в электротехнике?

— Честно говоря, нет. То есть, конечно, я сумею наладить проводку грузовика или, может, починить микроволновое реле и тому подобное, но…

— Сойдет. Бросай, чем ты там занимаешься, и помоги Кришне установить систему контроля затронутых. Надо как-то управлять каждым в отдельности.

Они устроились в прежней лаборатории Кришны. Остатки

старой системы безопасности еще действовали, так что спать здесь не разрешалось никому. Поэтому в комнате было на удивление чисто и прибрано, сплошь лабораторное оборудование орбитальной сборки с гладкими неразличимыми футлярами. Они словно вернулись в то время, когда суматоха и неразбериха еще не вторглись в город. Если бы не запах новых туннелей с оттенком свежерасколотого камня, можно было вообразить, что ничего не случилось.

Гюнтер стоял в установке телеприсутствия, направляя дистанционника по жилым помещениям Бутстрэпа. Они выглядели множеством разрозненных ячеек хаоса. Войдя в одну, он обнаружил слова: «Будда — космическая инерция», написанные на стене чем-то, очень похожим на человеческие фекалии. Женщина, сидя на матрасе, горстями выдергивала из него набивку и подбрасывала в воздух. Хлопок свежевыпавшим снегом устилал комнату. В следующей квартирке было пусто и чисто, на полке поблескивал синтезатор.

— Ныне национализирую тебя именем Народной Продовольственной Республики Бутстрэпа и угнетенных масс всего мира, — сухо произнес Гюнтер. Модуль бережно взялся за аппарат. — Ты еще не закончил со схемой чипа?

— Уже немного осталось, — отозвался Кришна.

Они собирали образец контроллера. Задумали ввести код на каждый ПК, чтобы КУП могла определять владельца и обращаться к нему индивидуально. Снижая напряжение, они могли ограничить передающую способность ПК полутора метрами, так что каждый затронутый получал бы персональные приказания. Однако существующие чипы, чувствительные создания точнейшей «Швейцарской Орбитальной», не выдерживали перепадов напряжения. Их требовалось заменить.

— Все равно не понимаю, как ты рассчитываешь приспособить их к полезному делу. Мне казалось, нам нужны диспетчеры. Не надеешься же ты дождаться от них связных мыслей?

Кришна, склонившийся в три погибели над своим ПК, ответил не сразу. Наконец он заговорил:

— Знаешь, как йоги останавливают свое сердце? Мы этим занимались в аспирантуре. Мы попросили йога Прамананду остановить сердце, подключившись к нашим датчикам, и он великодушно согласился. Мы располагали новейшими энцефалографами, но оказалось, что самые интересные результаты дала ЭКГ.

Мы обнаружили, что сердцебиение йога не замедляется, как мы ожидали, а, наоборот, становится чаще и чаще, достигая

физического предела. Тогда начиналась сердечная фибрилляция. Он не задерживал сердцебиение, а разгонял его. Сердце не останавливалось, а входило в спазм.

После опыта я спросил, известны ли ему эти факты. Он не ответил, наше открытие явно не показалось ему особенно интересным.

— Ты хочешь сказать?..

— Беда шизофреников в том, что в их голове слишком многое происходит одновременно. Слишком много голосов. Слишком много мыслей. Они не могут сосредоточить внимание на одной мысли. Но было бы ошибкой считать их не способными на сложные рассуждения. Просто их мозг работает с такой производительностью, что они не могут мыслить связно.

Трансчип добавляет им еще один голос, но этот голос звучит громче и настойчивей других. Вот почему они его слушаются. Он прорывается сквозь шум, создает точку концентрации, служит основой, на которой кристаллизуются мысли.

Дистанционник открыл дверь конференц-зала в глубине административного туннеля. На столе выстроились в ряд восемь микросинтезаторов. Дистанционник добавил к ним девятый и вышел, заперев за собой дверь.

— Знаешь, — сказал Гюнтер, — неизвестно, нужны ли еще все эти предосторожности. Может, то, чем они нас отравили, уже ушло из воздуха. А может, оно и было не в воздухе, а в воде или еще в чем.

— Да нет, оно еще здесь, и более чем достаточно. Мы имеем дело с летучим шизомиметиком. Он должен держаться в воздухе до бесконечности.

— Шизомиметик? Это что за чертовщина?

Размеренным безразличным тоном Кришна пояснил:

— Шизомиметик является стратегическим несмертельным оружием сильного психического воздействия. Оно не только выводит из строя подвергшихся его воздействию, но и непропорционально увеличивает нагрузку на людские ресурсы и материальное обеспечение противника, вынужденного заботиться о затронутых его применением. Шизомиметик деморализует тех, кто наблюдает пораженных, и еще более — тех, кто о них заботится. Таким образом, это оружие дает большие стратегические преимущества.

Кришна словно зачитывал рабочую инструкцию.

Гюнтер обдумал услышанное.

— Значит, ты не по ошибке созывал собрание через чипы? Ты знал, что это сработает. Знал, что они повинуются голосу, звучащему у них в голове?

— Да.

— Это дерьмо сварганили здесь, в Центре, так? Об этом тебе не положено было говорить?

— В том числе.

Гюнтер отключил установку и сбросил окуляры.

— Черт бы тебя побрал, Кришна! Черт бы тебя побрал в самый ад, гнусный идиот!

Кришна, оторвавшись от работы, непонимающе взглянул на него.

— Я что-то не так сказал?

— Нет! Ты сказал все правильно — ты просто свел с ума четыре тысячи человек, чтоб тебя! Да очнись же и посмотри, что натворили ваши маньяки с их военными разработками!

— Это была не военная разработка, — сдержанно возразил Кришна, проводя длинную кривую на своей схеме. — Но если чистая наука финансируется военными, военные находят военное применение ее результатам. Так уж устроен мир.

— Какая разница. Это случилось, и вы виноваты!

Теперь Кришна совсем отложил свой ПК и заговорил с несвойственной ему горячностью:

— Гюнтер, нам нужны были эти данные! Ты понимаешь, что мы пытаемся справиться с технологической цивилизацией с помощью мозга, сформировавшегося в неолите? Я говорю совершенно серьезно. Мы замкнуты в древней программе охотников-собирателей, а она больше не годится. Ты посмотри, что происходит на Земле. Они по пояс увязли в войне, которую никто не собирался начинать, которую никто не желает вести, и пятьдесят на пятьдесят, что ее никто не сумеет прекратить. Это надо изменить. Над этим мы и работали: над укрощением человеческого мозга. Мы хотели взнуздать его. Запрячь его.

Да, Гюнтер, наши исследования обратились против нас, но что значит еще одно оружие, когда его и так много? Не подверни ись им нейропрограммирование, они нашли бы что-нибудь другое. Горчичный газ или плутониевую пыль. Если на то пошло, они могли просто пробить дыру в куполе и оставить нас всех задыхаться.

— Это все дерьмовые самооправдания, Кришна. Нет прощения тому, что вы сделали.

Негромко, но с огромной убежденностью Кришна ответил:

— Что бы ты ни сказал, я уверен, что наша работа — самая важная из всех, возможных на сегодняшний день. Мы должны взять власть над чудовищами, живущими в наших черепах. Мы должны научиться мыслить по-другому. — Он понурился. — Жаль только, что нам не удастся измениться, если мы не выживем. А

чтобы выжить, мы должны сперва измениться.

Дальше они работали молча.

Гюнтер проснулся от беспокойного сна и обнаружил, что проспал только половину отведенного времени. Лиза храпела. Стараясь не разбудить ее, он натянул одежду и босиком прошлепал из ниши по коридору. В общей комнате горел свет и слышались голоса.

Когда он вошел, Екатерина подняла голову. Она побледнела и осунулась. Под глазами виднелись бледные круги. Она была одна.

— О, привет. А я как раз беседовала с КУП. — Она мысленно отключила ПК. — Садись.

Гюнтер подтянул стул и ссутулился над столом. Чтобы вздохнуть, сидя напротив нее, требовалось небольшое, но ощутимое усилие.

— Так… как дела?

— Они собираются испытать вашу систему управления. Первая партия чипов поступит с фабрик примерно через час. Я собиралась дождаться испытаний, чтобы посмотреть, как они работают.

— Что, так плохо?

Екатерина, не глядя на него, покачала головой.

— Слушай, ты дожидаешься результатов, а я же вижу, как ты устала. Верно, от этих штук многое зависит.

— Больше, чем ты думаешь, — подтвердила она слабым голосом. — Я просматривала статистику. Ты представить не можешь, как плохи дела.

Он потянулся и взял ее холодную бледную руку. Она до боли сжала его ладонь. Их взгляды встретились, и он увидел в ее глазах все свои страхи и сомнения.

Не сказав ни слова, оба встали.

— Я одна в нише, — сказала Екатерина. Она не выпускала его руки, схватилась так крепко, словно собиралась держаться за нее всегда.

Гюнтер позволил ей увести себя.

Они занимались любовью, и тихонько говорили о пустяках, и снова занимались любовью. Гюнтер думал, что Екатерина задремлет после первого же раза, но слишком силен в ней был заряд нервной энергии.

— Скажи мне, когда будешь готов, — бормотала она. — Скажи, когда будешь готов.

Он замер.

— Почему ты всегда так говоришь?

Екатерина глянула на него остекленевшими глазами, и он повторил вопрос. Тогда она засмеялась низким гортанным смехом.

— Потому что я фригидна.

— А?!

Она взяла его ладонь, потерлась о нее щекой, потом пригнула голову, подставила шею и затылок. Он ощутил ладонью короткие прямые волосы, потом нащупал за ухом две шишки имплантированных биочипов. Один, понятно, транс-чип, а вот второй…

— Это протез, — объяснила она. Ее серые глаза смотрели серьезно. — Он подключен к центру наслаждения. Я могу включить оргазм, когда захочу. Так что мы всегда можем достигать пика одновременно.

Говоря, она плавно двигала под ним бедрами.

— Ты хочешь сказать, тебе на самом деле вовсе не требуется сексуальная стимуляция? Ты можешь вызвать оргазм по желанию. Когда едешь в автобусе, за письменным столом… Можешь просто включить эту штуку и наслаждаться часами подряд?

Она с усмешкой смотрела на него.

— Открою тебе тайну. Пока это было внове, я как раз этим и занималась. Как все. Из этого быстро вырастают.

Гюнтер, гордость которого была сильно уязвлена, спросил:

— Тогда что я здесь делаю? Раз у тебя есть эта штука, на черта тебе я? — Он сделал движение, чтобы отстраниться от нее.

Она снова притянула его к себе.

— Мне с тобой спокойно, — шепнула она. — И этого достаточно. Иди сюда.

Он вернулся к своему лежаку и стал собирать части скафандра. Лиза приподнялась, еще не проснувшись, и тут же накинулась на него:

— Ах, значит, теперь так?

— Ну, в общем, да. Я вроде как оставил кое-что незаконченным. Старая связь. — Он нерешительно протянул руку. — Без обид, а?

Не замечая его руки, она встала, голая и злая.

— И у тебя хватает наглости стоять здесь, не вытерев даже свой хрен, и говорить, мол, без обид? Дерьмо!

— О, брось, Лиза, ничего такого.

— Черта с два ничего! Накачался этой русской снежной королевой, и я уже в прошлом! Не думай, будто я ничего про нее не знаю.

— Я надеялся, мы можем остаться друзьями.

— Как мило! Додумался! — Она сжала кулачок и двинула ему в солнечное сплетение. На глазах у нее показались слезы. — Линяй отсюда быстро! Видеть тебя уже не могу.

Он ушел.

Но не уснул. Екатерина уже усердно трудилась над первыми рапортами о работе новой системы управления.

— Действуют! — воскликнула она.

Она натянула шелковую рубашку и взволнованно зашагала взад и вперед, голая ниже пояса. Волосы на лобке были как язык белого пламени, а почти невидимая полоска мелких волосков тянулась к пупку и тенью лежала в сладких складках ее паха. Как ни устал Гюнтер, он снова желал ее. Усталое, опустошающее счастье.

— Ух! — Она крепко поцеловала его, без намека на секс, и вызвала КУП. — Вернуть все старые разработки. Мы возвращаем на работу затронутых. Изменить соответственно рабочее расписание.

— Выполняю указание.

— Как это влияет на долгосрочные перспективы?

Программа несколько секунд помолчала, обрабатывая данные. Потом сказала:

— Вы готовы вступить в очень опасную стадию восстановления. Переход от высокостабильной ситуации с низкими ожиданиями к высоконестабильной ситуации с высокими ожиданиями. Праздность вскоре вызовет у незатронутых компонентов недовольство вашим управлением.

— Что произойдет, если я оставлю этот пост?

— Перспективы катастрофически ухудшатся.

Екатерина склонила голову.

— Хорошо, какая из новых проблем вероятно окажется наиболее насущной?

— Незатронутые компоненты потребуют больше информации о войне на Земле. Они захотят немедленно организовать прием новостей.

— Я запросто могу наладить приемник, — вызвался Гюнтер. — Дело нехитрое, только…

— Не смей!

— А? Почему нет?

— Попробую объяснить так, Гюнтер: какие две национальности у нас представлены больше всего?

— Ну, наверно, русские и… О!

— Вот именно. Думаю, пока лучше никому не знать

наверняка, кто с кем воюет. — Она обратилась к КУП: — Как мне реагировать?

— Пока положение не стабилизировалось, у вас остается единственный выход: отвлекать внимание. Занять их мысли другим. Выслеживать саботажников и организовать суды над военными преступниками.

— Исключено. Никакой охоты за ведьмами, никаких козлов отпущения, никаких трибуналов. Мы все в одной лодке.

КУП бесстрастно возразила:

— Насилие — левая рука всякого правительства. Неразумно отказываться от него, не обдумав как следует.

— Я не желаю это обсуждать.

— Хорошо. Если вы желаете отложить на время применение силы, вы могли бы начать поиски оружия, примененного в Бутстрэпе, чтобы дать выход свободной энергии. Обнаружить и идентифицировать его будет достаточно сложно, и для этого не обязательно кого-либо обвинять. При этом будет подразумеваться, что со временем возможно найти средство лечения, это повысит общий моральный уровень, не заставив нас прибегать к прямой лжи.

Устало, явно не в первый раз, она спросила:

— Надежды на их излечение нет никакой?

— Возможно все. Но при настоящем положении вещей такая вероятность исключена.

Екатерина прекратила разговор с КУП, мысленно отключив ПК, и вздохнула.

Может быть, так и следует поступить. Разыграть поиски оружия. Пожалуй, из этого кое-что получится.

Гюнтер недоумевал:

— Но ведь это какое-то изобретение Чанг, разве нет? Какой-то там летучий шизомиметик, кажется?

— Где ты это услышал?! — вскинулась она.

— Ну, Кришна сказал… он ничем не намекнул… я думал, это всем известно.

Лицо Екатерины окаменело. «Программа!» — окликнула она мысленно.

КУП ожила:

— Готова.

— Определить местонахождение Кришны Нарасимхана, незатронутого, штат пять. Я хочу говорить с ним немедленно. — Екатерина подхватила трусики и шорты и лихорадочно начала одеваться. — Где эти чертовы сандалии? Программа! Скажи ему, чтобы ждал меня в общей комнате. Сейчас же.

— Принято.

К удивлению Гюнтера, у Екатерины ушел целый час на то, чтобы заставить Кришну подчиниться. Однако в конце концов молодой исследовательский компонент подошел к сейфу, позволил ему идентифицировать себя и распечатал хранилище.

— Защита не такая уж надежная, — виновато сказал он. — Если бы наши спонсоры знали, как часто мы просто оставляли его настежь, чтобы не возиться, когда надо что-то взять или положить, они бы… Да что теперь!

Он достал из шкафчика плоский металлический прямоугольник с ладонь величиной.

— Скорее всего, использовали это. Аэрозольная бомба. Биологический агент загружается сюда и распрыскивается при нажатии здесь, сзади. Давление позволяет рассеять действующее вещество на пятьдесят футов вверх. Остальное доделывают воздушные потоки. — Он перебросил коробочку Гюнтеру, который с ужасом уставился на оказавшийся в его руках предмет. — Не беспокойся, не заряжено. — Он выдвинул плоский ящик, в котором поблескивали ряды хромированных цилиндриков. — В них содержится само вещество. Новейшие военные нанотехнологии. Я бы сказал, настоящий шедевр. — Он пробежал по ряду цилиндров кончиками пальцев. — Мы запрограммировали каждый на отдельный набор нейромедиаторов. Допамин, фенциклиды, норепинефрин, ацетилхолин, метэнкефалин, субстанция П, серотонин — вот в этом хранится сочный кусочек небесного блаженства… — Он постучал пальцем по пустому месту: — Вот здесь хранился потерянный кусок ада. — Он вдруг нахмурился и пробормотал: — Странно: почему не хватает двух цилиндров?

— Что такое? — переспросила Екатерина. — Я не расслышала, что вы сказали?

— О, ничего существенного. Гм, послушайте, возможно, мне стоит достать несколько схем биологических связей и показать вам, как это действует на уровне химии.

— Не стоит. Чем проще, тем лучше. Расскажите нам об этом шизомиметике.

На объяснения ушло больше часа.

Вещество представляло собой химическую фабрику размером с большую молекулу, нечто вроде молекулы-сборщика в молекулярном синтезе. Оно было заказано военными в надежде, что группа Чанг создаст взвесь, которую можно распылить на пути вражеской армии, чтобы заставить ее перейти на другую сторону. Пока Кришна объяснял, почему это невозможно, Гюнтер успел вздремнуть, и проснулся, когда крошечные фабрики уже

оказались в мозгу.

— Это на самом деле не настоящая шизофрения, — объяснял Кришна. — Истинная шизофрения — прекрасный, сложный механизм. Это вещество вызывает скорее что-то вроде нарушения основных связей. Оно захватывает контроль над химией мозга и начинает выкачивать из него дофамин и еще несколько нейромедиаторов. По сути, это не нарушение. Оно просто заставляет мозг пуститься вскачь. — Он кашлянул. — Вы понимаете…

— Понятно, — сказала Екатерина. — Понятно. Вы сказали, что можете перепрограммировать эти штуки. Как?

— Мы используем термин: «мессенджер», передатчик информации. Они подобны нейромодуляторам — приказывают шизомиметическим веществам, что делать. — Он выдвинул следующий ящик, и голос его упал. — Они исчезли.

— Давайте по возможности держаться темы. Инвентарный список проверим позже. Расскажите нам об этих агентах-мессенджерах. Вы можете изготовить их в достаточном количестве, чтобы заставить эти шизомиметики отключиться?

— Нет. По двум причинам. Первая: эти молекулы производились на «Швейцарской Орбитальной»: у нас нет фабрики, где их можно изготовить. Вторая: шизомиметикам невозможно приказать отключиться. В них нет выключателей. Они скорее напоминают катализаторы, чем механизмы. Их можно перестроить на изготовление различных веществ, но… — Он замолчал, и взгляд его затуманился. — Черт! — Он схватился за свой ПК, и на стене возникла схема химических связей мозга. Рядом с ней появился список основных функций нейронов. Потом еще одна схема, исчерканная символами поведенческих реакций. Скоро вся стена была заляпана таблицами.

— Э… Кришна?

— Отстаньте, — буркнул он, — здесь дело важное.

— Вы думаете, сумеете найти средство лечения?

— Лечения? Нет! Лучше, много лучше!

Екатерина с Гюнтером переглянулись.

Она спросила:

— Вам что-нибудь нужно? Приписать кого-нибудь вам в помощь?

— Мне нужны агенты-мессенджеры. Найдите их.

— Как? Где я их найду? Где искать?

— У Салли Чанг, — нетерпеливо отозвался Кришна. — Они наверняка у нее. Только она могла до них добраться. — Он схватил световой карандаш и накорябал на стене формулу.

— Я ее к вам вызову. Программа! Сообщи…

— Чанг затронутая, — напомнил ей Гюнтер. — Она попала под аэрозольную бомбу.

Которую, разумеется, сама привела в действие. Отличный способ избавиться от свидетеля, который мог бы указать на то правительство, которое ее использовало. Она, конечно, первой сошла с ума.

Екатерина ущипнула себя за нос и поморщилась.

— Я слишком долго не спала, — сказала она. — Хорошо, я поняла. Кришна, впредь вы занимаетесь только этим исследованием. КУП уведомит главу вашего штата. Дайте мне знать, если вам потребуется содействие. Найдите способ отключить это проклятое оружие. — Не замечая, как раздраженно он дернул плечом, она обратилась к Гюнтеру: — Я вывожу тебя из четвертого штата. Впредь отчитываешься прямо передо мной. Найди Чанг. Найди ее и найди эти мессенджеры.

Гюнтер совершенно вымотался. Он никак не мог вспомнить, когда последний раз проспал восемь часов подряд. Но он надеялся, что у него получилась уверенная улыбка.

— Принято.

Сумасшедшая не должна уметь прятаться. Салли Чанг умела. Казалось бы, никому не удавалось скрыться от внимания КУП, которая теперь контролировала великое множество затронутых. Салли Чанг это удалось. КУП сообщила Гюнтеру, что никто из затронутых не знает местонахождения Чанг. Ей было приказано проводить учет через каждый час, пока та не обнаружится.

В стенах западных туннелей были устроены выемки, куда могла бы поместиться любая фабрика. Сюда вернули дистанционников, которыми теперь управляли почти двести затронутых, расположенных так, чтобы поля их приема не пересекались. Гюнтер проходил мимо них, прислушиваясь к шепоту КУП:

— Все бульдозеры учтены? В таком случае… убрать все бездействующие механизмы, их можно поместить… налипшую в вакууме пыль на верхней поверхности рельсов… уменьшить температуру, затем проверить, задействована ли подача кислорода…

На дальнем конце сидел в кресле один-единственный скафандр с прибором наблюдения на коленях.

— Как дела? — спросил Гюнтер.

— Лучше не бывает, — ответил ему голос Такаини. Они с Гюнтером вместе работали на микроволновой передаточной станции Фламмаприона. — Большая часть производств запущена и работает, еще немного, и приведем в действие рельсовые

пушки. Ты не представляешь, какой мы здесь добиваемся эффективности.

— Хорошо, а?

Гюнтер по голосу понял, что Такаини улыбается.

— Трудолюбивые таракашечки.

Чанг Такаини не видел. Гюнтер прошел дальше.

Несколько часов спустя он устало сидел в парке Ногучи, глядя на перепаханную землю, оставшуюся от маленькой рощи. Не пощадили ни единого ростка: с лунной популяцией серебристой березы было покончено. В изгаженном маслом пруду плавал кверху брюхом карп. Берега теперь огородили цепочкой от затронутых. Времени взяться за очистку пока не нашлось, и, куда ни глянь, всюду валялся мусор. Это было грустно. Это напоминало Гюнтеру Землю.

Он знал, что пора встать и идти, но не мог себя заставить. Голова у него поникла, коснулась груди и дернулась вверх. Время шло.

Какое-то движение заставило его обернуться. Мимо мелькнул модный лавандовый скафандр. Женщина, которая тогда направила его в контору управления.

— Привет! — окликнул ее Гюнтер. — Я тогда нашел всех, где вы сказали. Спасибо! А то я уже начинал паниковать.

Лавандовый костюм обернулся к нему. В черном стекле отразилось солнце. После долгой минуты молчания она отозвалась:

— Не стоит благодарности. — И заспешила дальше.

— Я ищу Салли Чанг. Вы ее не знаете? Не видели, где она? Она из затронутых, такая маленькая женщина, яркая, любит цветную одежду, броскую косметику и все такое.

— Боюсь, я не могу помочь. — Лавандовая несла в руках три кислородных баллона. — Хотя вы могли бы поискать на базаре. Там много ярких тканей.

Она нырнула в отверстие туннеля и скрылась в нем.

Гюнтер рассеянно посмотрел ей вслед, покачал головой. Он очень, очень устал.

Базарчик выглядел так, словно над ним пронеслась буря. Навесы сорваны, прилавки опрокинуты, товары разграблены. Под ногами хрустели осколки зеленого и оранжевого стекла. Среди общего разгрома нетронутой торчала стойка с итальянскими шарфами, стоимостью с годовое жалованье. Понять это было невозможно. По всему базару усердно трудились затронутые. Они нагибались и распрямлялись, поднимая обломки, они подметали.

Одного колотил человек в скафандре.

Гюнтер моргнул. Неужели это происходит в действительности? Женщина корчилась под ударами, дико вскрикивала, пыталась увернуться. Под одним из поставленных на место навесом, в тени радужного шелка, отдыхали у стойки еще четыре скафандра. Ни один из них и не подумал прийти на помощь женщине.

— Эй! — заорал Гюнтер. Он неожиданно застеснялся, словно его вдруг вытолкнули на середину сцены, не объяснив ни роли, ни сюжета. — Прекратите!

Скафандр повернулся к нему. Одна перчатка продолжала сжимать тонкое предплечье женщины.

— Пошел вон, — проворчал по радио мужской голос.

— Ты что это вытворяешь? Кто ты такой? — Мужчина носил скафандр «Вестингауза», таких среди незатронутых было около дюжины. Но Гюнтер вспомнил бурое выжженное пятно в форме почки на брюшной панели.

— Познер, это ты? Отпусти женщину!

— Какая это женщина, — сказал Познер. — Ты на нее посмотри — она и не человек даже. Она затронутая.

Гюнтер установил шлем на запись.

— Я все записываю, — предупредил он. — Еще один удар — и Екатерина это увидит. Честное слово.

Познер выпустил женщину. Она секунду-другую стояла, как оглушенная, потом голос в ПК снова подчинил ее. Она нагнулась, подняла метлу и вернулась к работе.

Отключив шлем, Гюнтер спросил:

— Ладно. Что она сделала не так?

Познер в негодовании выставил вперед ногу и сурово указал на нее.

— Она обоссала мне ботинок.

Скафандры под навесом с любопытством наблюдали за спором. При этих словах они разразились хохотом.

— Сам виноват, Вилл! — крикнул кто-то из них. — Я же говорил, что надо отводить им больше времени на личную гигиену.

— Подумаешь, малость сырости. Выкипит при первой прогулке в вакуум.

Но Гюнтер не слушал их. Он смотрел на затронутую, избитую Познером, и гадал, почему до сих пор не узнал в ней Аню. Правда, губы у нее поджались, лицо было сведено беспокойной гримасой, как будто заводной ключ у нее в затылке перекрутили на три лишних оборота. И плечи тоже ссутулились. Но все же…

— Мне очень жаль, Аня, — сказал он. — Хиро погиб. Ничего

нельзя было сделать.

Она продолжала водить метлой, все забывшая и несчастная.

Он успел на последний подкидыш смены и на нем добрался до Центра. Приятно было вернуться домой. Миико Езуми решила, что внешние фабрики обойдутся без кислорода и избытков воды, и теперь в скальной нише устроили душевую. К ней выстраивалась длинная очередь, на мытье отводилось всего три минуты, и мыла не было, но никто не жаловался. Кое-кто, чтобы пополоскаться подольше, забивался в кабину компаниями по двое, по трое. В очереди на их счет отпускали грубые шуточки.

Гюнтер вымылся, нашел себе чистые шорты и футболку «Главкосмоса» и пошлепал босиком через зал. Он остановился перед дверью общей комнаты, слушая, как за столом обсуждали самых колоритных тронутых, с которыми сегодня пришлось столкнуться.

— А вы видели Мышиного Охотника?

— А Офелию?

— И Папу!

— И тетку-утку!

Все искренне веселились. В комнате расцветало теплое чувство товарищества, которое склонный к сентиментальности отец Гюнтера называл Gemiitlichkeit[52]. Гюнтер вошел.

Лиза Нагенда подняла улыбающееся до ушей лицо — и застыла. На скулах у нее шевельнулись желваки.

— А вот и персональный шпик Измайловой.

— Что?

От этого обвинения у Гюнтера перехватило дыхание. Он беспомощно огляделся. Никто не захотел встретиться с ним взглядом. И все молчали.

Лиза от ярости стала серой.

— Ты меня слышишь? Это ведь ты настучал на Кришну, так?

— Что ты несешь? Что за дурь у тебя в голове, если… — Он с трудом справился с собой. Нет смысла отвечать истерикой на истерику. — Тебя не касается, что связывает или не связывает меня с Измайловой. — Он обвел взглядом компанию. — Вы не заслуживаете, чтобы я вам говорил, но Кришна работает над лекарством. Если какие-то мои слова или действия помогли вернуть его в лабораторию, пусть будет так.

Она с надменной улыбочкой спросила:

— А как ты оправдаешься за донос на Познера?

— Я не…

— Все уже слышали! Ты сказал ему, что намерен отправиться прямиком к своей драгоценной Измайловой со своими

снимочками на шлем.

— Послушай, Лиза… — начал Такаини.

Она отмахнулась.

— А ты знаешь, что сделал Познер? — Гюнтер погрозил пальцем Лизе. — А? Знаешь? Он избивал женщину! Аню! Он избивал Аню у всех на виду!

— Ну и что? Он ведь один из нас. Не какой-нибудь вонючий, пускающий слюни пустоглазый тронутый зомби!

— Ах ты сука! — Гюнтер в ярости потянулся через стол к Лизе. — Я тебя убью, честное слово!

Он метнулся вперед, и народ шарахнулся от него, началась суматоха. Познер протиснулся к Гюнтеру, встал перед ним, растопырив руки, мужественно выпятив челюсть. Гюнтер кулаком ударил его в лицо. Познер ошеломленно пошатнулся. У Гюнтера заныли костяшки пальцев, но чувствовал он себя на удивление хорошо. Если все вокруг сошли с ума, почему ему нельзя?

— Только попробуй! — выкрикнула Лиза. — Я с самого начала поняла, что ты из этих.

Такаини утащил ее в одну сторону, Гамильтон, обхватив Гюнтера за плечи, оттянула его в другую. Двое друзей удерживали Познера.

— Я тобой по горло сыт! — заорал Гюнтер. — Дешевка, б…!

— Вы слышали? Слышали, как он меня назвал!

Их, вопящих, поспешно вытолкали в противоположные двери.

— Все в порядке, Гюнтер. — Бет запихнула его в первую попавшуюся нишу. Он свернулся у стены и лежал, закрыв глаза и дрожа. — Все уже хорошо.

Но ничего хорошего не было. Гюнтер внезапно понял, что, кроме Екатерины, у него не осталось друзей. Настоящих друзей, близких друзей. Как это вышло? Как будто все вдруг стали оборотнями. Те, кто не потерял разума, все равно были чудовищами.

— Я не понимаю.

Гамильтон вздохнула:

— Чего ты не понимаешь, Уэйл?

— Как люди… как мы все относимся к затронутым. Когда Познер бил Аню, рядом были еще четверо скафандров, и ни один пальцем не пошевелил, чтобы его остановить. Ни один! И я тоже такой, что толку притворяться, что я лучше других! Мне хотелось пройти мимо, как будто я ничего не видел. Что с нами происходит?

Гамильтон пожала плечами. Темные короткие волосы, простое круглое личико.

— Я в детстве ходила в довольно дорогую школу. В каком-то классе они нам устроили один из этих экспериментов, которые якобы обогащают личность. Знаешь? Дают жизненный опыт. Нас разделили на две группы: «заключенные» и «охрана». «Заключенным» не полагалось покидать отведенные им помещения без дозволения «охраны», «охрана» получала более вкусные завтраки… все такое. Очень простые правила. Я была в «охране».

Мы почти сразу начали помыкать «заключенными». Мы их толкали, орали на них, заставляли строиться в шеренги. Самое поразительное, что «заключенные» нам это позволяли. Их было пятеро на одного «охранника». И нам даже не было позволено делать то, что мы делали. Но ни один из них не пожаловался. Никто из них не встал и не сказал: «Нет, вы не смеете этого делать». Они поддерживали игру.

А через месяц эксперимент свернули и провели семинар по его результатам: истоки фашизма и тому подобное. Почитай Ханну Арендт[53]. Тем все и кончилось. Если не считать, что моя лучшая подруга навсегда перестала со мной разговаривать. Я, понятно, не могу ее винить. После того, что я сделала.

Что я на самом деле поняла? Что люди играют ту роль, которая им досталась. Они делают это, не сознавая, что они это делают. Возьми любое меньшинство, объяви их на особом положении, сделай из них «охрану» — они станут играть «охранников».

— Так что же делать? Как нам вырваться из тех ролей, которые мы играем?

— Если б я знала, Уэйл. Если б я знала!

Екатерина перебралась в нишу на дальнем конце нового туннеля. В этом туннеле не было других помещений, так что ей обеспечили некоторое уединение. Подходя, Гюнтер расслышал через свой трансчип перебиваемый помехами голос:

— …Сообщают об нанесенном ударе. Официальный представитель в Каире запросил… — Передача прервалась.

— Ого! Вы восстановили… — Он осекся. Будь радиосвязь восстановлена, он знал бы. В Центре об этом заговорили бы. А значит, радиосвязь и не была полностью прервана. Просто КУП контролировала прием.

Екатерина посмотрела на него. Лицо было заплаканным, но она уже взяла себя в руки.

— «Швейцарской Орбитальной» больше нет! — прошептала она. — Они забросали их всем, чем только можно, от программных бомб до алмазного щебня. Разнесли верфи в пыль.

Видение множества погибших помешало ему услышать следующую фразу. Он опустился на лежак рядом с ней.

— Но это значит…

— Не осталось кораблей, на которых можно до нас добраться. Да. Если какой-нибудь корабль не находился в это время в пути, мы застряли здесь.

Гюнтер обнял ее. Она как будто озябла и дрожала. Влажная кожа покрылась мурашками.

— Когда ты в последний раз спала? — резко спросил он.

— Я не могу…

— Ты на подключке, да?

— Мне нельзя спать. Пока нельзя. Потом.

— Екатерина, энергия, которую дает тебе подключка, не даровая. Она выкачивается из твоего же тела. Когда ты отдыхаешь, она восстанавливается. Но если ты непрерывно используешь подключку, то можешь довести себя до комы.

— Я не… — Она запнулась и смешалась, в глазах мелькнула неуверенность. — Наверно, ты прав. Мне не мешало бы отдохнуть.

Ожила КУП:

— Штат девять сооружает радиоприемник. Езуми им позволила.

— Дерьмо, — выругалась Екатерина, подскакивая. — Мы можем им помешать?

— Действия против проекта, пользующегося всеобщей популярностью, подорвут ваш кредит доверия, терять который вы не можете себе позволить.

— Ладно. Как свести к минимуму?..

— Екатерина, — напомнил Гюнтер, — ты собиралась поспать.

— Секундочку, малыш. — Она похлопала по лежаку. — Ты приляг здесь и подожди меня. Ты и вздремнуть не успеешь, как я разберусь и вернусь. — Она нежно поцеловала его, чуть задержалась. — Все в порядке?

— Да, конечно. — Он вытянулся и закрыл глаза, всего на секундочку.

Когда он проснулся, пришла пора выходить на вахту. Екатерины не было.

После удара по Владивостоку прошло пять дней. Но за это время все так изменилось, что прошлое вспоминалось как иной мир. «В прошлой жизни я был Гюнтером Уэйлом, — думал он. — Я жил, работал, иногда веселился. Неплохая тогда была жизнь».

Он все еще искал Салли Чанг, хотя надежды оставалось все меньше. Теперь, заговаривая со скафандром, он каждый раз

спрашивал, не нужна ли его помощь. Все чаще оказывалось, что не нужна.

Часовня на третьем уровне представляла собой неглубокую чашу, открывающуюся на стену террасы. На дне за оградкой цвели тигровые лилии, между камнями шмыгали бирюзовые ящерки. Внизу дети играли в мяч. Гюнтер стоял наверху, болтая с грустной Риохи Иомато.

Дети отложили мяч и стали танцевать. Гюнтер с улыбкой наблюдал за ними. Они играли в «Лондонский мост». Сверху они казались просто цветными пятнышками, распускающимися и закрывающимися цветами. Потом его улыбка поблекла. Слишком хорошо они танцевали. Ни один не сбился с ритма, не перепутал ногу, не заскучал и не отошел в сторонку. У них были самоуглубленные, стянутые, нечеловеческие лица. Гюнтеру пришлось отвернуться.

— Их контролирует КУП, — сказала Иомато. — Мне на самом деле почти нечего делать. Я просматриваю видео, подбираю им игры и песенки, упражнения, полезные для здоровья. Иногда занимаю их рисованием.

— Господи, как ты это выдерживаешь?

Иомато вздохнула:

— Мой старик был алкоголиком. Ему выпала довольно трудная жизнь, и в какой-то момент он начал пить, чтобы забыть о ней. И знаешь что?

— Это не помогло.

— Точно. Он стал еще несчастнее. И у него стало еще больше причин напиваться. Он был упорным, этого у него не отнимешь. Не из тех, кто отступается от средства, в которое поверил, просто потому, что оно не работает.

Гюнтер промолчал.

— Думаю, воспоминание о нем — единственное, что не дает мне снять шлем и присоединиться к ним.

Корпоративный видеоцентр состоял из ряда кабинетов в дальнем туннеле. Здесь изготавливались сырые заготовки для рекламы и рабочие информационные ролики. Потом они пересылались на Землю для окончательной обработки и шлифовки. Гюнтер переходил из кабинета в кабинет, отключая экраны, которые так и мигали здесь со дня катастрофы. Неприятно было видеть пустыми комнаты, где прежде всегда толпился народ. Столы и терминалы остались в рабочем беспорядке, как будто хозяева просто вышли перекусить и собирались через минуту вернуться. Гюнтер поймал себя на том, что все время оборачивается, чтобы не выпускать из виду свою

тень, и вздрагивает от неожиданных звуков. С каждой отключенной машиной тишина становилась еще ощутимее. Здесь было куда более одиноко, чем на поверхности.

Он выключил свет в последнем помещении и вышел в полумрак коридора. Из темноты перед ним выросли два скафандра с логотипами из переплетенных «Х» и «А». Гюнтер испуганно отскочил. Скафандры, конечно, были пустыми: среди незатронутых не осталось никого из «Хюндай Аэ-ро». Просто кто-то, прежде чем потерять память, оставил здесь свои скафандры на временное хранение.

Скафандры вцепились в него.

— Эй! — в ужасе вскрикнул Гюнтер, когда они стиснули его за локти и оторвали от пола. Один поймал и сорвал с пояса его ПК. Он не успел опомниться, как его протащили по короткой лестнице и втолкнули в дверной проем.

— Мистер Уэйл.

Он оказался в помещении с высоким потолком, вырубленном в скале, для установки еще не собранных воздухоочистителей. Цепочка подвешенных к потолку рабочих лампочек тускло освещала пространство. В дальнем конце помещения за письменным столом сидел человек в скафандре. По бокам его стояли еще двое, все — с логотипами «Хюндай Аэро». Ни одной приметы, позволявшей опознать людей.

Захватившие его скафандры скрестили руки на груди.

— Что здесь происходит? — спросил Гюнтер. — Кто вы такие?

— Вы — последний человек, которому это следует знать. — Он не мог определить, который из них говорит. Голос, доносился по радио, электронный фильтр делал его бесполым и безличным. — Мистер Уэйл, вы обвиняетесь в преступлениях против своих сограждан. Вы можете что-либо сказать в свою защиту?

— Что? — Гюнтер оглядел собравшихся. Скафандры были совершенно одинаковыми, не отличить друг от друга, и он вдруг испугался того, что могут совершить люди, скрытые броней анонимности. — Слушайте, вы не имеете права. Есть действующая система управления, в нее и жалуйтесь.

— Не все довольны правлением Измайловой, — сказал судья.

— Однако она контролирует КУП, а Бутстрэп не может существовать без затронутых, которых контролирует КУП, — добавил другой.

— Нам просто приходится действовать в обход Измайловой.

Может быть, это сказал судья, может быть, другой скафандр: Гюнтер их не различал.

— Вы желаете выступить в свою защиту?

— А в чем именно меня обвиняют? — в отчаянии заговорил Гюнтер. — Ладно, может, я и сделал что-то не так, признаю это. Но, может, вы просто не понимаете, в каком я положении? Вы об этом подумали?

Молчание.

— Я хочу знать: что вас рассердило. Это из-за Познера? Так я об этом не жалею. И не стану извиняться. Нельзя так обращаться с людьми только оттого, что они больны. Все равно они люди, как все остальные. У них такие же права.

Молчание.

— Но если вы считаете меня каким-то шпионом, что я, мол, бегаю к Ек… к Измайловой стучать на кого-то, так это просто неправда. То есть я с ней разговариваю, этого не отрицаю; но я не какой-нибудь там шпион. У нее и нет никаких шпионов. Они ей не нужны! Она просто пытается не дать всему развалиться, вот и все.

Господи, вы бы знали, как ей досталось! Вы что, не видите, сколько сил она тратит? Она больше всего на свете хотела бы все бросить. Но ей приходится держаться, потому что…

Жуткий электронный визг, ворвавшийся в его приемник, заставил его остановиться. Гюнтер понял, что над ним смеются.

— Кто-нибудь еще желает высказаться?

Один из захвативших Гюнтера выступил вперед.

— Ваша честь, этот человек называет шизиков людьми. Он не замечает, что они не способны выжить без нашей поддержки и указаний. За их благополучное существование приходится платить нашими неустанными трудами. Он сам осудил себя. Я прошу суд избрать наказание, достойное преступления.

Судья обернулся вправо, влево. Двое за его плечами кивнули и отступили назад. Стол стоял в устье будущей вентиляционной шахты. Гюнтер успел сообразить это прежде, чем они появились из темноты, увлекая за собой кого-то, одетого в скафандр «П-5», такой же, как у него самого.

— Мы могли бы убить вас, мистер Уэйл, — проскрипел электронный голос, — но это было бы расточительством. Нам нужны все руки, все головы. Во время бедствия нам необходимо держаться вместе.

«П-5» остался один посреди помещения и стоял неподвижно.

— Смотрите внимательно.

Два «Хюндая» с двух сторон подступили к «П-5». Четыре руки быстро справились с застежками шлема. Они умело откинули крепления и сняли шлем. Это случилось так быстро, что человек в скафандре не успел бы им помешать, даже если бы захотел.

Под шлемом открылось испуганное, непонимающее лицо затронутого.

— Здравый рассудок, мистер Уэйл, это привилегия, а не право. Вы признаны виновным. Однако мы не жестоки. На этот раз вы отделаетесь предупреждением. Но и положение чрезвычайное. При малейшей провинности впредь — например, если вы доложите об этой встрече нашей маленькой генеральше, — мы можем обойтись без формальностей судебного заседания. — Судья выдержал паузу. — Я выражаюсь достаточно ясно?

Гюнтер неохотно кивнул.

— Тогда вы можете удалиться.

На выходе один из скафандров вернул ему его ПК.

Пять человек. Он был уверен, что их не больше того. Может, есть еще один или двое, но это все. Познер наверняка но уши в деле, в этом Гюнтер не сомневался. Остальных легко будет вычислить.

Но он не решился даже попытаться.

Когда кончилась его смена, он застал Екатерину спящей. Она осунулась и казалась больной. Он опустился на колени и легонысо провел ей по щеке тыльной стороной ладони.

Веки у нее вздрогнули и открылись.

— О, привет. Я не хотел тебя будить. Спи дальше, а?

Она улыбнулась.

— Ты чудесный, Гюнтер, но я все равно только прилегла чуточку вздремнуть. Через пятнадцать минут вставать. — Она снова прикрыла глаза. — Ты единственный, кому я еще могу доверять. Мне все лгут, скармливают дезинформацию, молчат обо всем, что мне нужно знать. Только с тобой я могу рассчитывать, что ты мне что-то скажешь.

«У тебя есть враги, — подумал он. — Они прозвали тебя маленькой генеральшей, и им не нравится, как ты ведешь дело. Они еще не готовы выступить против тебя напрямик, но строят планы. И они ни перед чем не остановятся».

Вслух он сказал:

— Спи дальше.

— Они все против меня, — пробормотала она. — Сучьи ублюдки.

Следующий день он потратил, обходя служебные помещения, где собирали новые воздухоочистители. Он обнаружил гнездо затронутого-одиночки, сооруженное из обрывков скафандров, но, проконсультировавшись с КУП, решил, что оно уже несколько

дней пустует. Салли Чанг не было и следа.

Если до встречи с судом бродить по запечатанным помещениям было жутковато, то теперь стало много хуже. Враги Екатерины заразили его страхом. Рассудок говорил, что они не станут его подстерегать, что ему не о чем беспокоиться, пока он снова не вызовет их неудовольствия. Но подсознание не слушало голоса рассудка.

Время едва ползло. Когда к концу вахты он наконец вышел на свет дня, в голове было пусто. От долгих часов одиночества он словно выпал из действительности. Поначалу Гюнтер не заметил ничего необычного. Потом радиопередатчик наполнился голосами, вокруг заспешили куда-то люди. Народ радостно гудел. Кто-то даже напевал.

Он остановил первый попавшийся скафандр и спросил:

— Что происходит?

— А ты еще не слышал? Войне конец! Они заключили мир. И к нам идет корабль!

Большую часть долгого перелета к Луне «Женевское озеро» поддерживал режим радиомолчания из страха перед оружием дальнего радиуса действия. Зато как только установился мир, они открыли прямую передачу на Бутстрэп.

Люди Езуми поставили затронутых сшивать огромный хлопковый квадрат, чтобы повесить его на затененной стене кратера. Затем, выключив общий свет, на этот экран дали изображение. Швейцарские космонавты, ухмыляясь во весь рот, приплясывали перед камерой, напялив полотняные костюмы и красные ковбойские шляпы. Они рассказывали о бегстве от самонаводящихся снарядов, перебивали друг друга звучными молодыми голосами.

Перед хлопковым квадратом собрались старшие офицеры. Гюнтер узнал их по скафандрам. Из установленных на места громкоговорителей прогремел голос Екатерины.

— Когда вы прибываете? Мы должны удостовериться, что на посадочной площадке все чисто. Сколько осталось часов?

Светловолосая женщина, подняв вверх пять пальцев, ответила:

— Сорок пять.

— Нет, сорок три!

— Ничего подобного!

— Почти сорок пять!

Голос Екатерины снова ворвался в гомон.

— Что там на «Орбитальной»? Мы слышали, что она уничтожена.

— Да, уничтожена.

— Очень, очень плохо. Уйдет много лет, чтобы…

— Но люди почти все…

— Нам послали шесть предупреждений с орбиты. Почти все спустились на челноках, эвакуировались.

— Хотя многие и погибли. Это какой-то ужас!

Прямо перед офицерами какой-то скафандр управлял горсткой затронутых, собиравших площадку для камеры. Теперь он широко взмахнул рукой, и затронутые отступили. На «Женевском озере» кто-то вскрикнул, несколько человек повернулись к телемонитору. Скафандр развернул камеру, показав им широкий панорамный вид.

Один из космонавтов спросил:

— Что там у вас? Я вижу, что некоторые одеты в скафандры, а остальные без них. Почему?

Екатерина глубоко вздохнула.

— У нас тут тоже кое-какие перемены, — сказала она.

По случаю появления швейцарцев в Центре устроили большой праздник. Расписание часов на сон полетело к черту, и все, кроме маленькой команды, присматривавшей за затронутыми, собрались приветствовать гостей Луны. Те плясали до упаду и пили вакуумно-дистиллированную водку. Все рвались что-то рассказать, обменяться сплетнями, обсудить, долго ли продержится мир.

Гюнтер ушел в разгар веселья. Вид швейцарцев наводил на него, уныние. Слишком они были молоды, бодры и свежи. В их присутствии он чувствовал себя дряхлым циником. Хотелось схватить кого-нибудь за плечи и потрясти, чтобы заставить очнуться.

В унынии он побрел мимо запертых лабораторий. В помещении проекта «Компьютерный вирус» Екатерина с капитаном «Женевского озера» совещались над штабелем упакованных в ящики биопроб. Обе склонились к ПК Екатерины, прислушиваясь к голосу КУП.

— Вы не обдумывали возможность национализации производств? — спрашивала капитан. — Из одной из фабрик мог бы вырасти новый город. А потом кинуть несколько кабелей, и Бутстрэпом можно управлять, не заходя в него.

Гюнтер издалека не расслышал реакции КУП, но обе женщины рассмеялись.

— Ну, — сказала Екатерина, — нам по меньшей мере придется пересмотреть договоры с головными корпорациями. Если действующим остался всего один корабль, сменять людей

будет намного сложнее. Физическое присутствие станет ценным товаром. Глупо было бы не воспользоваться этим обстоятельством.

Гюнтер прошел мимо, забираясь глубже в тень. Он бродил без цели и в конце концов увидел впереди свет, услышал голоса. Один принадлежал Кришне, но звучал ровнее и увереннее, чем привык слышать Гюнтер. Из любопытства он остановился в дверях.

Кришна стоял посреди лаборатории. Перед ним, послушно кивая, стояла Бет Гамильтон.

— Да, сэр, — повторяла она. — Да, сэр. Да.

Гюнтер, онемев от изумления, понял, что Кришна отдает ей распоряжения.

Кришна поднял голову.

— Уэйл. Я как раз собирался тебя искать.

— Меня?

— Заходи, не мнись там. — Кришна с улыбкой поманил его к себе, и Гюнтер невольно послушался. Кришна теперь походил на юного бога. Сила духа огнем плясала в его глазах. Странно, до сих пор Гюнтер не замечал, какой он высокий.

— Скажи мне, где Салли Чанг.

— Я не… то есть я не могу… — Он замолчал и сглотнул слюну. — Я думаю, Салли Чанг погибла… — И тут же добавил: — Кришна! Что с тобой?

— Он закончил свою разработку, — объяснила Бет.

— Я целиком переписал свою личность, — сказал Кришна. — Избавился от застенчивости, которая делала меня наполовину калекой, заметил?

Он положил руку на плечо Гюнтеру, и этот жест внушал уверенность, был теплым и успокаивающим.

— Гюнтер, не стану описывать, чего мне стоило наскрести достаточно мессенджеров из остатков старых экспериментов, чтобы испытать их на себе. Но мне удалось. Мы получили средство, которое, помимо прочих возможностей, станет универсальным лекарством для всех жителей Бутстрэпа. Но для этого нужны новые вещества-мессенджеры, а у нас их нет. Теперь объясни, почему ты уверен в смерти Салли Чанг.

— Ну, понимаешь, я четвертый день ее ищу. И КУП тоже искала. Ты все эти дни просидел в своей норе, так что, наверно, знаешь затронутых хуже, чем мы. Они не способны планировать. Совершенно невероятно, что кто-то из них смог бы так долго от нас скрываться. Единственное, что приходит мне в голову, — она каким-то образом выбралась на поверхность прежде, чем ее настигло действие вещества, забралась в машину и велела ей

ехать, пока хватит кислорода.

Кришна покачал головой:

— Нет. Это просто не вписывается в характер Салли Чанг. Ни при каких условиях не могу представить, чтобы она покончила с собой. — Он выдвинул ящик: длинные ряды блестящих баллончиков. — Возможно, это поможет. Помнишь, я сказал, что двух баллонов с миметиком не хватает — кроме шизомиметиков.

— Смутно припоминаю.

— У меня не было времени об этом подумать, но разве не странно? Послушай: паранойя — редкое нарушение, зато увлекательное. Оно характеризуется сложной, но внутренне стройной системой ложных представлений. Интеллект параноика отлично функционирует, и распад личности проявляется меньше, чем при шизофрении. Эмоциональные и социальные реакции ближе к норме. Личность способна к концентрации усилий. В общей неразберихе параноик вполне способен скрыться от преследования.

— Ну-ка, давайте разберемся, — предложила Гамильтон. — На Земле начинается война. Чанг получает приказ, ключ к программной бомбе, и отправляется в Бутстрэп с канистрой безумия и маленьким шприцем паранойи.

Нет, не выходит. Все разваливается.

— Как так?

— Паранойя не защитила бы ее от шизофрении. Как бы она обезопасила себя от собственного распылителя?

Гюнтер остолбенел.

— Лавандовый скафандр!

Они поймали Салли Чанг на верхней террасе Бутстрэпа. Верхний уровень был еще не закончен. Со временем — как сулили брошюры корпорации — здесь на берегах прозрачных прудов будут пастись лани, а в ручьях станут резвиться выдры. Но пока не был создан даже почвенный слой, не завезены черви и бактериальные культуры. Здесь был песок, механизмы и несколько жалких отчаянных растеньиц.

Чанг устроила лагерь у истока одного из ручейков, под лампой дневного света. При их появлении она вскочила на ноги, быстро огляделась но сторонам и решилась блефовать до упора.

К стойке, на которой располагался клапан ручья, была приварена табличка с надписью: «Установка аварийного купола». Под ней — небольшая пирамида кислородных баллонов и аллюминиевый герметичный ящик размером с гроб.

— Очень толково, — через трансчип шепнула Гюнтеру Бет. — Она спит в ящике, и всякий, кто на него наткнется, думает, что

это просто запасное оборудование.

Лавандовый скафандр взмахнул рукой и игриво приветствовал их:

— Привет, ребята. Чем могу помочь?

Кришна шагнул вперед и взял ее за руки.

— Салли, это я, Кришна.

— Ох, слава богу! — Она обмякла в его руках. — Я так боялась.

— Теперь ты в безопасности.

— Сперва я приняла вас за пришельцев. Я так голодна — не помню, сколько не ела. — Она вцепилась в рукав его скафандра. — Ты ведь знаешь о пришельцах, да?

— Пожалуй, лучше ты введи меня в курс дела.

Они направились к лестнице. Кришна незаметно указал Гюнтеру на рабочий пояс скафандра Салли. На нем висела канистра, похожая на запасную фляжку. Гюнтер протянул руку и сорвал ее с пояса. Мессенджеры у него в руках.

С другой стороны Бет Гамильтон дотянулась до почти неизрасходованных баллонов с паранойей, и они исчезли, как по волшебству.

Салли Чанг ничего не заметила, углубившись в изложение хода своих мыслей.

— …Конечно, они повиновались мне. Но совершенно ничего не соображали. Я беспокоилась, беспокоилась, пока не поняла, что происходит. Волк, попавший в капкан, отгрызает себе лапу, чтобы освободиться. Я стала искать волка. Против какого врага могут быть оправданны столь чрезвычайные меры? Безусловно, не против людей.

— Салли, — прервал ее Кришна. — Я предлагаю тебе обдумать идею, что заговор — за неимением лучшего слова — укоренился глубже, чем ты предполагаешь. Что проблема кроется не в противнике извне, но в наших собственных мозгах. В частности, что пришельцы — это искусственный психомиметик, который ты ввела себе, когда все начиналось.

— Нет. Нет, слишком много доказательств. Все складывается! Пришельцам необходим способ не только скрыть свою внешность, что осуществляется с помощью скафандров, но и замаскировать психологические отличия, что достигается всеобщим безумием. Так они могут неопознанными находиться среди нас. Разве враг-человек мог бы обратить все население Бутстрэпа в рабов? Немыслимо! Они могут читать наши мысли, как книгу. Если бы мы не защитились шизомиметиками, они извлекли бы все наши знания, все секретные военные разработки…

Слушая ее, Гюнтер невольно представлял, что сказала бы на

этот бред Лиза Нагенда. При мысли о ней он скрипнул зубами. Точь-в-точь автомат, о каком тогда говорила Чанг. Он невольно усмехнулся в свой адрес.

Екатерина ждала у подножия лестницы. Руки у нее заметно дрожали, и голос тоже чуть дрогнул, когда она спросила:

— Что это рассказала мне КУП насчет шизомиметиков? Кришна, кажется, изготовил какое-то лекарство?

— Они у нас! — приглушенным от счастья голосом сказал Гюнтер и поднял канистру. — Все позади, мы можем излечить наших друзей!

— Дай взглянуть. — Екатерина взяла у него канистру.

— Нет, погоди! — вскрикнула Гамильтон, но было поздно.

Кришна у нее за спиной спорил с Чанг по поводу интерпретации последних событий. Ни он, ни она даже не заметили, что шедшие впереди остановились.

— Назад! — Екатерина сама быстро отступила на два шага и напряженно добавила: — Я не хочу осложнений. Но мы обязаны во всем разобраться, и, пока это не сделано, никто не должен ко мне приближаться. Это касается и тебя, Гюнтер.

Начали собираться затронутые. Они выходили на лужайку по одному, по двое, потом десятками и дюжинами. К тому времени, как стало ясно, что их через КУП вызвала Екатерина, стена тел отделила Кришну, Чанг и Гамильтон от нее и Гюнтера.

Чанг стояла как статуя. Под шлемом ее скафандра шла работа мысли: она пересматривала свои теории, пытаясь включить в них новое событие. Внезапно она захлопала руками по скафандру, нашаривая пропавшие канистры. Она уставилась на Кришну и дрожащим от ужаса голосом произнесла:

— Ты один из них.

— Конечно, я не… — начал Кришна, но она уже повернулась и бросилась, спотыкаясь, вверх по ступеням.

— Оставьте ее, — приказала Екатерина. — Нам надо обсудить более серьезный вопрос.

Двое затронутых поспешно подтащили портативный муфель, поставили его на траву, и третий подключил к нему электрический кабель. Внутренность печи засветилась, накаляясь.

— Эта канистра — все, что у вас есть, не так ли? Если я отправлю ее в автоклав, надежды возместить потерю не останется.

— Измайлова, послушайте, — сказал Кришна.

— Я слушаю. Говорите.

Кришна стал объяснять, и Измайлова слушала, скрестив руки и скептически дергая плечом. Когда он закончил, она покачала

головой.

— Это благородное безумие, и все же это безумие. Вы хотите вылепить из наших мозгов нечто чуждое ходу человеческой эволюции. Превратить престол разума в кресло пилота-испытателя. Такой вы нашли выход? Забудьте о нем. Стоит вскрыть эту единственную канистру, и ее уже не закупоришь снова. А вы не представили ни одного убедительного аргумента за решение вскрыть ее.

— А люди Бутстрэпа? — вмешался Гюнтер. — Они…

Она не дослушала.

— Гюнтер, никто не рад тому, что с ними случилось. Но если всем остальным придется поступиться человечностью ради неверного и сомнительного с точки зрения этики улучшения… что ж, цена слишком высока. Безумные или нет, пока они во всяком случае люди.

— Разве я не человек? — спросил Кришна. — Разве я не засмеюсь, если меня пощекотать?

— Вы не можете об этом судить. Вы переписали свои нейроны и зачарованы новизной. Каким тестам вы себя подвергали? Насколько тщательно зафиксировали отклонения от нормы? Где цифры? — Все эти вопросы были чисто риторическими. Обследование, о котором она говорила, заняло бы не одну неделю. — И если вы окажетесь полностью человеком, — а я в это не верю! — кто может предсказать отдаленные последствия? Кто помешает нам шаг за шагом скатиться к безумию? Кто решит, что такое безумие? Кто будет программировать программистов? Нет, невозможно. Я не позволю играть с нашим разумом. — Отчаянно, почти гневно, она повторила: — Не позволю играть с нашим разумом!

— Екатерина, — мягко сказал Гюнтер. — Сколько ты не спала? Ты послушай себя. За тебя сейчас думает подключка.

Она отмахнулась и не ответила ему.

— Чисто практический вопрос, — продолжал Гюнтер. — Как ты тогда собираешься управлять Бутстрэпом? Мы уже превратились в начинающих фашистов. Ты сказала, тебя пугает безумие, — а во что мы превратимся через год?

— КУП заверила меня…

— КУП — всего лишь программа! — вскричала Гамильтон. — Какой бы интерактивной она ни была, ей не хватает гибкости. Она не способна надеяться. Она не может оценивать новое. Она только поддерживает старые решения, старые ценности, старые привычки, старые страхи.

Екатерина вдруг взорвалась.

— Убирайтесь с моих глаз! — взвизгнула она. — Перестаньте,

перестаньте, перестаньте! Не хочу слушать!

— Екатерина, — начал Гюнтер.

Но она сжала в руках канистру. Колени ее подогнулись, она медленно склонялась к муфелю. Гюнтер видел, что она уже не способна слушать. Стимуляторы и груз ответственности довели ее до этого состояния, вздергивая ее и изводя противоречивыми требованиями, пока она не дошла до края. Одна ночь крепкого сна могла бы привести ее в чувство, вернуть способность осмысливать доводы. Но времени не осталось. Слова уже не могли ее остановить. И слишком далеко он стоял, чтобы перехватить ее, прежде чем она уничтожит канистру. Шквал чувств, захлестнувший его, не поддается описанию.

— Екатерина, — сказал он. — Я люблю тебя.

Полуобернувшись к нему, она спросила рассеянно, чуть ли не с досадой:

— Что ты?..

Он снял с пояса монтажный пистолет, навел его и выстрелил.

Шлем Екатерины разлетелся вдребезги.

Она упала.

— Надо было просто разбить шлем. Это бы ее остановило. Но я не надеялся, что смогу так точно прицелиться. Я целил прямо в голову.

— Тс-с! — утихомирила его Гамильтон. — Что сделано, то сделано. Перестань себя мучить. Поговорим о делах.

Он покачал головой, в которой все еще шумело. Его очень долго держали на бета-эндорфинах, так что он ни о чем не мог ни думать, ни заботиться. Как будто его завернули в ватный кокон. До него ничто не доходило. Ничто не могло причинить ему боль.

— Надолго меня вырубили?

— На день.

— На день? — Он оглядел скудно обставленную комнату. Простые каменные стены и безликое лабораторное оборудование в гладких чехлах. В другом конце комнаты Кришна с Чанг склонялись над панелью, нетерпеливо и восторженно царапали наперебой какие-то каракули. Кто-то с корабля швейцарцев, войдя, заговорил с их спинами. Кришна, не оборачиваясь, рассеянно кивнул.

— Я думал, много дольше.

— Достаточно долго. Мы успели привести в порядок всю группу Салли Чанг и вовсю занимаемся остальными. Очень скоро тебе придется решать, что в себе ты хочешь переписать.

Гюнтер покачал головой. Он чувствовал себя покойником.

— Думаю, не стану, Бет. У меня просто не хватит храбрости.

— Мы дадим тебе храбрость.

— Нет, я не…

Он почувствовал, как к горлу снова подкатывает черная тошнота. Она ходила кругами и возвращалась всякий раз, когда он уже начинал думать, что наконец справился с ней насовсем.

— Я не хочу, чтобы память об убийстве Екатерины смыло теплым потоком самодовольства. Меня тошнит от этой мысли.

— Мы тоже не этого хотим. — Познер ввел в кабинет делегацию из семи человек. Кришна с Чанг поднялись, чтобы встретить их лицом к лицу. Вся группа распалась пополам, и в обеих половинах заметно было смятение. — Хватит с нас этого. Пора нам всем научиться брать на себя ответственность за последствия… — Все они говорили хором. Гамильтон поморщилась:

— …ответственность за…

Голоса стали громче.

— Здесь невозможно разговаривать, — сказала она. — Отведи меня на поверхность.

Они ехали в герметичной кабине на запад, по дороге к Заливу Зноя. Солнце почти касалось изорванной стены кратера Зоммеринга перед ними. Тени ползли по склонам гор и гребням цирков, протягиваясь к ярко освещенному Центральному заливу. Гюнтеру все это казалось прекрасным до боли. Вопреки его желанию, эти резкие линии оказались созвучными болезненному одиночеству, поселившемуся у него в груди, и, как ни странно, утешали его.

Гамильтон дотянулась до его ПК, и в голове у него зазвучало «Putting On the Ritz».

— Что если Екатерина была права? — громко спросил он. — Что если мы отдаем все, что делает нас людьми? Мне не слишком по вкусу перспектива превратиться в какого-нибудь бесчувственного высоколобого супермена.

Гамильтон покачала головой:

— Я спрашивала об этом Кришну, и он сказал: нет. Он сказал, это как… Ты когда-нибудь страдал близорукостью?

— Конечно, в детстве.

— Тогда ты поймешь. Он сказал, это как ты в первый раз выходишь из кабинета врача после лазерной операции. Все становится ясным, четким и ярким. Пятно, которое ты называл «деревом», превращается в тысячи отдельных и разных листочков. Мир полон не замеченных тобой подробностей. На горизонте появляются вещи, которых ты раньше не видел. Вроде того.

— О… — Он смотрел прямо перед собой. Диск солнца почти

коснулся Зоммеринга. — Нет смысла ехать дальше.

Он остановил машину.

Бет Гамильтон, кажется, чувствовала себя неловко. Она прочистила горло и вдруг порывисто произнесла:

— Слушай, Гюнтер. Я не просто так тебя сюда вытащила. Я хотела предложить объединить наши ресурсы.

— Что?

— Пожениться.

Только секунду спустя Гюнтер сумел выговорить:

— Э… я… я не…

— Я серьезно, Гюнтер. Я знаю, что всегда на тебя наседала, но это только потому, что ты на многое способен и совсем не используешь свои способности. Ну, это можно изменить. Позволь мне участвовать в твоей переписке, а я допущу тебя к своей.

Он помотал головой:

— По мне, это просто дико.

— Это уже не оправдание. Екатерина была права — мы стоим перед чем-то очень опасным, — самым опасным, с чем сталкивалось человечество. Но оно уже началось. Земля следит за нами с ужасом и восхищением. Скоро, очень скоро они возьмут дело в свои руки. Через пять лет у нас все отберут.

У тебя хорошая голова, Гюнтер, и скоро она станет еще лучше. Я думаю, мы сходимся в том, какой мир мы желали бы создать. Я хочу, чтобы ты был рядом со мной.

— Я не знаю, что сказать.

— Ты хочешь настоящей любви? Ты ее получишь. Мы можем сделать для себя секс каким угодно чудесным или отвратительным, если хочешь. Ты хочешь, чтобы я была тише или громче, нежнее или более уверенной? Давай поторгуемся. Посмотрим, может быть, и договоримся.

Он молчал.

Гамильтон откинулась на спинку сиденья. Подождав, она сказала:

— Знаешь, я никогда еще не видела лунного заката. Я редко бывала на поверхности.

— Это придется изменить, — сказал Гюнтер.

Она пристально заглянула ему в лицо. И улыбнулась. Поерзала, придвигаясь ближе к нему. Он неловко закинул руку ей на плечо. Кажется, она этого ожидала. Он кашлянул в ладонь, потом показал пальцем:

— Вот, уходит.

Лунный закат очень прост. Стена кратера касается нижней части солнечного диска. Тень выскакивает на склон и мчится по нему вниз. Скоро солнце скрывается до половины. Оно исчезает

плавно и непрерывно. Последний ослепительно серебряный луч горит над скалой, потом исчезает и он. Мгновение спустя ветровое стекло приспосабливается к изменению, и появляются звезды, а Вселенная заполняется тьмой.

Воздух в кабине остыл. Панели пощелкивали и хлопали от резкого перепада температуры.

Гамильтон ткнулась носом ему в шею. На ощупь ее кожа была чуточку липкой и издавала слабый, но ощутимый запах. Она прошлась языком по линии его подбородка и добралась до уха. Ее руки возились с застежками его скафандра.

Гюнтер не чувствовал ни малейшего возбуждения, только легкую неприязнь, граничащую с отвращением. Это было ужасно, оскверняло все, что осталось ему от Екатерины.

Но через это испытание ему придется пройти. Гамильтон права. Всю жизнь он прожил под властью подсознания, его чувствами наугад и беспорядочно правила химия мозга. Он был вынужден ехать туда, куда уносила его кошмарная скачка разума. А она несла его всегда к боли и смятению. Теперь поводья у него в руках, он может править туда, куда захочет.

Он еще не решил, что закажет себе в новую программу. Довольство жизнью, пожалуй. Секс и страсть — почти наверняка. Но не любовь. С этой романтической иллюзией покончено. Пора стать взрослым.

Он сжал плечо Бет. «Завтра, — подумал он, — это уже не будет казаться важным». Бет подставила ему свои губы. Ее губы приоткрылись. Он почувствовал запах ее дыхания.

Питер Уоттс
Ниша

Питер Уоттс (р. в 1958 г.) — канадский фантаст, живет в Торонто. Его статьи, посвященные проблемам, морских млекопитающих, быстро получили признание в научных кругах, а вот литературный успех пришел далеко не сразу, и Уоттс собрал целую «коллекцию отказов», в основном от цитадели твердой научной фантастики — журнала «Analog». Самой частой причиной отказа была «чрезмерная негативность» произведений. Однако Уоттс не сдавался и продолжал работать «в стол». В 1990 г. он пишет рассказ «Ниша», посвященный проблемам морской экологии, карьерного продвижения и сексуальных оскорблений, — и вновь получает отказ. Махнув рукой на американский литературный рынок, который он тщетно пытался покорить в течение почти десяти лет, Уоттс, «чтобы оправдать расходы на бумагу и ленту для пишущей машинки», предлагает свою прозу менее избалованным канадским издательствам и в одночасье становится знаменитостью. В частности, рассказ «Ниша» не только мгновенно опубликовали, но и наградили премией «Аврора», после чего он многократно переиздавался в канадских антологиях фантастики. Вдохновленный успехом., Уоттс переработал «Нишу» в роман «Морская звезда» («Starfish», 1999), который поразил читателей и критиков развернутыми описаниями морского дна, получил положительный отзыв в «New-York Times» и был отмечен особой наградой в рамках премии Джона У. Кэмпбелла. Уоттс гордится тем, что русские и немецкие издательства отказались приобретать права на перевод его прозы, назвав ее «слишком мрачной»: это ведь надо сочинить такое, чтобы даже русские испугались! Продолжение романа «Морская звезда» последовало в 2001 г., и в новом романе «Водоворот» («Maelstrom») действие разворачивается уже в основном на суше.

Когда на станции «Биб» гаснет свет, становится слышно, как стонет металл.

Лени Кларк прислушивается, лежа на своей койке. Над

головой, за трубами, за проводами, за скорлупой обшивки — трехкилометровая черная толща океана, стремящегося раздавить ее. Она ощущает под собой Разлом, подвижки океанского ложа, достаточно мощные, чтобы сдвинуть с места материк. Она лежит в своем хрупком убежище и слышит, как микрон за микроном поддается броня станции, слышит ее скрип, низкий, на самом пороге человеческого восприятия. В отношении Разлома Хуан де Фука бог-садист, и имя ему — Физика.

«И как они умудрились меня уговорить? — задумывается она. — Как это я согласилась сюда спуститься?» Впрочем, ответ ей известен.

Она слышит шаги Баллард в коридоре. Кларк завидует Баллард. Баллард никогда не заводится, она, кажется, неизменно владеет собой, сама решает, как жить. Похоже, она чуть ли не счастлива здесь.

Кларк скатывается с койки и нашаривает выключатель. Каюту заливает тяжелый свет. Стены рядом с ней не видно из-за трубок и панелей управления: на глубине трех тысяч метров не до эстетики. В первую очередь — функциональность. Она оборачивается, и в зеркале на переборке мелькает отражение скользкого черного тритона.

Да, такое все еще случается изредка. Иногда ей удается забыть, что с ней сделали.

Требуется сознательное усилие, чтобы ощутить механизмы, затаившиеся там, где прежде были ее легкие. Она так привыкла к хронической боли в груди, к легкому сопротивлению пластика и металла при каждом движении, что почти не замечает их. Но она все еще способна вспомнить, что значит быть вполне человеком, и порой путает воспоминания с истинными ощущениями.

Такое возвращение в прошлое никогда не затягивается надолго. На «Биб» повсюду зеркала: предполагается, что они создают ощущение пространства. Случается, Кларк закрывает глаза, чтобы спрятаться от бросающихся на нее со всех сторон отражений. Не помогает. Закрывая глаза, она чувствует под веками линзы, прикрывающие роговицу, как гладкие бельма.

Кларк выбирается из каюты и по коридору направляется к кают-компании. Там ее ждет Баллард. На ней гидрокостюм, и на лице неизменная уверенность в себе.

Она встает.

— Готова к выходу?

— Ты командуешь, — отзывается Кларк.

— Только на бумаге, — улыбается Баллард. — Что касается меня, Лени, мы с тобой на равных.

Они уже два дня провели в Разломе, но Кларк никак не может

привыкнуть к постоянным улыбкам Баллард. Ей только дай повод поулыбаться. На самом деле так не бывает.

Что-то врезается в «Биб» снаружи.

Улыбка Баллард тает. Звук повторяется: влажный глухой удар по титановой кожуре станции.

— Сразу не привыкнешь, — замечает Баллард. — Верно?

Опять…

— Я хочу сказать, судя по звуку, что-то здоровенное!

— Может, лучше выключить свет? — предлагает Кларк.

Она не ожидает согласия. Наружные прожекторы «Биб» горят круглые сутки: электрический костер, разгоняющий мрак. Изнутри им не видно, на «Биб» нет иллюминаторов, но от сознания, что свет горит, почему-то становится спокойнее.

Пум-м!

…Почти всегда.

— Помнишь курс подготовки? — вставляет Баллард меж ударами. — Как они уверяли нас, что абиссальная[54] фауна должна быть исключительно мелкой?..

Голос у нее срывается. Некоторое время обе прислушиваются, но удары не повторяются.

— Должно быть, притомилась, — говорит Баллард. — А казалось бы, они должны были предвидеть…

Она подходит к трапу и спускается по нему.

Кларк, досадливо поморщившись, следует за ней. Неудачная атака какой-то сбившейся с пути рыбешки представляется ей не самым угрожающим звуком на станции. Ей слышится, как ведут переговоры о капитуляции сплавы корпуса. Она чувствует, как океан выискивает пути проникновения внутрь. Что если найдет? Тогда вся тяжесть Тихого океана ворвется сюда и превратит ее в студень. В любую минуту.

Лучше встретиться с угрозой снаружи, лицом к лицу. А здесь остается только ждать, пока это случится.

Выходить из станции — все равно что тонуть, каждый день.

Кларк, затянутая в кожу гидрокостюма, стоит лицом к Баллард. Вдвоем они еле умещаются в шлюзовой камере.

Она уже научилась выносить эту вынужденную близость: тут отчасти помогает прозрачная броня на глазах. Герметизация, проверка налобного фонаря, проверка инжекторов… Заученный ритуал шаг за шагом подводит ее к тому ужасному моменту, когда спящая в ней механика пробуждается, чтобы изменить ее.

Когда сбившееся на миг дыхание прекращается.

Когда где-то внутри нее открывается вакуум, втягивающий в себя воздух из тела. Когда остатки легких сплющиваются в

грудной клетке, кишечник спадается, когда демоны миоэлектроники заполняют синусы и среднее ухо изотоническим раствором. Когда каждая полость тела, содержащая газ, исчезает за отрезок времени, нужный человеку, чтобы сделать вдох.

Ощущения каждый раз повторяются. Внезапно подступает нестерпимая тошнота. Она упала бы, но в шлюзе падать некуда. Со всех сторон хлещет морская вода. Лицо скрывается под водой, перед глазами все расплывается и снова становится отчетливым. Линзы на роговицах приспособились к новым условиям.

Она сползает вдоль стены и жалеет, что не способна завизжать. Пол шлюзовой камеры проваливается, как люк под виселицей, и Лени Кларк, извиваясь, вываливается в бездну.

Они выходят из леденящей тьмы, где сверкают только налобные фонари, в оазис света, похожего на свечение натриевых ламп. Горловина поросла механизмами, как стальными водорослями. Кабели и проводящие трубки паутиной расползаются по дну во все стороны. Основная труба торчит на двадцать метров вверх, по сторонам монолит станции теряется из виду. Верхние прожекторы омывают всю конструкцию вечными сумерками. Они на мгновение останавливаются, не снимая рук с направляющего троса, который привел их сюда.

— Никогда мне к этому не привыкнуть, — скрежещет Баллард. Голос ее искажен, как злая карикатура.

Кларк смотрит на наручный термистор.

— Тридцать четыре по Цельсию.

Слова звонко гудят в ее ларингофоне. Кажется неправильным говорить, не дыша.

Баллард выпускает трос и вплывает в пятно света. Чуть помедлив, без вдоха, Кларк следует за ней.

Какая мощь, сколько даром растраченной энергии! Здесь ведут упорную битву сами континенты. Магма замерзает, ледяные воды океана обращаются в пар, в муках, по сантиметрам в год рождается океаническое ложе. Здесь, в Горле Дракона, сотворенные человеком механизмы не производят энергию, они всего лишь присосались к источнику и крадут мельчайшую долю ее, чтобы передать на «большую землю».

Кларк парит между стен каньона из камня и стали. Сейчас она понимает, что значит быть паразитом. Она опускает взгляд. Огромные, как валуны, раковины моллюсков, багровые черви трехметровой длины, они ползают по дну среди машин. От легионов бактерий, собравшихся на запах серы, вода подернута молочной дымкой.

Внезапно глубина наполняется пронзительным воплем.

Он не похож на вопль. Кажется, дрожат, замирая, струны гигантской арфы. Но это кричит Баллард, кричит голосом, в котором, не желая того, смешались плоть и металл:

— Лени!

Обернувшись, Кларк успевает увидеть, как ее рука до плеча скрывается в невероятно огромной пасти.

Зубы-ятаганы смыкаются на ее плече. Перед ее глазами полуметровое чешуйчатое рыло. Какая-то частица ее сохраняет достаточно хладнокровия, чтобы выискивать среди этого чудовищного смешения шипов, зубов, бородавчатой кожи и плавников глаза. «Каким образом оно меня видит?» — задумывается Кларк.

Потом ее настигает боль.

Руку будто выкручивают из сустава. Тварь дергается, мотает головой, пытаясь оторвать кусок от добычи. От каждого рывка все нервы в ней разражаются воплем.

Кларк почувствовала, что силы покинули ее.

«Пожалуйста, кончай, покончим с этим, пожалуйста, Господи, если ты меня убиваешь, давай побыстрей…»

Она чувствует позыв к рвоте, но ее удерживают пленка, затянувшая рот, и слипшиеся внутренности.

Кларк закрывается от боли. Этому она давно научилась. Втянуться внутрь, покинуть собственное тело во власти жестокого вивисектора; уже издалека она чувствует, как рывки мучителя вдруг слабеют. Рядом с ней появляется другое существо, обладающее руками, ногами и ножом. «Знаешь, нож — это такая штука, которая пристегнута у тебя к бедру и о которой ты начисто забыла». И чудовище вдруг исчезает, разжав хватку.

Кларк велит мышцам шеи приняться за работу. Так кукловод заставляет двигаться марионетку. Голова поворачивается, и она видит Баллард, схватившуюся с созданием, чуть ли не превосходящим ее ростом. Однако… Баллард рвет тварь на куски голыми руками. Как легко обламываются сосульки ее зубов! Из ран вытекает темная ледяная вода, отмечает предсмертные конвульсии расплывающимся дымным следом.

Тварь вяло извивается. Баллард отталкивает ее от себя. Десятки мелких рыбешек влетают в освещенное пространство и принимаются обгладывать тело. Фотофоры[55] у них на боках вспыхивают переливами взбесившейся радуги.

Кларк возвращается с изнанки мира. Боль в боку держится на расстоянии — неотступная пульсирующая боль. Она смотрит на свою руку: на месте. Даже пальцы свободно шевелятся. «Бывало хуже, — думает она. — Только почему это я еще жива?»

Баллард возникает рядом с ней, глазные линзы светятся не

хуже фотофоров.

— Господи Иисусе, — прерывистым шепотом выговаривает она. — Лени, ты цела?

Кларк с минуту обдумывает ответ. Как ни странно, она, кажется, действительно невредима.

— Ага…

А если и нет, сама виновата, черт побери. Сразу сдалась, обвисла и ждала смерти. Сама напросилась.

Вечно она сама напрашивается.

Опять шлюзовая камера. Вода вокруг них уходит. И внутри них тоже: похищенное у нее дыхание, получив наконец свободу, мчится назад сквозь тело, надувая легкие и внутренности, вдохновляя.

Баллард срывает герметичную маску с лица, и ее голос дрожит в шлюзе.

— Господи! Господи! Поверить не могу! Ты видела эту зверюгу? Какие же они здесь громадные вырастают! — Она проводит рукой по лицу: молочные полушария глазных линз остаются в ладони, открываются огромные глаза цвета спелого ореха. — Подумать только, ведь в обычных условиях они всего-то несколько сантиметров длиной!

Она раздевается, спускает «кожу» с рук и все говорит, говорит.

— А знаешь, при всем при том она оказалась очень даже хрупкой. Разваливается на куски от одного хорошего пинка.

Баллард всегда раздевается, едва вернувшись на станцию. Кларк подозревает, что, дай ей волю, она и рециклер вырвала бы из груди и зашвырнула в угол, где уже валяются, ожидая следующего выхода, роговичные линзы и кожа гидрокостюма.

«А может, она прячет у себя в каюте и второе легкое? — с усмешкой думает Кларк. Руку у нее колет, как иголками. — Может, держит в банке и по ночам запихивает себе в грудь?»

Она чуточку опьянела, вероятно, это последействие тех снадобий, которыми накачивает ее «кожа», чтобы замедлить нервные реакции при выходах. Мелочи, по сравнению с перспективой урезки мозгов.

«Мне совершенно не на что жаловаться…»

Баллард уже скатала «кожу» до пояса. Как раз под левой грудью в ребрах видна розетка электролизного устройства.

Кларк рассеянно разглядывает дырчатый кружок, вставленный в кожу Баллард. «Через него в нас входит океан, — вспоминает она. Давно усвоенные сведения здесь приобретают новый смысл. — Мы всасываем его в себя, обчищаем на кислород

и сплевываем обратно».

Колющее онемение распространяется, перетекает из плеча в шею и грудь. Кларк слегка встряхивает головой, чтобы прочистить мозги.

И вдруг бессильно приваливается к переборке.

«Шок! Или я теряю сознание?»

— Я хочу сказать… — Баллард резко замолкает, озабоченно глядит на Кларк. — Господи, Лени, ты ужасно выглядишь. Почему ты сказала, что все в порядке, когда совсем не все в порядке?

Иголочки добрались уже до основания черепа. Кларк усилием воли разгоняет их.

— Все… в порядке, — говорит она. — Ничего не сломано. Обычные синяки.

— Чушь! Снимай-ка «кожу».

Кларк с усилием выпрямляется. Онемение чуточку отступает.

— Ничего такого, с чем бы я сама не справилась.

«Только не трогай меня. Пожалуйста, не трогай».

Баллард молча делает шаг к ней и распечатывает герметичный шов у нее на плече. Скатывает вниз материю и открывает уродливый багровый синяк. Смотрит на Кларк, подняв бровь.

— Обычный синяк, — повторяет та. — Я сама все сделаю. Хотя спасибо, конечно. — Она отстраняется от заботливых рук Баллард.

Баллард внимательно смотрит на нее и чуть заметно улыбается.

— Лени, — говорит она, — стыдиться тут нечего.

— Это насчет чего?

— Ну, ты знаешь. Что мне пришлось тебя выручать. Что ты растерялась, когда эта тварь на тебя набросилась. Вполне объяснимо. Большинству людей нужно время, чтобы привыкнуть к новому. Я просто из удачливых, вот и все.

«Верно. Тебе всегда во всем везло, да? Знаю я таких, как ты, Баллард, вам всегда все удавалось…»

— Тебе совершенно нечего стыдиться, — заверяет ее Баллард.

— Я и не стыжусь, — отвечает Кларк искренне.

В ней вообще осталось не так уж много чувств. Только это покалывание. И напряжение. И смутное удивление, что она все еще жива.

Переборка покрыта каплями влаги.

Глубина за бортом касается ее ледяными ладонями, и Кларк, сидя внутри, смотрит, как собираются на металле и скатываются вниз бусины атмосферной влаги. Она, выпрямившись, сидит на

койке под тусклым флуоресцентным светильником. До любой стены рукой можно дотянуться не вставая. Слишком низкий потолок. Слишком тесная комната. Ей кажется, что океан стискивает станцию, зажимая ее внутри.

И ничего нельзя сделать, остается только ждать…

Обезболивающая мазь покрывает синяк теплой ласковой пленкой. Кларк умело ощупывает поврежденное плечо пальцами. Диагностер в медицинском отсеке обработал ее на совесть. В этот раз ей повезло: кости целы, кожный покров не нарушен. Она снова затягивается в свою «кожу», скрывая синяки.

Кларк ерзает на матрасе, поворачиваясь лицом к внутренней стене. Отражение смотрит на нее глазами из матового стекла. Она разглядывает отражение, восхищаясь его способностью отзываться на каждое ее движение. Тело и призрак движутся как единое целое — замаскированные тела, бесстрастные лица.

«Это я, — размышляет она. — Вот так я теперь выгляжу. — Она пытается разгадать, что скрывается за стеклянным фасадом. — Я скучаю, или злюсь, или волнуюсь? Разве угадаешь, когда глаза скрыты за матовыми линзами? — Она не видит ни следа вечно таящегося в ней напряжения. — Может, я завизжать готова от ужаса, — думает она. — Может, я там внутри бешусь как черт, но под этой „кожей“ никто не заметит».

Она склоняется вперед. Отражение подается навстречу. Они смотрят друг другу в глаза: белизна против белизны, лед против льда. На миг они почти забывают о непрестанной войне «Биб» с давлением. На миг они не ощущают охватившего их одиночества клаустрофобии.

«Сколько раз, — вспоминает Кларк, — я мечтала о таких вот мертвых глазах?»

Коридорчик у ее каюты зажат в тесноте внутренностей «Биб». Кларк едва не упирается макушкой в потолок. Всего несколько шагов — и она в кают-компании.

Баллард, переодевшаяся в безрукавку, сидит за библиотечным терминалом.

— Рахитики, — говорит она.

— Что?

— Здешним рыбам недостает микроэлементов. Они страдают от авитаминозов. Гниют заживо. Это пустяки, что они такие свирепые. Стоит им цапнуть покрепче, и они обломают о нас зубы.

Кларк тычет пальцем в кнопку пищевого процессора; машина отвечает ей коротким ворчанием.

— Я думала, в Разломе полно еды. Оттого они и вырастают

такими большими.

— Еды достаточно. Не хватает качества.

Из процессора на тарелку Кларк выползает малосъедобная на вид слизь и растекается жидкой лепешкой. Она с отвращением разглядывает свою порцию.

«Как я их понимаю!»

— Ты и есть будешь в снаряжении? — спрашивает Баллард, когда Кларк переносит тарелку к столу.

Кларк моргает:

— Да, а что?

— Да ничего. Просто, знаешь ли, приятно было бы видеть глаза собеседницы.

— Извини, я могу их снять, если тебе…

— Да нет, пустяки. Переживу. — Баллард закрывает библиотечный экран и усаживается напротив Кларк. — Ну, как тебе здесь нравится?

Кларк пожимает плечами и продолжает есть.

— Я так рада, что мы здесь всего на три месяца, — говорит Баллард. — Со временем все это наверняка достанет.

— Могло быть хуже.

— О, я и не жалуюсь. Я ведь сама искала трудностей, хотела испытать себя. А ты?

— Я?

— Что тебя сюда привело? Чего ты искала?

Кларк отвечает не сразу.

— Вообще-то, не знаю, — произносит она наконец. — Наверно, места, где меня оставят в покое.

Баллард смотрит на нее. Кларк отвечает ей непроницаемым взглядом.

— Ну, тогда я тебя оставлю, — говорит Баллард вежливо.

Кларк смотрит, как она уходит по коридору. Слушает, как закрывается за ней дверь каюты.

«Брось это, Баллард, — думает она. — Я не из тех, кого тебе приятно было бы узнать поближе».

Скоро начало утренней вахты. Пищевой процессор, как всегда, неохотно выдает Кларк завтрак. Баллард в отсеке связи как раз положила трубку. Вот она уже появляется в дверях кают-компании.

— Из управления сообщают… — Она перебивает себя: — У тебя голубые глаза!

Кларк слабо улыбается:

— Ты их и раньше видела.

— Знаю. Просто от неожиданности. Давно я не видела тебя

без линз.

Кларк садится к столу.

— Так что сообщили из управления?

— Мы выдерживаем расписание. Остальная команда спускается через три недели. На четвертую нас подключают. — Она садится напротив Кларк. — Не совсем понимаю, почему нас не подключают уже сейчас.

— Наверно, хотят убедиться, что все работает как надо.

— А все-таки шесть месяцев работы вхолостую — это слишком много. Казалось бы, они должны торопиться запустить геотермальную программу как можно скорее, особенно после того, что случилось.

«После того, как растворились в магме Лепра и Уиншир…»

— И еще одно, — добавляет Баллард. — Я не сумела связаться с «Пиккардом».

Кларк поднимает взгляд. Станция «Пиккард» стоит на якоре Галапагосского Разлома: не самая безопасная гавань.

— Ты знакома с той парой? — спрашивает Баллард. — Там Кен Любин и Лана Чанг.

Кларк качает головой.

— Когда я прибыла, они уже закончили подготовку. Я, кроме тебя, никого из разломников не знаю.

— Симпатичные люди. Я решила им позвонить, спросить, как дела на «Пиккарде», но никто не ответил.

— Неполадки на линии?

— Они говорят, скорее всего, что-то в этом роде. Ничего серьезного. Они спускают батискаф, проверят…

«Может, в океанском дне открылась пропасть и проглотила их целиком, — думает Кларк. — Или в корпусе нашлось слабое место, достаточно одной ненадежной пластины…»

В глубине конструкции «Биб» что-то скрипит. Кларк озирается по сторонам. Кажется, пока она отвлеклась, стены сдвинулись еще тесней.

— Иногда, — признается она, — я жалею, что на «Биб» поддерживают обычное давление. Лучше бы нас накачали до забортного. Чтобы снять нагрузку на корпус.

Баллард улыбается:

— Что ты! Неужели тебе охота потом просидеть три месяца в декомпрессионной камере?

Из отсека управления доносится писк: какой-то механизм требует внимания.

— Сейсмическая активность. Очень мило!

Баллард скрывается в рубке. Кларк идет за ней.

По экрану змеится желтая линия. Она похожа на ЭЭГ[56]

человека, которого мучат кошмары.

— Надевай свои глазки, Кларк, — говорит ей Баллард. — Горловина зашевелилась.

Еще от самой станции они слышат зловещее, похожее на треск разрядов шипение со стороны Горловины. Кларк плывет позади Баллард, придерживаясь одной рукой за направляющий трос. В отдаленном свечении, отмечающем цель их движения, что-то не так. Изменился цвет. Он рябит.

Они вплывают в светящийся нимб и видят, в чем дело. Горловина охвачена пламенем.

Сапфировое свечение разрядов пробегает по всем генераторам. На дальнем конце площадки, почти невидимый из-за расстояния, из темноты вырывается дымный смерч.

Его шум заполняет собой пучину. Стоит Кларк закрыть на мгновение глаза, и ей слышатся трещотки гремучих змей.

Баллард перекрикивает шипение:

— Господи, не должно здесь такого быть!

Кларк смотрит на термистор. Показания так и мелькают: температура воды сменяется за секунды от четырех до тридцати восьми и обратно. Их толкают и тянут во все стороны сразу мириады беспорядочных подводных течений.

— Откуда этот свет? — кричит напарнице Кларк.

— Не знаю! Думаю, биолюминесценция! Теплолюбивые бактерии.

Совершенно неожиданно все прекращается. Океан снова тих. Светящиеся паутинки тускло пробегают по металлу и пропадают. Смерч вдали со вздохом распадается на десяток недолговечных пыльных чертиков.

Черная сажа медленно оседает в медно-красном свете.

— Фумарола[57],— слышен во внезапной тишине голос Баллард. — Очень большая.

Они плывут к месту прорыва. В дне видна свежая рана, расселина в несколько метров длиной между двумя генераторами.

— Этого они не предусмотрели, — замечает Баллард. — Трубили, что место для рабочей площадки выбрано совершенно устойчивое.

— В Разломе не бывает ничего устойчивого, — возражает Кларк. «А если бы было, нам нечего было бы здесь делать».

Баллард, переплыв щель, рассматривает датчики генератора.

— Ну, если им верить, здесь все в порядке! — кричит она через плечо, заглянув внутрь. — Постой, дай я подключу эту цепь…

Кларк, нащупав один из цилиндрических датчиков, подвешенных к поясу, заглядывает в расселину. «Я бы вполне пролезла», — прикидывает она.

И пролезает.

— Повезло нам, — рассуждает над ней Баллард. — И второй тоже в порядке. Нет, погоди, во втором охладительная трубка забита, но это мелочи. Резервная система справится, а потом… Вылезай сейчас же!

Кларк выглядывает снизу, придерживая одной рукой установленный ею датчик. Лицо Баллард смотрит на нее, как в дымовую трубу.

— Ты с ума сошла! — кричит она. — Это же действующий гейзер!

Кларк снова заглядывает вниз, в глубину. Стены расселины изгибаются, скрывая отверстие блеском свежих каменных сколов.

— Нам, — говорит Кларк, — необходимы температурные данные изнутри устья.

— Вылезай оттуда. Если он снова рванет, тебя поджарит заживо!

«Это он может», — мысленно соглашается Кларк.

— Он же только что выплеснулся, — отзывается она. — Ему нужно время, чтобы снова собраться с силами.

Она поворачивает головку датчика; крошечный взрыватель проделывает выбоину в скале и надежно закрепляет цилиндрик.

— Вылезай, я сказала!

— Одну секунду.

Кларк включает датчик и отталкивается ногой. Как только она появляется над расселиной, Баллард хватает ее под мышки и оттаскивает подальше от гейзера.

Кларк напрягается всем телом, вырывается из ее рук.

— Нет… — «Не трогай меня!» И, опомнившись: — Все в порядке, я вылезла. Не надо тебе…

— Дальше. — Баллард отплывает вперед. — Вон туда.

Они уже на краю освещенного участка, между залитой светом Горловиной и чернотой снаружи. Только теперь Баллард оборачивается к Кларк:

— Ты что, из ума выжила? Что, трудно было смотаться на «Биб» за автоматом? Установили бы дистанционно!

Кларк не отвечает. Она видит, как что-то приближается к Баллард со спины.

— Оглянись, — говорит она.

Обернувшись, Баллард видит скользящего к ним глубоководного угря. Он извивается в воде беззвучно, как бурая струйка дыма, и конца ему не видно. Из темноты уже показалось

несколько метров змеевидного тела, но Кларк все еще не различает хвоста.

Баллард достает нож. Кларк, помедлив, повторяет ее движение.

Челюсть угря откидывается гигантским зубчатым ковшом.

Баллард, подняв нож, делает движение ему навстречу.

Кларк удерживает ее:

— Подожди минуту. Он не нападает.

До пасти угря осталось не больше десятка метров. Теперь из сумрака показывается и хвост.

— Чокнутая! — Баллард, не отрывая взгляда от чудовища, отстраняется от протянутой к ней руки.

— Может, он не голоден, — говорит Кларк.

Ей уже видны глаза: два крошечных немигающих огонька на конце рыла.

— Они всегда голодны. Ты что, проспала лекцию?

Угорь закрывает пасть и обходит их. Тело выгибается над головами огромной аркой. Потом он поворачивает голову назад и открывает пасть.

— К черту! — кричит Баллард и нападает.

Первый же удар вспарывает бок чудовища метровой раной. Угорь мгновение разглядывает Баллард, словно остолбенев от удивления. Потом мучительно содрогается.

Кларк, не двигаясь, наблюдает со стороны.

«Почему бы ей не оставить его в покое? Отчего ей всегда не терпится доказать, что она лучше всех?»

Баллард наносит второй удар — на сей раз по большому вздутию посредине тела, видимо заменяющему твари брюхо.

Она открывает выход из него, и из прорези вываливаются две большие рыбы-змеи и еще какое-то нелепое существо, неизвестное Кларк. Одна рыба-змея еще жива и очень зла. Она цапает зубами первое, что оказывается перед ней.

Баллард. Сзади.

— Лени!

Нож Баллард наносит резкие удары. Рыбина распадается на части, но челюсти ее не размыкаются. Бьющийся в агонии угорь задевает Баллард, и та кубарем летит на дно.

Кларк наконец начинает двигаться.

Угорь опять налетает на Баллард. Кларк подныривает под него и за руку оттаскивает напарницу подальше от судорожно сжимающихся колец.

Баллард безостановочно втыкает и снова вскидывает нож. От рыбы-змеи остались жалкие клочья, уцелела одна голова с жабрами, но зубы держат все так же цепко. Баллард пытается

извернуться назад, но до головы ей не дотянуться. Кларк заходит сзади и берет рыбью голову в руки. Глаза злобно и бессмысленно пялятся на нее.

— Добей ее! — визжит Баллард. — Ради бога, чего ты ждешь?

Кларк, зажмурившись, сжимает кулак. Череп лопается в руке, как пластмассовый мячик.

Тишина.

Чуть погодя она открывает глаза. Угорь исчез, удрал во тьму, чтобы там залечить раны или умереть. Но Баллард никуда не делась, и она очень сердита.

— Что с тобой такое? — возмущается она.

Кларк разжимает ладонь. Кусочки кости и студенистая плоть всплывают над ее пальцами.

— Тебе полагается прикрывать мне спину! Что за странная пассивность?

— Извини. — «Иногда это помогает».

Баллард ощупывает себе спину.

— Мне холодно. Она, кажется, прокусила мне «кожу».

Кларк заплывает ей за спину и присматривается.

— Да, пара проколов. А в остальном ты как? Ничего не сломала?

— Она прокусила «кожу», — рассуждает Баллард сама с собой, — и этот угорь мог… — Она оборачивается к Кларк, и в ее голосе, как бы он ни был искажен, явственно слышатся страх и неуверенность. — Меня же могли убить. Я могла погибнуть!

На миг Кларк чудится, что Баллард предстала перед ней неприкрытая линзами, второй кожей и самоуверенностью. И все ее слабости оказались на виду, подобные тонкой паутине трещин.

«Значит, и тебя можно достать, Баллард. Не все тебе забавы да игрушки. Теперь будешь знать. Больно, да?»

В глубине ее души загорается искорка сочувствия.

— Все в порядке, — говорит Кларк. — Понимаешь, Жаннет, это…

— Идиотка! — шипит Баллард. Она щурится на Кларк, как злобная слепая старуха. — Плавает тут как ни в чем не бывало! Это из-за тебя!

Но Кларк уже снова настороже. Миг слабости миновал, и как раз вовремя.

«Это не просто злость, — думает она. — И не минутная вспышка. Я ей не нравлюсь. Вовсе я ей не нравлюсь.

И никогда не нравилась».

Станция «Биб» парит над морским дном на причальном канате. Серая, как пушечный металл, планета со светящимся

прожекторами экватором. На южном полюсе — шлюз для подводных пловцов, на северном — причальный док для батискафов. Между ними крепления и якорные канаты, трубки и кабели, металлическая броня и Лени Кларк.

Она выполняет рядовой визуальный осмотр корпуса: стандартная еженедельная процедура. Баллард внутри, проверяет оборудование отсека связи. Это не слишком соответствует духу командной взаимопомощи, но Кларк так удобнее. В последнюю пару дней отношения между ними укладываются в границы вежливости, временами Баллард даже возвращается к своему фирменному дружелюбию, но чем больше времени они проводят вместе, тем напряженнее становится атмосфера. Кларк уверена, что рано или поздно кто-нибудь да сорвется.

К тому же здесь, в пустоте, одиночество так естественно.

Она проверяет стык кабеля, когда на свет выныривает морской черт, длиной около двух метров и очень голодный. Он, разинув пасть, бросается прямиком к прожектору на корпусе. Несколько зубов обламываются о хрустальный колпак. Морской черт корчится, задевая корпус хвостом, и уплывает, скрывается в темноте.

Кларк как зачарованная провожает его взглядом. Морской черт, отплыв в темноту, где его почти не видно, мечется взад и вперед и вдруг нападает снова.

Прожектор легко отражает атаку. Гораздо больше страдает сам агрессор. Огонек на конце «удочки» — червеобразного выроста спинного плавника — яростно вспыхивает.

Рыба снова и снова бьется о прожектор, пока наконец не опускается без сил на илистое дно.

— Лени? С тобой все в порядке?

Кларк ощущает слова как жужжание под подбородком. Она нашаривает переключатель связи.

— Я в порядке.

— Снаружи донеслись какие-то звуки, — объясняет Баллард. — Я просто хотела убедиться…

— Я в порядке, — повторяет Кларк. — Просто тут одна рыбина пыталась откусить прожектор.

— Пора бы им поумнеть, верно?

— Наверно, пора, но это вряд ли. Ладно, до скорого.

— Слушай…

Кларк выключает приемник.

Бедная глупая рыбина. Сколько тысячелетий им понадобилось, чтобы уразуметь, что свет означает пищу? И сколько должна провисеть здесь «Биб», пока они догадаются, что к электрическому свету это не относится?

«Нам бы выключить освещение. Может, тогда они оставят нас в покое».

Она отворачивается от электрического нимба «Биб». Как много здесь черноты. Так много, что больно глазам. Интересно, насколько далеко можно заплыть в эту пустоту без фонаря и сонара, чтобы оставался шанс вернуться?

Кларк гасит свой налобный фонарь. Ночь придвигается чуточку ближе, но огни «Биб» отгоняют ее. Кларк поворачивается так, чтобы оказаться лицом к лицу с темнотой. Она по-паучьи приседает на корпусе станции.

И отталкивается от него.

Темнота обнимает ее. Кларк плывет, не оглядываясь, пока не устают ноги. Она понятия не имеет, далеко ли станция.

Должно быть, в световых годах отсюда. Океан полон звезд.

Позади самое яркое сияние — рваное желтое солнце станции. В противоположной стороне угадывается Горловина, далекий рассвет над горизонтом.

А со всех сторон темноту прокалывают точки живых созвездий. Вон там — цепочка голубых жемчужин: интимное приглашение, мигающее с двухсекундным интервалом. А там что-то вспыхнуло, оставив фантомный блик на сетчатке, и скрылось в темноте, воспользовавшись мгновением ее слепоты. Рядом в течении лениво извивается поддельный червяк, невидимая леска тянется к пасти какого-то хищника.

Как же их много!

Вода вдруг вздрагивает, словно мимо метнулось какое-то крупное создание. Восторженный трепет пронизывает все тело Кларк.

«Оно меня едва не задело, — думает она. — Хотела бы я знать, кто это был?»

Разлом полон ненасытных чудовищ. Сколько бы они ни съели, эластичные животы и неутомимые челюсти требуют все новой добычи. Хищные карлики атакуют гигантов вдвое крупнее себя и, случается, побеждают. Глубина — как пустыня: здесь не приходится дожидаться, пока повезет еще больше.

Впрочем, и в пустыне встречаются оазисы, и глубоководные охотники иной раз натыкаются на них. Они обнаруживают изобильный, хотя и малопитательный разлом и обжираются, их потомки становятся все крупнее, раздуваются пузырями на хрупких скелетиках.

«У меня свет не горел, и оно меня не тронуло. Интересно…»

Она включает фонарь. Все вокруг на миг расплывается, но линзы почти мгновенно фокусируют изображение. Океан опять отгорожен черным непроницаемым занавесом. Вокруг не видно

никаких кошмаров. Куда ни направишь луч фонаря — только пустая вода.

Она выключает свет. Мгновение полной темноты, пока линзы перестраиваются. И снова вспыхивают звезды.

«Какие они красивые…» Лени Кларк отдыхает на дне океана, любуясь искрящейся над ней бездной. Она с трудом сдерживает смех при мысли, что здесь, в трех тысячах метров от ближайшего солнечного луча, темно только тогда, когда горит свет.

— Что за чертовщина с тобой творится! Ты хоть понимаешь, что тебя не было три часа? Почему ты не отвечала?

Кларк наклоняется, чтобы снять ласты.

— Наверное, потому что приемник был отключен, — признается она. — Я… Погоди, сколько, ты сказала?..

— Наверное?! Ты, видно, забыла, что нам вбивали в голову насчет техники безопасности? Приемник должен быть включен от момента выхода до возвращения!

— Ты сказала: *три часа?*

— Я даже выйти за тобой не могла! Не могла нащупать тебя сонаром! Мне только и оставалось — сидеть здесь и надеяться, что ты объявишься!

Ей-то казалось, что она всего на несколько секунд сбежала во мрак. Кларк поднимается в кают-компанию. Ей почему-то вдруг становится холодно.

— Где ты была, Лени? — упорно твердит Баллард, входя следом за ней. В ее голосе Кларк слышатся почти неуловимые жалобные нотки.

— Я… должно быть, на дне, — отвечает она. — Поэтому сонар и не мог меня нащупать. Я далеко не отходила. — «Неужели я заснула? Что я делала эти три часа?» — Я просто… побродила вокруг. Не уследила за временем. Извини.

— Этого мало. Не делай так больше.

Короткая пауза. Они слышат знакомый удар плоти о металл.

— Господи! — вскрикивает Баллард. — Я сейчас же выключаю наружное освещение!

За время, которое ей нужно, чтобы добраться до отсека управления, существо за бортом успевает еще дважды удариться о корпус. Потом доносятся два щелчка кнопок.

Баллард выходит из рубки.

— Ну вот. Теперь мы невидимы.

Удар. И еще удар.

— Кажется, не совсем, — говорит Кларк.

Баллард стоит посреди кают-компании, прислушиваясь к ритму ударов.

— На сонаре их не видно, — шепчет она. — Я иногда, когда их слышу, переключаю его на минимальную дальность. Но он смотрит сквозь них.

— Нет газовых пузырей. Поэтому нет и эха.

— Нас он отлично различает, как правило. А этих тварей — нет. Их не найти, ни на каком уровне разрешения. Они как призраки.

— Они не призраки. — Кларк машинально подсчитывает удары: восемь… девять…

Баллард поворачивается к ней.

— «Пиккард» закрыли, — говорит она, и голос у нее тонкий и неестественный.

— Что?

— Из Центра сообщили, что из-за технических неполадок. Но у меня есть приятель в штате. Я ему позвонила, пока тебя не было. Он сказал: Лана в больнице. И у меня сложилось впечатление… — Баллард качает головой, — …что Кен Любин что-то там натворил. Думаю, может, он на нее напал.

Три тяжелых удара о корпус следуют один за другим. Кларк чувствует на себе взгляд Баллард. Молчание затягивается.

— А может, и нет, — говорит Баллард. — Мы ведь проходили все эти психологические тесты. Будь у него склонность к насилию, ее бы распознали прежде, чем допускать его к спуску.

Кларк разглядывает ее и прислушивается к ударам тяжелого кулака.

— А может… может, Разлом их как-то изменил. Может, они недооценили давление, под которым мы здесь оказываемся. В некотором смысле. — Баллард выдавливает из себя слабенькую улыбку. — Понимаешь, не столько материальная опасность, сколько эмоциональная напряженность. Во всем. Выход за выходом, с тобой что-то происходит. Морская вода в груди. Часы без дыхания. Это все равно что… жить с остановившимся сердцем.

Она поднимает голову к потолку. Удары становятся слабее, реже.

— Снаружи не так уж плохо, — замечает Кларк. «По крайней мере там тебя не раздавит. Не приходится бояться, что какая-нибудь пластина не выдержит…»

— И по-моему, мы меняемся не мгновенно. Изменения проникают в нас постепенно, прокрадываются мало-помалу. И в один прекрасный день ты просыпаешься изменившейся. Ты стада другой, но не заметила, как это случилось. Как Кен Любин.

Она смотрит на Кларк и добавляет гораздо тише:

— И как ты.

— Как я. — Кларк прокручивает сказанное напарницей в голове, дожидается собственной реакции. Но не находит в себе никаких чувств, кроме безразличия. — Думаю, тебе не стоит особенно беспокоиться. У меня нет склонности к насилию.

— Знаю. Я не за себя опасаюсь, Лени. Я беспокоюсь о тебе.

Кларк молча рассматривает ее из-за своих надежных бесстрастных линз.

— Ты изменилась за то время, что мы провели здесь внизу, — говорит Баллард. — Ты отдаляешься от меня, ты подвергаешь себя ненужному риску. Я не могу понять, что именно с тобой происходит. Можно подумать, что ты ищешь смерти!

— Не ищу, — говорит Кларк и пытается сменить тему: — Лана Чанг поправится?

Баллард пристально изучает ее лицо. Намек она поняла.

— Не знаю. Не знаю никаких подробностей.

Кларк ощущает, как что-то в ней затягивается в узел.

— Интересно, — бормочет она, — что она сделала, чтобы довести его до этого?

Баллард смотрит на нее разинув рот.

— Что она сделала? Просто не верю своим ушам!

— Я только подумала…

— Знаю я, что ты подумала!

Удары снаружи прекратились. Баллард не расслабляется. Она стоит, съежившись в этой странной балахонистой одежде, которую носят сухопутные, и смотрит вверх, словно ожидая нового удара. И переводит взгляд на Кларк.

— Лени, ты ведь знаешь, я не люблю напоминать, что я здесь главная, но твое поведение опасно для нас обеих. Мне кажется, жизнь на станции серьезно повлияла на тебя. Я надеюсь, что ты еще можешь вернуться в норму, честно, надеюсь. В противном случае я бы немедленно рекомендовала тебя заменить.

Кларк смотрит в спину уходящей напарнице. «Ты лжешь, — догадывается она. — Ты до смерти перепугана, и вовсе не тем, что изменилась я.

Ты сама изменилась».

Изменения на дне океана Кларк обнаруживает спустя пять часов после события.

«Мы спим, а земля движется, — думает она, разглядывая топографичесую схему на экране, — и в следующий раз, а может быть, через раз что-нибудь сдвинется прямо под нами.

Интересно, успею я что-нибудь почувствовать?»

Она оборачивается на звук за спиной. Баллард стоит в кают-компании. Она чуть покачивается. Ее лицо выглядит как-то

неестественно из-за уродливых концентрических кругов в глазах и темных впадин вокруг. Ничем не прикрытые глаза кажутся Кларк чужеродными.

— Подвижки на дне, — сообщает Кларк. — Образовался новый выступ в двухстах метрах к западу.

— Странно. Я ничего не почувствовала.

— Это было пять часов назад. Ты спала.

Баллард резко вскидывает голову. Кларк разглядывает ее осунувшееся лицо с резкими морщинами. «А если подумать, — соображает она, — пожалуй что не спала».

— Я… я бы проснулась, — говорит Баллард. Она протискивается мимо Кларк и разглядывает экран.

— Высота два метра, длина двенадцать, — читает показания датчиков Кларк.

Баллард не откликается. Она нажимает клавиши команд; топографическая схема растворяется, сменяясь колонкой цифр.

— Я так и думала, — говорит она. — За последние сорок два часа серьезной сейсмической активности не наблюдалось.

— Сонар не врет, — возражает Кларк.

— Как и сейсмограф, — отвечает Баллард.

Короткая пауза. Для подобных случаев разработана стандартная процедура, и обеим известна, в чем она состоит.

— Надо проверить, — говорит Кларк.

Баллард кивает:

— Минутку, я только переоденусь.

Они прозвали эту штуку «каракатицей»: это реактивный цилиндр примерно полуметровой длины с прожектором спереди и с чем-то вроде дышла сзади. Кларк плывет ниже станции и выше морского дна, придерживая его одной рукой. В другой у нее зажат сонарный пистолет. Она указывает дулом в темноту: ультразвуковые импульсы обшаривают ночь, помогая ей ориентироваться.

— Туда. — Она указывает рукой.

Баллард верхом на дышле собственной «каракатицы» протискивается в шлюз. Машина быстро уносит ее вперед. Кларк, выждав немного, следует за ней. Последней движется третья «каракатица», нагруженная нейлоновым мешком с набором датчиков. Баллард несется чуть ли не на полной скорости. Налобный фонарь вместе с прожектором «каракатицы» лучами маяков пронзает толщу воды. Кларк, не включая своего освещения, догоняет напарницу на полпути к цели. Несколько метров они бок о бок плывут над илистым дном.

— Ты свет не зажгла, — говорит Баллард.

— Он нам не нужен. Сонар работает и в темноте.

— Тебе просто нравится нарушать правила!

— Здешние рыбы бросаются на все, что светится…

— Включи фонарь. Это приказ.

Кларк не отзывается. Она наблюдает за движущимися рядом с ней огнями. «Каракатица» дает ровный сильный луч. Налобный фонарь при каждом повороте головы описывает в воде неровную дугу.

— Я тебе сказала, — начинает Баллард, — включи… Господи!

Это всего на мгновение мелькает в луче ее фонаря. Баллард тут же отворачивает лицо, и видение скрывается во мраке. И возникает снова, освещенное ровным сильным светом «каракатицы».

Глубина ухмыляется им, ощерив зубы.

Края пасти уходят за пределы луча. Заостренные зубы в ладонь длиной никак не назовешь хрупкими.

Баллард, придушенно вскрикнув, ныряет в ил. Бентосная[58] слизь вскипает вокруг нее мутным облаком; она скрывается в вихре трупиков планктонной живности.

Кларк замирает и продолжает наблюдать. Она не сводит взгляда с угрожающей ухмылки. Тело у нее словно током заряжено, никогда она не ощущала себя так отчетливо. Каждый нерв горит огнем и одновременно объят холодом. Она в ужасе.

И в то же время каким-то образом полностью владеет собой. Пока покинутая «каракатица» Баллард замедляет ход и останавливается, Кларк размышляет над этим парадоксом. Прожектор замирает в каких-нибудь метрах от бесконечного ряда зубов. Кларк дивится ясности собственной мысли, между тем как третья «каракатица» с грузом датчиков, снизив скорость, останавливается рядом с первой.

Ухмылка даже не дрогнула в двойном луче. Тогда Кларк поднимает свой сонар и стреляет. «Мы на месте, — соображает она, считывая показания. — Тот самый выступ».

Она подплывает поближе. Улыбка, загадочная и завораживающая, все так же висит в пустоте. Теперь ей видны обломки кости у корней зубов, лохмотья разложившегося мяса, висящие на деснах.

Она разворачивается и отступает. Облачко над дном почти улеглось.

— Баллард, — окликает она своим синтетическим голосом.

Нет ответа.

Кларк вслепую шарит рукой в иле, пока не нащупывает что-то теплое и дрожащее.

Дно взрывается ей в лицо.

Баллард кометой взлетает из илистой подстилки, волоча за собой грязный хвост. Из мути показывается рука, сжимающая блестящий на свету предмет. Кларк видит ноле, но увернуться уже не успевает: лезвие вспарывает «кожу», и ребра обжигает огнем. Баллард замахивается второй раз. Теперь Кларк успевает перехватить руку с ножом, выворачивает и отталкивает ее от себя. Баллард кувырком отлетаёт в сторону.

— Это же я! — орет Кларк.

«Кожа» превращает ее голос в звонкую вибрацию.

Баллард упрямо поднимается: белые невидящие глаза, нож в руке.

Кларк вскидывает ладони.

— Все в порядке. Там ничего нет. Оно мертвое!

Баллард останавливается, уставившись на Кларк. Медленно поворачивается к «каракатицам», освещающим зубастую улыбку. И напрягается всем телом.

— Что-то вроде кита, — говорит Кларк. — Давно мертвый.

— А… кит! — произносит Баллард. Ее бьет дрожь.

«Тут нечего стыдиться», — почти готова сказать Кларк.

Но не говорит. Она только протягивает руку и легонько трогает Баллард за плечо. «Так ли это делается?» — сомневается она.

Баллард дергается как ужаленная.

«Наверно, не так».

— Э, Жаннет… — начинает Кларк.

Баллард машет дрожащей рукой, прерывая ее.

— Все в порядке. Я хочу… Наверно, нам теперь лучше вернуться, правда?

— Конечно, — говорит Кларк, но она этого не думает.

Она с удовольствием осталась бы здесь на весь день.

Баллард опять в библиотеке. Она оборачивается на шаги Кларк и как бы невзначай прикрывает ладонью светящуюся клавиатуру: экран гаснет прежде, чем Кларк успевает разобрать хотя бы слово.

— Это был клюворыл, — сообщает Баллард. — Очень редкое животное. И они не погружаются на такие глубины.

Кларк слушает без особого интереса.

— Должно быть, он погиб и сгнил ближе к поверхности, а потом уже затонул, — чуть повышает голос Баллард. Украдкой она посматривает на что-то в дальнем конце помещения. — Хотела бы я знать, какова вероятность подобного события?

— Что?

— Я имею в виду, чтобы в целом океане такое большое

животное свалилось с неба в нескольких сотнях метров от нас. Думаю, это маловероятно.

— Да… наверное. — Кларк тянется к клавишам и освещает экран. Половина его заполнена мягко мерцающим текстом. На второй медленно поворачивается изображение сложной молекулы.

— Что это у тебя? — спрашивает Кларк.

Баллард снова бросает опасливый взгляд в дальний конец кают-компании.

— Просто старая статья по биопсихологии. Нашлась в файлах. Я ее просматривала. Когда-то интересовалась этими вопросами.

Кларк смотрит на нее.

— Угу.

Наклонившись ближе, рассматривает изображение. Сплошная биохимия. Она не понимает ни слова, кроме подписи под схемой.

Она читает вслух:

— «Истинное счастье».

— Ага… Трициклоиды с четырьмя боковыми цепочками. — Баллард указывает на экран. — Когда ты счастлива, по-настоящему счастлива, это от них.

— Давно это обнаружили?

— Не знаю. Статья очень старая.

Кларк разглядывает вращающуюся модель. Почему-то вид молекулы тревожит ее. Плавает тут над этим глупым заголовком и внушает ей что-то, чего ей вовсе не хочется знать.

«Ты прочитана, — твердит она. — Ты — просто механизм. Химия и электрические импульсы. Все, что тебя составляет, каждая мечта, любое действие — все это сводится к какому-нибудь разряду или… как там она сказала… трициклоиду с боковыми цепочками».

— Вранье это, — бормочет она. «А то бы они умели нас починить, когда мы ломаемся».

— Прости? — переспрашивает Баллард.

— Они считают нас просто… мягкими компьютерами. С лицами.

Баллард закрывает файл.

— Так и есть, — говорит она. — А иные и лица теряют.

Кларк замечает подколку, но не обижается. Она выпрямляется и отходит к трапу.

— Ты куда собралась? Опять наружу? — интересуется Баллард.

— Моя смена еще не кончилась. Я хотела прочистить вторую трубу.

— Поздновато уже начинать, Лени, — возражает Баллард. — До конца дня ты и половины работы не сделаешь.

Она снова стреляет глазами. На сей раз Кларк замечает, куда направлен ее взгляд: к зеркальной стене.

Она не видит в ней ничего особенно интересного.

— Поработаю сверхурочно.

Кларк хватается за перила и спускает ногу на первую ступеньку.

— Лени, — начинает Баллард, и Кларк слышит дрожь в ее голосе. Она оборачивается, но напарница направляется к отсеку связи. — Понимаешь, я не смогу с тобой выйти, — говорит она. — У меня очередная телеметрия в самом разгаре.

— Ну и отлично, — говорит Кларк.

Она ощущает копящееся напряжение. «Биб» снова съеживается вокруг нее. Она спускается вниз.

— Ты уверена, что не против выйти в одиночку? Может, подождешь до завтра?

— Нет, я вовсе не против.

— Ну, тогда не забывай проверять, включена ли связь. Я не хочу тебя снова потерять…

Кларк уже в шлюзовой. Она забирается в шлюз и проходит привычный ритуал. Ей больше не кажется, что она тонет. Она рождается заново.

В темноте ее будит плач.

Несколько минут она лежит, растерявшись и не зная, как поступить. Всхлипы доносятся со всех сторон — они негромкие, но в гулко резонирующей скорлупе «Биб» кажутся вездесущими. Больше ничего не слышно, кроме стука ее собственного сердца.

Она испугана. И сама не знает, чего боится. Но ей хотелось бы, чтобы звуки пропали.

Кларк скатывается с койки и нашаривает замок переборки. Стена раздвигается, открывая полутемный коридор: слабый свет доходит из освещенной кают-компании в одной стороне. Плач слышится с другой стороны, там темно. Она идет на звук сквозь заросли труб и проводов.

Каюта Баллард. Открыта. Изумрудные датчики перемигиваются в темноте, так что видны очертания скорчившегося на койке тела.

— Баллард, — тихонько зовет Кларк. Входить ей не хочется.

Тень шевелится, кажется, смотрит на нее.

— Зачем ты скрываешь? — умоляюще говорит она.

Кларк хмурится в темноте.

— Что скрываю?

— Сама знаешь! Как… как тебе страшно!

— Страшно?

— Быть здесь, застрять на дне кошмарного черного океана…

— Не понимаю, — шепчет Кларк.

В ней снова поднимает голову клаустрофобия.

Баллард насмешливо фыркает, но смешок кажется вымученным.

— О, еще как понимаешь! Ты думаешь, это что-то вроде соревнования, думаешь, если зажмешь это в себе, останешься победительницей? Но это все неправда, Лени, оттого, что ты так все скрываешь, только хуже. Мы должны доверять друг другу, не то мы пропали.

Она чуть сдвигается на койке. Линзы на глазах теперь помогают Кларк рассмотреть кое-какие подробности: резкие складки, окаймляющие силуэт Баллард, мятую сухопутную одежду, расстегнутую до пояса. Ей приходит на ум полуразъятый труп, приподнимающийся на столе, чтобы оплакать свое увечье.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — повторяет Кларк.

— Я старалась подружиться, — бормочет Баллард, — старалась с тобой поладить, но ты такая холодная, ты даже никогда не признаешься… Я хочу сказать, не может быть, чтобы тебе нравилось здесь внизу, никому это не может понравиться, ты просто не признаешься…

— Но я не… Мне… совсем мне здесь не нравится. «Биб» как будто… хочет раздавить меня. Я только и жду все время, когда это случится.

Баллард в темноте кивает.

— Да, да, я знаю, каково это… — Кажется, признание Кларк ее немного взбодрило. — И сколько ни твердишь… — Она перебивает себя: — Тебе не нравится здесь? Внутри?

«Опять я сказала что-то не то?» — гадает Кларк.

— А снаружи разве лучше? — говорит Баллард. — Снаружи еще хуже! Грязевые оползни, фумаролы, эти рыбины так и норовят тебя съесть, не может же тебе… но… ты как будто не против!

В ее тоне проскальзывают обвинительные нотки. Кларк пожимает плечами:

— Да, не против.

Теперь Баллард медленно выговаривает каждое слово:

— Тебе даже нравится там. Так?

Кларк неохотно кивает:

— Да, пожалуй что так.

— Но там же… Разлом может убить тебя, Лени. Он может убить нас. Сотней разных способов. Разве тебя это не пугает?

— Не знаю. Я об этом почти не думаю. Наверно, в каком-то смысле пугает.

— Тогда почему ты счастлива там, в океане?! — вскрикивает Баллард. — В чем смысл?

«Не то чтобы именно „счастлива“», — думает Кларк.

Вслух она говорит только:

— Не знаю. Не так уж это и ужасно. Многие люди занимаются опасными делами. Затяжные прыжки… Альпинизм.

Но Баллард не отвечает. Она застыла, выпрямившись на койке. И вдруг протягивает руку и включает свет.

Лени Кларк моргает от неожиданности. Но яркий свет тут же меркнет — глазные линзы притемняются.

— Господи боже! — орет ей Баллард. — Ты теперь и спишь в этом сраном костюме?!

Кларк об этом как-то не думала. Так казалось проще.

— Я тут тебе душу изливаю, а на тебе эта механическая рожа.! У тебя даже не хватает порядочности показать свои чертовы глаза.

Кларк ошеломленно отступает. Баллард вскакивает с матраса и делает шаг в ее сторону.

— Подумать только, а ведь пока они не дали тебе этот костюмчик, ты вполне могла сойти за человека! Пойди поищи себе подружку в своем сраном океане!

И она захлопывает переборку прямо в лицо Кларк.

Несколько секунд Лени Кларк разглядывает герметичную перегородку. Она знает, что ее лицо спокойно. Ее лицо почти всегда спокойно. Но она стоит не двигаясь, дожидаясь, пока скорчившаяся тварь у нее внутри чуточку развернется.

— Да, — очень тихо говорит она наконец. — Думаю, я так и сделаю.

Когда она выныривает из шлюза, Баллард уже ждет ее.

— Лени, — тихо говорит она, — нам нужно поговорить.

Кларк нагибается, снимая ласты.

— Давай.

— Не здесь. У меня в каюте.

Кларк смотрит на нее.

— Пожалуйста.

Кларк лезет вверх по трапу.

— Ты не собираешься снимать… — Кларк смотрит на нее сверху, и она обрывает себя: — Ничего. Все нормально.

Они поднимаются в кают-компанию. Баллард выходит вперед. Кларк проходит за ней по коридору в каюту. Баллард запирает переборку и присаживается на койку, чтобы дать место

Кларк.

Кларк озирается в тесной комнатушке. Баллард завесила зеркальную переборку запасной простыней.

Она похлопывает по матрасу рядом с собой:

— Проходи, Лени. Садись.

Кларк неохотно садится. Неожиданная доброта Баллард приводит ее в замешательство. Она не вела себя так с тех пор…

«…С тех пор, как взяла верх».

— Может, тебе неприятно это слышать, — говорит Баллард, — но нам надо снять тебя со станции. Им вообще не следовало тебя сюда допускать.

Кларк не отвечает. Ждет.

— Помнишь тесты, которые нам давали? — продолжает Баллард. — Они измеряли устойчивость к стрессам: к замкнутому пространству, к продолжительной изоляции, к постоянной опасности и все такое.

Кларк слегка кивает:

— Итак?

— Итак, — говорит Баллард, — ты хоть раз задумывалась, что они измеряли эти качества, не зная, какого рода личность может ими обладать? Или каким образом она их приобрела?

Внутри у Кларк все замирает. Снаружи ничего не меняется.

Баллард чуточку склоняется к ней.

— Помнишь, что ты говорила? Насчет альпинистов и парашютистов, и почему люди намеренно подвергают себя опасности? Я тут все читала, Лени. С тех пор, как я тебя узнала, я много читала…

«Узнала меня?»

— Так вот, ты знаешь, что общего у всех искателей опасности? Они все утверждают, что по-настоящему живешь, только когда близок к смерти. Они не могут без опасности. Она их возбуждает.

«Вовсе ты меня не знаешь…»

— Среди них бывают ветераны войн, или люди, которых долго держали в заложниках, или они по той или иной причине долгое время провели в опасной зоне. И у многих из них возникает непреодолимое влечение…

«Никто меня не знает…»

— Они могут быть счастливыми только на краю, только все время стоя на краю… У многих это начиналось довольно рано, Лени. Еще с детства. Ручаюсь, что и ты… Ты ведь даже не переносишь, когда к тебе прикасаются…

«Уходи. Уходи».

Баллард кладет руку на плечо Кларк.

— Долго ты терпела насилие, Лени? — мягко спрашивает она. — Сколько лет?

Кларк сбрасывает ее руку и молчит. «Он не хотел ничего плохого». Она передвигается на койке, чуть отворачиваясь.

— Так и было, да? У тебя выработалась не просто терпимость к боли, Лени, ты приобрела пристрастие к ней. Так?

Кларк требуется всего одно мгновение, чтобы опомниться. Ей помогают «кожа» и непроницаемые линзы на глазах. Она хладнокровно поворачивается к Баллард. Она даже слегка улыбается.

— Нет, — говорит она, — не так.

— Там работает определенный механизм, — объясняет ей Баллард. — Я о нем читала. Знаешь, Лени, как мозг справляется со стрессом? Он выпускает в кровоток разнообразные наркотические стимуляторы: бета-эндорфины, опиаты. Если это случается достаточно часто на протяжении длительного времени, ты попадаешься на крючок. Тут ничего не поделаешь.

Кларк слышит звук, который исходит из ее горла: рваный кашляющий звук, как если бы вдалеке рвался металлический лист. Мгновение спустя она узнает в нем смешок.

— Это не я придумала, — настаивает Баллард. — Если не веришь, почитай сама. И сколько подвергавшихся насилию детей потом проводят всю жизнь, цепляясь за жестоких мужей, или занимаясь самоистязанием, или затяжными прыжками!

— И от этого счастливы, так, что ли? — с холодным презрением осведомляется Кларк. — Им нравится, когда их насилуют, или колотят, или…

— Нет, конечно, ты не счастлива, — перебивает Баллард. — Но чувство, которое ты испытываешь, вероятно, ближе всего к счастью из всего, что тебе доводилось когда-нибудь переживать. Так что ты принимаешь его за счастье, ты повсюду ищешь стрессы, как можно больше стрессов. Это — психологическая наркомания, Лени. Ты сама напрашиваешься. Ты всегда напрашиваешься сама.

«Я сама напрашиваюсь… Баллард читала, Баллард знает: жизнь — просто электрохимия. Бесполезно объяснять, каково это. Нет смысла объяснять, что есть вещи много хуже, чем побои. Хуже даже, чем когда тебя прижимает и насилует собственный отец. Бывают промежутки, когда ничего не происходит. Когда тебя оставляют в покое, и ты не знаешь, надолго ли. Ты сидишь за столом напротив него, заставляешь себя есть, пока изуродованное нутро пытается кое-как затянуться, и он треплет тебя по головке и улыбается тебе, и ты знаешь, что передышка уже слишком затянулась, что он придет к тебе этой ночью, или назавтра, или,

может быть, через день.

Ясно, я напрашивалась. Как еще я могла с этим покончить?»

— Слушай, — говорит Кларк. Голос у нее дрожит. Она глубоко вдыхает и начинает заново: — Ты совершенно не права. Совершенно. Ты нисколько не понимаешь, что происходит.

Но Баллард качает головой:

— Очень даже понимаю, Лени. Ты пристрастилась к боли, и ты выходишь отсюда и дразнишь Разлом: «Ну-ка, убей меня!», и рано или поздно он убьет, как ты не понимаешь? Вот почему тебе нельзя здесь оставаться. Вот почему нам надо отправить тебя наверх.

Кларк встает.

— Я не вернусь туда.

Она поворачивается к переборке.

Баллард тянется к ней.

— Подожди, дослушай до конца. Это еще не все.

Кларк сверху с полным безразличием смотрит на нее.

— Спасибо за заботу. Но я выхожу, когда мне вздумается.

— Если ты сейчас уйдешь, ты сама себя выдашь. Они же за нами наблюдают! Неужели ты еще не додумалась? — Баллард говорит все громче. — Слушай, они все про тебя знают! Они и искали кого-нибудь вроде тебя! Они нас испытывают, они еще не уверены, какой тип личности больше пригоден для работы здесь, на глубине, вот они и следят и ждут, кто первым сломается! Вся программа еще на стадии эксперимента, ты что, не понимаешь? Все, кого они послали вниз: ты, я, Кен Любин и Лана Чанг — всех нас хладнокровно испытывают…

— И ты завалила экзамен, — тихо бормочет Кларк. — Понимаю…

— Они нас используют. Лени, не ходи туда!

Пальцы Баллард тянутся к ней, как присоски осьминога. Кларк отталкивает их. Она отпирает замок и толкает переборку в сторону. Она слышит, как за ее спиной вскакивает Баллард.

— Ты больна! — кричит она.

Что-то бьет Кларк в затылок. Она вылетает в коридор и растягивается на полу. Одна рука застревает в переплетении трубок. Больно.

Она перекатывается на спину и, защищаясь, вскидывает руку. Но Баллард просто перешагивает через нее и бежит к кают-компании.

«Я не боюсь, — отмечает Кларк, вставая на ноги. — Она меня ударила, но я не боюсь. Странно…»

Где-то близко слышно, как бьется стекло. Баллард в кают-компании вопит:

— Эксперимент закончен! Вылезайте, сраные шпики!

Кларк проходит по коридору, шагает в дверь. Осколки зеркальной стены висят в раме, как огромные рваные сталактиты. Пол засыпан осколками.

Со стены, из-за разбитого зеркала, во все углы комнаты глядят «рыбьи глаза» объективов.

Баллард смотрит прямо в них.

— Вы меня слышите? Я больше не играю в вашу дурацкую игру! С меня хватит!

Кварцитовые линзы отвечают ей бесстрастным взглядом.

«Значит, ты была права, — думает Кларк. Она вспоминает завешенное простыней зеркало в каюте Баллард. — Ты их вычислила, ты нашла камеры в своей каюте, и, Баллард, милая моя подружка, ты ничего мне не сказала.

И давно ты знаешь?»

Баллард оборачивается и видит Кларк.

— Да, ее вы сумели одурачить, — рычит она в «рыбьи глаза». — Да ведь она же ненормальная! Не в своем уме! А мне на все ваши проверочки плевать!

Кларк направляется к ней.

— Не называй меня ненормальной, — говорит она абсолютно ровным голосом.

— А ты и есть ненормальная! — кричит Баллард. — Ты же больная! Потому ты здесь и оказалась! Им твоя болезнь на руку, им это и нужно, а ты уже так далеко зашла, что не видишь! Ты прячешь все за этой своей маской, засела там, как какая-то устрица-мазохистка, и ждешь, чтобы тебя стали мучить… и напрашиваешься!

«Раньше так и было, — соглашается Кларк, пока ее руки сжимаются в кулаки. — Странное дело… — Баллард пятится от нее; Кларк шаг за шагом наступает. — Пока я не оказалась здесь, внизу, я и не знала, что могу дать сдачи. Что могу победить. Меня научил этому Разлом, а теперь и Баллард тоже…»

— Спасибо, — шепчет Кларк и бьет Баллард кулаком в лицо.

Та опрокидывается назад, налетает на стол. Кларк спокойно делает шаг вперед. В осколке зеркала мелькает ее отражение: кажется, ее глаза под линзами чуть ли не светятся.

— О господи, — скулит Баллард. — Лени, мне очень жаль…

Кларк стоит над ней.

— А ты не жалей, — говорит она.

Она рассматривает себя как некую схему взрывного устройства с аккуратными подписями на каждой части. «Столько-то частей злости, — думает она, — столько-то ненависти. Столько-то желания на ком-нибудь отыграться».

Она смотрит на скорчившуюся на полу Баллард.

— Думаю, — говорит Кларк, — я начну с тебя.

Но лечебная процедура заканчивается прежде, чем она успевает как следует разгорячиться. Кают-компанию внезапно заполняет звук — пронзительный, повторяющийся, смутно знакомый звук. Кларк не сразу, но вспоминает, что он должен означать. И опускает занесенную ногу.

В отсеке связи звонит телефон.

Жаннет Баллард сегодня отправляется домой.

Батискаф целый час шел вниз сквозь полуночную тьму. Сейчас он виден на мониторе, как большой жирный головастик, спускающийся к причальному доку «Биб». Звонко отдается и замирает в станции звук механического совокупления. Люк над головой открывается.

В него пролезает сменщик Баллард. Он почти целиком затянут в «кожу», с лица смотрят глаза без зрачков. По перчатки сняты, и «кожа» на предплечьях отстегнута. Кларк видит тонкие шрамы на его запястье и улыбается про себя.

«Интересно, — думает она, — была у них наверху припасена вторая Баллард, на случай, если бы я не сработала?»

В скрытом от глаз конце коридора скрипит открывающаяся переборка. Баллард выходит в рубашке с короткими рукавами. Один глаз у нее заплыл, в руке чемоданчик. Она, кажется, хочет что-то сказать, но замирает при виде прибывшего. Минуту она смотрит на него. Коротко кивает. И без единого слова забирается в брюхо батискафа.

Никто не окликает их сверху. Ни приветствий, ни вдохновляющих речей. Может, экипаж получил инструкции. Может, сами догадались. Доковый люк поворачивается на петлях. Батискаф отчаливает, лязгнув на прощание.

Кларк проходит через кают-кампанию и смотрит в камеры. Потом протягивает руку за зеркальные осколки и обрывает тянущийся к ним шнур.

«Нам это уже ни к чему», — думает она и уверена, что кто-то далеко наверху соглашается с ней.

Они с новоприбывшим осматривают друг друга мертвыми белыми глазами.

— Я Любин, — наконец говорит он.

«И опять Баллард оказалась права, — понимает она. — Не будь у нас вывихнуты мозги, нас нельзя было бы здесь использовать».

Но она не в обиде. Ей не хотелось бы возвращаться.

Тед Чан
Понимание

Тед Чан (р. в 1967 г.) родился в штате Нью-Йорк, живет в Бельвью, штат Вашингтон. Он любит кино и комиксы, а также, по его собственным словам, смотрит телевизор «больше, чем следовало бы». Чан пишет учебники для пользователей компьютеров и уверяет, что это самые известные его книги. Однако научно-фантастические рассказы этого автора неизменно либо номинируются на литературные премии, либо получают их. В 2002 г. у Чана вышел сборник «История твоей жизни и другие рассказы» («Stories of Your Life and Others»).

Рассказ «Понимание», впервые опубликованный в «Asimov's», посвящен глобальным проблемам — сверхразуму и Интернету как продолжению человеческого ума. Его очевидный литературный первоисточник — произведение Дэниэла Киза «Цветы для Элджернона» («Flowers for Algernon»). Можно подумать, что Чан, прочитав текст, задался вопросом: «А что стало бы с главным героем, если бы он все умнел и умнел и этот процесс был бесконечным?» Ответ — появление сверхразумного героя. Интересно сравнить трактовку аналогичной проблемы у Грега Игана в рассказе «Причины для счастья»: оба писателя изображают далекое будущее, когда лечение неврологических заболеваний приводит к непредсказуемым последствиям.

Лед: царапает щеку, но не холодит кожу. Держаться не за что: перчатки просто скользят по гладкой поверхности. Вижу мечущихся наверху людей, но они ничего не могут сделать. Пытаюсь разбить лед кулаками, но руки движутся медленно-медленно, легкие разрываются, голова кружится, мысли туманятся, и я чувствую, что исчезаю…

Просыпаюсь с криком. Сердце стучит, как отбойный молоток. Господи. Откидываю одеяло и сажусь на край кровати.

Раньше я не мог вспомнить весь сон. Помнил только падение сквозь толщу льда; доктор говорит, мой разум подавлял остальное. Теперь я помню, и это худший кошмар из всех, что я когда-либо видел.

Натягиваю на плечи скомканное стеганое одеяло и чувствую, что дрожу. Пытаюсь успокоиться, дышать ровнее, но всхлипывания продолжают вырываться на волю. Это было так реально, что я ощущал все: ощущал, каково это — умереть.

Я пробыл в воде почти час; когда меня вытащили, я был овощем почище любого настоящего овоща. Здоров ли я? Впервые клиника испробовала свое новое лекарство на человеке с такой глубокой травмой мозга. Подействовало ли оно?

Все тот же кошмарный сон, снова и снова. После третьего раза я понял, что уже не усну. Оставшиеся до рассвета часы провел в тревоге. И это результат? Я теряю рассудок?

Завтра иду на еженедельный прием к наблюдающему меня ординатору клиники. Надеюсь, у него есть ответы на мои вопросы.

Еду в центр Бостона, полчаса — и я на приеме у доктора Хупера. Сижу на каталке в смотровой, за желтой занавеской. Из стены на уровне пояса выступает вытянутый в длину плоский экран, отрегулированный на суженное поле зрения, — с моего места он кажется пустым. Доктор стучит по клавишам — наверное, открывает файл с моими данными — и начинает меня осматривать. Пока он проверяет мои зрачки авторучкой с фонариком на конце, я рассказываю ему о кошмарах.

— А до несчастного случая у вас бывали подобные сны, Леон? — Он достает маленький молоточек и ударяет меня по локтям, коленям, лодыжкам.

— Никогда. Это побочный эффект лекарства?

— Нет, эффект не побочен. Гормональная К-терапия восстановила большинство поврежденных нейронов, и ваш мозг вынужден приспосабливаться к столь значительным переменам. Ночные кошмары, по-видимому, просто признак этого приспособления.

— Это теперь навсегда?

— Маловероятно, — отвечает он. — Как только ваш мозг вновь привыкнет к наличию всех проводящих путей, вы придете в норму. Теперь дотроньтесь указательным пальцем до кончика носа, а потом прикоснитесь им к моему пальцу.

Я делаю то, что он мне велит. После этого врач просит меня соединить поочередно пальцы с большим, быстро.

Затем мне приходится пройти по прямой, словно при проверке на трезвость. А потом он начинает меня допрашивать.

— Назовите части обычного ботинка.

— Ну, подметка, каблук, шнурки. М-м, дырочки для шнурков,

через которые они продеваются, — ушки, и еще язычок, под шнурками…

— Хорошо. Повторите числа: три, девять, один, семь, четыре…

— …шесть, два.

Этого доктор Хупер не ожидал:

— Что?

— Три, девять, один, семь, четыре, шесть, два. Вы называли их, когда осматривали меня в первый раз, я тогда еще лежал в больнице. Полагаю, эти числа слышит большинство ваших пациентов.

— Вот уж не думал, что вы их запомните; это тест на кратковременную память.

— Я не специально. Просто оказалось, что помню, и все.

— А цифры, которые я перечислил во время второго приема?

Задумываюсь на секунду.

— Четыре, ноль, восемь, один, пять, девять, два.

Он удивился:

— Большинство людей не могут удержать в памяти столько цифр, если слышали их лишь однажды. Это какой-то мнемонический фокус?

Я качаю головой:

— Нет. Я даже телефонные номера всегда записываю в память телефона, чтобы потом набирать их, нажав одну кнопку.

Он идет к пульту и колотит по клавишам.

— Попробуйте это. — Доктор зачитывает четырнадцать цифр подряд, я повторяю их. — А задом наперед сумеете?

Я перечисляю цифры в обратном порядке. Он хмурится и начинает допечатывать что-то в мою историю болезни.

Сижу перед терминалом в лаборатории психиатрического отделения; это оказалось ближайшее место, в котором можно устроить проверку умственных способностей. В одну из стен встроено небольшое зеркало, вероятно, с видеокамерой позади. На тот случай, если ведется запись, улыбаюсь и машу рукой. Я всегда так делаю перед скрытыми камерами у банкоматов.

Приходит доктор Хупер с распечаткой результатов тестирования.

— Что ж, Леон, вы справились… отлично. Вы прошли два теста и в обоих случаях попали в девяносто девятый процентиль[59].

У меня отвисает челюсть:

— Вы шутите.

— Нет, не шучу. — Кажется, он сам себе с трудом верит. —

Это число не показывает, на сколько вопросов вы ответили правильно; оно говорит, что относительно общей численности населения…

— Я знаю, о чем оно говорит, — рассеянно перебиваю я. — Когда нас проверяли в школе, я входил в семидесятый.

Девяносто девятый. Пытаюсь отыскать в себе какие-то признаки этого. Что я должен чувствовать?

Он присаживается на край стола, все еще разглядывая распечатку.

— Вы никогда не посещали колледж, не так ли?

Мое внимание возвращается к нему.

— Я ходил туда, но не дотянул до диплома. У нас с преподавателями были разные представления об образовании.

— Ясно. — Вероятно, он сделал вывод, что меня вышибли за неуспеваемость. — Что ж, очевидно, вы с тех пор сильно изменились к лучшему. Малую часть такого прироста молено объяснить естественным взрослением, но в основном это, должно быть, результат гормональной К-терапии.

— Ничего себе побочный эффект.

— Ну, я бы пока особо не радовался. Результаты тестов не предсказывают, сумеете ли вы добиться успеха в реальном мире.

Я поднимаю взгляд, но доктор Хупер уткнулся в бумаги. Происходит что-то потрясающее, а он не может сказать ничего, кроме банальностей.

— Мне бы хотелось провести еще несколько тестов. Вы можете подъехать завтра?

Я ретуширую голограмму, когда звонит телефон. Колеблюсь между аппаратом и пультом и нехотя выбираю телефон. Обычно, когда я редактирую, звонки принимает автоответчик, но надо же дать людям знать, что я снова работаю. Пока я валялся в больнице, я потерял массу заказов: один из минусов образа жизни свободного художника. Нажимаю кнопку громкой связи:

— «Греко Голографикс», Леон Греко слушает.

— Привет, Леон, это Джерри.

— Привет, Джерри. Как дела? — Продолжаю изучать изображение на экране: пара сцепленных зубчатых шестеренок. Избитая метафора совместных действий, но так желает заказчик.

— Не хочешь вечерком смотаться в кино? Мы со Сью и Тори идем на «Железные глаза».

— Сегодня? Ох, не могу. Сегодня последнее представление в Театре Хеннинга[60], моноспектакль.

Плоскости зубцов выглядят исцарапанными и маслянистыми. Выделяю курсором поверхности и правлю цифровые параметры.

— Что за штука?

— Называется «Симплектика». Монолог в стихах. — Настраиваю свет, убираю тень, падающую на соединенные зубцы. — Хочешь, пойдем вместе.

— Это что-то вроде шекспировских монологов?

Нет, это слишком: при таком освещении внешние грани чересчур яркие. Устанавливаю верхний предел интенсивности отраженного света.

— Нет, это что-то вроде потока сознания, и чередуются четыре разных стихотворных размера; только один из них ямб. Все критики называют спектакль не иначе как tour de force[61].

— Не знал, что ты такой поклонник поэзии.

Еще раз проверив все значения, я запускаю расчет интерферограммы.

— Обычно нет, но в данном случае шоу, кажется, действительно интересное. Ну так как, идем?

— Спасибо, но, думаю, мы останемся верны кино.

— Ладно, хорошо вам поразвлечься, ребята. Может, встретимся на следующей неделе.

Мы прощаемся, и я жду окончания расчета.

И вдруг я соображаю, что только что произошло. Я раньше не мог одновременно вносить правки в работу и разговаривать по телефону. Но на этот раз я без труда думал и о том, и о другом разом.

Неужели сюрпризы никогда не закончатся? Когда кошмары прошли и я немного расслабился, первое, что я заметил в себе, — это увеличение скорости чтения и восприятия. Я наконец-то сумел прочитать книги на своих полках, что вечно собирался сделать, только руки никак не доходили; кроме того, что гораздо труднее, осилил технический материал. Еще в колледже я смирился с фактом, что не в силах узнать все, что меня интересует. Открытие того, что, возможно, могу, оказалось воодушевляющим; я буквально ликовал, покупая на следующий день охапку новых книг.

А теперь я обнаруживаю, что могу сосредоточиться на двух вещах одновременно; вот уж чего никогда бы не стал себе пророчить. Ну как тут не вскочить на стол и не завопить так, словно твоя любимая бейсбольная команда только что порадовала тебя тройной игрой[62]. Примерно так я себя и чувствовал.

Главный невролог, доктор Ши, занялся моим случаем, вероятно, потому, что хочет поставить его себе в заслугу. Я едва его знаю, но ведет он себя так, словно я лечусь у него уже многие

годы.

Вызвал меня в свой кабинет побеседовать. Переплетает пальцы, ставит локти на стол.

— Как вы относитесь к росту своего интеллекта? — спрашивает.

До чего же бессмысленный вопрос.

— Я этому очень рад.

— Хорошо, — говорит доктор Ши. — До сих пор мы не обнаруживали никаких неблагоприятных эффектов гормональной К-терапии. Вы уже не нуждаетесь в лечении травмы мозга, произошедшей в результате несчастного случая. — Я киваю. — Однако мы проводим исследования, чтобы узнать больше о влиянии гормона К на интеллект. Если вы не против, мы хотели бы сделать вам еще одну инъекцию, а затем посмотреть на результаты.

Он все-таки привлек мое внимание — наконец-то сказал что-то, к чему стоит прислушаться.

— Нет, я не против.

— Вы понимаете, это будет чисто в исследовательских целях, не в терапевтических. Ваш разум может многое выиграть, но медицинской необходимости для вашего здоровья тут нет.

— Я понимаю. Полагаю, нужно где-то расписаться и дать свое согласие?

— Да. Мы также можем предложить вам некоторую компенсацию за участие в исследовании. — Он называет сумму, но я уже почти не слушаю.

— Это было бы замечательно. — Я представляю, к чему это может привести, что может означать для меня, и меня пробирает дрожь.

— Нам бы также хотелось, чтобы вы подписали соглашение о конфиденциальности. Очевидно, этот препарат — сильнейший стимулятор, но преждевременная шумиха нам ни к чему.

— Разумеется, доктор Ши. А раньше кому-нибудь делали дополнительные инъекции?

— Конечно; вы не станете подопытным кроликом. Уверяю вас, никаких пагубных побочных эффектов не наблюдалось.

— А какого рода эффекты были?

— Лучше не забивать вам голову информацией: вы можете вообразить, что испытываете именно те симптомы, которые я упомяну.

Ши чувствует себя как рыба в воде в беседах по шаблону «доктору лучше знать».

Я продолжаю настаивать:

— Но вы мне можете хотя бы сказать, насколько вырос их

интеллект?

— У каждого по-своему. Каждая личность индивидуальна. Не стоит основывать свои ожидания на том, что случилось с другими.

Я скрываю разочарование:

— Отлично, доктор.

Если Ши не хочет рассказывать о гормоне К, я все выясню самостоятельно. С домашнего компьютера вхожу в Сеть. Обращаюсь к открытой информации FDA[63] и начинаю читать их текущую базу — заявки на исследования новых препаратов, которые нужно утвердить до того, как начать испытание на людях.

Заявку на опыты с гормоном К подала «Соренсен Фармацевтикал», компания по исследованию синтетических гормонов, способствующих регенерации нейронов центральной нервной системы. Бегло просматриваю результаты опытов на собаках, переживших кислородное голодание, затем — на бабуинах: все животные полностью выздоровели. Токсичность низка, и долговременное наблюдение не выявило неблагоприятных эффектов.

Результаты исследований срезов коры головного мозга вызывают у меня интерес. У животных с повреждением мозга восстановившиеся нейроны обладали большим числом дендритов[64], чем обычные, но клетки здоровых особей, получивших препарат, не претерпели изменений. Заключение ученых: гормон К замещает лишь поврежденные нейроны, а не здоровые. Новые дендриты в мозгу травмированных животных кажутся безвредными: позитронно-эмиссионная томография не выявила нарушений в мозговом метаболизме, а поведение и результаты проверки умственных способностей подопытных не изменились.

В заявке на проведение клинических испытаний на людях исследователи «Соренсен» вкратце излагают результаты тестирования препарата сперва на здоровых субъектах, затем на нескольких типах пациентов: жертвах инсульта, людях, страдающих болезнью Альцгеймера и лицах вроде меня — превратившихся в растения. Подробностей выяснить не удалось: хотя имена пациентов и засекречены, лишь участвующие в экспериментах врачи имеют право изучать эти записи.

Исследования на животных не пролили свет на увеличение интеллекта людей. Резонно предположить, что степень воздействия гормона на разум прямо пропорциональна числу замещенных под действием гормона нейронов, которое, в свою

очередь, зависит от размера первоначального повреждения. Следовательно, пациентов, находящихся в глубокой коме, ждет самое большое улучшение. Конечно, для подтверждения теории мне понадобятся данные по динамике других больных; но это подождет.

Следующий вопрос: это конечная стадия или дополнительные дозы гормона вызовут дальнейший рост? Ответ на него я узнаю раньше, чем доктора.

Я не нервничаю; в сущности, я совершенно спокоен. Я просто лежу на животе, дышу очень медленно. Спина онемела; мне сделали местную анестезию, а потом ввели гормон К в спинномозговой канал. Внутривенная инъекция не годится — гормону не преодолеть гематоэнцефалический барьер[65]. Это первый из уколов, который я помню, хотя, говорят, до него мне сделали еще два таких же: один, когда я еще был в коме, и второй, когда пришел в сознание, но еще ничего не соображал.

Снова кошмары. Не все они жестоки, но это такие неестественные, психоделические сны, каких я никогда раньше не видел, зачастую я не узнаю в них ничего. Кручусь в постели и то и дело просыпаюсь с криком на скомканных простынях. Но на этот раз я знаю, что все пройдет.

Теперь в клинике меня изучают несколько психологов. Интересно наблюдать, как они исследуют мой интеллект. Один врач все детализирует, описывая мои навыки в следующих терминах: приобретение знаний, способность запоминать, применение выученного и перенос его в другую область. Другой рассматривает меня с точек зрения математики и логического мышления, лингвистики и пространственной визуализации.

Вспоминаю колледж, специалистов тех дней — каждый носился со своей взлелеянной теорией и искажал очевидное, подгоняя его под свои измышления. Сейчас доктора меня убеждают даже меньше, чем тогда преподаватели; им по-прежнему нечему меня научить. Ни одна из их классификаций не годится для анализа моих действий, поскольку — нет смысла отрицать это — я одинаково хорош во всем.

Я могу изучать новый класс уравнений, или грамматику иностранного языка, или работу двигателя; в любом случае все сходится, все элементы великолепно притираются друг к другу. Мне не требуется специально, сознательно запоминать правила, а потом механически применять их. Я просто постигаю, как ведет себя система в целом. Конечно, я осознаю все шаги и детали, но

это практически не требует сосредоточения, так что данный процесс можно назвать почти интуитивным.

Взломать систему компьютерной безопасности так просто, что даже скучно; я понимаю, как это может привлекать тех, кто не выносит вызова их уму, но никакой интеллектуальной эстетики тут нет. Все равно что дергать подряд все ручки дверей запертого дома, пока не обнаружишь сломанный замок. Деятельность полезная, но едва ли интересная.

Залезть в закрытую базу данных FDA легче легкого. Я поиграл с одним из терминалов клиники, запуская программу информации для посетителей, которая содержит планы больничных зданий и списки персонала. Из нее пробрался на системный уровень и написал программу-ловушку, имитирующую открытое окно регистрации. А потом просто отошел; как я и ожидал, вскоре одна из моих врачей явилась просмотреть свои файлы. Обманка отвергла ее пароль и вернула настоящий экран. Доктор попыталась войти снова, на этот раз успешно, но ее пароль остался в моем капкане.

Воспользовавшись чужим доступом, я получил допуск к базе данных пациентов FDA. В испытаниях первой фазы[66], на здоровых волонтерах, гормон себя никак не проявил. Ведущаяся сейчас вторая фаза клинических опытов представила дело совсем в другом свете. В базе нашлись еженедельные отчеты о восьмидесяти двух пациентах, каждому из которых был присвоен свой личный кодовый номер; все получали гормон К, большинство являлись жертвами инсульта или болезни Альцгеймера, мне встретились также несколько случаев комы. Последние отчеты подтвердили мое предположение: те, у кого мозг был поврежден сильнее, демонстрировали большее увеличение интеллекта. ПЭТ[67] выявила усиление мозгового метаболизма.

Почему же первоначальные опыты на животных не создали подобного прецедента? Я думаю, здесь уместна аналогия с критической массой. У животных число синапсов[68] ниже нужного; их мозг поддерживает лишь минимальный уровень абстракции и ничего не выигрывает от дополнительных связей. А люди критической массы достигли. Их мозг полностью осознает себя и, как ясно показывают эти записи, использует любой новый компонент для своего всестороннего развития.

Самые интересные данные касаются недавно начавшихся исследований на пациентах-добровольцах. Дополнительные инъекции гормона увеличивают их интеллект, но опять же в зависимости от степени первоначальной травмы. Больные с

микроинсультом не достигли даже уровня гениальности. Те, чей мозг был поврежден сильнее, ушли дальше.

Из тех же, кто находился в глубокой коме, я единственный, получивший третий укол. Я обрел куда больше синапсов, чем любой из тех, кого исследовали до меня; насколько повысится мой интеллект — вопрос пока открытый. Сердце мое неистово колотится, когда я думаю об этом.

Недели идут, и игры с докторами становятся все более нудными. Они обращаются со мной как с дефективным, проявляющим некоторые незаурядные способности: пациент, демонстрирующий признаки высокого интеллекта, все равно только пациент. Для неврологов я всего лишь источник ПЭТ-снимков и иногда — сосуд спинномозговой жидкости. Психологи имеют возможность что-то понять о процессах моего мышления из бесед со мной, но не могут избавиться от предвзятого отношения ко мне как к обычному человеку, награжденному дарами, которые он не в состоянии оценить и в которых не в силах разобраться.

Однако все как раз наоборот: именно врачи не разбираются в том, что происходит. Они убеждены, что достижения человека в реальном мире нельзя улучшить лекарствами и что мои способности существуют лишь в соответствии с липовой линейкой тестов на проверку интеллекта, так что они тратят свое время лишь на возню с ними. Но линейка эта не только воображаема — она еще и слишком коротка: мои неизменно отличные баллы не говорят им ничего, потому что у них нет основы для сравнения — я слишком далеко продвинулся по кривой нормального распределения.

Конечно, результаты тестов — всего лишь слабая тень происходящих перемен. Если бы только доктора могли увидеть, что творится в моей голове: сколько я познал того, что упускал прежде, и сколько способов применения этой информации я вижу. Я не лабораторный феномен, мой интеллект практичен, эффективен и действен. С моей почти совершенной памятью и способностью к сопоставлению я могу мгновенно вникнуть в ситуацию и выбрать наилучший для моих целей способ действий; я никогда не колеблюсь. Лишь теоретические вопросы еще бросают мне вызов.

Не важно, что именно я изучаю — я вижу систему целиком. Я вижу гештальт[69], мелодию внутри нот, везде: в математике и естественных науках, в живописи и музыке, в психологии и социологии. Когда я читаю тексты, я думаю лишь о том, как

корпели над своими трудами авторы, перебираясь от точки к точке, нащупывая связи, которых не видели. Они похожи на толпу, неспособную читать ноты, глазеющую на партитуру сонаты Баха, пытаясь объяснить, почему одна нота следует за другой.

Эти узоры великолепны, но они разжигают мой аппетит, требуя большего. Существует множество структур, которые только и дожидаются, чтобы их открыли, гештальты совершенно иного свойства. Относительно них я слеп; все мои сонаты всего лишь изолированные точки на графике. Я не представляю, какую форму могут принять эти гештальты, но со временем понимание придет. Я хочу найти и постигнуть их. Я хочу этого больше, чем хотел чего-либо в своей жизни.

Врача-консультанта зовут Клаузен, и ведет он себя не как прочие доктора. Судя по его манерам, он привык при своих пациентах носить маску вкрадчивой вежливости, но сегодня ему явно немного не по себе. Он старается поддерживать атмосферу дружелюбия, но этот Клаузен, в отличие от остальных, обходится без лишних слов.

— Тест сегодня такой, Леон: вы прочтете несколько описаний различных ситуаций, представляющих собой определенную проблему. После каждого раздела мне бы хотелось, чтобы вы рассказали, как бы вы решили эту проблему.

Киваю:

— Я уже проходил такие тесты.

— Прекрасно, прекрасно.

Он вводит команду, и экран передо мной заполняется текстом. Я читаю сценарий: проблема планирования и расстановки приоритетов. Жизненная, что необычно; в большинстве случаев тесты слишком произвольны. Я выжидаю время, прежде чем дать ответ, хотя Клаузен все равно удивлен моей скоростью.

— Очень хорошо, Леон. — Он нажимает какую-то клавишу. — Теперь попробуйте вот это.

Мы продолжаем. Когда я читаю четвертый сценарий, Клаузен напряженно старается проявлять лишь профессиональную беспристрастность. Мое решение данной проблемы интересует его особо, но он не хочет, чтобы я догадался об этом. Ситуация касается служебных отношений в яростной конкурентной борьбе за восхождение по карьерной лестнице.

Догадываюсь, кто такой этот Клаузен: правительственный психолог, возможно, военный, сотрудник отдела исследований и разработок ЦРУ. Этот тест должен оценить потенциал гормона К в разработке стратегий. Вот почему Клаузену так неуютно со

мной: он привык иметь дело с солдатами и государственными служащими, людьми, чья работа — подчиняться приказам.

Вполне вероятно, что ЦРУ захочет воспользоваться мной еще не раз; возможно, они так же поступают и с другими пациентами, в зависимости от их достижений. Впоследствии они наберут добровольцев из своих рядов, устроят им кислородное голодание и вылечат затем гормоном К. Я определенно не желаю становиться средством достижения целей ЦРУ, но уже продемонстрировал достаточно способностей, чтобы пробудить их интерес. Лучшее, что я могу сделать, это приуменьшить свое мастерство и решить задачу неверно.

Я предлагаю весьма убогий способ действий, и Клаузен разочарован. Тем не менее мы не прекращаем тестирования. Теперь я «думаю» над сценариями дольше и даю более слабые ответы. Среди безобидных вопросов разбросаны опасные и насущно важные: один о том, как компании избежать поглощения враждебной корпорацией, другой насчет мобилизации населения на борьбу со строительством угольной электростанции[70]. Проваливаю оба.

Закончив тестирование, Клаузен отпускает меня; он уже формулирует про себя рекомендации. Если бы я показал свои истинные возможности, ЦРУ завербовало бы меня немедленно. Мое неровное представление притушит их рвение, но не заставит передумать; потенциальная выгода, по их мнению, слишком велика, чтобы игнорировать гормон К.

Моя же ситуация изменилась глобально; когда ЦРУ снова решит привлечь меня в качестве подопытного, мое согласие будет совершенно не обязательным. Я должен составить план.

Проходит четыре дня, и Ши удивлен:

— Вы хотите выйти из проекта?

— Да, и сейчас же. Я возвращаюсь к работе.

— Если дело в вознаграждении, уверен, мы могли бы…

— Нет, деньги не проблема. Просто с меня достаточно тестов.

— Знаю, многочисленные тесты в конце концов начинают утомлять, но нам многое удалось узнать. И мы ценим ваше участие, Леон. Это не просто…

— Я знаю, как много вы узнаете из своих тестов. Мое решение неизменно: я не желаю продолжать.

Ши снова начинает говорить, но я перебиваю его:

— Я понимаю, что по-прежнему связан соглашением о конфиденциальности; если хотите, чтобы я подписал еще что-нибудь, пришлите бумагу. — Я встаю и иду к двери. — До свидания, доктор Ши.

Ши звонит через два дня.

— Леон, вам придется явиться на осмотр. Меня только что проинформировали: у пациентов, проходивших лечение гормоном К в другой клинике, обнаружены неблагоприятные побочные эффекты.

Он лжет; он никогда не сказал бы мне это по телефону.

— Какого рода эффекты?

— Потеря зрения. Чрезмерное разрастание зрительного нерва и его последующее разрушение.

Должно быть, ЦРУ приказало ему сказать это, узнав, что я ухожу. Как только я вернусь в клинику, Ши объявит меня умственно неполноценным, нуждающимся в принудительном лечении. А потом меня переправят в институт правительственных исследований.

Прикидываюсь встревоженным:

— Я немедленно выезжаю.

— Хорошо. — Ши явно испытывает облегчение: он был убедителен, и рыбка проглотила наживку. — Мы осмотрим вас сразу, как вы прибудете.

Я кладу трубку и возвращаюсь к компьютеру, чтобы проверить последнее обновление базы данных FDA. Никаких упоминаний о побочных эффектах на зрительных нервах или чем-то еще. Не исключаю возможности, что что-то подобное может проявиться в будущем, но я обнаружу это сам.

Пора покидать Бостон. Начинаю собираться. Банковские счета опустошу в последний момент. Продажа студийного оборудования дала бы больше наличных, но почти вся аппаратура слишком велика и не годится для транспортировки; беру только то, что компактно. Тружусь пару часов, и снова звонит телефон: Ши удивляется, куда я пропал. На этот раз даю поработать автоответчику.

— Леон, вы дома? Это доктор Ши. Мы вас давно ждем.

Он попытается дозвониться еще раз, а потом пошлет санитаров в белых халатах или, возможно, даже полицию — забрать меня.

Полвосьмого. Ши все еще в клинике, дожидается новостей обо мне. Поворачиваю ключ зажигания, машина, припаркованная напротив клиники, трогается. Теперь в любой момент Ши может обнаружить конверт, который я сунул под дверь его кабинета. Как только он его вскроет, сразу сообразит, что письмо от меня.

Привет, доктор Ши.

Полагаю, вы меня ищете.

Секундное удивление, но только секундное; самообладание тут же вернется к нему, и он поднимет по тревоге охрану, приказав им обыскать здание и проверять все отъезжающие машины. Затем он продолжит читать:

> *Можете отозвать своих костоломов-санитаров, которые караулят у моей квартиры: не хочу, чтобы они тратили зря свое бесценное время. Наверное, вы собираетесь натравить на меня полицию. Предвидя это, я взял на себя смелость запустить вирус в компьютер DMV*[71] *который подменит информацию, если кто-то запросит номер моего автомобиля. Конечно, вы можете дать им описание моей машины, но вы же даже не знаете, как она выглядит, не так ли?*
>
> *Леон*

Он позвонит в полицию и предупредит, чтобы их программисты занялись вирусом. Он, основываясь на наглом тоне записки, на ненужном риске возвращения в клинику, чтобы оставить ее, и на бессмысленном откровении о вирусе, который иначе мог бы остаться не разоблаченным, решит, что у меня мания величия.

Ши так решит — и ошибется. Все эти действия направлены на то, чтобы заставить полицию, и ЦРУ недооценивать меня — тогда я смогу надеяться на то, что они не предпримут адекватных мер предосторожности. Вылечив компьютер DMV от моего вируса, программисты оценят мое искусство программирования как хорошее, но не потрясающее, и запустят резервную программу, чтобы извлечь настоящий номер моей машины. Это действие активирует второй вирус, гораздо более утонченный. Он изменит и дублирующую систему, и действующую базу данных. Полиция удовлетворится полученным и пустится в погоню за подсадной уткой.

Моя следующая цель — достать еще одну ампулу с гормоном К. К сожалению, сделав это, я дам ЦРУ точное представление о моих настоящих способностях. Если бы я не послал записки, полиция обнаружила бы мой вирус позже, когда уже знала бы, что для его искоренения следует предпринять нетривиальные меры. В этом случае у меня, возможно, никогда не получилось бы стереть номер моей машины из их файлов.

Тем временем я остановился в гостинице и работаю на комнатном терминале с выходом в Сеть.

Я взломал закрытую базу данных FDA и достал адреса субъектов, получающих гормон К, а заодно ознакомился с внутренними переговорами FDA. Дальнейшее применение гормона К приостановлено: никаких исследований, пока клинический запрет не будет снят. ЦРУ требует, чтобы меня поймали и установили, велик ли потенциал исходящей от меня угрозы, прежде чем FDA продолжит свои опыты.

FDA просит все больницы вернуть оставшиеся ампулы с курьером. Я должен раздобыть препарат до того, как это произойдет. Ближайший пациент живет в Питсбурге; заказываю билет на ранний утренний рейс. Сверяюсь с картой Питсбурга и делаю заявку в Пенсильванскую курьерскую службу на адрес инвестиционной компании в центре города. И наконец записываюсь на несколько часов процессорного времени суперкомпьютера.

Останавливаю взятую напрокат машину за углом питсбургского небоскреба. В кармане куртки лежит маленькая плата с клавиатурой. Смотрю туда, откуда должен появиться курьер; половина прохожих носят белые респираторы, но видимость хорошая.

Вижу то, что я жду, в двух кварталах отсюда: последняя модель отечественного фургона, на боку надпись: «Пенсильванский курьер». Безопасность не на высоком уровне; FDA меня не опасается. Вылезаю из машины и иду к небоскребу. Вскоре подъезжает фургон, паркуется, из него выходит водитель. Как только он скрывается в здании, я сажусь в грузовичок.

Машина только что из клиники. Шофер сейчас поднимается на сороковой этаж, чтобы забрать пакет у клиента из инвестиционной фирмы. В течение ближайших четырех минут он точно не вернется.

К полу фургона приварен большой ящик с двойными стальными стенками и дверцей. На дверце — полированная пластина; запор открывается, когда водитель прижимает к ней ладонь. На боковой грани пластины — входной порт, используемый для программирования.

Прошлой ночью я проник в сервисную базу данных «Систем безопасности Лукаса», компании, продающей подобные замки «Пенсильванскому курьеру». Там я нашел зашифрованный файл, содержащий коды отпирания замков.

Должен признать, хотя взлом систем компьютерной безопасности по-прежнему кажется мне в целом неэстетичным, определенные стороны этого занятия косвенно связаны с очень интересными математическими проблемами. Например, чтобы

вскрыть обычно используемый способ кодирования, потребовались бы годы работы суперкомпьютера. Однако во время одного из моих вторжений в теорию чисел я обнаружил прелестную методику разложения бесконечно больших величин. С этой методикой суперкомпьютер способен взломать эту схему шифрования в считаные часы.

Вытаскиваю плату из кармана и соединяю кабелем с портом данных. Ввожу двенадцать цифр, и дверца открывается.

К тому времени, как я возвращаюсь в Бостон с ампулой, FDA отвечает на кражу удалением всех имеющих отношение к делу файлов из всех доступных по Сети компьютеров: как и ожидалось.

С ампулой и своим скарбом еду в Нью-Йорк.

Самый быстрый способ для меня раздобыть деньги, как ни странно, — игра. Скачки достаточно просты. Не привлекая лишнего внимания, я смог собрать значительную сумму и теперь существую за счет вложений на фондовой бирже.

Живу в самом дешевом мотеле, какой я только смог найти в пригороде Нью-Йорка, где есть выход в Сеть. Подобрал себе несколько фальшивых имен, под которыми делаю инвестиции, и регулярно меняю их. Некоторое время провожу на Уолл-стрит, учусь определять высокоприбыльные краткосрочные возможности по языку жестов брокеров. Но езжу туда не чаще раза в неделю: дела поважнее требуют моего внимания, гештальты манят меня.

С развитием интеллекта улучшился и мой контроль над телом. Ошибочно полагать, что в процессе эволюции люди принесли в жертву физические навыки, обменяв их на интеллект. Я не стал сильнее, но моя координация сейчас гораздо выше среднего уровня; я уже одинаково свободно владею обеими руками. Более того, моя способность концентрироваться делает обратную биологическую связь очень эффективной. Чуть-чуть потренировавшись, я научился ускорять и замедлять сердцебиение, повышать и понижать кровяное давление.

Пишу программу распознавания моих фотографий и розыска всех страниц, на которых встречается мое имя; затем группирую ее с вирусом и загружаю во все общедоступные файлы Сети. ЦРУ вставит в национальные сводки новостей мою фотографию с информацией, что это опасный безумец, сбежавший пациент, возможно убийца. Вирус заменит мое фото электростатическими помехами. Такой же вирус я запускаю в компьютеры FDA и ЦРУ в поисках копий моего портрета и любых пересылок региональной

полиции. Эти вирусы должны быть устойчивы ко всему, что предпримут правительственные программисты.

Несомненно, Ши и прочие доктора проконсультировались с психологами ЦРУ, гадая, куда я мог отправиться. Мои родители умерли, так что ЦРУ вычисляет сейчас моих друзей, опрашивает их, не входил ли я с ними в контакт, и устанавливает за ними наблюдение на тот случай, если я проявлюсь. Прискорбное вторжение в их личную жизнь, но с этой стороны мне пока ничего не грозит.

Маловероятно, что ЦРУ привьет кому-нибудь из своих агентов гормон К, чтобы определить мое местонахождение.

Как продемонстрировал я сам, суперинтеллект слишком трудно контролировать. Однако я буду следить за передвижениями других пациентов на тот случай, если правительство решит завербовать их.

Картины будней общественной жизни разворачиваются передо мной сами, я не прилагаю к этому усилий. Я иду по улице, смотрю на снующих по своим делам людей, и хотя не произносится ни слова, подтекст очевиден. Молодая пара прогуливается, обожание одного рикошетом отскакивает от терпимости другой. Мрачное предчувствие вспыхивает, мигает и становится устойчивым, когда бизнесмен, боящийся своего начальника, начинает сомневаться в принятом утром решении. А вот женщина в мантии из поддельной изысканности, соскальзывающей перед лицом реальности.

Как всегда, роль, которую играет человек в пьесе жизни, становится узнаваемой лишь с его взрослением. Мне эти люди кажутся несмышленышами на детской площадке; меня забавляет их серьезность, а воспоминания о том, что я сам когда-то занимался тем же, приводят в замешательство. Их поступки кажутся им естественными, но мне участие в этой постановке уже невыносимо; возмужав, я отбросил все детское. С миром обычных людей я буду соприкасаться лишь по необходимости, добывая средства к существованию.

Каждую неделю я овладеваю информацией, которая приобретается годами обучения, обнаруживаю все более глобальные структуры. Передо мной открывается неограниченно широкий взгляд на гобелен человеческого знания; я способен заполнять бреши в структуре там, где ученые даже не замечают недостачи, и улучшать текстуру там, где они считают ее совершенной.

Самые четкие узоры достались естественным наукам. Физика

восхищает дивным единообразием не только на фундаментальном уровне, но и во всех ее областях. Понятия вроде «оптики» или «термодинамики» всего лишь путы, мешающие физикам разглядеть бесчисленные пересечения. Даже если не обращать внимания на эстетику, способам практического применения невыявленного имя легион; инженеры еще годы назад могли бы искусственно генерировать сферически симметричные гравитационные поля.

Осознавая это, я, однако, не создаю подобное устройство, и никакое другое. Процесс потребовал бы множества сложных компонентов, которые пришлось бы изготавливать на заказ или добывать иными путями, тратя драгоценное время. Кроме того, реальное создание аппарата не принесет особого удовлетворения, поскольку я и так знаю, как он работал бы; он не высветит новых гештальтов.

Я пишу часть длинной поэмы эксперимента ради; после того как закончу первую песнь, я смогу выбрать подход к интеграции схем всех искусств. Я использую шесть современных и четыре древних языка; они включают большинство основных мировоззрений человеческой цивилизации. Каждый обеспечивает различные оттенки значений, различные поэтические эффекты; некоторые сопоставления восхитительны. Каждая строфа поэмы содержит неологизмы, рожденные впрессовыванием слов в склонения другого языка. Если бы я завершил свое произведение, получилось бы нечто вроде «Пробуждения Финнегана»[72], умноженного на «Песни» Паунда[73].

Мою работу прерывает ЦРУ; они насадили наживку на крючок. После двух месяцев бесплодных попыток агенты смирились с тем, что меня не обнаружить традиционными методами, и переключились на сильнодействующие меры. В новостях объявили, что подруге сумасшедшего убийцы предъявлено обвинение в помощи ему и соучастии в организации побега. Называют имя Конни Перрит, я встречался с ней в прошлом году. Если дело дойдет до суда, ее приговорят к длительному тюремному заключению; ЦРУ надеется, что я этого не допущу. Они ожидают, что я попытаюсь предпринять что-то, что разоблачит меня и позволит схватить.

Предварительные слушания по делу Конни завтра. ЦРУ позаботится, чтобы ее отпустили под залог, на поруки, если потребуется, — на случай, если я попытаюсь связаться с ней.

Затем пространство вокруг ее жилища нашпигуют тайными агентами, которые станут поджидать меня.

Я начинаю редактировать первое изображение. Эти цифровые фотографии значительно уступают голограммам, но сейчас сойдут и они. На сделанных вчера снимках — внешний вид дома, в котором расположена квартира Конни, улица перед ним и ближайшие перекрестки. Веду курсор через экран, ставлю маленькие крестики в определенных точках изображения. Окно в здании напротив; свет выключен, но занавески раздвинуты. Уличный торговец в двух кварталах сзади от здания.

Всего я отмечаю шесть мест. Именно там караулили агенты ЦРУ вчера вечером, когда Конни вернулась домой. Ознакомившись с видеозаписями моего пребывания в госпитале, они знают, что высматривать в потоке прохожих мужского или сомнительного пола: уверенную, мерную походку. Их ожидания сработали против них; я просто шагал шире, слегка покачивал головой вверх-вниз, сдерживал отмашки рукой. Этого и кое-какой нестандартной одежды оказалось достаточно, чтобы они не обратили на меня внимания, когда я пересекал зону наблюдения.

Внизу одной фотографии я печатаю частоту, на которой переговариваются агенты, и уравнение, описывающее задействованный ими алгоритм кодировки. Закончив, посылаю картинки директору ЦРУ. Смысл очевиден: я могу прикончить его тайных агентов в любой момент, если они не уберутся.

Чтобы заставить их снять обвинения с Конни и понадежнее отпугнуть цээрушников, придется поработать еще немного.

Снова распознавание структуры, но на этот раз вполне мирского свойства. Тысячи страниц докладов, заметок, корреспонденции; каждая — цветная точка на картине пуантилиста. Отступаю на шаг от панорамы, наблюдая, как проявляются линии и грани, создавая узор. Просмотренные мегабайты — лишь малая часть всех записей за исследуемый мной период, но и их достаточно.

То, что я нашел, весьма ординарно, куда проще сюжета шпионского романа. Директор ЦРУ был осведомлен о группе террористов, планировавшей взорвать бомбы в вашингтонском метрополитене. И позволил этому произойти, рассчитывая добиться согласия конгресса на применение чрезвычайных мер. Среди пострадавших оказался сын конгрессмена, и директору ЦРУ предоставили полную свободу действий в борьбе с терроризмом. Конечно, его планы напрямую не значились в файлах ЦРУ, но подразумевались весьма явственно. Важные документы содержат лишь косвенные ссылки, да и те дрейфуют в море безобидной информации; если бы следственная комиссия

прочла все эти записи, свидетельства просто утонули бы в пустословии. Однако если уличающие записи выкристаллизовать, они наверняка убедят прессу.

Посылаю перечень документов главе ЦРУ с припиской: «Не трогайте меня, и я не трону вас». Он поймет, что выбора у него нет.

Этот мелкий эпизод укрепил мое мнение о делах мирских; я могу обнаружить тайные интриги повсюду, если получу информацию о текущих событиях, но это неинтересно. Я возобновляю свои исследования.

Контроль над телом продолжает расти. Сейчас при желании я мог бы ходить по горячим углям или втыкать себе в руку иголки. Однако мой интерес к восточной мудрости ограничен материальной сферой физического контроля; ни один из медитативных трансов, которого я способен достичь, не привлекает меня так, как то ментальное состояние, когда я собираю гештальты из общих данных.

Я создаю новый язык. Я достиг пределов общеупотребительных языков, и теперь они мешают моим попыткам двигаться дальше. Им не хватает мощи выразить необходимые мне понятия, и даже в своей области они неточны и неуклюжи. Они едва-едва годятся для речи, не говоря уже о мысли.

Существующая лингвистическая теория бесполезна; я пересмотрю базисную логику, чтобы определить подходящие элементарные компоненты моего языка. Этот язык будет поддерживать диалект, соотносящийся со всеми областями математики, так что любое написанное мною уравнение приобретет словесный эквивалент. Однако математика станет лишь малой частью языка; в отличие от Лейбница[74], я осознаю пределы символической логики. Другие задуманные мной диалекты будут связаны с моей системой эстетики и теории познания. Проект займет время, но конечный результат несказанно прояснит мои мысли. После того как я переведу все, что мне известно, на этот язык, структуры, которые я разыскиваю, сами дадут о себе знать.

Я делаю паузу в работе. Прежде чем развертывать систему обозначения эстетических понятий, я должен составить словарь всех эмоций, какие только могу представить.

Я испытываю множество чувств, неизвестных обычным людям; я знаю, как ограничен их эмоциональный ряд. Я не

отрицаю значимости любви и страха, которые чувствовал когда-то, но вижу их такими, какие они есть: как увлечения и переживания детства, они всего лишь предшественники того, что я испытываю сейчас. Мои сегодняшние страсти гораздо многограннее; с ростом самопознания сложность всех эмоций увеличивается экспоненциально. Мне необходимо всецело описать их, если я намерен посягнуть на задуманное сочинительство.

Конечно, на самом деле я испытываю намного меньше эмоций, чем мог бы; мое развитие ограничено интеллектом окружающих и тем скудным общением с ними, которое я себе позволяю. Вспоминаю конфуцианскую концепцию жэнь: недостаточно точно описанное словом «благожелательность», это неотъемлемое человеческое качество, которое вырастает лишь на почве взаимодействия с другими и которое не проявляется у одинокой личности. Оно — лишь одно из множества подобных. А я с людьми, люди повсюду, но мне не с кем взаимодействовать. Я лишь часть того целого индивидуума, которым может стать человек с моим интеллектом.

Я не обманываюсь жалостью к себе или тщеславием: я могу в полной мере объективно и логично оценить собственное психологическое состояние. Я точно знаю, какими эмоциональными ресурсами обладаю, чего мне недостает и какое значение я придаю и тому и другому. Я ни о чем не жалею.

Мой новый язык обретает форму. Он гештальт-ориентирован, великолепно приспособлен для мышления, но непрактичен для письма или речи. Его не переведешь в цепочку слов, он словно гигантская идеограмма, которую надо воспринимать как целое. Такая идеограмма способна передать гораздо осмысленнее, чем любая картинка, то, что не под силу и тысяче слов. Сложность каждой идеограммы будет соответствовать объему содержащейся в ней информации; я развлекаю себя мыслью об исполинской идеограмме, которая опишет всю вселенную.

Печатный лист слишком груб и статичен для этого языка; в качестве носителей ему подошли бы разве что видеозаписи или голограммы, отображающие меняющиеся с течением времени графические образы. О разговорах на этом языке и речи быть не может, с учетом ограниченного диапазона частот, воспроизводимых голосовыми связками человека.

Мой разум бурлит, в голове кишат ругательства древних и современных языков, они мучат меня своей незрелостью, напоминая, что мой идеальный язык предоставил бы мне

достаточно ядовитые термины, чтобы описать мое нынешнее разочарование.

Не могу завершить создание этого искусственного языка; слишком крупный проект для моего сегодняшнего инструментария. Недели сосредоточенных трудов не принесли плодов. Я пытался записывать результаты по мере совершенствования, привлекая зачаточный язык, который уже определил, и выводя всякий раз более полную версию, но каждый новый вариант лишь еще ярче освещал собственное несовершенство, вынуждая меня расширять конечную цель, обрекая ее на положение недостижимого Святого Грааля. Это все равно что пытаться творить ex nihilo[75].

А как же моя четвертая ампула? Мысль о ней не выходит у меня из головы: каждое разочарование, которое я испытываю на нынешней стадии, напоминает мне о возможности достижения иных высот.

Конечно, это серьезный риск. Инъекция может вызвать повреждение мозга или безумие. Дьявольское искушение, возможно, но тем не менее искушение. Не нахожу причины противиться ему.

Я мог бы хоть минимально, но обезопасить тебя, отправившись на инъекцию в больницу или, если бы это не получилось, хотя бы пригласив кого-нибудь к себе. Однако я решил, что инъекция либо будет успешна, либо нанесет непоправимый ущерб, так что я отказался от предосторожностей.

Я заказываю оборудование в компании по поставке медицинского оборудования и самостоятельно собираю аппарат для спинномозговых инъекций. Могут пройти дни, прежде чем эффект станет очевиден, так что я запираюсь в спальне. Не исключаю бурной реакции на препарат, а потому выношу из комнаты все бьющееся и прикрепляю к кровати ремни. Если соседи что-то услышат, они примут это за вой наркомана.

Я ввожу себе гормон и жду.

Мой мозг в огне, мой позвоночник пылает, прожигая спину, я парализован, разбит, опален. Я слеп, я глух, я бесчувствен.

Я галлюцинирую. То, что я вижу, так сверхъестественно ясно и четко, что может быть лишь иллюзией, невыразимые словами ужасы снуют передо мной, разыгрывая сцены не физического насилия, но душевного увечья.

Ментальная агония — и оргазм. Кошмар — и истерический смех.

На миг возвращается восприятие. Я на полу, пальцы

вцепились в волосы, несколько прядей я вырвал с корнями, они валяются рядом. Одежда мокра от пота. Я прикусил язык, горло саднит: от крика, подозреваю. Судороги оставили на моем теле страшные расплывчатые синяки, я бился головой, судя по шишкам, наверняка заработал сотрясение, но ничего не чувствую. Прошли часы или секунды?

Затем зрение туманится, и рев возобновляется.

Критическая масса.

Откровение.

Я понимаю механизм собственного мышления. Я точно знаю, как я знаю, и мое осмысление возвратно. Я понимаю бесконечность попятного движения этого самопознания, не продвигаясь шаг за шагом, но постигая предел. Природа рекурсивного осмысления ясна мне. Я открыл новое значение термина «самосознание».

Fiat logos[76]. Я сознаю свой разум в терминах языка гораздо более выразительного, чем все, что я представлял себе прежде. Подобно Богу, творящему порядок из хаоса словом, я создаю себя заново этим языком. Он самоописателен и саморедактируем; он способен не только определить, он может определить и модифицировать собственные действия на всех уровнях. Гёдель[77] отдал бы все на свете за этот язык, в котором изменение формулировки вызывает полную перенастройку грамматики.

С этим языком я понимаю, как работает мой разум. Я не утверждаю, что вижу, как вспыхивают нейроны; подобные заявления принадлежат Джону Лилли[78] и его экспериментам с ЛСД в шестидесятые годы. Я только воспринимаю гештальты; я вижу, как формируются, взаимодействуя, ментальные структуры. Я вижу, как я думаю, и я вижу уравнения, описывающие мое мышление, и я вижу себя постигающим эти уравнения, и я вижу, как эти уравнения описывают то, что их постигают.

Я знаю, как они создают мои мысли.

Эти мысли.

Сперва я был ошеломлен, подавлен всей этой входящей информацией, парализован осознанием себя. Минули часы, прежде чем я сумел контролировать поток самоописывающих данных. Все равно я не могу ни фильтровать его, ни отодвинуть на задний план. Он распределился по моим мыслительным процессам, вливаясь в обычную деятельность. Не скоро еще я сумею воспользоваться его преимуществами, без усилий, с

изяществом и действенно, как танцор пользуется своим телом.

Все, что я когда-то теоретически знал о своем разуме, я теперь вижу с кристальной ясностью. Я вижу подводные течения секса, агрессии, самосохранения, претворенные в жизнь условиями моего детства, сталкивающиеся друг с другом и иногда притворяющиеся рациональными мыслями. Я определяю все причины любого моего настроения, мотивы каждого моего решения.

Что мне делать с этим знанием? Большая часть того, что обычно описывается как «индивидуальность», на моем усмотрении; высшие уровни моей психики определяют, кем я являюсь сейчас. Я могу послать мой разум во множество ментальных и эмоциональных состояний, всегда осознавая эти состояния и имея возможность вернуться к первоначальным. Теперь, когда я понимаю механизмы, подключающиеся, когда я занимаюсь двумя делами разом, я могу разделять свое сознание, одновременно посвящая практически полную сосредоточенность и гештальт распознающих способностей двум или более проблемам, осознавая их все и себя в них. Есть ли что-то, что мне не по силам?

Я заново узнаю свое тело — словно культю калеки внезапно заменили рукой часовщика. Контролировать произвольное сокращение мышц проще простого; у меня нечеловеческая координация. Навыки, для развития которых обычно требуются тысячи упражнений, я усваиваю со второго-третьего раза. Я нашел видеозапись с руками играющего пианиста и тут же повторил движения его пальцев, хотя передо мной и не было клавиш. Избирательное сокращение и расслабление мускулов увеличивают мою силу и гибкость. Время мышечной реакции — тридцать пять миллисекунд, как для сознательных, так и для рефлекторных действий. Изучение акробатики и боевых искусств потребовало бы минимум тренировок.

Я соматически осознаю функцию почек, всасывание питательных веществ, секрецию желез. Я даже осведомлен о том, какую роль в моих мыслях играют нейротрансмиттеры. Это состояние самосознания требует ментальной активности куда напряженнее, чем в любой стрессовой ситуации, на подъеме адреналина; часть моего мозга поддерживает условия, которые убили бы нормальный разум и тело в считаные минуты. Привыкая программировать свой разум, я переживаю приливы и отливы всех веществ, вызывающих мои эмоциональные реакции, подстегивающих мое внимание или лепящих мое отношение к чему-либо.

А потом я смотрю наружу.

Слепящая, радостная, страшная симметрия окружает меня. Столько всего заключено в узорах Вселенной, которая, кажется, сама сейчас сложится в картинку. Я приближаюсь к абсолютному гештальту — состоянию, в котором всякое знание занимает свое место, всякое знание светит и освещено, к мандале,[79] к музыке сфер, к космосу.

Я ищу просветления, не духовного, но рационального. Я должен продвинуться еще дальше, чтобы достичь его, но на этот раз цель не будет постоянно отодвигаться от моих протянутых пальцев. С моим мысленным языком дистанция между мной и просветлением точно рассчитывается. Я уже вижу место назначения, конец пути.

Теперь я должен спланировать дальнейшие действия. Сперва надо позаботиться о простейшем самосохранении, начав упражняться в боевых искусствах. Я посмотрю несколько турниров, чтобы изучить технику возможного нападения, хотя сам буду применять лишь оборонительные приемы: я могу передвигаться со скоростью, позволяющей избегать любого контакта даже с самым стремительным противником. Это защитит меня и разоружит любого уличного бандита, если я подвергнусь нападению. Между тем мне необходимо обильно питаться, чтобы поддерживать мозг, даже с учетом возросшей продуктивности моего метаболизма. Также придется побриться наголо, способствуя лучшему излучательному охлаждению, ведь прилив крови к голове усилился.

Затем основная задача: расшифровать структуры. Дальнейшее усовершенствование моего разума возможно лишь с помощью искусственных средств, расширяющих его технические возможности. Соединение «компьютер-мозг» позволит загружать информацию напрямую, что мне и требуется, но для осуществления этого я должен создать новую технологию. Все, что основано на цифровых вычислениях, будет недостаточным; то, что я задумал, требует наноструктур, базирующихся на нейронных сетях.

Как только я наметил основные идеи, я настроил мозг на мультипроцессорную обработку данных: один из ответвившихся участков занялся математическим отображением сетевого поведения; другой принялся исследовать процесс переноса формирования нейронных связей на молекулярном уровне на самовосстанавливающийся биокерамический носитель; третий изобретает тактику убеждения частных научно-исследовательских

организаций сделать то, что мне нужно. Я не имею права терять время: я внедрю в жизнь взрывные теоретические и технические достижения, чтобы моя новая промышленность с ходу приступила к работе.

Я выхожу во внешний мир, чтобы заново взглянуть на общество. Знаковый язык эмоций, который я знал когда-то, сменился матрицей взаимосвязанных уравнений. Между людьми, предметами, мыслями, учреждениями протянуты колеблющиеся силовые линии. Индивидуумы трагичны, как марионетки, — вроде бы самостоятельные, но связанные сетью, которую предпочитают не видеть; они могут сопротивляться, если захотят, но мало кто это делает.

Я сижу в баре. Через три стула справа от меня сидит мужчина, явно знакомый с подобными заведениями. Мужчина оглядывается и замечает пару в темной угловой кабинке. Он улыбается, подзывает бармена и наклоняется, чтобы сообщить ему что-то конфиденциально об этой паре. Мне не нужно прислушиваться, чтобы понять, что он говорит.

Он легко, экспромтом лжет бармену. Патологический обманщик, он делает это для того, чтобы как-то разнообразить свою жизнь, он лжет, наслаждаясь возможностью обманывать остальных. Ему известно безразличие бармена, известно, что тот проявляет интерес к его словам лишь из вежливости — что правда, — но ему известно и то, что бармен все равно одурачен, что тоже правда.

Моя чувствительность к языку жестов других возросла настолько, что я могу вести эти наблюдения, не глядя и не слушая: я просто чую феромоны, испускаемые его кожей. Кроме того, мои мышцы в некоторой степени ощущают напряжение его мускулов, возможно, посредством электромагнитного поля. Эти каналы не передают точной информации, но полученные впечатления создают достаточную основу для экстраполяции; они дополняют структуру сети.

Обычные люди могут воспринимать эти излучения подсознательно. Я работаю над тем, чтобы лучше настроиться на них; тогда, возможно, я смогу сознательно контролировать исходящий поток своих эмоций.

Я развил способности, напоминающие схемы управления чужим сознанием, рекламируемые в бульварной прессе. Мой контроль над соматическими эманациями теперь позволяет мне провоцировать определенные реакции остальных. С помощью феромонов и напряжения мышц я могу заставить кого-то

разгневаться или испугаться, ощутить симпатию или сексуальное возбуждение. Достаточно, чтобы приобрести друзей и влияние.

Я могу даже пробудить в людях самоподдерживающуюся реакцию. Связывая определенный отклик с чувством удовлетворения, я создаю позитивную обогащающую петлю, вроде обратной биологической связи; тело человека само усиливает свою реакцию. Применю это к президентам корпораций, чтобы создать поддержку тем отраслям промышленности, которые мне необходимы.

Я больше не вижу снов в обычном смысле. У меня нет ничего, что можно было бы назвать подсознанием, и я контролирую все поддерживающие функции, выполняемые моим мозгом, так что нормальный «быстрый сон» просто отпал за ненадобностью. Бывают моменты, когда я теряю контроль над сознанием, но их нельзя назвать снами. Метагаллюцинациями, возможно. Чистая пытка. В такие периоды я разрознен: я понимаю, как мой мозг генерирует странные видения, но я парализован и не могу ответить. Я едва могу определить, что я вижу; образы столь причудливо и безгранично изменчиво ссылаются на самих себя, что даже я нахожу их бессмысленными.

Мой разум истощает ресурсы мозга. Биологическая структура такого размера и сложности с трудом поддерживает самоосознающую психику. Но самоосознающая психика также саморегулируется, до известной степени. Я даю моему разуму полностью использовать то, что доступно, и сдерживаю его, не выпуская за заданные мной границы. Но это трудно: я стиснут со всех сторон бамбуковой клеткой, не позволяющей мне ни сесть, ни встать. Если я попытаюсь расслабиться или попробую выпрямиться во весь рост, последуют агония и безумие.

У меня галлюцинации. Я вижу, как мой разум представляет возможные структуры, которые он способен постичь, и затем разрушается. Я свидетель собственных иллюзий, я вижу, какую форму может принять мое сознание, когда я достигну предельного гештальта.

Добьюсь ли я абсолютного самопознания? Способен ли я открыть составные элементы, формирующие мои собственные ментальные гештальты? Проникну ли я в наследственную память? Отыщу ли врожденное понимание нравственности? Я мог бы узнать, способен ли разум спонтанно возникнуть из материи, я мог бы понять, что связывает сознание с остальной Вселенной. Я увидел бы, как слиты субъект и объект: начало отсчета.

Или, возможно, я обнаружил бы, что гештальт разума нельзя

создать, что тут требуется какое-то вмешательство. Возможно, я увидел бы душу, ингредиент сознания, превосходящий телесное. Доказательство существования Бога? Я узрел бы суть, истинный смысл существования.

Я обрел бы просветление. Какая это, должно быть, эйфория — испытать его…

Мой разум возвращается к здравомыслию. Я должен крепче держать себя в руках. Когда я контролирую мета-программирующийся уровень, мое сознание отлично самовосстанавливается; я способен возвратить себя из состояния, схожего с бредом или амнезией. Но если я заплыву слишком далеко в сферу метапрограммирования, мой разум может стать нестабильной структурой, и тогда я скользну далеко за грань обычного безумия. Я установлю пределы, за которые мой разум не сможет выходить при перепрограммировании.

Эти галлюцинации укрепляют мое решение создать искусственный мозг. Только с ним я действительно сумею воспринять те гештальты, а не просто грезить о них. Чтобы обрести просветление, я должен достичь следующей критической массы — в понятиях нейронных аналогов.

Я открываю глаза: два часа двадцать восемь минут десять секунд прошло с тех пор, как я закрыл их для отдыха, хотя и не для сна. Я встаю с кровати.

Подхожу к терминалу и запрашиваю информацию о курсе моих акций. Я смотрю на плоский монитор и цепенею.

Экран вопиет ко мне. Он кричит, что есть еще один человек с усовершенствованным разумом.

Акции пяти инвестируемых мною предприятий падают в цене. Убытки не фатальные, но достаточно большие, чтобы я смог узнать о них из жестикуляции брокеров. Читаю алфавитный ряд, первые буквы названий корпораций, чьи акции падают: К, Е, Г, О и Р. Если их переставить, получится ГРЕКО.

Кто-то посылает мне сообщение.

Где-то есть кто-то еще, такой же, как я. Должно быть, еще один пациент-коматозник, получивший третью инъекцию гормона К. Он стер свой файл из базы данных FDA до того, как я получил к нему доступ, а для своих врачей организовал ложный входной канал, чтобы они ничего не заметили. Он тоже похитил дополнительную ампулу гормона, что также поспособствовало закрытию файлов FDA, и, скрывшись от властей, достиг моего уровня.

Он, наверное, узнал меня благодаря фальшивым инвестиционным схемам моих подложных личностей; он, должно

быть, уже достиг сверхкритического состояния, раз ему это удалось. Продвинутая личность, он мог вызвать внезапные и точные изменения, чтобы причинить мне ущерб и привлечь мое внимание.

Я проверяю различные данные по котировкам акций; все записи о моих поступлениях верны, так что мой противник не просто скорректировал величину моего счета. Он изменил структуру продаж акций пяти не связанных между собой корпораций ради одного лишь слова. Чистая демонстрация; и я оценил ее.

Вероятно, его начали лечить раньше меня, а это значит, что он продвинулся дальше, чем я, но насколько? Я начинаю экстраполировать его возможный прогресс; закончив расчет, я включу в себя новую информацию.

Основной вопрос: друг он или враг? Что это, добродушная демонстрация его силы или показатель того, что он собирается уничтожить меня? Мои убытки умеренны; это свидетельство заботы обо мне или о корпорациях, которыми он манипулирует? Учитывая все безобидные способы, которыми он мог привлечь мое внимание, я вынужден предположить, что он в некоторой степени недоброжелателен.

В таком случае я в опасности, я уязвим для всего, начиная от его новой проделки и кончая смертельной атакой. Необходимо принять меры предосторожности, я должен немедленно уехать. Очевидно, будь он активно враждебен, я был бы уже мертв. То, что он послал сообщение, означает, что он хочет поиграть. Мне нужно поставить себя в равные с ним условия: скрыть свое местонахождение, установить его личность и затем попытаться связаться с ним.

Выбираю город наугад: Мемфис. Я выключаю экран, одеваюсь, пакую дорожную сумку и собираю все имеющиеся в моей квартире наличные, которые приберегал на черный день.

В мемфисской гостинице я начинаю работать на сетевом терминале в номере. Первое, что я делаю, — перенаправляю мои активы через несколько подставных пунктов; обычная полиция сочтет, что запросы сделаны с различных терминалов, разбросанных по всему штату Юта. Военная разведка могла бы отследить их до Хьюстона; до Мемфиса не доберется никто, я и сам бы с трудом справился. Программа оповещения на хьюстонском терминале предупредит меня, если кто-то обнаружит там мой след.

Сколько наводок на свою личность стер мой близнец? В отсутствии файлов FDA займусь данными курьерских служб

разных городов, разыскивая доставки из FDA в клиники за весь период исследования гормона К. Затем проверю все случаи поражения мозга за это время и получу отправную точку розысков.

Но даже если что-то из этой информации сохранилось, она не слишком важна. Ключевой момент — изучение инвестиционных схем, поиск следов продвинутого разума. Это займет время.

Его зовут Рейнольдс. Он из Феникса, и его прогресс на ранних стадиях шел параллельно моему. Третью инъекцию он получил шесть месяцев и четыре дня назад, опередив меня на пятнадцать дней. Он не стер ничего из доступных записей. Он ждет, чтобы я нашел его. Я прикинул, что он уже двенадцать дней как достиг сверхкритической массы, значит, он пребывает в этом состоянии вдвое дольше, чем я.

Теперь мне понятна его система инвестиций, но локализовать Рейнольдса — поистине задача для Геракла. Я изучаю журналы операций по всей Сети, пытаясь определить его учетные записи. На моем терминале открыто двенадцать командных строк. Я использую две клавиатуры и микрофон, так что веду одновременно сразу три линии поиска. Мое тело почти неподвижно; для предотвращения усталости я обеспечиваю себе правильный ток крови, регулярную работу мышц и ликвидацию молочной кислоты. Я впитываю всю увиденную информацию, изучаю мелодию, скрытую внутри нот, ищу эпицентр сотрясений Сети.

Идут часы. Мы оба прогоняем гигабайты данных, кружа друг возле друга.

Он в Филадельфии. Он ждет моего прибытия.

Еду в забрызганном дорожной грязью такси к дому Рейнольдса.

Судя но базам данных и организациям, к которым обращался с запросами Рейнольдс за последние месяцы, к области его частных исследований относились биопроизводство микроорганизмов для уничтожения токсичных отходов, ядерный синтез с инерционным удержанием и распространение информации среди различных слоев общества на подсознательном уровне. Он планирует спасти мир, защитить его от него самого. И поэтому его мнение обо мне нелицеприятно.

Я не выказываю интереса к внешнему миру и не веду исследований, направленных на помощь обычным людям. Ни одному из нас не под силу переделать другого. Я смотрю на мир

как на побочное обстоятельство, случайный фактор в моих целях, а он не может позволить существу с продвинутым интеллектом действовать лишь в собственных интересах. Мой замысел системы «компьютер-мозг» повлечет за собой гигантские последствия для мира, провоцируя реакцию правительства и населения, которая пойдет вразрез с его планами. А, как говорится, если я не с ним — я против него.

Если бы мы были членами общества «продвинутых» интеллектов, природа людского взаимодействия приобрела бы совсем иной порядок. Но в существующем обществе мы неизбежно становимся джаггернаутами[80], безжалостной силой, которая не станет принимать во внимание несущественные действия толпы. Даже если бы нас разделяло двенадцать тысяч миль, мы не могли бы игнорировать друг друга. Решение необходимо.

Мы обошлись без нескольких раундов. Тысячами способов мы могли попытаться убить друг друга — от распыления нейротоксичного диметилсульфоксида на дверную ручку до приказа военному спутнику нанести точечный удар по противнику. Мы оба могли бы заблаговременно отыскать несметное число возможностей в физическом и сетевом пространстве каждого из нас и расставить друг другу ловушки. Но ни один из нас не сделал ничего подобного. Простая бесконечная регрессия домысливания выявила бы все угрозы. Решающими станут те приготовления, которые мы не в силах предугадать.

Такси останавливается; я расплачиваюсь с водителем и вхожу в дом. Электронный замок на двери открывается для меня. Я снимаю пальто и поднимаюсь на четыре пролета.

Дверь в квартиру Рейнольдса не заперта. Иду по коридору в гостиную, слышу гиперускоренную, полифонию цифрового синтезатора. Очевидно, Рейнольдс сам его сделал; звуки модулированы так, что нормальное ухо их не воспринимает, и даже я не нахожу в них системы. Эксперимент с музыкой высокой информационной плотности, наверное.

В комнате стоит большое кресло на колесиках, повернутое ко мне спинкой. Рейнольдса не видно, и свои соматические эманации он ограничил коматозным уровнем. Я неявно сообщаю о своем присутствии и о том, что узнал его.

<Рейнольдс>

Подтверждение. Узнавание.

<Греко>

Кресло разворачивается плавно, медленно. Он улыбается мне и выключает стоящий рядом синтезатор.

Удовольствие.

<Рад встрече.>

Общаясь, мы обмениваемся фрагментами соматического языка нормалов: сокращенной версией разговорной речи. На каждую фразу тратится десятая доля секунды. Я, с тенью сожаления:

Жаль, что это встреча врагов.

Печальное согласие, затем предположение:

<Действительно. Представь, как бы мы могли изменить мир, действуя совместно. Два усовершенствованных разума; какая возможность упускается.>

Точно, объединение усилий привело бы к достижениям, опережающим все, чего мы могли бы добиться поодиночке. Любое взаимодействие стало бы невероятно продуктивным: какое удовлетворение принесла бы простая беседа с кем-то, равным мне в скорости, кто может предложить идею, новую для меня, кто слышит те же мелодии, что и я. Он жаждет того же. Нам обоим больно думать, что один из нас не выйдет из этой комнаты живым.

Предложение:

<Хочешь, поделимся тем, что мы узнали за последние шесть месяцев?>

Он знает, каков мой ответ.

Мы говорим вслух, поскольку в соматическом языке отсутствует техническая терминология. Рейнольдс произносит, быстро и тихо, пять слов. Они содержат больше смысла, чем любая стихотворная строфа: каждое слово создает логическую зацепку, точку опоры, за которую я хватаюсь после того, как извлекаю все, подразумевавшееся в предыдущем слове. Сказанные вместе, они представляют собой революционное понимание социологии. С помощью соматического языка Рейнольдс сообщает, что это он постиг в первую очередь. Я пришел к тому же, но сформулировал по-другому. Я немедленно возражаю семью словами: четыре суммируют принципиальные различия наших открытий, три описывают неочевидные последствия этих различий. Он отвечает.

Мы продолжаем. Мы, как два барда, подаем реплики друг другу, рождая в импровизации следующую строку, совместно творя эпическую поэму знания. В считаные секунды мы разгоняемся, убеждая друг друга в своей правоте, но слыша каждый нюанс, впитывая информацию, приходя к заключениям, реагируя — беспрестанно, одновременно, согласованно.

Минуты идут. Я многое узнаю от него, а он от меня. Какое пьянящее ощущение, как это здорово — вдруг окунуться в идеи,

для полного раскрытия смысла которых мне потребуются дни. Но мы накапливаем и стратегическую информацию: я оцениваю объем его невысказанного знания, сравниваю его с моим и прикидываю его соответствующие выводы.

При этом мы оба осознаем, чем все это кончится; наш взаимный обмен формулировками ясно высвечивает идеологические расхождения.

Рейнольдс не видит красоты, которой любуюсь я; он стоит перед восхитительными картинами, не замечая их. Единственный гештальт, вдохновивший его, — тот, от которого я отмахнулся: планетарное сообщество, биосфера. Я влюблен в прекрасное, а он — в род людской. Каждый чувствует, что другой потерял великие возможности.

Он лелеет план, о котором не обмолвился, — план создания глобальной сети влияния ради процветания мира. Чтобы осуществить это, он наймет людей, дав некоторым простой улучшенный интеллект, частичное самоосознание; они не будут представлять для него угрозу.

<Зачем так рисковать ради нормалов?>

<Твое равнодушие к обычным людям было бы оправданно, если бы ты достиг просветления; твой мир не пересекался бы с их миром. Но пока ты и я еще способны постигать их дела, мы не вправе игнорировать их.>

Я могу точно измерить дистанцию между нашими моральными принципами, я вижу напряжение между их несовместимыми лучами. Им движет не просто сострадание или альтруизм, но нечто, объединяющее оба эти понятия. Я же сосредоточен исключительно на постижении совершенства.

<А как же красота, видимая из просветления? Разве она не привлекает тебя?>

<Ты знаешь, какая структура требуется, чтобы поддерживать сознание в состоянии просветления. Нет причин дожидаться появления необходимых отраслей промышленности.>

Он считает интеллект средством, в то время как я вижу в нем самоцель. Больший интеллект ему ни к чему. На его нынешнем уровне он способен отыскать наилучшее решение любой проблемы в сфере человеческого опыта и за его пределами. Все, что ему требуется, — это достаточно времени, чтобы воплотить в жизнь свое решение.

Дальнейшая дискуссия ни к чему. По обоюдному согласию мы начинаем.

Бессмысленно говорить об элементе внезапности, когда мы атакуем; наша боеготовность не станет еще выше от предупреждения. И дело не в вежливости — мы соглашаемся

начать бой, реализовывая неизбежное.

В моделях друг друга, сконструированных нами по нашим столкновениям, имеются пробелы, бреши: внутреннее психологическое развитие и открытия, сделанные каждым. Эти участки не излучали сигналов, и никакие нити не связывали их с мировой паутиной — до сих пор.

Я начинаю.

Я сосредоточиваюсь на запуске в нем двух усиливающих циклов. Один очень прост: он стремительно повышает кровяное давление. Если его не сдержать, уже через секунду созданная мной замкнутая система доведет давление до уровня инсульта — возможно, до трехсот на двести — и взорвет капилляры мозга.

Рейнольдс реагирует мгновенно. Хотя из нашего разговора ясно, что он никогда не исследовал применение обратных биологических связей на других, он понимает, что происходит. И тут же он уменьшает частоту сердцебиения и расширяет все сосуды тела.

Но есть и другая, более хитрая петля, моя настоящая атака. Это оружие я изобрел, как только начал поиски Рейнольдса. Данный цикл заставляет его нейроны производить огромное количество противоположных нейрогрансмиттеров, мешающих друг другу передавать нервные импульсы в синапсах, пресекая таким образом мозговую активность. Эта петля гораздо мощнее первой.

Пока Рейнольдс парирует первую атаку, он испытывает легкое ослабление концентрации, замаскированное ростом давления. Секундой позже его тело само начинает усиливать эффект замкнутой цепи. Рейнольдс потрясен ощущением помутнения мыслей. Он ищет механизм: скоро он определит его, но тщательно исследовать его у него не получится.

Как только функции его мозга снизятся до общего уровня, я с легкостью смогу манипулировать его сознанием. Техника гипноза вынудит его извергнуть большую часть информации, которой обладает его продвинутый разум.

Я изучаю его эмоции, выдающие упадок его интеллекта. Возвращение на более раннюю стадию очевидно.

И вдруг все прекращается.

Рейнольдс в равновесии. Я ошеломлен. Он сумел разорвать усиливающую петлю. Он остановил мое самое изощренное — и самое оскорбительное — нападение.

Следующим шагом он исправляет нанесенный ему ущерб. Даже с ослабленными возможностями он способен скорректировать баланс трансмиттеров. Несколько секунд, и Рейнольдс полностью оправился.

Я тоже прозрачен для него. Во время нашей беседы он установил, что я изучал усиливающие циклы, и, пока мы общались, извлек из моего сознания общее представление о них так, что я даже не почувствовал. Затем, наблюдая за моей атакой в действии, он выяснил, как обратить ее эффект. Я восхищен его проницательностью, его скоростью, его хитростью.

Он признает мое мастерство.

<Очень интересная техника; и подходящая, учитывая твой эгоцентризм. Я ничего не замечал, пока…>

Внезапно он выдает совсем другую соматическую характеристику, я узнаю ее. Он пользовался ею три дня назад, подойдя ко мне сзади в бакалейной лавке. Там было полно народу; рядом со мной стояла старуха, со свистом дышащая через фильтр, и обколотый тощий подросток в жидкокристаллической футболке с колеблющимися психоделическими разводами. Рейнольдс скользнул мне за спину, концентрируя сознание на стенде с порножурналам. Наблюдение не дало ему информации о моих усиливающих петлях, но снабдило его более подробной картиной моего разума.

Эту возможность я предвидел. Я перекраиваю свою психику, внедряя в нее случайные элементы для непредсказуемости. Уравнения моего сознания теперь мало походят на те, что описывали мой прежний разум, подрывая любые допущения, которые мог сделать Рейнольдс, и сводя на нет любое его оружие, рассчитанное на конкретную личность.

Я воспроизвожу подобие улыбки.

Рейнольдс улыбается мне в ответ.

<Задумывался ли ты когда-нибудь…> — И вдруг он проецирует лишь тишину. Сейчас он заговорит, но я не могу угадать, что он скажет. И тут он шепчет: — <…о командах саморазрушения, Греко?>

Он говорит это, и пробелы его модели в моем сознании сейчас же заполняются и переполняются, выводы окрашивают все, что я знал о нем. Он имеет в виду Слово: выражение, которое, будучи произнесенным, уничтожит разум того, кто его услышит. Рейнольдс утверждает, что этот миф — правда, что в каждом сознании скрыт такой спусковой крючок; что любого человека одно слово может превратить в идиота, безумца, ка-татоника. И он говорит, что знает это слово. Мое Слово.

Я мгновенно отключаю сенсорный вход, перенаправляя поток сигналов в изолированный буфер кратковременной памяти. Затем создаю симулятор собственного сознания, чтобы получать информацию и поглощать ее со сниженной скоростью. Как

метапрограммист, я могу отслеживать уравнения имитации не напрямую. Только после того, как безопасность сенсорных данных подтвердится, я получу их по-настоящему. Если модель разрушится, мой разум останется обособлен, и я восстановлю все шаги, ведущие к краху, и извлеку из них ориентиры, в соответствии с которыми перепрограммирую свою психику.

Я все устроил к тому моменту, как Рейнольдс закончил произносить мое имя; следующей его фразой вполне может стать команда на ликвидацию. Теперь я получаю входную сенсорную информацию со стадвадцатимиллисекундной задержкой. Я перепроверяю свои исследования человеческого сознания, ищу свидетельство, которое подтвердило бы его утверждение.

А тем временем я отвечаю ему легко, небрежно:

<Валяй, наноси свой лучший удар.>

<Не беспокойся; он не вертится на кончике моего языка.>

Поиск что-то дает. Я ругаю себя: обнаруживается неприметная задняя дверь в строении психики, на которую я не обратил внимания за неимением нужного склада ума. Если мои приемы можно воссоздать самоанализом, его оружие способен породить лишь оператор.

Рейнольдс знает, что я выстроил защиту; или его спусковая команда способна обойти ее? Я продолжаю устанавливать природу приказа и его последствия.

<Чего ты ждешь?>

Он уверен, что дополнительное время не поможет мне установить эффективную защиту.

<Догадайся>

Он уверен, что дополнительное время не поможет мне установить эффективную защиту.

Какая самоуверенность. Неужели он действительно так легко может играть со мной?

Я добираюсь до теоретического описания эффекта спусковой команды для нормалов. Существует общая команда, способная превратить субкритическое сознание в tabula rasa[81], но для продвинутого разума требуется неопределенная степень индивидуального приспособления. Уничтожение имеет характерные симптомы, о которых меня предупредит мой симулятор, но эти симптомы поддаются исчислению. По определению команда ликвидации есть специфическое уравнение, выходящее за пределы моего представления; развалится ли мой метапрограммист, диагностируя состояние модели?

<Ты опробовал команду ликвидации на нормалах?>

Я начинаю вычислять, что требуется для генерации настроек

команды.

<Однажды, в качестве эксперимента, на наркодилере. Потом уничтожил улики ударом в висок.>

Становится очевидным, что генерация такой команды — задача колоссальная. Создание курка требует глубоко личного знания о разуме; я экстраполирую то, что он может знать обо мне. Его сведения кажутся недостаточными с учетом моего перепрограммирования, но он может владеть техниками наблюдения, неизвестными мне. Я остро осознаю его преимущество, полученное в результате изучения внешнего мира.

<Тебе придется делать это много раз.>

Его сожаление бесспорно. Его план не осуществить без смертей: обычных людей — по стратегической необходимости, и тех его усовершенствованных помощников, чье стремление к новым высотам станет для него помехой. Воспользовавшись командой, Рейнольдс может перепрограммировать их — или меня — в ученых идиотов со строго сфокусированными целями и ограниченной возможностью самоперепрограммирования. Такие смерти — вынужденная цена его замысла.

<Я не претендую на роль святого.>

Конечно, он просто спаситель.

Нормалы, возможно, назвали бы его тираном, потому что ошибочно приняли бы его за своего, а они никогда не доверяют мнению кого-то из их числа. Им не понять, что Рейнольдсу задача по силам. Его суждение об их делах оптимально, и их понятия о жадности и честолюбии не применимы к усовершенствованному разуму.

Театральным жестом Рейнольдс вскидывает руку, вытянув указательный палец, словно подчеркивая важность момента. Мне не хватает информации, чтобы сгенерировать команду уничтожения для него, так что я сосредоточиваюсь на обороне. Если я выживу, возможно, я получу время для своей атаки.

С поднятым пальцем он произносит:

— Понимай.

Сперва я не *понимаю.* А потом, к своему ужасу, *понимаю.*

Он не сотворил команду, которую можно выразить словом; это вовсе не сенсорный курок. Это курок памяти: приказ составлен из вереницы восприятий, безобидных по отдельности, которые он подложил в мой мозг, как часовые бомбы. Ментальные структуры, сформировавшиеся в результате этих воспоминаний, теперь складываются в узор, формируя гештальт, определяющий мой распад. Я сам постиг свое Слово.

Мой разум начинает работать так быстро, как никогда прежде. Вопреки моей воле летальное осознание предлагает себя

мне. Я пытаюсь остановить ассоциации, но эти воспоминания не сдержать. Процесс идет неумолимо, он — результат моей осведомленности, и как человек, падающий с высоты, я вынужден смотреть.

Летят миллисекунды. Моя смерть происходит у меня на глазах.

Бакалея, проходящий мимо Рейнольдс. Психоделическая футболка мальчишки. Рейнольдс внедрил в меня эту картину, уверенный, что моя «случайным образом» перепрограммированная психика останется восприимчивой. Даже потом.

Нет времени. Все, что я могу делать, это беспорядочно перенастраивать себя в яростном темпе. Акт отчаяния, быть может, калечащий меня.

Странные модулированные звуки, которые я услышал, едва появившись в квартире Рейнольдса. Я впитал фатальное понимание, не догадавшись даже поставить защиту.

Я разрываю свою психику в клочья, но вывод становится все яснее, развязка все острее.

Я сам, конструирующий симулятор. Создание этих оборонительных структур дало мне перспективу, необходимую для узнавания гештальта.

Я проиграл его изобретательности. Хорошее предзнаменование для его стремлений. Прагматизм спасителю куда полезнее, чем эстетизм.

Интересно, что он намерен делать после того, как спасет мир?

Я постигаю Слово и способ его действия, и я исчезаю

Вернор Виндж
Горячая пора в Файрмонт-колледже

Вернор Виндж (р. в 1944 г.) — мастер твердой научной фантастики, в последние годы ставший одним из известнейших авторов этого жанра. Математик по образованию, Виндж начал писать еще в 1960–70-е гг., но долгое время оставался неизвестным. Он является, пожалуй, единственным из представителей твердой фантастики, кто на протяжении многих лет следил за развитием компьютерных технологий и действительно разбирается в теме. В отличие от Уильяма Гибсона, создавшего настолько убедительный образ, что он был внедрен в реальный компьютерный мир, Виндж по-настоящему компетентен в данной области и в своих произведениях умудряется делать очень точные технические прогнозы.

Последние пятнадцать лет оказались особенно плодотворными для писателя. В этот период вышли сборники «Ложная тревога» («The Collected Stories of Vernor Vinge», 2001) и «Истинные имена» («True Names», 2001), а также его лучшие романы: «Затерянные в реальном времени» («Marooned in Realtime», 1986), «Пламя над бездной» («A Fire Upon the Deep», 1992), «Глубина в небе» («A Deepness in the Sky», 1999), причем два последних были удостоены премии «Хьюго». В настоящее время Виндж полностью посвятил себя литературе.

«Горячая пора в Файрмонт-колледже» — рассказ о компьютерах и системе образования в ближайшем будущем, где господствует здоровая конкуренция. Герои-подростки знают, что требуется для выживания в подобной опасной обстановке, знают, что зачастую побеждает мошенник и плут, но если тебя уличили в обмане — ты пропал. Это на самом деле страшный рассказ, особенно для некоторых родителей.

Хуан держал маленькие голубые таблеточки в невидимом углу спальни. Они и вправду были малюсенькие, изготовленные на заказ в лаборатории, которая не зарубалась на инертных наполнителях и красивой обертке. И Хуан был в общем-то уверен, что таблеточки голубые, хотя из принципа старался не смотреть

на них, даже когда не находился в сети.

Всего одна таблеточка в неделю — и он в полном порядке.

На экзаменационной неделе в Файрмонте всякий раз воцарялся хаос. Ребята считали, что девиз колледжа «Гнать во весь дух, чтобы не отстать» относится в первую очередь к ним. В этом семестре они уже скинули один экзамен: математика у мисс Уилсон прошла без сучка без задоринки. Но уже к полудню учителя закрутили гайки: директор Алькальд назначил собрание в реале на время, отведенное ученикам на подготовку.

В скрипучий деревянный актовый зал восьмой класс набился почти в полном составе. Когда-то здесь был манеж. Хуану казалось, что лошадьми пахнет до сих пор. Через узкие окошки виднелись окружающие кампус холмы. Солнечные лучи пробивались в вентиляционные отверстия и световые люки. Зал выглядел фантастическим и без наводок.

Директор Алькальд, мрачный и напряженный как всегда, торжественно прошествовал на свое место. Жестом предложил собравшимся согласовать проекции. Освещение зала стало рассеянным, и резкие тени исчезли на глазах.

— А Алькальд отменит «голый» экзамен? — Берти Джаб выдал свою обычную ехидную ухмылочку. — Я слыхал, кое у кого из предков есть серьезные возражения.

— Ты все равно выиграешь, — отозвался Хуан. — Сам знаешь, у мистера Алькальда прямо страсть к «голому».

— Угу, еще бы! — Призрак Берти развалился на стуле рядом с Хуаном.

Директор Алькальд затянул длиннющую речь о быстро меняющемся мире и о том, что Файрмонт должен каждый семестр производить революционный переворот в методике. И при этом ни на минуту не забывать о главной цели современного образования: научить детей учиться, задавать вопросы, приспосабливаться к изменениям, но не терять моральных ориентиров.

Старая песня. Слушая краем уха, Хуан рассматривал окружающих. Собрание в реале, то есть все, кроме Берти Джаба, действительно присутствуют. Берти был заочником из Чикаго — таких здесь немного. Его предкам пришлось раскошелиться, чтобы сыночка записали виртуально, но репутация Файрмонта того стоила. Свежие тринадцатилетние физиономии выглядели по большей части натурально. Косметика и эксперименты с одеждой не укладывались в представления мистера Алькальда о согласованной проекции. Хотя за соблюдением подобных правил трудновато проследить. Хуан расширил обзор, ввел допуск на

отклонения и искажения. Понятно, их было не слишком много, не то Алькальд уже давно разорался бы, но все же в воздухе плавали и призраки, и граффити. Кто потрусливее, запускал свои на долю секунды или делал почти до невидимости прозрачными. Но нашлись и другие. Двухголовое привидение провисело за спиной у директора добрых три секунды. Алькальд наверняка все видел, но по своему обыкновению, пока ученики не показывали, что замечают непочтительные шутки, он их тоже не замечал.

Ну, с предисловиями покончено, Алькальд перешел к делу.

— Сегодня утром вы сдавали экзамен по математике. Почти все уже знают свои оценки. Мисс Уилсон сказала мне, что довольна вашими работами; результаты не слишком повлияют на расписание этой недели. Завтра утром у вас профильный экзамен.

Да уж, знаем… Приготовьтесь учить страшную нудятину, и притом учить ее очень, очень быстро. Все это ненавидели, но для Хуана — спасибо голубеньким таблеточкам — профильный был плевым делом.

— Вскоре вам предстоят два совмещенных экзамена. На них отведена оставшаяся часть недели. Позже я оглашу собранию подробные правила. Пока о главном: первый экзамен будет без ограничений, вы сможете пользоваться любыми доступными легальными источниками.

— Вот это да! — прозвучал в ухе Хуана голос Берти. По всему залу общим вздохом прошелестел шепоток, выражавший те же эмоции.

Лицо Алькальда исказила редкая для него улыбка.

— Это означает, что мы ожидаем от вас не просто хороших, а выдающихся результатов.

Чтобы сдать этот экзамен, команда должна была внести плату за обучение в тройном размере за каждого участника. Так что, хотя здесь и разрешалось пользоваться чем угодно, мало кто из учеников сумеет наскрести деньги на допуск.

— Совмещенные экзамены заменяют обычные испытания по визуальной коммуникации, владению языками и навыкам самостоятельных действий. Некоторые из ваших родителей просили расширить область, однако преподаватели считают, что в тринадцать лет полезнее сосредоточиться на том, чтобы делать пусть немногое, зато хорошо. Еще успеете забить голову. Параллельно будет проходить экзамен… Мисс Вашингтон?

Петси Вашингтон поднялась с места, и Хуан сообразил, что она, как и Берти, присутствует только визуально. А ведь Пэтси живет в Сан-Диего! С чего бы местной школьнице являться на собрание в реале по виртуалу? Хм-м…

— Видите ли, — начала Пэтси, — прежде чем вы продолжите

рассказывать об этих совмещенных экзаменах, я хотела бы узнать о «голом» экзамене.

Берти ухмыльнулся:

— Это интересно…

Алькальд невозмутимо поправил:

— Испытание самостоятельности, мисс Вашингтон. Ничего «голого» в нем нет.

— Возможно и так, мистер, — Пэтси перешла на английский, и из ее речи исчезли насмешливые нотки, делавшие девочку королевой в своем окружении. Облик и голос остались прежними, но выбор слов и манера держаться стали совсем не ее. Хуан проверил трафик наружной сети. Подключений было немало, но большей частью, как и следовало ожидать, обычные «запрос-ответ», на десяток секунд, редко больше. И две постоянные связи: одна — Берги, вторая — Пэтси Вашингтон, или по крайней мере помечена ее личным сертификатом. Использование чужой личности в Файрмонте было строго запрещено, но что может сделать школа, если этим занимаются родители? А с папашей Пэтси Хуан встречался. Пожалуй, Алькальду даже повезло, что не пришлось беседовать с ним лично. Призрак Пэтси неуклюже оперся на спинку стоящего впереди стула.

— В сущности, — продолжала она, — это хуже, чем нагота. Всю свою жизнь они, то есть мы, были окружены плодами цивилизации. Мы чертовски хорошо научились пользоваться этими плодами. А теперь ваши теоретики-интеллектуалы вздумали все отобрать, подвергая нас риску…

— Мы никого не подвергаем риску… мисс Вашингтон. Алькальд продолжал говорить по-испански. По правде сказать, никто никогда не слышал, чтобы директор пользовался каким-нибудь другим языком. Старый чудак! — Преподаватели Файрмонта считают, что навыки самостоятельного существования обеспечивают ученикам необходимую страховку. Мы не эмиши[82], однако полагаем, что каждый человек должен уметь выживать в естественной среде, без доступа к сети, даже без компьютеров.

— Вы еще научите нас вытесывать каменные топоры! — воскликнула Пэтси.

Алькальд словно не заметил, что его перебили.

— Наши выпускники должны уметь справляться с самыми сложными, даже экстремальными ситуациями. Если они не справляются, мы не можем считать, что дали им достойное образование! — Директор выдержал паузу, окинув зал горящим взором. — Но колледж — не школа выживания. Мы не выбросим вас в джунгли. Испытание самостоятельности будет проводиться в

выбранной нами безопасной местности: возможно, в поселке эмишей или в отсталых пригородных кварталах. Как бы то ни было, обстановка ничем вам не угрожает. Вы не поверите, сколько нового вы откроете для себя в этой старомодной простоте.

Пэтси, скрестив руки на груди, бросила на Алькальда гневный взгляд.

— Все это чушь, но допустим. Остается еще один вопрос. В проспектах ваша школа хвастается современным уровнем образования, и эти совмещенные экзамены призваны продемонстрировать достижения выпускников. Но как вы можете называть экзамен совмещенным, если часть времени учащиеся будут лишены всех достижений техники! А?

Алькальд, постукивая пальцами по кафедре, пристально рассматривал Пэтси. Хуану почудилась, что между ними идет весьма напряженная дискуссия. Папаша Пэтси — если это, конечно, был он — заметно вышел за рамки дозволенного. Наконец директор покачал головой.

— Вы неправильно понимаете слово «совмещенный». Это не означает, что все члены команды постоянно работают вместе. Имеется в виду просто, что экзамен, требующий применения разнообразных навыков, проходит наряду с другими видами деятельности, как того обычно требует настоящая работа в современном мире. — Он пожал плечами. — Так или иначе, вы вольны отказаться от выпускного экзамена и перейти в другое учебное заведение.

Призрак Пэтси коротко кивнул и поспешно сел на место. Вид у девочки был очень смущенный. Должно быть, папаша возвратил ей контроль над собой, сперва использовав ее облик, чтобы выставить дочь дурочкой. Круто!

У Берти был довольно кислый вид, хотя Хуан сомневался, что парень сочувствует Пэтси.

Помолчав немного, мистер Алькальд продолжил:

— Сейчас, пожалуй, уместно затронуть вопрос о пирсинге и химических препаратах. — Он окинул присутствующих долгим взглядом. Хуану почудилось, что этот взгляд задержался на нем чуть дольше, чем на других. *Caray*[83], он что-то знает про таблеточки! — Как вам известно, все виды пирсинга в Файрмонте запрещены. Став взрослыми, вы сможете решать этот вопрос сами, но пока вы учитесь здесь, никакой пирсинг, даже в ушах и бровях, недопустим. Пирсинг внутренних органов влечет немедленное исключение. Как бы вас ни пугало испытание самостоятельности, не пытайтесь одурачить нас с помощью имплантов и наркотиков.

Вопросов никто не задавал, но Хуан заметил, как пылинки в воздухе вспыхивают в лучах коммуникационных лазеров. Шел

приглушенный обмен мнениями и картинками. Алькальд предпочел его не заметить.

— Позвольте мне рассказать о второй части совмещенного экзамена, и я вас отпущу. Мы называем этот экзамен «локальным» проектом. Вы вправе использовать возможности своих компьютеров и далее локальную сеть. Однако члены вашей команды должны лично взаимодействовать друг с другом. Дистанционное участие не допускается. Как и поддержка извне, то есть контакты по глобальной сети.

— Черт, — протянул совершенно подавленный Берти. — Самое надуманное, бесполезное, идиотское…

— Значит, нам нельзя быть вместе, Берти!

— Это мы еще посмотрим. — Берти вскочил на ноги и высоко поднял руку.

— Да, мистер Джаб?

— Сэр… — На публике Берти всегда говорил мягко и вежливо. — Как вы знаете, я обучаюсь заочно. У меня здесь много друзей, людей, которых я хорошо знаю. Но, само собой, раз я живу в Чикаго, никого из них я не встречал в реальности. Как же мне быть? Я совершенно не хочу отказываться от такого важного экзамена только потому, что лично не присутствую в Сан-Диего. Я готов согласиться на ограничение связи и даже в таких условиях постараюсь проявить себя с лучшей стороны.

Алькальд кивнул.

— Этого не понадобится, мистер Джаб. Мы приняли во внимание ваше невыгодное положение и договорились о сотрудничестве с Академией Андерсен в Сент-Чарльз. Они…

Академия Андерсен в Сент-Чарльз? А, это в Иллинойсе, от Берти на машине совсем близко. В Андерсене командные проекты введены давным-давно… чуть ли не с доисторических времен, с двадцатого века. В принципе, они далеко обогнали Файрмонт, только это скорее академия, чем колледж. Студентам лет по семнадцать-восемнадцать… Бедняга Берти!

Хуан подхватил нить речи Алькальда.

— Они с радостью примут вас… — Проблеск улыбки. — Полагаю, им весьма интересно узнать, на что способны наши лучшие ученики.

Берти натянуто улыбнулся и опустился на стул рядом с Хуаном. Он молчал, даже Хуану ничего не сказал.

В оставшееся время речь шла главным образом об изменениях в программе экзаменов, вызванных необходимостью соответствовать самому современному состоянию технологий. Для этого совершенно не обязательно было устраивать общее собрание, просто у Алькальда был пунктик насчет личного

присутствия. Хуан сохранил все объявления и поправки и задумался над главным несчастьем недели. Берти Джаб уже второй семестр был его лучшим другом, весельчаком и затейником, незаменимым товарищем по команде. Но случалось, он вдруг впадал в холодную ярость, причем обычно из-за чего-то, что от Хуана не зависело. Вот как сейчас. Когда начиналось «великое оледенение», Берти мог не разговаривать с Хуаном целыми днями.

Толпа восьмиклассников вырвалась с собрания около четырех часов, обычно занятия заканчивались гораздо раньше.

Школьники слонялись по лужайке перед актовым залом. Семестр подходит к концу, солнышко пригревает. Всего через несколько дней наступит лето и новый игровой сезон. Вот только, *сагау,* сперва надо покончить с экзаменами, и об этом все помнили. Так что, сплетничая, перешучиваясь и дурачась, ребята в то же время просматривали изменения в программе экзаменов и строили планы.

Хуан плелся сквозь толпу за призраком Берти Джаба. На линии Берти — Хуан стояла ледяная тишина, хотя с ребятами, которые помогали ему вдесятеро меньше, чем Хуан Орозко, Джаб был само очарование. Он направо и налево разбрасывал намеки о своих замыслах относительно «неограниченного» экзамена. Часть разговоров Хуан слышал — другие ребята не перекрывали ему доступ. И почти всем льстило внимание Берти. Бертрам Джаб по праву считался лучшим в Файрмонте по части проектов без ограничения контактов. Если верить Берти, у него были связи на самых верхах, в мозговом штабе Intel'a и даже, кажется, в китайской компании, занимающейся программным обеспечением. У Джаба для каждого находилась пара слов, и его намеки сулили много больше, чем хорошая оценка за экзамен.

Кое-кто приставал с расспросами к Хуану. Ребята считали, что уж он-то в курсе планов Берти. Хуан слабо улыбался, пытаясь изобразить тайную осведомленность.

Берти остановился на краю лужайки перед подъездной дорожкой, где проходила граница с территорией младшей школы. Восьмиклассники старательно избегали площадку малышей: нечего водиться с пятиклашками!

По дороге мчались машины, двух — и одноколесные велосипеды, увозящие учеников. Повсюду слышались смех, болтовня и обсуждение планов.

На некоторое время Берти с Хуаном остались наедине. Вернее, Хуан оказался совсем один. На мгновение ему пришло в голову: а не отключить ли согласование проекций, позволяющее

ему так отчетливо видеть Берти? *Сагау,* почему бы нет? Вот. Солнце светит все так же ярко, и весна никуда не делась. Берти рядом нет, зато полно других ребят, особенно на велостоянке. Конечно, теперь сказочные башни Файрмонта превратились в деревянные бараки старого манежа и пластобетонные здания новой школы. Все бурое и серое на фоне зеленеющих холмов.

Но Хуан забыл отключить звук, и услышал из пустоты голос Берти, который наконец-то вспомнил о его существовании.

— Ну, ты решил, с кем будешь в команде? В локальном проекте?

От неожиданности Хуан поспешил включить полное изображение. Берти стоял к нему лицом и добродушно улыбался. Эта улыбка могла бы одурачить любого, кто знал его чуточку хуже.

— Слушай, Берти, мне правда жаль, что нельзя работать с тобой в локальном проекте. Алькальд просто сволочь, что спихнул тебя к андерсеновским. Но ведь… — Его неожиданно осенило. — Ты мог бы прилететь сюда на экзамен! Поживешь у меня! Тогда локальный нам — раз плюнуть!

Большое огорчение вдруг посулило великое счастье. Если только удастся уговорить маму…

Но Берти отверг его идею небрежным взмахом руки.

— А, не беспокойся. Как-нибудь полажу и с андерсеновскими ребятами. А пока что, спорим, я смогу помочь тебе с локальным? — хитровато добавил он. — Ты знаешь, что я получил у Уилсон по математике?

— Угу. Пятерку. Ты молодчина. Решил все десять заданий.

Десять задач покруче, чем у старика Патнэма[84]. Причем мисс Уилсон не разрешала помогать друг другу и пользоваться источниками за пределами класса. Хуан расколол четыре задания и натянул на «3+». Голубые таблеточки мало помогали в чистой математике, но даже удивительно, как пригодились рассказы мисс Уилсон об эвристике и обработке данных. Задачи, которые поставили бы в тупик самых способных студентов двадцатого века, оказались, в общем, по зубам заурядному мальчишке вроде Хуана Орозко после, разумеется, соответствующего тренинга и с хорошим программным обеспечением. Все десять заданий осилили только двое в Файрмонте.

Улыбочка Берти становилась все шире, теряя естественность и превращаясь в мультяшный оскал. Хуан прекрасно знал, что в решении абстрактных задач Берти не силен.

Зато он отличался умением получать правильные ответы от нужных людей.

— О! Так ты прорвал изоляцию?

Для Берги, который и так находился за пределами класса, это было не так уж сложно.

— Я этого не говорил, мальчик мой. Но если бы я так сделал и не попался, разве это не доказало бы, что все «навыки самостоятельной деятельности» — просто академическая чушь?

— Н-наверно, — запнулся Хуан. У Берти имелись своеобразные представления о том, что хорошо, а что плохо. — Но все равно было бы здорово, если бы ты смог приехать к нам в Сан-Диего!

Улыбка Берти тускнела: в любую минуту могло начаться «великое оледенение».

Хуан пожал плечами и заговорил так, будто вовсе ничего и не предлагал:

— Ладно, но я ведь в твоей команде на «неограниченном»?

— Посмотрим. У нас впереди не меньше двенадцати часов, чтобы определиться с составом. Думаю, тебе сейчас важнее собрать хорошую команду для локального.

Хуан мог бы это предвидеть. Берти был мистером Quid Pro Quo[85], просто иной раз не сразу удавалось вычислить, что у него на уме.

— Ну и с кем, по-твоему, мне следует объединяться? Хорошо бы, с кем поглупее, чтоб не догадался о голубеньких таблеточках. — Рэкхемы, например, ничего, и мы прекрасно дополняем друг друга.

Берти сделал умный вид.

— Дон с Брэдом нормальные ребята, но ты же знаешь требования. Оценка по локальному зависит еще и от того, насколько хорошо ты сумел при личном контакте сработаться с совершенно непохожим человеком. — Берти уставился куда-то через лужайку.

Хуан проследил за его взглядом. За актовым залом затеяли игру в футбол: играли старшеклассники, которым до экзаменов оставалось еще две недели. Ребята помладше сбивались в кучки, видимо, обсуждали предстоящий локальный. Никого из близких знакомых Хуан среди них не увидел.

— Смотри на главный вход, — подсказал Берти. — Я думаю, тебе надо мыслить шире. По-моему, ты должен пригласить в команду Мириам Гу.

О, сагау!

— Гу? Мисс Безупречная Задавака?

— Да брось! Смотри, она тебя уже заметила.

— Но ведь… — И правда, Гу с подружками смотрели в их сторону.

— Слушай, Хуан. Вот я, с кем только не общался — от

инженеров Intel'a до фанатов Пратчетта. Если я сумел, так и ты…

— В виртуале — другое дело. Не могу я работать лицом к лицу с…

Берти подтолкнул его вперед.

— Считай это испытанием. Пройдешь — возьму в свою команду «на неограниченный». Мири Гу недостает твоей… скажем, скорости подключений, — Он многозначительно покосился на Хуана. — Но я за ней наблюдал. Математику у мисс Уилсон она сдала на «отлично» и, по-моему, не жульничала. И в языках она ас. Ну да, задавака, тут ты прав. Ее даже подружки недолюбливают. Но к тебе у нее нет неприязни, Хуан. Ты ведь не какой-нибудь сорванец. Ты у нас «хорошо социализированный учащийся с ориентацией на карьеру». Как раз такой, какие ей должны нравиться. Смотри, она идет к нам.

И то верно, хотя Гу с компанией двигалась еще медленнее Хуана.

— Идет, и тоже через силу. Что же это творится?

— Ага! Видишь многоликую дурочку у нее за спиной? Это она подначила Мири с тобой заговорить.

Хуан наугад спросил:

— А ее подбил на это ты, да?

— Ясное дело. Но Аннет, так ее зовут, не знает, что я — это я. Мы с ней много общаемся, только она считает меня старушкой из Армонка… Аннет любит посплетничать о ребятах и отлично столковалась с моей «маленькой старушкой». — Берти изобразил высокий дрожащий старческий голос: — О, этот Орозко такой милый мальчуган. Мне думается, твоей подружке Мириам он придется по душе.

— Круто, Берти!

Они шли навстречу друг другу, шаг за шагом переставляя непослушные ноги, и остановились на расстоянии вытянутой руки. Хуан на минуту отключил проекцию. Когда фантастический налет рассеялся, перед ним предстали обычные девчонки. Аннет превратилась в пухлощекую малявку, которая явно добрый месяц не причесывалась. А Мириам Гу оказалась на три дюйма выше Хуана. Долговязая. Кожа такая же смуглая, как у Хуана, но с золотистым отливом. Короткая стрижка, широкоскулое лицо с очень правильными чертами. И шикарная блузка от «Эпифани». За вышивкой совсем не заметно высокоскоростных лазерных портов. Такую одежду, обычно с широкими игровыми вставками, носят богатые ребята. Но у Мириам на блузке не было игровых полосок. С виду простая легкая кофточка, а компьютерная мощность, небось, побольше, чем у Хуана во всем гардеробе. Носить такую надо умеючи, тут нужна хорошая голова.

У Мириам был такой вид, будто она надкусила какую-то гадость. *Тебе тоже все это не нравится, да?* Тем не менее она первой решилась заговорить:

— Хуан Орозко, говорят, ты толковый парень и разбираешься в интерфейсах. — Она сделала паузу и украдкой повела плечом. — Не хочешь ли объединиться на локальный экзамен?

Берти скорчил ей чудовищную рожу — Хуан догадался, что трансляция идет только на него.

— Давай, — подтолкнул Берти. — Будь вежливым. Скажи, будто с самого начала подумал, что вы с ней составили бы отличную команду.

У Хуана слова застряли в глотке. Мириам Гу — это уж слишком!

— Можно, — ответил он ей. — Смотря что ты умеешь и какие у тебя идеи.

Она прищурилась.

— У меня блестящие способности и классная мысль насчет проекта. Мы и вправду превратим Файрмонт в «розу северного округа». — Выражение было заимствовано из школьных проспектов. Алькальд и администрация колледжа рассчитывали на локальные проекты, чтобы доказать, что Файрмонт — хороший сосед, в отличие от некоторых школ в центре и в Эль-Кахон.

Хуан пожал плечами.

— Ну, тогда давай. Мы составим прекрасный контраст, Алькальду такие команды нравятся.

Да не хочу я!

— Как-нибудь потом обсудим все поподробнее.

Тут же влезла многоликая дурочка Аннет:

— Так не пойдет! Вам надо сразу объединяться в команду.

Произнося это, она примеряла на себя внешность то одной поп-звезды, то другой и наконец остановилась на школьнице производства Спилберга/Роулинг. Заодно она и декорации прихватила, так что Файрмонт-колледж превратился в сказочный замок. Эта визуалка уже использовалась в школьной постановке на Хэллоуин. Родители были в восторге, хотя, на взгляд учеников, Файрмонт провалил главный экзамен по фэнтези: здесь, в Северной Калифорнии, всем заправляли магглы.

Мириам сердито обернулась к подружке, превратившейся в маленькую темноволосую английскую колдунью.

— Пожалуйста, заткнись, Аннет. — И снова заговорила с Хуаном: — Но она права, Орозко. Решить надо до вечера. Давай так: приезжай сегодня к шести ко мне домой. Там и поговорим.

Берти самодовольно ухмылялся.

— Ну, в общем, — протянул Хуан. — Вот только… лично?

— Как же еще — это же локальный проект!

— Ну, тогда ладно. Я приеду. — *Как-нибудь да сумею отвязаться.* И что это затевает Берти?

Мириам шагнула вперед и протянула руку.

— Договорились.

Хуан пожал ее. Конечно, слабый электрический разряд ему только почудился, но внезапный информационный всплеск был настоящим: перед глазами вспыхнула пара выделенных фраз.

Мириам Гу с подружками направились к дороге. От их стайки доносились приглушенные смешки. Хуан посмотрел им вслед. Аннет на ходу меняла облик, включая образы и голоса из миллионов старых фильмов и программ. Для нее перетряхивать видеоархивы было так же естественно, как говорить. Гений в своем роде. *А может, это побочное действие тех же голубых таблеточек?*

Хуан отвернулся от девчонок и зашагал к велостоянке.

— И что сказала тебе Мири Гу при рукопожатии? — словно невзначай спросил Берти.

И как ему ответить, чтобы он снова не надулся?

— Странно. Она сказала, что не потерпит присутствия в команде заочников.

— Ну, понятно. Это же локальный экзамен. Покажи мне сообщение.

— В том-то и дело. Она догадалась, что ты крутишься поблизости и особо подчеркнула, что если я покажу сообщение или допущу тебя к участию, она об этом узнает и бросит проект, пусть ей даже ставят «единицу».

Вообще-то, в сообщении больше ничего и не было. Разве что безапелляционный тон, которому позавидовал Хуан.

Остаток пути до велостоянки они проделали молча. Лицо Берти разочарованно вытянулось. Дурная примета. Хуан вскочил на свой велосипед и покатил по Нью-Пала сначала в гору, а потом по длинному склону к дому. Призрак Берти извлек из пустоты ковер-самолет и пристроился рядом. Сделано было что надо, даже тень скользила по обочине. Вот только этот сказочный ковер основательно загораживал Хуану обзор, мешая следить за настоящим движением на дороге. Почему бы Берти не держаться за другим плечом или не оставить только голос? Хуан переключил изображение на прозрачность, понадеявшись, что приятель не заметит перемены.

— Ну что, Берти? Я все сделал, как ты сказал. Давай поговорим о неограниченном. Я наверняка буду полезен. — *Только возьми меня в команду!*

Берти еще секунду помолчал, обдумывая что-то. Потом

кивнул и непринужденно рассмеялся:

— Конечно, Хуан. В неограниченном ты можешь здорово помочь.

День внезапно стал очень счастливым.

Выключив мотор, Хуан съезжал вниз по крутому склону. Ветер развевал его волосы и гладил руки. Искусственно этого не добьешься, разве что с игровыми вставками. Теперь перед Хуаном расстилалась вся долина, подернутая искрящейся на солнце дымкой. До следующего подъема в сторону Фоллбрука добрых две мили. И Берти взял его в команду!

— Так какой у нас проект для неограниченного, Берти?

— Э… Как тебе мой ковер-самолет, Хуан? — Берти лениво описал вокруг Хуана петлю. — Благодаря чему он создается?

Хуан покосился на него.

— Благодаря моим контактным линзам? Хитрой одежке? — Разумеется, проекция передавалась на линзы со встроенного в одежду компьютера.

— Это принимающие устройства. Но как мое изображение попадает к тебе?

Он выжидающе посмотрел на Хуана.

Ну-у, Берти! Впрочем, вслух Хуан сказал другое:

— Ладно, тогда всемирная паутина.

— Ну, в общем ты прав, хотя сеть дальнего действия существует с незапамятных времен. А нам гибкость сообщения обеспечивают сетевые узлы, разбросанные по местности. Оглядись вокруг! — Берти, должно быть, выделил ближайшие к Хуану точки. Десятки виртуальных огоньков вспыхнули в камнях вдоль дороги, на проходящих машинах, на одежде Хуана.

Еще один взмах руки Берти, и тысячи огоньков зажглись на холмах — узлы второй или третьей степени удаленности.

— Хорошо, Берти! Локальная сеть тоже важна.

Но Берти понесло:

— Чертовски важна! Беспроводные штуковины размером с палец и мощностью, достаточной, только чтобы зафиксировать локацию, и совсем уж слабенькие лазеры, нацеленные на конкретный приемник. В наше время все так налажено, что лишь внимательно присмотревшись или настроив сетевой датчик, можно заметить устройства. Сколько, ты думаешь, автономных узлов разбросано в модернизированной части города?

Вопрос, требующий конкретного ответа.

— Ну, прямо сейчас на лужайке перед Файрмонт-колледжем… 247 штук.

— Точно. И что в них, по-твоему, обходится дороже всего?

Хуан рассмеялся:

— Конечно, уборка сетевых отбросов!

Устройства ломаются, изнашиваются или оказываются в тени, где не могут подзарядить батареи. Сами узлы дешевые, разбросать их по местности почти ничего не стоит. Но если вы ограничитесь только этим, через несколько месяцев зарастете металлическим мусором — тяжелым, уродливым и, как правило, токсичным.

Хуан резко перестал смеяться.

— Ух ты, Берти! Вот это проект! Сетевые узлы, поддающиеся биораспаду! Высший класс!

— То-то! Любой шаг, приближающий к органическим узлам, обеспечит «пятерку». Я включился во все стоящие группы. Кистлер из MIT[86] даже не знает, что один из его аспирантов на самом деле «комитет» и я в этом комитете.

Команда Кистлера вплотную приблизилась к созданию органических заменителей, но в последнее время они застряли. Интересные мысли были еще на рынке идей в Индии и у каких-то парней из Сибири, которые почти ни с кем не общались.

Хуан минуту размышлял.

— Эй, Берти! Спорим, нам пригодится обзор литературы, который я делал для тебя в прошлом месяце!

Берти выглядел озадаченным.

— Ну, помнишь, мой анализ перемещения электронов при органическом распаде.

Берти предложил эту работу просто так, от нечего делать, но Хуан тогда обрадовался возможности, не слишком напрягаясь, испытать свои новые способности.

— Ну конечно! — воскликнул Берти, хлопая себя по лбу. — Разумеется, это не имеет прямого отношения к делу, но может подкинуть ребятам пару любопытных идей.

За обсуждением деталей они не заметили, как спустились в долину, миновали новые кварталы и поворот к древним казино. Берти со своим ковром замигал и исчез: Хуану не удалось установить соединение с ближайшим узлом.

— И угораздило же тебя поселиться в отсталой части города! — раздался у него в ухе ворчливый голос Берти.

Хуан пожал плечами.

— У соседей есть лазерные и беспроводные передатчики.

Вообще-то он был совсем не прочь избавиться от ковра-самолета. Поднимаясь в гору, Хуан включил мотор. Внизу показался Лас-Меситас.

— Как мы будем работать на неограниченном?

— Легко. Я пару часов поболтаю с сибиряками и переброшу данные остальным своим группам. От Файрмонта будем только

мы с тобой. Выйди на меня вечером, когда закончишь с Мири Гу, — посмотрим, не пригодится ли твоя «чудесная память».

Хуан нахмурился и быстрей закрутил педали. Он мчался мимо многоквартирных домов начала века. Эта часть города была такой старой, что выглядела фантастически даже без виртуальных проекций.

Берти, видно, заметил, что ему не ответили.

— Что-то не так?

Да! Хуану вовсе не нравилось, когда Берти бестактно напоминал о действии голубых таблеточек. Но Берти есть Берти. В сущности, сегодня весь день заправляет Берти, и в хорошем, и в плохом.

— Просто я немного беспокоюсь насчет локального. Знаю, Мириам хорошо учится, и ты говоришь, она головастая, но правда ли у нее уже есть наметки?

На самом деле ему хотелось спросить, зачем Берти втянул его в эту историю, но Хуан предчувствовал, что прямые вопросы на эту тему могут вызвать «великое оледенение».

— Не дергайся. Она в любой команде сработает на славу. Я давно к ней присматриваюсь.

Вот это новость! Хуан удивился, но вслух сказал только:

— Я знаю, что у нее придурок-братец в старшей школе.

— А, Тупица Уильям? Он и впрямь глуповат, только на самом деле он ей не брат. Нет, Мири Гу умница и крутая девчонка. Ты знаешь, что она выросла в Азиломаре?

— В лагере для интернированных?

— Ну да. Она, понятно, была совсем малявкой. Но ее родители слишком много знали.

Во время войны такое случалось со многими американцами китайского происхождения, кто слишком хорошо ориентировался в военных технологиях. Но ведь это уже древняя история! Сообщение скорее потрясло Хуана, чем что-то прояснило.

— Ну ладно. — Нет смысла давить на Берти. *По крайней мере он взял меня в команду.*

Почти дома. Хуан свернул на подъездную дорожку и пригнулся, заезжая в гараж, со скрипом открывший перед ним двери.

— Тогда я с Мири начну работу над локальным, пока ты будешь в Восточной Азии.

— Хорошо, хорошо, — отозвался Берти.

Хуан оставил велосипед возле кучи хлама и направился к дому. Берти добился всего, чего хотел. А может, и не всего. *Ручаюсь, он собирается сунуть нос в мой локальный проект.*

— Еще кое-что, Берти. То рукопожатие. Мири высказалась

очень решительно. Она не желает твоего присутствия, даже пассивного. Понимаешь?

— Конечно. Ладно, я отбываю в Сибирь. Пока. — Голос Берти оборвался преувеличенно громким щелчком.

Отец, конечно же, был дома. Луис Орозко слонялся по кухне. Он рассеянно махнул рукой, приветствуя вошедшего сына. Дом был оснащен хорошей внутренней сетью, питавшейся от установки под крышей. Хуан почти машинально отсекал фантастические изображения. Ему было не слишком интересно, что видит и где представляет себя папочка.

Он ужом протиснулся мимо отца в гостиную. Папа у него ничего. Отец самого Луиса Орозко в 1980-х был нелегалом. Дед тоже жил в северном районе, но только в картонных хижинах и земляных туннелях, скрывавшихся в каньонах. Они с женой выбивались из сил ради единственного сына, и Луис Орозко выбивался из сил, чтобы выучиться на инженера-программиста. Иногда, спускаясь с небес на землю, отец со смехом заявлял, что он — один из лучших в мире специалистов по «Regna 5». И, наверно, в течение года или двух его знания были востребованы. Так что три года обучения обеспечили пару лет хорошего дохода. Такое со многими случалось, только папа Хуана оказался из тех, кто сдался.

— Мам, с тобой можно поговорить?

Часть стены и потолка стали прозрачными. Исабель Орозко работала наверху. Она с любопытством взглянула вниз, на сына.

— Привет, Хуан! Я думала, из-за экзаменов ты задержишься допоздна.

Хуан вприпрыжку взлетел по лестнице, отвечая на ходу.

— Да, дел полно.

— А, значит, будешь работать отсюда?

Хуан вошел к ней в комнату и торопливо обнял мать.

— Нет, я поужинаю и пойду к однокласснице, с которой занимаюсь локальным проектом.

Теперь мама смотрела прямо на него, и Хуан видел, что ему удалось полностью завладеть ее вниманием.

— Я только что узнавала насчет локального экзамена. По-моему, отличная мысль! — Мама считала, что важнее всего реальная почва под ногами. Когда Хуан был помладше, она часто брала его с собой в поездки по округу.

— Ну да, — вздохнул Хуан, — мы многому научимся.

Взгляд мамы стал пристальным.

— А Бертрам в нем не участвует, да?

— Нет, мам.

Не стоит пока говорить про неограниченный проект.

— Его ведь сейчас нет в доме?

— Конечно нет! — Находясь дома, Хуан перекрывал доступ своим друзьям. И мама об этом знала. — Когда он здесь, ты его видишь. Как и всех, кто меня навещает.

— Прекрасно.

Она, кажется, немного смутилась, по крайней мере не стала напоминать, что считает «маленького Берти слишком уж пронырливым». На секунду мама отвлеклась, проворно отстучав что-то пальцами по клавиатуре. Хуан видел, что она сейчас в Боррего-Спрингс, сопровождает каких-то киношников из Лос-Анджелеса.

— Вообще-то я хотел спросить, нельзя ли мне на сегодня взять машину. Мне надо в Фоллбрук.

— Секундочку. — Мама закончила дело, которым занималась. — Так с кем ты в команде?

— С очень хорошей ученицей. — Хуан показал ей Мири.

Мать неуверенно и слегка удивленно улыбнулась.

— Тебе повезло… Да, она действительно хорошо учится и сильна в том, в чем ты слабее всего, — и наоборот, конечно. — Она помолчала, просматривая файл Гу. — Семья держится обособленно, но это неплохо.

— И живут они в безопасной части города.

Мать хмыкнула.

— Да, там вполне безопасно.

Из уважения к школьным правилам она не стала расспрашивать о командном проекте. И хорошо, что не стала, потому что Хуан понятия не имел, что задумала Мири Гу.

— Только держись подальше от Пендлтонского лагеря, слышишь?

— Да, мэм.

— Ладно, можешь отправляться, как только поужинаешь. У меня денежный клиент, я сейчас не могу отвлекаться. Иди вниз и сделай себе и отцу поесть. И постарайся чему-нибудь научиться на этом локальном проекте, хорошо? Есть множество профессий, которыми можно овладеть и без всякой фантастической чуши.

— Да, мэм.

Он усмехнулся, погладил ее по плечу и побежал вниз по лестнице. После того как папина карьера программиста рухнула, мама все больше сил тратила на свою работу в информационной службе «411». Никто на свете сейчас не знал округ Сан-Диего лучше. Большинство дел занимало у нее от нескольких секунд до нескольких минут. Направлять людей, отвечать на сложные вопросы… Другие обязанности, например историческая справка

по Migratión[87], были постоянными. Мама очень гордилась тем, что в ее работе, по сути, задействована сотня профессий и ни одна из них напрямую не зависит от высокотехнологичного оборудования. Она намекала Хуану — словами и без слов, — что ему, может статься, придется много хуже.

Глядя на сидящего за кухонным столом отца, Хуан сознавал, что имеет в виду мать. Он понял это еще в шесть лет. Луис Орозко ел рассеянно, как человек, вернувшийся домой после тяжелого трудового дня. В воздухе вокруг него парили призраки из мыльных опер, в которых он даже не принимал участия. Может, ближе к вечеру он активно включится в какой-нибудь фильм, но это занятие тоже не требует ни малейших усилий. Папа постоянно пребывал в прошлом или в другом измерении. И мама боялась, что Хуан кончит так же. *Вот уж чего не будет! Я выберу лучшее и научусь, притом научусь не за годы, а за несколько дней. А когда мое лучшее вдруг станет никому не нужным, я найду другое и ему тоже быстро научусь.*

Мама много работала, и она, конечно, замечательная, только ее информационная служба… это же тупик. Дай бог, чтобы она никогда этого не осознала. Хуан уж точно не станет разбивать ей сердце, говоря об этом. Местный мирок затягивает, но округ Сан-Диего, со всей его историей, промышленностью и университетами, — песчинка по сравнению с миром людей и идей, бурлящими вокруг. Было время, когда папа Хуана пытался стать его частью, да не угнался или оказался слишком негибким. *Со мной будет по-другому.* Голубенькие таблеточки об этом позаботятся. Возможно, цена станет слишком высокой: бывали минуты, когда Хуан тупел настолько, что не мог вспомнить собственного имени. Что-то вроде приступов, но они быстро проходили. Всегда. До сих пор. С товаром, которым торгуют из-под полы, никогда ни в чем нельзя быть уверенным.

Но Хуан твердо решил для себя одно: *я приспособлюсь.* Он не станет неудачником, как его отец.

Хуан вышел из машины за пару кварталов от дома Гу. Он уверял себя, что хочет освоиться в чужом районе: это не самая популярная часть города. Но настоящая причина была в другом — слишком уж быстро он доехал. И не успел подготовиться к тому, чтобы лицом к лицу встретиться со своей партнершей по команде.

Западный Фоллбрук не относился к фешенебельным районам, но уж точно был богаче и современнее, чем Лас-Меситас. Бо**л**ьшую часть своих доходов он получал благодаря тому, что примыкал к восточным воротам лагеря Пендлтон. Хуан шагал по залитой вечерним солнцем улице и вертел головой во

все стороны. Народу было немного: несколько взрослых, вышедших на пробежку, да играющие в какую-то загадочную игру малыши.

С отключенными проекциями каменные дома выглядели приземистыми и располагались в глубине заботливо ухоженных дворов. Во многих росли засухолюбивые растения и карликовые сосны, напоминающие увеличенный «бонсай». В других были тенистые деревья и засыпанные гравием площадки или подстриженные газоны.

Хуан подключился к согласованной проекции. Как и следовало ожидать, улица сильно преобразилась: вечернее солнце играло в струях фонтанов и освещало густо поросшие зеленью газоны, дома украсились широкими окнами и уютными патио. Одни заливал яркий свет, другие находились в тени. Но при этом не было никаких проявлений индивидуальности, не встречалось ни рекламы, ни граффити. Район был идеально согласован: единое, цельное произведение искусства. Хуану стало немного не по себе. Почти в любой части Сан-Диего попадались домовладельцы, выбивающиеся из общего образа. Но западный Фоллбрук держал своих обитателей даже в большей строгости, чем многоквартирные дома. Чувствовалось, что здесь над всем главенствует единая воля, готовая отвратить любое вторжение чужаков. И называлась эта единая воля — морская пехота Соединенных Штатов.

Над головой Хуана вспыхнула стрелка. Она указала на боковою улицу и метнулась к третьему дому по правой стороне. *Сагау!* Хуан хотел бы потянуть время, может, стоило обойти квартал. Я еще не решил, как буду говорить с ее родителями. Взрослые американцы китайского происхождения чудной народ, особенно те, что побывали в лагерях. После освобождения некоторые покинул США, перебрались в Мексику, Канаду или Европу. Другие стали жить по-прежнему, даже вернулись на государственную службу, но затаили обиду. А кое-кто из них помог закончить войну, попутно выставив правительство в очень невыгодном свете.

Хуан шел по подъездной дорожке к дому Гу и в последний раз просматривал информацию о семье Мири. Так, если Уильям ей не брат, то кто? Он никогда не привлекал к себе внимания, так что о нем не ходило никаких слухов. К тому нее Файрмонт довольно строго защищал частную жизнь своих учащихся. Хуан пошарил вокруг, обнаружил несколько любопытных снимков. Будь у него еще пара минут, он бы все узнал о Уильяме…

Но Хуан уже стоял перед входом в дом Гу.

Мириам Гу встречала его в дверях. Хуан ожидал услышать упрек за опоздание, но она просто жестом пригласила его войти.

Внутри все уличные проекции резко отключились. Хуан и Мири оказались в узкой прихожей с дверями в обоих концах. Мири внимательно оглядела гостя. Раздался негромкий треск, и что-то обожгло Хуану лодыжку.

— Эй, не спали мне одежку!

У него имелись и другие вещи, но семья Орозко была не так богата, чтобы разбрасываться деньгами.

Мири уставилась на него:

— Ты что, не понял?

— Чего не понял?

— Я не повредила твою одежду, я все сделала осторожно. Просто ты принес «зайца».

Она открыла внутреннюю дверь, и вдруг стала милой и любезной. Видно, на нее смотрели взрослые.

Следуя за ней по коридору, Хуан перезагрузил свой компьютер. Стены стали куда симпатичнее — на них появились шелковые драпировки. Хуан видел, что ему открыт гостевой допуск в домашнюю систему Гу, а вот коммуникационного выхода из здания найти не сумел. Все его оборудование работало как часы, включая такие мелкие примочки, как обзор на 360° и обостренный слух. Так что же это трещало и горело? Значит, на него были навешены чужие накладки, и Хуан разгуливал по городу, как идиот с надписью «Пни меня» на спине. На самом деле это было далее хуже. Он вспомнил, как уверял мать, что его друзья не являются в дом невидимыми. Но это оказалось ложью. В Файрмонте, как и везде, встречались бездарные шутники, но это был уже перебор. Кто мог такое устроить?… Да уж ясно кто!

Из коридора Хуан попал в гостиную с высоким потолком. У настоящего камина стоял коренастый, коротко остриженный азиат. Хуан узнал его по одному из немногих фото, хранившихся в файле. Уильям Гу — не Тупица Уильям, а отец Мириам. Видно, имя в семье повторялось.

Мириам, пританцовывая, вышла вперед, улыбнулась:

— Билл, хочу представить тебе Хуана Орозко. Мы вместе работаем над локальным проектом. Хуан, это мой отец.

Билл? Хуану в голову не пришло бы звать собственного отца по имени! Странный они народ.

— Приятно познакомиться, Хуан. — Рукопожатие у Гу было твердым, а выражение лица — мягким и непроницаемым. — Ты пока доволен экзаменами?

Доволен?!

— Да, сэр.

Мири уже отвернулась в другую сторону.

— Элис, у тебя найдется минутка? Хочу тебя познакомить…

Послышался женский голос:

— Да, милая. Я сейчас.

Через пару секунд в гостиную вошла дама с приятным округлым лицом. Хуан и ее узнал… зато не узнал одежды. Этим вечером Элис Гу была в форме подполковника морской пехоты США. Хуан обратил внимание, что, пока Мири знакомила их, мистер Гу постукивал пальцами по ремню.

— Ох, простите! — Форма подполковника мгновенно превратилась в деловой костюм. — Ой, что это я! — И деловой костюм сменился платьем домохозяйки, знакомым Хуану по фотографиям. Она с самым невинным видом пожала ему руку, по-матерински заботливо осведомилась: — Я слышала, вы с Мириам задумали очень интересный локальный проект?

— Надеюсь, что так. — *В общем-то, я надеюсь, Мири наконец удосужится рассказать мне, в чем он состоит.* Но в том, что наметки у Мириам имеются, он уже не сомневался.

— Нам так хотелось бы побольше о нем услышать, подхватил отец.

Мири поджала губы:

— Билл, ты же знаешь, мы не должны никому рассказывать. К тому же, если все пройдет нормально, мы управимся за сегодняшнюю ночь.

Ого!

Однако мистер Гу смотрел на Хуана.

— Школьные правила мне известны. Я и не собирался их нарушать. — Он едва заметно улыбнулся. — Но, думаю, как родители мы можем знать, по крайней мере, куда вы собираетесь. Насколько я понимаю, локальный экзамен не разрешается сдавать заочно?

— Да, сэр, — отозвался Хуан, — вы правы. Мы…

Хуан запнулся, но Мириам ловко подхватила:

— Мы отправляемся в парк Торри-Пайнс.

Подполковник Гу побарабанила пальцами по своему пояску и минуту помолчала.

— Ну что ж, похоже, это безопасно.

Мистер Гу кивнул:

— Но при выполнении локального проекта вам запрещено пользоваться внешней связью?

— За исключением экстренных случаев.

Мистер Гу задумчиво постукивал пальцами. Хуан отключил домашние проекции и взял крупным планом отца Мириам. Тот был в повседневной одежде, но пользовался ею умело, не то что

большинство взрослых. В домашней проекции он выглядел мягким и полноватым. В реале оказался строгим и крепким. Да, если вспомнить, и рука у него мозолистая на ощупь.

Подполковник Гу переглянулась с мужем и чуть заметно кивнула, потом снова обернулась к Хуану и Мири.

— Мы не возражаем, — сказала она, — но просим вас сделать две вещи.

— Если это не противоречит школьным правилам, — напомнила Мири.

— По-моему, правила это допускают. Во-первых, поскольку в парке нет инфраструктуры и посетителям не дозволяется устанавливать временные сети, пожалуйста, возьмите какое-нибудь старое оборудование из подвала.

— Здорово, Элис! Я сама хотела попросить.

Хуан услышал шаги на лестнице за спиной. Он, не оборачиваясь, взглянул туда, но пока никого не было видно, а гостевой допуск не позволял видеть сквозь стену.

— И второе, — продолжала подполковник Гу, — мы считаем, что с вами должен пойти Уильям.

Отец Мири?., да нет… Тупица. Ух!

На сей раз Мири не спорила, просто кивнула и тихо сказала:

— Хорошо… если ты считаешь, что так лучше.

Хуан, не успев подумать, выпалил:

— Но ведь… — и продолжил более сдержанно: — разве это не нарушение правил?

Ему ответил голос из-за спины:

— Нет. Перечитай правила, Орозко.

Это и был Уильям.

Хуан вежливо повернулся к нему.

— Хотите сказать, вы не считаетесь членом команды?

— Ага. Я просто сопровождающий. — Те же широкие скулы и тот же цвет кожи, что у всего семейства. И ростом он почти с Билла Гу, только тощий и костлявый. Лицо блестит от пота, как будто… О! Хуан вдруг сообразил, что Билл и Уильям и вправду отец и сын — только в обратном порядке.

— Это как раз для тебя, папа, — заметил мистер Гу.

Уильям кивнул:

— Я не против. — И улыбнулся. — Манчкин[88] рассказывала мне, какие странности творятся в средней школе. Вот теперь я и сам посмотрю.

Улыбка Мири Гу выглядела жалко.

— Ну, мы с Хуаном рады, что ты пойдешь с нами. Мы посмотрим старые автономки Элис и через полчаса будем готовы.

— Я буду неподалеку. — Уильям Гу нервно махнул рукой и

вышел.

— Мы с Элис не будем мешать вам готовиться, — сказал мистер Гу и кивнул Хуану: — Приятно было познакомиться, Хуан.

Хуан пробормотал в ответ что-то достаточно вежливое и, позволив Мири увести себя из гостиной, послушно последовал за девочкой вниз по крутой лестнице.

— Ух ты! — восхитился он, заглянув ей через плечо. — У вас и вправду есть настоящий подвал!

Ему хотелось поговорить о другом, но с этим придется минутку подождать.

— А, да. В Фоллбруке они есть во всех домах, что поновее.

Хуан отметил про себя, что в разрешении на строительство этот факт не упоминается.

У подножия лестницы располагалось ярко освещенное помещение. С наводками стены казались деревянными, теплых тонов, тянущиеся вверх до неправдоподобно высокого потолка. В действительности же их покрывал серый пластик. И настоящая, и спроецированная комнаты были одинаково забиты картонными коробками со старыми детскими играми, спортивным снаряжением и каким-то хламом неясного предназначения. Подвал — большая редкость для Южной Калифорнии — явно использовался так же, как в семье Орозко гараж.

— Здорово, что у нас будут дополнительные сенсоры. Если только Гепебе не протухло… — Мири уже шарила по коробкам.

Хуан застыл в дверях. Скрестив руки на груди, он сверлил девочку взглядом.

Та оглянулась на него и чуточку погрустнела.

— Ты чего?

— Сказал бы я тебе — «чего»! — Слова прозвучали громко и ядовито. Он подавил злость и передал ей по прямой связи.

— Я пришел к тебе, потому что ты пообещала идею для командного локального проекта.

— Конечно, — пожала плечами Мири. Она отвечала вслух, обычным тоном. — И если мы подсуетимся, то можем сегодня же ночью все сделать. Одной проблемой будет меньше…

Хуан так же беззвучно обратился к ней напрямую:

— Слушай, это как-никак *командный* проект. А ты мной просто командуешь.

Мири нахмурилась. Она указала на него пальцем и ответила все так же вслух:

— У меня есть грандиозная идея для локального экзамена. И ты — идеальный партнер. Мы с тобой разные как день и ночь. Учителям нравятся такие команды. Ты мне нужен только для того, чтобы занять место второго участника. Тебе и делать ничего

не придется, просто поболтай со мной.

Хуан заговорил после секундной паузы:

— Я не позволю вытирать об себя ноги.

— Почему? Ведь Берти Джабу ты позволяешь!

— Я пошел. — Хуан направился к лестнице, которая вдруг стала темной. Он едва успел нащупать первую ступеньку, как Мири догнала его. Включился свет.

— Подожди минутку. Я не должна была так говорить. Но в любом случае нам надо сдавать экзамены.

Это точно. А время ушло, все, наверно, уже собрались в команды для локального. Либо этот ее проект, либо Хуан может забыть про локальный. *Вытирать ноги.*

— Ладно, — сказал он, возвращаясь. — Но я хочу знать, что за проект ты задумала, и хочу тоже участвовать.

— Да, конечно. — Девочка глубоко вздохнула, и Хуан приготовился принять новую порцию помех. — Давай сядем…. Ладно. Ты уже знаешь, что я собираюсь в Торри-Пайнс.

— Ну, знаю. — По правде сказать, он просматривал информацию о парке с тех пор, как название прозвучало в разговоре с ее родителями. — И знаю, что о нем нет свежих слухов… Если ты разнюхаешь что-то новенькое, пожалуй, получишь дополнительный балл.

Мири улыбнулась скорее с довольным, чем с самодовольным видом.

— Вот и я так подумала. Кстати, Хуан, мы вполне можем говорить вслух и даже спорить. Если не станем слишком громко кричать, Билл с Элис нас не услышат. Что-то вроде семейного кодекса чести. — Заметив его скептический взгляд, она добавила более резко: — А если бы они вздумали подслушивать, твоя прямая связь нисколечко не помогла бы. Готова поспорить, что внутри дома родители способны подслушать даже рукопожатие.

— Ладно. — Хуан переключился на разговор вслух. — Отвечай напрямик: что ты такое выяснила о Торри-Пайнс?

— Кое-какие мелочи, но они складываются в единую картину. Смотри, вот дни, когда парк весной был закрыт. Л вот погода в эти дни. Тогда никто ничего толком не объяснил. В январе парк не работал, но туда все равно пропустили посетителей из Колд-Спринг-Харбор[89].

Хуан просмотрел данные и фотографии, повисшие в воздухе между ними.

— Да-да… да. Но ведь те туристы — большие шишки, приехавшие на конференцию в Калифорнийский Университет.

— А сама конференция длилась всего восемнадцать часов!

— Вот это да! — *Ученым приходится идти в ногу со временем.*

— Дело не в этом. Я читала материалы конференции — очень слабо. Честно говоря, поэтому я и заинтересовалась. — Она наклонилась к Хуану. — Покопалась и обнаружила, что конференция — просто спектакль, который оплатили «Fox-warner» и «Game Happenings».

Хуан взглянул на выдержки. Хорошо бы обсудить это с Берти: у него всегда найдется что сказать и у кого спросить. Хуан с трудом подавил желание связаться с ним.

— Ну, наверно, я… гм, я думал, в Калифорнийском Университете работают более профессиональные люди. — Он пытался сказать что-нибудь умное. — Думаешь, все это рекламный трюк?

— Вот именно. Как раз к летнему киноигровому сезону. Ты помнишь, какое затишье было этой весной на всех ведущих студиях? Ни интриг, ни скандалов. И первого апреля вроде как ничего серьезного не запустили. Конечно, они полностью одурачили второсортные студии, а заодно и простых игроков сводят с ума, потому что мы-то знаем, что «Fox-warner», Спилберг/Роулинг, «Sony» — все крупные компании будут наступать друг другу на пятки покруче, чем в прошлом сезоне. Неделю назад я выяснила, что «Foxwarner» заключил договор с Марко Феретти и Чарльзом Боссом. — *Это еще кто? А, биотехники мирового уровня из Колд-Спринг-Харбор! И оба были на той конференции в Калифорнийском Университете.* — С тех пор я за ними слежу. Когда знаешь где искать, легче докопаться до сути.

Тем более что кинотайны сами напрашиваются на разгадку.

— Словом, — продолжала Мири, — я думаю, «Foxwarner» в этом сезоне сделал ставку на какую-то биотехнологическую фантастику. А «Game Happenings» в прошлом году поставили на уши чуть ли не всю Бразилию.

— Ну да. «Динозаврия».

В течение добрых двух месяцев весь мир стекался в бразильские города и на бразильские веб-сайты, создавая доказательства «Прорыва из мелового периода». Отголоски этого еще встречались в сети — вторая реальность, поглотившая творческую активность миллионов людей. За последние двадцать лет всемирная паутина превратилась в свалку фальшивых сайтов и затертых подделок. Пока не истекал срок авторского права, а часто и на протяжении нескольких лет после, кино «он-лайн» жило и процветало, соперничая в тщательности проработки и совместимости с серьезными базами данных. Самым сложным было отличить реальность от фантастики. Расхожая шутка гласила, что если настоящие инопланетные монстры вздумают

посетить Землю, им хватит одного взгляда на запечатленные в сети кошмары, чтобы с воплями ужаса рвануть на родную планету.

Хуан выделил основную нить в расследовании Мири.

— Насчет того, что киношники готовят интересное лето, доказательств хватает, но ведь в их распоряжении все пространство от Земли до Луны. С чего ты взяла, что они заявятся в Сан-Диего, тем более в Торри-Пайнс?

— Они уже запустили пилотные серии. Знаешь, те, что должны привлечь первых участников, создать ядро. В последние недели в парке отмечались кое-какие изменения в ландшафте и поведении животных.

Доказательство явно надежно. Парк Торри-Пайнс — место немодернизированное, без локальной сети. Хотя, может, в этом все и дело. Мири посетила обзорную площадку для туристов на высотах Дель-Мар и провела тщательное наблюдение и анализ. Так что, возможно, ей и удалось заполучить такое редкое и драгоценное преимущество, как предупреждение. А может, она просто пускала пыль в глаза.

— Ладно, пусть в Торри-Пайнс что-то происходит, и ты это выяснила. Но где тут связь с киношниками?

— Это не все. Вчера вечером мои предположения из «предварительных» стали «обоснованными», а может далее убедительными. Я узнала, что «Foxwarner» направил в Сан-Диего первую разведочную команду.

— Да ведь они где-то в Боррего-Спрингс, в пустыне!

— А ты откуда знаешь?

— От мамы, она работает на них в службе «411». *Ой… если подумать, может, мамина работа, которую он подсмотрел днем, секретная.*

Мири взглянула на него с неподдельным интересом.

— Она с ними работает? Это же здорово! Мы очень продвинемся, если сумеем проследить связи. Ты можешь расспросить маму?

— Не знаю… — Хуан чуть отодвинулся и заглянул в график, который мама вывесила дома. Все сведения о работе в пустыне оказались заблокированы на десять дней. И даже эта информация была закрыта для посторонних. Он проверил доступы. Хуан хорошо знал свою мать и, может быть, сумел бы взломать пароли. И, пожалуй, заполучил бы веские доказательства. Ему очень хотелось сдать этот экзамен, и все же… — Хуан подался вперед. — Извини. Недоступно.

— О…

Мири задумчиво взглянула на него. Если им удастся

раскрыть планы «Foxwarner» на летний сезон, Файрмонт может получить право на участие. А уж «пятерка» за экзамен обеспечена. Пока не начался игровой сезон, трудно оценить значение этой победы, но она будет приносить плоды по меньшей мере пять лет «копирайта» студии.

Будь на месте Мири Берти Джаб, он бы уже пристал к Хуану с назойливыми уговорами подумать о своем будущем и о команде и сделать то, чего наверняка хотела бы его мама, если бы только знала, а именно — взломать базу данных. Но девочка, с минуту помолчав, просто кивнула.

— Все нормально, Хуан. Уважение к другим — это хорошо.

Она вернулась к коробкам и снова стала их перетряхивать.

— Обойдемся тем, что я уже накопала: «Foxwarner» проводит операцию в Сан-Диего, и кто-то из их киношников орудует в Торри-Пайнс.

Она вытащила сетку с… с чем-то вроде пакетов из-под молока и поставила на крышку соседней коробки.

— Гепебе, — туманно пояснила она.

Мири с головой залезла в открытую коробку и извлекла оттуда массивные пластиковые очки. Хуан решил было, что они из снаряжения аквалангиста, но эта маска не прикрывала ни рта, ни носа. На инфозапросы очки не отозвались. Он запустил поиск по внешнему виду.

— В любом случае, — продолжала Мири, вытаскивая еще две пары таких же очков, — информация пригодится мне для неограниченного проекта. Мы попробуем разнюхать все главные секреты киносезона. До сих пор мы не брали в расчет Сан-Диего, но относительно «Foxwarner» Аннет пришла к тем же выводам, что и я. Кстати, не хочешь неограниченный тоже делать со мной? Если сегодня все получится, можем объединить результаты.

Ох! Это и вправду было щедрое предложение. Хуан не торопился отвечать. Он притворился, что полностью поглощен изучением странного снаряжения. Хотя на самом деле он успел опознать загадочные штуковины; они полностью соответствовали описанию в «Справочнике Джейн»[90] 2005 года. А вот руководство по эксплуатации он найти не сумел. Хуан повертел в руках первую пару очков. Пластиковая поверхность — просто оптически инертное покрытие, что-то вроде конфетной обертки, вывернутой наизнанку: цвета не отражались в ней, а расплывались, сливаясь с серыми стенами подвала, когда Хуан поворачивал очки. Примитивный камуфляж, совершенно бесполезный среди новейших технологий, которыми напичкано все вокруг. Наконец Хуан сказал как бы между прочим:

— Я не могу присоединиться к твоей команде. Я уже в

команде с Берти. Наверно, это и неважно. Ты ведь знаешь, что Аннет держит с Берти связь.

— Ах вот как! — Ее взгляд на мгновение остановился на нем. — Мне следовало бы догадаться: Аннет сама никак бы не додумалась. Значит, Берти всех нас дергает за ниточки.

Похоже. Хуан пожал плечами и опустил голову.

— Ну, так как все-таки работают эти очки?

Мири еще с минуту пыхтела от злости на Аннет, потом тоже передернула плечами.

— Не забывай, это *старое* снаряжение.

Она взяла свою пару очков и показала кнопки управления на ремешке, обхватывающем затылок.

— Видишь, даже кнопки рассчитаны на прикосновение.

— Ну и ладно. — Хуан надел очки и затянул ремешок. Приспособление весило, пожалуй, две или три унции. Ужасно громоздкая штука, если сравнивать с контактными линзами. Хуан посмотрел на себя со стороны и чуть не расхохотался. Верхняя часть лица скрылась за выпуклыми серо-коричневыми наростами. Он заметил, что и Мири едва сдерживает смех.

— Ладно, давай посмотрим, на что они способны.

Хуан нажал кнопку «пуск».

И ничего. Он видел те же проекции, что и раньше. Зато когда очистил контактные линзы и взглянул невооруженным глазом…

— Темно как в чернильнице, я ничего не вижу.

— Ой! — В голосе Мири прозвучало смущение. — Извини. Сними на минутку свои очки. Нам еще нужно Гепебе. — Она взяла один из тяжелых на вид «молочных пакетов».

— Что-что?

— ГПБ. — Она произнесла по буквам.

— А… Готовое питание с батареями?

— Да, одно из маленьких преимуществ военной жизни. — Мири что-то повернула, и пакет раскрылся пополам. В верхней части паек морского пехотинца, а в нижней — батарейки для снаряжения. На упаковке были напечатаны реальные буквы: что-то насчет цыпленка в соусе и сухого мороженого.

— Я как-то попробовала… — Девочка выразительно наморщила нос. — К счастью, нам не придется это есть.

Из нижней половинки ГПБ она вытянула тонкий проводок.

— Это слабое место в моем плане. Батарейки могли испортиться.

— А очки — сдохнуть.

Одежда Хуана часто выходила из строя раньше, чем он из нее вырастал. Иногда хватало нескольких стирок — и можно выкидывать.

— Э, нет. Военное снаряжение делали по-настоящему надежным. — Мири поставила упаковку с батарейками и взяла очки Хуана. — Вот, смотри. — Она размахнулась, как подающий в софтболе, и запустила очками в стену.

Очки отскочили и ударились о потолок. Мири бросилась подбирать то, что от них осталось.

С лестницы послышался голос подполковника Гу.

— Эй, ребятки, вы чем там занимаетесь?

Мири выпрямилась и хихикнула в кулак. Сейчас она выглядела лег на десять.

— Все в порядке, Элис, — отозвалась девочка, — Просто я… кое-что уронила.

— На потолок?

— Извини. Я буду осторожнее.

Она вернулась к Хуану и подала ему очки.

— Смотри. Ни царапинки. Теперь подключим питание… — Она воткнула проводок батареи в ремень очков. — А теперь попробуй снова.

Он надел очки и нажал кнопку. Монохромная красная вспышка — и перед глазами возникло странное, зернистое изображение. Оно не было панорамным, а просто выпуклым. Лицо Мири увеличилось и надвинулось на него. Кожа была цвета раскаленного горна, а рот и глаза светились голубоватой белизной.

— Похоже на инфракрасный снимок… — *Правда, комбинация отличается от стандартной.*

— Ага. Это установки по умолчанию. Обрати внимание, что оптика встроена прямо в снаряжение. Это вроде старинных походных костюмов: ты не зависишь от локальной сети. В Торри-Пайнс это будет очень кстати. Попробуй другие сенсоры: «Подсказка» включается сдвигом пусковой кнопки.

— Ого, и правда!

BAT:LOW	SENSORS		BAT2:NA
PASSIVE		ACTIVE	
VIS AMP	OK	GPR	NA
NIR	OK	SONO	NA
>TIR	OK	XECHO	NA
SNIFF	NA	GATED VIS	NA
AUDIO	NA	GATED NIR	NA
SIG	NA		

В правом углу всплыло крошечное меню. Мигало предупреждение о том, что батарея разряжена. Повозившись с ремешком, Хуан отыскал кнопку перемещения курсора.

— Ну вот, теперь с цветами и яркостью все в порядке. Только

разрешение паршивое. — Он на мгновение отвернулся, потом, смеясь, посмотрел на Мири. — Знаешь, окошко меню совершенно дурацкое. Просто висит перед глазами. Как прикрепить его к стене или какому-нибудь объекту?

— Никак. Я лее говорила, что все очень старое. Не умеет переключаться. А если бы и умело, все равно не успевало бы подстраивать изображение, мозги-то с горошину.

— А… — Хуан кое-что знал об устаревших системах, но пользоваться ими ему почти не приходилось. Да, с таким снаряжением фантастических проекций не получишь. Даже интерьер дома придется видеть как есть.

Коробок было еще полно, а вот инвентарного списка не нашлось. Часть коробок, наверное, принадлежала Тупице: на них виднелись надписи от руки, вроде «проф. и миссис Уильям Гу, филол. факульт., университетский колледж Дэвис» или «Уильям Гу, Рэйнбоуз-Энд, Ирвин, Калифорния». Эти коробки Мири бережно отставила в сторону.

— Когда-нибудь Уильям решит, что с ними делать. Или бабушка передумает и согласится нас навестить.

Они вскрыли еще одну упаковку и порылись в ней. Внутри лежали жилеты полевой формы — столько карманов не нашлось бы во всей школе. Хуан решил, что карманы предназначались для боеприпасов.

— Для Гепебе, — возразила Мири.

Сегодня надо было захватить как можно больше батареек — при проверке даже самые свежие мигали: «Батарея разряжена». Хуан и Мири распотрошили Гепебе и набили карманы двух самых маленьких жилетов батарейками. На поясе Хуан обнаружил кнопки управления.

— Ха, к концу ночной вылазки мы научимся шевелить пальцами, как взрослые.

Коробок осталось немного. Мири вскрыла следующую. Та оказалась набита чем-то вроде яиц камуфляжной раскраски. Из каждого торчало по три шипа короткой антенны.

— Фи! Сетевые узлы. В миллион раз хуже наших, а пользоваться ими в парке все равно запрещено.

Мири отодвинула несколько коробок, помеченных таким же кодом. За ними стояла последняя, гораздо больше остальных. Мири открыла ее и… застыла в преувеличенном восторге.

— Ну вот! Я надеялась, что Билл их не выкинул. — В ее руке Хуан увидел предмет с коротким стволом и пистолетной рукоятью.

— Оружие! — Но предмет не походил ни на что в «Справочнике Джейн».

— Не-а, посмотри без сенсоров. — Она подхватила оставшуюся батарейку и вставила ее в ствол. — Ручаюсь, далее с полной зарядкой из него и муху не убьешь. Это универсальный активный зонд. Сонар и поверхностный георадар. Рентгенофлуоресцентное отражение. Импульсный лазер. Такого не купишь в магазине спорттоваров. Он слишком хорош для нахального вынюхивания.

— И еще к нему приложение!

Мири снова нагнулась над коробкой и вынула металлический стержень, расширяющийся на конце.

— Да, это к радару; он вставляется вот сюда. Его полагалось использовать для обзора тоннелей. — Она заметила, как Хуан пожирает глазами их последнюю находку и ехидно усмехнулась:

— О, мальчишки!.. Там в коробке еще один. Бери на здоровье. Только не испытывай здесь, а то сработает сигнализация.

Через несколько минут они в жилетах, нагруженные батарейками и зондами, уставились друг на друга сквозь выпуклые очки.

— Ты похож на насекомое из ужастика, — хихикнула девочка. В инфракрасном свете очки выглядели большими черными стрекозиными глазами, а жилеты, слабо мерцающие там, где размещались действующие батарейки, напоминали хитиновую броню.

Хуан взмахнул пистолетом-зондом:

— Ага! Убийца насекомых! Хмм. Только знаешь, у нас в этих костюмах такой нелепый вид… Бьюсь об заклад, если в парке мы столкнемся с парнями из «Foxwarner», то наверняка попадем в шоу.

Такое случалось, хотя, как правило, потребители всего лишь подбрасывали идеи относительно содержания и развития сюжета.

Мири расхохоталась.

— Я же говорила, проект что надо!

Чтобы добраться до Торри-Пайнс, Мири вызвала машину. Поднявшись по лестнице, ребята увидели наверху мистера Гу и Тупицу Уильяма. Мистер Гу едва сдерживал смех.

— Вы оба очаровательны! — заявил он и взглянул на Уильяма. — Ты готов?

Гримаса Уильяма, вероятно, должна была означать улыбку.

— Всегда готов, Билл.

Мистер Гу проводил всех троих до входной двери. Машина Мири уже подъехала. Солнце скрылось за стеной поднимающегося прибрежного тумана. Становилось прохладнее.

Ребята сняли очки и направились через лужайку. Хуан шел

первым, следом Мири за руку с Уильямом. С родителями девочка держалась почтительно, но в то же время дерзко. На деда она смотрела по-другому. То ли доверчиво, то ли покровительственно. Хуан не мог определить. В любом случае это выглядело странновато.

Все трое забрались в машину. Уильям сел спиной по ходу движения. Они проезжали через Восточный Фоллбрук. И здесь проекции были неплохими, но им недоставало единства вкуса, каким отличались дома ближе к Пендлтонскому лагерю. Кое-где домовладельцы вывесили рекламу.

Мири взглянула на линию прибрежного тумана, которая вырисовывалась на фоне бледно-голубого неба.

— Там багровая мгла… — процитировала она.

— Протянула когти к нашей земле, — подхватил Хуан.

— И готова к прыжку, — закончила девочка, и оба расхохотались.

Строчка была из прошлогоднего хэллоуинского спектакля, но ученики Файрмонта вкладывали в нее особый смысл. Нет, не стенания о «кошачьих лапках тумана», заимствованные из двадцатого века. Вечерний туман на побережье был обычным делом, и каждый раз он выводил из строя коммутационные лазеры — и тогда мир менялся.

— Если верить прогнозу, то через час туман накроет почти весь Торри-Пайнс.

— Жуткое дело!

— А по-моему, будет весело.

Да в парке, где нет сети, особой разницы все равно не чувствовалось.

Машина свернула на Рич-роуд и направилась на восток, к автостраде. Вскоре туман превратился в полоску низких облаков под заходящим солнцем.

Уильям, с тех пор как сел в машину, не сказал ни слова. Он взял у ребят пару очков с батарейками, но от жилета отказался, прихватив вместо него старый брезентовый рюкзак. Кожа Уильяма выглядела молодой и гладкой, но блестела от пота. Взгляд его перебегал с предмета на предмет, ни на чем не задерживаясь. Хуан заметил контактные линзы и «носилку», но Уильяма дергался не как взрослый, вынужденный приспосабливаться к хитрой одежке. Скорее причина была в заболевании. Хуан просмотрел симптомы из раздела «геронтология». Странная пленка на коже — регенерационное покрытие, обычное дело. А вот тремор… Болезнь Паркинсона? Возможно, хотя она теперь редко встречается. Альцгеймера? Нет, симптомы не совпадают… Ага! «Болезнь Альцгеймера,

восстановительный синдром». Должно быть; старина Уильям был растением, пока врачи его не встряхнули. А теперь нервная система восстанавливается. В результате получится вполне здоровый человек, хотя, возможно, и не такой, как прежде. Эти подергивания — признак окончательного воссоединения с периферийной нервной системой. На сегодняшний день от болезни Альцгеймера сумели излечиться около пятидесяти тысяч пациентов. С некоторыми из них Берти даже сотрудничал. Но так близко, да еще в реале… Хуану стало не по себе. Ну, понятно, пока Уильям выздоравливает, ему приходится жить с детьми. Но записать его в Файрмонт-колледж — это уж слишком. Специализацией у него числилось: «Системы жесткого копирования — без присвоения степени». Так он, по крайней мере, никому не мешает.

Мири сидела, уставившись в окно, хотя Хуан понятия не имел, что там можно увидеть. Вдруг она заговорила:

— Знаешь, твой дружок Берти — просто жабья отрыжка. — Мири скорчила невероятную рожу, изображая жабу, которая пускала очень реалистичные слюни на сиденье между ними.

— Да ну! Почему это?

— Он доставал меня весь семестр: вертелся вокруг, сплетничал обо мне. И подбил эту дурочку Аннет, чтобы она навязала тебя мне в команду — хотя против тебя я ничего не имею, Хуан. Все вышло очень даже удачно. — Она чуточку смутилась. — Просто мне не нравится, что этот Берти все решает за других.

С этим Хуан не мог спорить, но он неожиданно сообразил:

— Вы с ним в чем-то похожи.

— *Что?!*

— Ну, ты тоже все решаешь за других.

С минуту Мири сидела, уставившись на него и разинув рот, и Хуан уже приготовился к взрыву. Но он заметил, что Уильям смотрит на девочку со странной улыбкой. Она наконец закрыла рот и сердито сверкнула глазами.

— Ладно, тут ты прав. Элис говорит, что этот талант может мне очень пригодиться, если я научусь контролировать его. Но пока, надо думать, со мной временами не слишком приятно иметь дело. — Она отвела на мгновение взгляд. — Но если не считать, что в нас обоих сидит будущий диктатор, не вижу ничего общего между собой и Берти. Я играю в открытую. И я одиночка. А Берти Джаб коварный и подлый. Он всюду запускает свои бородавчатые лапы. И никому не известно, что он собой представляет на самом деле.

— Неправда. Я знаю Берти с шестого класса. И мы с ним

дружим уже почти два семестра. Просто он учится заочно, потому что живет в Эванстоне[91].

Она помолчала, может быть запрашивая информацию об Эванстоне.

— А ты бывал в Чикаго? Встречался с Берти лично?

— Ну, вообще-то не совсем. Но на День Благодарения я почти неделю у них гостил. — Это было вскоре после того, как таблеточки начали действовать. — Он потаскал меня по музеям — нечто вроде тура службы «411». И я познакомился с его родителями, видел их дом. Не мог же он все это подделать? Берти же подросток, такой же, как мы.

Хотя по правде говоря, он редко представлял Хуану своих приятелей. Иногда казалось, что Берти боится, как бы они не сдружились между собой, оставив его в стороне. Налаживание связей было самым ярким талантом Берти, но он, похоже, считал свои связи собственностью, которую можно украсть. Довольно грустно.

Мири все это не убедило.

— Он не такой, как мы, Хуан. Вспомни Аннет. Я знаю, он во многие школьные компании затесался. Он везде и всюду, прямо какой-то мистер «Все-улажу». — Она замолчала, погрузившись в размышления.

Рич-роуд осталась позади, они приближались к южной границе города. В реале за окном простирались холмы, покрытые бесконечными улицами, домами и променадами. С придорожными наводками местность выглядела безмятежно дикой, кое-где прорезанной рекламами. То и дело попадались искусные вставки в виде крупных валунов, трансформированных в троллей — скорее всего, работа фанатов Пратчетта. Машина миновала спуск Пала и начала подъем на первый из тянувшихся на несколько миль гребней, которые отделяли их от Эскондидо и побережья.

— Еще осенью, — заговорила Мири, — Бертрам Джаб был просто одним из умников-всезнаек в моей языковой группе. Но за последний семестр он подстроил мне столько мелких подлянок, что начал раздражать. Теперь он привлек мое внимание. — Это звучало так, будто привлекать ее внимание было вредно для здоровья. — Я намерена узнать его тайну. Для этого нужен всего один промах с его стороны.

Она намекала на старую пословицу: секрет, открытый хоть где-то, хоть на миг, открыт навсегда.

— Ну, не знаю, — отозвался Хуан, — Промах можно скрыть, замаскировать среди других, фальшивых секретов.

— Ха! А может, Берти — это что-то жуткое. Например, целая

команда.

Хуан рассмеялся:

— Или даже что-нибудь пострашнее.

Следующие несколько миль они с Мири перебирали киноштампы: Берти Джаб мог оказаться искусственным человеком или супермозгом, запрятанным в бутылку где-то под Форт-Мидом[92]. А может, Берти — передовой отряд инопланетных захватчиков, уже установивший власть над всемирной паутиной. Или старая китайская программа, произвольно обретшая сознание, или это сеть, преобразовавшаяся наконец в сверхчеловеческий — и уж конечно злонамеренный — разум.

А может, Берти — просто плод воображения Хуана, а сам Хуан, не ведая о том, — чудовище. Последняя идея принадлежала Мири и была самой смешной, но в то же время немного страшной, по крайней мере для Хуана.

Машина свернула на трассу 56 и теперь двигалась к побережью. Здесь было больше реальных пейзажей — зеленые холмы с позолотой весенних цветов. Жилые кварталы сменились промзоной, протянувшейся на много миль. Серо-зеленые литопсы[93] геномных и протеомных автолабораторий впитывали последние солнечные лучи. Люди могут жить и работать где угодно. Но кое-что приходится располагать в специально выбранном реальном пространстве, причем поближе друг к другу, так, чтобы сверхскоростные каналы связи соединяли их в единое целое. В этих низких зданиях создавалась материальная экономика Сан-Диего; человеческий гений, механика и биология сошлись в них, чтобы творить чудеса.

Когда машина миновала лагуну к северу от Торри-Пайнс, солнце как раз утонуло в тумане. Свернув со скоростной трассы, они направились вдоль пляжа на юг. Бледные утесы центральной части парка вырастали впереди. Вершины холмов скрывались в облачках подступающего тумана.

Тупица молчал, не участвуя в веселье и болтовне ребят. Но когда Мири снова заговорила о том, что Берти в последнее время достает ее, он вдруг перебил:

— Я думаю, тут все очень просто. Почему Берти не дает тебе покоя, Мириам? Мне кажется, вы упустили одно объяснение, настолько фантастическое, что оно даже не пришло вам в голову.

Уильям высказал это с той усмешкой в голосе, какая иногда появляется у взрослых, обращающихся к маленьким детям. Но Мири не огрызнулась и не стала отшучиваться.

— О! — Она смотрела на Уильяма так, словно он высказал очень глубокую мысль. — Это надо обдумать.

Дорога вилась вверх сквозь туман. Мири приказала машине высадить их в дальнем конце кольцевого проезда на вершине холма.

— Давайте немножко осмотримся по пути к домику смотрителя.

Хуан шагнул на асфальт, сквозь который пробивались травинки. Солнце наконец по-настоящему село. Ух, как тут холодно! Он замахал руками, чтобы согреться, и заметил, что на Уильяме теплая куртка.

— Вам обоим стоило быть чуточку предусмотрительнее, — заметил Тупица.

Хуан скривился:

— Один холодный вечерок как-нибудь переживу.

Мама говорила то же самое. Приставки предусмотрительности стоили недорого, но Хуан убедил ее, что они тоже совершают глупые ошибки. Мальчик вытащил из машины свой сенсорный «пистолет» и запихнул его в длинный карман на спине жилета, стараясь игнорировать колотивший его озноб.

— Вот, Мириам.

Уильям подал девочке куртку большого размера, такую просторную, что ее можно было надеть поверх жилета со всем снаряжением.

— Ой, спасибо! — Она надела куртку, и Хуан еще острее ощутил холод и собственную глупость.

— И тебе тоже, старик. — Уильям бросил вторую куртку Хуану.

Странно, что можно чувствовать благодарность и злость одновременно. Хуан снял с «пистолета» кобуру и натянул куртку. Вечер вдруг стал гораздо приятнее. Правда, куртка блокировала добрую половину высокоскоростных портов, но в тумане они все равно не пригодятся.

Машина отъехала, а компаньоны пешком направились к домику смотрителя. По дороге Хуан заметил, что данные о парке здорово устарели. Туалеты у него за спиной были на месте, а вот парковка исчезла почти целиком, от нее остались только края, ограничивающие теперь кольцевой проезд. Хуан покопался в сети в поисках более свежей информации.

Никаких машин здесь, ясное дело, не было. Конец апреля — далеко не разгар туристического сезона, тем более что для Торри-Пайнс существует только туризм в реале.

Слой тумана лежал прямо под ногами. Клочки облаков тянулись к западу. В ясный день отсюда, должно быть,

открывается грандиозный вид на океан. Но сейчас из тумана показывались только смутные тени под темно-синим вечерним небом. Над горизонтом, где скрылось солнце, еще горело закатное зарево. Над ним висели Венера с Сириусом и самыми яркими звездами Ориона.

Хуан замедлил шаг.

— Странное дело…

— Что?

— Мне посылка.

Он направил стрелку на небо, чтобы показать остальным: баллистический контейнер «Fed Ex»[94] с обратным адресом в Кембридже. Посылка спускалась вертикально с очень большой высоты.

Примерно в тысяче футов над ними контейнер снизил скорость и приятный женский голосок в ухе у Хуана спросил:

— Вы примите посылку, мистер Орозко?

— Приму, приму, — Он указал место на земле у своих ног.

Все это время Уильям пялился в небо. Только теперь он встрепенулся, и Хуан догадался, что старик наконец-то отыскал взглядом стрелку. Через секунду посылка стала видна и невооруженному глазу: темная точка, искрящаяся голубоватыми сполохами, беззвучно спускалась к ним.

На высоте десять футов она снова притормозила, и тогда стало понятно, откуда идут эти сполохи: по периметру контейнера располагалась дюжина крошечных реактивных двигателей. Защитники прав животных утверждали, что микротурбины производят шум, невыносимый для некоторых разновидностей летучих мышей, но для человека и далее для собак и кошек все происходило в тишине… до самого последнего мгновения: примерно в футе над землей посылка вызвала внезапный порыв ветра, взметнувший сосновые иголки.

— Распишитесь здесь, мистер Орозко, — попросил голосок.

Хуан расписался и шагнул к контейнеру. Уильям, опередивший его, неуклюже опускался на колени. Его вдруг передернуло в самый неподходящий момент, и он шатнулся вперед, промяв коленом хрупкую упаковку.

Мириам рванулась к нему.

— Уильям! Тебе не больно?

Уильям откинулся назад и сел, растирая колено.

— Нет, со мной все в порядке, Мириам. Черт… — Он взглянул на Хуана. — Мне очень жаль, малыш. — В кои-то веки в его голосе не было сарказма.

Хуан промолчал. Он присел на корточки перед посылкой: это был стандартный контейнер весом в двадцать унций с сильно

продавленной теперь крышкой. Но материал не прочнее картона, так что Хуан легко открыл посылку. Внутри… Он вытащил прозрачный пакет и поднял его, чтобы видели остальные.

Уильям подался вперед, прищурился. Пакет был полон маленьких неправильной формы комочков.

— По мне, это похоже на кроличий помет.

— Ага, или на «здоровую» пищу, — добавил Хуан. Что бы это ни было, оно, как видно, не пострадало от неловкости Уильяма.

— Жабья отрыжка! Ты что здесь делаешь? — громко и отчетливо произнесла вдруг Мириам.

Подняв голову, Хуан увидел над пакетом знакомую фигуру. Берти, как всегда, ловко приспособился к освещению: его ухмылка тускло мерцала в сумерках. Он небрежно махнул Хуану:

— Поблагодарить меня вы все сможете потом. «Fed Ex» любезно предоставила мне две минуты, так что времени у меня только-только, чтоб все вам объяснить. — Он указал на пакет в руках у Хуана. — В парке вам это очень пригодится.

Мири: Нет у тебя никакого времени! Убирайся!

Хуан: Ты одним присутствием срываешь нам локальный экзамен, Берти!

Берти переводил взгляд с одного негодующего лица на другое. Мири он отвесил легкий поклон и произнес:

— Ты нанесла мне глубокую рану!

После чего повернулся к Хуану.

— Ничего подобного, мой милый мальчик. Прокторы[95] же не делают вам замечаний. Формально вы еще не приступили к выполнению экзаменационной работы. А я просто навестил своего партнера по команде в неограниченном — то есть тебя.

Хуан скрипнул зубами.

— Ладно. Что нового?

Берти растянул губы чуточку шире, чем способен реальный человек.

— Отлично продвигаемся, Хуан. С сибиряками мне повезло — они как раз додумались до того, чего не хватало Кистлеру. Так что у нас уже есть образцы. — Он кивнул на пакет в руке Хуана. — Ты получил первый комплект. — В его голосе появились просительные нотки. — Я не участвую в вашем локальном, но неограниченный экзамен ведь совмещенный, верно, Хуан?

— Ну да… — Это было уж слишком даже для Берти. Могу поспорить, образцы были у него готовы еще днем.

— Так вот, нам надо испытать эти «хлебные крошки», и я, случайно заметив, что мой партнер по команде как раз собрался на прогулку в Торри-Пайнс парк, решил…

Мири обожгла взглядом незваного гостя.

— Что ты пытаешься нам подсунуть? У меня здесь свои дела…

— Цельноорганические сетевые узлы, пригодные для полевых испытаний. О коммутационных лазерах и способности к подзарядке пока речи нет, но остальные функции у наших малюток в порядке: основные сенсоры, маршрутизаторы и локализаторы. И состав: белок да сахар, никаких вам тяжелых металлов. Один хороший дождь, и они превратятся в перегной.

Мири подошла к Хуану и рывком вскрыла пластиковый пакет. Принюхалась.

— Ну и вонь. Бьюсь об заклад, они токсичные.

— Ничего подобного, — возразил Берти. — Мы пожертвовали многими функциями, лишь бы сделать их безвредными. Спокойно можешь съесть крошку-другую, Мири. — Взглянув на нее, Берти хихикнул. — Но лучше не надо. В составе много азотных соединений…

Хуан уставился на маленькие комочки. Азотные соединения? Это ведь из обзора, который он делал в прошлом месяце! Его захлестнула обида, но он не смог подобрать слов и сказал только:

— Мы ведь как раз этого и добивались, Берти.

— Ага! — напыжился Берти. — Даже если мы не сумеем добиться стандартного набора функций, наша доля от продажи патента все равно принесет неплохие деньги. — И «пятерка» за неограниченный обеспечена… — Так вот, Хуан. Эти крошки всего три часа назад вышли из лаборатории органических соединений MIT. В уютной чистенькой лаборатории они отлично работают. А теперь неплохо бы протащить их в парк для полевых испытаний. Ты поможешь своей команде по неограниченному и в то же время выполнишь локальный проект. Вот это совмещение!

— Проваливай отсюда, Берти, — велела Мири.

Он снова поклонился девочке.

— Так или иначе, мои две минуты на исходе. Я ухожу. — И его изображение исчезло.

Мири нахмурилась в пустоту, где только что находился Берти.

— Хуан, решай сам, что делать с его какашками. Но даже если они полностью органические, все равно в парке их использовать не разрешается.

— Да, но ведь это чистая формальность, правда? Мусора-то от них не останется.

Мири сердито передернула плечами.

Уильям подобрал помятый контейнер.

— А с этим что будем делать?

Хуан махнул рукой.

— Да просто оставим. В Джамуле есть мини-площадка «Fed Ex». В контейнере еще должно хватить горючего, чтобы долететь до нее. — Но тут он заметил плавающий над коробкой ярлычок с отметкой о повреждениях. — *Сагау!* Пишут, что непригоден к полету. — Кроме того, на ярлычке имелось предупреждение об опасности возгорания и напоминание, что он, Хуан Орозко, расписался в получении и несет ответственность за правильную утилизацию упаковки.

Уильям попытался расправить контейнер. Пустая упаковка из пенопластмассы весила не больше двух-трех фунтов.

— По-моему, я сумею ее починить.

— Хм, — усомнился Хуан.

Мири объяснила деду, как маленькому:

— Это скорее всего не поможет, Уильям. И инструкции у нас нет. Если мы повредим топливную систему…

Уильям кивнул.

— Правильно, Мириам. — Он сунул контейнер в свой рюкзак и недоверчиво помотал головой: — Подумать только, долетела от самого Кембриджа!

Да, да…

Все трое двинулись прежней дорогой к домику смотрителя, только теперь они несли чуточку больше груза — и вещей и мыслей. Мири бормотала себе под нос, рассуждая, стоит ли использовать подарочек Берти.

Даже в тумане с помощью этих «крошек» они смогут куда тщательнее обследовать парк — если только удастся их протащить. Хуан лихорадочно соображал, что можно соврать смотрителю, и одновременно наблюдал за Уильямом. Старикан достал фонарик. Луч света метался по сторонам, выхватывая то корень дерева, то куст. Если подумать, не будь у них десантных очков, фонарик оказался бы куда полезнее жилетов. В каком-то смысле Уильям не так уж глуп. Но в другом…

Хуан рад был, что Уильям не всучил ему контейнер. Не хватало только таскаться с ним всю ночь: коробка относилась к токсичным отходам и наверняка донесла бы на него, если бы он попытался сунуть ее в обычный мусорный бачок. Старина Уильям не слишком заинтересовался крошками-узлами, а вот упаковка, в которой их доставили, даже поврежденная, прямо заворожила его.

У входа в парк еще держалась довольно приличная связь, но домик смотрителя скрывался за холмом, и его изображение Хуан вызвать не смог. К несчастью, веб-сайт государственных парков находился в стадии разработки. Хуан пошарил вокруг, но сумел

обнаружить только несколько, устаревших снимков. Может, смотрителя и нет. Вечером в понедельник, да еще и не в сезон, один оператор службы «411» вполне способен управиться со всеми парками Южной Калифорнии.

Свернув с тропы, компаньоны увидели домик, оказавшийся вовсе не похожим на беседку или киоск. Это было настоящее административное здание с реальным освещением и физически присутствующим смотрителем, мужчиной лет тридцати пяти, который вышел навстречу посетителям.

— Вечер добрый, — обратился он к Уильяму, потом заметил нагруженных снаряжением Хуана и Мириам. — Привет, ребята. Чем могу быть полезен?

Мириам взглянула на Уильяма. В глазах старика мелькнуло нечто очень похожее на панику. Он пробормотал:

— Прости, Манчкин. Не могу вспомнить, что в таких местах полагается делать.

— Ничего.

Мириам повернулась к смотрителю.

— Мы хотели бы приобрести пропуск на одну ночь на троих. Лагерь разбивать не собираемся, без устройства лагеря. На троих.

— Пожалуйста. — В воздухе между ними возникла квитанция вместе со списком правил поведения в парке. — Я сейчас. — Смотритель нырнул в свою контору и через мгновение вернулся с искателем. Эта модель уже могла считаться антиквариатом. — Мне следовало бы с этого начать.

Он подошел к Уильяму, но обращался ко всем троим, в сущности повторяя важнейшие пункты правил.

— Следуйте указателям. Скалолазание запрещено. Если вы заберетесь на склон утеса, мы узнаем, и вас оштрафуют. Оптические приборы у вас есть?

— Да, сэр.

Мириам показала свои очки. Хуан распахнул куртку, предъявив свои.

Смотритель рассмеялся.

— Ого! Давненько я таких не видал. Батарейки в парке не разбрасывайте. Это… — Он отвернулся от Уильяма и принялся ощупывать искателем ребят. — Это здесь очень важно. После вас все должно остаться так, как было. Никакого мусора и подключений к сети. Хлам быстро скапливается, а убирать здесь так, как делают в других местах, нельзя.

У кармана куртки Хуана искатель тоненько запищал.

Черт. Наверно, отвечают на запрос. Скорее всего образцы Берти невозможно выключить.

Смотритель тоже уловил звук. Он прижат искатель к куртке и

наклонился, прислушиваясь.

— Наверняка опять ложная тревога. Что у тебя там, сынок?

Хуан протянул ему пакет с темными бурыми шариками. Смотритель поднес его к свету.

— Это что же такое?

— Дорожная смесь, — ответил Уильям прежде, чем Хуан успел обнаружить свое замешательство.

— Да ну? Можно попробовать? — Смотритель открыл мешок. Хуан следил за ним широко раскрытыми глазами, но молчал. — На вид аппетитные, похожи на шоколад. — Он достал один комочек и помял его, и тут наконец почувствовал запах. — *Dios!* — Швырнув шарик на землю, смотритель посмотрел на измазанные бурой краской пальцы. — Пахнет как… ужас как пахнет. — Он поспешно сунул пакет в руки Хуану. — Не знаю, парень. Странный у тебя вкус.

Впрочем, вопросов он больше не задавал.

— Ладно. Думаю, вы можете пройти. Я покажу, где начинается тропа. Я… — На мгновение он замолчал, уставившись в никуда. — Опа! Я вижу, кто-то только что вошел в парк Маунт-Куямака, а я сегодня за ним тоже слежу. Так вы идете? — Он указал им тропу, тянущуюся на север от конторы. — Не потеряетесь: там впереди большой указатель.

Помахав им рукой, он вступил в разговор с туристами в горном парке.

Чем дальше они продвигались по тропе, тем более немодернизированным и глухим становился парк. Первую сотню футов у Хуана еще держалась радиосвязь, но и она становилась все слабее. Мири сообщила прокторам, что команда приступила к выполнению экзаменационной работы; раз уж через несколько минут они окажутся отрезанными от всемирной сети, почему бы не обратить это в заслугу.

Ну вот. Сама мысль, что невозможно обратиться за ответом к большому миру, была мучительной. Как зуд, когда нельзя почесаться, или камешек в ботинке, только гораздо хуже.

— Я много чего накопал о парке, Мири, но оказалось, что почти все устарело…

И ничего страшного в этом не было бы, если бы только можно было выйти в сеть и поискать более свежие данные.

— Об этом не беспокойся, Хуан. Я на прошлой неделе немножко потратилась, воспользовавшись службой «411». — Несколько гигабайт сверкнули в лазерном луче между ними… Она и вправду подготовилась. Карты и снимки выглядели очень современными.

Мири уверенно выбрала из нескольких тропок ту, что плавным зигзагом спускалась к северо-западу. Ей удалось убедить Уильяма отказаться от фонарика и надеть третью пару очков. Тупица неловко ковылял рядом. Он двигался довольно проворно, но каждые четыре-пять шагов его тело сотрясала судорога.

Хуану даже смотреть на него было неловко. Он отвел взгляд, играя с меню своих очков.

— Эй, Мири. Попробуй «VIS AMP»[96]. Здорово получается!

Некоторое время они шли молча. Хуан до сих пор бывал в Торри-Пайнс только с родителями, да и то совсем маленьким. И днем. А ночью, с «VIS AMP»… Свет Венеры, Сириуса и Бетельгейзе пробивался сквозь ветви сосен, отбрасывая во все стороны тени различных оттенков. Цветы большей частью закрылись, но среди поросли толокнянки и низких бледных кактусов кое-где качались красные и голубые головки. Здесь было спокойно и удивительно красиво. Ну и пусть маломощные очки позволяют видеть только прямо перед собой — это только добавляло очарования. Компаньоны получали обзор без помощи извне, на шаг приблизившись к реальному миру.

— Ладно уж, Хуан. Попробуй разбросать несколько какашек своего Берти.

Хлебных крошек?

— Конечно.

Хуан открыл пакет и кинул один шарик на край дорожки… Ничего. Он активизировал беспроводной диагностер. Ух ты!

— Тихое здесь местечко.

— А ты чего ждал? — пожала плечами Мири. — Сети-то нет.

Хуан нагнулся пониже, чтобы рассмотреть «крошку». Искатель смотрителя вызвал хоть какой-то отклик, но на запрос Хуана ответа не было вовсе. А Берти не скинул ему протокол запуска. Ну, это, пожалуй, не страшно. Хуан был из запасливых: всевозможные стандартные подключки нашлись у него прямо в «носилке». Он посылал крошке один стартовый сигнал за другим. Все перебирать не пришлось: вскоре в контактных линзах Хуана вспыхнул виртуальный огонек.

— Ого! Эта ожила! — Он повернулся к Мири и Уильяму.

— Хорошее начало, Хуан. — Кажется, Мири в кои-то веки была им довольна.

Тропа была широкой и песчаной, сучковатые сосны простирали лапы с длинными иголками над головой ребят и тыкали ими прямо в лицо Уильяму. Среди материалов о парке, скачанных Хуаном, была информация о том, что эти сосны нигде в мире больше не сохранились. Они запускали корни в склоны холмов и год за годом стояли назло эрозии, засухе и холодным

ветрам. Хуан оглянулся через плечо на неуклюжую фигуру тащившегося следом Уильяма. Да уж, старик и сам вроде этих сосен.

Они уже входили в слой тумана. Справа и слева молчаливо и таинственно проплывали полупрозрачные колонны. Звездный свет то тускнел, то снова становился ярким.

Сигнал оставшегося за спиной узла постепенно затухал, пока и вовсе не сошел на нет. Хуан вытащил вторую крошку, послал ей соответствующий стартовый сигнал и бросил на край тропы. Диагностер показал слабую вспышку, а секунду спустя узел поймал сигнал первого и загорелся ярче.

— Соединились! Я получаю данные с первого узла.

Ха! Обычно о таких пустяках просто не думаешь. Эти узелки немного напоминали мальчику игрушечную сеть, которую купил ему папа, когда еще работал. Хуану было всего пять лет, и игрушечные узлы казались до нелепости примитивными, но отец с сыном провели несколько счастливых дней, раскидывая их вокруг дома, и Хуан получил представление о работе сети, которое имелось далеко не у всех взрослых.

— Отлично, я их вижу, — сказала Мири. — Эти узлы ведь не дают выхода в глобальную сеть? Не хотелось бы транслировать наши данные на весь мир.

Да, ясное дело, локальный экзамен!

— Пока не запрашиваем экстренную помощь, мы изолированы. — Он разбросал еще пять-шесть крошек — достаточно, чтобы точно проследить их относительное расположение. Диагностер выдал изображение — уже не смутные отблески, а алмазно-яркие огни.

Туман все плотней окружал их, звездный свет стал призрачным. Мири, шедшая впереди, споткнулась.

— Смотри под ноги… Света маловато.

Местами туман был таким густым, что «VIS AMP» только создавал цветные помехи.

— Точно. Наверное, надо переключаться на инфракрасный.

Они остановились и принялись как придурки возиться с ручным управлением. Такие вещи должны быть полностью автоматизированы! Ближний инфракрасный не слишком помог. Мгновение Хуан наблюдал, как нити NIR-лазера метались между портами на их одежде — в тумане эти малютки действовали футов на пять, не больше.

Мири справилась первой.

— Вот так-то лучше, — сказала она.

Хуан наконец настроил свое снаряжение на тепловой инфракрасный. Лицо Мири стало цвета раскаленного железа, и

только холодные очки были непроницаемо черными. Растения в основном мерцали слабыми красноватыми очертаниями. А под ногами оказалась деревянная ступень с тремя черными дырами. Хуан наклонился и обнаружил, что они металлические и холодные. А, штифты, закрепляющие ступени.

— Идем, — поторопила Мири. — Я хочу спуститься на дно каньона.

Лестница была крутой, с толстыми деревянными перилами со стороны обрыва. Туман мешал и теперь, но инфракрасное изображение позволяло видеть ярдов на десять вперед. По сторонам вспыхивали красноватые отблески — участки более теплого воздуха. До дна оказалось далеко, дальше, чем они предполагали. Хуан выбросил еще несколько хлебных крошек и оглянулся на тропу, где остались маячки других узлов. Как все по-глупому устроено! У него на контактных линзах светились только огоньки крошек — а ведь должен открываться полный спроецированный пейзаж. Но очки десантника усиливали сигнал. А если без них? Он остановился, отключил наводки своей носилки и на минуту сдвинул с лица очки. Темнота, полная темнота, и холодный влажный ветер касается щек. Пресловутая изоляция!

Он услышал позади шаги Уильяма. Старикан остановился, и они секунду молчали, прислушиваясь к тишине.

Снизу донесся голос Мири:

— Ты в порядке, Уильям?

— Конечно, все хорошо.

— Отлично. Не будете ли вы с Хуаном так любезны спуститься ко мне? Для быстрого обмена данными нам надо держаться рядом. Хуан, ты принимаешь видео с этих какашек?

Берти уверял, что в них встроены все основные сенсоры.

— Ничего нет, — отозвался Хуан. Он снова надвинул очки и направился к ней.

Изображение с крошек должно было передаваться на его линзы, а он видел только сигнал диагностера. Подключив еще одну крошку, он с размаху забросил ее подальше. На линзах отражалось ее местонахождение. Она падала, падала и падала, и наконец Хуан увидел ее виртуальный блеск «сквозь» твердую скалу.

Он еще минуту изучал сигнал диагностера.

— Знаешь, похоже, они в самом деле передают изображение, только на очень низкой скорости.

— Вот и хорошо. Я перестроюсь на радиочастоты.

Мири перегнулась через перила, заглядывая вниз.

— Только формат незнакомый. — Хуан показал ей то, что

видел. Сибирские приятели Берти пользовались чем-то неслыханным. В обычных условиях Хуан разослал бы несколько запросов и в считаные секунды определил бы формат, но здесь, в темноте каньона, он оказался бессилен.

Мири сердито махнула рукой.

— Так твой Берти подсунул нам штуковины, которыми можно воспользоваться, только если сначала запросить помощь? Не дождется! Мой проект — не для бородавчатых лапок Берти.

Эй, Мири, мы с тобой вроде как в одной команде? Хорошо бы она перестала смотреть на него как на грязь под ногами. Но насчет приемчиков Берти она права. Тот вручил им настоящее чудо, но оставил при себе кое-какие мелочи, без которых это чудо совершенно бесполезно. Сперва протокол запуска, теперь вот этот поганый видеоформат. Рассчитывал, что рано или поздно они приползут к нему, умоляя стать невидимым членом их команды. *Я мог бы его вызвать…* Одежда Хуана была достаточно мощной, чтобы на несколько минут установить связь с узлами на высотах Дель-Мар. Опасность попасться велика: Файрмонт славился внимательными прокторами, но и они не могли отслеживать все каналы одновременно. Сегодня днем Берти почти в открытую похвастался, что такое жульничество вполне возможно.

Черт тебя побери, Берти! Я не собираюсь прорывать изоляцию. Хуан просмотрел таинственные сигналы хлебных крошек. Скорее всего, они передают инфракрасное изображение. *А у меня же полно материала для сравнения: все, что я последние минуты видел сквозь очки!* Пожалуй, настало время воспользоваться чудесной памятью — действием голубеньких таблеточек. Если он вспомнит, какой блок изображений соответствует транслируемому с крошек, и загрузит его в «носилку», то можно будет произвести декодирование формата… На мгновение Хуан совершенно отупел, потом его настигла жуткая паника… но он быстро пришел в себя и все вспомнил. Он скормил изображения своей «носилке». Она тут же жадно захрустела, выплевывая возможные варианты.

— Попробуй это, Мири.

Он сбросил ей лучшие из полученных данных и скорректировал их через пять секунд, когда его «носилка» выдала еще несколько решений.

— Да! — Он увидел корни большой сосны в дюжине ярдов за спиной. Спустя несколько секунд появилась другая картинка: черное небо и бледно мерцающие ветви. В сущности, все хлебные крошки генерировали тепловое инфракрасное изображение с низким разрешением каждые пять секунд, хотя передавать его так быстро у них не получалось.

— А это что за циферки?

Числа кучками были разбросаны на самых сложных участках изображения.

— Э-э… это просто графические указатели иерархии!

Хуан сказал правду, хотя и не желал, чтобы Мири догадалась, каким образом он их использует. Он поставил себе на напоминалку удалять их со всех последующих изображений.

Мири помолчала, рассматривая картинки, которые поступали с узлов, оставшихся на тропе, и с одного, заброшенного куда-то вниз. Хуан почти готов был потребовать себе в награду чуточку откровенности насчет того, что именно они разыскивают, но тут Мири спросила:

— Этот формат — одна из головоломок сибиряков, да?

— Похоже на то.

Все эти необычные форматы создавались необщительными типами, которые тащились от того, что с ними невозможно взаимодействовать.

— И ты разгадал ее за пятнадцать секунд?

Порой Хуан сначала говорил, а потом уже думал.

— Да, — подтвердил он, восхищаясь собственной ловкостью.

Незакрытая очками часть ее лица вспыхнула.

— Лживый хорек! Ты запрашивал помощь извне.

Теперь и Хуан вспыхнул.

— Не смей звать меня лжецом! Знаешь ведь, что я хорошо разбираюсь в интерфейсах.

— Ненастолько. Хорошо, — ледяным тоном отчеканила Мири.

Сагау! Хуан поздно сообразил, что стоило соврать. Сказал бы, что он и раньше имел дело с сибирским форматом. А теперь меньшим из зол было согласиться с тем, что он обращался к Берти. Но произнести эту ложь у Хуана язык не поворачивался, пусть даже Мири догадается, что произошло на самом деле.

Она несколько секунд разглядывала его.

Уильям вертел отягощенной очками головой, переводя взгляд с одного на другого. Он первым нарушил молчание, спросив с удивлением:

— Что это ты делаешь, Мириам?

Хуан уже догадался.

— Просматривает туман и слушает.

Мири кивнула.

— Если бы Орозко шептался по радио, я бы услышала. Если бы он использовал направленный луч, туман в этом месте рассеялся бы. Пока я ничего такого не замечаю.

— А может, я перебросил микроимпульс, — Хуан с трудом

выдавливал слова, но при этом пытался говорить с сарказмом: любой лазер, достаточно яркий, чтобы пробить туман, оставил бы после себя свечение.

— Может. Если ты это сделал, Хуан Орозко, я так или иначе узнаю, и ты вылетишь из школы!

Она снова повернулась к обрыву.

— Идем.

Лестница становилась все круче; в конце концов они добрались до поворота, после которого футов шестьдесят шли по пологой дорожке. Противоположная сторона каньона была не дальше пятнадцати футов от них.

— Должно быть, дно уже близко, — заметил старик.

— Нет, Уильям. Эти каньоны ужасно глубокие и узкие.

Мири сделала им знак подождать.

— У меня чертова батарейка села.

Пошарив по карманам, она заменила мертвую батарейку полумертвой. Потом подключила очки и перегнулась через перила.

— Ого! Отсюда хороший вид. — Она махнула в глубину. — Знаешь, Орозко, пожалуй, здесь можно поработать активным зондом.

Хуан вытащил «пистолет» и подключил его к снаряжению. Б**о**льшая часть функций ожила.

BAT:LOW	SENSORS		BAT2:NA
PASSIVE		ACTIVE	
VIS AMP	OK	GPR	NA
NIR	OK	SONO	NA
>TIR	OK	XECHO	NA
SNIFF	NA	GATED VIS	NA
AUDIO	NA	GATED NIR	NA
SIG	NA		

— Что ты хотела испытать?

— Поверхностный георадар. — Она указала «пистолетом» на стену каньона. — Добавь своей мощности, а смотреть будем вместе.

Хуан повозился с управлением. Радар издал слабый щелчок, посылая импульс в скальную стену.

— Ага!

На инфракрасном изображении десантных очков появилась лавандовая россыпь. Снимки, сделанные при дневном свете, которые Хуан успел закачать, демонстрировали скалу белого песчаника с выемками и зазубринами, оставленными ветром и водой. Микроволновый импульс показал то, о чем можно было только догадываться: влагу, разъедавшую и подтачивавшую скалу изнутри.

— Наведи пониже.

— Сейчас.

Он снова выстрелил.

— Видишь, там, внизу? Похоже на высеченные в скале тоннели.

Хуан присмотрелся к лавандовому узору. Он отличался от рисунка выше, но все-таки…

— Наверное, там просто вода сочится.

Мири уже сбегала по ступенькам.

— Брось еще одну какашку!

Через тридцать футов они добрались до места, где тропа была завалена крупными камнями. Двигаться приходилось медленно. Уильям, остановившись, махнул в сторону дальней стены:

— Смотрите, указатель.

К песчанику была прикреплена квадратная деревянная табличка. Уильям включил свой фонарик и направил его на знак. Сдвинув очки, Хуан воспользовался сомнительным преимуществом освещения: уже за десять футов все скрывалось за жемчужной стеной тумана. Зато стали видны выцветшие буквы надписи: «ГОРЕ ТОЛСТЯКАМ».

Уильям хихикнул и чуть было не потерял равновесие.

— Вам не приходило в голову, что старомодные таблички — это как раз то, чего мы добиваемся от ярлычков? Они безличны, информативны и расположены именно там, где нужно.

— Вообще-то да… Но как мне ее выделить, чтобы запросить объяснения, что она означает?

Уильям выключил свой фонарик.

— Думаю, это означает, что дальше каньон становится еще уже.

Это мы и так знали из карты Мири. От начала тропы это выглядело ущельем футов сто в ширину. Оно сужалось и сужалось, пока расстояние между стенами не сократилось до десяти футов. А дальше…

— Брось еще несколько какашек, — попросила Мири, указывая вниз.

— Сейчас.

Их еще оставалось достаточно. Хуан осторожно скинул шесть крошек и стал следить за сетевым диагностером. Одна крошка, кажется, скатилась футов на двадцать пять — тридцать, почти на дно каньона. Хуан набрал воздуха в грудь:

— Мири, ты собираешься объяснить, что конкретно мы ищем?

— Я сама точно не знаю.

— Но люди из Калифорнийского Университета шарили именно здесь?

— Здесь тоже, но больше на юге долины.

— Круто, Мири. А ты, значит, притащила нас сюда?

— Слушай, ты! Я ничего не скрываю! С обзорной площадки на Дель-Мар я видела каньон. Через несколько недель после того, как шишки из Университета уехали, именно здесь я заметила небольшие изменения в растительном покрове, в основном в этой долине. А по ночам летучие мыши и совы были сперва более, а потом менее активны, чем обычно… А сегодня ночью мы обнаружили в скале что-то вроде туннелей…

Уильям явно недоумевал:

— И это все, Мириам?

Девочка не стала огрызаться, как огрызалась на расспросы Хуана. Кажется, она даже растерялась.

— Ну… это просто общая ситуация. За январской экскурсией в парк стояли Феретти и Восс, Один занимается синтетической этологией[97], второй — протеомикой[98]. И они ни с того ни сего собрались в Сан-Диего. И я уверена… почти уверена… что оба консультируют «Foxwarner».

Хуан вздохнул. Немногим больше, чем она рассказала с самого начала. Может быть, главный недостаток Мири не в том,

что она корчит из себя начальницу, а в слишком уж живом воображении. Хуан недовольно хмыкнул:

— И ты решила, что стоит тут хорошенько пошарить, как непременно отыщутся серьезные доказательства?

— Да! Кто-то же должен быть первым! С нашими зондами и… ну да, с какашками Берти мы почти ничего не упустим. Я предполагаю, что «Foxwarner» намерен переплюнуть прошлогоднюю выдумку Спилберг/Роулинг с магма-монстрами. Это будет что-то маленькое, но очень правдоподобное. И раз киношники пригласили в качестве консультантов Феретти и Босса, могу поспорить, что это будет какой-нибудь «Побег из биологической лаборатории».

И Сан-Диего вполне подходит для такого сценария!

Новые крошки установили связь с ближайшими соседями. Виртуальные огоньки расширившейся сети поблескивали наверху и внизу. В результате Хуан и Мири получили два десятка маленьких «глазок», осматривающих весь каньон. Разрешение было по-прежнему низким, зато крошки передавали столько данных, что «носилки» не успевали воспринимать все сразу. Приходилось тщательно выбирать точку обзора.

— Ну вот, — сказал Хуан, — давайте просто посидим малость и понаблюдаем.

Тупица остался стоять. Он смотрел куда-то вверх: Хуан догадался, что старику не управиться с видео, которые он ему пересылал. Ему, верно, стало скучновато. Неожиданно Уильям заговорил:

— Вы не чувствуете запах дыма?

— Пожар? — с тревогой спросил Хуан и втянул носом воздух. — Может быть. — А может, так пахнет какой-нибудь ночной цветок. Запахи не идентифицируешь с помощью поисковой системы, и Хуан плохо в них разбирался.

— Я тоже чувствую, Уильям, — сказала Мири. — Но здесь очень сыро, наверняка это не опасно.

— И потом, — подхватил Хуан, — будь вблизи открытый огонь, мы в наших очках увидели бы горячий воздух.

Может быть, кто-то на берегу развел костер.

Уильям пожал плечами и снова принюхался. *Ну разумеется, и у Тупицы найдется хоть один талант, и уж конечно бесполезный.* Чуть помедлив, он уселся рядом с ребятами, но, насколько мог судить Хуан, старик не обращал внимания на картинки, которые пересылал ему мальчик. Уильям открыл свой рюкзак и вытащил контейнер службы доставки — никак не наиграется с этой штуковиной. Старик попробовал аккуратно выгнуть крышку, потом поставил коробку себе на колени. Несмотря на все

предостережения Мири, Тупица явно намеревался выправить упаковку. Он осторожно заносил руку над серединой крышки, нацеливался поточнее… но тут рука неожиданно дергалась, и приходилось начинать все сначала.

Хуан отвел взгляд. *Какая земля холоднющая! И жесткая!* Он переполз поближе к стене и начал перебирать картинки, полученные от крошек. Ничего особенного. Но если сидеть тихо и молча… становятся слышны звуки. Возможно, их издают насекомые? А на заднем плане отдаленный рокот. Автомобили? Вероятно. И вдруг Хуан догадался, что слышит шум прибоя, приглушенный туманом и стенами каньона. Правду сказать, в этом звуке было что-то умиротворяющее.

И тут совсем рядом раздался щелчок. Оглянувшись, Хуан обнаружил, что Уильям снова взялся за свое выправлял контейнер. Теперь он больше не казался таким помятым, и на месте предостерегающего ярлычка загорелся зеленый огонек.

— Уильям, ты его починил! — воскликнула Мири.

Старик ухмыльнулся.

— Ха! С каждым днем я чувствую себя лучше во всех отношениях. — Он секунду помолчал и чуть ссутулился. — Ну, во всяком случае, не так, как раньше.

Хуан смерил взглядом расстояние между стенами каньона у себя над головой. Места должно хватить.

— Просто поставьте его на землю, и он улетит прямиком в Джамул, — посоветовал Хуан.

— Нет, — возразил Уильям и положил контейнер обратно в рюкзак.

Ну, ясно, прикольная коробочка. Играй себе на здоровье, Уильям.

Они еще посидели, слушая прибой и принимая картинки от крошек. Иногда в изображениях возникали изменения, мелькали темные пятнышки, наверное мошкара или мотыльки. Один раз показалось что-то побольше — светящийся нос и размытая лапа.

— Спорим, лиса, — сказала Мири. — Но это сигнал с узла над нами, а ты включи что-нибудь со дна каньона.

— Сейчас.

Внизу и вовсе почти ничего не происходило. Может, кинотеории Мири в конечном счете оказались просто воздушными замками. Хуан, в отличие от большинства, проявлял очень мало интереса к кино, а сейчас даже не мог запросить нужную информацию. Вот дурень! Чего только не накачал по дороге к парку, а вот сплетен из киношного мира насобирать не догадался.

— О, змея! — воскликнула Мири.

Последняя картинка поступила с крошки, застрявшей в кусте всего в нескольких дюймах над дном каньона. Она давала хороший обзор, но никакой змеи Хуан не видел. Вот сосновая шишка, и рядом с ней на темном песке замысловатый узор.

— А, дохлая змея. — В тепловом инфракрасном тело едва выделялось. — А может, просто сброшенная шкура.

— Вокруг нее полно следов, — отметила Мири. — По-моему, мышиных.

Хуан пропустил изображение через несколько фильтров и получил полдюжины отчетливых отпечатков лап. Он извлек снимки, сохраненные с уроков природоведения, и порылся в них, преобразуя и отыскивая соответствия.

— Это и правда мышиные следы. Только не сумчатой мыши и не белоногого хомяка. Следы слишком крупные, и пальцы расположены под другим углом.

— А ты почем знаешь? — подозрительно осведомилась девочка.

Хуан не собирался повторять недавнюю оплошность.

— Я еще раньше загрузил кое-что из естествознания, — правдиво ответил он, — и заодно несколько довольно крутых аналитических программ.

— Ну, раз так… И что это за порода мышей?..

С заинтересовавшей их крошки поступил новый вид.

— Ух ты!

— Что такое? — спросил Уильям. — Вот дохлая змея.

Как видно, он отставал от ребят на пару снимков.

— Гляди, Уильям. Там мышь, чуть ниже нашей точки обзора…

— И смотрит на нас!

Прямо в камеру уставились блестящие бусинки глаз.

— Готов поспорить, что мыши не видят в темноте! — удивился Хуан.

— А «Foxwarner» никогда не придерживался фактов.

Хуан отметил трансляцию с этой крошки как приоритетную. *Ну, давай, давай!* Одновременно он анализировал уже полученные снимки. Шкурка мыши светилась бледно-красным, переходящим в оранжевый там, где шерстка была короче. Бог весть как это выглядит при естественном свете. Ага, а вот форма головы похожа…

Поступил следующий снимок. Теперь на них смотрели уже три мыши.

— Может, они и не видят какашку, а просто почуяли запах?

— Тсс! — прошипел Уильям.

Мири наклонилась вперед, прислушиваясь. Хуан тоже напряг

слух и сжал кулаки. Мерещится или внизу взаправду что-то тихонько скребется? Крошка блестела в добрых тридцати футах под ними.

Огонек узла сдвинулся.

Хуан услышал, как Мири резко втянула воздух.

— Наверно, они встряхнули куст, на котором держалась какашка, — шепнула она.

Следующее изображение шло прямо с земли. Размытые очертания лапок и очень четкий снимок головы.

Хуан сделал картинку поконтрастнее и провел еще несколько сравнений.

— Не знаешь, какого цвета эти мышки?

— Откуда мне знать?

— Может, белые? Я к тому, что лабораторные мыши как раз подходят.

На самом деле Хуан только-только успел прикусить язык. Он собирался сказать: «Конечно, белые. Форма головы соответствует описанию лабораторных мышей генетической линии 513». Этот вывод был сделан с помощью стандартной программы и кое-каких сохраненных данных, но ни один нормальный человек не сумел бы провести сравнительный анализ так быстро.

На его счастье, Мири отвлеклась на другое. Огонек крошки двигался по горизонтали короткими рывками. Поступила новая картинка, но на ней все было размыто.

— Они ее перекатывают. Играют с ней.

— Или тащат куда-то.

Ребята дружно вскочили на ноги, за ними поднялся и Уильям. Мири понизила голос до шепота:

— Да, лабораторные мыши как раз подходят. Беглые супермыши! Они задумали ремейк «Секрета крыс»![99]

— Но там же о крысах[100].

— Мелочи. — Она уже спускалась дальше по тропе. — Зато по времени все совпадает. Как раз истек срок действия авторских прав на второй ремейк. А ты заметил, как естественно они выглядят! Такие отличные аниматроники[101] научились делать всего несколько месяцев назад.

— Может, они действительно настоящие? — предположил Уильям.

— Вроде дрессированных? Может быть. По крайней мере, в части съемок.

Последняя картинка отражала холодную темноту. Должно быть, камера была направлена в землю.

Они спускались все ниже, стараясь по возможности не шуметь, хотя шум прибоя здесь был намного громче и заглушал

звук шагов. А мыши тем временем продолжали катить похищенную хлебную крошку. Она успела продвинуться по дну каньона футов на пятнадцать. Изображение поступало все реже и реже.

— *Сагау!* Выпадает из сети.

Хуан достал из пакета еще три крошки и одну за другой забросил их как можно дальше. Через несколько секунд новые крошки зарегистрировались в сети. Одна приземлилась на уступе чуть впереди над ними. Вторая упала между людьми и мышами. Третья? *Ха!* — Ее огонек блеснул на приличном расстоянии от мышей. Теперь было из чего выбирать. Хуан запросил вид с самой дальней. Она смотрела назад, в ту сторону, с которой подходили мыши. Ощущение масштаба нарушилось, и все это напоминало фантастический снимок Йосемитской долины[102].

Они наконец добрались до дна и смогли прибавить шагу. Уильям сзади предупредил:

— Береги голову, Манчкин.

— Ой! — Мири остановилась. — Ну и занесло нас…

Для мышей это было просторное ущелье, но с точки зрения людей стены впереди сходились почти вплотную.

— А книзу проход шире. Спорим, я смогу пролезть. И ты сможешь, Хуан.

— Попробую, — отрывисто бросил Хуан.

Он протиснулся мимо нее и шагнул в проход. Хуан достал активный зонд и держал его в руке, примеряясь. Если встать боком и наклониться, можно пройти. Даже куртку снимать не придется. Он продвинулся на пару футов и подтянул к себе руку с зондом. Дальше щель становилась шире, и Хуан смог развернуться и идти прямо.

Почти сразу его догнала Мири. Она смотрела вверх.

— Уф! Прямо как пещера с дырой в потолке.

— Мне это не нравится, Мириам, — послышался сзади голос Уильяма. Ему, хоть убей, было не протиснуться за ними.

— Не волнуйся, Уильям. Мы постараемся не застрять.

В случае реальной опасности они вполне могли вызвать «911».

Ребята продвинулись еще на пятнадцать футов, и здесь проход снова сузился, еще сильнее, чем прежде.

— *Сагау!* Украденная крошка выпала из сети.

— Может, лучше было остаться наверху и наблюдать оттуда.

Немножко запоздалое предложение! Хуан проверил сеть. От потерянного узла не было даже призрачного сигнала. Зато поступило несколько картинок с крошки, которую он забросил дальше всех: на всех оказалась пустая тропа.

— Мири! По-моему, наши мыши не добрались до следующего узла.

— Эй, Уильям, ты слышал? Мыши свернули в какую-то дыру.

— Слышу. Я посмотрю здесь.

Хуан с Мири повернули обратно по расщелине, разыскивая отверстие. Разумеется, никаких теней не было видно. Мелкий песок под ногами казался почти черным, опавшие сосновые иголки выглядели немногим ярче. И по сторонам остывающие песчаниковые стены только чуть пестрели красноватыми точками.

— Казалось бы, их нора должна светиться.

— Значит, они глубоко забрались. — Мири подняла пистолет-зонд и подключила радар. — Морская пехота спешит на помощь!

Они пересекли расщелину от одного сужения до другого. Когда «дуло» приставили прямо к камню, лавандовый узор эхограммы оказался гораздо подробнее, чем прежде. И в самом деле здесь были ходы, по размеру как раз для мыши, и уходили они в глубину скалы. Ребята за пять минут израсходовали три батарейки, но…

— Входа мы так и не нашли!

— Ищи дальше. Мы же знаем, что он здесь.

— *Сагау*, Мири! Его здесь нет.

— Ты прав. — Это сказал Уильям. Он прополз первую половину расщелины, чтобы взглянуть на них. — Возвращайтесь. Малявки свернули еще до того, как проход сузился.

— Что? Откуда ты знаешь?

Уильям попятился, и ребята выбрались следом за ним. Старина Уильям не терял времени даром. Он смел сосновые иголки и шишки с края тропы. Его маленький фонарик лежал на земле.

Но ребята и без фонарика видели, что обнаружил Уильям. Край тропы, только что казавшийся холодным и темным, смутно краснел: красное сияние сочилось с поверхности скалы как слабая, направленная вверх струйка крови.

Мири распласталась на земле и принялась шарить там, где свечение было самым ярким.

— Ха, палец попал в дыру! До дна не достать. — Она потянула руку назад… и оранжевый фонтан выплеснулся вслед за ее ладонью и расплылся в воздухе, остывая до красного у них над головой.

И слабо потянуло дымком.

На мгновение компаньоны застыли, уставившись друг на друга, и выпученные глаза очков словно отражали их потрясение.

Поток теплого воздуха из норы иссяк.

И Мири, и Хуан уже стояли на коленях. Они всматривались

изо всех сил, но низкое разрешение очков не позволяло им отчетливо разглядеть дыру — они видели просто пятно, красневшее немного ярче, чем все остальное.

— Попробуй «пистолет», Хуан.

Он прозондировал скалу над дырой и вокруг нее. Крошечный коридор расширялся в двух футах от входного отверстия, несколько раз разветвлялся и наконец вливался в сеть туннелей и пещерок.

— Так куда подевалась какашка, которую они заграбастали? Хорошо бы получить несколько изображений изнутри.

Хуан пожал плечами и подкормил свой зонд свежей батарейкой.

— Наверное, они далеко, за несколькими футами скалы. Крошка слишком маломощная, не дотягивает.

Хуан с Мири переглянулись и рассмеялись.

— Но у нас еще полно хлебных крошек! — Нащупав дыру, Хуан запустил в нее темный комочек. Узел загорелся в шести дюймах от входа, за первой развилкой туннеля.

— Попробуй еще.

Хуан быстро изучил схему туннелей.

— Если хорошенько прицелиться, спорим, она прокатится на пару футов!

Сигнал от крошки на мгновение пропал, а потом снова стал передаваться через первую. Есть!

— А от той, что мыши украли, — ничего, — вздохнула Мири. В туннеле светились две яркие точки, в шести и тридцати шести дюймах от них.

Хуан приставлял ствол «пистолета» к скале в разных местах. Радар на полной мощности мог прозондировать довольно толстый слой камня. Только много ли он поймет из выходных сигналов?

— Думаю, я сумею еще кое-что выделить, — сказал он, рискуя усугубить подозрения Мири, — Третья развилка туннеля. Ее преграждает… что-то мягкое.

К ним медленно продвигалась светящаяся клякса.

— Похоже на мышь.

— Ага… и она оказалась между двумя хлебными крошками — в положении, подходящем для двупозиционной радиотомограммы. *Если я сумею все это скомбинировать…* На мгновение вся вселенная для Хуана сосредоточилась в вопросе, как совместить «крошкотомограмму» с эхом радара. Изображение становилось все более детальным. Хуан на секунду вырубился и на миг после припадка забыл об осторожности.

Это и вправду была мышь. Она направлялась вверх по

тоннелю, к выходу, за которым наблюдали люди. Им видны были даже ее внутренности, а также твердые участки — череп, ребра и конечности. И что-то торчало у нее в передней лапке. Все это напоминало какой-нибудь дешевый графический трюк. Жаль, что Мири не сочла это за трюк.

— Вот! Теперь я тебя раскусила, Хуан! В одиночку так быстро работать невозможно! Ты впустил Берти с его комитетом…

— Честно, Мири, я все сделал сам, — воскликнул Хуан, оправдываясь, когда ему следовало бы молчать.

— Из-за тебя нам поставят «единицу», а Берти получит все, что мы собрали!

Уильям наблюдал за ними так же равнодушно, как в прошлый раз, когда Мири стала нападать на Хуана. Только теперь он вмешался:

— Я вижу изображение, Манчкин, но… по-моему, он не лжет. Я думаю, он сделал это сам.

— Но…

Уильям повернулся к Хуану.

— Ты на таблетках, да, малыш? — мягко спросил он.

Если тайна раскрыта…

— Нет!

Постарайся, чтобы обвинение показалось нелепым! Но Хуан растерялся и не нашел слов.

Мгновение Мири смотрела на него разинув рот. А потом сделала то, о чем Хуан не раз думал впоследствии. Она вскинула руки ладонями вперед, чтобы заставить их обоих замолчать.

Уильям ласково улыбнулся.

— Не беспокойся, Мириам. Не думаю, что мы попадем в летний релиз «Foxwarner». Думаю, никто не узнает, о чем мы говорили на дне глубокого каньона, в густом тумане.

Девочка медленно опустила руки.

— Но… Уильям… — Она кивнула на светящееся у тропинки пятно. — Это никак не может быть естественным.

— Да, но в каком смысле они неестественные, Манчкин? Взгляни на изображение, которое получил твой друг Хуан. Ты видишь внутренности мыши. Это не аниматроник. — Уильям провел дрожащей ладонью по волосам. — Я подозреваю, что в какой-нибудь из местных лабораторий в самом деле упустили нескольких подопытных животных. Вероятно, эти существа не так умны, как люди, но у них хватило сообразительности, чтобы сбежать и одурачить тех… кто, говоришь, копался здесь в январе?

— Феретти и Восс, — тихо проговорила Мириам.

— Да. Возможно, чтобы одурачить их, достаточно было затаиться здесь, когда дно каньона покрывала вода. Я вполне

уверен, что эти создания всего лишь самую малость умнее обычных лабораторных мышей. Но маленького преимущества может оказаться достаточно, чтобы изменить мир.

И Хуан понял, что Уильям имеет в виду не только мышей.

— Я не хочу менять мир, — сдавленно проговорил он. — Я просто хочу получить в нем свой шанс.

Уильям кивнул.

— Что ж, справедливо.

Мири переводила взгляд с одного на другого. Насколько мог разобрать Хуан, лицо ее было очень серьезно.

Мальчик повел плечом.

— Все в порядке, Мири. Думаю, Уильям прав. Мы здесь одни.

Она наклонилась к нему поближе:

— Это Берти тебя втянул?

— Отчасти. Мама подала заявку от всей семьи на участие в Фрэмингемском медицинском исследовании[103]. Я показал свои результаты Берти после того, как провалил Адаптивность. Берти отправил анонимный заказ и прислал мне изготовленные на заказ таблеточки. Действуют они… — Он попытался рассмеяться, но издал звук, больше напоминающий хрип. — Многие решили бы, что это просто шутка. Понимаешь… — он постучал себя по макушке, — они дают мне очень, очень хорошую память. Все уверены, что человеческая память в наше время ничего не значит. Люди говорят: «Кому нужна эйдетическая память[104], когда запас памяти в твоей одежде в миллиарды раз больше?» Но дело не в этом. Теперь я могу идеально запоминать большие блоки информации, а моя «носилка» снабжает все, что вижу, иерархическими ярлычками. Так что для того, чтобы оперировать памятью своего компьютера, мне достаточно назвать несколько номеров. Это дает огромное преимущество при постановке задач.

— То есть Берти стал твоим лучшим другом, потому что ты — его супероружие?

От злости она говорила очень тихо, но теперь ее ярость была направлена не на Хуана.

— Неправда! Я изучил этот эффект запоминания. Сама идея возникла Из анализа моих медицинских данных. Даже с таблетками подобное действие проявляется у одного на тысячу. Берти никак не мог заранее знать, что я — тот один.

— А, конечно, — кивнула Мири и замолчала.

Хуан терпеть не мог этой манеры: вроде бы согласиться и предоставить тебе самому догадываться, что такого дурацкого ты сказал… У Берти отличные связи. У него связи везде: в исследовательских группах, на рынке идей. Но может быть, Берти нашел еще более простой способ. Сколько у него приятелей? И

скольким он предложил воспользоваться своими таблеточками? Те — их наверняка было большинство, — на ком действие почти не проявилось, так и остались случайными приятелями. Но с кем-то Берти сорвал крупный куш. *Как со мной.*

— Но ведь Берти — мой лучший друг!

Ни за что не разревусь.

— Будут у тебя и другие друзья, сынок, — мягко сказал Уильям. Он пожал плечами. — Раньше, пока я не растерял последние мозги, у меня был дар. Я мог заставить слова петь. Я бы пожертвовал почти всем на свете, лишь бы вернуть его. А ты? Каким бы способом ты ни приобрел этот талант — он твой чудесный дар. И ты обязан им только самому себе, никому другому.

Мири тихо сказала:

— Не знаю, Хуан. Медикаменты на заказ не запрещены, как наркотики в двадцатом веке, но от их применения не зря отказываются. Их невозможно тщательно протестировать. То, что ты принимаешь, может…

— Знаю. Они могут поджарить мне мозги. — Хуан прижал ладонь к лицу и ощутил холодный пластик очков. На мгновение он обратился внутрь себя. Все прежние страхи и стыд всколыхнулись в нем… и отступили перед удивлением, что во всем мире его сумел понять только этот старик.

Но даже сейчас, даже с закрытыми глазами, он не оборвал контакта и видел виртуальные огоньки хлебных крошек. Несколько секунд он безучастно наблюдал за ними, а потом изумление прорвалось сквозь замешательство.

— Мири… они двигаются!

— А?

Она была еще дальше в своих мыслях, чем он.

— Правда! Вниз по туннелю, удаляются от нас!

Уильям приблизился к норе и припал ухом к камню.

— Бьюсь об заклад, наши маленькие друзья потащили ваши шарики вслед за первым.

— Ты можешь принять с них хоть какое-то изображение, Хуан?

— Да… вот одно. — Светящийся пол туннеля. Пушистые кучки чего-то вроде мелко порванной бумаги. Через несколько секунд сквозь скалу слабо просочился виртуальный свет. Маячок первой крошки! — Она располагалась в пяти футах под поверхностью скалы. Нащупала другие узлы и передает через них.

— Мы можем и их потерять.

Хуан протиснулся мимо Уильяма и бросил в нору еще две крошки. Одна прокатилась на добрых три фута. Вторая

остановилась было в шести дюймах, но вдруг начала двигаться «сама по себе».

— Мыши раскидывают для нас узлы!

Все маячки, кроме самого дальнего, светились на полную яркость. Картинок теперь было в избытке, только очень низкого качества. Крошки нагревались в горячем воздухе туннелей, и на снимках отражалось очень мало деталей. Разве что сами мыши: лапки, мордочки и блестящие глаза.

— Эй, заметил занозу в лапке у той бедняжки?

— Да, по-моему, эту мышь я уже видел. Погоди, вот и изображение с первой украденной крошки. — Сперва ничего было не разобрать. Опять не тот формат? Нет, тут другое. — Картинка в нормальном зрительном восприятии, Мири!

Он закончил преобразование.

— Как… — Она резко выдохнула.

Масштабной отметки не было, но пещерка не могла оказаться больше пары футов в поперечнике. Камера хлебной крошки представляла ее просторным залом с высоким потолком, где собрались десятки белых мышей, и их темные глазки сверкали в отблесках огня… горевшего посередине.

— Думаю, Мириам, свою «пятерку» ты заработала, — тихо сказал Уильям.

Мири не ответила.

Мыши плотными рядами теснились к пламени. Три из них стояли в центре, на возвышении, — неужели поддерживали огонь? Он мерцал и колебался, больше напоминая пламя свечи, чем костер. Но смотрели мыши не столько на него, сколько на хлебную крошку. Для их собрания крошки Берти представлялись чудесным явлением.

— Смотрите! — Мири наклонилась вперед, упершись локтями в коленки. — «Foxwarner» в своем репертуаре. Медленный огонь в помещении вроде этого… все «мыши» давно должны были отравиться угарным газом.

Данных спектрального анализа крошки не передавали, так что как знать? Хуан вывел схему туннелей, а также запросил данные об их ширине и расположении входов и выходов. Поразмыслив несколько секунд, он поставил задачу своей «носилке».

— Нет… там достаточно хорошая вентиляция.

Мири покосилась на него:

— Ух ты! Быстро ты это.

— Твоя «Энифани» справилась бы мгновенно.

— Зато я минут пять формулировала бы задачу.

Поступила новая картинка: отблеск пламени на потолке.

— Мыши катят крошку к огню.

— Думаю, просто пинают.

Еще одна картинка. Крошку снова перевернули, и теперь она смотрела вперед, на трех мышей, которые выходили из туннеля, толкая перед собой вторую крошку.

Следующая картинка была размытой: все стремительно двигалось, мелькнуло инфракрасное изображение пещеры с затушенным огнем.

— Что-то их встревожило, — заявил Уильям, не отнимая уха от скалы. — Я слышу шорох и писк.

— Какашка возвращается! — воскликнула Мири.

— У этих мышей хватило мозгов заподозрить яд. — В тихом голосе Уильяма сквозило удивление. — До сих пор они набрасывались на наши подарки, как маленькие дети. А теперь заметили, что появляются все новые крошки, и кто-то поднял тревогу.

Картинки по-прежнему поступали, но все в инфракрасном — беспорядочные тепловые пятна: мыши суетились и метались во все стороны. Огоньки маячков сближались и двигались к выходу в трех футах над дном расщелины. Другие направлялись к первому отверстию.

Хуан приставил «дуло» «пистолета» к скале и в нескольких местах прозондировал камень. Он уже неплохо научился распознавать эхо живой плоти.

— Почти все мыши удаляются от нас. Остался только арьергард, который выталкивает наверх крошки. Целая толпа катит крошки к дырке у вашей головы, Уильям.

— Уильям, быстрее! Контейнер службы доставки! Мы можем поймать нескольких, когда они вылезут.

— Я… Вот он. — Уильям поднялся и, вытащив из рюкзака коробку, открыл ее и приставил к норе.

Секундой позже что-то тихонько заскреблось, но рука Уильяма, как всегда, дернулась. Хуан успел заметить мохнатую шкурку и летящую крошку.

Уильям резко захлопнул контейнер и отшатнулся от неожиданности, когда из нижнего отверстия выскочили еще три мыши. Мгновение их блестящие глазки смотрели на людей. Мири бросилась было на них, но зверьки уже шмыгнули но тропе в сторону океана. Девочка встала и посмотрела на Уильяма.

— Много поймал?

— Четырех. Малютки так торопились, что сами наскочили на меня.

Он крепко держал контейнер. Из коробки доносился топот крошечных ног.

— Здорово! — воскликнула Мири. — Вещественное доказательство.

Уильям не ответил. Он стоял, уставившись на контейнер в своих руках. Потом резко развернулся и прошел немного по расщелине, туда, где она расширялась и ни кустарник, ни сосны не заслоняли неба.

— Извини, Мириам. — Он подбросил коробку высоко в воздух.

Секунду она была почти невидима, потом на ней вспыхнуло кольцо реактивных двигателей. Крошечные ослепительно белые огоньки осветили контейнер, круживший над землей. Затем он стал медленно подниматься, продолжая раскачиваться. Хуану представилось, как мечутся в нем крохотные пассажиры. Бесшумно для человеческого уха коробка взлетала все выше и выше. Огоньки двигателей расплывались в тумане. Они уже казались тускло светящимся пятном, когда посылка наконец скрылась из виду за краем каньона.

Мири застыла, умоляюще простирая руки.

— Дедушка, ну зачем?

Старик ссутулился и перевел взгляд на Хуана.

— Готов поспорить, ты понял, верно, малыш?

Хуан смотрел туда, где еще мгновение назад мерцал контейнер. Четыре мышки, мечущиеся в помятой коробке. Хуан понятия не имел, какие правила существуют на мини-площадках, но в такой дыре, как Джамул, установки для запуска посылок вряд ли направляют много жалоб. Там у мышек появится шанс. Хуан взглянул на Уильяма и коротко кивнул.

Выбираясь из каньона, они почти не разговаривали. У самого верха, где тропа была широкой и пологой, Мири с Уильямом пошли рядом, держась за руки. На лице девочки виднелись капельки, может быть слезы, хотя голос ее не дрожал.

— Если те мыши настоящие, мы поступили ужасно, Уильям.

— Может быть. Прости, Мириам.

— …Но я не думаю, что они настоящие.

Старик не ответил. Немного помолчав, Мири продолжила:

— Знаешь, почему? Посмотри на первую картинку, которую мы получили из того зала. Прямо как в театре. Там не было ни мебели, ни украшений на стенах, но это явно зал собраний, и мыши стояли совсем как люди на старинных городских собраниях. И в центре…

Слушая ее, Хуан рассматривал картинку. Да, в центре совсем как на сцене — стоят три большие белые мыши. И самая крупная привстала на задние лапки и смотрит прямо в объектив. Одна

лапка вытянута вперед… и в ней зажато что-то длинное и острое. Ребята уже видели такие штуки на других картинках, только не сумели разобрать, что это. Но при нормальном свете можно было безошибочно идентифицировать оружие — копье.

Мири развивала свою мысль:

— Смотри, это же подсказка, шуточка «Foxwarner». Естественное проявление интеллекта у животных не было бы так похоже на кадр из фильма. Ну вот. Когда мы с Хуаном представим отчет об экзаменационной работе, «Foxwarner» расколется. Самое позднее к обеду мы станем знаменитостями.

И моя маленькая тайна выйдет наружу.

Мири, как видно, поняла молчание Хуана. Она шагнула к нему и взяла его за руку так, чтобы все трое были ближе друг к другу.

— Слушай, — тихо заговорила она. — Мы не знаем, что записал, если вообще записал, про нас «Foxwarner». Наше снаряжение не обнаружило никаких сенсоров, только самих мышей. Мы и сейчас еще в густом тумане. Значит, или «Foxwarner» невероятно ловок, или они про нас не пронюхали. Она кивнула наверх. — Через несколько минут мы снова окажемся в большом мире. Берти, а может, и «Foxwarner» станут вертеться вокруг. И независимо от того, что, по-вашему, случилось сегодня ночью… — Она запнулась, и Хуан закончил:

— Что бы на самом деле ни случилось, кое о чем нам лучше промолчать.

Девочка кивнула.

Берти тащился за Хуаном от Мири до самого дома: убеждал, подлизывался, требовал. Он хотел знать, что задумала Мири, что они делали и что видели. Когда Хуан выдал ему результаты тестирования какашек и на том умолк, Берти страшно разобиделся, вышиб Хуана из своей команды но неограниченному и оборвал все связи. Полное Великое Оледенение. Добравшись домой, Хуан с великим трудом изобразил перед мамой, что все в порядке.

Но как ни странно, в эту ночь он отлично спал. И проснулся, когда яркий свет утреннего солнца наполнил комнату. Тогда Хуан вспомнил: Берти отверг его. *Я должен быть расстроен…* Это могло означать, что он провалил неограниченный и потерял лучшего друга. Но почему-то сильнее всего в нем было чувство… свободы.

Хуан натянул одежду, подключил контакты и спустился вниз. Обычно в это время он уже был в сети, выясняя, чем занимались его друзья, пока он тратил время на сон. Этим Хуан займется

попозже, и с таким же удовольствием, как всегда. Но пока молчание было ему приятно. Перед глазами светилась дюжина красных огоньков, требующих ответа, в основном от Берти. Темы сообщений беспорядочно мигали. Впервые Хуану не пришлось заискивать, чтобы положить конец Великому Оледенению.

Мама подняла голову, оторвавшись от завтрака.

— Ты не в сети, — заметила она.

— Ага.

Хуан, склонившись над столом, принялся за хлопья. Отец рассеянно улыбнулся ему и продолжал есть. Сидел он сгорбившись и смотрел в никуда.

Мать перевела взгляд от одного к другому, и по лицу ее пробежала тень. Хуан немного распрямился, чтобы ей видна была его улыбка.

— Просто я устал бродить пешком. — Тут он кое-что вспомнил. — Кстати, спасибо за карты, мам.

Она недоуменно посмотрела на него.

— Мири обращалась в «411» за последними сведениями о Торри-Пайнс.

— О! — Лицо мамы посветлело. Эту работу выполняла именно она. — Как твой экзамен?

— Еще не знаю. — С минуту они ели молча. — Наверное, сообщат сегодня днем. — Он присмотрелся к ней через стол. — Эй, а ведь ты тоже не в сети.

Она скорчила рожицу и улыбнулась ему.

— Непредвиденный отдых. Те киношники отказались от наших услуг.

— А-а…

— Именно этого следовало ожидать, если их деятельность в восточном округе была связана с находками в Торри-Пайнс. Мири сочла бы этот отказ веским доказательством. Может, так оно и было, но они с Мири еще ночью сдали отчет по локальному проекту, первыми закончив экзаменационную работу. Если насчет мышек они не ошиблись, «Foxwarner» уже знает, что их замысел раскрыт, и можно ожидать начала шумихи. Однако ни одного официального сообщения не было, только вызовы Берти да еще нескольких одноклассников.

Подождем до обеда. Мири считала, что столько времени понадобится крупному кинопредприятию, чтобы перейти к действиям. К тому времени они будут знать, реальность они видели или кино. А его собственная тайна… или раскроется, или нет.

Хуан попросил еще одну порцию хлопьев.

У него был утренний экзамен, поэтому мама позволила ему взять машину до Файрмонта. Хуан приехал заблаговременно.

Профильный экзамен был индивидуальным, и запрашивать информацию за пределами класса запрещалось. Как и на экзамене по математике у мисс Уилсон, требовалось перелопатить кучу древнего материала, которым ни один нормальный человек и не поинтересуется. А темой профильного становилась та или иная специализация.

И сегодня… это оказалась «Regna 5».

В папино время, когда «Regna 5» была новинкой, компетентных специалистов три года готовили в технических колледжах.

Легкий орешек. Хуан потратил пару часов, просматривая руководства и интегрируя навыки… и вполне мог приступать к работе программиста.

К полудню он был свободен и получил «пятерку».

Пол Левинсон
Дело о менделевской лампе

Пол Левинсон (р. в 1947 г.) пишет научную фантастику, фантастические детективы, научно-популярную литературу. Его дебютный роман «Шелковый код» («The Silk Code», 1999) повествует о древней войне, в которой задействовано генетически модифицированное оружие. Второй роман, «Чужие приливы» («Borrowed Tides», 2001), — о межпланетном путешествии и духовности американских индейцев. Научно-фантастический триллер «Чума сознания» («The Consciousness Plague», 2002), действие которого разворачивается в Нью-Йорке, посвящен проблемам политики и медицины, а главный герой, судебный следователь Фил Д'Амато, является сквозным персонажем ряда произведений, в частности романа «Шелковый код».

Помимо литературы Левинсон также занимается интернет-преподаванием. До недавнего времени он работал редактором журнала «Journal of Social and Evolutionary Systems», в 1997 г. опубликовал научный труд, посвященный естествознанию и будущему информационной революции. Его книга «Цифровой Маклюэн: Справочник по информационному тысячелетию» («Digital McLuhan: a Guide to the Informational Millenium», 1999) получила премию Льюиса Мамфорда.

Рассказ «Дело о менделевской лампе» впервые был опубликован в журнале «Analog», а позже переработан в первые главы романа «Шелковый код». Произведение отчасти напоминает «Уолдо» («Waldo») Хайнлайна, но в то же время написано в лучших традициях научно-фантастического детективного рассказа, в котором разгадку удается отыскать благодаря научным знаниям и методам.

У большинства людей слово «фермер» ассоциируется с Калифорнией или Средним Западом. Мне же сразу вспоминается Пенсильвания, ее красная почва и сочная зелень в любое время года. Небольшие поля томатов и кукурузы, яркие пятна сохнущей на веревках одежды, а неподалеку обязательно отыщется домик

фермера.

Дженна улетела в Англию на конференцию, выходные у меня оказались свободными, и я решил принять приглашение Мо и съездить к нему в гости в Ланкастер. Сперва через мост имени Джорджа Вашингтона, затем по загазованной Теринайк; далее — еще один мост, потом — щербатое, заляпанное маслом шоссе, а там уж — поворот на проселочную дорогу, где я смог наконец опустить боковое стекло и вдохнуть полной грудью.

Мо, его жена и две дочки — хорошие люди, а сам он просто исключительное явление среди судебно-медицинских экспертов. Возможно, причиной тому редкость преступлений в этой части страны, где немалую долю населения составляют эмиши[105], отрицающие насилие. А может, его душу смягчает постоянная овощная диета. Но в любом случае Мо лишен той грубоватости и цинизма, которые приобретает большинство тех, кто регулярно имеет дело с мертвыми и искалеченными. Мо даже удалось сохранить некоторую наивность и восхищение перед наукой.

— Фил! — Одной рукой Мо хлопнул меня по спине, другой подхватил сумку.

— Фил, как дела? — услышал я из дома голос его жены Корины.

— Привет, Фил! — окликнула меня из окна его старшая дочка Лори (ей, наверное, уже все шестнадцать), и я успел заметить, как за стеклом мелькнули ее клубнично-рыжие волосы.

— Привет… — начал было я, но Мо уже поставил мою сумку на крыльцо и подталкивал меня к своей машине.

— Ты приехал рано, и это хорошо, — произнес Мо тоном школьника-заговорщика, свидетельствующим о том, что перед Мо вновь открылось некое новое и многообещающее научное направление. Экстрасенсорное восприятие, НЛО или обнаруженные в неожиданном месте руины майя не интересовали Мо совершенно. Его коньком были сила первозданной природы и исконная мудрость фермера. — Хочу, чтобы ты привез Лори подарочек, — добавил он шепотом, хотя услышать нас Лори никак не могла. — А заодно и покажу тебе кое-что. Ты не очень устал? Выдержишь короткую поездку?

— Куда от тебя денешься? Выдержу.

— Отлично, тогда поехали. Я наткнулся на одну идею эмишей… короче, сам увидишь. Тебе понравится.

От Ланкастера, до Страсбурга пятнадцать минут езды по шоссе номер тридцать. Его обочины уставлены стандартными лавочками и магазинчиками, но если свернуть с основной дороги и проехать полмили в любом направлении, то вернешься в

прошлое, лет на сто или больше. Это подскажет вам сам воздух — густой коктейль из пыльцы и конского навоза. Он пахнет столь пленительно и реально, что глаза увлажняются от удовольствия, а мухи перестают раздражать.

С шоссе мы свернули на дорогу к Нордстар.

— Ферма Якоба Штольцфуса дальше по дороге, справа, — сообщил мне Мо.

Я кивнул.

— Чудесный вид. — До заката оставалось минут пять, и небо окрасилось в цвет брюшка малиновки, отлично гармонирующий с красноватым оттенком почвы и зеленью ферм. — А он не станет возражать, если мы нагрянем на машине?

— Конечно нет. Если за рулем сидит не эмиш, то они ничего не имеют против. А Якоб, как ты сам убедишься, не столь фанатичен, как прочие.

Мне показалось, что я его уже вижу справа от дороги, которая успела превратиться в две колеи на грунте. Прислонившись к корявому стволу яблони, стоял седовласый бородач, облаченный в черный рабочий комбинезон и темно-малиновую рубашку.

— Это Якоб? — спросил я.

— Думаю, да. Но не уверен.

Мы подъехали к яблоне и вышли из машины. Неожиданно стал накрапывать редкий осенний дождик.

— Вы по делу? — спросил мужчина далеко не дружественным тоном.

— Гм… да, — ответил явно удивленный Мо. — ' Извините за вторжение, но Якоб… Якоб Штольцфус сказал, что не будет против, если мы к нему заглянем…

— У вас было дело к Якобу? — снова спросил бородач. Глаза у него покраснели и увлажнились. Впрочем, причиной тому мог оказаться и дождь.

— Вообще-то, да, — сказал Мо. — Но если сейчас неподходящее время…

— Мой брат умер, — произнес мужчина. — Меня зовут Исаак.

— Умер?! — воскликнул Мо. — Но… но что случилось? Я еще вчера с ним разговаривал.

— Мы и сами точно не знаем. Наверное, сердечный приступ. Так что сейчас неудачное время для визита. Скоро соберется семья.

— Да-да, конечно. — Мо взглянул мимо Исаака на амбар, который я только что заметил. Двери его были слегка приоткрыты, а внутри мерцал тусклый свет.

Мо шагнул к амбару, но Исаак предостерегающе вытянул руку:

— Прошу вас! Будет лучше, если вы уедете.

— Да, конечно, — повторил Мо, и я отвел его к машине.

— Ты в порядке? — спросил я, когда мы уселись, а Мо завел двигатель.

Мо покачал головой:

— Не могло у него быть сердечного приступа. В это время — не могло.

— Сердечные приступы обычно не спрашивают заранее, когда придет подходящее время, — заметил я.

Мо все еще качал головой, разворачивая машину.

— Думаю, его кто-то убил, — изрек он.

Нынче судмедэксперты склонны подозревать убийство, даже если девяностолетняя старушка мирно почила во сне, но Мо подобные заявления не свойственны.

— Расскажи мне все, — неохотно попросил я. Вот не было печали… Как говорится, поехал отдохнуть, а попал на работу.

— Неважно, — пробормотал Мо, — Я и так слишком многое тебе выболтал.

— Выболтал? Да ты мне и слова не сказал.

Мо вел машину, заслонившись угрюмым молчанием. Он даже выглядеть стал иначе, точно надел маску.

— Пытаешься меня от чего-то оградить? Сам знаешь, ничего у тебя не выйдет.

Мо не проронил ни слова.

— И какой в этом смысл? — продолжал я гнуть свое. — Через пять минут мы вернемся к Корине и девочкам. Они на тебя только посмотрят и сразу поймут: что-то случилось. И как ты тогда будешь выкручиваться?

Мо внезапно свернул на боковую дорогу, заставив мои почки войти в тесный контакт с дверной ручкой.

— Что ж, пожалуй, в этом ты прав, — признал он и начал тыкать в кнопки мобильного телефона.

— Алло? — услышал я голос Корины.

— Неважные новости, дорогая, — сдержанно произнес Мо, хотя его невозмутимость показалась мне наигранной. — В конторе возникли кое-какие дела, и нам придется сегодня же вернуться в Филадельфию.

— Тебе и Филу? У вас все в порядке?

— У нас двоих — да. Не волнуйся. Когда приедем, я тебе позвоню.

— Я люблю тебя.

— И я тебя. Поцелуй за меня девочек перед сном.

Он повернулся ко мне.

— В Филадельфию? — спросил я.

— Лучше не сообщать им подробности, особенно когда это касается работы. Зачем тревожить женщин?

— Корина уже встревожена. Ведь она даже не упрекнула тебя за то, что ты не приедешь на обед. Кстати, ты не думаешь, что я тоже обеспокоен? Так в чем, собственно, дело?

Мо опять промолчал. Он завел машину и свернул на дорогу (на сей раз проявив милосердие и сделав это плавно) перед дорожным знаком, сообщающим, что впереди — шоссе на Пенсильванию.

Когда Мо прибавил скорость, я поднял стекло. Ночь внезапно стала сырой и холодной.

— Не хочешь намекнуть, куда мы едем? Или просто отвезешь меня в Филадельфию? — спросил я.

— Я тебя высажу у вокзала на Тридцатой улице. В поезде перекусишь и через час будешь в Нью-Йорке.

— А ты не забыл, что моя сумка осталась у тебя на крыльце? Не говоря уже о машине?

Мо нахмурился, но даже не сбавил скорость.

— Знает ли обо всем Эймос? — пробормотал он несколько секунд спустя. Скорее себе, чем мне.

— Эймос — друг Якоба?

— Это его сын.

— Что ж, полагаю, ты не сможешь позвонить ему по телефону?

Мо покачал головой и опять нахмурился:

— Очень многие неправильно понимают эмишей. Думают, что они вроде луддитов и выступают против любых машин. На самом деле это не так. Они сопротивляются натиску техники, спорят между собой, принимать ее или отвергать, а если принимать, то в какой мере? Они стремятся, чтобы прогресс не нанес ущерба их независимости и самодостаточности. Они вовсе не отвергают телефоны как таковые, эмиши просто не хотят держать их в доме, дабы никто не вмешивался в их домашние дела.

— И они правы, — фыркнул я. — Сколько раз звонок капитана выдирал меня из постели!

Мо ухмыльнулся — впервые с той минуты, когда мы покинули ферму Якоба Штольцфуса. Хороший признак.

— Так где эмиши держат свои телефоны? — спросил я, воспользовавшись минутой и надеясь, что Мо наконец перестанет упираться.

— Что ж, это очередной спорный вопрос. У них на этот счет

нет единой точки зрения. Некоторые разрешают ставить телефонные кабинки на границе своих владений, чтобы иметь возможность позвонить, не нарушая при этом неприкосновенность своих жилищ.

— А у Эймоса есть телефонная кабинка?

— Не знаю, — буркнул Мо. Он так всегда отвечает, когда начинает думать о чем-то другом.

— Но ты говорил, что его семья более открыта по сравнению с другими.

Мо повернул голову, взглянул на меня, потом снова уставился на дорогу.

— Да, они более открыты. Но не в том, что касается средств связи.

— А в чем?

— В вопросах медицины.

— Медицины?

— Что ты знаешь об аллергии?

Я почесал нос. Наверное, еще в Страсбурге в ноздри попала пыльца.

— У меня бывает сенная лихорадка, — принялся перечислять я. — Иногда мой рот начинает буквально пылать из-за кусочка мускусной дыни. Да что говорить — у меня на глазах как-то умер человек, застигнутый приступом удушья, возможно аллергического. Думаешь, Якоба Штольцфуса сразило нечто подобное?

— Нет. Я полагаю, его убили, потому что он пытался предотвратить гибель людей.

— Ладно. Когда ты в прошлый раз об этом заикнулся, я попросил объяснить, а ты ответил, что это неважно. Так мне спросить снова или лучше сразу забыть?

Мо вздохнул:

— Знаешь, генной инженерией начали заниматься задолго до открытия ДНК.

— Повтори-ка.

— Скрещивание растений для получения новых комбинаций генов началось, вероятно, почти одновременно с появлением человечества как вида, — сказал Мо. — Дарвин это понял и назвал искусственным отбором. Мендель сформулировал первые законы генетики в результате опытов по скрещиванию гороха. А Лютер Бербанк вывел гораздо больше сортов фруктов и овощей, чем вышло из наших лабораторий, где занимаются комбинированием генов.

— А как это связано с эмишами? Они тоже выводят новые сорта овощей?

— И не только по этой причине. Например, их дома освещают особые виды светляков. Или возьмем «альтруистический навоз» — в нем плодятся личинки, которые после внесения удобрения в почву сами отыскивают корни растений и умирают возле них, обеспечивая корням питание. Но об этих открытиях никто не знает. Эмиши создали биотехнологию высшего уровня, отвергая нашу.

— И твой друг Якоб над этим работал?

Мо кивнул:

— Аллергологи — наши традиционные исследователи — недавно начали выяснять, каким образом некоторые продукты питания становятся катализаторами аллергии. Ведь дыня обжигает твой рот именно в сезон сенной лихорадки, правильно? И именно потому, что она действительно обостряет сенную лихорадку. Точно так же действует и арбуз, и некоторые виды пыльцы. Якоб и его соотечественники знают об этом уже лет пятьдесят — и продвинулись очень далеко. Они пытаются вывести новый вид плодов, какую-то разновидность томатов, способную стать «антидотом» при аллергиях и свести гистаминное действие аллергенов почти к нулю.

— Нечто вроде органического «гисманола»?

— Даже лучше. Это превзойдет по эффекту любую химию.

— Ты в порядке? — Я заметил, что лицо Мо покрылось крупными каплями пота.

— Конечно, — ответил он и кашлянул. — Не знаю. Якоб… Мо вдруг зашелся в приступе неудержимого кашля.

Я обхватил его одной рукой, удерживая на сиденье, а другой вцепился в руль. Рубашка Мо мгновенно пропиталась потом, дыхание стало резким и прерывистым.

— Мо, держись! — выкрикнул я и, не снимая левой руки с руля, стал шарить правой во внутреннем кармане пиджака.

Наконец пальцы нащупали инъектор с эпинефрином, который я всегда ношу с собой, Я выхватил его, не сводя глаз с Мо. Он обмяк, едва сохраняя сознание и кое-как держась за руль. Я как можно мягче отодвинул его к дверце и принялся нашаривать ногой педаль тормоза. Нас обгоняли проносящиеся по шоссе машины, ослепляя вспышками фар в зеркале заднего вида. К счастью, Мо ехал в крайнем правом ряду, и меня ослеплял поток машин лишь с одной полосы. Наконец моя подошва наткнулась на педаль тормоза, и я плавно утопил ее до упора. Каким-то чудом машина относительно медленно остановилась на обочине, и мы не пострадали.

Я взглянул на Мо, задрал рукав его рубашки и прижал к руке инъектор. Я не мог сказать точно, как долго он уже не дышит, но

дело обстояло очень, скверно.

Схватив трубку мобильного телефона, я набрал 911.

— Срочно пришлите кого-нибудь! — рявкнул я. Нахожусь на шоссе в Тернпайк, стою перед развилкой на Филадельфию. Я доктор Фил д'Амато, медэксперт нью-йоркского департамента полиции, и это срочный медицинский вызов.

Я не был уверен точно, что у него анафилактический шок, но адреналин навредить ему никак не мог. Прижав ухо к груди Мо, я не расслышал ударов сердца. «Господи, прошу тебя!»

Я делал Мо искусственное дыхание «рот в рот», массаж сердца, умолял его очнуться. «Держись, черт бы тебя побрал!» Но я уже знал. Со временем у медэкспертов развивается своего рода отвратительное шестое чувство. И я знал, что какой-то мощный аллерген только что убил моего друга. Прямо у меня на руках.

«Скорая» примчалась через восемь минут — быстрее, чем в Нью-Йорке. Но это уже не имело значения. Мо скончался.

Пока медики пытались вдохнуть в него жизнь, я смотрел на телефон в машине. Я обязан был позвонить Корине и все рассказать. Немедленно. Но в пластиковом окошечке дисплея я видел лишь рыжую головку Лори.

— Вы сами-то в порядке, доктор д'Амато? — спросил санитар.

— Да, — отозвался я. Кажется, меня трясло.

— Эти аллергические реакции бывают смертельными, — сказал он, глядя на Мо.

Будто я не знал.

— Вы сообщите семье? — спросил санитар. Они собирались отвезти тело Мо в местную больницу.

— Да, — буркнул я, вытирая слезинку.

Мне показалось, что я задыхаюсь. Пришлось успокоиться, взять себя в руки и отделить психологию от физиологии, чтобы разобраться в своем состоянии. Я медленно вдохнул и выдохнул. Повторил. Ясно. Все в порядке. На самом деле я не задыхаюсь.

«Скорая» умчалась в ночь, увозя тело Мо. А вот он точно задыхался, и это его убило. Так что же он начал мне рассказывать?

Я снова посмотрел на телефон. Самое правильное действие — вернуться к дому Мо и уже там все рассказать Корине. Такие чудовищные известия не сообщают по телефону. Но я должен узнать, что именно случилось с Мо, и вряд ли Корина мне в этом поможет. Мо не хотел ее тревожить и ничего ей не рассказывал. Нет, мне нужно узнать, что задумал Мо, — а для этого поехать в Филадельфию. Туда, куда он сам хотел меня отвезти.

Но куда?

Я нажал пару кнопок и вывел на дисплей телефона список хранящихся в его памяти номеров. Владелицей единственного номера с городским кодом 215 значилась некая Сара Фишер. Ее адрес мне был более или менее знаком — возле университета Темпл.

Я извлек из памяти номер и нажал кнопку вызова.

Потрескивание, потом тихий жестяной звук сигнала.

— Алло? — услышал я женский голос, прозвучавший ближе, чем я ожидал.

— Здравствуйте. Это Сара Фишер?

— Да. Я вас знаю?

— Я друг Мо Бюхлера. Кажется, сегодня мы с ним ехали именно к вам…

— Кто вы? У Мо все в порядке?

— Ну…

— Слушайте, кто вы такой, черт побери? Если не ответите прямо, я положу трубку.

— Я доктор Фил д'Амато. Медэксперт из нью-йоркского департамента полиции.

Она на несколько секунд смолкла, потом сказала:

— Ваше имя мне почему-то знакомо.

— Что ж, я написал несколько статей…

— Погодите. — Я услышал, как она положила трубку и зашелестела бумагами. — В «Дискавер» у вас опубликована статья о бактериях, устойчивых к антибиотикам, правильно? — спросила она полминуты спустя.

— Да, — подтвердил я. При иных обстоятельствах мое эго просто воспарило бы в небеса, обнаружив столь заинтересованного читателя.

— Ладно. В каком месяце статья была опубликована?

Господи…

— Э-э… в конце прошлого года, — сказал я.

— Я тут вижу ваш портрет. Опишите его.

— Прямые темные волосы… с легкими залысинами, начал я. Ну как я мог помнить, как выгляжу на этом паршивеньком смазанном портрете?

— Продолжайте.

— Еще у меня довольно густые усы и очки в стальной оправе. — Я отрастил усы по просьбе Дженны, и по этой усатой фотографии редакционный художник потом и сделал портрет пером и тушью.

Она немного помолчала, затем вздохнула:

— Хорошо. А теперь вам придется рассказать, зачем вы мне позвонили. И что случилось с Мо.

До квартиры Сары оказалось менее получаса езды. Я все объяснил ей по телефону, и мне показалось, что она скорее опечалена, чем удивлена. Она попросила меня приехать.

Я позвонил и Корине и рассказал ей все, как смог. Прежде чем стать медэкспертом, Мо был полицейским. Наверное, женам полицейских полагается быть готовыми к такому исходу, но как, скажите на милость, можно подготовить человека к подобному известию после двадцати лет благополучного брака? Она плакала, я плакал, и я слышал, как плачут дети. Я сказал ей, что еще заеду, — и знал, что заехать к ней мне надо обязательно, — но все же надеялся услышать от нее: «Нет, я в порядке, Фил, правда, а ты ведь захочешь выяснить, что именно и почему случилось с Мо…» — именно это я и услышал. Сейчас таких женщин, как Корина Родригес Бюхлер, уже не делают.

Как раз напротив дома, где жила Сара, обнаружилась стоянка — в Нью-Йорке такое сочли бы даром небес. Я заправил рубашку в брюки, затянул пояс и постарался взять себя в руки, а уже потом надавил, на кнопку звонка у подъезда.

Она встретила меня перед распахнутой дверью своей квартиры на втором этаже, когда я, слегка запыхавшись, поднялся по лестнице. У нее оказались соломенного оттенка волосы и грустные глаза, но приветствовала она меня искренней и широкой улыбкой, которую я вовсе не ожидал увидеть после допроса по телефону. На вид ей было около тридцати.

Свет в квартире был мягкий и приглушенный, как на выставке «Париж при газовом освещении», и слегка пахло лавандой. У меня сразу зачесался нос.

— Лаванда помогает уснуть, — пояснила Сара, приглашая меня сесть в старинное и очень мягкое кресло. — Я уже собиралась ложиться, когда вы позвонили.

— Извините…

— Нет, это мне следует извиниться. За то, что я с вами так обращалась, и за то, что случилось с Мо. — На его имени ее голос дрогнул. — Вы, наверное, голодны. Я вам принесу чего-нибудь.

Она вышла в соседнюю комнату, скорее всего кухню. На ней были легкие белые брюки, и пока она шла, я успел оценить, как привлекательно смотрятся на просвет контуры ее фигуры.

— Вот, отведайте для начала, — предложила она, вернувшись с тарелкой винограда.

Сорт «конкорд» один из моих любимых. Положите ягоду в рот, прокусите пурпурную кожицу, раскатайте мякоть по языку — и вы ощутите вкус осени.

Но я не шелохнулся.

— Знаю, — сказала она. — Вы не хотите пробовать подозрительную еду после того, что случилось с Мо. И я вас не виню. Но это вы можете есть спокойно. Вот, смотрите. — Хозяйка отщипнула от кисти ягоду и положила в рот. — М-м-м… — Она облизнула губы и вынула пальцами косточки. — Слушайте, если хотите, выберите ягоду сами и дайте ее мне. Хорошо?

В желудке у меня урчало, а голова уже слегка кружилась от голода, и я понял, что должен принять решение. Или немедленно уйти, если я не доверяю этой женщине, или съесть то, что она мне предложит.

— Ладно, решать вам, — сказала она. — У меня есть копченая ветчина. Если хотите, могу сделать бутерброд. Или просто принести кофе или чай.

— Все вместе, — решился я. — То есть я не откажусь от бутерброда и чая. И виноград тоже попробую.

Я положил в рот виноградину. Паранойя может оказаться почти столь же опасной, как и порождаемая ею воображаемая угроза.

Через несколько минут она вернулась с бутербродами и чаем. За это время я успел съесть три виноградины, и мне сразу полегчало.

— Идет война, — сказала она и поставила поднос с едой на край стола. Бутерброды она сделала с черным хлебом, и пахли они изумительно.

— Война? — переспросил я, впиваясь зубами в ветчину. — Так вы полагаете, что Мо убил какой-то террорист?

— Не совсем так. — Сара присела рядом со мной, с чашкой в руке. — Эта война продолжается уже очень давно. Потому что это биологическая война. И корни она пустила гораздо более глубокие, чем то, что мы сейчас считаем терроризмом.

— Что-то я не понимаю.

— И не поймете. Об этом мало кто задумывается. Вот вы полагаете, что эпидемии, внезапные вспышки аллергических реакций или болезни, выкашивающие урожаи, убивающие скот, случаются сами по себе? Иногда это действительно так. Но чаще причина гораздо сложнее.

Она глотнула чаю. Было нечто особенное в освещении, в ее волосах и лице, а может, и во вкусе еды, из-за чего мне неожиданно показалось, будто я ребенком вернулся в шестидесятые годы. Я даже не удивился бы, уловив запах ладана.

— Кто вы? — спросил я, — Вернее, что вас связывало с Мо?

— Я работаю в Темпле над докторской диссертацией. Специализация — этноботаническая фармакология. И Мо… он был очень хорошим человеком.

Мне показалось, что в уголке ее глаза блеснула слезинка.

— И он помогал вам работать над диссертацией о той самой войне микроорганизмов?

— Не совсем. Вы ведь знаете академический мир. Никто не позволил бы мне делать диссертацию на столь возмутительную тему — ее не пропустил бы ученый совет. Поэтому пришлось все замаскировать, изобразить как нечто более невинное, а самое ценное до поры приберечь. Чтобы потом протащить контрабандой. Но вы правы — подтекстом моей работы стало именно то, что мы называли «биовойнами», которые на самом деле есть нечто гораздо большее, чем война микроорганизмов. И Мо был одним из тех, кто помогал мне в исследованиях.

Верно, очень похоже на Мо.

— И эмиши как-то ко всему этому причастны?

— И да, и нет. Эмиши не являются такой уж единой общиной, как нам представляется. Они по-разному живут, у них разные системы ценностей…

— И некоторые из них — возможно, некая отколовшаяся от остальных группа — участвуют в этой биовойне?

— Главные из тех, кто причастен к биовойне, — не настоящие эмиши, хотя и живут, неподалеку от Ланкастера, а предки их поселились в этой стране более ста пятидесяти лет назад. Но многие принимают их за эмишей, поскольку те тоже близки к земле и почти не пользуются современными технологиями. Но это не эмиши. Настоящий эмиш не способен на жестокость.

— Вам многое известно об эмишах, — заметил я.

Она слегка покраснела.

— Я одна из них. И в достижении своих целей дошла до предела, который наша церковь предписала женщине. Я умоляла епископа отпустить меня учиться в колледж: — а ведь он знал, насколько высоки ставки и как важно то, что я изучаю, — но он мне отказал. Он заявил, что место женщины — дом. Наверное, он хотел меня защитить, но остаться я не смогла.

— Вы знаете Якоба Штольцфуса?

Сара кивнула и сжала губы.

— Он был моим дядей, — ответила она. — Братом моей матери.

— Извииитс. — Судя по ответу, она уже знала о смерти Якоба. — Кто вам сообщил? — тихо спросил я.

— Эймос… мой двоюродный брат… сын Якоба. Недалеко от его дома есть телефонная кабинка.

— Понятно, — протянул я. Вот это вечерок, ничего не скажешь. — Думаю, Мо пришел к выводу, что люди, которые похожи на эмишей, но не эмиши, каким-то образом убили Якоба.

Лицо Сары исказилось, она с трудом сдерживала слезы.

— Мо был прав, — выдавила она. — Они убили Якоба. И Мо убили тоже они.

Я накрыл руку Сары ладонью, чтобы как-то утешить. Этого оказалось недостаточно. Тогда я встал, подошел и обнял ее. Она, вся дрожа, поднялась со стула и разрыдалась в моих объятиях. Сквозь тонкую ткань я ощущал тело женщины и то, как колотится ее сердце.

— Не отчаивайтесь. Мы обязательно найдем этих негодяев.

Она покачала головой, не отрывая ее от моей груди:

— Вы их не знаете!

— Мы их найдем! — повторил я.

Сара еще раз прижалась ко мне, потом отодвинулась.

— Извините. Я не собиралась так распускаться. Как насчет стакана вина? — спросила она, посмотрев на мою опустевшую чашку.

Я бросил взгляд на часы. Уже без пятнадцати десять, и я безумно устал. Но мне надо узнать как можно больше.

— Хорошо, — согласился я. — Но только один стакан.

Она улыбнулась все еще подрагивающими губами, вышла на кухню и вскоре вернулась с двумя стаканами темно-красного напитка. Я сел и пригубил из своего. Вино оказалось хорошим — слегка напоминало португальское, с легким фруктовым оттенком и слабым древесным послевкусием.

— Местное, — пояснила она. — Нравится?

— Да.

Она тоже отпила вина, потом прикрыла глаза и запрокинула голову. Из-под полуприкрытых век ее голубые глаза поблескивали, как два драгоценных камня. Я решил сосредоточиться на самой насущной проблеме:

— Но как именно убивают эти люди, ведущие биовойну? Что они сделали с Якобом и Мо?

Ее веки оставались неподвижными чуть дольше, чем я ожидал, — словно она грезила наяву или находилась на грани сна. Потом Сара посмотрела на меня и медленно тряхнула головой:

— Способов у них много. Новейший — использование какого-то катализатора, находящегося в пище, — мы думаем, что это особый сорт дыни, — который резко усиливает действие любого из множества аллергенов. — Она встала и обвела комнату рассеянным взглядом. — Я выпью еще стаканчик. Вы уверены, что больше не хотите?

— Уверен, спасибо, — ответил я и уставился на свой стакан, пока она выходила на кухню.

А ведь катализатор из той проклятой дыни может находиться в этой самой посудине…

И тут я услышал отчетливый звон: в кухне что-то разбилось.

Я бросился туда. Сара стояла возле осколков какого-то стеклянного предмета, который раньше напоминал, наверное, старинную керосиновую лампу. От осколков исходило белое свечение. С пола взлетело несколько крошечных жучков.

— Извините, — пробормотала Сара. Она снова плакала, размазывая слезы, — Я ее смахнула. Что-то я сегодня не в себе.

— Никто и не смог бы… в вашей ситуации.

Она вновь обвила меня руками, прижалась. Я инстинктивно поцеловал ее в щеку, чуть коснувшись губами, рассчитывая, что это сойдет за братский поцелуй.

— Останьтесь сегодня со мной, — прошептала она. — Разложите вон ту кушетку и сможете спать спокойно. Я буду в спальне. Мне страшно…

Мне тоже стало страшно, потому что я испытал острое желание поднять ее, отнести в спальню, на кушетку — куда угодно, — уложить, нежно освободить от одежды, пригладить пальцами ее сладко пахнущие волосы и…

Но Дженна была мне очень дорога. И хотя мы не принесли друг другу официальных брачных клятв…

— Что-то мне не по себе, — пробормотала Сара и мягко отстранилась. — Я ведь еще до вашего приезда выпила вина… — Голова ее качнулась, тело обмякло, а глаза закатились.

— Давайте я вам помогу. — Сперва я пытался поддерживать женщину, потом поднял на руки и отнес в спальню. Очень аккуратно уложил на кровать и нащупал пульс на запястье. Нормальный, хотя и немного учащенный. Все в порядке, — успокоил я хозяйку дома. — Просто шок и переутомление.

Она негромко простонала и взяла меня за руку. Я накрыл руку Сары своей, долго держал, пока ее пальцы не разжались во сне, и лишь тогда тихо вышел в соседнюю комнату. Я слишком устал, чтобы куда-то ехать, и настолько вымотался, что у меня не хватило ума сообразить, как раскладывается кушетка. Поэтому я просто свалился на нее, ухитрился сбросить туфли и моментально заснул. В последнюю секунду я подумал, что надо еще раз заехать на ферму Штольцфуса и что разбившаяся лампа была, наверное, очень красивой. И еще я понадеялся, что меня не отравили…

На следующее утро я проснулся внезапно, словно от толчка. Приподнялся, опираясь на руку, и повернулся как раз вовремя: перед моими глазами проплыла мокрая спина Сары. Наверное,

только что из душа. Мне сразу подумалось, что есть и иные, не столь приятные способы пробуждения.

— Думаю, мне надо снова съездить на ферму Якоба, сказал я ей за завтраком. Мы ели пшеничные тосты, яйца «в мешочек» и пили чай «дарджилинг», напоминающий ликер.

— Зачем?

— Ее с наибольшим основанием можно назвать местом преступления.

— Я поеду с вами.

— Слушайте, вы вчера вечером были очень расстроены… — начал было я.

— Правильно, и вы тоже. Но теперь я в порядке. Кроме того, я вам понадоблюсь, чтобы разобраться в ситуации и подсказать, на что следует обратить внимание. Эмишей знаю я, а не вы.

Тут она была права.

— Хорошо, — согласился я.

— Прекрасно. Кстати, а что вы намерены там отыскать?

— Сам не знаю, — признался я. — Мо не терпелось показать мне что-то на ферме Якоба.

Сара задумалась, нахмурившись.

— Якоб работал над органическим противоядием от катализатора аллергии, — сказала она наконец. — Он действует очень медленно. Могут уйти годы, прежде чем катализатор накопится в организме в опасном количестве. Так что же мог показать вам Якоб во время столь краткого визита?

Если бы она сообщила мне это накануне, то виноград и бутерброды с ветчиной показались бы мне еще вкуснее.

— Сейчас нам больше негде искать, — сказал я и взялся за последний тост.

Но что означали ее слова применительно к убийству Мо? Кто-то и ему давал медленно действующий яд, который копился в организме неизвестное количество лет — так же, как и в организме Якоба, — и в результате оба умерли в один день?

Маловероятно. Похоже, тут действовали силы более серьезные, нежели один катализатор. Интересно, сказал ли Мо что-нибудь Якобу обо мне? И о том, что я к нему приеду? Я очень надеялся, что не сказал, — мне совершенно не хотелось оказаться в роли второго, решающего катализатора.

Через час мы уже мчались на запад в сторону Тернпайк. Ярко сияло солнце, в окно врывался свежий ветер — замечательный день для загородной прогулки, да только ехали мы расследовать смерть одного из моих лучших друзей. Я позвонил Корине и сообщил, что заеду днем, если смогу.

— Расскажите мне о своей работе, — попросил я Сару. — О настоящей работе, а не о туфте для научного совета.

— Как вы знаете, очень многие судят о науке по ее техническому оснащению. То есть если исследование делается без применения компьютеров, микроскопов и новейших красителей для ДНК, что это уже не наука, а магия, предрассудки или откровенная чушь. Но наука, по сути своей, есть метод, рациональный способ исследования мира, а все эти железки — вещь вторичная. Разумеется, приборы очень помогают, потому что раскрывают перед нашим сознанием более широкую картину, они подвластны зрению, осязанию и другим органам чувств человека. Но ведь приборы не очень-то нужны, верно?

— То есть сельское хозяйство, селекция растений и животных и прочие манипуляции с природными фактами практикуются людьми уже тысячелетиями и никакого сложного оборудования для этого не требуется?

— Правильно, — согласилась Сара. — Но это очевидный факт и уж конечно не причина для убийства. Однако есть некие люди, которые преобразуют природу не для того, чтобы вывести новые, улучшенные сорта, а чтобы на этом нажиться, приобрести власть и устранить всех, кто станет у них на пути.

— Нечто вроде мафии биологов, — пробормотал я.

— Да, можно и так сказать.

— А есть ли у вас какие-нибудь примеры, улики, кроме вашей теории об аллергене?

— Вы сомневаетесь? Хорошо, вот вам пример. Вы никогда не задумывались над тем, почему у нас, в Штатах, после Второй мировой войны люди стали так грубы друг с другом?

— Что-то не понимаю…

— Об этом немало написано в социологической литературе. В первой половине века имелся некий стандарт цивилизованности, вежливости, межличностных отношений — то, как люди общались на публике, в бизнесе, в семье. А потом устои пошатнулись. И это признают все. Кое-кто винит во всем напряженность атомного противостояния или то, что телевизор все более подменяет школьное образование и становится для детей основным источником информации. Есть и множество иных причин. Но у меня имеется собственная теория.

— Какая же?

— После Второй мировой войны в атомный век вступил весь мир, а не только Америка. И в Англии, и в Западной Европе тоже есть телевидение и автомобили. Но Америку от Европы отличают именно огромные сельскохозяйственные территории, где можно тихо и незаметно выращивать нечто, к чему у большинства людей

существует аллергия низкого уровня. И я считаю, что причиной всеобщей раздражительности и утраты самообладания стало нечто, проникшее буквально каждому под кожу, — аллерген, специально созданный для этой цели.

«Боже, теперь я понял, почему ее теорию в штыки принял ученый совет. Пожалуй, стоит ей подыграть. Ведь я на собственном горьком опыте убедился: с безумцами лучше не спорить».

— Что ж, у японцев в конце войны имелись вполне конкретные планы начала биологической войны. Они собирались распространять возбудители смертельных болезней с помощью воздушных шаров.

Сара кивнула:

— Японцы — одна из самых продвинутых наций во всем, что касается сельского хозяйства. Не знаю, замешаны ли здесь и они, но…

Запищал телефон.

Маклахен как-то написал, что в нашем технологическом мире машина есть единственное место, где можно укрыться от назойливого и требовательного телефонного звонка. Но это, разумеется, было написано до эпохи мобильных телефонов.

— Алло? — ответил я.

— Алло? — отозвался мужской голос со странным акцентом, молодой и одновременно низкий. — Мистер Бюхлер, это вы?

— Гм-м… нет. Вы что-то хотите ему передать?

Молчание. Потом:

— Ничего не понимаю. Это машина мистера Бюхлера?

— Правильно, но…

— А где Мо Бюхлер?

— Представьтесь, пожалуйста.

Я услышал странное пощелкивание, потом гудок.

— В этом телефоне есть функция «ответный звонок»? — спросил я себя и Сару, потом отыскал нужную кнопку и нажал ее.

— Добро пожаловать в справочную AT&T, — услышал я бодрый женский голос. — Данный абонент или недоступен, или находится за пределами зоны вызова…

— Это был Эймос, — заключила Сара.

— Тот парень, что звонил? — тупо уточнил я.

Сара кивнула.

— Наверное, он все еще в шоке после смерти отца, — предположил я.

— А я думаю, что он его и убил, — сказала Сара.

Мы углублялись в Пенсильванию, и неестественно яркие

краски придорожных рекламных щитов постепенно сменялись разнообразными оттенками зелени, которыми я восхищался всего лишь вчера. Но сегодня краски природы были мне не в радость. Я понял, каково истинное лицо природы. Мы романтизируем ее красоту, но ведь природа и есть источник неурожая, голода, землетрясений, болезней, смертей… И еще оставался открытым вопрос: верна ли теория Сары о том, что некоторые люди помогают темной стороне природы?

Сара рассказала мне об Эймосе. Ему сейчас шестнадцать лет. Он получил лишь начальное школьное образование. Однако, как и подобает потомку эмишей из отколовшейся группы, о существовании которой посторонние и не подозревают, мальчик получил неплохое самостоятельное образование: он освоил искусство биологической алхимии. Эймос стал учеником своего отца.

— Но зачем? Какова причина убийства?

— Эймос не только будущий ученый, но еще и типичный упрямый подросток. У него много подружек, он любит выпить и погонять на машине, как прочие парни из разных группировок эмишей.

— О чем вы говорите?

— «Гроффи», «Эмми» и «Трейлеры» — это лишь три самые крупные группировки. Но есть и другие, поменьше. Конечно, Якобу все это не нравилось. Времяпрепровождение Эймоса было постоянной причиной ссор отца и сына.

— И убийство Якоба?..

— Но ведь Якоб мертв? И я совершенно уверена, что одна из группировок, в которой состоит Эймос, связана с биологической мафией. Той, что убила и Мо.

Остаток пути мы ехали молча. Я так и не смог решить, как относиться к этой женщине и ее идеям.

Наконец мы добрались до проселочной дороги, ведущей к ферме Штольцфуса.

— Думаю, лучше будет оставить машину здесь, а вам идти дальше одному, — посоветовала Сара. — Машины и странные женщины привлекают куда больше внимания эмишей, чем одинокий пеший мужчина.

— Но Мо мне говорил, что Якоб спокойно относится к машинам, и…

— Якоб мертв, — напомнила Сара. — А то, что нравилось ему, и то, что нравится его семье, может весьма сильно различаться.

Я припомнил вчерашнюю враждебность брата Якоба, одного из дядьев Сары.

— Ладно, — согласился я. — Думаю, вы знаете, о чем говорите. Я вернусь минут через тридцать — сорок.

— Хорошо. — Сара пожала мне руку и улыбнулась.

Я брел по проселочной дороге, слабо представляя, что надеюсь отыскать в ее конце.

Несомненно, вовсе не то, что обнаружил.

Запах дыма я ощутил задолго до того, как дошел до дома и амбара. Оба сгорели дотла. Боже! Надеюсь, в этих деревянных строениях никого не было.

— Эй! — крикнул я.

Мой голос эхом разлетелся над пустыми полями. Я огляделся и прислушался. Ни людей, ни домашнего скота. Я бы с радостью услышал даже хриплый лай собаки.

Подойдя к остаткам амбара, я поковырял ногой обугленные доски. Несколько тлеющих угольков подмигнули мне красными глазками. Время приближалось к полудню. По моим прикидкам, все это произошло — и очень быстро — примерно шесть часов назад. Впрочем, я не эксперт по поджогам.

Разогнав рукой едкий дым, от которого першило в горле, я вытащил фонарик с мощной галогенной лампочкой (подарок Дженны) и направил его луч в дым, выползающий из кучи обгорелых досок.

Мой взгляд зацепился за какое-то зеленое — зеленее травы — пятно. Это оказался обгоревший переплет старинной книги. Страницы выгорели полностью. Я сумел разобрать несколько букв старинного шрифта, тисненных золотом, и коснулся предмета кончиком пальца. Он оказался теплым, но не горячим. Я поднял его и осмотрел.

Одна строка сохранила буквы «На», вторая — «банк».

Банк? На… банк? Так что это было? Нечто вроде банковской книги эмишей? Какой-нибудь «Первый пахарский национальный банк»?

Нет, для банковской книги такая обложка не подходит. И слово «банк» начинается со строчной, а не с прописной. Банк, банк… гм-м… погодите-ка, а что мне вчера Мо говорил про банк? Банк… Точно, Бербанк. Дарвин и Бербанк! Лютер Бербанк!

Лютер Бербанк, «Партнер Натуры» — вот как называлась книга, обгоревшие останки которой я сейчас держу в руке.

Много лет назад я взял эту книгу в библиотеке в Аллертоне, и она меня заинтересовала.

Что ж, Мо и Сара оказались правы как минимум в одном — образовательный уровень хотя бы некоторых эмишей был гораздо выше, чем у выпускников средних школ…

— Опять вы!

Я едва не выпрыгнул из туфель и обернулся.

— О, мистер…

Передо мной стоял брат Якоба.

— Исаак Штольцфус, — представился он. — Что вы здесь делаете?

Тон его оказался настолько угрожающим, а глаза настолько гневными, что мне на мгновение показалось, будто он считает меня виновником пожара.

— Исаак… мистер Штольцфус, — пробормотал я. — Я только что приехал. И соболезную вашей утрате. Что здесь произошло?

— Семья моего брата, хвала Господу, сегодня рано утром отправилась к родственникам в Огайо, еще до рассвета. Поэтому никто не пострадал. Я поехал с ними на вокзал в Ланкастер. А когда вернулся два часа спустя, увидел вот это. — И он указал на останки дома и амбара.

— Можно спросить? Вам было известно, чем занимался здесь ваш брат? — рискнул я.

Исаак или не услышал, или сделал вид, будто не расслышал, и продолжил:

— Мы еще можем допустить утрату вещей и даже животных или растений. Но люди — вот истинная ценность в этом мире.

— Да, — согласился я, — однако возвращаясь к тому, что…

— Вам следует связаться с вашей семьей. И убедиться, что она вне опасности.

— С моей семьей?

Исаак кивнул.

— Меня еще ждет работа. — Он показал на поле. — У брата были четыре прекрасные лошади, но я пока не могу их найти. А вам лучше немедленно уехать.

Он повернулся и зашагал прочь.

— Подождите… — начал было я, но понял, что звать бесполезно.

Я посмотрел на обложку книги Бербанка. Сгоревшая ферма, безумные теории Сары, книга… У меня все еще не хватало фактов, чтобы сделать выводы.

Но какого черта Исаак упомянул мою семью?

Дженна сейчас в Европе, и она не член моей семьи — пока. Родители живут в Теанеке, сестра вышла замуж за израильтянина в Бруклине… Какое они могут иметь отношение к случившемуся?

Да никакого! А Исаак имел в виду вовсе не их!

До меня сегодня все доходило медленно. Исаак наверняка перепутал меня с Мо — ведь он впервые увидел нас только вчера.

Он имел в виду семью Мо — Корину и девочек.

Я помчался обратно к машине… Дымный воздух царапал горло всякий раз, когда моя нога отталкивалась от земли.

— Что случилось? — спросила Сара.

Я отмахнулся, прыгнул в машину и набрал номер Корины. Гудок, гудок, гудок. Никто не снимал трубку.

— Да что случилось? — переспросила она.

Я быстро рассказал и, резко развернув машину, помчался по проселку к шоссе.

— Успокойтесь, — сказала Сара. — Сегодня суббота, и Корина могла просто пойти по магазинам, взяв с собой детей.

— На следующий день после того, как умер ее муж?

— Ладно, но это не повод, чтобы попасть в аварию. Мы доедем за десять минут.

Я кивнул, снова набрал номер Корины и услышал в ответ все те же гудки.

— Наверное, пожар вызвали светлячки, — сказала Сара.

— Что?

— Светлячки. Некоторые эмиши держат их дома для освещения.

— Верно, Мо говорил что-то подобное. Но светлячки дают холодный свет, ведь это биолюминесценция, при ней тепло не выделяется.

— А у тех, что я здесь видела, выделяется. Они инфицированы особым видом бактерий — точнее, это симбионты, а не инфекция, — и в результате образуется как свет, так и тепло. Во всяком случае, именно таких светлячков здесь приносят в дома с наступлением зимы. И эти штуковины со светлячками они называют «менделевские лампы». У меня тоже такая была, маленькая. Та самая, которую я вчера разбила.

— Так вы полагаете, что такая лампа вышла из-под контроля и вызвала пожар? — спросил я и внезапно представил, как лежу на кушетке у Сары, а вокруг полыхает огонь.

Сара задумчиво прикусила губу.

— Возможно, все гораздо серьезнее, — предположила она. — Кто-то мог такое подстроить. Или намеренно вывести вид светлячков с заданными свойствами, превратив их в биолюминесцентную и биотермическую бомбу замедленного действия.

— А эти ваши доморощенные биологи-террористы многого добились, — заметил я. — Аллергены, вызывающие раздражительность у миллионов людей. Катализаторы, усиливающие действие других аллергенов и уже убившие минимум двоих. Антикаталитический томатный соус, а теперь и

светлячки-пиротехники.

— Не так уж далеко они ушли от совместной эволюции и симбиоза, — возразила Сара. — Ведь в организме каждого из нас живут ацидофильные бактерии, помогающие усваивать пищу. А между нами и этими бактериями куда больше различий, чем между термобактериями и светлячками.

Я еще сильнее надавил на педаль газа и мысленно взмолился о том, чтобы нас не остановил чрезмерно придирчивый инспектор.

— В этом-то и проблема, — продолжала Сара. — Совместная эволюция, симбиоз, селекция и отбор — это одновременно и благословение, и проклятие. Когда все кругом органическое и поддается скрещиванию, то можно добиться замечательных результатов. А заодно вывести светлячков, способных сжечь здание.

Наконец мы подъехали к дому Мо.

— Проклятие!

Дом оказался целым и невредимым, но машины на дорожке не было. А входная дверь была приоткрыта.

— Ждите в машине, — велел я Саре.

Она стала возражать.

— Послушайте, — урезонил ее я. — Возможно, мы имеем дело с убийцами — вы сами об этом говорили. И увязавшись за мной, вы лишь усложните мою задачу, заставляя беспокоиться о вашей безопасности.

— Хорошо, — кивнула она.

Я выбрался из машины.

К сожалению, оружия у меня не было. Если честно, я все равно его с собой не ношу. Не люблю я оружие. Когда поступил на работу в департамент, мне выдали пистолет, и я сразу запер его в столе. Как теперь оказалось, зря.

В дом я вошел чрезвычайно тихо. Я решил, что не стоит объявлять о моем приходе, — если Корина с девочками дома и мое вторжение их напугает, то извиниться я всегда успею.

Я прошел через прихожую, затем через столовую, до которой вчера так и не добрался, а там меня ждал знаменитый обед Корины… Потом кухня, коридор и…

И тут через открытую дверь спальни я заметил рыжие волосы лежащей на полу Лори.

Над ней кто-то склонился.

— Лори! — крикнул я, врываясь в спальню и отшвыривая парня, стоящего на коленях рядом с ней.

— Что за?.. — вякнул было он, но я сгреб его в охапку и

швырнул через комнату. Затем стянул с кровати простыню, туго скатал ее и направился к парню, чтобы связать.

— Мистер, я… — пробормотал он, приходя в себя после удара о стену.

— Заткнись и скажи спасибо, что я тебя не пристрелил.

— Но я…

— Я же сказал — заткнись.

Я связал его как можно крепче и подтащил поближе к Лори, чтобы приглядывать за мерзавцем.

— Лори, — негромко позвал я и коснулся ее лица ладонью. Она не отреагировала. Я приподнял ее веко и увидел закатившийся бледно-голубой глаз с расширенным зрачком.

— Что ты с ней сделал, черт тебя подери?! — взревел я. — Где ее мать и сестра?

— Не знаю… то есть не знаю, где они. А с девчонкой я ничего не делал. Но могу ей помочь.

— Лежать! Я вызову «скорую».

— Нет, мистер, пожалуйста, не надо! — заверещал парень. Его голос показался мне знакомым. Эймос Штольцфус! — Она умрет, не доехав до госпиталя, а у меня есть то, что может ее спасти.

— Как ты спас отца?

Парень заплакал:

— Отца я спасти не успел… опоздал. Но как вы узнали, что он?.. А, понял — вы тот самый друг Мо Бюхлера, с которым я утром говорил.

Я не ответил на его слова и направился к двери.

— Пожалуйста! Лори мне тоже дорога. Мы… мы с ней встречаемся…

Я вернулся к парню и рывком приподнял его с пола.

— Да? Неужели? А откуда мне знать, что это не твоих рук дело?

— У меня в кармане лекарство. Вариант на основе томатов. Пожалуйста… Если хотите, я сам выпью половину, а остальное дайте Лори. Только быстрее, у нас очень мало времени.

Я задумался и посмотрел на девушку. Пожалуй, я ничем не рискую, если дам парню выпить половину его так называемого лекарства.

— Ладно. Где оно?

Он показал на левый карман джинсов, и я вытащил оттуда бутылочку, унций на пять или шесть.

— Ты точно хочешь это сделать? — спросил я Эймоса. Меня внезапно охватило нехорошее предчувствие, и мне вовсе не хотелось стать причиной самоубийства деревенского парнишки.

— Мне все равно, дадите вы его мне или нет, — ответил Эймос. — Главное — дайте его Лори, и побыстрее! Пожалуйста!

На работе мне нередко приходится принимать решения, полагаясь на интуицию. Правда, обычно от этих решений не зависит судьба тех, кто мне дорог. Подумав еще несколько секунд, я решился.

Давать парню пробный глоток я не стал, а направился сразу к Лори. Очень не хотелось вливать ей в рот жидкость, пока она без сознания…

— Лекарство легко впитывается через язык, — подсказал Эймос. — И действует быстро.

«Боже, надеюсь, парень прав. Я его голыми руками убью, если Лори это не поможет».

Я постепенно вылил унцию или две ей на язык. Прошло несколько секунд. И еще. Тридцать секунд, сорок…

— Проклятие! Когда это должно подействовать?

Словно услышав мои слова, Лори простонала.

— Лори? — Я похлопал ее по щекам.

— М-м-м… — Она открыла глаза. И улыбнулась! — Фил?

— Да, дорогая. Все в порядке.

— Лори! — окликнул ее Эймос.

Лори встала:

— Эймос? А ты почему здесь? Да еще связанный?

Она посмотрела на него, потом на меня. Как на сумасшедших.

— Неважно. Это долгая история, — ответил я и направился к Эймосу. Я даже улыбнулся ему. — Хорошо, что ты оказался прав, парень.

Он улыбнулся в ответ.

— А где твоя мама и Эмма? — спросил я Лори.

— Поехали в похоронное бюро, — печально ответила Лори. — Договариваться о погребении. Они взяли твою машину. Мама нашла ключи у тебя в сумке.

Она заплакала. Эймос, когда я развязал его, обнял ее, утешая.

— Ты можешь объяснить, что с тобой случилось? Ну, когда мама и сестра уехали? — спросил я Лори.

— Ну… ко мне зашла одна очень любезная дама… она продавала мыло, духи, всякие домашние мелочи… Она назвала компанию, на которую работает, но я о такой никогда не слышала. И она меня спросила, не хочу ли я понюхать новые духи. Они замечательно пахли… удивительная смесь океанской свежести и лилий, а потом… потом вы меня окликнули и я увидела связанного Эймоса… А что случилось? Я упала в обморок?

— Вообще-то… — начал я.

— Гм-м, мистер… гм-м… Фил… — прервал меня Эймос.

— Я доктор д'Амато, но друзья зовут меня Фил, а ты заслужил такое право.

— Спасибо, доктор д'Амато… извините, Фил. По-моему, нам не стоит здесь оставаться. Эти люди…

— О чем ты?

— О том, что мне не нравится свет в этом доме. Они убили моего отца, отравили Лори, и как знать, что еще они могли подложить…

— Ясно, я тебя понял, — проговорил я, вспоминая ферму Штольцфуса. Ферму Эймоса. Угли и пепел.

Я вопросительно взглянул на Лори.

— Я в полном порядке, — сказала она, — Но почему мы должны куда-то уходить?

— Давайте все же выйдем, — решил я.

Мы с Эймосом вывели Лори на улицу. И первое, на что я обратил внимание, — Сара и машина Мо, на которой мы приехали, исчезли.

А второе — обжигающий жар на затылке. Я подтолкнул Лори и Эймоса, перебежал с ними на противоположную сторону улицы и, прищурившись, обернулся к дому.

Из каждого окна вырывались яркие бело-голубые языки пламени, облизывая крышу и стены. Такого оттенка мне еще видеть не доводилось.

Лори испуганно вскрикнула. Эймос прижал ее к себе.

— Светлячки, — пробормотал он.

Дом сгорел дотла за несколько минут.

Мы стояли, онемев и дрожа, очень и очень долго. До меня наконец дошло, что я тяжело дышу. Аллергическая реакция! Сара!

— Наверное, они увезли Сару, — предположил я.

— Сару? — удивился Эймос, прижимая к себе еще всхлипывающую Лори.

— Сару Фишер, — пояснил я.

Лори и Эймос кивнули.

— Она была другом моего отца, — добавила Лори.

— Она моя сестра, — сказал Эймос.

— Что? — Я повернулся к нему.

Лори отпрянула и тоже посмотрела на Эймоса, чье лицо как-то странно и мучительно исказилось от ненависти и жалости одновременно.

— Она покинула наш дом более десяти лет назад, — заговорил Эймос. — Я тогда был еще совсем маленьким. Сказала,

что не в силах больше выносить путы нашего ordnung[106], мол, это все равно что согласиться быть дебилом до конца жизни. И она ушла из дому, начала учиться. Думаю, она связана с теми, кто убил моего отца и сжег дом Лори.

Я внезапно ощутил во рту вкус вчерашнего винограда — сладость, смешанную с удушающим дымом, — и меня замутило. Я сглотнул и сделал медленный глубокий вдох.

— Послушайте, — сказал я, — мне до сих пор не совсем ясно, что здесь происходит. Я приехал и нашел Лори без сознания, но ведь ты или кто угодно мог ей чего-то подмешать в апельсиновый сок. Дом только что сгорел, но и это может оказаться самым обычным поджогом — облитые бензином тряпки, как у нас в Нью-Йорке. — Правда, такого яростного пожара я еще никогда в жизни не видел.

Лори уставилась на меня, как на сумасшедшего.

— Да это же светлячки, мистер Фил, — сказал Эймос. — Это они начали пожар.

— Но как они могли так быстро поджечь дом?

— Их выводят специально, — пояснил Эймос. — И делают так, чтобы через час, день или неделю после того, как их поместят в лампу, они начали вырабатывать много тепла и вызвали пожар. Это то, что вы, ученые, — добавил он с плохо скрываемым презрением, — называете «генетическим выключателем». Настроенная таким образом менделевская лампа в нужный момент срабатывает и становится менделевской бомбой.

— Менделевской бомбой?

— Он ведь был генетиком? И ставил опыты на растениях гороха? А насекомые ничуть не сложнее — их легко разводить и отбирать.

— Да, Грегор Мендель… Так ты сказал, что твоя сестра Сара в этом замешана?

Он кивнул.

А я вспомнил разбитую лампу на полу ее кухни.

— Слушай, Эймос, извини за прошлое. Но ты можешь представить мне реальные доказательства? Например, тех же светлячков?

Парень задумался.

— Да, я могу отвезти вас в один амбар. Это миль пять отсюда.

Я взглянул на Лори.

— На ферме Лэппа? — спросила она.

Эймос кивнул.

— Все в порядке, — сказала она мне. — Там безопасно.

— Вот и хорошо, — согласился я. Но и машина Мо, и моя машина пропали. — А как мы туда доберемся?

— Я оставил свою коляску у друга. В четверти мили отсюда, — сообщил Эймос.

Цок, цок, цок… Я смотрел на лошадиный круп, и мне качалось, что я не умнее его — если судить по зрелости моих умозаключений. Лошади, пожары, таинственные смерти — все ингредиенты романа Джека Финнея, где действие происходит в девятнадцатом веке. Но сейчас конец двадцатого. И пока мне довелось лишь с унылой обреченностью оказываться на месте очередного ужасного события. Что ж, во всяком случае, мне удаюсь спасти Лори — или позволить Эймосу ее спасти. Но я обязан сделать большее — перестать просто наблюдать и рефлексировать, а перехватить инициативу, взять ее в свои руки. В конце концов, за моей спиной наука двадцатого века! Ладно, пусть она не совершенна, пусть не всемогуща. Зато она вложила в мою голову достаточно знаний, чтобы я мог противопоставить что-то всем этим бомбам и аллергенам, этим менделевским штучкам.

Прежде чем сесть в коляску Эймоса, я смог дозвониться из телефонной будки на углу в похоронное бюро и поговорить с Кориной. Впрочем, я не удивился бы, обнаружив в коляске мобильный (лошадиный?) телефон, так что сами можете судить, насколько мне запудрили мозги все эти «генетические» новости. С другой стороны, почему бы эмишам не изобрести сотовый телефон, встроенный в коляску на конской тяге?..

— Доберемся через пару минут, — пообещал Эймос, оборачиваясь с козел. На мой неискушенный взгляд горожанина, гнедой конь — а Эймос сказал, что это конь, — выглядел красавцем. И вообще, поездка в конной упряжке солнечным осенним днем произвела на меня огромное впечатление, потому что была реальной жизнью, а не развлечением для туристов за пять долларов в час.

— Знаешь, я съел то, что мне предложила твоя сестра, — признался я Эймосу, вспомнив о своих тревогах. — Как думаешь, не могла ли она скормить мне тот самый медленно действующий аллерген?

— Не волнуйтесь, мы дадим вам противоядие, когда приедем к Джону Лэппу. Оно почти универсальное, — успокоил меня Эймос.

— Сара мне что-то говорила о слабых аллергенах, выпущенных на волю после войны. Они, мол, никого не убивают, но делают многих людей раздражительными и вспыльчивыми. Они ведь вполне могли стать причиной множества смертей, если причислить к таковым смертоубийства, ставшие результатами

бытовых ссор.

— Вы говорите в точности как мой папа, — заметила Лори.

— Он что, тоже говорил про эти аллергены?

— Нет, он тоже произносил не «убийство», а «смертоубийство».

— А вот и ферма Джона Лэппа, — объявил Эймос.

Несмотря на осень, зелень на лугах оставалась еще сочно-зеленой. Их окружали изгороди, выглядевшие одновременно и старинными, и поразительно ухоженными. Создавалось впечатление, будто мы переместились назад во времени.

— А ты, Эймос, что думаешь об идее сестры насчет аллергенов? — спросил я.

— Не знаю. Это ее область, не моя.

Большой амбар. Внешне такой же, как и сотни других по всей Пенсильвании и Огайо. И что скрывается за стенами каждого из них — поди узнай!

Я снова услышал слова Сары. Почему мы всегда ждем от науки технологической упаковки? Дарвин был великим ученым, а его лабораторией — весь окружающий мир. Мендель заложил основы генетики, выращивая в своем саду горох с белыми и красными цветками. А чем сад принципиально отличается от амбара? Если на то пошло, он еще менее технологичен.

Едва мы вошли, нас окутал свет — более мягкий, чем флуоресцентный, более рассеянный, чем свет ламп накаливания, — возможно, нечто среднее между сепией и звездным светом. Его невозможно точно описать, если не увидишь воочию и не пропустишь его фотоны через сетчатку частичками светлого ветра.

— Светлячки, — прошептал Эймос, хотя я уже все понял. Я видел светлячков прежде, любил их в детстве, рассматривал на иллюстрациях, когда корпел над определителем насекомых Одюбона. Но такого я не встречал никогда.

— Мы используем насекомых для многих целей, не только для освещения, — сказал Эймос, подводя меня и Лори (которую держал за руку) к многоярусным деревянным клеткам, затянутым сеткой.

Я пригляделся и увидел рои насекомых — пчелы или нечто похожее, — каждый в своем отделении за марлевой перегородкой. В нескольких секциях я разглядел и пауков.

— Это наши сети, Фил, — пояснил Эймос. — Сети и паутины нашего информационного шоссе. Конечно, эти насекомые куда медлительнее и не столь многочисленны, как ваши электроны, зато они гораздо разумнее и обладают большей мотивацией, чем

неживые частицы, передающие для вас информацию. Да, наши средства связи не могут сравниться по скорости и дальности с передающими телебашнями, телефонными линиями и компьютерами. Но нам это и не нужно. Нам не нужны скорость, повышенное давление и вторжение в личную жизнь, порождаемые электронами. Нам не нужны цифры, шум и хаос в эфире. Потому что наши носители информации выполняют работу, которую мы считаем важной, и выполняют безошибочно.

— И заодно они столь же смертельно опасны, — добавил я. — Во всяком случае, когда дело касается пожаров. Природа наносит ответный удар.

Я снова восхитился мудростью этих людей. И этого парня. Ведь он, хоть я и не был с ним согласен по поводу преимуществ живой связи перед электрической, разбирался в теории коммуникаций не хуже любого специалиста…

— А природа никогда по-настоящему и не отступала, доктор дАмато, — пробасил сзади знакомый голос.

Я обернулся.

— Исаак…

— Прошу прощения, но меня зовут Джон Лэпп. Я притворился братом Якоба, так как не был уверен, что вы не снимаете меня скрытой камерой. Мы с Якобом примерно одного роста и комплекции, вот я и рискнул. Вы уж простите, но не доверяю я вашим техническим штучкам.

Да, лицо и голос точно принадлежали Исааку Штольцфусу, зато речь стала гораздо более повелительной и «городской». Я заметил, как глаза Лори восторженно распахнулись.

— Мистер Лэпп, — пробормотала она, запинаясь, — я очень польщена знакомством с вами. То есть я здесь уже бывала с Эймосом, — она нервно сжала руку парня, — но не надеялась встретиться с вами…

— Что ж, я тоже польщен, юная леди, — пробасил Лэпп, — и приношу вам искренние соболезнования. Я всего раз виделся с вашим отцом — в тот день, когда изображал Исаака, — но знаю со слов Якоба, что он был хорошим человеком.

— Спасибо, — тихо произнесла Лори.

— У меня для тебя кое-что есть, Лори Бюхлер. — Лэпп полез в карман длинного темного плаща и достал нечто напоминающее дамскую сумочку, сплетенную из нитей очень привлекательного мшисто-зеленого цвета. — Это придумал Якоб Штольцфус. Мы ее назвали «лампа-сумочка». Она сделана из особых растительных волокон, окрашенных экстрактом светящегося мха с добавкой вытяжки из люминесцентных грибов. Сумочка светится в темноте и будет светиться несколько месяцев — если погода не окажется

слишком сухой. Потом сможешь поменять ее на новую. Отныне, если пойдешь по магазинам после заката, то всегда сможешь увидеть, что лежит у тебя в ридикюле и сколько осталось денег. Судя по тому, что я знаю о дамских сумочках — а у меня три дочки чуть моложе тебя, — это новшество может оказаться весьма полезным.

Лори приняла сумочку и просияла:

— Огромное вам спасибо! Как раз эту штучку папа и собирался мне привезти в тот вечер, — пояснила она мне. — Он думал, что я об этом не знаю. Он хотел взять сумочку на ферме Якоба и сделать мне сюрприз на мой день рождения. Но я-то знала… — Ее голос дрогнул, на глаза навернулись слезы.

Эймос снова обнял Лори, а я погладил ее волосы.

— Будь Мо жив, он захотел бы разобраться во всем до конца, — сказал я Лэппу. — Вы предполагаете, кто мог его убить… и отца Эймоса гоже?

Он уставился на меня:

— Мир меняется у вас на глазах, доктор д'Амато. Огромный лось вышел прогуляться на главную улицу города Брэттлборо, что в Вермонте. А в пригороде Нью-Гэмпшира застрелили медведя весом в четыреста фунтов…

— Нью-Гэмпшир вряд ли можно назвать пригородом, а Мо убил не медведь. Он умер в машине рядом со мной.

— Это ничего не меняет, доктор. Животные утрачивают осторожность, бактерии безумствуют, аллергия распространяется все шире. Все это фрагменты одной картины, а отнюдь не случайность.

— И этим занимаются ваши люди? Сознательно?

— Мои люди? Нет. Заверяю вас, мы не сторонники агрессии. Все, что вы здесь видите, — он повел рукой, указывая на всевозможные растения и мелких животных, которых я был бы не прочь рассмотреть повнимательнее, — предназначено только для улучшения жизни. Как сумочка Лори.

— Как светлячки, сжигающие дома? — уточнил я.

— Круг замкнулся. С этого я и начал. Увы, но мы не единственные, кто постиг возможности природы гораздо глубже, чем это допускает ваш технологический мир. У вас есть пластмассы, используемые в полезных целях. И есть пластик, используемый во зло, — например, та пластиковая бомба[107], которой взорвали самолет над Шотландией. Мы вывели этих светлячков, чтобы они давали свет и умеренное тепло.

Он указал на ближний угол амбара, где словно бил фонтан сепии и звездного света. Я пригляделся внимательнее и заметил, что он состоит из мириад крошечных светлячков. То была

огромная менделевская лампа.

— Этот рой состоит из светлячков различных видов, — продолжил Лэпп, — тщательно подобранных таким образом, что их вспышки накладываются и создают непрерывный и длительный свет. А окружает их сетка настолько мелкая, что самих насекомых вы не видите — если только не станете вглядываться очень внимательно. Но есть люди, которые продолжили начатый нами отбор в другом направлении — во зло, в чем вы и убедились на ферме Штольцфуса и в доме Бюхлера.

— Но если вы знаете, кто эти люди, то сообщите мне, и я уж постараюсь, чтобы их деятельность пресекли.

И тут на лице Лэппа впервые отразились эмоции.

— Ваша полиция пресечет их деятельность? Так же, как вы вывели из бизнеса промышленную мафию? Как остановили поток наркотиков из Южной Америки? Как ваши Объединенные Нации, НАТО и все ваши замечательные политические организации покончили за эти годы с войнами на Ближнем Востоке, в Европе и Юго-Восточной Азии? Нет уж, спасибо, доктор. Люди, употребившие силы природы во зло, есть *наша* проблема. Мы уже не считаем их своими и справимся с ними собственными методами.

— Но ведь двое уже погибли…

— И вы, возможно, тоже погибнете, — утешил Эймос, протягивая мне бутылочку с красной жидкостью, напоминающей разбавленный томатный соус. — Вот, выпейте. Так, на всякий случай, если сестра дала вам медленно действующий яд.

— Брат и сестра, — пробормотал я. — И каждый уверяет меня, что другой из них — злодей. Классическая дилемма. Откуда мне знать, а вдруг здесь яд?

Лэпп покачал головой.

— Сара Штольцфус Фишер есть несомненное зло, — мрачно проговорил он. — Когда-то я думал, что сумею взрастить и сохранить то добро, что в ней было, но теперь… Якоб рассказал о ней Мо Бюхлеру…

— Ее имя и номер мы нашли в памяти телефона, который стоит в машине Мо, — сообщил я.

— Да, для Мо она была подозреваемой, и он хотел ею заняться, — подтвердил Лэпп, — Я предупреждал Якоба, что он совершает ошибку, рассказывая Мо так много. Но Якоб был упрямцем. И оптимистом. Опасная комбинация. Мне горько такое говорить, — он печально взглянул на Лори, — но Мо Бюхлер мог навлечь такую беду на себя и на Якоба именно из-за контактов с Сарой.

— Если папа в нее верил, то как раз потому, что все еще

видел в ней хорошее, — упрямо возразила Лори.

Джон Лэпп лишь грустно покачал головой.

— А я, наверное, все только усугубил, поехав к ней и проведя ночь…

Все трое уставились на меня.

— …*один,* на кушетке, — быстро договорил я.

— Да, не исключено, что вы действительно усугубили ситуацию, — согласился Лэпп. — Ваши методы расследования — ваши и Мо Бюхлера — здесь непригодны. Вас будут водить за нос и заставят гоняться за собственным хвостом. Станут, насмехаясь, подбрасывать смутные намеки на то, что где-то что-то затевается или планируется. И скармливать ровно столько правды, чтобы поддержать ваш интерес. Но когда вы станете искать улики или доказательства, то не поймете даже того, что увидите.

Верно, он очень неплохо передал суть моих размышлений об этом деле.

— Вот уже много лет, как они внедрили катализаторы аллергенов длительного действия в нашу биосферу, в нашу кровь, — продолжил Лэпп. — Здесь они есть у всех. А едва в организм попадает такой подарочек, человек становится сидячей мишенью. Чтобы его убить, достаточно дать другой катализатор, но уже быстрого действия — им может стать любой из многих подходящих биологических агентов, — и через несколько часов вы умрете от мощной аллергической атаки, вызванной каким-нибудь прежде безобидным веществом. Разумеется, любой из этих катализаторов сам по себе не опасен и не вызывает подозрений при анализе крови, поэтому такие убийства остаются нераскрытыми. К тому же никто и никогда не замечает, какой именно фактор становится камешком, запускающим фатальную лавину, ведь обычно ни у кого не бывает аллергии на прикосновение листка, упавшего с дерева, или малюсенького жучка, севшего на палец. Вот почему мы разработали противоядие против первого катализатора — это единственный известный нам способ разорвать порочный аллергический цикл.

— Пожалуйста, Фил, выпейте. — Эймос снова протянул мне бутылочку.

— А вы не забыли сообщить мне о возможных побочных эффектах? Например, что я через несколько часов умру от приступа аллергии?

— Возможно, в ближайшую неделю вы станете раздражаться чуть больше обычного, — сообщил Лэпп.

— Тоже мне новость, — вздохнул я.

Решения… Даже если во мне уже есть первый катализатор, я могу прожить всю жизнь, так и не натолкнувшись на второй.

Нет, я не имею права оставаться настолько уязвимым. Я ведь люблю осенние листья. Но откуда мне знать, что Эймос предлагает мне именно противоядие, а не второй катализатор? Я этого не знал, но если бы Эймос желал моей смерти, то разве не постарался бы удержать меня в доме Мо перед пожаром? Решения…

Я залпом выпил содержимое бутылочки и обвел взглядом амбар. Поразительное зрелище переднего края науки викторианской эпохи! Нечто подобное я видел в одной аптеке на гравюре девятнадцатого века. Одного этого вида вполне хватит, чтобы закружилась голова. И тут до меня дошло, что голова и в самом деле *кружится*. Что это, реакция на противоядие? Боже, а вдруг это все-таки яд? Нет… это не голова кружится, это какой-то странный свет… светлячки… свет мерцает… и на удивление знакомо…

Вдруг я услышал голос Лэппа, он с кем-то спорил.

Сара!

— Здесь менделевская бомба, — торопливо сообщила она. — Прошу вас, быстрее уходите.

Лэпп с отчаянием обвел взглядом амбар, посмотрел на Сару и наконец кивнул.

— Она права, — подтвердил он, обращаясь ко мне. — Нам надо поторопиться. — Схватив Сару за руку, он повлек ее к выходу, призывно махнув и мне.

Эймос, обняв за талию Лори, уже быстро шагал к двери. Вбежавшие в амбар люди засуетились, хватая клетки и выбегая с ними наружу.

— Нет! Погодите. — Меня озарила идея.

— Доктор, пожалуйста, — настаивал Лэпп. — Нужно уходить, и как можно быстрее.

— Не нужно. Я знаю, как остановить бомбу.

Лэпп решительно покачал головой:

— Уверяю вас, нам неизвестно, как это можно сделать. И у нас осталось минут семь, максимум восемь. Амбар мы сможем построить заново. Но людей нам не воскресить.

Сара взглянула на меня с мольбой.

— Нет, — настаивал я, глядя мимо Сары на Лэппа. — Вы намерены и впредь убегать от врагов, позволяя им жечь все, что вздумается? В этом амбаре сосредоточены плоды многолетнего труда. А бомбу я смогу обезвредить.

Лэпп остановился, пристально глядя на меня.

— Ладно, сделаем так, — предложил я. — Вы все отсюда выйдете. А я займусь бомбой, призвав на помощь свою науку, и уже потом мы все обсудим, хорошо? Только дайте мне взяться за

дело.

Лэпп подал знак своим людям.

— Уведите ее, — приказал он и передал Сару большому угрюмому мужчине с бородой, тронутой сединой. Она пыталась сопротивляться, но их весовые категории были слишком разными.

Прищурившись, Лэпп посмотрел на мерцающих светлячков. Сейчас стало легче различать отдельных насекомых, словно их метаморфоза в живую бомбу сделала ячейки сетки крупнее.

— Я тоже останусь, — заявил он, поворачиваясь ко мне. — Даю вам две минуты, а потом вытащу за шиворот… Так что же может предложить ваша наука?

— Ничего уникального, — сообщил я, вытаскивая из кармана галогенный фонарик. — Это ведь светлячки, правильно? И если они сохранили известные мне особенности семейства Lampyridae, то начинают светиться лишь после заката, когда заходит солнце. Они же ночные насекомые. А днем, купаясь в дневном свете, они ничем не отличаются от прочих. Вот я и решил произвести необходимую настройку.

Я включил фонарик на полную мощность и направил луч на фонтан клубящегося звездного света, который уже приобрел гораздо более резкий оттенок, напоминая отвратительное освещение над столом для вскрытия. Я поливал насекомых дневным светом больше минуты, но ничего не происходило. Мельтешение продолжалось, а резкий оттенок их свечения даже усилился.

— Доктор, нам больше нельзя здесь оставаться, — сказал Лэпп.

Я вздохнул, закрыл глаза, потом открыл. Галогенный фонарик должен был сработать — прекратить свечение хотя бы нескольких особей, потом — других, все больше и больше нарушая наложение вспышек. Я уставился на фонтан. Глаза начали уставать, я различал насекомых уже не столь ясно, как несколько секунд назад…

Ну конечно!

Я стал хуже их видеть, потому что свет потускнел!

Теперь сомнений не осталось. Эффект непрерывности свечения нарушился, и весь амбар словно замерцал, а каждая последующая вспышка становилась слабее предыдущей… Я не отводил луч фонарика, и вскоре он стал единственным источником света.

Тяжелая ладонь Лэппа опустилась мне на плечо:

— Мы перед вами в долгу, доктор. Я едва не совершил дурацкую ошибку, закрыв разум для источника знания, которого не понимаю.

— Вечный парадокс Платона, — прокомментировал я.

— Что?

— Вам необходимо некое знание, чтобы распознать другое знание. Тогда откуда же взялось первоначальное знание? — Я улыбнулся. — Мудрость древнего философа — я частенько с ним советуюсь. Хотя, наверное, у вас с ним гораздо больше общего.

Лэпп кивнул:

— Спасибо, что поделились с нами своей догадкой, которая была очевидна, но до сих пор лежала под спудом. Отныне менделевские бомбы перестанут представлять для нас прежнюю угрозу. Заметив мерцание, мы просто зальем все вокруг светом. Обычным дневным светом.

— А по вечерам вам хватит фонарика — он ведь на батарейках, и у вас не будет нужды обращаться в электрические компании, — добавил я. — Вот видите, я тоже кое-что узнал о вашей культуре.

— Не сомневаюсь, доктор, — улыбнулся Лэпп. — И, полагаю, нам сейчас ничего не грозит.

— Верно, но все же хорошо, что Сара Фишер на сей раз предупредила вас вовремя.

Разумеется, враги Джона Лэппа и Эймоса Штольцфуса примутся за селекцию новых видов дьявольского оружия. В подобных сражениях чистой и окончательной победы не бывает. Но зато опасность менделевских бомб уменьшится. Пожалуй, я дал им средство экстренной борьбы с огненными светлячками — несовершенное, конечно, но и это гораздо лучше, чем ничего.

И еще я был рад поступку Сары Фишер. Она приехала к амбару предупредить нас — заявила, что хочет покончить с убийствами. И еще она сказала, что не причастна к смерти Мо и Якоба, но больше не может находиться рядом с теми, кто потенциально готов к убийству. А мне она рассказала об аллергенах-раздражителях, чтобы о них узнал весь мир. И мне хочется ей верить.

Я подумывал о том, чтобы позвонить в полицию и заявить на Сару, но какой в том смысл? У меня против нее нет абсолютно никаких улик. Ведь даже если именно она установила менделевскую бомбу в амбаре Джона Лэппа, я не смог бы доказать истину. У меня не нашлось бы ни одного свидетеля: люди Джона Лэппа не желали раскрывать тайну светящейся взрывчатки чужакам. О показаниях в суде я и не говорю. Нет уж, спасибо. Меня и так уже не раз выставляли посмешищем.

Лэпп сказал мне, что у них есть нечто вроде гуманитарной программы для таких, как Сара, и они помогут ей снова обрести

корни. А ей это необходимо. Ведь сейчас она женщина без общества, изгнанная обеими сторонами. Худшее, что могло случиться с человеком, имеющим такое происхождение, как у Сары. И хорошо, что Джон Лэпп и Эймос Штольцфус желают дать ей второй шанс, как огонек надежды, — быть может, это и есть реальное предназначение менделевских ламп.

Я опустил стекло, собираясь заплатить пошлину за проезд через мост имени Джорджа Вашингтона. Должен признать, мне было приятно снова усесться в свою потрепанную машину. Корина решила переехать с девочками в Калифорнию. Я произнес несколько слов на похоронах Мо, а сейчас его маленькая семья в безопасности и летит на запад. Не могу похвастаться, что отдал убийц друга в руки правосудия, но все же я сумел вставить палку в колеса их замысла. Лори поцеловала Эймоса на прощание и пообещала, что еще приедет повидаться с ним, уж на Рождество точно…

— Спасибо, шеф.

— Я взял квитанцию и сдачу. Окно я поднимать не стал. Врывающийся в него городской воздух имел привычный запах промышленных выбросов и автомобильных выхлопов — пусть даже безопасных по стандартам Агентства охраны окружающей среды, но тем не менее весьма чувствительных. Черт, разве не здорово дышать им снова? Лучше, чем сладким воздухом Пенсильвании, тайно начиненным аллергенами и катализаторами. Он уже убил Мо и Якоба. Много лет назад их отравили медленно действующим катализатором. Потом подмешали к нему второй, и вот некий пустяк, которого они коснулись или вдохнули, поджег последний короткий фитиль. Быть может, таким пустяком оказался одинокий жучок-светлячок, прожужжавший возле их ног или севший на руку. Да все, что угодно. Амбар Якоба тоже освещался светлячками. Наверное, именно эту лампу Мо и хотел мне показать. А одного-двух насекомых мы могли, сами того не заметив, прихватить с собой в Филадельфию… Для меня просто жучок, а для Мо — убийца.

Как сказал один умник из полиции, достоинство Нью-Йорка в том, что подходящих к тебе убийц обычно успеваешь заметить. Так что я не против копоти и грязного воздуха, давки множества людей, и машин в час пик, и даже уличных грабителей. Рискну.

Мысль о грабителях заставила меня вспомнить о деньгах, и я машинально потянулся за бумажником. Отличный бумажник, сделанный из той же плотно сплетенной ткани, что и сумочка Лори. Мне подарил его на прощание Джон Лэпп — в память о Якобе. И теперь я несколько месяцев смогу ясно видеть, сколько денег трачу.

Что ж, хорошо иметь в этом мире чуточку больше света — пусть даже свет, как и содержимое моего бумажника, постоянно стремится меня покинуть…

Сара Зеттел
Чужаки

Сара Зеттел (р. в 1966 г.) живет в Мичигане вместе со своим мужем Тимом. Писательница выпустила пять научно-фантастических романов: «Рекламация» («Reclamation», 1996), «Война дурака» («Fool's War», 1997), отмеченный «New York Times», «Изображая бога» («Playing God», 1998), «Тихое вторжение» («The Quiet Invasion», 2000) и «Королевство клеток» («The Kingdom of Cages», 2001). Кроме того, Зеттел работает и в жанре фэнтези — в 2002 г. вышел роман «Наследие чародея» («Sorcerer's Treason»), являющийся первой частью трилогии. Удача пришла к писательнице далеко не сразу — после «шести лет проб и миллиардов отказов», в 1991 г. «Analog» наконец опубликовал ее рассказ «Влекомый лунным светом» («Driven by Moonlight»). Отказы, по воспоминаниям Зеттел, главный редактор Стэн Шмидт мотивировал обнаруженными в произведениях неточностями: ошибка в лунном календаре, невероятные с научной точки зрения механизмы, несуществующие рыбы и т. д.

О себе Зеттел говорит: «Когда утверждали, что я пишу научную фантастику, я очень удивлялась: я обожаю фантастику, но терпеть не могу науку. Но потом я поняла, что не выношу только физику, которая мне смертельно скучна. Вот биология, антропология, химия, археология — другое дело, о них я пишу с удовольствием».

Рассказ «Чужаки» традиционное для «Analog» произведение, сюжет которого построен вокруг необходимости решить определенную проблему. Однако в то же время в «Чужаках» затрагиваются вопросы, которые обычно остаются за пределами внимания фантастов. Например, почему бы экипажу звездолета, обреченного на гибель, не впасть в депрессию?

Марго Раш распахнула люк, ведущий в лазарет «Сорок девятого».

— Пол? — окликнула она, ощущая, как предчувствие беды все сильнее стискивает горло. Оттолкнувшись от края люка, она вплыла в белый стерильный модуль. И медленно перевела взгляд

в центр, не желая верить тому, что открылось ее глазам.

Посреди модуля в воздухе зависло вялое и безжизненное тело Пола — широко раскрытые глаза, бледная кожа.

Возле руки все еще парил шприц, обвиняюще указывая на труп иглой.

— Господи… — выдохнула Марго, нашаривая поручень.

С негромким шелестом включились вентиляторы. Слабый поток воздуха подхватил труп, увлекая его к дальней стене модуля. Марго уловила едкий запах экскрементов. Она едва не утратила с трудом обретенный самоконтроль, но бежать было некуда, а винить некого. Здесь находились только она, труп и плоский экран интерфейса для связи с корабельным искусственным интеллектом.

— Черт побери, Реджи, почему ты ничего не предпринял?! — рявкнула она, прекрасно сознавая, насколько глупо кричать на ИИ, но не в силах сдержаться.

— Я не знал, что делать, — ответил Реджи через терминал. — Для таких ситуаций у меня нет типовых сценариев.

— Верно, нет, — устало согласилась Марго. — Для таких ситуаций точно нет.

Экипаж корабля уже три месяца знал, что им предстоит погибнуть. Все семеро считались гордостью НАСА, они возвращались из первой пилотируемой экспедиции к поясу астероидов. Команда открыла для человечества новые рубежи — по графику и в рамках бюджета. Два с половиной года из четырехлетней миссии им сопутствовал успех, и теперь они направлялись домой.

Возникло несколько проблем, пару раз загорались красные индикаторы. Пыль из астероидного пояса пробралась в механизмы антенны связи и радиотелескопа. Ничего страшного — Эд Макэвой и Джин Крамер в два счета заменили поврежденные детали. Ведь это проект НАСА. У них есть сменные блоки. Даже если модуль ориентации, в котором для коррекции курса использовались традиционные метаново-кислородные ракеты, каким-то образом полностью вышел из строя, это стало бы для проекта лишь мелкой неприятностью. Для полетов на большие расстояния использовался магнитный парус — гигантская петля из сверхпроводящего даже при высоких температурах керамического кабеля, внутри которого циркулировал поток заряженных частиц. Могло отказать что угодно, но парус доставит их домой.

— Марго! — послышался из интеркома голос Джин. — У тебя все нормально?

Марго стиснула поручень и уставилась на труп. Тот медленно

поворачивался, увлекаемый воздушными течениями. «Нет, не все».

Однако магнитный парус все же оказался уязвим. Комбинация из космического излучения и медленно разрушающейся термоизоляции подняла температуру его оболочки слишком высоко, и сотни километров керамического кабеля утратили сверхпроводимость.

Корабль продолжал лететь даже без паруса. Разумеется, как же иначе? Но летел он по медленной эллиптической орбите, даже близко не подходящей к намеченной точке вблизи Земли. Они могли сжечь до последнего атома все имеющееся на борту горючее для двигателей ориентации и исследовательских шлюпок и все равно оказались бы раз в пять дальше от того места, где их смог бы перехватить челнок с Марса. Отчаянный обмен сообщениями с Хьюстоном не принес решения. Корабль был обречен.

— Марго! — снова позвала Джин.

— Сейчас вернусь. — Марго надеялась, что Джин не расслышит, каким голосом она это сказала.

Она взглянула на висящий в воздухе пустой шприц. «Использовал все и не оставил мне ни капельки. — Она с трудом сглотнула. — Прекрати, Марго. Сейчас же прекрати».

— Другие запросы будут? — осведомился Реджи.

Марго прикусила губу.

— Нет. Других запросов не будет.

Марго оттолкнулась, перелетела в соединительный отсек и задраила за собой люк. Она понимала, что с телом нужно что-то сделать: закрыть покойнику глаза, обернуть его простыней или нечто в этом роде, но не сумела заставить себя обернуться.

Слезы щипали ей глаза. Вместе с Полом она летала четырежды. Они просидели целую ночь, попивая кофе-эспрессо и обмениваясь байками, пока комиссия утверждала окончательный состав экипажа «Сорок девятого». Они проводили в полете долгие часы, споря о политике или слушая старые джазовые записи. Она думала, что хорошо знает его. Уж он-то продержится!

Впрочем, точно так же она думала об Эде и Трейси.

Трейси Коста, главный специалист по минералам, покинула их первой. Они ни о чем не подозревали, пока Ник не заметил в иллюминатор замерзший труп неподалеку от корабля. Затем точно так же покончил с собой Эд, хотя клялся Джин, что никогда не оставит ее в беде. А теперь Пол.

Перебираясь от поручня к поручню, Марго двинулась по коридору, проплывая мимо шкафов с оборудованием и панелей доступа. Маленькое треугольное окошко выглядывало в вакуум, в

эту бесконечно терпеливую темноту, дожидающуюся, пока все они откажутся от борьбы.

«Прекрати, слышишь!» Она оторвала взгляд от окошка и сосредоточилась на простой задаче — на продвижении по коридору.

Командный модуль корабля являл собой комбинацию корабельного мостика, центра связи и главной обсерватории. Там уже собрались все оставшиеся члены экипажа. Командир миссии Николас Дили — песочные волосы, смуглая кожа, темные глаза — сидел за одним из компактных терминалов Реджи, размышляя над тем, что видел на плоском экране. Том Меррит, превратившийся за последние две недели из цветущего розовощекого мужчины в бледное привидение, стучал по клавишам управления радиотелескопом — он выполнял обязанности астронома и специалиста по связи. Именно он отвечал за то, чтобы команда получала сообщения из дома.

И еще Джин. Несколько прядей волос выбились из ее туго заплетенной каштановой косы и теперь витали вокруг головы, придавая женщине встревоженный и какой-то беспомощный вид. Она стояла у другого терминала, что-то сосредоточенно набирая на клавиатуре.

Марго остановилась на пороге, стараясь привести в порядок мысли и чувства. Ник поднял голову, взглянул на нее. Марго открыла рот, но комок в горле не пропускал слова. Теперь к ней повернулись Том и Джин. И без того бледное лицо Тома стало белым как бумага.

— Пол? — прошептал он.

Марго кашлянула.

— Умер, — выдавила она.

Джин отвернулась, но Марго успела заметить, как отчаянно она сдерживается, чтобы не зарыдать. Ник стиснул кулаки. Том лишь устало взглянул на Ника и спросил:

— Ну, и что нам теперь делать?

Ник вздохнул.

— Ладно, ладно. — Он пригладил волосы, — Пойду займусь… телом. Том, можешь связаться с центром управления? Они ведь захотят уведомить его семью. Я потом напишу письмо…

В этом был весь Ник. Поручить каждому дело, но руководство оставить за собой. Когда накрылся парус, он не спал двое суток, помогая Эду и Джин дюйм за дюймом осматривать кабель в поисках участков с уцелевшей изоляцией, которые можно было бы вырезать и смонтировать в штормовой парус. Когда же эта задача оказалась невыполнимой, он все равно продолжал наваливать на каждого как можно больше дел. Ник до капли

выдаивал из центра управления любые оптимистичные новости. Разрабатываются планы. Весь мир молится об их спасении. От семей и друзей регулярно поступают ободряющие послания. Будет сделана попытка их спасти. Они найдут дорогу домой. Надо лишь продержаться.

— А тем временем… — продолжил Ник.

— А тем временем радиация сожрет нас изнутри, — горько проговорил Том. — Это безнадежно, Ник. Мы все уже покойники.

Ник неловко сменил позу, хрустнув «липучками» на подошвах.

— Я все еще дышу и в ближайшее время не собираюсь прекращать это привычное занятие, — заявил он.

Лицо Тома исказила ярость:

— А чем ты станешь дышать, когда скрубберы выработают ресурс? Что станешь делать, когда кончится вода? Или когда у нас появятся опухоли?

«Том, пожалуйста, не надо!» — мысленно взмолилась Марго, но вслух ничего не сказала, осознав, насколько бессильны слова против такой вспышки гнева. Том боялся болезни, боялся слабости. Да, но разве остальные не боялись?

Главной обязанностью Пола была профилактика рака. Одной из основных опасностей продолжительного космического полета считалось длительное воздействие жесткой радиации. Магнитный парус, когда он работал, создавал зонтик, отражающий заряженные частицы, и это замедляло процесс. Медицина уже поднялась до такого уровня, когда могла компенсировать вред, нанесенный организму быстрыми нейтронами и гамма-лучами. Пол Лак ухаживал за культурами регенеративных стволовых клеток, взятых у всех членов экипажа. Каждую неделю он измерял уровень предраковых индикаторов в пробах из важнейших участков тела. Если этот уровень становился слишком высоким, он отслеживал «горячие точки» и делал инъекции здоровых клеток, напоминая кости, органу или коже, какими им полагается быть.

Теперь же система, которую поддерживал Пол, окончательно отказала, и единственной надеждой стали медицинская экспертная система компьютера и знания, полученные экипажем во время аварийных тренировок. Пока признаков рака ни у кого не наблюдалось.

— У нас есть время, — спокойно произнес Ник. — Мы не должны сдаваться. Возьми себя в руки, Том. Что сказала бы Кэрол, если бы услышала от тебя такое?

Марго вспомнила, что Ник был на свадьбе у Тома. Они были друзьями.

— Она повторит то, что скажут ей психологи НАСА! — рявкнул Том. — А пока, — он выделил эти слова, — мне придется наблюдать за тем, как она стареет на десять лет каждый день, который мы проводим здесь. И долго мне еще так над ней издеваться? А ты сам — долго ли еще будешь заставлять страдать свою семью?

Впервые за все время самообладание Ника дало трещину. Его лицо окаменело, превратившись в маску ярости и отчаяния, но голос остался твердым и спокойным.

— Моя семья узнает, что я умер в борьбе.

— Ну, наконец-то и ты признал, что мы умрем, — подловил его Том.

— Нет… — начала было Джин.

— Внимание, — произнес странный тихий голос.

Все обернулись. Голос доносился из терминала. Говорил Реджи.

— Поступает сигнал. Источник неизвестен. Не могу отфильтровать. Инкогерентная система отказала. Ошибка три-шесть-пять…

Что-то заскрежетало, лязгнуло. Голос Реджи оборвался.

— Проверка систем! — гаркнул Ник.

Марго оттолкнулась от стены и подлетела к своему рабочему месту — пульту управления навигацией.

— У меня на выходе бред, — выдохнул рядом Том. — Куски машинного кода, сообщения об ошибках. Реджи свихнулся.

Марго приклеила подошвы к «липучке» па полу и принялась яростно барабанить по клавиатуре, запуская диагностику.

— У меня все в порядке, — сообщила она, потом повернула голову и посмотрела в главный иллюминатор, отыскивая взглядом звезды и точечки планет. — Подтверждаю. Системы позиционирования работают.

— Аппаратура вроде бы тоже в порядке, — подтвердила Джин. — Схожу проверю генераторы, потом доложу.

Ник резко кивнул, разрешая. Джин отстегнулась от кресла и выскользнула в коридор.

— Есть хоть какой-нибудь когерентный сигнал? — Ник оттолкнулся от пола и завис над плечом Тома.

— Ничего.

Со своего места Марго различала лишь потоки случайных символов, мелькающие на терминале Тома.

— Реджи, что случилось? — прошептала она.

— Не знаю, — ответил компьютер через ее терминал. Марго вздрогнула. — Не могу получить доступ к внешней системе связи. Многочисленные сбои… Искажение программного кода… Ошибка

три-четыре… — Голос компьютера снова оборвался, сменившись всплеском статики. Опять статика, тишина, снова статика.

— Марго, ты видишь антенну связи? — спросил Том. Его руки все еще мелькали над клавиатурой.

Марго прижалась щекой к холодному иллюминатору, вывернула шею и прищурилась, пытаясь взглянуть вдоль корпуса корабля.

— Да, вижу. Краешек.

— А можешь рассмотреть ориентацию?

Марго снова прищурилась.

— Кажется, отклонилась от оси градусов на десять.

— Она сдвинулась, — сказал Том в паузе между импульсами статики. — Поэтому мы и услышали тот шум.

— Энергостанция в порядке. — Джин скользнула через люк и снова пристегнулась на своем рабочем месте. — Во всяком случае, новых неисправностей там нет… — Она не договорила. — Что это?

Марго и остальные замолчали, прислушиваясь. Марго уловила лишь негромкое гудение корабельного оборудования и импульсы статического шума, все еще доносящиеся из терминала Реджи. Короткие и быстрые импульсы: один, один, два, один, два, один, один, один, два.

— Это код? — спросил Ник.

— Механическая неисправность, — ответил Том. — Наверняка. Реджи накрылся.

Один, один, два, один.

— А кто-нибудь слышал о том, что отказ компьютера проявляется именно так? — спросила Марго.

Один, два, один.

— Реджи? Диагностика первого уровня. Доложи, — приказал Ник.

Один, один, два.

— Может, мы сумеем получить четкую диагностику, запустив другую экспертную систему? — предложила Марго.

Реджи не был компьютером с одним процессором, а представлял собой сеть из шести взаимосвязанных систем. У каждой имелась своя специализация, совсем как у членов экипажа. Терминалы в различных модулях корабля давали доступ к разным экспертным системам.

— Возможно, — отозвался Ник. — Пусть Том попробует отследить неисправность отсюда. Вы с Джин попытайтесь сделать то же самое из лаза… из энергомодуля. — Марго мысленно поблагодарила Ника — он вовремя вспомнил, что сейчас находится в лазарете.

Один, один, один.

Джин и Марго перебрались по коридору в энергоблок. Как Джин и доложила, индикаторы всех действующих после потери магнитного паруса приборов светились зеленым.

— Во всяком случае, это уже что-то новенькое, — пробормотала Джин, запуская терминал Реджи — тот самый, за которым она и Эд провели множество часов, когда отказал магнитный парус.

— Напомни, чтобы я тебе потом рассказала, в каких условиях работала моя бабушка на старом «Мире», — сказала Марго. — Вот там полет был настоящим приключением.

Джин улыбнулась, и Марго ощутила теплую волну благодарности. Хоть кто-то из них еще остался таким же, как прежде.

— Реджи, — произнесла Джин в микрофон терминала, — у нас серьезная неисправность в наружной системе связи. Ты можешь ее проанализировать, пользуясь этой системой?

Пока она говорила, Марго нажала на стене кнопку интеркома, чтобы ответ услышали в командном центре.

— Массивные искажения данных и многочисленные ошибки при их обработке, — отозвался Реджи механическим голосом. — Попробую восстановить интерфейс.

— Ник, ты слышал? — произнесла Марго в интерком. Вдоль стен коридора шепчущим эхом доносились импульсы статики из командного центра.

— Слышал, — отозвался Ник.

— Я получаю сообщения о внешнем сигнале, — заговорил Реджи. — Внутренний отказ, внутренний отказ, внутренний отказ…

Джин выключила динамик.

— Что за чертовщина? — спросила она Марго.

Та лишь покачала головой.

— Внешний сигнал? Но как такое возможно? Это не может быть передача из Хьюстона!

Взгляд Марго скользнул к черному треугольнику иллюминатора. Из коридора все еще доносились еле слышные одиночные и парные импульсы статики.

— В каком языке всего два компонента? — спросила Марго.

— В двоичном, — ответила Джин, удивленно уставившись на нее.

— А что мы, по сути, передаем во время сеансов связи? И что может тот, кто не знает более совершенного языка, послать нам в ответ?

Джин побледнела.

— Марго, ты сошла с ума.

Марго даже не стала отвечать. Она оттолкнулась, вылетела в коридор и направилась к командному центру.

— Том, ты слышал?

Том даже не взглянул на нее. Он держал блокнот и ручку. Когда слышался очередной импульс статики, он записывал в блокнот единичку, а после двойного импульса — ноль. Вскоре он бросил блокнот прямо в воздухе, словно ему было все равно, куда тот улетит, и его пальцы замелькали над клавиатурой.

— О да, слышал.

Ник тоже сидел за своим терминалом и тоже стучал по клавиатуре.

— Кажется, механизмы наружной системы действуют, — сказал он. — Возможно, мы сумеем провести анализ…

— Он ввел серию команд. В помещении все еще слышались статические импульсы, настолько настойчивые, что жилки на висках Марго начали пульсировать синхронно с ними.

— Тут что-то есть, — пробормотал из-за терминала Том. Голос его звучал напряженно, с интонацией, которую Марго не сумела распознать. — Но чтобы понять, что именно случилось, надо немало времени. Реджи сейчас все записывает. — Он взглянул на Ника. — Пока он еще не окончательно накрылся…

Марго и Джин тоже повернулись к Нику. Марго показалось, что она прочла в его взгляде облегчение. «Сейчас ему хотя бы не нужно придумывать для нас работу».

— Хорошо, — начал отдавать распоряжения Ник. — Том, ты попытайся понять, что это было. Джин, ты займись неисправностью Реджи. Выясни, какие системы исправны, а какие — нет. — Он перевел взгляд на Марго. — Я позабочусь о Поле. А ты, Марго…

— А я проверю, работает ли периферия, — сказала она. — Мы ведь не знаем, что еще может случиться.

Ник кивнул. Марго последовала за Ником по коридору. Она старалась не смотреть, когда он поворачивал запорное колесо на люке, ведущем в лазарет. Марго заставила себя пролететь через помещение и направиться дальше, к грузовому отсеку.

Этот отсек представлял из себя комбинацию трюма и рабочего помещения. Здесь хранились тщательно запечатанные контейнеры с образцами минералов, но здесь же имелось и все необходимое для работы вне корабля. Сразу возле выходного шлюза ждали исследовательские шлюпки, прочно прикрепленные к корпусу зажимами, — небольшие легкие суденышки, весьма смахивающие на кривоватые коробчатые воздушные змеи, с которых содрали ткань обшивки. Фактически это были просто

рамы с креплениями для контейнеров с образцами, роботов, которые эти образцы собирали, или космонавтов. Их спроектировали для подлета к астероидам и посадки на них. Марго вспомнилось ощущение почти детского восторга, когда она сажала такой кораблик на астероид. Она любила свою работу, эту миссию и свою жизнь, но такие впечатления не сравнить ни с чем.

Вскоре после отказа паруса у них возник план использовать эти кораблики как буксиры, способные вытянуть корабль на такую орбиту, где их смогут перехватить спасатели с одной из марсианских станций. Но Реджи смоделировал ситуацию и доказал, что это невозможно. У этих малюток попросту не хватит мощности. Поэтому они так и остались на своих местах за бортом, а Марго теперь сидела внутри, окруженная бурильным и геологическим оборудованием и зарядами взрывчатки, и ей оставалось лишь ждать, что произойдет дальше.

«Держись, Марго. Проживи еще минуту, потом еще и еще. Такая нынче игра, верно? А если нарушишь правила, то последуешь за Полом, Эдом и Трейси».

Она нажала кнопку интеркома, чтобы услышать импульсы статики и негромкое бормотание Тома. Эти звуки напомнили ей, что жизнь продолжается и что-то действительно происходит. На сердце немного потеплело. Перед ее мысленным взором засветился огонек. Ведь Том сказал, что в звуках статики что-то есть. И это может оказаться помощью. Какой угодно, но помощью.

Мелкие дела не давали ей бездельничать все две недели после потери паруса, и такие же мелкие задачи ждали ее сейчас. Марго проверила герметизацию контейнеров с образцами. Провела компьютерный контроль шлюпок и убедилась, что элементы на них полностью работоспособны, а баки под завязку заправлены топливом. У Марго появилось искушение — учитывая нынешнее состояние Реджи — надеть один из ярко-желтых скафандров, выйти наружу и проверить все системы вручную, но она его преодолела. Она могла пригодиться для чего-то более важного на корабле.

Марго пересчитала баллоны с воздухом и проверила в них давление. На всякий случай. Раз у Реджи поехала крыша, не исключено, что им придется выйти наружу и направить антенну на Землю вручную. А если эта последняя и странная надежда окажется ложной… Она все еще не попрощалась со своим женихом Джорданом и хотела это сделать. Она не желала расставаться с ним молча.

Голос Реджи заставил ее вздрогнуть и оторваться от своих мыслей.

— Помощь, — сказал Реджи. — Я. Помощь. Я. Мы. Ты.

Помощь.

Марго помчалась обратно по коридору. До командного модуля она добралась последней. Она ухватилась за поручень, вслушиваясь, как Реджи бормочет слово за словом.

— Есть. Помощь, — произнес Реджи, рублено и резко. Темп его речи постепенно нарастал. — Есть. Помощь. Комета. Тянет. Тащит. Вас. К вам — комета. Пролетит близко. К вашему миру — с помощью кометы. Это возможно. Есть помощь.

У Марго отвисла челюсть.

Том взглянул на свой блокнот:

— Реджи сказал, что мы получаем двоичный сигнал из неизвестного источника. Если принять одиночный импульс за единицу, а двойной за ноль, то получится чушь, но если одиночный принять за ноль, а двойной за единицу, то получается некая версия компьютерного языка. Одна из экспертных систем сумела его декодировать.

Он стиснул ручку, явно борясь с желанием отшвырнуть ее.

— Это невозможно! Такое никак не могло произойти.

— Но ведь произошло, — пожала плечами Марго.

— И все равно не могло, — прорычал Том. — Инопланетяне, способные создать компьютерный язык, причем такой, что Реджи справился с ним всего за четыре часа? Невозможно.

— Если только они уже давным-давно нас не слушают, — отметила Джин.

Том постучал ручкой по блокноту. Один, два, один.

— Но как…

Марго нетерпеливо прервала его. Ведь это помощь, надежда на жизнь. Почему же он пытается эту надежду разрушить?

— Мы уже более ста лет передаем в космос все подряд. Возможно, с тех пор нас и слушают. — Она ощутила, как сомнение Тома просачивается и в ее сознание, но подавила его усилием воли.

Джин скрестила руки на груди:

— Сейчас мне все равно, кто они такие, — пусть даже Демоны из седьмого круга ада. Главное, что они есть.

— Господи… — выдохнул Ник и добавил уже более спокойно: — Ладно. Марго, вам с Джин придется выйти наружу и развернуть антенну, чтобы мы смогли послать сообщение в Хьюстон.

— Мы не можем сообщать об этом в Хьюстон, — резко возразила Джин.

— Что?

Теперь Джин обхватила себя за плечи и пояснила:

— Они решат, что все мы дружно сошли с ума.

— Да какая разница, что они там решат! — Ник развел руками. — От них ничего не зависит.

— Зато они могут сообщить нашим семьям, что мы рехнулись, — невозмутимо парировала Джин. — А я, например, не желаю, чтобы мои родители такое услышали. Им и без того тяжело.

Ник медленно кивнул.

— Ладно, — согласился он. — Пусть это останется нашим маленьким секретом. Но если нам удастся вернуться, то в центре управления после такой новости начнется истерика.

Том перевел взгляд с Ника на Джин, и Марго заметила в его глазах нечто странное. Он посмотрел на Марго:

— Этот фокус с кометой… он действительно осуществим?

Марго открыла было рот, но тут же захлопнула. Комета с коротким периодом обращения вокруг Солнца. Если они перехватят ее на обратном пути… если сумеют прицепить к ней трос (сотни километров бесполезного теперь кабеля были намотаны на барабан, прикрепленный снаружи к корпусу), то теоретически это могло перевести их на более короткую орбиту. Но нагрузки на корпус будут невообразимые. Как минимум несколько g. Выдержит ли он? И как закрепить кабель? Даже если у исследовательских шлюпок хватит мощности и скорости, приземлиться на комету нельзя. Вокруг пыль и каменные обломки, они испускают струи газа, плюются кусками льда. Посадка на астероид — совсем другое дело, ведь это всего лишь огромные каменные глыбы, дрейфующие в пустоте. А кометы живые, и они лягаются.

Но может быть…

— Сперва нужно отыскать эту комету, — сказала она наконец. — Узнать ее курс, расстояние, скорость. Без этого мы не сумеем рассчитать, смогут ли двигатели ориентации приблизить нас к комете настолько, чтобы за нее зацепиться. А для реальной работы нам, скорее всего, понадобятся шлюпки…

— Мы можем приспособить магнитный парус, — проговорила Джин, покусывая ноготь. — Его кабель станет буксирным тросом. Но еще нам нужен гарпун или нечто в этом роде…

— Гарпун? — изумился Том.

Джин пояснила:

— Чтобы закрепить кабель на комете. Может, это удастся сделать с помощью взрывчатки.

Ник еле заметно улыбнулся. Марго увидела, как впервые за несколько дней мускулы его лица расслабились.

— Джин, пошли в грузовой отсек. Посмотрим, что можно придумать. Том, ты и Марго начинайте искать комету. — Его

улыбка стала шире. — И держите ухо востро — вдруг наши соседи захотят сказать что-то еще?

— Нет проблем, — отозвалась Марго. Она подняла руку и свистнула: — Такси!

Джин рассмеялась. Марго улыбнулась в ответ. Ник и Джин вылетели в коридор. Марго закрепилась пятками на коврике с «липучкой» рядом с Томом.

— Посмотрим, есть ли у нас еще доступ к базе данных, — сказала она, протягивая руку над его плечом к клавиатуре. — Нам необходимо сузить диапазон…

Том сидел, не сводя глаз с экрана.

— Это фальшивка, Марго, — прошептал он.

Рука Марго замерла на полпути к клавиатуре.

— Что?

— Маленькие зеленые человечки, чтоб мне провалиться, — процедил он. — Держи карман шире. Все это туфта. Это Ник придумал, чтобы мы не заскучали.

Марго ощутила, как от ее лица отхлынула кровь, а из сердца испарилась надежда.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. — Том впервые за все это время взглянул на нее. — Сейчас Ник готов пойти на что угодно, лишь бы мы не раскисли, лишь бы и дальше командовать нами, лишь бы не создалось впечатление, что у него тоже не осталось вариантов, как и у нас — простых смертных.

Марго посмотрела в злые голубые глаза Тома и увидела, что вместо человека, рядом с которым она провела долгие месяцы, перед ней сидит чужак.

— У тебя есть доказательства?

Том покачал головой, но выражение уверенности на его лице не изменилось.

— Я проверил контрольные файлы в поисках подозрительных записей, следов вирусной активности, ввода шифрованной информации. Ничего. Но на нашем корабле никто не смог бы сделать незаметную вставку данных — кроме меня или Ника.

— Если только это вставка, — возразила Марго, — а не настоящий сигнал.

Том фыркнул и мягко, сочувственно проговорил:

— Теперь и ты заговорила как Джин. Она так и не пришла в себя после смерти Эда. Будь реалисткой, Марго. Если где-то там есть инопланетяне, то почему они не стучат нам в дверь? Почему посылают закодированные сообщения о комете? Не проще ли подбросить нас до дома?

— Они же инопланетяне. Откуда мне знать? — Марго развела

руками. — Может, они дышат метаном. Может, они находятся слишком далеко. Космос большой. Возможно, они хотят проверить, справимся ли мы самостоятельно, и убедиться, что мы достойны членства в Галактической федерации.

Лицо Тома передернулось. Марго заподозрила, что он подавил усмешку.

— Ладно, но если это инопланетяне, то почему я сумел расшифровать их сообщение настолько быстро? Может, у них есть экземплярчик «Компьютерные языки НАСА для чайников»?

Марго возмущенно всплеснула руками:

— Если Ник все это подделал, то зачем он настаивал на отправке сообщения в Хьюстон?

Том раздраженно пошевелил челюстью:

— Да потому, что иначе это сразу вызвало бы подозрения! И еще он знал, что Джин станет возражать, а это даст ему повод для отступления. Может, она заодно с ним!

Марго сжала кулаки:

— Это шанс, Том. И весьма неплохой шанс, если мы сумеем провести компьютерное моделирование и сделать все расчеты. Так что совершенно не важно, откуда исходит идея!

— Нет, важно! — хрипло прошептал Том. — Нас используют. Он не хочет нам признаваться, что оказался в тупике и не видит выхода. Поэтому он и изобрел этих всезнающих инопланетян.

— Так напиши на него кляузу, когда вернемся домой, — посоветовала Марго дрогнувшим от отчаяния голосом.

— Мы не вернемся домой! — Том стукнул кулаком по панели. — Мы умрем. Ник затеял дурацкую игру, чтобы помешать нам слишком быстро покончить с собой. Он твердо решил не позволять нам делать это, пока не созреет сам.

Марго наклонилась к Тому — так близко, что увидела каждую пору на его бескровно-белых щеках.

— А теперь послушай меня, — выдохнула она. — Хочешь покончить с собой? Тогда катись в лазарет. Пол наверняка оставил, что-нибудь для таких, как ты. Может, ты и прав, и нам осталось лишь выбрать одно — как умереть. Но я верю, что мы сможем воспользоваться кометой и отбуксировать корабль на более короткую орбиту. И я попробую это сделать. Да, я могу при этом погибнуть, но это мое решение. А что станешь делать, ты? Ну? — Она ухватила его за воротник. — Если это проделки Ника, то да, согласна, — затея не очень красивая. Ну и что с того? Ведь это первая хорошая идея, которая появилась у нас за целый месяц. И ты допустишь, чтобы гордость убила тебя?

Том отцепил ее руку.

— Я не позволю ему обращаться со мной как с ребенком.

Он поочередно оторвал подошвы от «липучки» на полу, извернулся в воздухе и поплыл в сторону коридора. Марго покачала головой, но догонять его не стала.

«Пусть немного поварится в собственном соку. А потом я приведу его в чувство». Она пристегнулась к креслу перед терминалом.

— Реджи?

— Функционирую, — отозвался искусственный интеллект.

— Нам нужно проверить одну идею. — Она потерла лоб. — Открой все доступные тебе базы данных по кометам. Необходимо отыскать любую, которая пройдет в пределах тысячи километров от проекции курса корабля в течение следующих нескольких месяцев.

Динамик выплюнул импульс статики — Реджи словно кашлянул.

— Несколько — величина неконкретная.

— Тогда пусть будет шесть месяцев. И добавь еще возможность полного или частичного включения двигателей ориентации для того, чтобы приблизить нас к траектории полета кометы. Сможешь это сделать?

Еще два быстрых импульса статики.

— Попробую, — ответил Реджи. — Поиск начат.

Марго откинулась на спинку кресла и принялась ждать, прислушиваясь к гудению механизмов корабля и собственному дыханию. Никаких иных звуков. Ника и Джин не слышно. Тома тоже. В сознание начала закрадываться тревога. А что если он избрал кратчайший путь избавления от всех забот? Или настолько разозлился на Ника, что решил прикончить его?

«Нет. — Она покачала головой. — Том просто сорвался. Ведь они друзья».

Но так ли это? Она вспомнила чужака, смотрящего на нее глазами Тома. Узнает ли этот чужак Ника? Узнает ли Ник его? Она нервно обернулась. В коридоре никого не было. Она перевела взгляд обратно на экран. Реджи уже показывал список: названия, параметры орбиты, местонахождение, размеры и подсказку для вывода на дисплей карты взаимного расположения кометы и корабля. Первой в списке, выделенная цветом, значилась комета Ковальски-Райса.

«Ну и название». Марго снова оглянулась. Коридор и сейчас был пуст, а в корабле по-прежнему царила тишина.

Комета Ковальски-Райса оказалась периодической, с ядром примерно три километра в длину и от одного до трех километров в ширину. Она уже прошла афелий и теперь возвращалась к Солнцу. Сейчас от корабля ее отделяло 2,9 миллиона километров,

но это расстояние сокращалось. Марго посмотрела параметры орбиты и быстро произвела вычисления.

«Мы израсходуем пятьдесят… ладно, пусть для верности шестьдесят процентов оставшегося топлива, и это выведет нас на орбиту, проходящую в 750 километрах от орбиты кометы. И будем мы там…» Марго решила в уме несколько уравнений. Потом она проверит результат с Реджи или Ником — смотря кто из них окажется более надежным. «Мы будем там примерно через сто пятьдесят девять часов, а скорость кометы относительно корабля составит около двух километров в секунду. У нас может получиться. Да, может».

Тишина, если не считать гудения механизмов и ее дыхания.

Марго выругалась. «Мне это не нравится».

— Реджи, ты знаешь, где сейчас Том?

— Том Меррит в лазарете.

— Нет! — Марго высвободила ноги и оттолкнулась от панели. — Ник! Джин! В лазарет! Скорее!

Она оказалась там первой, крутанула запорное колесо и распахнула люк. Навстречу ей вылетел красный шарик. Марго инстинктивно отмахнулась, и шарик разбился о ее ладонь, брызнув во все стороны темно-красными капельками.

Том пристегнулся к смотровому столу и перерезал себе горло. От его шеи поднимались облачка пузырьков цвета бургундского и натыкались на парящие рядом ножницы.

— Том!

Марго нырнула в люк и прижала пальцы к ране. Тяжело дыша, она лихорадочно вспоминала курс экстренной медицинской помощи. Кровь темная, а не красная, сочится, а не брызжет, каротидная артерия цела, перерезано несколько вен!.. «Том, ты идиот. Ты настолько помешался, что даже не смог убить себя».

Далее события замелькали одно за другим. Марго показалось, что Ник, Джин и Реджи выкрикивают что-то одновременно. Кто-то сунул ей в руку тампон, чтобы остановить кровь[108]. Реджи равномерно выдавал четкие и ясные инструкции о том, как обработать и закрыть длинную тонкую рану. Ник и Джин выполняли его указания, руки у них тряслись. Глаза Марго щипало от слез и крови.

Когда они закончили, Том так и остался лежать, пристегнутый к столу, — без сознания, смертельно бледный, но живой. Медицинская система оказалась исправной — Реджи без проблем считывал показания всевозможных датчиков, которыми они облепили Тома, и это, несмотря на потерю крови, давало ему хорошие шансы.

— Пошли отсюда, — сказал наконец Ник. — Пропылесосим все потом, когда будет время перевести дух.

Джин не стала спорить и направилась к люку. Марго очень сильно захотелось заползти куда-нибудь в уголок и там тихо вывернуть желудок.

Она последовала за Ником и Джин и заперла за собой люк.

— Боже… — Ник пригладил волосы, — Не могу поверить, что он это сделал. — На его лице появилось непривычное выражение — неуверенность. Марго отвела взгляд. Очередной чужак. Еще один. Как Том, как остальные.

«Нет! — хотелось завопить ей. — Не ты! Я знаю тебя. Ты рекомендовал меня для этой миссии. У тебя лицо игрока в покер, и ты распеваешь в душевой песни в стиле кантри, да еще так громко, что никакая звукоизоляция не помогает. Ты хранишь игры любимых команд твоих детей в своем компьютере! Кроме жены, для тебя не существует других женщин! Я знаю Николаса Александра Дили!»

Но она не знала человека, раздираемого усталостью, злостью и сомнениями, который смотрел на нее глазами Ника. Того, кто мог оказаться невероятным лжецом. И сколько времени понадобится этому чужаку, чтобы полностью завладеть Ником?

Марго взглянула на Джин. Ее лицо, руки, волосы и комбинезон усеивали пятнышки крови. В настороженных глазах притаился страх. А страх порождает чужак. Джин станет следующей. Чужаки всех их погубят. Том был прав. Люди мертвы. Остались в живых лишь чужаки и Марго Раш.

— В чем дело, Марго? — спросил Ник.

«Что ему ответить? Кто впустил чужака в Тома? Я или он сам? — Она облизнула губы. — Что ж, меня они не получат. Не получат, и все!»

— Ни в чем. — Марго ухватилась за поручень и оттолкнулась в сторону командного центра. — Я найду эту комету.

В конце концов, ведь чужаки хотят от нее именно этого. И надо выполнять то, что они говорят. А если она не станет… Посмотрите, что они сделали с Томом. И кто знает, что сделают с ней?

«Но меня они не получат».

— Вот она, Марго, — прозвучал в интеркоме ее шлема голос, некогда принадлежавший Нику.

Марго повернулась и увидела комету. Вообще-то комета Ковальски-Райса была видна невооруженным глазом уже два дня — уродливая и прекрасная одновременно. Кувыркающийся комок грязного снега, несущийся в темноте и окруженный искрящейся

вуалью, достойной невесты ангела. Она была огромной — живой и сверкающий остров, угольно-черный и льдисто-белый.

Руки Марго сжали двойные рукоятки ориентации шлюпки.

Маневр они тщательно спланировали и смоделировали. Надо отдать должное чужакам в облике Ника и Джин — в своем деле они были очень хороши.

Джин смастерила «гарпун» из буровых труб, взрывчатки и надежды. На конце якорного стержня был закреплен заряд взрывчатки, снабженный часовым механизмом и оболочкой из твердого топлива. Когда Марго выдернет чеку, топливо воспламенится и станет гореть ровно минуту, увлекая гарпун к комете. Через минуту и десять секунд сработает взрывчатка, глубоко вгоняя зазубренный наконечник в шкуру кометы.

Перед этим им пришлось выйти наружу втроем, чтобы размотать и отделить кабель магнитного паруса от барабана, а затем намотать его снова как на гигантскую рыболовную катушку. Передний конец кабеля Джин намертво прикрепила к гарпуну, пустив в ход весь отыскавшийся на корабле вакуумный клей и изоленту. Потом Джин несколько часов провела снаружи, настраивая тормозной механизм барабана, чтобы кабель разматывался плавно.

Марго запустит гарпун к комете. Кабель начнет разматываться. Едва гарпун вонзится, трение разматывающегося кабеля о барабан начнет ускорять и корабль, и Марго в шлюпке — ее будут связывать с кораблем кабели, некогда служившие для разворота магнитного паруса. По мере разматывания корабль станет разгоняться все больше. Наконец кабель размотается полностью. Комета умчится вперед, волоча за собой поводок, а корабль и чужаки внутри него полетят к Марсу, где их будут ждать спасатели из НАСА.

Так, во всяком случае, утверждали чужаки. Но они вполне могли и лгать. Не исключено и такое. Однако, если Марго откажется им помогать, они ее наверное убьют. Поэтому ей придется сыграть свою роль. Придется вести себя так, словно она верит, будто перед нею старые знакомые. Это ее единственный шанс.

Она пыталась убедить себя, что это не имеет значения. Старалась поверить в то, что говорила Тому: не важно, кто подал идею, инопланетяне или чужаки. Если Ник, Джин, Трейси, Эд, Пол и даже Том оказались во власти чужаков — пусть. Главное — вернуться домой. Если она сумеет вернуться домой, то предупредит всех насчет чужаков.

Но сначала нужно вернуться домой. Она, Марго Раш, просто обязана это сделать.

— Приготовься, Марго, — сказал чужак Ника. — Теперь все в твоих руках.

«Верно. А тебе это не нравится? Я могу разрушить все твои планы, и ты это знаешь, но сделать со мной ничего не можешь. И ничего не сможешь, пока я здесь».

Марго сжала рукоятку управления, включая двигатель. Ее кораблик беззвучно накренился на правый борт и проворно направился к бродячей горе угольно-черного льда и камня. За ее спиной стали разматываться три сверкающих серебристых кабеля, связывающие ее с кораблем.

Она держалась на почтительном расстоянии от траектории кометы, но все же достаточно близко, чтобы ясно видеть, как та виляет, поворачивается и вздрагивает, выбрасывая из-под пятнистой шкуры струи газа.

«Я справлюсь. Сколько астероидов мы облетели? Они ведь тоже куда-то неслись по своим орбитам. Но не как эта комета. — Она представила, как шипит и рокочет комета, мчась вперед. — Они заставили меня полететь к ней. И им наплевать, что я могу погибнуть».

Она стерла черные пылинки, осевшие на стекло шлема. Потом обернулась и убедилась, что кабели за спиной разматываются плавно. Комета теперь находилась почти перед ней. Черный лед, черный камень и искрящаяся белая аура, окутывающая черное ядро.

Внезапно шлюпка содрогнулась, пристегнутую Марго швырнуло вперед. От рамы кораблика срикошетил камень и пронесся у нее над головой.

«Это предупредительный выстрел. Их рук дело… Нет-нет, здесь им до меня не добраться, зато на это способна комета. Думай о комете, Марго. И не думай о них».

Сейчас корабль находился внизу и позади нее. Комета удалялась. Аура заполнила вакуум, сияя подобно снегу в яркий солнечный день. Марго развернула кораблик так, чтобы комета улетала прочь от нее, но сама она не оказалась в густом выбросе ее хвоста.

На мгновение Марго стала только пилотом, и никем более. И улыбнулась.

«Безупречный выстрел вдогонку. Подстрелю эту детку как раз повыше хвоста».

Чужаки закрепили гарпун на правом посадочном выступе шлюпки, а спусковую чеку приделали к панели. Марго нащупала толстый металлический стержень с тянущейся от него проволокой.

«Что ж, зовите меня Исмаил[109],— подумала она, подавляя

смешок, — Вот он, капитан Ахаб! Там большой белый кит!»

— Марго… — заговорил чужак Ника.

— Не подгоняй! — рявкнула она в ответ.

«Не дави на меня. Я ведь могу и передумать. Возьму и не выстрелю. И оставлю чужаков там. Я ведь не обязана возвращать их домой. И не обязана причинять боль семьям друзей, показывая, что с ними стало. Но я хочу вернуться домой. Марго Раш должна вернуться домой».

Марго стиснула зубы. Мимо нее проносились ледяные кристаллы. Комета летела прочь — равнодушная ко всем людским бедам.

Марго дернула чеку гарпуна.

Кораблик содрогнулся. Гарпун рванулся вперед — прочный, быстрый, прямой. Кабель растворился в тумане ауры, затерялся в сияющей ледяной вуали.

Струя ледяных кристаллов взорвалась в ночи. Комета метнулась, точно раненая. Кабель понесся с барабана, исчезая в бездне. Если он станет разматываться слишком быстро, запутается или оборвется — тогда конец всему.

— Марго! Доложи! — потребовал чужак Ника.

— Кабель держится прочно, — автоматически отозвалась Марго. — Все в порядке.

«Ты вернешься домой. Вот что для тебя самое важное».

Шлюпка содрогнулась. Голень Марго обжег внезапный резкий холод. На экране шлема вспыхнул красный огонек.

«Нет!»

Блестящую желтую оболочку скафандра пересекал черный зияющий надрез. Соединения на колене и лодыжке загерметизировались автоматически. Марго нашарила на поясе рулончик изоленты. Едва она это сделала, как шлюпка заскользила назад, удаляясь от кометы и приближаясь к кораблю, — ее тянули страховочные кабели, которые теперь вытянулись на полную длину. Рывок прижал ее к ремням за спиной. Пальцы Марго стиснули рулончик. Боль вгрызалась все глубже.

«Держись, держись. Если выпустишь изоленту, тебе конец. Вам всем конец».

Шлюпку тянуло вперед все быстрее и быстрее. Марго ощутила, как ее тело давит на страховочные ремни, натягивая их до упора. На ребра, горло, и сердце навалилась тяжесть. После нескольких лет в невесомости ускорение стиснуло ее железной рукой и принялось давить, пока дыхание не стало частым и неглубоким.

Корабль впереди нее начал разворачиваться. Медленное

движение по дуге передалось через кабель и шлюпке, накренив суденышко на правый борт, накренив личный мирок Марго, усилив боль, о которой и без того вопил каждый нерв.

Медленно, очень медленно она сняла с пояса рулончик изоленты. Сжала его неловкими руками в толстых перчатках. Шлюпка вильнула. Марго подбросило вверх, затем вниз — настолько резко, что она едва не клацнула зубами. Рулончик скользнул между пальцами. Марго непроизвольно завопила и стиснула его с такой силой, что он сплющился.

— Марго? — Это чужак Джин. — Марго, что происходит?

— Не отстегивайся! — велел чужак Ника. — Джин, сиди, где сидишь.

«Правильно. Зачем рисковать кем-то ради меня? Я ведь не чужак».

Она подалась вперед, словно преодолевая штормовой ветер. Перед глазами уже мелькали темные пятна. Сквозь разрез на голени она увидела красноту, как будто ее нога светилась от боли. Марго болтаю и трясло. Новые удары. По кораблику стучал отлетающий от кометы мусор. И она никак не могла унять дрожь в руках, чтобы наложить изоленту.

Марго до крови закусила губу. Притиснула рулончик к черной щели, нажала стопорную кнопку и с силой потянула. Полоса чистой белой ленты накрыла черноту.

Красный огонек на дисплее сменился зеленым, соединения на суставах освободились. Ее скафандр снова стал герметичным.

Марго позволила себе откинуться назад, хватая ртом воздух и заставляя себя успокоиться, несмотря на боль. Ее левая нога от лодыжки до колена станет одним гигантским кровавым волдырем. Зато она осталась жива. И чужак все еще не одолел ее. Она прижала рулончик изоленты к груди. Корабль снова начал медленно разворачиваться, и на нее опять навалилась тяжесть. Сердце неистово колотилось. Желудок налился свинцом. Тело прижало к креплениям.

Марго закрыла глаза и изо всех сил попыталась податься вперед, стараясь отыскать какую-нибудь зацепку и ухватиться за нее руками или ногами. И еще ей страстно хотелось услышать хоть что-нибудь — потрескивание, щелчок… Но ее окружала тишина, а невыносимое давление вжимало ребра в легкие.

— Корабль первой шлюпке.

Чужак Ника. Что ему нужно? Хочет узнать, не проглотил ли чужак и ее?

«Еще нет, сэр. Еще нет».

— Марго! Марго, кажется, у тебя какая-то утечка. Доложи.

Утечка? Взгляд Марго дернулся к монитору между

рукоятками управления. Там мигали красные огоньки. Надпись читать не было нужды — диаграмма показывала все. Осколок кометы пробил бак с метаном, и теперь топливо фонтанировало в пустоту, не оставляя ей даже шанса вернуться на корабль.

Она застряла. Она будет болтаться здесь, пока не кончится кислород. Ее опять настигала смерть.

Вибрация мгновенно прекратилась. Она летела плавно и свободно, паря как птица над морем и лишь слегка покачиваясь: почти весь метан вышел из бака, и сила струи ослабела.

— Буксировочный кабель освободился! — крикнула Джин.

Марго посмотрела вверх. Чистую и искрящуюся белизну кометной ауры пересекала длинная серебристая черточка.

Кабель освободился. У них получилось. План сработал. Все чужаки уже летят к дому. Марго обернулась и снова увидела струящийся за спиной фонтан из кристаллов замерзшего метана — миниатюрный хвост кометы.

«А корабль-то теперь слегка вращается. Им придется погасить вращение. Включить двигатели ориентации, сжечь меня выхлопом, а потом сказать Джордану и центру управления, как им было меня жаль».

— Марго, — снова услышала она чужака Ника, — нам нужно вернуть тебя на борт. Если у тебя вытекло все горючее… Ты сможешь подтянуться к кораблю за страховочный канат? Марго?

— Она тебя не слышит, Ник. Наверное, рация неисправна. Я должна выйти к ней.

«Все умерли. Мне больше нечего делать». В голове пульсировала боль, путая мысли.

— Марго, тяни!

Она не могла пошевелиться. Ее прожигала боль — яркая и резкая. Марго могла лишь наблюдать за тем, как кристаллическая струя ее бывшего горючего уплывает в вакуум.

«Марго Раш мертва».

— Марго! Ответь! Тяни, Марго, тяни!

«Она мертва уже несколько недель».

— Хватит, Марго! Твоя рация в порядке — у меня горит зеленая лампочка. А теперь ответь мне, черт побери!

«Чужак побеждает. Он все-таки одолел Марго Раш».

— Я так и не попрощалась с Джорданом. Вот что самое плохое, — пробормотала она.

— Марго? — отозвался Ник. — Марго, мы тебя слышим. Подтверди.

«Почему они до сих пор называют меня Марго?» Ведь они должны знать, что теперь ею уже завладел чужак. И ей хотелось бы узнать его имя. Может, он не станет возражать, чтобы ее

сожгли ракетным выхлопом. Марго Раш точно возражать не станет. Марго Раш уже мертва.

Шлюпка дернулась. Слегка удивившись, Марго посмотрела в сторону корабля. В распахнутом люке виднелась фигура в ярко-желтом скафандре. Ее руки перебирали страховочный кабель, точно шнурок занавески. Корабль очень медленно приближался, и оба они еще медленнее начали вращаться вокруг общего центра тяжести.

— Марго Раш!

Голос Ника. Или чужака Ника? Кормовые дюзы корабля на несколько секунд полыхнули огнем. Вращение замедлилось.

— Марго, очнись наконец и тяни!

На сей раз Джин. Или чужак Джин? Ее чужак пытается спасти чужака Марго?

Ее пытается спасти Джин? Но ведь она мертва, как мертвы Эд, Пол, Трейси и Том.

«Нет, не Том. Том все еще жив… А что если и я еще жива?»

Холод и боль прокрались вверх по ноге, перебрались через колено, просочились в бедро. У Марго закружилась голова. В уголке шлема перемигивались цифры и надписи.

Ее скафандр загерметизировался. Кровяное давление повышенное, дыхание частое и неглубокое, пульс учащенный. Рекомендуется возвращение на корабль.

— Марго Раш, да помоги же вернуть свою задницу! — гаркнул Ник.

Марго подалась вперед, насколько позволили ремни крепления. Пальцы в перчатках ухватились за кабель. Марго потянула. Корабль чуточку приблизился. Фигура в скафандре стала видна чуть яснее.

— Я знала, что ты все еще с нами! — торжествующе воскликнула Джин. — Давай, Марго! Тяни!

Марго тянула. Руки напрягались, суставы болели. Скафандр предупреждающе замигал красными огоньками. Корабль приближался. Вращение началось было снова, но его опять погасил импульс двигателей. Дыхание Марго стало хриплым, эхом отражаясь от тесного шлема. Легкие горели. Холодная боль поднималась по бедру и отыскала дорожку вниз, к пальцам ног. Но весь окружающий ее мир уже заполни;! корабль, его белая кожа, выступающие наружу приборы и механизмы, крупные черные надписи на борту.

И Джин. Теперь Марго видела Джин, тянущую кабель так, словно от этого зависела ее жизнь. Она различала даже ее глаза. Ее глаза и саму Джин, ее душу, смотрящую на нее этими глазами. И теперь Марго знала, что, посмотрев на Ника, она тоже увидит

его. Нет больше чужаков. А может, никогда и не было.

Они сделали то, что сделали. Может быть, Ник и выдумал то сообщение, а может, они и вправду получили помощь от неизвестных друзей. С этим они разберутся дома. Ведь главное сейчас то, что они возвращаются — все они, какие были и есть. Не чужаки. Просто люди.

Марго перехватила кабель и потянула.

Аллен Стил
Хорошая крыса

Аллен Стил (р. в 1958 г.), в прошлом профессиональный газетный журналист, в своих произведениях зачастую задумывается о влиянии научной фантастики на науку и технику.

Стил дебютировал в 1989 г. романом «Сокращение орбиты» («Orbital Decay»), за ним последовали «Округ Кларк. Космос» («Clarke County, Space», 1991) и «Лунное падение» («Lunar Descent»), действие которых также происходит в «ближнем космосе», между Луной и Землей. Интересно отметить, что в романе «Хронокосмос» («Chronospace», 2001) в качестве второстепенного персонажа фигурирует Грегори Бенфорд.

Рассказы Стила составили три сборника: «Грубые астронавты» («Rude Astronauts», 1993), «Такой американский пришелец» («All-Amencan Alien Boy», 1996), «Секс и насилие в Zero G» («Sex and Violence in Zero G», 1999), причем в последнем в хронологической последовательности представлены произведения о ближнем космосе. Сам писатель утверждает, что его рассказы — своего рода ответ на «Истории ближнего космоса» («Tales of Known Space») Нивена или далее «Прошлое через завтра» («Past Thmugh Tomorrow») Хайнлайна. В 1990-е гг. Стил признан одним из самых ярких молодых фантастов. Его произведения отличаются талантливым реализмом и описывают космические будни. Стила даже называют «фантастом рабочего класса», поскольку, как правило, его персонажи — простые люди.

Рассказ «Хорошая крыса» — типичная твердая научная фантастика из «Analog», хотя Стил больше публикуется в «Asimov's». Это произведение любопытным образом контрастирует с «Сестрами» Грега Вира. Основная идея проста: в будущем все лабораторные испытания будут проводиться не на подопытных животных, а на людях-добровольцах, и это превратится в особого рода заработок.

Снова дома после двух отпадных недель в Таиланде и

Непале. Обалденный загар с пляжа Кох Самуи[110], куча дешевых безделушек из Катманду[111]. Полный рюкзак всякого хлама. Славные каникулы, только вот конец им.

Денежки по закладной на почки ёк, почтовый ящик набит счетами и уведомлениями об отключении за неуплату. Пора снова искать работу.

Звоню агенту, оставляю сообщение на ее автоответчике. Днем она перезванивает. Немного болтаем о путешествии; обещаю, что пошлю ей деревянную маску. Благодарит, но говорит, занята — пытается сосватать еще пару крыс для экспериментов «Procter & Gamble». Спрашивает, зачем звоню.

Говорю, мол, на мели. Нужна работа. Нужно оплачивать счета. Ладно, чирикает, я этим займусь, созвонимся, чао — и бросает трубку. Стоит послать ей самую безобразную маску из моего рюкзака.

После суток в самолетах ни черта не соображаю. Часовые пояса и прочая мура. Следующие два дня дрыхну, в промежутках пялюсь в телевизор. Во вторник звонит матушка, спрашивает, где меня носит весь последний месяц. Она, типа, провода обрывает, меня разыскивая. О Кох Самуи и Катманду — ни слова. Вру про вечернюю школу при частном колледже. Коррективный курс английского и основы программирования. Учусь, мол, обращаться с компьютерами и читать. Она малость успокаивается. Спрашивает про работу. Хочу наплести что-нибудь, но в трубке щелчки. Говорю, еще кто-то звонит. Пока-пока. Ненавижу врать маме.

На проводе агент. Спрашивает, в хорошем ли состоянии мои ноги. Отвечаю — в чертовски хорошем. Десяток дней пехом по Аннапурне[112], еще бы не в хорошем. А чё?

А то, что частному испытательному центру в Бостоне нужна крыса для опытов первой фазы[113]. Они делают какую-то мазь от мозолей на ногах. Нужен кто-то в хорошей физической форме, чтобы запустить на беговую дорожку. Развлечение на две недели. Справишься?

Черт знает. И так полно синяков. Горы тебе не хухры-мухры. А сколько платят? Сотню баксов в день, говорит, минус пятнадцать процентов ее комиссионных. Не худо. Не блеск, но и совсем не худо. А как насчет билета на самолет?

Ага, туристический класс в «Континеитале»[114]. Вот как, говорю, зашибись, только эти синяки штука капризная. Может, в первом классе TWA[115] им и полегчает. Ну, говорит, еще перезвоню, чао, — ту-ту-ту.

Возвращаюсь к телевизору, щелкаю каналы, пока не нахожу мультики. Тупой Койот[116] в сотый раз кувыркается со скалы,

когда перезванивает агент. Спрашивает — бизнес-класс TWA сгодится? Думаю, а не выторговать ли еще пару десятков билетов в ложу на игру «Ред Сокс»[117], но решаю не испытывать судьбу. Лады, отвечаю, синяки не против. Когда вылет?

Через два дня. О'кей, говорю. Билеты завтра доставит «Американ Экспресс»[118], сообщает она, только не говори никому о синяках, ладно? Да нет никаких синяков, отвечаю. Просто дело принципа раздобыть приличное местечко в самолете.

Обзывает меня и снова хлоп трубку. Даже без своего дурацкого «чао». Решаю совсем не посылать ей маску. Пусть чешет в Катманду и покупает сама.

Проходит два дня. Вылезаю из самолета в аэропорту Бинтауна. Уже бывал тут года два назад, подрядился на три дня глотать розовую дрянь и демонстрировать ученым, что из меня льется. Из всех мест. Люблю Бостон. Славный городишко. Не понимаю, почему его кличут бобовым городом[119].

У ворот торчит тощий мальчишка-умник, словно только что из колледжа, с картонкой, на которой накорябаны какое-то слово и мое имя внизу. Подхожу к нему, спрашиваю, не меня ли он ищет. Пацан оторопело пялится. Это твое имя на табличке? — спрашивает. Нет, говорю, я Элмер Фуд[120]. Годится для опытов?

Злится. Требует документы. Предъявляю ему карточку Сэмс-клаба[121]. Сверяет мою физиономию с фотографией, морщится. Спрашивает, есть ли водительские права. Роняю набитый рюкзак ему на ногу и говорю: я человек занятой, потопали.

Ведет меня на парковку к своему «вольво». Никаких лимузинов. Верно, не лаборатория, а дешевка. Или наниматель — жмот, не то что в прошлый раз. Впрочем, паренек выглядит полным психом, так что, думаю, не стоит выносить дело в Верховный суд.

Застреваем в пробке в туннеле. Хочу покемарить на заднем сиденье, но пацан решает потрепаться. Спрашивает, как это — быть крысой.

Ясненько, чего ему надо. Стреляного воробья не возьмешь на пушку. Эй, говорю, пижон, мне платят за то, чтобы я позволял втыкать в себя иголки по пятнадцать раз на дню, шагал по беговым дорожкам, жрал то, пил это, срал на поднос и ссал в бутылку. Классная жизнь, а?

Лыбится. Думает, он крутой. Закончил колледж и рад по уши. Спрашивает: а знаешь, что то же самое делали с собаками, обезьянами и кроликами, пока это не стало незаконным? Как себя чувствуешь, когда с тобой обращаются как с животным?

Нет проблем, говорю. У тебя есть любимая собака? Может,

кошка? Так тащи ее в свою контору, заставь делать то дерьмо, которое делаю я, хотя бы наполовину так же классно. Потом расскажешь. Вот так-то.

А его все несет — начинает впаривать мне об экспериментах в нацистских концлагерях. И про это мы в курсах, знаем от парней, марширующих с плакатами перед лабораториями. Кое-кто из тех, кто беспокоится о собачках, мартышках и кроликах, теперь сердится, что вместо них используют людей. Любопытно, с чего это он работает на компанию, проводящую опыты над людьми, если считает, что они не правы. Кажись, высшее образование — не такая уж крутая штука, если потом приходится делать то, во что не веришь.

Эй, говорю, нацисты не ищут добровольцев и уж точно им не платят. Чуешь разницу? Я вот только что из Непала, две недели пешкодралом по Гималаям. А ты где отпуска проводишь?

Его аж перекашивает. Докладывает, сколько имеет в год без вычета налогов. Ну, я говорю, сколько имею я — за вычетом. Плюс бесплатное медобслуживание, плюс каникулы, когда мне угодно.

Затыкается. Остаток поездки проходит тихо-мирно.

Пацан привозит меня к старому кирпичному зданию, что торчит над Чарльз-Ривер. Похоже на бывшую фабрику. На парковке, как всегда, толпятся демонстранты. Идет дождь, они все промокшие и продрогшие. Закон велит им держаться не меньше чем в пятидесяти футах от входа. Их каракули не читаю, не умею. А хоть бы и умел — плевать. Они протестуют против моей работы, так что если подхватят простуду, мне пусть не плачутся, потому что, зуб даю, я тот самый парень, на котором испытывали колеса, которые им принимать.

Торможу у вертушки, предъявляю документы, получаю бейдж с именем. Оставляю сумки на вахте. Поднимаюсь на лифте на шестой этаж. Изнутри местечко выглядит получше. Оштукатуренные стены, кафельный пол, стеклянные двери, все белое и серое. В кабинетах ковры, новая мебель, цветочки в горшках, компьютеры на каждом столе.

Первая остановка — клиника. Врачиха проверяет рефлексы, заглядывает в уши, в глаза, берет кровь, дает баночку и показывает, где сортир. Пару минут спустя отдаю ей полную склянку, улыбаюсь, спрашиваю, что она делает через две недели. В ответ не улыбается. Благодарит за мочу.

Пацан провожает меня по коридору в следующий кабинет. Там ждет профессор. Главный научный консультант. Тощий мужик в очках, лысый, с длинной лохматой бородой. Встает,

протягивает руку, представляется. Через пять минут уже не помню его имени. Думаю о нем как о докторе Умнике. Еще один парень в белом халате. Не важно, как его зовут, лишь бы чеки подписывал.

Доктор Умник предлагает кофе. Прошу вместо кофе воды. Пацан отправляется за стаканом с водой, а доктор Умник начинает рассказывать об эксперименте.

Не понимаю и половины из того дерьма, что он несет. Научный вздор. В одно ухо влетает, в другое вылетает. Вежливо слушаю и в нужных местах киваю, как хорошая крыса.

Короче, так. Какая-то компания по производству лекарств снимает эту лабораторию для тестов первой фазы своего нового продукта. Это мазь для лечения мозолей на ногах. Торгового названия еще нет. От меня требуется в первый день шагать восемь часов на беговой дорожке с часовым перерывом на обед, или пока у меня на ступнях не вспучится добрая гроздь волдырей. Тогда доктора намазывают мои больные ходули своим снадобьем, оставляют в покое на двенадцать часов, но через день снова ставят на дорожку. И так две недели.

Дают бабки за дни, когда не шагаю?

Конечно, но придется оставаться здесь, в испытательном центре. В моем распоряжении отдельная комната в общежитии на верхнем этаже. Есть кафетерий и комната отдыха.

А бильярд?

Отличный бильярдный стол. А еще — видеомагнитофон и книги. И компьютер, но ни факса, ни модема. Жесткая политика компании против открытых контактов испытуемых с внешним миром. Телефонные звонки разрешены, но их отслеживают и прослушивают операторы. Можно получать письма, но исходящую корреспонденцию сперва просматривает персонал.

Киваю. Плавали — знаем. Большинство испытательных центров работает так. Звучит резонно, по-моему.

Когда вы не на беговой дорожке, говорит он, вы должны лежать в постели или передвигаться в кресле-каталке. Нельзя вставать и ходить, разве что в душ и в уборную.

Пожимаю плечами. Большое дело! Как-то, помню, валяюсь себе в койке три дня, ничего не делаю, только гляжу старые мультики о семейке Флинстоун по кабельному телевидению. Какой-то психиатрический эксперимент для UCLA[122]. К концу испытаний готов завопить «Шуба-дуба-ду!» и трахнуть Бетти Раббл[123]. После этого мне что хочешь по плечу.

Доктор Умник уже не скалит зубы. Переплетает пальцы, кладет руки на стол. Время серьезной беседы.

Мазь, которой мы обрабатываем ваши ноги, говорит,

вероятно, не конечный продукт. Могут потребоваться различные изменения формулы. Возможны побочные эффекты: зуд, покраснение или шелушение кожи, небольшие опухоли. Компьютер не выявил ничего такого, но продукт впервые подвергается проверке первой фазы.

Киваю. Я калач тертый.

Док трындит дальше. В эксперименте кроме меня участвуют еще три добровольца. Трое их нас — испытуемые объекты, четвертый — контрольный, он получает плацебо. Мы не знаем заранее, кому достается препарат, а кому — пустышка. Мне понятно?

Испытуемые объекты, контрольные объекты, плацебо, а мои ноги тем временем могут сгнить и отвалиться еще до того, как закончатся опыты. Все ясненько, док. Позабавимся.

А доктор Умник продолжает. Если что-то меня не устраивает, я могу уйти сейчас, и его компания выдает мне сто долларов за потраченное время и снабжает авиабилетом домой. Однако если я выхожу из игры во время испытаний или попадаюсь при попытке смыть мазь, меня вышвыривают из эксперимента и ни гроша не платят.

Ага-ага. Он обязан сказать это, потому что так велит закон. Никогда не иду на попятный, говорю. Когда приступать?

Доктор Умник ухмыляется. Любит славных сговорчивых крыс. Завтра утром. В восемь ноль-ноль.

Спрашиваю, могу ли побродить вечерком по городу, поразвлечься. Хмурится. В таком случае, говорит, потом придется еще раз сдавать мочу. Киваю. Нет проблем. Он пожимает плечами. Естественно, к полуночи вы тут как штык. И остаетесь здесь уже до окончания эксперимента.

Нет проблем.

Еще час валандаюсь с бланками и контрактами. Доктора Умника не удивляет, что не слишком хорошо читаю. Должно быть, это значится в бумаге, которую моя агент выслала факсом его компании. Читает все вслух, а я знай записываю на маленький диктофончик, который всегда при мне. Агент научила. Так мы запросто предъявим его компании иск, если они выкинут какой-нибудь фортель. Может, крыса и не умеет читать, но у нее тоже есть права.

Вроде все путем. Подписываю весь юридический бред. Доктор Умник вручает мне пластиковый браслет, следит, как я нацепляю его на левое запястье, и отпускает восвояси. Замечаю, на прощание руки мне не жмет. Может, боится подхватить функциональную безграмотность.

Снаружи ждет все тот же мальчишка. Провожает меня в

общагу на седьмом этаже.

Похоже на больничную палату. Без окон. Шесть комнатушек вокруг большой общей. Маленькое кафе сбоку. Пара столов, несколько стульев и диванчиков. Книжные полки доверху набиты старыми журналами и потрепанными книжками в мягких обложках. Пятидесятидвухдюймовый телевизор с плоским экраном, рядом — гора кассет. Таксофон в углу. Бильярдный стол — с виду дешевка. Под потолком — «рыбий глаз» камеры, наблюдения.

Все как обычно. Бывает лучше, бывает хуже.

Комната маленькая. Кровать, стол, шкаф. Окон нет, зато по крайней мере имеются сортир и ванна. Считай, повезло. На сей раз — никаких соседей. Не в кайф, когда один все время задает храпака, а у другого съезжает крыша на шестой день эксперимента и его вышибают ко всем чертям.

Моя сумка валяется на кровати. Молния не закрыта до конца. Они всегда тебя обыскивают, хотят убедиться, что ты не тащишь с собой бухло, курево, колеса, дурь или мобильник.

Пацан говорит, ему надо идти. Напоминает: никуда не выходить без бейджа. Лады, до завтрева, говорю.

Распаковываюсь и выметаюсь. Хочется перекусить и проверить, как тут обстоят дела с ночной жизнью.

В комнате отдыха сидят двое, смотрят новости. Парень и девчонка. Парню около тридцати. Худой, длинноволосый, с реденькой бороденкой. На коленях — открытая книжка. Меня словно и не замечает.

Девчонка — другое дело. Тоже крыса, но такую клевую крысу встречаю впервые. Длинные каштановые волосы. Стройная и спортивная. Симпатичная. Мой тип.

Прохожу мимо, ловлю ее взгляд. Киваю. Она кивает в ответ, слегка улыбается. Ничего не говорит. Просто кивок и улыбка.

Думаю об этом кивке и улыбке всю дорогу вниз в лифте.

По прошлому разу помню одно славное местечко в Дорчестере[124]. Хватаю рикшу, еду туда.

Вывеска над дверью: «Вход* воспрещен». В тот раз кто-то прочел ее мне, потом объяснил, что значок в середине, символ-звездочка, — это астериск. Что похоже на астериск? Не дошло, говорю. Он смеется и отвечает: наклонись, просунь голову между ног и вглядись получше. Теперь дошло.

Внутри можно выкурить косячок, если, конечно, у тебя есть что дунуть. Пятьдесят шесть сортов пива. Не обслуживают разве что в сортире, а за столиком — сколько угодно. В меню гамбургеры, хот-доги, поджаристые куриные палочки, луковые

колечки. Никаких тофу-пицц[125] или чечевичных супов. На стенах в рамочках фотки Мадонны, Кейта Муна[126], Синди Кроуфорд и Сильвестра Сталлоне — все голышом. В углу древний вурлитцеровский музыкальный автомат[127], загруженный дрянью, которую не продашь без наклейки с предупредительной надписью. Детям до восемнадцати и все такое.

Никаких малолеток.

Копы закрывают такие местечки, если они становятся широко известными. А бывает, и нет. Несколько парней, зависающих у бара, похожи на копов не при исполнении. И копам нужен уголок, где можно выпить и курнуть, знаете ли.

Клёвый бар. Такой бы в каждом городе. Когда-то так и было, но теперь все суют нос в дела других, точно им неймется. Законы пекутся о бездымной, низкохолестериновой, безалкогольной, безопасной для детей окружающей среде.

Вот и приходится рыскать по трущобам в поисках дыры, куда запрещен вход*.

Однако плату за вход тут дерут. Не всё лафа.

Нахожу место у стойки, заказываю имбирного пивка, слушаю, как группа неопанков поганит старые рок-композиции. Ну, это Бостон, так что они обязаны делать что-то после «The Cars». Смех берет, как представлю: Рик Оказек[128] уже продувает микрофоны, а эти мальки еще сиську сосут.

Всегда расслабляюсь в ночь перед опытами. Не нажираюсь, но веселюсь вволю. Здесь сегодня куча крошек, большинство с парнями, которым самое место дрочить дома на картинки из Интернета. Пара девчонок бросают в мою сторону похотливые взгляды.

Надо с этим что-то делать. Еще рано. Всегда можно снять номер в отеле на час-другой. Наплести, что ты эксперт-биомедик, в городе ради наиважнейшей конференции. Крошки любят спать с докторами.

Только что-то душа не лежит. Все думаю о девчонке в комнате отдыха. Не знаю почему. Всего лишь еще одна крыса.

Ловлю себя на том, что оглядываюсь всякий раз, когда открывается дверь. Надеюсь, что войдет она.

Сваливаю еще до одиннадцати, один-одинешенек. Говорю себе: потому что группа — отстой. Фигня, сам знаю.

По пути в исследовательский центр думаю, а не права ли матушка. Может, пора найти работу. И научиться читать.

Спорю, *она* это умеет.

Восемь утра. Спускаюсь вниз в крысином прикиде. Треники, майка, кеды. Пора приступать к работе на благо науки и всего

человечества.

Доктор Умник уже стоит в холле. Не такой дружелюбный, как вчера. Отводит в клинику и ждет, пока я наполняю еще баночку. Потом в лабораторию.

В комнате четыре беговых дорожки рядком, над ними с потолка свисает телевизор. В ящике скачет тупой фиолетовый динозавр. Звук приглушен. На другом конце зала заседают перед компьютерами детки из колледжа, в белых халатах. Вскидывают глаза на секунду, когда я вхожу. На приветствие не отвечают. Снова пялятся в свои экраны, колотят пальцами по клавишам. Не в настроении болтать сейчас с крысами.

Еще две крысы сидят на пластиковых стульях. Уже на взводе, увешаны проводами, глазеют на Барни[129], дожидаются начала. Подваливаю, здороваюсь. Тощий длинноволосый вчерашний. Он в старой лоллапалузской[130] футболке. Звать Дуг. Второй парень — качок. Здоровый бугай. Бритая голова, в носу кольцо, на правом плече сногсшибательная татуировка. Говорит, он Фил.

Дуг скучает, Фил нервничает. Стукаемся кулаками. Мы — крысиный патруль, топаем за хлопотами.

Пора готовиться. Присаживаюсь на край стола, стягиваю майку, даю очкастому пацану облепить себя электродами. Голова, шея, грудь, спина, бедра, лодыжки. На экранах компьютеров дергаются-пляшут кривые. Кто-то спрашивает, что я ел на завтрак и когда в последний раз ходил в уборную. Ответы записывает в блокнотик.

Фил интересуется, есть ли тут кабельное. Смените, пожалуйста, канал, говорит, а то голова пухнет. Они на него ноль внимания. Тогда он встает и переключает на «Сегодняшнее шоу»[131]. Доктор Умник зыркает на него, как па врага. Думаю, Фил впервые в крысином патруле. Если ученые желают, чтобы ты пялился на Барни, то пялься, и без вопросов. Это, может, часть эксперимента, и точка.

Не стоит перечить ученым. Это все знают.

Наконец появляется последняя крыса. Не удивился, что это вчерашняя девчонка. В спортивном обтягивающем комбинезончике. Спасибо тебе, боже, за парня, изобретшего спандекс[132] нам на радость. Фил и Дуг чуть свои языки не проглатывают при виде ее. Могу представить, что творится под халатом очкарика, который присобачивает электроды к ее груди и бедрам.

Она не обращает внимания на лапающие ее грабли, как плюет и на все остальное, включая меня и ребят. Этакая ревностная, чисто американская профессиональная крыса.

Время оседлать дорожки. Доктор Умник устраивает целый

спектакль, разводя нас по тренажерам, как будто не все равно, кому на каком бежать. Девчонку ставит на дорожку слева от меня, Дуга — справа, Фила — рядом с ним.

Хватаюсь за железный поручень передо мной. Доктор Умник убеждается, что все компы фурычат, и запускает беговые дорожки. Гладкая резиновая полоса под ногами катится медленно, меньше фута за несколько секунд. Моя бабушка ковыляет быстрее.

Оглядываюсь на девицу. Смотрит, как Виллард Скотт[133] болтает с каким-то уродом в одежде турка. Просит доктора Умника сделать погромче. Нет, отвечает, это лишь отвлечет команду. Думаю, он еще злится из-за Фила, вырубившего фиолетового динозавра.

Ну и ладно. Есть шанс познакомиться.

Она начинает первой. Спрашивает, как меня зовут. Представляюсь. Кивает, называет свое имя. Сильвия Симмз. Привет, Сильвия, рад встрече.

Ученые бормочут что-то друг другу за нашими спинами. Сильвия спрашивает, откуда я. Сама, говорит, из Коламбуса, штат Огайо.

Давай, парень, просит Фил, прибавь звук. Не слышно, что он врет о погоде.

Доктор Умник и не чешется.

Смотрю на Дуга. У него на поясе CD-плеер. Глаза закрыты, голова качается туда-сюда. Кайфует на ходу от того, что играет у него в наушниках.

Коламбус — как же, знаю, говорю. Милый городишко. Там готовят отменное барбекю в центре, как раз напротив здания администрации.

Смеется. Славный смех. Спрашивает: это в таком ресторанчике с ирландским названием? Ага, говорю, в нем самом. Ребрышки под сладким соусом. Ей это место знакомо, бывала там много раз.

На этом мы пока закругляемся и бежим. Или идем. Без разницы.

Дуг слушает рок, то и дело просит очкариков менять ему диски. Фил пялится в телевизор, ничего не слышит, скулит, чтобы переключили канал. Между дорожками шныряет пацан с бутылкой воды, сует под нос пластиковую соломинку — хлебайте, но побыстрее.

Мы с Сильвией продолжаем болтать.

В ожидании мозолей многое узнаю о Сильвии. Не замужем. Двадцать семь. Степень бакалавра гуманитарных наук, из того же университета, в котором начиналась моя карьера крысы. Работы

приличной нет. Государственные школы не нанимают никого, у кого в деле нет записи о прохождении воинской службы, частные берут только людей с магистерской степенью. Вот уже два года как крыса. Все еще хочет учительствовать, но так ей но крайней мере есть чем платить за жилье.

Рассказываю о себе. Родился тут. Живу там. Молчу, что не умею читать, но в остальном не вру. Четыре года крысой после службы в армии. Говорю об испытаниях первой фазы, через которые прошел, потом — о своих походах.

Последнее ее заинтересовывает. Спрашивает, где я побывал. Рассказываю о Непале, о пляже на Кох Самуи, где плаваешь, не натыкаясь на дрейфующее дерьмо. О глетчерах Новой Зеландии, о торфяниках Шотландии, о дождевых лесах Бразилии.

Тебе нравится путешествовать, спрашивает.

Люблю путешествовать, отвечаю. Не первым классом, не как турист, а вот так, пешком, туда, где еще не бывал.

Интересуется, что я там делаю. Просто хожу, говорю. Хожу и фотографирую. Гляжу на птичек и зверей. Брожу, и все.

Любопытствует, на какие средства. Рассказываю, как закладываю банкам орган за органом.

Отводит взгляд. Ты продаешь свои органы?

Нет, не продаю. Закладываю. Печень — компании по клонированию в Теннесси, сердце — банку органов Орегона, оба легких — госпиталю в Техасе. Одну почку тоже Техасу, другую — Миннесоте…

Почти перестает болтать. Ты распродаешь по частям все свое тело?

Пожимаю плечами. Еще не все, говорю. Остались роговицы, кожа и сосуды. Приберег их напоследок, на черный день, когда состарюсь и не смогу больше быть крысой или продавать плазму, костный мозг и сперму.

При упоминании спермы она вспыхивает как маков цвет. Делаю вид, что ничего не замечаю. Спрашивает, знаю ли я, что станется с моими органами, когда я умру.

Конечно, отвечаю. Я окочуриваюсь, кто-нибудь в морге проводит сканером по вытатуированному на моей левой руке штрих-коду, сует мое тело в холодильник и связывается с ближайшим донорским центром. Всех владельцев моих органов оповещают, и они слетаются, чтобы забрать то, что им всучивает мой агент. Что осталось, отправляется в кремационную печь. Прах к праху и прочая чушь.

Сильвия вздыхает. И тебя это не тревожит?

Пожимаю плечами. Не-а. Чем требухе гнить в гробу в земле, пусть лучше кому-то достается второй шанс пожить с моими

органами. А пока потроха еще мои, я пользуюсь денежками, чтобы ездить туда, где еще не бывал.

Дорожка движется немного быстрее. Мы уже не тащимся старушечьим шагом. Видать, терпения у доктора Умника не навалом. Хочет заполучить побольше качественных мозолей на наших ногах к концу дня.

Фил истекает потом. Объясняет это тем, что вынужден смотреть Салли Джесси вместо Опры[134]. Не желаю больше видеть эту белую шлюху, говорит. Дайте сюда ту черную сучку! Дуг тоже потеет, но продолжает топать. Просит диск «Smash Pumpkins»[135]. Один из мальчишек в халатах меняет ему диск, но телевизор не переключает.

Такое не по мне, говорит Сильвия. Слишком ценю свое тело.

Я тоже ценю тело, отвечаю, но оно не мое. Когда отбрасываешь коньки — отлетаешь куда-то. А тело только мясо. Так почему бы не распродать его по кускам, пока ты еще на нашей грешной земле?

Она долго молчит. Глядит в телевизор. Салли Джесси беседует с кем-то, смахивающим на мужчину, переодетого женщиной, или на женщину, пытающуюся походить на мужчину, или что-то вроде того.

Может, зря загружаю ее своей болтовней насчет закладки органов. Быть крысой — одно, но строить долгосрочные планы на свои потроха — совсем другое. Некоторые не врубаются, а кто врубается, частенько не одобряют.

Сильвия наверняка знает об этом. Все крысы знают. Большинство закладывают внутренности. Так в чем дело?

Где-то за спиной звенит колокольчик. Перерыв. Что, уже полдень? Как летит время. Доктор Умник возвращается, выключает дорожки. Велит подойти к контрольным столам и снять обувь. Волдырей пока нет, но он все равно усаживает нас в кресла-каталки. О'кей, говорит, до встречи через час.

Жду не дождусь, заявляет Фил.

Ланч подают в общагу. Куриный бульон, бутерброды с сыром, салат с тунцом. Руками кручу колеса, держу поднос на коленях, тянусь за едой. Кресло-каталка для меня не в новинку, для Дуга и Сильвии тоже, но Фил явно не привык. Обливается горячим супом, вопит как резаный.

Пристраиваюсь рядом с Сильвией. На столе газеты. Студент-медик тащит письма из дому. Счета и прочий хлам мне, открытку с тропическим пляжем Сильвии.

Спрашиваю, от кого это. От брата, говорит. Интересуюсь, где ее брат живет, и она передает мне картонку.

Делаю вид, что читаю. Разбираю одно длинное слово — Мексика. Говорю: всегда хотел побывать в Мексике. Что он там делает?

Медлит. Бизнес, отвечает.

Тут следовало бы заткнуться, но нет. Что за бизнес?

Смотрит с удивлением. Разве ты не прочел?

Ах да, конечно. Это я так.

Секунду молчит, потом рассказывает. Младший брат из Миннеаполиса, но в прошлом году его сцапали федералы. Толкал из Мексики контрабандные сигареты, которые провозил в своем багажнике. Курение в Миннеаполисе под запретом. В третий раз взяли с поличным. Наказание по закону — пожизненное заключение. За продажу сигарет.

Судья назначает залог, семь штук. Сильвия приносит наличные. Братец пускается в бега, она так и знала. Смывается на юг, получает тамошнюю амнистию, устраивается на работу в мексиканскую табачную компанию. Время от времени шлет ей открытки, но не виделись они уже два года.

Круто, говорю. Она кивает. Думаю. Додумываюсь до вопроса. Нелегко так быстро надыбать семь штук. Откуда?

Минуту молчит, потом выкладывает.

Пришлось заложить роговицы.

Обычная цена — пять кусков, но на заокеанском черном рынке дают семь. Когда умрет, ее глазам ехать в Индию. По крайней мере, брат не в тюряге, говорит, но, но мне, это не оправдание.

Сильвии не хочется, чтобы ее похоронили без глаз.

Она берет открытку, переворачивает, смотрит на фотографию пляжа. Глядя на такую красоту, так и тянет махнуть в Тихуану[136], да?

Дивное местечко, отвечаю. Мечтаю смотаться туда. По крайней мере, твой братец выбрал славный уголок.

Смотрит на меня долго, тяжелый такой взгляд. Открытка не из Тихуаны. Она из Мехико, он живет там. Это же есть в письме. Ты что, не прочел?

Ох. Ну да, точно. Склероз.

Молчит. Придвигает к себе газету, глядит на первую страницу. Показывает на заголовок. Ну, говорит, разве не стыд?

Зыркаю на фотографию рядом со статьей. Черная с мертвым ребенком на руках рыдает в объектив. Угу, отвечаю, кошмар. Ненавижу такие новости.

Сильвия стучит пальчиком по шапке. Говорит: тут сказано, что уровень безработицы в Массачусетсе самый низкий за пятнадцать лет.

Ну да, точно. Оговариваюсь порой. Это хорошая новость, ага.

Отталкивает газету. Оглядывается посмотреть, не подслушивает ли кто. Шепчет. Ты не умеешь читать, верно?

Уши загорелись. Бессмысленно врать. Теперь она знает.

Чуть-чуть умею, отвечаю. Достаточно, чтобы разобраться с меню или авиабилетом. Но недостаточно, чтобы прочесть открытку от твоего брата или газету.

Чувствую себя глупо. Хочется встать и уйти. Забываю, что мне положено оставаться в кресле, начинаю подниматься. Сильвия опускает ладонь мне на руку, удерживает.

Все в порядке, говорит. Это не важно. И так подозревала, но не знала наверняка, пока ты не спросил, о чем пишет мой брат.

Все равно хочется смыться. Стискиваю резиновые колеса, толкаю, отъезжаю от столика.

Ну что ты, не уходи. Не хотела ставить тебя в неудобное положение. Останься.

Чувствую себя идиотом, признаюсь.

Сильвия качает головой. Снова улыбается мне. Нет, говорит, ты не идиот. Ты не глупее любого другого.

Смотрю на нее. Она не отводит взгляда. Ее глазами владеет какая-то индийская компания, но в эту секунду они принадлежат только мне.

Ты научишься читать, обещает она. Просто у тебя никогда не было такого учителя, как я.

К концу первого дня на ногах вздуваются волдыри. У остальных тоже. Доктор Умник счастлив по уши. Смешно — мозоли способны возбуждать! Думаю, не встает ли у него при виде ног.

Ученые-испытатели фотографируют наши ступни, делают заметки в своих блокнотах и принимаются мазать нам ноги. Бледно-зеленой дрянью. Консистенция — как у соплей при сильном насморке, запах — как у рождественской ели, вымоченной в керосине. Отмеряют точную дозу пипетками. Им бы кисточку взять.

Каждый получает свою порцию из разных пузырьков. Понятия не имею, капают мне лекарство или плацебо, но после нанесения зеленой слизи боль чуток утихает.

Облегчение оказывается недолгим. После обеда кожа начинает чесаться. Зуд не сильный, но трудно удержаться и не поскрести пятки. Словно гуляешь в высокой траве и тебя кусают клещи. Сильвия и Фил тоже чешутся, а Дуг — нет. Сидит себе в углу, почитывает книжку, к ногам даже не притронется. А мы смотрим ящик и то и дело хватаемся за пятки.

Чего уж гадать, и так видно, кому впаривают пустышку.

На следующий день никаких дорожек, но после завтрака спускаемся в лабораторию, позволяем профессорам еще поизучать нас. Сдаю кровь и докладываю о зуде. Слушают, кивают, фотографируют, записывают и намазывают нам на ноги еще склизкого дерьма.

На этот раз другая формула. Суперсильная Зеленая Дрянь. Наверное, из огненных муравьев. Чуть не спрыгиваю со стола. Сильвия шипит и морщится, когда обрабатывают ее ступни. Фил ругается на чем свет стоит. Двум парням приходится его схватить и держать — а не фиг лягать типа с пипеткой.

Возвращаемся наверх. Ноги по-прежнему горят. Сильвия отправляется в свою комнату. Дуг пялится в книжку. Фил безумствует, честя доктора Умника на все корки. Говорит, что подписался на это только ради пары лишних монет, не зная, что его собираются засадить в кутузку и пытать до смерти. Ему, мол, хочется одного — сунуть ноги в раковину.

Не делай этого, советую, сорвешь эксперимент. Пытаться провести ученых себе дороже. Успокойся, приятель. Пойдем покатаем шары. Отвлекись и забудь.

Ворчит что-то, а потом говорит: ладно, проехали.

Трудно играть в бильярд, сидя в инвалидном кресле, но мы все-таки ухитряемся. Недолго. Фил упорно не врубается. Мажет по легким шарам, кий у него срывается дважды. Загнал восьмерку, а у него еще четыре шара на столе[137]. Выходит из себя. Швыряет кий на стол, разворачивает кресло и укатывает в свою комнату. Захлопывает дверь.

Смотрю на камеру под потолком. Кто-то небось следит за всем этим.

Подъезжаю к телеку, включаю, смотрю Опру. Чуть погодя появляется Сильвия. Спрашивает, не хочу ли я начать учиться читать.

Не слишком, отвечаю. Предпочитаю пялиться на Опру.

Одаривает меня взглядом, от которого встал бы и у монаха. Давай, говорит. Пожалуйста. Мне правда будет приятно.

Вырубает ящик, подкатывает к полке, начинает рыться. Думаю, ищет книжку или журнал. Мне и названий-то не прочесть. Решаю, если она возвращается с Шекспиром или еще с чем-нибудь в этом роде, сваливаю.

Нет, гляжу, тащит пачку газет. Кладет на колени, довозит эту макулатуру до стола, просит меня пристраиваться рядом.

Находит страничку юмора. Спрашивает, нравятся ли мне веселые картинки. Нет, говорю. Не интересуюсь. Улыбается и говорит, что читает комиксы каждое утро. Лучшая часть дня.

Показывает на первую страницу. Вот этот, мол, ей особенно нравится. Объясняет, что этот маленький мальчик говорит тому тигру.

Вот так я начинаю учиться читать. Разглядывая, что Кальвин и Хоббс натворили на этот раз[138].

После ланча снова спускаемся в лабораторию на очередную проверку. Ноги больше не горят, но зудят невыносимо. На коже покраснение. Опять анализ крови, опять фотографирование, опять записи. Опять мажут ступни. На этот раз жжет меньше. И выглядит мазь слегка по-другому. Должно быть, Новая Усовершенствованная Суперсильная Зеленая Дрянь.

Профессора обращают особое внимание на ноги Фила. Толпятся вокруг него. Застревают надолго. Сравнивают его волдыри с прошлыми фотками. Один очкарик берет скальпель, соскребает с каждой ступни немного омертвевшей кожи, стряхивает на блюдце, выносит из комнаты.

Фил все твердит: что происходит? В чем дело? Имею право знать.

Ученые ничего ему не отвечают. Изучают Сильвию и Дуга, смазывают им ноги и отправляют нас троих в общагу. Филу велят остаться. Говорят, хотят провести более тщательное исследование.

Пока мы ждем лифта, мимо проходит доктор Умник. Привет-привет, и все. Направляется прямиком в лабораторию, затворяет за собой дверь.

Филу хана, говорю Дугу и Сильвии, когда мы поднимаемся в лифте. Не знаю как, но он точно напортачил.

Кивают. Понимают, что к чему. Тоже навидались такого. Иногда во время долгого эксперимента у людей крыша едет. Чаще всего у новичков. То и дело какую-нибудь тупую крысу смывает в сточную канаву.

Возвращаемся в общагу. Дуг утыкается в свою книжку, мы с Сильвией занимаемся чтением комиксов. Как раз пытаюсь разобраться, почему Сардж только что пнул Битли[139], когда дверь открывается и входит Фил. На своих двоих, не в кресле-каталке. Гляжу, за его спиной маячат доктор Умник и охранник.

Фил ничего нам не говорит, топает прямиком в свою комнату, собирает сумку. Сваливает, ни тебе здрасьте, ни до свидания.

Доктор Умник задерживается. Сообщает, что Фил выведен из эксперимента за смывание препарата. А также за неуважительное отношение. Заменить его уже нельзя, слишком поздно, пришлось бы начать тесты заново.

Мы молча киваем. Нет смысла говорить ему, что мы этого ожидали. Предупреждает, чтобы мы так ни-ни. Говорит, Фил ничего не получит, поскольку налицо нарушение условий контракта.

Киваем. Нет, сэр. Мы хорошие крысы.

Извиняется за беспокойство. Спрашивает, не нужно ли нам чего.

Сильвия поднимает руку. Просит каких-нибудь книжек с комиксами. Доктор Умник в замешательстве пялится на нее, но кивает. Обещает прислать комиксы завтра утром. Уходит.

Когда дверь захлопывается, Дуг отрывается от книги. Отлично, говорит. Нам достанется больше зеленой дряни.

Две недели проходят быстро.

Тесты первой фазы иногда растягиваются на вечность. Все слетают с катушек. На этот раз крыши у нас не едут, хотя шагаем по дорожкам не каждый день и свободного времени хоть завались.

Впервые делаю что-то еще, кроме как пялюсь в телевизор. Обычно валяюсь себе на кушетке в комнате отдыха, смотрю видео, кассету за кассетой, убиваю время до похода в лабораторию.

Но не теперь.

После испытаний и в свободные дни сижу за столиком с Сильвией, продираюсь сквозь странички юмора.

Иногда помогает Дуг, когда Сильвии нужно вздремнуть или когда у нее слишком болят ноги. Оба терпеливы. Не обращаются со мной как с сосунком или тормозом, не смеются, когда мне не разобрать длинное слово, подсказывают, как правильно произносить его, снова и снова, пока у меня не получается. Если что-то сложное, Сильвия объясняет, что это значит, простыми словами или даже рисует маленькие картинки. Делает заметки на почтовой бумаге и изучает их вечерами, пока я не вырублюсь.

После первых дней уже самостоятельно справляюсь с юмористическими страничками, потом начинаем комиксы, которые таскает нам доктор Умник. Вначале «Арчи и Джугхед»[140], потому что они простые. Когда Сильвии нет поблизости, обсуждаем с Дугом, кого бы мы трахнули, Бетги или Веронику, но вскоре я принимаюсь за «Бэтмена» и «Людей-Х». Обнаруживаю, что комиксы куда лучше фильмов.

Дуг хороший учитель, но я предпочитаю Сильвию.

Забавные вещи творятся. Понимаю газетные заголовки. Они больше не кажутся мне инопланетными. Открываю, что они и в самом деле что-то значат. Такого по ящику не показывают.

Затем начинаю разбирать названия на корешках книжек Дуга. Выясняю, что он любит фантастику и шпионские романы. Говорит, книги лучше кино. Верю, когда он рассказывает, о чем они. Все еще не могу прочесть, потому что пока мне нужны картинки, чтобы понимать слова, но впервые действительно хочется узнать, что там, в книгах.

Трудно описать. Словно бредешь под дождем по густому лесу, где не видно ничего, кроме теней, и думаешь, будто ночь, и пытаешься держаться тропы, потому что не знаешь, что по сторонам. И вдруг деревья заканчиваются, и ты на лугу. Солнце прямо над головой, тепло, и впереди расстилаются долины, и горы, и цветы, и все такое красивое, что хочется провести тут остаток жизни.

Вот на что это похоже. Вдруг оказывается, я не такой тупой, каким себя считал.

Как-то ночью, когда все расходятся по комнатам и вырубают свет, ловлю себя на том, что плачу. Плачется не легко, не так меня воспитали. Помню, как папаша, застав меня за хлюпаньем, выбивал из меня дерьмо, обзывал сопляком и девчонкой. Не просто это объяснить, и не в двух словах, но отчасти потому он и забрал меня из школы и отправил работать в своем гараже. Сказал, хочет, чтобы я был мужчиной, и не желает, чтобы безбожники-либералы пудрили мне мозги книжонками и идейками.

Когда он скопытился, рухнув замертво с гаечным ключом в руке, мне как раз стукнуло восемнадцать. Единственной вещью в моем бумажнике оказалась призывная повестка, которую я не мог прочесть. Служба позволила мне посмотреть мир и внушила желание узнать больше, но возвращаться в школу было уже слишком поздно. Чтобы держаться на плаву и иметь возможность ездить по свету, мне оставалось только сделаться крысой. Крысой, которой ее тело не принадлежит.

Есть что-то неправильное в том, что закон позволяет людям становиться крысами, потому что крысу уважают больше человека. Крыса не может научиться читать, а человек может. Только никто не хочет тратить деньги на школы. Скорее уж их вбухают в строительство тюрем, а потом станут швырять туда тех, кто продает сигареты. А тем временем учителям приходится делать то, от чего закон защищает крыс.

Реву той ночью не из-за Сильвии или ее брата, хотя и из-за них тоже. Плачу о потерянных годах своей жизни.

Провожу дни, пытаясь узнавать как можно больше, но одну вещь обойти никак не могу.

Сильвию.

Начал учиться читать, потому что хотел трахнуть ее. Соглашаться с ней казалось простейшим способом затащить ее в постель.

Во время эксперимента секс с другими крысами — ни-ни, это четко прописывается в контракте. Видал, как кой-кого вышвыривали только за то, что застали в чужой комнате, даже если оба и штанов не сняли. Но когда опыты заканчиваются и все при своих, нет ничего дурного в том, чтобы оттянуться в ближайшем мотельчике.

Все еще тянет переспать с Сильвией. Иногда встает, просто когда сижу рядом с ней в комнате отдыха и она помогает разобрать слово, которого я раньше не встречал. Не отрываю от нее глаз, когда она бежит по дорожке рядом со мной.

Только сейчас все по-другому. Дело не в том, чтобы затащить Сильвию в дешевый мотель на короткий сеанс сунь-вынь. И даже не в уроках чтения. Просыпается какое-то пугающее чувство к ней.

Два дня до конца испытаний. Одни в комнате отдыха, читаем друг дружке «Человека-Паука». Спрашиваю ее прямо. Говорю: эй, почему ты помогаешь мне?

Продолжает смотреть в книжку, но отводит волосы с лица и слегка улыбается. Потому что я учитель, говорит, и это моя профессия. Ты мой первый ученик после колледжа.

В парке куча бродяг, не умеющих читать, говорю… Всегда можно учить их. Зачем возиться со мной?

Долго смотрит на меня. Не сердито, не холодно. Не разобрал как.

Потому что, отвечает, мне всегда хотелось побывать в Катманду, и, возможно, я нашла того, кто отвезет меня туда.

Могу отвезти тебя туда. Могу отвезти тебя в Непал, в Бразилию, в Ирландию. В Мексику, навестить твоего брата, если хочешь.

Краснеет. Отводит взгляд на миг, потом снова смотрит на меня. А может, ты просто хочешь отвезти меня в ближайший мотель, когда все закончится? Через это я уже проходила. И больше не намерена.

Трясу головой. Катманду лучше, говорю. Восход над Аннапурной — просто потрясно. Люблю очень. Хочу, чтоб ты увидела.

Любишь? Я просто учу тебя читать.

Оглядываюсь, не видит ли кто. Никого, но за камерой наблюдения, которая под потолком, точно кто-то есть.

Ну и черт с ними. Опускаю руку под стол, нахожу ее пальцы.

Еще одно слово, которому ты меня научила, говорю.

Улыбается. Руку не убирает. Находит в кармане карандаш, сует мне, придвигает листок бумаги.

Если сумеешь его написать, говорит, я тебе поверю.

В последний день тестов первой фазы испытания продукта завершаются полным успехом. Последний замес Новейшей Усовершенствованной Зеленой Дряни не воняет, не обжигает, не вызывает зуда и лечит волдыри на ступнях. Против судорог у нас в ногах он не помогает, но это к делу не относится.

Доктор Умник нас благодарит, подписывает чеки. Сообщает, что мы отличные подопытные. Надеется вскоре снова поработать с нами. Кстати, в марте вы свободны? Программа испытаний нового антидепрессанта. Сейчас он ищет объекты исследования. Так как насчет весны?

Гляжу на Сильвию. Она сидит рядом. Ничего не говорит. Смотрю на чек. Выписан со счета Первого Бостонского Банка доктором Леонардом Уайтом.

Спасибо, доктор Уайт, говорю. Мой агент свяжется с вами. Чао.

У выхода нас поджидает такси. Просим водителя доставить нас к ближайшему отелю.

Прошло три года после нашей с Сильвией встречи в Бостоне. С тех пор кое-что изменилось.

Я наконец отвык от уличного языка. Все еще учусь, но уже не избегаю личных местоимений и не чувствую необходимости говорить обо всех событиях в настоящем времени. Тем из вас, кто терпеливо выносил корявый слог этого повествования, приношу свои искренние извинения. Я пытался изобразить человека, которым был до того, как Сильвия вошла в мою жизнь.

Деньги, полученные за бостонские тесты, мы потратили на путешествие в Мехико, где Сильвия впервые за два года увидела своего брата. Через шесть месяцев мы полетели в Непал и отправились пешком по Аннапурне. Я показал Сильвии рассвет над Гималаями. Потом мы побывали на сафари в Кении и сплавлялись по Амазонке. Сейчас планируем весеннее путешествие в Северную Канаду, за Полярный круг. Холодновато, на мой вкус, но она хочет увидеть северное сияние.

А для моей крошки — все, что угодно.

В первую ночь в Катманду я пообещал подарить ей мир, который знаю, в обмен на тот, который знает она, и на нее саму. Она выполняет свое обещание, а я — свое.

Тем не менее мы все еще крысы.

Мы не можем пожениться, потому что лаборатории, обеспечивающие наши доходы, не принимают в качестве подопытных семейные пары. И хотя мы уже почти три года живем вместе, мы зарегистрированы в разных городах, раздельно заполняем налоговые декларации, и у каждого собственный банковский счет. Ее письма пересылают мне, но только наши агенты знают, в чем дело. Наверное, мы никогда не заведем детей, по крайней мере, пока не решим отказаться от этой странной свободы, которую обрели.

А свобода не достается даром. Я заложил последнюю полезную ткань своего тела. Сильвия не сумела снова вступить во владение роговицами, несмотря на все попытки отыскать законную лазейку, которая позволила бы ей сделать это, и хотя может настать время, когда ей придется отдать орган или два, она все еще настаивает, что ее тело — это ее тело.

Больнее всего то, что мы вынуждены время от времени принимать участие в тестах первой фазы, тратя по нескольку недель в год. Иногда мы попадаем на одни и те же опыты в одном и том же Исследовательском центре, так что притворяемся, будто незнакомы.

Я все никак к этому не привыкну, но тут уж ничего не поделаешь.

Но деньги хорошие, авиаперелеты бесплатные, и иногда мы встречаем старых друзей. Пару месяцев назад провели неделю с Дугом, участвуя в экспериментах по гипотермии в Колорадо. Мы с ним обсуждали любимые романы Жюля Верна, сидя в трубах с ледяной водой.

Как бы то ни было, такая жизнь меня устраивает. У нас с Сильвией достаточно денег, чтобы оплачивать счета, и мы бываем в самых интересных местах по всему свету. Рядом со мной женщина, которую я люблю, моя матушка перестала донимать меня насчет работы, и я научился читать.

И не только это: мы всегда можем сказать, что вносим свой вклад в развитие пауки и всего человечества.

Чего еще желать хорошей крысе?

Фредерик Пол
Проклевывающийся Феникс

Фредерик Пол (р. в 1919 г.) — один из лучших писателей и выдающихся издателей в истории научной фантастики. Он выступал в качестве редактора журналов «Galaxy», «If», антологии «Star Science Fiction» и научно-фантастической серии издательства «Bantam Books».

В те далекие времена, когда фантасты, словно сектанты, собирались в подвалах и пытались всерьез предсказать будущее, Фредерик Пол примкнул к самой левой группировке, футурианцам. В своей автобиографии он вспоминал, что кое-кто из этой компании был убежденным коммунистом. Научная фантастика выстроила гипотетическое будущее, в котором, по общему соглашению, неизбежно должны были присутствовать атомная энергия и космические корабли, освоение космоса и покорение его человечеством, утверждающим свое господство над галактической империей. В 1950-е и научные фантасты обнаружили, что этот жанр дает возможность писать социальную и политическую сатиру, и Пол с единомышленниками оказался в первых рядах нового направления, критикуя маккартизм. Именно тогда Кингсли Эмис назвал Фредерика Пола «самым способным писателем, какого когда-либо порождала фантастика». Двадцатилетний Пол в 1940–41 гг. издавал дешевые фантастические журналы вроде «Astonishing Stories», но в 1950-е он уже прославился романами, написанными в соавторстве с С. М. Корнблатом, в том числе классическим «Торговцы космосом» («The Space Merchants», 1953). Его перу также принадлежат яркие сатирические рассказы, среди них «Чума Мидаса» («The Midas Plague», 1954) и «Туннель под миром» («The Tunnel Under the. World», 1955). В этот же период Пол осуществил издание шести томов антологии «Star Science Fiction» (1953–1959).

Новый расцвет его творчества начался в 1970-е гг. с произведений «Человек плюс» («Man Plus»), «Золото на конце звездной дуги» («The Gold at the Starbow's End»), «Врата» («Gateway», 1977), и больше в его карьере спадов

не было. Практически все поздние работы Пола входят в цикл «Хичи» («Heechee»), повествующий о взаимоотношениях земной расы с древними и могущественными созданиями. Интересно сравнить с ним цикл Стивена Бакстера «Ксили» («Xeelee»). Хотя Пола всегда интересовали политика и социология, а также психология и психиатрия, лучшие его вещи позволяют ставить писателя в один ряд с Хайнлайном, Азимовым, Кларком и Гербертом.

Рассказ «Проклевывающийся Феникс» повествует о том, как экипаж космического корабля хичи вместе с людьми отправляется наблюдать за сверхновой.

Глава 1

Фронт волны сверхновой Краба мы пересекли в первый день пути. Я его и не заметила бы, если бы не Ипатия, мой корабельный мозг. Она запрограммирована отмечать все, что может меня заинтересовать. Она и спросила, не хочу ли я взглянуть, а я согласилась.

Конечно, я уже пару раз наблюдала взрывы звезд на симуляторах, но, как всякое человеческое существо из плоти и крови, в основном предпочитаю моделям реальность. Ипатия уже развернула хичийский экран, но на нем мелькали только серые пятна, приспособленные для восприятия хичи. Ипатия в них разбирается, а я — нет, так что она сменила режим изображения на удобный для меня.

Увидела я обычное звездное поле, во всяком случае, я не сумела бы отличить его от любого другого звездного поля. Может, это мой недостаток, однако мне все звезды кажутся похожими одна на другую, разве что подобраться к ним достаточно близко, чтобы они стали солнцами. Так что мне пришлось поинтересоваться у Ипатии:

— Которая?

— Ты ее пока не видишь, — объяснила она. — У нас недостаточное увеличение. Но ты подожди минуту, не закрывай глаза. Еще немного… А вот и она.

Ипатия могла бы и промолчать. Теперь я видела сама. Светящаяся точка вдруг увеличилась, стала ярче, еще ярче, затмила собой все звезды на экране. Я даже прищурилась.

— Быстро же это происходит, — сказала я.

— Ну, на самом деле не так быстро, Клара. Наша векторная скорость относительно звезды заметно больше световой, так что для нас все ускоряется. Кроме того, мы движемся навстречу волне, поэтому видим все в обратном порядке. Скоро конец.

Действительно, все уже кончилось. Едва набрав наибольшую яркость, звезда взорвалась внутрь. Снова стала светящейся точкой, такой незаметной, что я ее сразу потеряла. Ее планеты опять были целехоньки, тела их обитателей, если таковые имелись, как и прежде, были телами, а не облачками плазмы.

— Отлично, — сказала я. Меня это потрясло, но не настолько, чтобы я стала признаваться Ипатии. — Теперь отключи экран и давай работать.

Ипатия фыркнула. Она встроила в себя большой набор человеческих черт, которые я не вводила в программу, и мрачно заметила:

— Неплохо бы, если мы собираемся расплатиться по всем счетам. Ты хоть представляешь, сколько это стоило?

Само собой, это она не всерьез. У меня есть проблемы, но оплата счетов к ним не относится.

Я не всегда вела такую роскошную жизнь. В детстве, когда ради заработка я целыми днями таскала за туристами дыхательные аппараты по обгорелому аду, кем-то когда-то названному Венерой, и изворачивалась, чтобы не потратить весь дневной заработок за ночь, больше всего на свете мне хотелось иметь деньги. На большое богатство я не надеялась. Мне только и нужно было оплатить полную медицинскую страховку и обзавестись приличным жильем, где не воняло бы кислой жратвой из морепродуктов. Ни о чем другом я не мечтала.

А вышло по-другому. Я получила больше, чем просила. Сначала было пусто и никаких надежд на большее, а потом стало намного, намного больше, чем нужно. Тогда я узнала кое-что о богатстве. Когда у тебя заводятся такие деньги, что писать их приходится заглавными буквами, ДЕНЬГИ, то это все равно что завести в доме котенка. Деньги любят, чтобы с ними играли. Попробуй их не замечать: они заберутся к тебе на колени и станут покусывать за подбородок, требуя внимания. Конечно, ты не обязана исполнять все капризы своих денег. Можешь отпихнуть их в сторону и заниматься другими делами, но тогда один бог знает, что они натворят, оставшись без присмотра, да к тому же стоило ли их заводить, если не получать от них удовольствие?

Так что большую часть пути к станции «Феникс» мы с Ипатией провели, играя с моими деньгами. То есть играла-то я, а Ипатия вела счет. Она лучше меня помнит, что у меня есть, это в ее природе, она и создавалась, чтобы держать в памяти подобные вещи, и у нее всегда в избытке предложений насчет того, какие инвестиции извлечь, какие оставить и в какие еще предприятия вложить средства.

Ключевое слово здесь — «предложения». Я не обязана исполнять все, что скажет Ипатия. Иной раз я отказываюсь. В среднем я принимаю примерно четыре ее предложения из пяти. На пятый раз я делаю по-своему, просто чтобы показать ей, что решение остается за мной. Я знаю, что ума у меня маловато, и чаще всего теряю деньги, но это ничего. Могу себе позволить.

Впрочем, всему есть предел. Я не согласна без конца чесать пузо своим денежкам. Я как раз дошла до этого предела, когда Ипатия убрала указку и решительным жестом свернула графики. Ради меня она настроилась на оптическое восприятие, я люблю видеть, с кем разговариваю, и в своем одеянии V века, в венце, украшенном грубо ограненными рубинами, принялась с

любопытством меня разглядывать.

— Пора устроить перерыв, Клара, — сказала она. — Поесть не хочешь?

Действительно, пора, да и есть я хотела. И она об этом прекрасно знала. Она ведет постоянный мониторинг моего тела, эта функция в нее тоже встроена изначально, но я и здесь желаю сохранить за собой свободу воли.

— Вообще-то, — протянула я, — мне хочется чего-нибудь выпить. Как у нас с расписанием?

— Идем по графику, Клара. Будем на месте часов через десять или около того. — Она не двинулась с места, то есть видимое человеческое тело не двинулось, но я слышала, как на камбузе в стакан сыплются кубики льда. — Я входила в корабельный мозг «Феникса». Хочешь посмотреть, как там дела?

— Показывай, — согласилась я, но она начала действовать, не дожидаясь разрешения.

Еще один взмах руки, чистый театр, понятно, но Ипатия это любит, и перед нами новый набор изображений. Сервировочная тележка подкатила ко мне как раз под правую руку, а мы тем временем разглядывали изображение, снятое прямо с камер наблюдения станции «Феникс»: тарелку, сплетенную из металлической паутины, но которой ползают какие-то мелкие штуковины. Точного их размера я не представляла, потому что поблизости не было ничего для сравнения. Но и без того я знала, что сооружение громадное.

— Угощайся, — предложила я, поднимая стакан.

Она ответила мне взглядом кроткой мученицы и оставила шутку без ответа. Ей случалось изображать оптическую иллюзию бокала, чтобы составить мне компанию, но сегодня она была настроена разыгрывать ментора.

— Как ты видишь, Клара, — заговорила она, — груз оптических зеркальных блоков уже прибыл, и автоматы устанавливают их на параболическую антенну. Первое отражение планеты они получат примерно через час, однако не думаю, чтобы тебе захотелось его увидеть. Пока антенна не собрана полностью, изображение останется неясным. До готовности еще восемнадцать часов. Тогда мы получим достаточное оптическое разрешение, чтобы наблюдать поверхность планеты.

— В течение четырех суток, — вставила я, сделав глоток.

Она сменила выражение лица: теперь это была учительница, утомленная глупыми репликами особо надоедливого ученика.

— Эй, Клара! Ты же знала, что времени будет немного. И мысль отправиться сюда принадлежала не мне. С тем же успехом можно было наблюдать все с твоего острова.

Я допила свою вечернюю порцию и встала.

— Мне не этого хотелось, — сказала я ей. — Твои симуляторы, к сожалению, не дают возможности представить, каково это на самом деле. Разбуди меня за час до прибытия.

И я направилась в свои покои, где стояла моя просторная круглая пустая кровать. Мне не хотелось болтать с Ипатией. Я для того так долго и занимала ее финансовыми вопросами, чтобы она не лезла со своими советами насчет того, с чем она постоянно ко мне пристает, или с тем серьезным вопросом, который мне действительно следует решить, а я все никак не соберусь.

Тележка с черным кофе и свежевыжатым соком апельсина («свежевыжатый» в кавычках, апельсиновый — без, но Ипатия так хорошо знает свое дело, что я не замечаю разницы) оказалась уже у постели, когда она меня разбудила.

— Девяносто минут до стыковки, — бодро возвестила она, — и самого доброго утра тебе. Душ включить?

Я сказала: «Не-а». Девяносто минут, и ни минутой меньше, мне в самый раз, чтобы, пялясь в пространство, проглотить кофе и прийти в состояние, когда я способна на такой подвиг, как сполоснуться под душем. Однако взглянув в огромное зеркало над кроватью, я обнаружила довольно неприглядную картину и решила, что стоит себя чуточку пришпорить.

Я никогда не была, что называется, хорошенькой. Прежде всего, брови у меня тяжеловаты. В прежние годы я раз-другой пускалась на эту чертову процедуру по доведению их до положенной тонкости, просто чтобы проверить, не станет ли лучше. Не стало. Я даже позволила им повозиться с лицевыми костями: уменьшить челюсть, увеличить скулы, в надежде избавиться от некоторой мужеподобности. Добилась только того, что лицо стало выглядеть безвольным. Пару лет я прожила блондинкой, потом как-то попробовала рыжий цвет, но спохватилась и заставила их перекрасить все обратно, прежде чем покинула салон красоты. Все труды оказались напрасными, ничего не помогло. Что бы ни делали со мной косметологи и мастера пластической хирургии, я, глядя на себя, вижу ту же старую Джелли-Клару Мойнлин, скрывающуюся под всеми их ухищрениями. Ну и пошло оно!.. Последнее время я хожу как есть.

Ну, скажем, почти как есть. Выглядеть старой мне не хочется.

Я, понятное дело, и не выгляжу. Вымывшись, уложив волосы и надев простое платье, открывающее мои вполне приличные ножки, я смотрелась совсем как в лучшие годы.

— Почти на месте! — предупредила меня Ипатия. — Лучше

ухватись за что-нибудь. Мне придется уравнивать скорости, а это ювелирная работа, — Она говорила обиженным тоном, как всегда, когда я задаю ей сложное задание. Она, конечно, справляется, но без жалоб не обходится. — Со сверхсветовой у меня получается, с досветовой тоже, но когда ты требуешь уравнять скорости с кем-то, кто движется точно со скоростью света, результат каждый раз оставляет желать лучшего… Ох, прошу прощения!

— И есть за что, — отозвалась я, потому что от последнего толчка едва не расплескала третью чашку кофе. — Как ты считаешь, Ипатия, жемчуг или камею?

Она выдержала двух — или трехсекундную паузу, словно ей в самом деле требовалось время на обдумывание, и вынесла вердикт:

— Я бы надела камею. Только шлюхи ходят в жемчугах днем.

Так что я, разумеется, надела жемчужное ожерелье. Она вздохнула, но промолчала.

— Ну ладно, — сказала она, открывая люк. — Мы в доке. Не забудь про порог. Я буду на связи.

Я кивнула и вышла через шлюз в корабль-матку корпорации «Феникс».

Настоящего порога, конечно, не было. Имелся в виду резкий переход от уютного одного «g» на моей яхте к невесомости в «Фениксе». Мой живот устроил короткую демонстрацию протеста, но я уцепилась за поручень и осмотрелась.

Не знаю, что я ожидала увидеть, может быть старый астероид-переходник. «Феникс Корп» устроилась с комфортом, и я даже задумалась, не слишком ли щедра с финансированием. Пахло здесь точно не как в шлюзах. Вместо застойной кислой духоты шлюзов в воздухе стоял влажный запах оранжереи. Исходил он от вьющихся растений, папоротников и цветов, растущих в горшках у стен и протянувшихся во все стороны, поскольку в невесомости можно расти куда угодно. Между прочим, подумай я об этом заранее, не стала бы надевать юбку. Единственным живым существом оказался почти голый чернокожий мужчина, зацепившийся большим пальцем ноги за скобу на стене и упражняющийся с каким-то пружинным эспандером. «Хэмфри Мэйсон-Мэнли, — шепнула мне в ухо Ипатия. — Археоантрополог из Британского музея». Хэмфри, не нарушая ритма упражнений, недовольно покосился на меня.

— Что вы здесь делаете, мисс? Посетители сюда не допускаются. Это частная собственность и…

Тут он присмотрелся, и лицо его стало не то чтобы приветливым, но, скажем, выразило невольное почтение.

— Ох, надо же! — произнес он. — Вы ведь Джелли-Клара Мойнлин, да? Это несколько меняет дело. Тогда, наверно, добро пожаловать!

Глава 2

Мне случалось встречать и более любезный прием. Впрочем, когда Хэмфри Мэйсон-Мэнли разбудил главного инженера, она отнеслась ко мне куда внимательнее. А между прочим, не обязана была. Правда, проект запустили на мои деньги, но «Феникс Корп» была основана как бесприбыльное предприятие и принадлежала исключительно самой себе. Я даже не входила в правление.

Ипатия шепнула мне имя высшего начальства: доктор Терпл. Вообще-то, я обошлась бы без напоминания. Мы с Терпл уже встречались, правда только на видео, когда она искала, из кого бы вытянуть деньги на свою затею, и кто-то подсказал ей мое имя. В действительности она оказалась выше, чем я думала. И выглядела на те же годы, на какие выглядела я: из вежливости скажем, за тридцать. На ней были костюмчик бикини из тонких ленточек и рабочий пояс с кармашками для разных мелочей. Она проводила меня в свой кабинет: узкое клинообразное помещение, лишенное всякой обстановки, кроме скоб-поручней на стенах и множества тех же зеленых растений.

— Простите, что не встретила вас, доктор Мойнлин, — извинилась она.

— Я никакой не доктор, если не считать почетных званий, так что Клара вполне сойдет.

Она кивнула.

— Словом, мы, разумеется, рады видеть вас в любое время. Похоже, вы решили сами взглянуть, как у нас дела?

— Ну да, и это тоже. И еще хотела кое-что устроить, если вы не станете возражать.

Я просто отвечала любезностью на любезность, хотя необходимости в них не было ни с той, ни с другой стороны.

— Вы знаете, кто такой Вильгельм Тарч?

Она на минуту задумалась.

— Нет.

Вот вам и вселенская слава! Я пояснила:

— Билл — что-то вроде странствующего репортера. Он ведет программу, которая транслируется повсеместно, даже в Ядре у хичи. Своего рода путевые заметки. Он посещает интересные и живописные места и рассказывает о них домоседам.

Кроме того, я в настоящее время считала его своим основным любовником, но сообщать об этом Терпл было пока ни к чему, скоро сама разберется.

— И он хочет видеть проект «Феникс»?

— Если вы не возражаете, — повторила я. — С правлением я

уже все согласовала.

Она усмехнулась:

— Верно, просто я запамятовала. Мы возились с установкой автоматов и совсем закрутились. — Она встряхнулась. — Между прочим, Ганс мне сказал, что ваш корабельный мозг по пути уже показал вам настоящий взрыв сверхновой.

— Верно, — подтвердила я. Ипатия шепнула мне в ухо, что Гансом зовут их корабельный мозг, как будто я сама бы не догадалась.

— И вы, вероятно, знаете, как она сейчас выглядит с Земли?

— Ну, более или менее.

Я заметила, что она, прикинув, насколько «менее», чем «более», решила, что мешок с деньгами заслуживает вежливого обращения.

— Лишний раз взглянуть не повредит. Ганс! Телескопическое изображение с Земли, пожалуйста.

Она уставилась в дальний конец кабинета. Стена там исчезла, и на ее месте возникло расплывчатое световое пятнышко.

— Вот она. Называется Крабовидная туманность. Конечно, название возникло раньше, чем разобрались, что это такое, но почему ее так назвали, вы видите сами. — Я согласилась, что клякса немного напоминает уродливого краба, и Терпл продолжила урок: — Сама туманность представляет собой облако газов и материи, сброшенной звездой примерно тысячу лет спустя. Может быть, вы сумеете различить в середине маленькую точку, пульсар Краба. Это все, что осталось от звезды. Теперь давайте посмотрим, как это выглядело до взрыва.

Ганс стер изображение туманности, и теперь мы смотрели в то же глубокое темное пространство, что уже показывала мне Ипатия. Звезд опять же было, полным-полно, но когда мозг приблизил картину, среди них стала заметна одна особенно яркая. «Яркая» — это слабо сказано. Она сверкала золотым пламенем и казалась удивительно лохматой. На самом деле исключительно оптическая модель не могла быть горячей, но все равно я почти ощущала на лице ее жар.

— Планет не видно, — заметила я.

— О, вы увидите их чуть позже, когда мы установим следующие зеркальные сегменты… — Она перебила себя: — Забыла спросить: не хотите ли чаю?

— Спасибо, нет. Пока ничего не хочется. — Я прищурилась на звезду. — Думала, она окажется ярче. — Я чувствовала себя слегка разочарованной.

— О, еще будет, Клара. Для того мы и сооружаем здесь пятисоткилометровое зеркало. Пока что мы для увеличения

используем гравитационную линзу соседней черной дыры — в зеркало вставлена маленькая камера. Не знаю, много ли вам известно о черных дырах, но… О, черт! — Она осеклась, видимо устыдившись собственной забывчивости. — Конечно, вам ли не знать! То есть раз вы провели в одной из них лет тридцать или сорок…

Она смотрела на меня как на человека, которому по неловкости причинила сильную боль. Обычно люди избегают при мне упоминать о черных дырах, следуя тому правилу, согласно которому в доме повешенного не говорят о веревке. Но для меня период заключения в дыре остался далеко позади. К тому же по времяисчислению черной дыры мое приключение длилось одно мгновение, сколь бы долгим ни казалось оно снаружи, так что мне эта тема не причиняет неудобств.

С другой стороны, я вовсе не собиралась обсуждать ее бог знает в который раз, так что просто сказала:

— Моя черная дыра отличалась от этой. Та светилась таким жутковатым голубым светом.

Терпл быстро оправилась и понимающе кивнула мне.

— Разумеется, излучение Черенкова. Вы, должно быть, наткнулись на так называемую сингулярность, ядро черной дыры без оболочки. Наша относится к другому типу. Вам мешает видеть ее оболочка эргосферы. Большинство черных дыр испускают сильное излучение, не собственное, а от поглощаемых ими материи и газа, но эта уже поглотила все, до чего могла дотянуться. Так или иначе… — Она помолчала, собираясь с мыслями, и снова кивнула: — Я собиралась рассказать вам о гравитационном увеличении. Ганс!

Она не сказала, чего хочет от Ганса, но он, как видно, вычислил сам. Звезда исчезла, и перед нами появилась молочно-белая стена. Терпл потыкала в нее пальцем, рисуя для меня схему.

— Вот эта точка слева — планета Краба, которую мы намерены изучить. Кружок изображает черную дыру. Дуга справа — наше зеркало, расположенное точно в точке конвергенции, в фокусе гравитационной линзы черной дыры. А маленькая точка рядом — это мы в Кассегреновом фокусе зеркала. Само солнце Краба я не рисую. Вообще-то мы стараемся не направлять на него камеры, чтобы не выжечь оптику. Пока все понятно?

— Пока да, — согласилась я.

Она снова смерила меня оценивающим взглядом и сказала:

— Мы будем вести наблюдения, глядя в зеркало, а не на саму планету. При этом нам опять же придется блокировать изображение звезды, но это уже предусмотрено. Так что нам

предстоит смотреть на планету, обратившись к ней спиной.

Я не устояла перед искушением, имея дело с Ипатией, и с Джун Терпл тоже не удержалась.

— Четыре-пять дней, — вставила я самым дружелюбным тоном, на какой способна.

Видимо, недостаточно дружелюбным. Она откровенно обиделась.

— Послушайте, ведь не мы выбирали место для этой проклятой черной дыры. Нам два года пришлось искать, чтобы подобрать хоть одну, расположенную в подходящем месте. Есть еще одна нейтронная звезда, ее тоже можно было бы использовать. В некоторых отношениях это было бы даже удачнее, потому что она позволяет вести наблюдения восемьдесят лет. Но ведь это всего-навсего нейтронная звезда. Увеличение оказалось совсем не то, потому что масса ее не сравнима с массой черной дыры, и гравитационная линза оказалась бы гораздо слабее. Наша черная дыра даст нам намного больше подробностей. Между прочим, — добавила она, — закончив наблюдения отсюда, мы перенесем все оборудование к нейтронной звезде, чтобы получить дополнительные данные, если, я хочу сказать, это окажется… гм… желательным.

Она хотела сказать — если я соглашусь платить. Что ж, я, вероятно, согласилась бы. Основные расходы уже покрыты; это означало бы всего лишь обеспечить им жалованье на восемьдесят лет вперед, только и всего. Но я не хотела пока ничего обещать. И, чтобы отвлечь ее, сказала:

— Я думала, мы и отсюда сможем вести наблюдения почти тридцать суток.

Она помрачнела:

— *Радионаблюдения.* Ради них мы построили сетчатую антенну. Но оказалось, что с планеты Краба вовсе не исходят радиосигналы, так что нам пришлось превратить ее в зеркало для визуального восприятия. Что заняло около трех недель и сильно сократило время наблюдений.

— Понимаю, — протянула я. — Отсутствуют радиосигналы… Значит, там может и не оказаться цивилизации, которую стоило бы наблюдать.

Она прикусила губу.

— Мы определенно знаем, что жизнь там есть. Или, вернее, была. Эта планета — одна из тех, что в отдаленном прошлом изучали хичи. Они обнаружили там эволюционирующие живые организмы, правда довольно примитивные, но с несомненным потенциалом развития.

— Да-да, с потенциалом… Но развивались они или нет, нам

не известно.

Она не возразила, только вздохнула и предложила:

— Раз уж вы здесь, хотите все осмотреть?

— Если никому не помешаю, — сказала я.

Разумеется, я мешала. Джун Терпл ничем этого не показывала, зато остальные едва заставляли себя взглянуть па меня из вежливости, когда их представляли. Всего их насчитывалось восемь, имена вроде Хулии Ибаррури, Марка Рорбека, Хэмфри Мэйсон-Мэнли и Олега Кекушкяна… ну, мне не пришлось мучиться, запоминая всех: Ипатия была на подхвате и подсказывала, когда требовалось. Хэмфри Мэйсон-Мэнли был тот самый парень, который качал мышцу, когда я вошла. Хулия плавала в сбруе среди трех десятков трехмерных иконок, тыча пальцем то в одну, то в другую, недовольно бурча и начиная тыкать по новой. Меня она едва удостоила короткого кивка. Если мое имя что-то значило для нее или для кого-нибудь из остальных, они ничем этого не показали. Особую невозмутимость проявили Рорбек и Кекушкян, крепко спавшие в своих сбруях, когда мы заглянули в их каюту. Терпл приложила палец к губам.

— Третья смена, — прошептала она, закрывая дверь и двигаясь дальше. — Они скоро проснутся к обеду, но пока не будем им мешать. Ну вот, осталась только одна. Пойдем к ней.

По пути к последнему члену команды Ипатия нашептала мне отрывки из биографий. Кекушкян оказался довольно пожилым и бисексуальным астрофизиком, Рорбек — очень молодым и мрачным программистом, недавно пережившим мучительный разрыв с женой. А последний член команды…

Она была хичи.

Этого мне не пришлось объяснять. Если вы видели хоть одного хичи, вы знаете, как они выглядят: плоские, как скелеты, с похожими на черепа лицами, осязательные щупальца свисают между ног там, где, будь они мужчинами, располагалась бы мошонка, а у женщин (как у этой) вообще ничему не полагалось быть. Звали ее, по словам Терпл, Звездомысла, и войдя в ее каюту, мы застали ее перед набором все тех же иконок. Однако, едва услышав мое имя, она их стерла и перевернулась лицом ко мне, чтобы пожать руку.

— Ты очень знаменита среди нас в Ядре, Джелли-Клара Мойнлин, — уведомила она меня, цепляясь за мою руку ради опоры. — Знаменита своими гражданами-посланцами Мойнлин. Когда личность Ребекка Шапиро прибыла в наш город, она получила приглашение остановиться в доме отца моего мужа, где мы с ней и познакомились. Она сообщила много сведений о

человеческих существах; воистину, именно из-за нее я вызвалась на выход. Ты ее знаешь?

Я попробовала вспомнить Ребекку Шапиро. По этой программе я оплатила немало грантов на целые партии рекрутов, а она, по всей видимости, отправилась с одной из первых. Звездомысла заметила мое замешательство и подсказала:

— Молодая женщина, очень грустная. Она пела для нашего народа музыку покойного ныне композитора Вольфганга Амадея Моцарта, и я почти научилась наслаждаться ее мелодиями.

— А, да, та Ребекка, — не совсем искренне спохватилась я. Но ведь я оплатила переселение в Ядро… не вспомню точно, но по меньшей мере двум или трем сотням ребекк, карлосов и хуанов, вызвавшихся отправиться гражданами-посланцами к хичи, потому что здесь у них жизнь не задалась. Это наверняка. Живи они как следует, разве согласились бы покинуть людей и места, к которым им уже никогда не вернуться?

Потому что в Ядре, как во всякой черной дыре, время, разумеется, замедляется. За один замедленный день в Ядре снаружи проходит пара веков, и оставшиеся в прежней жизни проблемы действительно очень быстро уходят в прошлое. Все же лучше, чем самоубийство, хотя, если подумать, получается такое своеобразное самоубийство наоборот. Сами вы остаетесь живы, зато все, с кем вы когда-то не поладили, умирают задолго до вашего возвращения.

Я желаю добра всем моим гражданам-посланцам. Надеюсь, им это поможет… Хотя мне самой моя черная дыра не очень-то помогла.

После того как мне было представлено все население «Феникса», не осталось почти ничего, на что стоило бы посмотреть. Напрасно я заподозрила своих бюджетных контролеров в небрежности. Терпл нельзя было упрекнуть в мотовстве. Если не считать вездесущих цветов, а они требовались в основном для обновления атмосферы, «Феникс» больше всего напоминал ободранный до костей скелет корабля. Ну да, имелись спальни и несколько общественных помещений, самое большое — то, в которое меня провели с самого начала, и еще что-то вроде столовой, с порционным раздатчиком и с особыми сетками у скоб, чтобы обед не разлетался. Еще две маленькие комнатки для музицирования и для выхода в виртуал, когда сотрудникам требовался отдых. Все остальное пространство занимали склады и, конечно, рабочие механизмы и инструменты. Электронное оборудование Терпл мне показывать не стала. Я этого и не ждала. Это дело корабельного мозга, и лучше запереть сложную технику

куда подальше, чтобы не повредили ненароком. Так что человеку, которому хватает ума не совать нос в запертые комнаты, смотреть, в общем-то, было не па что.

Закончив экскурсию, доктор Терпл все-таки навязала мне чашечку чая, точнее сказать, капсулу чая, и, пока мы пили его, уцепившись за поручни, сказала:

— Ну вот, кажется, и все, Клара. О, постойте, я ведь еще не представила вам наш корабельный мозг. Ганс! Поздоровайся с мисс Мойнлин!

Приятный низкий мужской голос отозвался:

— Здравствуйте, мисс Мойнлин. Добро пожаловать на борт. Мы давно надеялись на ваш визит.

Я поздоровалась в ответ и не стала затягивать разговор. Мне не особенно нравится беседовать с механическими разумами, не считая моего собственного. Я допила чай, сунула пустую капсулу в гнездо и сказала:

— Ну, не буду вам больше мешать. Теперь мне хотелось бы вернуться на свой корабль.

Терпл кивнула и не стала спрашивать зачем.

— Обед у нас примерно через час. Не хотите присоединиться? Ганс недурно готовит.

Предложение было не хуже других, и я не стала отказываться.

Провожая меня к стыковочному шлюзу, Терпл искоса взглянула в мою сторону.

— Послушайте, мне очень жаль, что попытка радиоперехвата провалилась. Но это не значит, что крабяне не создали цивилизацию. Представьте себе, что кто-то вел наблюдения за Землей до начала двадцатого века. Они не поймали бы ни одного радиосигнала, хотя разум землян достиг к тому времени полного развития.

— Мне это известно, Джун.

— Да-да… — Она откашлялась. — Можно вас спросить?

Я ответила: «Конечно», подразумевая, что она вправе спрашивать о чем хочет, а соглашусь ли я отвечать, это совсем другое дело.

— Ну, вы вложили большие деньги в проект «Феникс», хотя мы всего лишь предполагаем, что до вспышки сверхновой на планете существовала разумная раса. Зачем?

Ответить на этот вопрос не составляло труда. Что толку быть самой богатой женщиной во вселенной, если время от времени не позволить себе развлечься на свои же денежки? Но этого я ей не сказала. А сказала:

— А чем еще мне заниматься?

Глава 3

Вообще-то, дела у меня были. Даже в избытке, хотя по большей части не слишком важные.

Единственное, что я считала важным для себя, это присматривать за островком у побережья Таити, на котором я живу, когда бываю дома. Я очень славно там все устроила. Если у меня есть что-то вроде семьи, то она там:, и по ней я на самом деле скучаю, когда отлучаюсь надолго.

Найдутся и другие важные дела: например, провести иногда время с Биллом Тарчем, который довольно мил, и с другими милыми людьми вроде Билла, которых у меня порядочно набралось за эти годы. И еще покупать всякую всячину, и придумывать, как распорядиться той властью, которую дают такие деньги, как у меня. В общей сложности занятий в жизни хватает. И жить я собираюсь еще долго, особенно если поддамся на уговоры Ипатии стать бессмертной.

И почему бы мне не собираться?

Ипатия уже ждала меня в корабле, в видимом трехмерном облике, в свободных одеждах римлянки V века, раскинувшись на кушетке в задрапированном в римском стиле салоне.

— Ну, довольна своим предприятием? — спросила она, чтобы завязать беседу.

— Сейчас расскажу, подожди минутку, — отозвалась я, проходя в нос и прикрывая за собой дверь.

Конечно, для Ипатии закрытые двери ничего не значат, она видит меня в любом помещении корабля, но когда мой машинный разум выглядит и ведет себя по-человечески, я предпочитаю соблюдать принятые у людей приличия.

Собственно, я потому и вернулась в корабль, что мне надо было побывать в носовом отсеке. Не люблю я справлять нужду при свободном падении, в этих их жутких туалетах. Ипатия ради меня поддерживает в нашем подходящую гравитацию, такую же, как на всем корабле. К тому же и она нервничает, когда я пользуюсь чужими туалетами, потому что, не покопавшись в моих экскрементах, не знает наверняка, здорова ли я.

Она проделала обычный анализ, пока я была на носу. Выйдя, я застала ее в том же положении, но она сразу спросила:

— Ты и вправду собираешься есть их пищу?

— Конечно. Почему бы и нет?

— У тебя высоковат уровень полисахаридов. Давай лучше я тебе приготовлю.

Я, чтобы подразнить ее, сказала:

— Джун Терпл уверяет, что Ганс лучше готовит.

Она сказала, что он недурно готовит, — поправила Ипатия. — Как и я. Кстати, я с ним связывалась, так что если тебя интересует кто-либо из их экипажа…

— Из экипажа — никто, но вот Звездомысла упоминала о какой-то Ребекке Шапиро. Это кто?

— В базе данных «Феникса» этих сведений нет, Клара, — с упреком заметила она. — Однако…

Забелив уголок салона, Ипатия высветила на нем лицо и вкратце изложила биографию. Ребекка Шапиро обладала драматическим сопрано, и перед ней открывалось блестящее будущее оперной певицы, пока в результате авиакатастрофы она не повредила связки. В целом ее неплохо починили, но с пением было покончено. Она никогда уже не сумеет исполнить «Царицу ночи»[141]. На Земле ее жизнь не имела перспектив, и Ребекка подписалась на мою программу.

— Есть еще вопросы? — спросила Ипатия.

— О Ребекке нет, но вот почему они зовут свой мозг Гансом?

— А, это идея Марка Рорбека. Он предложил назвать его в честь одного из пионеров компьютерной эры. Но разве имя так уж важно? Вот, например, почему ты назвала меня Ипатией?

— Потому что Ипатия Александрийская[142] была головастая и заносчивая стерва, — объяснила я ей. — Вроде тебя.

— Пф!

— И к тому же первая женщина, ставшая крупным ученым, — добавила я, зная, что Ипатия всегда не прочь поговорить о себе.

— Первая из известных нам, — поправила она. — Мы ведь не знаем, сколько еще таких, чьи открытия до нас не дошли. Женщинам нелегко было прорваться в вашем древнем мясном мире, как и теперь, между прочим.

— Кроме того, предполагают, что ты была красавицей, — напомнила я, — и, во всяком случае, ты умерла девственницей.

— Это был сознательный выбор, Клара. Даже та древняя Ипатия предпочитала не пачкаться с этими грязными мясными делами. И я не просто умерла, а была зверски убита. Холодной дождливой весной четыреста пятидесятого года нашей эры меня растерзала банда нитрийских монахов[143] за то, что я не была христианкой. Однако, — заключила она, — ты сама выбирала мне личность. Если бы тебе хотелось другую, ты бы другую и выбрала.

Она таки сумела заставить меня усмехнуться.

— Еще не поздно, — напомнила я ей. — Как насчет Жанны дАрк?

Богобоязненная язычница-римлянка с отвращением содрогнулась при мысли стать христианкой и сменила тему:

— Хочешь, я свяжу тебя с мистером Тарчем?

Ну, я и хотела, и не хотела. Мне требовалось кое-что решить с Биллом Тарчем, но я еще не готова была решить, поэтому покачала головой.

— Я вот подумала об исчезнувшем народе, который мы пытаемся воскресить. У тебя есть хичийские отчеты об этой планете, кроме тех, что я уже видела?

— Как не быть. Всех не пересмотришь.

— Покажи хоть некоторые.

— Слушаюсь, босс, — сказала она и исчезла, а я оказалась стоящей на скальном уступе, и подо мной внизу расстилалась яркая зеленая равнина, по которой двигались забавного вида животные.

Между симулятором «Феникса» и моим есть некоторая разница. Мой дороже. Их симулятор годится для работы, он показывает все, что вы хотите увидеть, но мой-то помещает вас прямо в картину. Мой снабжен полным набором сенсоров, так что я не только вижу и слышу, но и ощущаю и обоняю. И вот ласковый ветерок ерошил мне волосы и доносил издалека запах гари.

— Эй, Ипатия! — слегка удивилась я. — Они что, уже изобрели огонь?

— Использовать не умели, — пробормотала она у меня в ухе. — Должно быть, во время грозы молния подожгла холмы.

— Какая гроза?

— Та, что только что прошла. Видишь, все еще мокрое?

Нет, на моей скале было сухо. Солнце над головой, большое, яркое и очень жаркое, высушило ее досуха, но в листве вьющихся растений у подножия действительно еще висели капли, а обернувшись, я увидела горящие растения на далеком холме.

Долина казалась более интересной. Рощицы деревьев или чего-то похожего на деревья и стада крупных косматых тварей. Ростом с бурого медведя, но, по-видимому, вегетарианцы, они трудолюбиво выворачивали из земли деревья, чтобы удобнее было объедать листья. Пара речушек: одна, узкая и быстрая, водопадами сбегала с холмов слева от меня и впадала в другую, пошире и поленивее, образуя приличную реку. Другое стадо косматых созданий, более крупных, чем первые, кормилось на равнине. Я не видела, что там у них росло, но зрелище было увлекательное. Пожалуй, так выглядели американские прерии или африканский вельд, пока наши предки не перебили всех диких мясных животных.

Самым интересным в смоделированной ситуации мне

показалась группа с дюжину или около того. Они находились довольно далеко от меня и опасливо кружили вокруг маленького стада животных, рассмотреть которых мне толком не удавалось.

— Это они? — спросила я Ипатию, указывая в ту сторону.

Она подтвердила, и я попросила ее увеличить изображение.

Вблизи стало заметно, что животные, на которых охотились хищники, напоминали свиней, вернее, напоминали бы, если бы у свиней были длинные, не покрытые шерстью ноги и длинные беличьи хвосты. Я заметила, что свинья-мамаша скалит клыки и щелкает ими на подступающих со всех сторон хищников, а трое малышей жмутся у нее под брюхом. Но меня больше интересовали хищники. Они смутно напоминали приматов, то есть у них были обезьяньи морды и короткие хвосты. Только на Земле никогда не водилось шестилапых приматов. На четырех они бегали, а две больше походили на руки, и в этих вроде бы руках они держали острые камни. И как только подобрались поближе, принялись швырять этими камнями в добычу.

У свиньи не было шансов. За пару минут двух ее малышей подбили, а сама она мчалась прочь, мотая своим длинным хвостом из стороны в сторону, точь-в-точь стрелка метронома, и уцелевший поросенок бежал за ней, болтая хвостиком в такт мамаше, а шестилапые хищники приступили к пиру.

Зрелище было не из приятных.

Я прекрасно знаю, что животным для жизни необходимо есть, и никаких сантиментов по этому поводу не испытываю. Черт возьми, ем же я бифштексы! (И притом не всегда синтетические.) А все-таки смотреть на происходящее полмиллиона лет назад в чужом вельде было неприятно, потому что, когда волко-обезьяны начали есть, один поросенок был еще жив и его жалобный визг донесся до меня.

Я ничуть не пожалела, когда Ипатия прервала меня сообщением, что мистер Тарч, не дождавшись моего вызова, вышел на связь сам.

Почти все мои беседы с Биллом Тарчем заходят в несколько интимную область. Он любит такой секс на словах.

А я — не особенно, поэтому постаралась сократить разговор. Основная мысль его сводилась к тому, что он по мне соскучился и, хотя словами об этом не говорилось, по-прежнему хорош собой: не высок и даже, строго говоря, не красив, но крепкого сложения и с широкой вызывающей ухмылкой, которая так и говорит: «Я умею повеселиться!», и еще — что он прибывает через два дня. Признаю, не слишком богатая информация для четверти часа связи, протянувшейся на световые годы, но остальное касалось

только нас двоих; а когда я закончила, уже пора было одеваться к обеду на «Фениксе».

Ипатия, как обычно, не дожидалась распоряжений. Она перебрала мой гардероб и с помощью манипуляторов вытащила нарядный костюмчик с шортами, чтобы мне не возиться больше с юбкой, которая так и норовит взлететь, а к нему — золотое ожерелье, плотно охватывающее шею, которое не станет порхать перед лицом, как нитка жемчугов. Прекрасный выбор, я не стала спорить. Пока я переодевалась, Ипатия спросила как бы невзначай:

— Ну как, мистер Тарч спасибо-то сказал?

Я уже выучила наизусть все ее интонации. От этой у меня шерсть встала дыбом.

— Это за что еще?

— Да за то, что ты поддерживаешь его карьеру, — проговорила она, изображая удивление. — Он ведь почти сошел на нет к тому времени, как ты его подобрала, верно? Так что совсем не лишне было бы, знаешь ли, выразить благодарность.

— Ты сильно рискуешь, — предупредила я, влезая в расшитые драгоценными камнями штанишки.

Порой мне кажется, что Ипатия затрагивает вопросы, которые ее не касаются, к тому же в данном случае она была несправедлива. Мне, чтобы завоевать мужчину, нет нужды оказывать ему одолжения. Господи, обычно приходится думать о том, как от них отделаться! Просто мне нравится покидать их чуточку более благополучными, чем они были до встречи со мной, а Билл в самом деле находился тогда на том этапе карьеры, когда помощь ему не помешала.

Но обсуждать это с Ипатией я не собиралась.

— Говори о другом или заткнись, — приказала я.

— Как скажешь, милая. Подумаем… Как тебе понравились крабяне?

Я откровенно призналась:

— Не слишком. Совершенно не умеют вести себя за столом.

Ипатия хихикнула:

— С каких пор у тебя слабый желудок, Клара? Ты в самом деле считаешь, что твои отдаленные предки были лучше? Мне почему-то кажется, что Australopithecus robustus тоже не слишком переживали, по вкусу ли их общество их обеду.

Знакомый спор.

— Это было давно, Ипатия.

— То же относится к крабянам, которых ты видела. Животные есть животные. Между прочим, если ты в самом деле хочешь избавиться от неприятной необходимости убивать то, что ешь…

— Пока не хочу, — сказала я ей, как говорила уже много раз до того.

Ипатия все мечтает меня очистить. То есть избавить от моего мясного тела со всеми его болячками и неприятностями и вложить меня в чистый машинный мозг. Как уже проделали многие мои знакомые. Да и сама Ипатия, хотя она скорее просто приближенная модель существа, которое когда-то было живым мясом.

Идея жутковатая, не спорю, но у нее есть свои преимущества. В моей жизни меньше радостей, чем мне хотелось бы, это правда, но умирать я точно не хочу. А если бы я поддалась на уговоры Ипатии, умирать мне не пришлось бы.

Но к этому шагу я еще не готова. Есть пара вещей, на которые способна мясная личность и не способна машинная, пусть даже одна, по большому счету, и я не собиралась отказываться от плоти, пока не сделала того, что женской плоти удается лучше всего. А для этого дела нужен мужчина… и я не совсем уверена, что Билл Тарч — тот самый мужчина, который мне нужен.

На «Фениксе», когда я вернулась туда к обеду, у всех был заговорщицкий и предвкушающий вид.

— Около двадцати процентов оптических блоков уже установлено, — сдерживая волнение, сообщила мне Терпл. — Хотите посмотреть? — Не дожидаясь ответа, она скомандовала: — Ганс! Изображение планеты!

Освещение померкло, и перед нами всплыл бело-голубой шар величиной с мою голову, если на нее смотреть метров с десяти. Он был наполовину темным, а наполовину освещен солнцем, располагавшимся где-то справа за пределами картины. Из-за кромки планеты как раз показывалась половинка луны. Она выглядела меньше земной Луны, и если на ней имелись отметины кратеров и океанов, то я их не разглядела. На самой планете я различила большой океан и почти прямоугольный материк на освещенной стороне. Когда Терпл полностью погасила свет в помещении, стало ясно, что на темной стороне тоже есть суша, потому что пятнышки света — искусственный свет, огни городов! — цвели по всей поверхности ночного полушария.

— Вот видите, Клара! — победно возгласила она. — Города! Цивилизация!

Глава 4

Их корабельный мозг в самом деле умел готовить. У розовых устриц был такой вкус, будто их всего час как выловили из моря, то же самое относилось к фритто мисто[144] с очень приличным ризотто[145], а на десерт были фиги со сливками. Все приготовлено безупречно. А может, так только показалось, потому что все заметно расслабились, убедившись, что нам все-таки будет за чем наблюдать.

Чего не было, так это вина к обеду. Вместо него предлагался какой-то тропический сок в винных грушах. Когда я попробовала его, Джун Терпл, взглянув на мое лицо, заметила:

— Мы отказались от алкоголя до конца наблюдений. — Я не поняла, извинение или вызов звучало в ее голосе, однако она тут же добавила: — Думаю, Ганс сумеет что-нибудь раздобыть, если вам действительно хочется.

Я вежливо покачала головой, а сама задумалась, не насплетничала ли Ипатия Гансу насчет моей склонности время от времени немного выпить. Вполне возможно: корабельные мозги, когда они настолько сложные, как Ипатия с Гансом, любят пошептаться, и команде явно было кое-что обо мне известно. За столом велась живая и разнообразная беседа, но в ней ни разу не упомянули ни ту самую черную дыру, ни черные дыры вообще.

Обед был неспешным и приятным. Легкие заминки возникали, только когда кто-нибудь из сотрудников станции с извинениями поднимался из-за стола, чтобы лишний раз проверить, как работают роботы-паучки, ползающие по пятикилометровой тарелке, бесшовно сращивая отражающие пластины в идеальную параболу. Органические члены команды могли бы и не беспокоиться: Ганс бдил без устали, присутствуя всюду одновременно, но Терпл, как видно, держала подчиненных в строгости.

Большая часть перелетающей от одного к другому болтовни содержала шутки, понятные только в узком кругу, но мне это не мешало, потому что Ипатия подсказывала на ушко их смысл.

Когда кто-то вспомнил о тоске по дому и Олег Кекушкян шутя и с намеком ответил, что некоторым тосковать не приходится, он целил в Хэмфри Мэйсона-Мэнли.

— У него амуры с Терпл, Клара, а Кекушкян ревнует, — объяснила мне Ипатия.

Хулия, имя произносилось по-испански, Ибаррури, толстая пожилая перуанская инка, бывшая учительница, с сожалением рассказывала Звездомысле, как ей хотелось бы побывать, пока она

еще жива, в Ядре. Она страшно возмутилась, узнав, что я ни разу не бывала в Мачу-Пикчу[146].

— Повидали всю галактику, а на величайшее чудо родной планеты времени не нашлось!

Единственный, кто выглядел подавленным, был Марк Рорбек. Между фигами и кофе он, извинившись, вышел и не возвращался почти полчаса.

— Домой звонит, — понимающе заметил Мэйсон-Мэнли, а Ипатия, которая, если я не запрещала, умела подслушивать лучше всех в галактике, прошептала:

— Пытается отговорить от развода. Она не соглашается.

Мы не успели еще допить кофе, когда Терпл прошептала что-то в воздух. Ганс, очевидно, расслышал, и в дальнем конце столовой сразу погас свет. Планета появилась снова, теперь гораздо большего размера, чем в прошлый раз. Терпл снова пошептала, и изображение разрослось, заполнив почти всю комнату. У меня даже голова закружилась: показалось, что я в нее падаю.

— Сейчас разрешение около двух или трех километров, — гордо объявила Терпл.

Все равно мы мало что увидели, кроме гор, береговой линии и облаков, к тому же половина планеты по-прежнему находилась в тени. (В сущности, так ведь и должно быть. Планета под нами вращается, но относительно солнца она неподвижна.) Рассматривая модель, я заметила одну странность в нижней части суши и показала на нее:

— Здесь, внизу слева, наверное, океан? Я имею в виду темную часть. Потому что там не видно огней.

— Нет, это тоже суша. Может быть, там слишком холодно для обитания. Мы ведь смотрим на планету не прямо, а под углом около двадцати градусов снизу от экватора, так что нам виден южный полюс, а к северу не видно ничего дальше, скажем, Шотландии или юга Аляски, если сравнивать с Землей. Вы видели глобус, который составил наш Ганс? Нет? Ганс, покажи!

Посреди комнаты мгновенно возникла и стала медленно поворачиваться сфера. Совсем как глобус, что стоял в гостиной у моего дедушки: сетка параллелей и меридианов, только очертания материков совсем неправильные.

— Он составлен по старым данным хичи, которыми с нами поделилась Звездомысла, — произнес голос Ганса. Однако мы дали континентам собственные названия. Как видите, один из них представляет собой два округлых участка, соединенных перешейком, и напоминает гантель. Доктор Терпл и назвала его Гантелью. Он подразделяется на Восточную и Западную Гантели.

Округлый материк с длинным мысом, выдающимся на юго-запад, назван Сковородой. Тот, что сейчас показался, — Арахис, потому что…

— Я вижу почему, — остановила я его.

Он действительно походил на земляной орех. Ганс оказался достаточно восприимчив, чтобы понять — может быть, по моему тону, — что урок географии — или планетографии — кажется мне довольно скучным. В отличие от Терпл, которая, едва он замолчал, приказала:

— Продолжай, Ганс.

И он продолжил. Я, как положено благовоспитанной гостье, сидела смирно, пока он перечислял мне названия каждой точки на карте, но когда названия иссякли, иссякло и мое терпение.

— Спасибо за угощение, Джун, — сказала я, отстегиваясь от обеденной скобы. — Все было очень мило, но, думаю, не стоит больше отвлекать вас от работы. Так или иначе, в ближайшие пять суток нам предстоит часто видеться.

Все лица, до каких я могла дотянуться взглядом, вдруг стали непроницаемыми, а Терпл кашлянула:

— Вы знаете, неполных пять суток, — произнесла она с неловкостью в голосе. — Не знаю, говорили ли вам, что нам придется уйти прежде, чем вспыхнет звезда.

Я застыла, комкая одной рукой продетую в привязное кольцо салфетку, а другой вцепившись в поручень.

— В ваших проспектах ничего не сказано о преждевременном уходе. Почему меня не предупредили?

— Это само собой разумеется, Клара, — с запинкой пояснила она. — Как только начнется коллапс звезды, я все здесь закрываю и мы убираемся подальше. Слишком опасно.

Я не люблю сюрпризов от людей, которые работают на меня. Я окинула ее взглядом.

— Какая там опасность, если мы в шести тысячах световых лет от нее?

Терпл упрямо возразила:

— Не забывайте, я отвечаю за безопасность установки и экипажа. Думаю, Клара, вы не совсем представляете, что такое сверхновая. Она очень большая. Китайские астрологи в июле тысяча пятьсот четвертого года видели ее почти месяц при дневном свете, а ведь у них не было линз для увеличения яркости.

— Ну так наденем солнечные очки.

Она твердо подытожила:

— Мы уходим. Я говорю не только о видимом свете. Эта штука даже сейчас, спустя шесть тысяч лет после вспышки,

излучает по всему электромагнитному спектру от микрочастот до рентгеновского излучения. Нам совершенно ни к чему оставаться там, где соберется в фокус вся свеженькая радиация.

Я чистила зубы, а Ипатия за спиной рассуждала:

— Терпл, знаешь ли, решила вполне разумно. Когда звезда станет сверхновой, все в этом фокусе просто поджарится.

Я не отвечала, поэтому она сделала заход с другой стороны:

— Этот Рорбек довольно симпатичный на вид, тебе не кажется? Сейчас он в растрепанных чувствах из-за развода и прочего, но думаю, ты в его вкусе.

Я глянула на нее в зеркало. Ее трехмерная модель прислонилась к косяку двери и почти незаметно усмехалась.

— Он же вдвое младше меня, — напомнила я.

— О нет, Клара! — поправила она. — На самом деле меньше, чем на треть. И вообще, разве в этом дело? Ганс показывал мне его досье. Очень чистая генетика для органического существа. Хочешь взглянуть?

— Нет.

Я закончила умывание и повернулась к выходу. Ипатия грациозно посторонилась, чтобы мне не пришлось проходить сквозь нее.

— Ну тогда, — предложила она, — как насчет поесть? Или глоточек на сон грядущий?

— Я бы предпочла поспать. Прямо сейчас.

Она вздохнула:

— Какой расход времени! Ты же сама знаешь, что рано или поздно откажешься от мяса. Так зачем тянуть? Твоя машинная симуляция сможет делать все, что делаешь ты, только еще лучше, и…

— Хватит, — приказала я. — Прямо сейчас я намерена отправиться в постель и увидеть во сне любовника, который приближается с каждой минутой. Уйди.

Изображение пропало, и ее «Тогда спокойной ночи» донеслось уже из пустоты. Конечно, на самом деле Ипатия не уходит по моему приказу, но всегда изображает послушание. Кроме того, она никогда не показывает, что знает, чем я занимаюсь в своей комнате наедине с собой.

Насчет снов о Билли Тарче я немножко приврала. Будь я более романтичной особой, могла бы и вправду считать секунды до прибытия верного моего возлюбленного. Черт, признаться, может, я и почувствовала что-то в этом роде, особенно когда, очутившись в этой огромной круглой постели, я машинально потянулась к кому-то, кого в ней не было. Я действительно люблю

засыпать, прижавшись к теплой мужской спине. Однако обойтись без нее могу, и тем более могу обойтись без храпа над ухом, и без брыкающихся во сне ног, и без разговоров поутру, когда я еще не успела продрать глаза и мечтаю только о чашечке кофе и дольке грейпфрута наедине с собой.

Обычно такие мысли утешают, но в этот раз они мне не очень-то помогли. Стоило опустить голову на подушку, и сна как не бывало.

Бессонница — еще один из недостатков мясных существ, вызывающих отвращение Ипатии, так что мне не обязательно было от нее мучиться. Она набила аптечку в ванной всеми снадобьями, какие только можно вообразить, на случай, если мне что-то понадобится среди ночи, и в том числе дюжиной разных таблеток от бессонницы, но у меня на уме было кое-что получше. Я откинула крышку прикроватной тумбочки с ручным управлением, которым пользуюсь, когда мне хочется обойтись без помощи Ипатии, и вышла в нужный мне сайт.

Я навестила свой остров.

Он называется Раивеа — с ударением на третий слог, как произносят полинезийцы, и это единственное место во вселенной, по которому я скучаю. Он не особенно велик, всего пара тысяч гектаров суши, зато на нем есть пальмы и хлебные деревья и замечательная лагуна, достаточно мелкая, чтобы не заходили акулы из-за рифа. А теперь, после того как я за них заплатила, там еще есть симпатичные жилые бунгало с симпатичными, хотя и поддельными соломенными крышами и с настоящим водопроводом, кондиционерами и прочими удобствами. И еще игровые площадки и спортивные площадки, приспособленные для бейсбола, футбола и что там еще нужно компании детишек, чтобы выплеснуть избыток животной энергии. И у самого рифа примостилась автономная пищевая фабрика, непрерывно выдающая разнообразную и здоровую пищу всем, кто проголодался. Остров мой. Мой до последнего сантиметра. Я за него заплатила, и я населила его сиротами и одинокими женщинами с младенцами со всего мира. Когда я там бываю, я становлюсь Бабушкой Кларой для полутора сотен ребятишек, от новорожденных до подростков, а когда меня там нет, я никогда не забываю хоть раз в день подключиться к системе наблюдения и удостовериться, что школы работают и медицинская служба никому не дает разболеться, потому что я… а, черт возьми, люблю я этих детишек. Всех до единого. И готова поклясться, они отвечают мне любовью.

Ипатия считает, что это сублимация желания иметь собственного ребенка.

Возможно. Все равно, пара моих собственных яйцеклеток хранится в глубокой заморозке в клинике Раивеа. Они лежат там уже много лет, но врачи клянутся в их стопроцентной жизнеспособности и обещают поддерживать их в этом состоянии и впредь. Я запасла эти яйцеклетки просто на случай, если когда-нибудь решусь на это отвратительное занятие мясных личностей и захочу родить собственного в генетическом отношении ребенка…

Только я пока не встретила мужчину, который подошел бы на роль его отца. Билл Тарч? Не знаю, может быть. Поначалу мне показалось, что так, но теперь я уже не уверена.

На следующее утро, как только я поднялась и покончила с утренними делами, Ипатия порадовала меня свежими картинами планеты крабян. Модель уже стала такой большой, что не уместилась бы в салоне, так что она выделила один участок побережья. В центре виднелось неясное пятно, в котором можно было заподозрить творение… ну, скажем, разумного существа.

— Они уже добились полукилометрового разрешения, — сообщила Ипатия. — Это почти наверняка маленький городок.

Я всмотрелась. Да, почти наверняка городок, а уж что маленький, это точно.

— Не нашлось ли чего-нибудь побольше?

— Боюсь, что нет, Клара. Ганс говорит, что на планете явный недостаток населения, хотя причины пока не ясны. Ты сейчас пойдешь на «Феникс»?

Я покачала головой.

— Пусть работают спокойно. У нас здесь тоже найдется чем заняться. Что ты для меня припасла?

Она припасла еще несколько образчиков предприятий, в которые я могла вложить деньги. Были среди них чисто коммерческие проекты, вроде разработок гелия-3 на Луне, и цепочки пищевых фабрик в Бенгальском заливе, и проекта возрождения Сахары, и еще сорок — пятьдесят в том же роде; все это было не слишком интересно, зато относилось к тем инвестициям, которые, сколько бы я ни тратила, делают меня богаче с каждым днем.

Потом мы перешли к тем, которыми я дорожу. Я просмотрела работу фонда, упомянутого Звездомыслой, того, который посылал людей в Ядро, к оставшимся там хичи. И образовательную программу для молодых женщин вроде меня — такой, какой я когда-то была, — застрявших на грязных, скучных, бесперспективных работах. Я сама выбралась из такой дыры по чистому везению, через астероид-переходник, но нынче этот путь

закрыт. Возможно, приличное образование откроет новые.

Примерно на этом месте Ипатия прокашлялась, давая понять, что хочет поговорить. Я сделала промах. Я решила, что она собирается обсудить дела моего острова, потому поддержала игру.

— Кстати, — сказала я, — вчера вечером, перед сном, я подключалась к Раивеа.

— Вот как? — отозвалась она, словно раньше не знала. — Как там дела?

Для разминки я рассказала ей о ребятах, которые собираются уезжать, и о восемнадцати новичках, подобранных разными агентствами, которых привезут на остров, как только я туда вернусь. Она, как всегда, искренне или нет, одобрительно похмыкивала. Правда, ее модель имела несколько скептическое выражение лица. Я восприняла его как вызов.

— Как видишь, мы, животные, способны по крайней мере на одно дело, недоступное вам, — сказала я. — Мы можем иметь детей.

— Ну, что касается тебя, ты пока что не можешь, — доброжелательно возразила она. — Но я хотела поговорить о другом.

— О!

— Я просто хотела предупредить, что корабль мистера Тарча войдет в док в течение часа. И он прибывает не один.

Временами Ипатия становится раздражающе человечной, и мне не раз случалось подумывать о смене ее программы. По тому, как это было сказано, я поняла, что это еще не все, и настороженно откликнулась:

— Ничего удивительного. Иногда ему не обойтись без помощников.

— Разумеется, Клара, — бодро продолжала она. — Хотя на сей раз у него всего одна помощница. Зато очень хорошенькая.

Глава 5

«Очень хорошенькая» помощница оказалась действительно очень хорошенькой и выглядела лет на шестнадцать, не старше. Нет, вру. Она выглядела куда лучше, чем на шестнаддать. У меня, надо думать, даже в младенчестве не было такой нежной кожи. Косметикой она не пользовалась и в ней не нуждалась. На ней был нарядный комбинезончик от шеи до бедер, ничуть не скрывающий достоинств фигуры. Звали ее Дени. Когда я вошла, а я не торопилась, чтобы Билл не подумал, будто я так уж рвусь его увидеть, весь мужской контингент «Феникса» висел вокруг нее, напоминая трех стервятников, почуявших падаль. Дело было не только в ее внешности. Члены команды порядком наскучили друг другу, вот и потянулись на свежатинку.

Я, конечно, тоже была для команды свежим мясцом, но мое прибытие, по всем признакам, не вызвало подобного взрыва гормональной активности. С другой стороны, я и не выгляжу, как Дени. Билл, похоже, ничего не замечал. Он уже завел рекламное введение, и Дени возилась с его навороченной автоматической камерой. Она дала панораму шлюзовой и остановилась на его лице, на которое он натянул самое приветливое и интеллигентное выражение. Билл немедленно обратился к массам:

— С вами снова Вильгельм Тарч, и мы находимся на станции «Феникс», которая готовится возродить к жизни пропавшую расу разумных существ. Мне снова помогает… — Один из объективов камеры, повинуясь пальчикам Дени, развернулся ко мне. — …Я счастлив, что со мною снова моя прекрасная невеста, Джелли-Клара Мойнлин!

Я обратила на него взгляд, потому что, как бы я ни относилась к Вильгельму Тарчу, замуж за него я точно не собиралась. Он нахально подмигнул и продолжал без запинки:

— Как вы помните, хичи, прежде чем скрыться в Ядре, обследовали большую часть галактики в поисках других разумных рас. И не нашли ни одной. Посетив Землю, они обнаружили на ней австралопитеков, но до современного человека было еще далеко. Они еще даже не овладели речью. А здесь, на этой планете, — за его спиной появилось изображение планеты крабян до вспышки сверхновой, — они также нашли первобытную расу, которая, по их мнению, могла со временем стать разумной и цивилизованной. Возможно, крабяне, как называют их сотрудники станции «Феникс», такими и стали. Но хичи этого не увидели, как и мы, потому что этой расе не

повезло.

В этой планетной системе было две звезды: красный карлик и яркий гигант класса А. Тысячелетия, пока этот исчезнувший народ шел трудной дорогой к цивилизации, большая звезда теряла массу, которую затягивала в себя меньшая, пока без всякого предупреждения меньшая звезда не достигла критической массы. Она взорвалась, и население планеты вместе со всеми плодами их цивилизации сгинуло во вспышке сверхновой.

Здесь он сделал паузу и взглянул на Дени, которая, чуть помедлив, отозвалась:

— Записано.

После чего он оттолкнулся ногой и полетел ко мне, раскинув руки для объятий и улыбаясь до ушей. Когда мы состыковались, он спрятал лицо у меня под подбородком и шепнул:

— О, Кларетта, как долго мы были в разлуке!

Билл Тарч умеет обниматься. Мне приятно было ощущать на себе его руки и прижиматься к большому мужскому телу.

— Зато теперь мы вместе, — сказала я и взглянула через его плечо на Дени, которая наблюдала за нами с дружеской и совершенно неревнивой улыбкой.

Так что с этой стороны, возможно, осложнений не ожидалось. Я решила не волноваться прежде времени. Во всяком случае, изображение планеты крабян становилось все лучше и лучше, а мы, в конце концов, находились здесь ради него.

Чего на этой планете хватало, так это воды. Когда планета, поворачиваясь вокруг оси, скрывала очертания континентов на ночной стороне, перед нами оказывался в основном океан.

Билл Тарч был недоволен.

— И это все? — возмущенно спрашивал он, ни к кому в особенности не обращаясь. — Я ожидал увидеть хотя бы один город!

Ему ответила Терпл:

— Маленький городок, возможно, увидим. Во всяком случае, так это выглядело, прежде чем скрылось из виду. Могу вам показать, если хотите. Ганс, вернись к моменту, когда объект был еще виден.

Предполагаемый город во второй раз был виден не лучше, чем в первый, и на Билла впечатления не произвел. Он разочарованно пощелкал языком.

— Ты, мозг! Сумеешь дать мне вид получше?

— Вы видите наибольшее разрешение, — вежливо ответил Ганс. — Однако сейчас разрешающая способность зеркала несколько увеличилась, и я нащупал его в инфракрасном свете.

Вы увидите несколько больше подробностей… — Перед нами всплыла береговая линия, смутно отделенная от воды океана разницей температур. Потом изображение объекта приблизилось. — Как видите, имеется несколько горячих участков, но я пока не могу их определить.

Что было, то было. Большие и очень яркие. Особенно радовало нас то, что некоторые из них имели строгую геометрическую форму: треугольники и четырехугольники. Но вот что это такое?

— Рождественская иллюминация? — наугад предположил Билл. — Сами понимаете, я не про настоящее Рождество, но если дома освещены по случаю праздника…

— Не думаю, мистер Тарч, — усомнился Ганс. — Вы видите не столько свет оптического диапазона, сколько тепловое излучение.

— Зимнее отопление?

— Нам не известно, какое у них время года, но в любом случае вряд ли. Температура источников тепла достигает трехсот градусов по Цельсию. Почти температура лесного пожара.

Билл недоумевал:

— Подсечное земледелие? Выжигают поля? Или какая-то промышленность?

— Пока невозможно уточнить, мистер Тарч. Будь это настоящее горение, мы видели бы больше света. Придется ожидать новых данных. Тем временем могу предложить вам другой объект, который может показаться интересным. — Перед глазами мелькнула поверхность планеты — облачные поля, пара островков, снова облака, — и изображение остановилось на участке океана. В центре его виднелось крошечное пятнышко, сероватое, когда его хоть немного удавалось разглядеть. Оно было так мало, что глаз то и дело терял его и находил снова.

— Облачко? — спросил Билл.

— Нет, мистер Тарч. Я предполагаю, что это группа объектов неизвестного рода, причем они движутся с векторной скоростью около семидесяти одного градуса, или, если вам так привычнее, почти точно на север, чуть отклоняясь к востоку. Вероятно, они достаточно велики, раз мы можем их видеть. Возможно, суда, хотя такую скорость могут развивать только суда на воздушной подушке или на подводных крыльях. Если они не исчезнут из виду, пока мы достраиваем зеркало, мы сможем опознать их без особого труда.

— И когда это произойдет?

Ганс, прежде чем ответить, выдержал для вида двухсекундную паузу:

— Тут возникла некоторая дополнительная проблема, мистер Тарч, — виновато сказал он, — Несколько зеркальных блоков подверглись термическому воздействию, и точность подгонки нарушена. Для исправления дефектов пришлось вывести дополнительные механизмы, так что окончание работ задерживается. По моей оценке, всего на несколько часов.

Билл взглянул на меня, я взглянула на Билла.

— Что за черт, — сказал он. — И какие еще неприятности ожидаются?

В очередной неприятности не было вины Джун Терпл. Хотя сама она сочла, что виновата. По ее словам, она отвечала за всю операцию и, следовательно — за все неполадки, и ей не следовало позволять Ибаррури перехватывать у Ганса управление. А уж Хулия Ибаррури чуть не плакала от раскаяния.

— Звездомысла сказала, что хичи установили в системе Краба наличие еще одиннадцати планет; я хотела только проверить, нет ли на них признаков жизни, и, боюсь, на минуту сфокусировала систему слишком близко к звезде.

Могло быть хуже. Я сказала им, что огорчаться не стоит, и пригласила всех троих выпить у меня на борту. Мой так называемый жених поднял бровь: он рассчитывал, что первым пригласят его. Впрочем, Билл отнесся к этому философски.

— Тогда увидимся попозже, — сказал он так, будто ни одна из женщин не понимала, что он подразумевает, хотя не понять мог только тот, кто впервые видел такой голодный взгляд. После чего он увел Дени брать интервью у оставшихся сотрудников «Феникса».

Примерно тем же собиралась заняться и я. Ипатия расставила на одном столе чайный сервиз, на другом — сухой шерри, но прежде чем их усадить, я провела для трех женщин обычную обзорную экскурсию. Их немножко придавил резкий переход к нормальному тяготению, однако все они восхищенно прохромали в гостевую спальню, поахали на кухне, которой я никогда не пользовалась, но установила на случай, если вздумается что-нибудь приготовить собственными руками, и были сражены наповал моей персональной ванной комнатой. Джакузи, биде, большая ониксовая ванна, зеркальные стены… Билл Тарч каждый раз говорил, что так должна представлять себе рай бедная шлюшка, и он не первый, кому пришла в голову эта мысль. Думаю, дамы с «Феникса» в жизни не видели ничего подобного. Я дала им насмотреться вдоволь, позволила даже заглянуть в шкафчики с духами и косметикой.

— Ох, мускусное масло! — вскрикнула Терпл. — Да еще

натуральное! Это же страшно дорого!

— Я им больше не пользуюсь. Возьмите, если нравится, — предложила я и в довершение эффекта открыла дверь в свою спальню.

Когда мы наконец перешли к чаю, шерри и беседе, первыми словами Ибаррури были:

— Мистер Тарч, кажется, довольно интересный мужчина. — Она не объяснила, что навело ее на эту мысль, но я понимала, что дело в моей огромной постели. Мы поболтали о мистере Тарче и его блестящей карьере, и об историях о шлюзовых старателях, на которых выросла Терпл, и о сбывшейся мечте Ибаррури…

— На Земле астрономия — почти забытое искусство, — сказала она мне. — Какой смысл терять время на телескопы и зонды, когда у нас есть все данные хичи?

— Чем же занимаются астрономы, если астрономии больше не существует? — из вежливости осведомилась я.

Она горестно покачала головой:

— Я веду курс астрономии на старшем курсе Мэрилендского колледжа. Учу людей, которые никогда не станут заниматься астрономией, потому что, если кому-то захочется что-то увидеть, он просто возьмет корабль и отправится посмотреть своими глазами.

— Как поступила я, мисс Мойнлин, — вставила Звездомысла, изобразив хичийский эквивалент улыбки.

Этого момента я и ждала. Если во вселенной и было место, где мне еще хотелось побывать, так это у нее дома, в Ядре.

— Вы, должно быть, скучаете по Ядру? — спросила я ее. — Столько близких ярких звезд. Наше небо, верно, кажется вам довольно жалким.

— О нет, — вежливо возразила она. — Здесь очень мило. Для разнообразия. Но я действительно скучаю по семье.

Мне и в голову не приходило, что у нее есть семья, однако же, да, она оставила дома супруга и двух маленьких отпрысков. Решение о выходе из Ядра далось ей нелегко, но приключение слишком манило. Скучает ли? Ну конечно, она скучает! Скучают ли они? Она удивилась.

— О нет, мисс Мойнлин, они не будут скучать. Они уже легли спать. А когда проснутся утром, я давно буду дома. Разница во времени, знаете ли. Я собираюсь пробыть здесь не более двух лет.

Ибаррури нервно заметила:

— Именно это удерживает меня от путешествия в Ядро, Звездомысла. Я уже немолода и сознаю, что если проведу там хотя бы несколько дней, то, вернувшись, не застану в живых почти никого из своих знакомых. Да что там «почти», просто

никого, — поправилась она. — Какое там соотношение? Сорок тысяч к одному? Значит, неделя там равняется почти тысячелетию дома. — Она повернулась к хичи. — Но пусть мы не можем там побывать, ты могла бы рассказать нам, Звездомысла. Не хочешь рассказать мисс Мойнлин, как там у вас, в Ядре?

Я тоже не прочь была послушать. Правда, слышала все это не в первый раз, однако слушала, пока Звездомысла не умолкла. А рассказывала она долго, явно соскучилась по дому.

Изменится ли что-нибудь, если я проведу недельку в Ядре? Или месяц, да хотя бы и год? По детишкам с острова я, конечно, буду скучать, но о них позаботятся и без меня, а остальное не имеет для меня большого значения. Во всей вселенной не было человеческого существа, настолько для меня дорогого, чтобы я стала скучать по нему дольше одного дня.

Раздавшийся из воздуха голос Ипатии застал меня врасплох.

— Мисс Мойнлин… — При гостях она держалась официально. — Вас вызывают. — И она высветила в воздухе лицо Билла Тарча.

За его спиной я видела обстановку и поняла, что он находится в своем корабле. Выглядел он свежим и жизнерадостным, широко улыбался.

— Позволишь к тебе зайти, сердце мое? — спросил он.

Мои гостьи мгновенно отреагировали.

Ибаррури поднялась первая.

— О, нам все равно пора вернуться к работе, верно, Джун? — Она произнесла это довольно ехидно, но Терпл просто спокойно встала, и Звездомысла последовала ее примеру.

— Вам совсем не обязательно уходить, — сказала я.

— Но нам действительно пора, — ответила Терпл. — Хулия права. Спасибо за чай и… гм… прочее.

И они удалились, оставив меня наедине с любовником.

Глава 6

— Он целый час прихорашивался, — шепнула мне на ухо Ипатия. — Мылся, брился, наряжался. И надушился мускусом, думая, что ты его любишь.

— И правда люблю, — сказала я. — На нем. Покажись, раз со мной разговариваешь.

Она послушно возникла на кушетке, с которой только что встала Ибаррури.

— Я бы сказала, на вид ему не терпится в постель, — заметила она. — Опять.

Я не стала заострять внимание на этом «опять». Словечко было проявлением одной из раздражающих черточек личности Ипатии, но у нее их не так много, чтобы я решилась на перепрограммирование. Когда я выбирала в качестве личности для своего корабельного мозга Ипатию Александрийскую, это представлялось неплохой идеей. Но моя Ипатия относится к себе слишком серьезно. Вот что получается, когда заводишь по-настоящему сложный искусственный интеллект: он начинает капризничать. Первое, что она сделала, — просмотрела все исторические материалы и подогнала свою модель как можно ближе к оригиналу, насколько ей представлялось возможным, не слишком испытывая мое терпение. Отношение первой Ипатии к мужчинам составляло часть образа.

— Так что, мне лучше удалиться, чтобы он чувствовал себя свободнее? — любезно предложила она.

— Нет, — сказала я. — Останься.

— Вот и умница. На мой взгляд, сексуальные контакты значительно переоценивают.

— Это потому, что ты ни разу не пробовала, — усмехнулась я. — Причем я имею в виду и тебя, милая моя программа, и твой образец, ту полумифическую женщину, которая умерла девственницей и, по слухам, чтобы отбить охоту у слишком настойчивых поклонников, бросала им в лицо тряпки, выпачканные менструальной кровью.

— Злонамеренные россказни, — хладнокровно отозвалась Ипатия, — распущенные христианами после совершенного ими убийства. И вообще, вот он идет.

Я готова была побиться об заклад, что первыми словами Билла Тарча будут: «Наконец мы одни!», в сопровождении широкой ухмылки и жарких объятий. Я выиграла бы половину заклада. Он ничего не сказал, просто раскинул руки и набросился на меня с ухмылкой и прочим.

И тут он заметил раскинувшуюся на кушетке Ипатию.

— Ох, — выговорил он, неловко затормозив: как видно, наемный корабль тоже не обеспечивал гравитации. — Я думал, мы одни.

— Пока еще нет, милый мой, — ответила я. — Но я рада тебя видеть.

— Я тоже… — Он ненадолго задумался и на глазах переключился на новую тактику: — Ну что ж, дама не желает того, чего хочется мне, так чем же мы займемся?

Это мне в нем и нравится, и не нравится. Он делает то, чего мне хочется, и никаких штучек насчет «сбей ее с ног и бери». Если видеть в этом хорошую сторону, он мил и заботлив. По мнению же Ипатии, это означает, что он бесхребетный червяк, готовый присосаться к любому, из кого надеется что-то вытянуть.

Пока я раздумывала, какую точку зрения избрать, Билл щелкнул пальцами.

— Знаю! — радостно заявил он. — Я все равно собирался взять у тебя настоящее интервью. Годится? Ипатия, ты сделаешь для меня запись?

Ипатия не ответила и кисло покосилась на меня.

— Делай, что он скажет, — велела я, но Билл уже передумал.

— Или лучше по-другому! — воскликнул он, добродушно смирившись с ее демонстративным неповиновением. — Она еще, чего доброго, нарочно все испортит, так что давай-ка позовем Дени.

Дени явилась в ту же минуту, уже при своей хитроумной камере и с остальными принадлежностями. Я, как умела, проявляла светское дружелюбие.

— Да, можете пришпилить их к чему угодно, — начала я. — При нашем тяготении камеры никуда не уплывут. На спинку кресла? Пожалуйста. Если обивка и пострадает, Ипатия быстро все исправит.

Я не взглянула на Ипатию, просто жестом приказала ей скрыться с глаз. Она повиновалась беспрекословно.

Билл устроился поближе ко мне и взял меня за руку. Я ее не выдернула. Дени не сразу удалось правильно установить камеры. Билл терпеливо смотрел, как она возится, и помощи не предлагал. Потом она объявила, что все готово, и интервью началось.

Билл Тарч вел беседу в своем обычном стиле, то есть большей частью говорил сам. Всю нашу историю он выложил в камеру одним непрерывным монологом, от меня требовалось только улыбаться и внимать. Затем он перешел к «Фениксу».

— Мы здесь, чтобы наблюдать гигантский взрыв, который случился больше тысячи лет назад… В чем дело, Клара?

Он смотрел мне в лицо, и я догадывалась, что он там видит.

— Выключи свои камеры, Билл. Тебе нужно сперва подучить факты. Со времени взрыва прошло гораздо больше тысячи лет.

Он снисходительно покачал головой.

— Для моей аудитории большей точности не требуется, — объяснил он. — Я же не урок астрономии веду. Звезда рванула в тысяча пятьдесят четвертом, так?

— В тысяча пятьдесят четвертом китайские астрономы ее увидели. В том году свет сверхновой дошел до Земли, но для этого ему понадобилось около пяти тысяч лет. Ты что, урока не выучил?

— Должно быть, недоучил какие-то мелочи, моя сладкая, — невинно улыбнулся он. — Ладно, Дени, убери последний фрагмент. Чтобы прикрыть разрыв, вставим кадры звезды, хорошо? Готово? Пошли дальше. Мощнейший взрыв произошел много тысяч лет назад и уничтожил цивилизацию, которая могла стать в чем-то подобной нашей. Какими они были, эти люди, которых ученые со станции «Феникс» называют крабянами? Этого никто не знает. Древние хичи, когда-то посещавшие планету, застали на ней первобытных животных (Дени, здесь надо вставить хичийские материалы), однако хичи сочли, что эти существа способны к развитию интеллекта и даже к созданию цивилизации. Воплотилась ли в жизнь эта возможность? Овладели ли они своим миром, как человеческая раса овладела Землей? Развивались ли у них науки, искусства, культура? В картинах, которые мы только что видели, таятся намеки на то, что это могло случиться. А теперь благодаря щедрости Джелли-Клары Мойнлин, которая сейчас рядом со мной, мы наконец своими глазами увидим, чего достиг этот трагически обреченный народ до того непредвиденного мига, когда вспышка звезды прервала его историю… Ну, что теперь не так, Клара?

— Мы не знаем, предвидели они этот миг или нет. Мы, среди прочего, надеемся узнать и это.

Дени прокашлялась и сдержанно предложила:

— Билл, может, ты дашь мне время подготовить материалы, а потом уже закончишь интервью?

Мой любовник недовольно поморщился.

— Ну, давай. Надо думать, ничего другого не остается.

Слышный только мне кашель намекнул, что Ипатия хочет мне что-то сказать, и я позвала в пространство:

— Ипатия?

Она отозвалась:

— Корабельный мозг «Феникса» только что передал, что они возобновили работу с антенной и получают несколько большее увеличение. Есть новые виды интересующего тебя объекта. Показать?

Билл, чуть смягчившись, оглянулся на меня:

— Что скажешь, Клара?

— Нет, — отказалась я. — Лучше, наверно, посмотреть с «Феникса». Вы вдвоем идите вперед, а я подойду через минутку.

Едва они скрылись из виду, я обернулась к Ипатии, уже устроившейся в кресле, только что оставленном Дени. Вид у нее был самодовольный.

— Могу я для тебя что-нибудь сделать, Клара? — мягко предложила она.

Могла-то она могла, но я еще не готова была об этом просить и потому попросила ее о другом:

— Можешь показать внутренние помещения корабля Билла?

— Разумеется, Клара.

Они немедленно возникли передо мной. Ипатия сдвигала изображения так, словно я шла по кораблю.

Смотреть было не на что. Как видно, видеокомпания не пожелала тратить лишнего на удобства какого-то там Билла. Корабль был такой старый, что все хичийские приспособления остались на виду; я, когда перестраивала по себе свой, позаботилась, чтобы это уродство хоть как-то прикрыли, вроде того, как закрывают систему отопления в многоквартирных домах. Но для меня важнее было наличие двух спальных кают: одна явно принадлежала Дени, другая, так же несомненно, Биллу. В обеих были неубранные постели. Надо думать, мозг наемного корабля не слишком утруждал себя хозяйственными хлопотами, и Дени тоже. Ничто не указывало, что они гостили друг У Друга.

Я сдалась.

— Ты умираешь от желания наябедничать с той минуты, как они сюда явились, — сказала я Ипатии. — Валяй, говори.

Она изобразила удивление:

— О чем именно, Клара?

— Христа ради, скажи, что творилось у них на корабле. Я же знаю, что ты знаешь!

Она немного покривилась, как всегда при упоминании Христа, однако ответила:

— В самом деле, я в порядке обычной предосторожности открыла доступ к корабельному мозгу мистера Тарча. Это было совсем несложно. Казенная техника… Правда, у него имеются предохранительные блоки, но для меня…

Я рявкнула:

— Да говори же! Было?

Она изобразила отвращение.

— О да, милая, несомненно, было. Всю дорогу. Просто собачья свадьба.

Я оглядела комнату с грязной посудой и помятой чужими седалищами мебелью.

— Я схожу на корабль. А ты пока прибери этот свинарник, — приказала я ей и проверила в зеркале, все ли у меня в порядке с лицом.

Оно выглядело как всегда, словно ничего не изменилось.

Но ведь ничего, собственно, и не изменилось. Какое мне дело, если Биллу нравится спать с этой Дени или со всеми Дени на свете, когда меня нет рядом? Я ведь и не собиралась за него замуж.

Глава 7

Когда я вошла в «Феникс», у переходного люка никого из команды не оказалось, зато я слышала их голоса. Они все собрались в столовой, смеялись и возбужденно переговаривались. Войдя, я увидела, что в комнате темно. Все они тыкали пальцами в разные части виртуала, созданного для них Гансом, и на меня даже не обернулись.

Я незаметно прицепилась к скобе у самой двери и осмотрелась. Билл со своим спермоприемником в данный момент держались на целомудренном отдалении. Дени чирикала с Мэйсоном-Мэнли, а Билл бормотал в камеру. Хэмфри под предлогом общего восторга тискал Дени за плечи, однако само прикосновение явно доставляло ему не меньшее удовольствие. Если Билл это заметил, то ничем не выказал недовольства. Впрочем, Билл не ревнив, это мне всегда в нем нравилось.

До недавнего времени я и себя не считала ревнивой.

Ну, сказала я себе, я и не ревную. Дело не в ревности. Это вопрос… ну, скажем, благовоспитанности: если Биллу нравится затащить в постель какую-нибудь малютку, это его дело, но вовсе не обязательно было везти ее с самой Земли, чтобы ткнуть мне в лицо.

Марк Рорбек, расположившийся примерно в метре от меня, рассматривал картину и выглядел не таким мрачным, как обычно. Наконец заметив меня, он указал, махнув рукой:

— Смотрите, мисс Мойнлин! Дирижабли!

Я наконец развернулась лицом к модели. Он указывал на участок крабянского океана. Облака скрывали почти все, но местами они превращались в редкую дымку, и сквозь нее просвечивали восемь толстеньких серебристых сосисок, выстроившихся клином. Их очертания были явно слишком резкими, чтобы принять их за облака.

— Это наблюдавшийся нами ранее объект, мисс Мойнлин, — сообщил мне голос Ганса. — Теперь мы видим отдельные элементы, и они, несомненно, искусственного происхождения.

— Не сомневаюсь, но почему именно дирижабли? Может быть, какие-то корабли? — спросила я и тут же добавила: — Нет, последнее отменить, — потому что сообразила сама: суда, движущиеся по поверхности, оставили бы в воде кильватерный след. Конечно, они находились в воздухе, так что я изменила вопрос: — Как ты считаешь, куда они направляются?

— Минуту, — вмешалась Джун Терпл. — Ганс, покажи мисс Мойнлин проекцию.

Вид океана исчез, сменившись глобусом планеты — с голубыми океанами и серыми массами суши. Восемь стилизованных фигурок дирижаблей, явно непропорциональных, парили над океаном. Серебристая линия тянулась от них к северо-востоку, а другая, золотистая, уходила назад, за границу света и тьмы, на юго-запад.

Терпл сказала:

— Похоже, что дирижабли вылетели с группы островов на конце золотой курсовой линии и направляются к материку Гантели наверху справа. К сожалению, это слишком далеко к северу, и отсюда нам плохо видно, но Ганс развернул некоторые снимки островов, от которых появились дирижабли. Ганс?

Глобус исчез. Теперь мы смотрели сверху на зеленоватую в инфракрасном свете картину: берег, бухта, и вокруг бухты что-то горит. Очертания горячих участков опять оказались геометрически правильными.

— Мы с большой вероятностью предполагаем, что это селение, мисс Мойнлин, — сообщил мне Ганс. — Однако оно, по-видимому, претерпевает некое бедствие, сходное с тем, которое мы наблюдали на материке.

— Что за бедствие? — полюбопытствовала я.

Ганс был само раскаяние.

— У нас пока просто не хватает данных, мисс Мойнлин. Можно предположить большой пожар. Я уверен, что все прояснится, когда мы добьемся большего разрешения, вероятно через несколько часов. Я буду держать вас в курсе.

— Да уж, пожалуйста, — согласилась я и вдруг добавила кое-что, чего говорить не собиралась: — Я теперь, пожалуй, пойду к себе и прилягу ненадолго.

— Но ведь вы только что пришли, — удивился Марк Рорбек, и я не без удовольствия услышала в его голосе некоторое разочарование.

А Билл Тарч просиял и принялся отстегиваться от поручня. Я чуть качнула головой, обращаясь к обоим.

— Простите. Я просто хочу отдохнуть, — сказала я. — Последние дни были утомительными.

Разумеется, сказанное нельзя было назвать правдой ни в какой части. Я вовсе не чувствовала усталости и не собиралась отдыхать. Мне просто хотелось остаться одной или хотя бы наедине с Ипатией, это, в сущности, то же самое.

Когда я вошла в корабль, она приветствовала меня голосом заботливой матушки:

— Слишком много народу, милая? Приготовить тебе выпить?

От выпивки я отказалась, покачав головой, но в остальном Ипатия не ошиблась.

— Странное дело, — сказала я, удобно устроившись на кушетке. — Чем больше я вижусь с людьми, тем более неуютно себя с ними чувствую.

— Мясные люди, как правило, скучны, — согласилась она. — Как насчет чашечки чаю?

Я пожала плечами и тотчас услышала возню на кухне. Ипатия у меня не без недостатков, зато из нее получается неплохая мамаша, когда я в ней нуждаюсь. Я лежала на спине, глядя в потолок.

— Знаешь что? Я подумала, что могла бы совсем поселиться на острове.

— Да, могла бы, — дипломатично согласилась она и, будучи Ипатией, тут же добавила: — Помнится, в последний раз ты выдержала там ровно одиннадцать дней, так? Шесть месяцев назад.

Опять она заставляла меня оправдываться!

Я напомнила:

— У меня были дела.

— Конечно, были. А в предпоследний раз получилось и того меньше, верно? Ровно шесть дней, и было это год назад.

— Убедила, Ипатия. Поговорим о другом.

— Слушаюсь, босс.

И она послушалась. Темой для беседы она избрала изменения в положении моих холдингов за те несколько часов, которые прошли с последней проверки. Я выдержала несколько минут, а потом одним глотком допила поданный ею чай и встала.

— Пойду малость помокну в ванне.

— Я включу тебе воду, милая. Они получили новые изображения с Краба. Хочешь посмотреть, пока мокнешь?

— Почему бы и нет?

К тому времени, как я скинула одежки, ониксовая ванна была полна, вода нагрета в точности как я привыкла, а один уголок ванной скрывала картина, переданная Ипатией.

Новое изображение было почти целиком заполнено чем-то, напоминающим сотни, если не тысячи крошечных домиков. Мы смотрели на них под углом примерно сорок пять градусов, так что подробностей было не различить. Солнце, вероятно, стояло почти в зените, и отсутствие теней не делало картину разборчивей.

— Это самый большой город, какой пока удалось обнаружить, — пояснила Ипатия. — Расположен в глубине материка, на том квадратном континенте в южном полушарии, у

слияния двух больших рек. Присмотревшись, ты увидишь на улицах признаки движения, но распознать, что именно движется, пока невозможно. Однако…

Я ее остановила:

— Пропусти комментарии. Просто показывай картинки. Если будут вопросы, я спрошу.

— Если тебе угодно, милая, — обиженно отозвалась она. Ипатия не любит, когда ей затыкают рот, но все же она заткнулась.

Картины сменяли одна другую: еще один город, бухта, в которой у причала виднелось что-то вроде корабликов, еще несколько мирно плывущих в воздухе дирижаблей, что-то вроде ширококолейной железной дороги и дымящий трубой поезд на мосту. Собственно, рельсы я разглядеть не могла, только мост и смутные полоски, тянущиеся в обе стороны от него по земле. Лучше всего были видны локомотив и струйка дыма или пара над трубой.

Я еще немного полюбовалась и велела убрать изображение. Потом закрыла глаза и предоставила сладко пахнущей пенистой воде вернуть мне удовлетворение и чувство самодостаточности. Как она проделывала это тысячи раз до того, иногда даже с успехом.

Сегодня тоже получилось. Горячая ванна сделала свое дело. Я ощутила близость спокойного и желанного сна.

И как раз в этот момент в голове у меня мелькнула непрошеная мысль, и расслабленность как рукой сняло.

Я вылезла из ванны, забралась в душевую кабину и включила воду на полную мощность: дала немножко постегать себя холодному ливню, потом переключила на горячий. Покончив с душем, натянула халат.

Я уже вытирала волосы, когда дверь открылась и появившаяся Ипатия озабоченно оглядела меня.

— Боюсь, я расстроила тебя тем, что рассказала про Тарча, милая, — сказала она, источая сочувствие. — Разве тебе, в сущности, не все равно, чем он занимается?

— Конечно, все равно, — отозвалась я и задумалась, правда ли это.

— Вот и умница, — похвалила Ипатия. — Между прочим, есть новые виды.

Они появились, она не стала спрашивать, хочется ли мне смотреть. Некоторое время я созерцала сменяющиеся картины, но вскоре решила, что не хочется, и повернулась к Ипатии.

— Убери, — велела я. — Я хочу тебя спросить.

Она не шевельнулась, но изображение исчезло.

— О чем, Клара?

— Пока я лежала в ванне, мне пришло в голову, что я могла бы заснуть, сползти в воду и утонуть. Но я тут же сообразила, что это невозможно, потому что ты следишь за мной. Верно?

— Я всегда в курсе проблем, с которыми ты можешь столкнуться, Клара.

— А потом мне пришло в голову, что у тебя есть причина позволить мне захлебнуться: ты могла бы переписать меня в машинную память, которую все норовишь мне всучить. Так что я вылезла из ванны и перешла под душ.

Я откинула назад волосы и скрепила их заколкой, в то же время наблюдая за ней. Она молчала, стоя с обычным своим снисходительным и задумчивым видом.

— Ну, ты могла бы? — спросила я требовательно.

Она приняла удивленный вид.

— Ты хочешь узнать, могла ли я намеренно позволить тебе утонуть? Не думаю, Клара. В общем и целом я не запрограммирована действовать вопреки твоим желаниям, даже если это могло бы пойти тебе на пользу. А тебе от этого было бы лучше, сама знаешь. Машинная память обеспечит тебе вечную жизнь или хотя бы настолько долгую, что от вечности не отличишь. И освободит от мелких раздражающих забот мясного тела, которые так мучат тебя.

Я повернулась к ней спиной и отправилась в спальню одеваться. Она последовала за мной, безупречно имитируя ходьбу. Мне очень хотелось знать, что означает «в общем и целом» и что она может счесть допустимым отклонением от общего правила. Но не успела я открыть рот, чтобы спросить, как она заговорила сама.

— О, Клара! — воскликнула она. — Они нашли что-то интересное. Давай покажу?

Она опять не дождалась ответа, дальний конец спальни осветился.

Мы снова увидели маленькую эскадру дирижаблей. Они приближались к берегу, но ровный клин их строя нарушился. Их разбросало по небу, а один или два падали в море, волоча за собой хвосты пламени. Вокруг них мелькали крошечные предметы, которые я не сразу сумела опознать.

— Боже мой! — воскликнула я. — Кто-то их обстреливает!

Ипатия кивнула:

— Похоже на то, Клара. Судя по тому, как они горят, дирижабли крабян наполнены водородом. Не слишком высокий уровень технологии, но отдадим им должное. Во всяком случае, они не дикари. Они определенно достаточно цивилизованны,

чтобы завязать между собой небольшую, но достаточно жестокую войну.

Глава 8

Сомневаться не приходилось. Крабяне трудолюбиво истребляли друг друга в воздушном сражении, словно всплывшем из старинных рассказов о Первой мировой войне. Мне не удалось рассмотреть самолетики, атакующие дирижабли, но они там были, и то, что мы видели, было старой доброй собачьей сварой.

Не знаю, что я надеялась увидеть, воскрешая к подобию жизни давно погибших крабян, но только не это. Когда Ганс сменил вид, показывая другие события на поверхности планеты, они оказались ничем не лучше. Даже хуже. Я увидела гавань при впадении большой реки, забитую надводными судами, и некоторые корабли горели, а другие тонули.

— Я бы сказала, атака подводных лодок, — определила Ипатия. — А может быть, бомбежка с аэропланов или мины, хотя я бы поставила на субмарины.

И странные горячие участки в городах больше не представляли загадки. Зажигательные бомбы полностью выжгли здания, оставив только тлеющие угли. На одной равнине мы заметили вспышки белых и красных искорок. Мы не видели их источник, но Ипатия и на этот счет имела свое мнение.

— Смотрите-ка, — с интересом заметила она, — кажется, там идет большое танковое сражение.

И так далее и тому подобное.

Ганс сдержал слово. Как только удалось увеличить изображение, все стало понятно, как и обещал корабельный мозг. (Если войну вообще можно понять.) Роботы на тарелке еще вкалывали, устанавливая последние зеркальные сегменты, и картинки становились все лучше и лучше.

То есть «лучше» — не самое подходящее слово. Картины, безусловно, становились четче и подробнее, некоторые я назвала бы даже непозволительно подробными. Но все отражали руины и развалины, смерть и разрушения.

И какой же бессмысленной была их война! Они могли бы не тратить силы, убивая друг друга. В самом скором времени их солнце сделает за них всю работу. Не ведая о том, каждый крабянин на всех парах несся навстречу гибели в пламени звездного взрыва.

Час назад я их жалела. Но теперь я не могла бы сказать, что судьба к ним несправедлива.

Ипатия следила за мной с материнским видом, который она временами умело напускает на себя.

— Боюсь, что тебя это растревожило, — пробормотала она. —

Может, ты немного развеселишься, если пригласить на борт мистера Тарча? Он как раз звонит. Говорит, что хочет обсудить с тобой новые картины.

— Ну разумеется, — сказала, я, не сомневаясь, что Билл на самом деле хочет объяснить, что он ничем не заслужил моей холодности. — Нет. Скажи ему, что я сплю и просила не беспокоить. И дай мне побыть одной.

Как только она вышла и дверь за ней закрылась, я в самом деле бросилась на большую круглую кровать. Но не заснула. Я просто лежала, уставившись на себя в зеркале на потолке и стараясь ни о чем не думать.

К сожалению, это у меня плохо получается. Я сумела не думать об этих несчастных мерзких крабянах, но быстро поймала себя на мысли: что лучше — оставить Билла Тарча дожидаться или впустить и устроить замечательную, разгромную сногсшибательную ссору, чтобы уж покончить с этим раз и навсегда. А прогнав из головы мысли о Билле Тарче, я задумалась, на кой черт выкинула здоровенный жирный кус наличной прибыли, чтобы сунуть нос в жизнь расы, у которой хватило глупости превратить вполне пристойную симпатичную планетку в место кровавой бойни.

Я подумала, не вызвать ли Ипатию, чтобы заняться очередной наскучившей игрой с вложениями. Я с тоской подумала, не вернуться ли на мой остров. А потом я подумала: кой черт! Я сама в это влезла, так уж надо досмотреть до конца…

Но в глубине сознания зашевелилась более приятная мыслишка, так что прежде всего — еще одно задание для Ипатии.

Я окончательно оделась и вышла, застав ее изящно раскинувшейся в кресле, будто она так и просидела в нем все это время. Ручаюсь, она наблюдала за бойней не менее внимательно, чем вся команда «Феникса», с той разницей, что Ипатии не приходилось включать оптическое изображение. Но мне оно было нужно, так что она вежливо спросила:

— Вывести изображение, Клара?

— Чуть позже, — сказала я. — Сперва расскажи-ка мне все про Марка Рорбека.

Я ожидала от нее очередного снисходительно-понимающего взгляда. И получила его. Однако она послушно начала декламировать сведения из досье. Родители Марка умерли рано, и вырастил его дед, когда-то зарабатывавший на жизнь рыбной ловлей на Верхнем озере[147].

— Старик ловил морских миног, Клара. Знаешь, что это такое? Уродливые твари. У них вместо рта круглая присоска. Они

присасываются к какой-нибудь рыбине и осушают ее до смерти. Не думаю, что тебе пришлись бы по вкусу морские миноги, но ничего другого в озере не осталось. Мистер Рорбек продавал их на экспорт в Европу, там они считаются деликатесом. Потом, конечно, появились пищевые фабрики и покончили с его бизнесом.

— Вернемся к Марку Рорбеку. — предложила я. — Я хочу услышать о нем самом. Вкратце.

— О, извини. Ну, он учился в Миннесотском университете, хорошо успевал, перешел в аспирантуру в Массачусетский Технологический, приобрел неплохую репутацию в области компьютерных технологий, женился, завел двоих детей, потом его жена решила, что один дантист нравится ей больше, чем Рорбек, и бросила его. И, как я уже упоминала, — одобрительно добавила она, — у него просто отличная генетика. Достаточно?

Я поразмыслила минутку и сказала:

— Более или менее. И будь добра не делать преждевременных выводов.

— Конечно, Клара, — согласилась она, но вид у нее был еще тот.

Я вздохнула:

— Ну ладно. Давай включай эту чертовщину.

— Конечно, Клара, — сказала она, не удивившись, и включила. — Надеюсь, тебе станет лучше.

Не стало. Все то же самое. Я некоторое время смотрела, стиснув зубы, потом пробормотала:

— Ладно, Ипатия. С меня хватит.

Она убрала изображение и с любопытством оглядела меня.

— Вид будет лучше, когда они закончат зеркало. Тогда нам покажут самих крабян.

— Очень мило, — неискренне отозвалась я и вдруг взорвалась: — Господи, и что на них нашло? На планете полно места для всех! Почему бы им не сидеть дома и не наслаждаться миром?

Вопрос был риторический, однако Ипатия ответила.

— А чего ты хотела? Мясные люди! — выразительно произнесла она.

Этого я не собиралась ей спускать.

— Брось, Ипатия. Земляне тоже мясные люди, но мы же не несемся через полмира, только чтобы поубивать друг друга!

— Неужели? Какая у тебя короткая память, милая Клара! Вспомни-ка войны двадцатого столетия. Вспомни крестовые походы, когда тысячи крестоносцев тащились вокруг

Средиземного моря, чтобы поубивать, сколько удастся, мусульман. И испанских конквистадоров, убийствами прокладывавших путь через всю Америку. Конечно, — добавила она, — все они были христианами.

Я пару раз моргнула.

— Ты думаешь, мы видим религиозную войну?

Она изящно пожала плечами.

— Кто знает? Большинству людей, дорогая, не нужно особых причин, чтобы убивать друг друга.

Глава 9

Ипатия не обманулась в возможностях гравитационной линзы.

Когда зеркало было закончено, мы смогли разглядеть достаточно подробностей. Мы увидели кентавроподобных крабян: то же сложение, четыре ноги и вертикально поставленный торс, унаследованный от виденных нами примитивных предков. Но эти уже не были дикарями.

Ну, я хочу сказать, что нам иногда все-таки удавалось их увидеть. Не всегда. Только при удачных обстоятельствах. На ночной стороне планеты нам их было не видно, разве только в виде призраков в инфракрасных лучах, а если небо затягивали облака, мы вообще не могли сквозь них пробиться. Но видели мы достаточно. Более чем достаточно, на мой вкус.

Команда «Феникса» сбивалась с ног, пытаясь уследить за поступающими данными. Билл, по всей видимости, решил смириться с моими непредсказуемыми капризами и только иногда рассеянно уделял мне знаки внимания. Он был занят. Они с Дени с наслаждением отрывали от работы людей, которые и без того едва с ней справлялись, чтобы запечатлеть непосредственную реакцию. Джун Терпл вовсе перестала спать, разрываясь между просмотром новых изображений и преследованиями своего корабельного мозга: она все боялась, что он упустит момент, когда придет пора сворачиваться, чтобы не попасть под вспышку звезды.

Только Марк Рорбек, кажется, располагал своим временем. Что мне и требовалось.

Я нашла его в пустом спальном отсеке, куда Ганс любезно дублировал поступающие виды. Марк отвечал в основном за функционирование корабельного мозга, а тот и без него действовал безупречно. Так что Марк коротал время, мрачно уставившись в сторону висящих в воздухе картин.

Я зацепилась за скобу поближе к нему.

— Мерзость, верно? — заметила я для начала, чтобы слегка взбодрить его.

Он не желал бодриться.

— Вы о крабянах?

Он смотрел на картины, но мысли его явно были о другом. Ему пришлось обдумать мои слова, чтобы вынести вердикт:

— Да, наверно, достаточно мерзко. Конечно, мы надеялись совсем на другое. Но ведь все это было очень давно, верно?

— У вас на уме более насущные проблемы? — с готовностью

подхватила я.

Он выдал мне мрачное подобие улыбки.

— Вижу, корабельные мозги снова сплетничали. Ну, меня не столько беспокоит потеря Дорис… — Помолчав, он добавил: — Нет, это тоже больно. Я думал, я люблю ее, но… ну, не вышло, так что ж. Ну, нашла она себе другого, что ж теперь. Но… — Он жалко дернул горлом. — Понимаете, она оставила у себя детишек.

Так. Он не просто славный человек, он, кажется, трогает мое сердце.

— А вы по ним скучаете? — спросила я с искренним сочувствием.

— Черт, с тех пор, как они родились, я только и делаю, что скучаю, — вырвалось у него, и звучало это как обвинение самому себе. — Наверно, в этом все дело. Я всегда слишком много работал. Пожалуй, нельзя винить Дорис, если она обратилась в поисках любви к другому.

Эти слова расшевелили во мне что-то, чего я в себе и не подозревала.

— Нет! — воскликнула я, сама удивляясь своей горячности. — Не так. Вы должны ее винить!

Я и Рорбека ошеломила. Он взглянул так, будто у меня на лбу вдруг выросли рога, но сказать ничего не успел. Джун Терпл влетела в комнату и увидела нас. Вернее, она только сунула нос и тут же заорала на Марка:

— Рорбек! Шевели задницей! Проверь, чтобы Ганс мог сменять фокусировку на максимальной скорости. Неизвестно, сколько данных мы упускаем!

И она понеслась дальше.

Марк послал мне странный взгляд, но пожал плечами и развел руками, показывая, что, коль начальство отдает приказ, пусть даже он уже исполнен, ему не следует сидеть спокойно и вести беседы. После чего он тоже исчез.

Я не винила его за этот странный взгляд, До сих пор я не замечала в себе склонности заводить сразу двух партнеров. Но, как видно, склонность имелась.

Хоть я и числилась боссом, отрывать сотрудников «Феникса» от работы не стоило. И без меня здесь было слишком много суеты и беготни. Чтобы не болтаться под ногами, я отправилась на собственный корабль рассматривать поступающие виды в компании Ипатии.

Она развернула проекцию чуть ли не раньше, чем я вошла, не дожидаясь просьбы, а я уселась и стала наблюдать.

Если отвлечься от мысли, что крабяне — люди, следить за их деятельностью было очень даже интересно. И на них стоило посмотреть. Я различала приметы первобытных хищников в цивилизованной — цивилизованной! — версии, которую передавала модель. Теперь у них, конечно, имелись машины, они были одеты, и если у вас нет предрассудков по поводу лишних конечностей, они выглядели довольно впечатляюще: яркие туники, шипастые поножи и шарфы, которые они наматывали на голову; украшения на них, как я догадывалась, означали ранг или чин. Конечно, может, это была просто бижутерия, но определенно большинство были одеты в ту или иную униформу. По крайней мере, большинство цивилизованных. В глубине южного континента, в районах, напоминающих дождевые леса и саванну, хватало и таких, которые выглядели явно нецивилизованными. У тех крабян не было механизмов, да и одежды маловато. Они кормились от земли и часто с беспокойством поглядывали на небо, где проплывали флотилии дирижаблей и временами жужжали маленькие бипланы.

Цивилизованные, похоже, утрачивали свою цивилизованность. Когда Ганс показывал нам крупные планы разбомбленных городов, мы видели, как потоки людей, в основном гражданского населения, как я догадывалась, выбирались из развалин, волоча какие-то узлы, держа за руки детей или с детьми на руках. Многие из них хромали, еле тащились. Некоторые набивались в фургоны или повозки вроде саней.

— Они все выглядят больными, — отметила я, и Ипатия кивнула.

— Безусловно, многие действительно больны, дорогая, — сообщила она. — Как-никак идет война. Не думай, что это только пушки и бомбы. Ты никогда не слышала о биологическом оружии?

Я уставилась на нее.

— Ты хочешь сказать, что они распространяют болезни? Как оружие?!

— Считаю это вероятным, тем более что случались прецеденты, — уведомила она, изготовившись читать лекцию. Для начала, напомнила, как первые американские колонисты в Новой Англии дарили индейцам зараженные оспой одеяла, чтобы избавиться от них… Колонисты, естественно, были христиане, и весьма богобоязненные, и пошла дальше. Я не слушала. Я рассматривала планету крабян.

Лучше они не становились. Один раз, на короткое мгновение, я увидела картину, которая меня тронула. Ее передали с

архипелага в тропической зоне планеты. Один островок очень напоминал мой остров: риф, лагуна, много пышной зелени. И он был населен крабянами-аборигенами. Но не только. Еще там были те, в форме. Они сгоняли местных на деревенскую площадь, зачем, я понятия не имела, — для мобилизации или для расстрела? — ясно только, что ничего хорошего не ожидалось. И присмотревшись, я увидела, что все растения умирают. Опять биологическое оружие, только примененное к посевам. Или дефолианты? Не знаю, но казалось, с растениями что-то сделали.

Я была сыта по горло. Не раздумывая, я приняла решение.

Я оборвала рассказ своего корабельного мозга о старом американском лагере Детрик[148].

— Ипатия, сколько у тебя свободной памяти?

Я не смотрела на нее. Она прекратила рассказ о том, как люди распространяли чуму, и немедленно отозвалась:

— Более чем достаточно, Клара.

— Хватит, чтобы загрузить все собранные данные? А может быть, и Ганса тоже?

Она приняла удивленный вид. Думаю, она и вправду удивилась.

— Данных собрано много, Клара, но… Да, я могу их принять. Если это необходимо. Что ты задумала?

— О, — сказала я, — просто возникла одна мысль. Покажи-ка мне еще раз тех беженцев.

Глава 10

Я одним глазком следила за временем, хотя запас был порядочный. Я даже позволила себе немножко отвлечься. И навестила свой остров.

Не лично, конечно. Я просто воспользовалась мониторами, осмотрела всю Раивеа и выслушала отчеты глав департаментов. Это доставляет мне почти такое же удовлетворение. Просто посмотреть на детишек, которые растут здоровыми, счастливыми и свободными, — мне от этого каждый раз становится хорошо. Или, как в данном случае, хоть немножко лучше.

Потом я прервала связь с Раивеа и перешла на «Феникс».

Ганс старательно переключал фокус каждый раз, когда поступали новые виды, и картинки теперь сменялись с такой скоростью, что никто не мог их разобрать. Это было неизбежно. Он должен был увидеть целый мир, и не так уж важно, если не получалось проделать это в реальном времени. Всю информацию сохранят, чтобы впоследствии проанализировать и интерпретировать. Кто-нибудь этим займется. Только не я. Я уже видела все, что хотела.

Как видно, насмотрелись досыта и сотрудники «Феникса». Звездомысла и Хулия Ибаррури находились в столовой, но разговор шел о Ядре, и они не обращали внимания на мелькающие картинки. Камера Билла Тарча смотрела на модель, но сам он только скучающе поглядывал в ту сторону, и рядом с ним висела полусонная Дени.

— Куда это годится, Клара? — возмутился он, едва завидев меня. — Из этого барахла не выберешь порядочного сюжета, а вся команда разошлась по постелям.

Я смотрела на Дени. Эта стервочка далее похрапывала симпатично.

— Им надо выспаться, — сказала я Биллу. — А что Терпл?

Он пожал плечами:

— Сию минут здесь был Кекушкян, искал ее. Не знаю, нашел или нет. Слушай, не продолжить ли наше интервью, чтобы мне совсем уж даром не тратить времени?

— Может быть, попозже, — лицемерно отговорилась я и отправилась в погоню за Джун Терпл.

Я услышала ее громкий и сердитый голос задолго до того, как увидела. Да, Кекушкян ее нашел, и эта парочка сцепилась, как кошка с собакой. Терпл вопила:

— Я и комариного чиха не дам за то, что тебе там, по-твоему, нужно, Олег! Мы уходим! Надо вытащить отсюда чертову

установку, пока нас не разнесло в клочья.

— Не имеешь права! — орал он в ответ. — На кой черт я вообще здесь нужен, если не увижу сверхновой?

— А остаться в живых тебе не хочется? — злобно осведомилась она. — Пока я здесь командую, все будут живы, Кекушкян! Я приказываю, и приказываю немедленно! Ганс! Проложи курс на нейтронную звезду.

На этом месте вмешалась я:

— Отменить последний приказ, Ганс. С этого момента ты выполняешь мои распоряжения. Это понятно?

— Понятно, мисс Мойнлин, — ответил его голос все так же спокойно, без тени удивления.

А вот Терпл спокойствием не отличалась. Я нашла для нее смягчающие обстоятельства: она страдала от недосыпания и от постоянного напряжения. Но на мгновение мне показалось, что она готова меня ударить.

— Что это вы вытворяете, Мойнлин? — угрожающе спросила она.

— Принимаю командование на себя, — объяснила я. — Мы здесь немного задержимся. Мне тоже хочется посмотреть, как рванет звезда.

— Правильно! — вскричал Кекушкян.

Терпл на него и не взглянула. Все ее внимание, и вовсе не дружественное, было обращено на меня.

— Вы с ума сошли? Жить надоело?!

Я мельком задумалась, действительно ли опасность так велика, однако ответила вполне рассудительно:

— Нам, разумеется, нет нужды оставаться прямо здесь и ждать, пока звезда нас поджарит. Во всяком случае — людям. Команду мы эвакуируем и будем наблюдать взрыв издали. На двух кораблях хватит места для всех. Я могу взять к себе троих или четверых, а остальных на своем такси увезет. Билл.

Она негодовала, кажется не веря своим ушам:

— Клара! Радиация будет огромной! Она уничтожит всю установку!

— Отлично, — сказала я. — Понимаю. Придется мне купить вам новую.

Она обалдело уставилась на меня.

— Купить новую… Клара, вы хоть представляете, сколько это стоит?..

Тут она оборвала фразу и послала мне долгий взгляд.

— Ну да, — сказала она, не столько смутившись, сколько успокоившись достаточно, чтобы смириться с жизненной реальностью. — Вы, надо думать, представляете. Если вы на это

готовы, что ж, вам решать.

И я, как всегда, решила.

Так что никто не оспаривал моих приказов. Я снова собрала всех в столовой и объяснила, что мы покидаем корабль. Я пригласила Терпл к себе вместе с Ибаррури и Звездомыслой.

— До Земли всего несколько дней пути, вы втроем сможете устроиться в гостевой спальне. Мэйсон-Мэнли и Кекушкян отправятся с Биллом и Дени. Им будет тесновато, но как-нибудь выдержат.

— А как же мы с Гансом? — озадаченно спросил Рорбек.

Я радушно предложила:

— О, вы устроитесь у меня. Место найдется.

Он мог бы выказать и побольше восторга перед перспективой бороздить пространство в обществе красивой и не связанной обязательствами женщины вроде меня. Он даже заинтересованности не проявил!

— Я не только о себе говорю, Клара, — хмуро напомнил он. — Речь обо мне и моем корабельном мозге. Я много вложил в Ганса и не позволю его погубить.

Меня его реакция тоже не вдохновляла, но мне нравится, когда мужчина любит свою работу.

— Не волнуйтесь, — успокоила я его. — Я уже спросила Ипатию. У нее полно свободной памяти. Мы его скопируем и возьмем с собой.

Глава 11

Я еще ни разу не видела сверхновой в реальном времени, а многие ли видели, и хотя бы она меня не разочаровала. Шоу превзошло все ожидания. Мы зависли на своих двух кораблях в нескольких миллионах километров от главного фокуса. Ганс теперь принимал распоряжения Кекушкяна, а тот совсем забросил планету крабян и сосредоточился на звезде.

Ипатия шепнула мне на ушко, что Билл Тарч на своем кораблике стонет и бесится, так ему не нравится это решение. Ему хотелось бы запечатлеть в подробностях все ужасы последней трагедии, вплоть до выражения лиц крабян при виде солнца, обрушивающегося им на головы. А мне не хотелось. Я насмотрелась на крабян, надолго хватит.

В моем салоне развернули двойной экран. Ипатия настроила корабельную оптику так, чтобы видеть зеркало и крошечный «Феникс» — в размере игрушки в одном уголке комнаты, но центральное место принадлежало звезде Краба, в том ракурсе, как она видна со станции «Феникс». Это было безопасно, по словам Ипатии. Ганс притемнил изображение, к тому же мы воспринимали только видимый спектр звезды, отсекая все остальные типы излучений, которые вот-вот собирались хлынуть из нее. И все равно звезда была громадной: два метра в поперечнике, и такой яркой, что все щурились, глядя на нее.

Я мало разбираюсь в том, как должны выглядеть звезды, но эта звезда казалась мне больной. По всей окружности топорщились протуберанцы, а поверхность пятнали уродливые пятна. Все началось внезапно. Звезда вдруг стала сжиматься, как будто Ганс включил удаление. Только он был ни при чем. Сама звезда сжималась, схлопывалась в себя, и происходило это очень быстро.

— Коллапс, — шепнула мне в ухо Ипатия.

На наших глазах звезда сжалась от двух метров до полутора, потом до метра, еще меньше…

И снова начала разбухать почти так же быстро, как сжималась, и стала гораздо ярче. Ипатия шептала:

— А это отдача. Я велела Гансу уменьшить яркость. Будет еще хуже.

И стало хуже.

Она разрасталась в величине и в яркости — и в ярости, — пока не заполнила комнату целиком, и как раз когда мне чудилось, что меня сейчас поглотит звездный ад, картина начала распадаться.

Терпл простонала:

— Вы на зеркало посмотрите!

И тогда я поняла, что происходит с изображением. Маленький игрушечный «Феникс» и зеркало попали под удар излучения сверхновой. Ни фильтров, ни предохранителей. Сама станция «Феникс» пылала в отраженном потоке слепящих лучей, сливающихся в гравитационной линзе. На моих глазах зеркало начало сворачиваться. Тонкие пластины зеркального металла стекали с него, взрываясь яркими кистями плазмы, словно фейерверк в ночь 4 июля[149]. На минуту стала видна сетчатая основа тарелки. Потом и она растворилась, оставив только раскаленный докрасна мощный скелет опор.

Я думала, представление окончено, но нет. Мгновение спустя перед нами снова возникло изображение сверхновой. Далеко не такое колоссально огромное или пугающе яркое, как раньше, но смотреть на него все еще было жутковато.

— Что?.. — начала я, но Ипатия предвосхитила мой вопрос.

— Сейчас мы видим звезду благодаря маленькой камере в центре антенны, Клара, — объяснила она. — Зеркало больше не дает увеличения. Оно разрушено. Я и за камеру немного беспокоюсь. Гравитационная линза сама по себе достаточно мощная, и камеры скорее всего не хватит… — Она замолкла, когда изображение звезды пропало окончательно, просто мигнуло и пропало, а потом договорила: — …Надолго.

Конечно, она была права.

Я глубоко вздохнула и обвела взглядом свой салон. У Терпл слезы стояли в глазах. Ибаррури и Звездомысла прижались друг к другу и ошеломленно молчали, а Марк Рорбек шептал что-то своему корабельному мозгу.

— Вот и все, — резко сказала я. — Шоу окончено.

Рорбек заговорил первым. Голос его звучал довольно бодро.

— Ганс записал все данные, — сказал он. — С ним все в порядке.

Терпл подняла руку.

— Клара, как насчет корабля? Его сильно обожгло, но тарелка выгорела довольно быстро, и корпус мог уцелеть. Если послать туда ремонтную команду…

— Хоть сейчас, — пообещала я. — Вернее, почти хоть сейчас. Сначала надо побывать дома.

Я взглянула на Рорбека. Он смотрел едва ли не весело, но веселость быстро поблекла. Поймав мой взгляд, он слегка дернул плечом.

— Куда это? — мрачно осведомился он.

Мне хотелось потрепать его по плечу, но время еще не

пришло. Я просто добродушно сказала:

— Ты ведь скучаешь по своим ребятишкам, да? Так вот, есть место, где их полным-полно. А поскольку ты там окажешься единственным взрослым мужского пола, придется тебе стать папой для всех.

Глава 12

Вспышка сверхновой все-таки не уничтожила станцию «Феникс». Зеркало, конечно, можно было списать начисто, но корабль просто немножко обварило. Джун Терпл покрутилась вокруг него, пока он остывал, а потом вернулась с остатками экипажа. Осталось их не так уж много.

Мэйсон-Мэнли, как только Дени исчезла из виду, снова добился благосклонности Джун; Кекушкян обещал вернуться через восемь лет, к настоящему взрыву, если доживет; ну и конечно, у нее остался несокрушимый Ганс, возвратившийся в собственное, изготовленное по спецзаказу железо. Остальных сотрудников ей пришлось заменить. Звездомысла отправилась в Ядро, к семье, и я оплатила — Ибаррури поездку с ней в качестве почетного гражданина-посланца.

Терпл, естественно, приглашала меня побывать на станции при нейтронной звезде. Собственно, вежливость того требовала, поскольку деньги на нее были получены из того же источника, что и раньше. Я отговорилась светским «может быть», но на самом деле не собиралась. Один раз увидеть гибель мира более чем достаточно. Шоу Билла Тарча о крабянах очень быстро вышло в эфир и принесло ему грандиозный успех, так что он легко смирился с потерей меня.

Ипатия сохранила копии всех файлов, и эти картинки долго оставались со мной на моем острове. Иногда я показывала отрывки ребятам, которых это интересовало, иногда их мамам, но большей частью прокручивала, их для себя.

Марк Рорбек тоже пожил со мной на Раивеа, но не очень долго. Вот так работает мой остров: когда мои ребятишки готовы выйти в большой мир, я их отпускаю. Так же получилось и с Рорбеком. Ему понадобилось чуть больше трех месяцев. Когда он почувствовал, что готов уйти, он поцеловал меня на прощание, и я его отпустила.

Грегори Бенфорд
Погружение

Грегори Бенфорд (р. в 1941 г.) в свое время написал для антологии «Новые легенды» («New Legends») эссе о том, как менялось соотношение между наукой, научной фантастикой и политикой с 1940-х гг. и до наших дней. Эта проблема живо интересовала его еще со студенческих лет и нашла отражение во многих произведениях писателя. Как утверждает Бенфорд, развитие науки определяет развитие фантастики. В какой-то момент фантасты сплотились, освещая тему освоения космоса, однако проблема ядерной войны разобщила их и, в частности, вызвала взаимные трения и разногласия между Азимовым и Хайнлайном, например по вопросу политической ангажированности писателя как такового.

В рассказе «Погружение» главный герой-математик и его подруга забавы ради «погружаются» в сознание шимпанзе, однако враги подкупают владельца этого своеобразного аттракциона, чтобы убить героя. Рассказ с яркой социобиологической тематикой предоставляет читателю уникальную возможность увидеть мир глазами обезьяны.

Африка встретила их густыми ароматами и сухой, колючей жарой, сулящей что-то примитивное, древнее, неведомое.

Келли настороженно окинула взглядом пейзаж, открывающийся за внушительными стенами.

— А мы тут в безопасности? Звери не нападут?

— Полагаю, нет. Стены высоки и охраняются собаками. Квазипсами, кажется, так они называются.

— Хорошо. — Она улыбнулась, и он понял, что сейчас всплывет какая-то тайна. — Я уговорила тебя приехать сюда, только чтобы ты оказался подальше от. Хельсинки.

— А мне казалось, чтобы изучать шимпанзе.

— О, это может быть полезным… или, что еще лучше, забавным, — заметила Келли со свойственной ей бесстрастностью. — Просто, если бы ты остался в Хельсинки, полагаю, сейчас ты мог бы быть уже мертв.

Он оторвался от созерцания пейзажа. Келли говорила серьезно.

Погружение.

— Думаешь, они бы?..

— Они *могли*, и этого достаточно для того, чтобы действовать, а не гадать, поступили бы они так или нет.

— Ясно. — Ему было не ясно, но он привык доверять ее мнению во всем, что не касалось его научной деятельности. — Значит, «Империал Индастри»…

— Прикончила бы тебя за то, что ты пошатнул ее положение? Конечно. Но эти люди проявили бы осторожность.

— Но дело завершено. Все улажено.

Он сделал успешные социометрические прогнозы политических и экономических тенденций Центральной Европы. Его репутация была достаточно высока, чтобы вызвать падение ряда товарных рынков. Экономика все больше и больше напоминала моду: спрос на товары широкого потребления менялся, как длина юбок.

«Империал Индастри» понесла значительные убытки — такое случается даже с транснациональными корпорациями. Они обвинили его в манипулировании рынками, хотя он — честное слово — всего лишь пытался опробовать новую модель социоистории. Его репутация в эконометрических кругах помогла раскрутке прогноза. «„Империал Индастри“, — подумал он, — ведет себя просто по-детски. Вскоре благоразумие восторжествует, иначе и быть не может».

— Ты хочешь продолжить эту работу, так? — спросила жена.

— Ну, как только я получу новые параметры…

— Вот. И тогда они снова могут понести потери. «Империал» не любит убытков.

— Ты преувеличиваешь. — Он махнул рукой, отметая тему.

Но, подумал он, отпуск ему не помешает. Пожить в суровом, не оторванном от природы мире… За годы прозябания в Хельсинки он и забыл, какой яркой может быть дикая местность. Зеленое и желтое так и бросалось в глаза — после десятков лет среди серости стали и никчемного блеска роскоши.

Здесь небо было немыслимо бездонным, не исчирканным следами пролетевших самолетов; оно всецело принадлежало птицам. Крутые утесы и гребни гор выглядели так, словно их в спешке вылепили шпателем. За стеной станции виднелось одинокое дерево, которое качалось под напором сильного ветра. Наконец особенно сильный порыв сорвал пучок листьев с его вершины и понес их, дрожащих и кувыркающихся, над угрюмой равниной, точно перья разодранной в клочья птахи. Желтые полосы на склонах выветренных столовых гор[150] ближе к лесу приобретали опаленно-оранжевый оттенок, наводящий на мысль

о ржавчине. На другой стороне лощины, там, где обитали шимпанзе, словно колыхался потрепанный ветром серый полог низких облаков. Там шел мелкий холодный дождь, и Леон задумался, каково это — ежиться под мерзкой моросью без надежды на кров и тепло. Возможно, полная предсказуемость Хельсинки была лучше, но разве не чудесно вдыхать этот остро пахнущий воздух?

Леон показал на далекий лес:

— Мы пойдем туда? — Ему нравилось новое место, хотя джунгли и выглядели зловеще. Много воды утекло с тех пор, когда он работал руками еще с отцом, на ферме.

— Только не надо сразу делать выводы.

— Я предвкушаю.

Она усмехнулась:

— У тебя всегда найдется слово подлинней моего, вне зависимости от того, что я сказала.

— Эти походы какие-то, ну… туристические.

— Конечно. Мы же туристы.

Горные вершины врезались в небо, острые, как края вскрытой консервной банки. За далекой рощей туман разбивался о серые гладкие скалы. Даже здесь, высоко на склоне внушительного хребта, Экскурсионную станцию окружали деревья с толстой скользкой корой, растущие словно из глубоких сугробов мертвых черных листьев. Воздух тут так пропитался запахом гниющей древесины, похороненной во влажных толщах, что казалось, вдыхаешь опиумные пары.

Келли, допив свой коктейль, встала:

— Идем, пора готовиться к жизни в коллективе.

Леон покорно последовал за ней и тут же понял, что совершил ошибку. Большинство тех, кто находился в помещении, разгуливали в изодранной одежде в стиле сафари. Лица гостей пылали от возбуждения или, возможно, просто от спиртного. Леон отмахнулся от официанта с подносом, уставленным бокалами с шампанским: ему не нравилось, как этот напиток притупляет сознание. Тем не менее Леон улыбнулся и попытался поддержать светский разговор.

Что оказалось совсем не просто.

— Вы откуда? О, Хельсинки! И как оно там? А мы из (вставьте нужный город) — слыхали?

— Конечно же, не слышал.

Тут жили в основном примитивисты, привлеченные возможностью получить уникальный опыт. Леону казалось, что каждое третье слово в их разговорах — «природный» или «жизненный» и произносились они как мантра.

— Какое облегчение — оказаться вне прямых линий, — заявил тощий мужчина.

— Э… в смысле? — произнес Леон, пытаясь выказать интерес.

— Ну, прямых линий в природе не существует. Их создают люди. — Мужчина вздохнул. — Как здорово освободиться от прямизны!

Леон подумал о сосновых иглах; о напластованиях метаморфических пород; о внутренней грани полумесяца; о шелковых сетях паука; о черте на изломе океанской волны; о гранях кристалла; о белых кварцевых прожилках в гранитной глыбе; о далеком горизонте за безбрежным прохладным озером; о ногах птицы; о шипах кактуса; о пикирующем стрелой соколе; о стволах молодых быстрорастущих деревьев; о полосах высоких облаков, несомых ветром; о трещинах во льду; о ровном клине перелетных птиц; о сосульках.

— Это не так, — только и ответил он.

Леон привык к лаконичным высказываниям, но его короткие фразы терялись в бурной беседе: алкоголь брал свое. Все болтали, воодушевленные перспективой погрузиться в жизнь созданий, бродящих по долине внизу. Леон, заинтригованный, слушал, не комментируя. Некоторым хотелось посмотреть на мир глазами стадных животных, кто-то мечтал об охоте, кто-то о крыльях. Они говорили так, словно пришли поучаствовать в каком-то спортивном мероприятии, а он смотрел на все это совсем иначе. И тем не менее он молчал.

Наконец они с Келли сбежали в маленький парк возле Экскурсионной станции, предназначенный для ознакомления гостей с местными условиями до того, как они отправятся в настоящие походы или погружения. Здесь находились загоны для домашних животных. Уникальные экземпляры, генетически измененные и улучшенные звери, конечно же, размещались в другом месте.

Леон остановился, разглядывая загоны, и вновь задумался о социоистории, рассматривая ее с разных точек зрения. Он никогда не препятствовал потоку своих мыслей.

Животные. Не таится ли тут ключ к разгадке? Несмотря на тысячелетние попытки, людям удалось приручить лишь некоторые виды. Чтобы стать домашними, диким зверям нужно обладать целым набором характерных черт. Многие из прирученных животных ведут стадную жизнь, повинуясь схемам инстинктивного подчинения, которые люди смогли воссоздать. Эти животные должны обладать спокойным нравом: стада, срывающиеся с места при любом необычном звуке и не терпящие

чужого вторжения, трудно удержать. Наконец, они должны размножаться в неволе. Большинство людей не стали бы ухаживать друг за другом и совокупляться под пристальными взглядами других — и большинство зверей тоже.

Итак, мы имеем овец, и коз, и коров, слегка приспособленных к условиям содержания в неволе с помощью биотехнологий, но тем не менее обыкновенных. Шимпанзе составляют исключение. Они — уникальные экспонаты этой охранной зоны, лаборатории, затерянной в глуши Центральной Африки.

К паре подошел квазипес, обнюхал их, проверяя, бормоча при этом невнятные извинения.

— Интересно, — заметил Леон, — эти примитивисты по-прежнему хотят, чтобы от диких животных их защищали домашние.

— Ну естественно. Этот парень такой большой.

— Никакой сентиментальности по поводу естественного состояния? Мы ведь всего лишь один из видов крупных млекопитающих.

— В уголки с нетронутой природой, может, и приятно заглянуть, но…

— Правильно, жить там не хочется. И все же я бы попробовал с шимпанзе.

— Что? Погружение? — Брови Келли тревожно приподнялись. Умеренно-тревожно.

— Раз уж мы здесь, почему бы и нет?

— Я не… Ладно, я подумаю.

— Говорят, можно вернуться в любой момент.

Она кивнула, прикусив губу:

— Угу.

— *Мы почувствуем себя дома* — совсем как шимпанзе.

— Ты веришь всему, что прочел в рекламном буклете?

— Я кое-что проверил. Это отлично развитая технология.

Уголки губ женщины скептически опустились.

— Ну-ну.

Теперь на нее лучше не давить. Время поработает на него.

Пес, большой и настороженный, ткнулся носом в его руку и невнятно протянул:

— Доооообрррроой нооочи, сэээрррр.

Мужчина погладил квазипса. В глазах собаки он увидел родство, мгновенное взаимопонимание, о котором не нужно думать. Для того, кто так долго проживал в его голове, это было приятным соприкосновением с действительностью.

«Важное свидетельство, — решил он. — У нас глубокие общие корни». Возможно, потому-то ему и захотелось погрузиться

в шимпанзе. Вернуться назад, увидеть то, что скрывает досадная пелена человеческого состояния.

— Да, мы действительно близкие родичи, — сказал главный специалист Рубен, высокий, загорелый, мускулистый, небрежно самоуверенный. Он был и проводником на сафари, и специалистом по погружению с биологическим образованием. Он исследовал применение техник погружения, а управлял станцией, по его шутливым словам, в основном промокнув насквозь после блужданий по джунглям. — Вселение в шимпанзе — лучшее из доступных погружений.

Леон с сомнением взглянул на эксперта. Pan troglodytes[151] обладали руками с отстоящими большими пальцами, таким же числом зубов, как и у человека, не имели хвостов, но он никогда не питал особой симпатии к этим существам, которых видел за решеткой в зоопарке.

Рубен повел рукой, охватывая ландшафт за пределами станции.

— Мы надеемся сделать их более полезными. Пока мы не пытались обучать их чему-то, выходящему за пределы исследовательских целей. Помните, предполагается, что они остаются дикими. Это входит в условия выдачи нам гранта ООН.

— Расскажите мне об исследованиях, — попросил Леон. По своему опыту он знал, что ни один ученый не упустит возможности завести свою излюбленную песню. И оказался прав.

— Итак, представьте себе: ученые взяли человеческую ДНК и ДНК шимпанзе, — начал Рубен с растущим энтузиазмом, — и разъединили двойные спирали в обеих молекулах. Скрепление человеческой и обезьяньей половинок создало гибрид.

Там, где нити дополняли друг друга, они крепко сцепились, образовав новую неполную двойную спираль. Там, где они различались, связь между нитями была слаба, прерывиста, провисали целые участки.

Затем водный раствор поместили в центрифугу, где слабые сектора разорвались. Осталось девяносто восемь и две десятых процента сцепленных генов. Шимпанзе поразительно похожи на людей. Меньше двух процентов разницы — и все же они живут в лесах и ничего не изобретают.

Обычно разница между индивидуальными ДНК людей составляет десятую долю процента. Грубо говоря, шимпанзе отличаются от людей в двадцать раз больше, чем люди друг от друга, — генетически. Но гены, как рычаги, удерживают тяжелый груз, не позволяя ему сместиться.

— Однако мы не произошли от них. Наши генетические пути

разошлись шесть миллионов лет назад.

— Они мыслят как мы? — спросил Леон.

— Лучший способ получить ответ на этот вопрос — совершить погружение, — заявил Рубен. — Самый лучший.

Он улыбнулся, и Леону пришло в голову, не получает ли Рубен комиссионные за погружения. Партии «выбрасываемого» им на рынок «товара» невелики, интересы преследуются академические — но все же это партии товара.

Рубен накопил обширную информацию о перемещениях шимпанзе, о динамике популяции, о поведении обезьян, которой может воспользоваться Леон. Этот богатый источник при поддержке математического моделирования мог бы стать благодатной почвой для создания упрощенной версии социоистории.

— Описать математически жизнь вида — одно, — сказала Келли, — но *жить* в этом *виде*…

— Да ладно тебе, — перебил жену Леон. Хоть он и знал, что вся деятельность Экскурсионной станции направлена на продажу туристам сафари и погружений, он был заинтригован. — Мне нужны перемены. Ты сама говорила: «Пора выбраться из душного старого Хельсинки».

— Это абсолютно безопасно, — мягко добавил Рубен.

Келли — сама терпимость — улыбнулась Леону:

— Ох, ну хорошо.

Утро он провел, изучая банк данных шимпанзе. Математик в нем размышлял, как представить ход развития этих приматов с точки зрения упрощенной социоистории. Шар судьбы катится вниз по растрескавшемуся склону. Как много дорог, какой выбор…

Днем они обычно прогуливались, но Келли не любила пыль и жару, да и животных они почти не видели.

— Какой уважающий себя зверь захочет, чтобы на него пялились эти разряженные примитивисты? — говорила она. Остальные все время галдели; вот животные и держались подальше.

Леону же нравилась атмосфера расслабленности, он сливался с природой, в то время как мозг его продолжал работать. Он размышлял об этом, стоя на круговой веранде, попивая бодрящий фруктовый сок и глядя на закат. Келли молча притулилась рядом. Дикая Африка сделала очевидным факт, что Земля — энергетическая воронка, думал он. На дне гравитационного колодца Земля обречена использовать едва ли десять процентов солнечного света, падающего на нее. Природа создает

органические молекулы с энергией звезд. В свою очередь, растения — жертвы животных, усваивающих лишь десятую часть запасенной травами энергии. Травоядных пожирают плотоядные, использующие десять процентов энергии чужой плоти. Так что, прикинул он, только одна стотысячная звездной энергии оседает в хищниках.

Какое расточительство! И все же нигде не существует более эффективного механизма распределения. Почему? Все без исключения хищники разумнее своих жертв, они стоят на вершине пирамиды с очень крутыми гранями. У всеядных распределение такое же. И на этом суровом ландшафте взошло человечество.

Данный факт должен иметь огромное значение в любой социоистории. Значит, шимпанзе — неотъемлемое звено в поисках древних ключей к психике человека.

— Надеюсь, погружение — это не слишком жарко и липко, — сказала вдруг Келли.

— Помни, ты будешь смотреть на мир другими глазами.

Она фыркнула:

— Ну, по крайней мере, я смогу вернуться, когда захочу, и принять хорошую горячую ванну.

— Отсеки? — возмутилась Келли. — Они больше похожи на гробы.

— В них очень удобно, мадам.

Главспец Рубен дружелюбно улыбнулся, хотя дружелюбия в нем не было ни на грош, Леон это прекрасно видел. Их разговор был товарищеским, здешний персонал относился к знаменитому доктору Маттику уважительно, но как-никак он и Келли были, по существу, всего лишь туристами, оплачивающими свою порцию примитивных забав — пусть замаскированных красивыми научными терминами, но — туристами.

— Ваши тела остаются здесь в фиксированном состоянии, все органы будут работать замедленно, но нормально, — объяснил главспец, настраивая аппаратуру. Он бегло проверил панель управления, процедуры безопасности, запасные системы.

— Выглядит довольно уютно, — проворчала Келли, завистливо следя за ловкими пальцами ученого.

— Идем же, — нетерпеливо бросил Леон. — Ты обещала, что мы сделаем это.

— Вы будете постоянно находиться в контакте с нашими системами, — заверил Рубен.

— Даже с вашей информационной базой? — спросил Леон.

— Естественно.

Команда техников проворно и деловито поместила их в стазис-камеры. Голову Леона облепили кнопками, чувствительными элементами, съемниками сигнала, магнитными датчиками, чтобы напрямую принимать мысли. Последнее слово техники.

— Готовы? Чувствуете себя хорошо? — спросил Рубен с профессиональной улыбкой.

Леон чувствовал себя не слишком хорошо (что не имело никакого отношения к здоровью) и подозревал, что частично причина тому — этот главспец. Он никогда не доверял вкрадчивым, самоуверенным людям. Что-то в этом типе тревожило его, хотя он и не смог бы объяснить, что именно. Ну да ладно; Келли, несомненно, права. Ему нужен отдых. А есть ли способ лучше, чтобы отдохнуть от себя самого?

— Да, хорошо. Да, я готов.

Технология приостановления подавила нейромышечные реакции. Клиент находился в состоянии покоя, работал лишь его мозг, подключенный в шимпанзе.

Магнитные сети опутали мозг Леона, при помощи электромагнитной индукции переплетаясь с его тканями. Они проводили сигналы по крошечным тропкам, заглушая многие мозговые функции и блокируя физиологические процессы, и все для того, чтобы параллельные цепи мозга человека и шимпанзе соединились, переключая сознание, мысль за мыслью. Затем все импульсы поступили на чипы, вживленные в мозг шимпанзе-приемника. Погружение.

Технология получила распространение во всем мире. Возможность управлять сознанием на расстоянии таила в себе массу преимуществ. Однако техника приостановления нашла собственные, довольно странные применения.

В определенных — имущих — кругах Европы женщин выдавали замуж, а затем «отключали». Их богатые мужья пробуждали жен только ради общественных или сексуальных целей. Более полувека жены кружились в урагане удивительных путешествий, друзей, вечеринок, праздников, часов страсти, при этом суммарное время их активной жизни составляло лишь несколько лет. Мужья умирали — поистине скоропостижно, на взгляд жен. Жены оставались богатыми тридцатилетними вдовушками. Такие женщины высоко ценились, и не только из-за их денег. Закаленные долгим «замужеством», они обладали уникальной искушенностью. Часто эти вдовы снова вступали в брак и, в свою очередь, «замораживали» мужей, оживляя их лишь для чисто практического «употребления».

Ко всему этому Леон относился с холодным равнодушием, к которому привык в Хельсинки. Так что он полагал, что погружение будет приятным и интересным — неплохой темой для легкого разговора на вечеринке.

Он думал, что в каком-то смысле станет *гостем* другого, простейшего разума.

И никак не ожидал, что чужое сознание поглотит его целиком.

Славный денек. Полно вкусных личинок в большой сырой колоде. Выковырять их ногтями. Свежие, толстые, хрустят.

Большой отталкивает меня. Зачерпывает целую пригоршню личинок. Чавкает. Смотрит сердито.

У меня в животе бурчит. Я прячусь и смотрю на Большого. Он поджимает губы. Я знаю, с ним лучше не связываться.

Я ухожу, присаживаюсь на корточки. Самка ищет в моей шкуре. Находит пару блох, расщелкивает их зубами.

Большой перекатывает бревно, вытряхивает последние личинки. Он сильный. Самки смотрят на него. Расселись у деревьев, болтают, скалят зубы. Раннее утро, все сонные, лежат в тени. Но Большой машет мне и Ляжке, и мы идем.

Охранять. Ходить выпрямившись, шагать гордо. Люблю. Даже лучше, чем с самкой.

Мимо бухты, вдоль ручья, туда, где пахнет копытами. Там мелко. Перебираемся на ту сторону, входим в лес, нюхаем, нюхаем и тут видим двух Чужаков.

Они нас пока не замечают. Мы двигаемся ловко, бесшумно. Большой подбирает палку, мы тоже. Ляжка втягивает носом воздух, определяя, кто эти Чужаки, и показывает на холм. Так я и думал; это Холмяне. Хуже всего. Плохо пахнут.

Холмяне топчут нашу территорию. От них одни неприятности. Мы им покажем.

Мы рассыпаемся. Большой фыркает, и они его слышат. Я уже иду, палка наготове. Я могу долго бежать, не опускаясь на все четыре. Чужаки кричат, глаза выпучили. Мы бежим быстро и нападаем на них. У них нет палок. Мы бьем их, пинаем, они хватаются за нас. Они высокие и быстрые. Большой швыряет одного на землю. Я колочу упавшего, чтобы Большой точно знал, что я с ним заодно. Дубашу сильно, да-да. Потом кидаюсь на подмогу Ляжке.

Его Чужак отнял у него палку. Я бью Чужака. Он растягивается на земле. Я молочу его, Ляжка скачет на нем, и все здорово.

Чужак пытается подняться, и я крепко пинаю его. Ляжка

хватает свой сук и бьет снова и снова, и я ему помогаю.

Чужак Большого встает и бежит. Большой отвешивает ему удар палкой по заднице, ревет и хохочет.

У меня свое умение. Особое. Я собираю камни. Я лучший метатель, даже лучше самого Большого.

Камни для Чужаков. С нашими я дерусь, но никогда не кидаю камней. А Чужаки заслужили каменюгу в морду. Люблю так расправляться с Чужаками.

Кидаю один чистый, гладкий камень и попадаю Чужаку в ногу. Он спотыкается, и другой мой булыжник с острыми краями бьет его по спине. Он бежит быстрее, и я вижу, что у него течет кровь. Капли падают в пыль.

Большой хохочет и хлопает меня по плечу, и я понимаю, что угодил ему.

Ляжка молотит своего Чужака. Большой берет мою палку и присоединяется. Запах теплой крови Чужака щекочет мои ноздри, и я прыгаю по нему, вверх-вниз. Мы развлекаемся долго. Не тревожимся, что другой Чужак вернется. Чужаки бывают храбрыми, но они понимают, когда проигрывают.

Чужак перестает дергаться. Я пинаю его еще раз.

Не шевелится. Сдох, наверное.

Мы вопим и пляшем от радости.

Леон тряхнул головой, очищая ее. Немного помогло.

— Ты был тем верзилой? — спросила Келли. — А я была самкой, сидела на дереве.

— Извини, не могу сказать.

— Это было… необычно, да?

Он сухо рассмеялся:

— Убийство всегда необычно.

— Когда ты ушел с этим, ну, вожаком…

— Мой шимпанзе думает о нем как о «Большом». Мы убили другого шимпанзе.

Они сидели в богато убранной приемной отделения погружения. Леон встал и почувствовал, как мир слегка качнулся.

— Думаю, я немного покопаюсь в истории.

Келли робко улыбнулась:

— Я… Мне, скорее, понравилось.

Леон секунду подумал, моргнул…

— И мне, — произнес он, к своему собственному удивлению.

— Но не убийство…

— Нет, конечно же нет. Но… ощущение.

Она ухмыльнулась:

— В Хельсинки такого не испытаешь, профессор.

Два дня он провел в прохладе обширной библиотеки станции, среди сухих информационных структур. Библиотека эта была хорошо оборудована и позволяла задействовать сразу несколько чувств. Он бродил по цифровым лабиринтам.

В векторных пространствах, представленных на гигантских экранах, таились результаты исследований, замаскированные объемными протоколами и покрытые коростой мер предосторожности. Конечно, все это легко взламывалось или огибалось, но многословные термины, доклады, сводки, конспекты и грубо обработанные статистические данные все же противились легкому истолкованию. Подчас некоторые грани поведения шимпанзе старательно прятались в приложениях и примечаниях, словно биологи этого уединенного аванпоста стеснялись их. Впрочем, тут было чего стесняться, особенно брачных обычаев. Как ему это использовать?

Он шел по трехмерному лабиринту и наскоро формировал идеи. Сможет ли он следовать стратегии аналогий?

У шимпанзе и людей почти все гены одинаковы, так что динамика шимпанзе должна быть упрощенной версией динамики человека. Так имеет ли он право анализировать групповое взаимодействие шимпанзе как частный случай социоистории?

На закате следующего дня они с Келли сидели, наблюдая за кроваво-красными шпилями гор, пронзающими рыжие облака. Африка казалась пиршеством безвкусицы, и ему это нравилось. И эта острая пища тоже. В животе у него забурчало в предвкушении обеда.

Обращаясь к Келли, Леон заметил:

— Весьма заманчиво использовать шимпанзе для построения своего рода игровой модели социоистории.

— Но ты сомневаешься.

— Они похожи на нас в… Только у них, ну, э…

— Похожи в низменном, плотском? — Она ухмыльнулась и поцеловала мужа. — Ох уж мой Леон-ханжа.

— Знаю, мы с ними похожи во всем непристойном, зверином. Но при этом мы гораздо умнее.

Веки ее опустились: признак вежливого сомнения.

— Они живут на всю катушку, в этом им не откажешь.

— Возможно, мы разумнее, чем это необходимо.

— Что? — удивилась она.

— Я читал об эволюции. Очевидно, человеческий мозг стал эволюционным промахом, отклонением: он обладает способностями, намного превосходящими нужды умелого охотника и собирателя. Чтобы отличаться — в лучшую сторону —

от животных, хватило бы умения разжигать огонь и создавать простейшие орудия труда. Эти таланты уже сделали бы людей царями творения, устранив давление естественного отбора, — необходимость изменяться просто отпала бы за ненадобностью. Вместо этого сам мозг открыто говорит нам о том, что изменения лишь ускорились. Серое вещество человека прибавляло в весе, наращивая новые нервные связи поверх старых. Эта масса «растекалась» по маленьким участкам, покрывала их, как новая толстая кожа.

— С учетом состояния мира, я бы сказала, что нам нужны все мозги, которые можно раздобыть, — ехидно заметила она.

— На этом уровне рождаются музыканты и инженеры, святые и ученые, — цветисто закончил Леон. Одним из наилучших качеств Келли было ее умение сидеть смирно и слушать его многословную профессорскую тягомотину, даже в отпуске. — И весь этот эволюционный отбор занял всего несколько миллионов лет.

Келли мило фыркнула:

— Взгляни на это с женской точки зрения. Он произошел, несмотря на смертельную опасность, грозящую рожающим матерям.

— Э, как это?

— Из-за огромных голов младенцев. Им так трудно выходить наружу. Мы, женщины, по-прежнему расплачиваемся за ваши мозги — и за свои тоже.

Он хмыкнул. Келли всегда умела так по-особому повернуть тему, что он видел объект обсуждения под совершенно новым углом.

— Так почему же отбор шел именно таким путем?

Келли загадочно улыбнулась:

— Возможно, мужчины, равно как и женщины, находят ум сексуальным.

— Правда?

Все та же лукавая улыбка.

— А как насчет нас?

— А как насчет звезд объемного кино? Мозг явно не их конек, дорогая.

— А помнишь животных, которых мы видели в мадридском сенсо-зоо? На выставке спаривания? Точно так же могло быть и у древних людей: мозги вроде павлиньих хвостов или лосиных рогов — выставляются напоказ, чтобы привлекать самок. Неудержимый сексуальный отбор.

— Ясно, вроде как не взять заявленного числа взяток при отличных картах. — Он хохотнул. — Значит, разум все равно что

яркий узор.

— Работает на меня. — Жена подмигнула ему.

Он смотрел, как закат окрашивается Мерцающим зловещим багрянцем, испытывая странное счастье. Полосы света пробивались меж удивительных слоистых облаков.

— Э-э… — протянула Келли.

— Да?

— Возможно, и главспецы ведут исследования для того же. Узнать, кем мы были — и, таким образом, кто мы есть.

— В интеллектуальном смысле люди совершили скачок. В социальном плане, однако, разрыв может быть меньше.

Келли отнеслась к его словам скептически:

— Ты думаешь, шимпанзе не намного отстают от нас?

— М-м. Не удивлюсь, если в логарифмической развертке мы не отличим их от нас.

— Большой скачок, значит. А понять то, что тебе нужно, можно, лишь больше общаясь с ними. — Она взглянула на мужа. — Тебе понравилось погружение, да?

— Ну да. Просто…

— Что?

— Этот главспец Рубен, он словно насильно толкает нас на новые погружения…

— Это его работа.

— …и он знает, кто я такой.

— И? — Келли развела руки и пожала плечами.

— Обычно ты подозрительна. Откуда главспецу знать о каком-то математике?

— Он нашел твое имя в справочнике. Сбор данных о гостях — стандартная процедура. В определенных кругах ты достаточно известен. В Хельсинки люди выстроились бы в очередь, чтобы увидеть тебя.

— Некоторые из них предпочли бы увидеть меня мертвым. Куда подевалась твоя вечная бдительность? — Он ухмыльнулся. — Разве не следует поддержать мою осторожность?

— Паранойя — это не осторожность.

К тому времени, как они отправились обедать, Келли уговорила его на новые погружения.

Жаркий денек на солнце. Фыркаю от пыли.

Большой идет мимо, его тут же приветствуют. Самки и самцы — все вскидывают руки.

Большой прикасается к ним, уделяет внимание каждому, дает знать, что он тут. Мир в порядке.

Я тоже тянусь к нему. Так я чувствую себя хорошо. Я хочу

быть как Большой, быть большим, быть большим, как он, быть им.

Самки для него не проблема. Он хочет одну — она идет. Спариваются тотчас же. Он Большой.

Других самцов так не уважают. Самки не желают делать с ними то же, что с Большим. Самцы помельче пыхтят, и швыряются песком, и все такое, они знают, что им не вырасти. Никогда им не стать такими, как Большой. Им это не нравится, но приходится глотать.

Я вот крупный. Меня уважают. Меньше, чем Большого, но все же.

Все парни любят самок. Ласки. Почесывание. Самки дают им это, и они дают им то же взамен.

Но самцы получают больше. После этого они не так грубы.

Я сижу, в моей шкуре ищут блох, и вдруг я чую что-то. Мне это не нравится. Я вскакиваю, кричу. Большой замечает. Он тоже принюхивается.

Чужаки. Все начинают тискаться. Сильный запах, крепкий. Много Чужаков. Ветер говорит, они близко и идут сюда.

Они бегут к нам с холма. Ищут самок, ищут неприятностей.

Я кидаюсь к своим камням. У меня всегда есть запас под рукой. Бросаю один, промахиваюсь. Они уже среди нас. Трудно попасть в них, они передвигаются слишком быстро.

Четверо Чужаков хватают двух самок. Тащат их.

Все воют, кричат. Пыль повсюду.

Я кидаю камни. Большой ведет парней на Чужаков.

Они поворачивают и бегут. Вот так вот. Хотя они получили двух самок, и это плохо.

Большой свирепеет. Толкает парней, рычит. Сейчас он выглядит не так здорово, он подпустил Чужаков.

Чужаки плохие. Мы все сидим на корточках, ласкаем друг дружку, обнимаемся, ворчим нежно.

Большой подходит, похлопывает самок по спинам. Взгромождается по очереди на одну за другой. Убеждается, что все знают: он все еще Большой.

Меня не хлопает. Знает, что лучше не пытаться. Я рычу на него, когда он приближается, он делает вид, что не слышит.

Может, он не такой уж и Большой.

На этот раз он остался. После первого кризиса, после набега шимпанзе-чужаков он долго сидел, позволяя оглаживать себя. Это действительно успокаивало его.

Его? Кто он?

На этот раз Леон полностью ощущал разум шимпанзе. Не под его разумом — если применить эволюционную метафору, — но

вокруг. Перемешанные обрывки чувств, мыслей неслись мимо, как сорванные ветром листья.

И ветер этот был *эмоциями*. Неистовые бури, завывающие, мечущиеся, бомбардировали его мысли порывами, обрушиваясь на них, точно мягкие удары молота.

Эти шимпанзе мыслили скудно, он улавливал лишь осколки смысла, точно человеческие рассуждения кто-то обрубил. Но *чувствовали* шимпанзе чрезвычайно сильно.

«Конечно, — думал он, а он мог думать, угнездившись в твердом ядре самого себя, окутанном разумом шимпанзе, — эмоции говорят обезьяне, что делать, не размышляя. Это необходимо для быстроты реакций. Мощные чувства превращают слабые намеки в императивы. Строгие приказы Матери-Эволюции».

Теперь Леон видел, что вера в то, что лишь люди обладают ментальным опытом высшего порядка в виде эмоций, — простое тщеславие. Шимпанзе во многом разделяли человеческий взгляд на мир. Теория социоистории шимпанзе может стать очень ценной.

Он осторожно отделял себя от плотного, давящего разума шимпанзе. Интересно, знает ли обезьяна о его присутствии. Да, животное знало — смутно. Но почему-то это не тревожило шимпанзе. Леон слился с его расплывчатым, грубым миром. Леон был чем-то вроде эмоции, одной из многих, что, трепеща, задерживается ненадолго и вновь уносится прочь.

Может ли он стать чем-то б**о**льшим? Леон попытался заставить шимпанзе поднять правую руку — и конечность показалась ему свинцовой. Он боролся, но безуспешно. Затем Леон понял свою ошибку. Ему не пересилить шимпанзе — только не как ядрышку в превосходящем его размерами сознании.

Он размышлял об этом, пока шимпанзе гладил самку, бережно перебирая жесткие волосы. Шерсть хорошо пахнет, воздух сладок, солнце ласкает его щедрыми теплыми лучами…

Эмоции. Шимпанзе не выполняют указаний просто потому, что они вне их. Они не способны понимать повеления, как люди. Эмоции — вот что они осознают. Он вынужден быть эмоцией, а не маленьким генералом, отдающим приказы.

Какое-то время Леон просидел, просто *будучи* этим шимпанзе. И он узнал — или, скорее, почувствовал. Стая искала блох в шерсти друг друга, самцы озирали окрестности, самки держались поближе к детенышам. Ленивое спокойствие овладело им, без усилий неся его сквозь теплые мгновения дня. Ничего подобного он не испытывал с тех пор, как был мальчишкой. Медленная, плавная легкость, словно времени вовсе не существует — есть

лишь ломти вечности.

Пребывая в этом настроении, он сумел сконцентрироваться на простейшем движении — поднять руку, почесаться — и создать желание сделать это. Его шимпанзе послушался. Чтобы это произошло, Леону пришлось *прочувствовать* весь путь к цели. Плыть перед ветром эмоций.

Уловив в воздухе сладкий аромат, Леон задумался о том, какая еда может его издавать. Шимпанзе повернулся туда, откуда дул ветер, принюхался и отверг запах как неинтересный. Теперь Леон чуял почему: фрукты действительно сладкие, да, но несъедобные для шимпанзе.

Хорошо. Он учится. И внедряется в глубины сознания шимпанзе.

Наблюдая за стаей, он решил дать имена приметным шимпанзе, чтобы различать их: Шустрый самый проворный, Шила сексуальна, Едок голоден… Но как зовут его самого? Он окрестил себя Япан. Не слишком оригинально, но как-никак это его основное видовое название: я — Pan troglodytes.

Едок нашел какой-то луковицеобразный плод, и остальные сгрудились вокруг находки. Твердый фрукт пах как недозрелый (откуда он это знал?), но его все равно съели.

А которая из них Келли? Они просили, чтобы их погрузили в одну стаю, так что одна из этих (он заставил себя подсчитать, хотя задача эта напоминала ворочание тяжеленных камней в мозгу) двадцати двух особей — она. Но как ее узнать? Он прошелся перед несколькими самками, которые с помощью острых камней срезали листья с веток. Самки связывали лианы так, чтобы можно было переносить еду.

Леон вгляделся в их «лица». Умеренный интерес, несколько рук, протянутых для поглаживания, приглашение к ласке. Ни искорки узнавания в глазах.

Он присмотрелся к крупной самке, Шиле, тщательно моющей облепленный песком плод в ручье. Стая последовала ее примеру: Шила была своего рода лидером, как бы заместителем Большого среди самок.

Он поела с удовольствием, огляделась. Рядом рос какой-то злак, перезрелый, коричневатые зерна уже валялись на земле. Сосредоточившись, Леон по слабому букету ароматов понял, что это редкое лакомство. Несколько шимпанзе принялись выбирать зернышки из песка. Работали медленно. Шила занялась тем же и вдруг остановилась, уставившись на воду. Время шло, гудели насекомые. Наконец она зачерпнула пригоршню песка с зернами, подошла к краю ручья и швырнула свою добычу в воду. Песок утонул, зерна всплыли. Она сгребла их и проглотила, широко

ухмыляясь.

Впечатляющий трюк. Прочие шимпанзе не переняли ее метод очистки зерен. Мытье фруктов концептуально проще, предположил Леон, поскольку плод все время остается у шимпанзе. Очистка зерен же требует сперва бросить еду, а потом спасти ее — этот интеллектуальный скачок потруднее будет.

Он подумал о ней, и в ответ Япан лениво направился к самке. Он заглянул в глаза Шилы — и она подмигнула ему. Келли! Он обвил ее волосатыми руками в порыве горячей любви.

— Чистая звериная любовь, — сказала Келли за обедом, — Освежает.

Леон кивнул:

— Мне понравилось быть там, жить так.

— Я столько всего *чуяла*.

— У фруктов совсем другой вкус, когда в них вгрызаешься. — Он взял пурпурную грушу, порезал ее, вилкой отправил кусочек в рот. — Для меня она почти невыносимо сладкая. Для Япана — приятная, немного островатая. Полагаю, пристрастие шимпанзе к сладкому неслучайно. Так они быстрее получают калории.

— Более совершенного отпуска я и представить не могу. Это тебе не просто выбраться из дому — ты выбираешься из своей оболочки, из своего вида.

Леон посмотрел на грушу.

— И они так, так…

— Сексуально озабочены?

— Ненасытны.

— Ты вроде был не против.

— Мой шимпанзе, Япан? Я освободился, как только им овладело желание «поиметь их всех».

Жена взглянула на него:

— Правда?

— А ты разве нет?

— Да, но я не ожидала, что мужчина поведет себя как женщина.

— Неужто? — заметил он сухо.

— Пока ты тратил время на динамику социализации шимпанзе, я читала материалы из исследовательской библиотеки главспецов. Женщины посвящают себя своим детям. Мужчины придерживаются двух стратегий: первая — родительский долг и вторая — «козел в огороде». — Она приподняла бровь. — Обе весьма распространены, а значит, обе прошли эволюционный отбор.

— Я — исключение.

К его удивлению, Келли рассмеялась.

— Я говорю так, вообще. Мое мнение таково: шимпанзе куда более неразборчивы, чем мы. Самцы заправляют всем. Они помогают самкам, воспитывающим их детей, но при этом все время присматривают подходящий товар на стороне.

Леон переключился на профессиональный тон; так он чувствовал себя гораздо увереннее, обсуждая подобные темы.

— Как говорят специалисты, обезьяны придерживаются смешанной репродуктивной стратегии.

— Как изящно.

— Изящество плюс точность.

Конечно, он не мог быть на сто процентов уверен, что Келли вышла из Шилы, когда самец подошел оприходовать ее по-быстрому. (Они всегда делают это по-быстрому — секунд за тридцать или даже меньше.) Могла ли она успеть покинуть мозг шимпанзе так стремительно? Ему самому потребовалось несколько мгновений, чтобы выбраться. Естественно, если она увидела приближающегося самца, догадалась о его намерениях…

Леон удивился самому себе. Какую роль играет ревность, когда они вселяются в другие тела? Имеет ли здесь смысл обычный моральный кодекс? И все же обсуждать такое с женой как-то… неловко.

Он так и остался «деревенщиной», нравится ему это или нет.

Леон уныло сосредоточился на жарком из «филе местного скитальца», как гласило меню, оказавшемся темным, землистого цвета мясом в подливе из пикантных овощей. Он жевал с воодушевлением и в ответ на вполне очевидное ошеломленное молчание Келли произнес:

— Смею предположить, шимпанзе тоже известна коммерция. Пища за секс, предательство вожака за секс, спасение ребенка за секс, поиск блох за секс, почти все, что угодно, за секс.

— Видимо, такова их бытовая валюта. Коротко, просто, и определенно никакого удовольствия. Туда-сюда, быстренько, острые ощущения, потом бум — и все.

Он кивнул.

— Самцам это нужно, а самки этим пользуются.

— М-м, все ты замечаешь.

— Если я собираюсь рассматривать поведение шимпанзе как своего рода упрощенную модель поведения людей, иначе нельзя.

— Шимпанзе как модель? — раздался уверенный голос главспеца Рубена. — Едва ли они образцовые граждане, если вы это имеете в виду. — Он одарил пару лучезарной улыбкой, за которой явно скрывалось не только непременное для этого места дружелюбие.

Леон механически улыбнулся в ответ.

— Я пытаюсь отыскать переменные, описывающие поведение шимпанзе.

— Тогда вам следует проводить с ними много времени, — сказал Рубен, садясь за их стол и поднимая палец, подзывая официанта с выпивкой. — Они загадочные создания.

— Согласна, — отозвалась Келли. — А вы часто погружаетесь?

— Ну, сейчас наши исследования ведутся по-другому. — Уголки губ Рубена скорбно опустились. — Стратегические модели и все такое. Я внес идею туризма: использовать уже отработанную технику погружения, чтобы добывать деньги для проекта. Иначе нам пришлось бы закрыться.

— Счастлив внести свой вклад, — сухо вставил Леон.

— Признайся, тебе это нравится, — улыбнулась Келли.

— Ну да. Это… иначе.

— Степенному профессору Маттику полезно выбираться из своей раковины.

Рубен сиял.

— Вы уж не слишком рискуйте, оказавшись там. Некоторые наши клиенты воображают себя супершимпанзе или кем-то в этом роде.

Глаза Келли сверкнули.

— А в чем состоит опасность? Наши тела тут, заторможены…

— Вы крепко связаны, — пояснил Рубен. — Сильный стресс, пережитый шимпанзе, может вызвать ответный стресс вашей собственной нервной системы.

— Какого рода стресс? — поинтересовался Леон.

— Смерть, серьезная травма.

— В таком случае, — обратилась Келли к Леону, — я думаю, что тебе не стоит погружаться.

Леон ощутил раздражение.

— Перестань! Я в отпуске, а не в тюрьме.

— Любая угроза тебе…

— Всего минуту назад ты упорно твердила, как мне это полезно.

— Ты слишком важен для…

— На самом деле риск весьма незначителен, — мягко заверил Рубен. — Обычно шимпанзе не умирают внезапно.

— И я всегда смогу выйти, если замечу приближение опасности, — добавил Леон.

— А ты это сделаешь? Мне кажется, ты входишь во вкус приключений.

Она была права, но Леон не собирался признавать это. Ему

захотелось сбежать от однообразной математической рутины — и точка.

— Мне нравится находиться вне бесконечных коридоров Хельсинки.

Рубен уверенно улыбнулся Келли:

— К тому же мы пока не теряли туристов.

— А как насчет персонала? — парировала она.

— Ну, это был исключительный случай…

— Что произошло?

— Шимпанзе упал со скалы. Женщина-оператор не успела освободиться и осталась парализованной. Шок от пережитой в погружении смерти может оказаться фатальным. Но сейчас наши сети снабжены надежными предохранителями…

— Что еще? — напирала она.

— Что ж, имел место еще один неприятный эпизод. В первые дни, когда у нас был простой проволочный забор. — Главспец неуютно поежился. — Сюда пробрались хищники.

— Какие именно хищники?

— Стая квазиприматов-охотников, Carnopapio grandis. Мы называем их рабуинами, они были выведены в ходе генетических экспериментов двадцать лет назад. Они унаследовали ДНК бабуинов…

— Так как они проникли на территорию? — настаивала Келли.

— Они представляют собой что-то вроде диких свиней, с копытами, которыми можно копать. Однако они плотоядные. Рабуины почуяли дичь — наших животных в загонах. И вырыли проход под изгородью.

Келли взглянула на высокие бетонные стены.

— А эта ограда надежна?

— Безусловно. Не забывайте, рабуины — плод генетического эксперимента. Кто-то попытался создать хищника, передвигающегося на двух ногах.

— Эволюционное шулерство, — сухо заметила Келли.

Рубен не уловил напряжения в ее голосе.

— Как и большинство двуногих хищников, они обладают укороченными передними конечностями и выступающей вперед головой, а равновесие удерживают при помощи толстого хвоста, которым также подают знаки друг другу. Они охотятся на самых крупных травоядных, гигантелоп, — результат еще одного эксперимента — и питаются только сочным, богатым белком мясом.

— Зачем тогда охотиться на людей? — спросила женщина.

— Они могут напасть случайно, даже на шимпанзе.

Проникнув на территорию станции, они искали взрослых, не детей — очень выборочная стратегия.

Келли передернуло.

— Вы смотрите на это весьма… отстраненно.

— Я биолог.

— Я даже не подозревал, что это может быть так интересно, — сказал Леон, чтобы развеять мрачные предчувствия жены.

Рубен снова просиял:

— Но не так захватывающе, как высшая математика, уверен.

Губы Келли скептически скривились.

— Вы не возражаете, если гости приносят с собой оружие?

В голове Леона забрезжила идея насчет шимпанзе — способ использовать их поведение при построении простой игровой модели социоистории. Можно привлечь статистику передвижений стай, результаты исследований реакции обезьян на резкие изменения окружающей обстановки.

Он обсудил это с Келли, и она кивнула, но под внешним согласием таилось беспокойство. После слов Рубена женщина стала постоянно выражать недовольство степенью безопасности. Леон напомнил ей, что это она раньше настаивала на том, чтобы он совершал больше погружений.

— Мы в отпуске, помнишь? — не раз повторял он.

Ее косые взгляды дали ему понять, что жена не купилась на его рассказы об игровой модели. Она считала, что ему просто нравится резвиться среди деревьев.

— В душе ты так и остался деревенским мальчишкой, — хмыкала она.

Так что на следующее утро он пропустил запланированный поход к стадам гигантелоп. Он отправился прямиком к отсекам погружения и скользнул в своего шимпанзе. «Чтобы выполнить кое-какую важную работу», — сказал он себе.

Шимпанзе спят на деревьях и б**о**льшую часть времени проводят в вычесывании друг друга. Удачливый «парикмахер» добывает себе угощение — клеща или вошь. В больших количествах эти насекомые пьянят — в них содержится какой-то едкий алкалоид. Леон подозревал, что осторожное распутывание его шерсти (этим занималась Келли) — действие жизненно необходимое, поскольку так поддерживается гигиена шимпанзе. А еще оно определенно успокаивало Япана.

И вдруг его озарило: шимпанзе оглаживают друг дружку вместо «разговоров». Они издают звуки только в кризисных

ситуациях и в возбужденном состоянии: в основном это возгласы, связанные с совокуплением, едой или самозащитой. Обезьяны как люди, не способные облегчить душу в беседе.

А облегчение им необходимо. Суть их общественной жизни напоминает человеческое сообщество в условиях стресса: под гнетом тирании, в тюрьмах, в уличных бандах. Несмотря на зубы и когти, они поразительно похожи на людей в стесненных обстоятельствах.

Но наблюдается здесь и «цивилизованное» поведение. Дружба, скорбь, участие, товарищество тех, кто вместе охотится и охраняет территорию. Их старики морщинисты, лысы, беззубы, и все же о них заботятся.

Их инстинктивное знание поразительно. Они в курсе, как соорудить постель из листьев высоко на дереве, когда опускаются сумерки. Они умеют карабкаться, цепляясь не только руками, но и ногами. Они чувствуют, плачут, печалятся — не способные к анализу своих горестей, не в силах выразить их словами, что помогло бы справиться с эмоциями, смягчить их. Вместо этого эмоции преследуют их.

Сильнее всего голод. Шимпанзе находят и едят листья, плоды, насекомых, даже довольно крупных животных. Они любят гусениц.

Каждый миг, каждое открытие погружало Леона глубже в Япана. Он начал ощущать малейшие колебания и крены разума шимпанзе. Медленно, но верно человек обретал контроль над животным.

Этим утром самка нашла большое дерево и начала колотить по нему. Пустой ствол бухал, как барабан, и вся группа принялась дружно стучать, дико ухмыляясь производимому шуму. Япан присоединился к ним, и Леон почувствовал, как омыла его волна радости — он пропитался ею.

Позже, после сильного ливня, они подошли к водопаду, повисли на лианах и закачались между деревьями — над бурлящей пенящейся водой, визжа от радости, кувыркаясь и прыгая с лианы на лиану. Точно малыши на новой детской площадке. Леон заставлял Япана делать немыслимые развороты, безумные кульбиты и нырки, самозабвенно толкал его вперед — к восхищению остальных шимпанзе.

Порой шимпанзе овладевали упрямство, раздражительность и жестокость — все это ярко проявлялось в спаривании с доступными самками, в составлении вечной иерархии подчинения и особенно в охоте.

Успешная охота породила чудовищное возбуждение — объятия, поцелуи, шлепки. Когда стая спустилась покормиться,

лес наполнился кашлем, визгом, гиканьем и фырканьем. Леон присоединился к суматохе, распевая и пританцовывая с Шилой-Келли.

В некоторых вопросах ему пришлось сдерживать свои чувства. Крыс они ели, начиная с головы. Черепа добычи покрупнее раскалывали о камни. Сперва пожирался мозг, дымящийся деликатес. Леон сглотнул — метафорически, но Япан невольно отозвался на импульс — и продолжил наблюдать, подавляя неприязнь. Как-никак Япану нужно питаться.

При запахе хищников он ощутил, как шерсть Япана поднялась дыбом. Еще один острый аромат — и рот Япана наполнился слюной. Нельзя щадить пищу, даже если она все еще бегает. Вот вам эволюция в действии: те шимпанзе, которые выказали жалость в прошлом, ели меньше и оставили меньше потомства. И где они теперь?

Несмотря на всю невоздержанность шимпанзе, Леон находил их поведение до боли знакомым. Самцы часто дерутся, швыряют камни, участвуют в кровавых забавах, выстраивая свою иерархию. Самки «рукодельничают» и создают альянсы. Здесь торгуют благосклонностью и преданностью, здесь формируются союзы, здесь сильны родственные связи, здесь ведутся войны за территорию, здесь известны угрозы и показуха, жажда «уважения», интриги субординации, месть — таким обществом наслаждались многие люди, которых история называет «великими». В сущности, очень похоже на королевский двор. Далеко ли людям до того, чтобы сорвать одежды и условности и запрыгать, как шимпанзе?

Леон ощутил вспышку отвращения настолько сильного, что Япан вздрогнул и забеспокоился. Человечество должно отличаться от этого примитивного ужаса.

Он, естественно, сможет использовать все это в качестве испытательного стенда своей теории. Нужно учиться у наших ближайших генетических соседей. Тогда человеческий род узнает себя и люди станут сами себе хозяевами. Он выстроит императивы на основе поведения шимпанзе, но продвинется гораздо дальше — к истинной, глубокой социоистории.

— Я тебя не понимаю, — сказала за обедом Келли.

— Но они так похожи на нас! — Леон опустил ложку. — Мы — талантливые шимпанзе. Какое ценное знание! Мы, возможно, сумеем научить их работать на нас, делать что-то по хозяйству, например.

— Не хотелось бы мне, чтобы они перевернули вверх дном мой дом.

Взрослый человек весит немногим меньше шимпанзе, но человек гораздо слабее. Шимпанзе может поднять в пять раз больше сильного мужчины в хорошей физической форме. А масса человеческого мозга в три-четыре раза превышает массу мозга шимпанзе. У младенца пары месяцев от роду мозг уже крупнее, чем у взрослого шимпанзе. Кроме того, у людей иная структура мозга.

Но все ли это? Дайте шимпанзе мозг побольше, дайте им речь, снизьте уровень тестостерона, нагрузите их комплексами и запретами, наведите лоск с помощью бритвы и ножниц, научите твердо стоять на ногах — и получите роскошную модель шимпанзе, который будет выглядеть и вести себя совсем как человек. Такой запросто пройдет в толпе, не привлекая к себе внимания.

— Видишь ли, я считаю, что они достаточно близки к нам, чтобы заработала модель социоистории, — резко бросил Леон.

— Чтобы заставить всех в это поверить, тебе придется доказать, что их ума хватает на сложные взаимоотношения.

— А как насчет добывания пищи, охоты? — упорствовал он.

— Рубен говорит, шимпанзе не удалось выдрессировать даже для работы на этой Экскурсионной станции.

— Я покажу тебе, что я имею в виду. Овладеем их методами вместе.

— Какими методами?

— В первую очередь основным: добыть еду — столько, чтобы насытиться.

Келли откусила кусочек сочного бифштекса из какого-то местного травоядного, соответствующим образом обработанного и «приготовленного так, чтобы удовлетворить самый привередливый городской вкус», как рекламировало меню. Жуя с необычной для нее свирепостью, Келли посмотрела на мужа:

— Идет. Все, что может шимпанзе, я могу не хуже.

Келли помахала ему рукой Шилы. Начинаем соревнование.

Стая искала корм. Леон позволил Япану бродить просто так, не пытаясь натягивать поводья и волновать эмоциональную зыбь, плещущуюся в мозгу шимпанзе. При внезапном звуке или запахе Леон мог потерять контроль, а вести туповатый разум шимпанзе сквозь что-то сложное — все равно что управлять марионеткой резиновыми нитями.

Шила-Келли опять помахала, давая знак: сюда.

Они разработали код из нескольких сотен слов, передаваемых с помощью пальцев и гримас, и их шимпанзе, кажется, неплохо справлялись с таким «разговором». Обезьяны пользуются

примитивным языком, он состоит из смеси фырканий, пожатия плечами и шевеления пальцами. Жесты эти имеют непосредственное значение, но не являются высказываниями в обычном смысле. В большинстве своем они основываются на ассоциациях.

Дерево, плод, идем, — передала Келли.

Они направили своих шимпанзе к многообещающим зарослям тонких деревьев, но кора их оказалась слишком гладкой, чтобы можно было по ним взобраться.

Остальную стаю эти деревья не заинтересовали. «Они обладают знанием леса, которого не хватает нам», — подумал Леон, приуныв.

Что там? — прожестикулировал он Шиле-Келли.

Шимпанзе подходили к каким-то холмикам, быстро оглядывали их, тянули руки и отгребали немного грязи, открывая крошечные туннели.

Термиты, — показала Келли.

Пока шимпанзе — никто из них не торопился — ковырялись в термитниках, Леон анализировал ситуацию. Шила подмигнула ему и вперевалочку направилась к дальнему холмику.

Очевидно, термиты выходили на поверхность по ночам, а на рассвете замуровывали входы. Леон позволил своему шимпанзе обнюхать большую желтовато-коричневую кучу, но теперь он настолько овладел разумом Япана, что реакции самого шимпанзе ослабли. Леон-Япан искал щели, бугорки, незаметные впадинки, и все же, когда он отбросил в сторону комок грязи, за ним ничего не оказалось. Другие шимпанзе быстро обнаруживали замаскированные проходы. Неужели они способны запомнить расположение ста или больше туннелей в каждом термитнике?

Наконец он открыл один. Помощи от Япана Леон так и не дождался. Человек мог взять контроль на себя, но это перекрывало родники глубинного знания обезьяны.

Прочие шимпанзе ловко орудовали сорванными прутиками или травинками, растущими около их холмиков. Леон тщательно повторял их действия, но у него ничего не получалось. Первые веточки оказались слишком гибкими, и, когда он пытался протолкнуть их в извилистый туннель, они гнулись и сминались. Он разыскал прутики пожестче, но они или упирались в стенки туннеля, или ломались. Япан по-прежнему ничем не помогал. Слишком уж хорошо Леон обуздал его.

Замешательство охватило человека. Даже молодые шимпанзе без труда выбирали нужные стебли и палочки. Леон заметил, как его сосед выронил свой прутик, и, когда этот шимпанзе отошел, поднял его. Он ощущал колышущуюся в Япане тупую тревогу,

смешанную с разочарованием и голодом. Ученый буквально *испытывал* желание шимпанзе насладиться вкусными, сочными термитами.

Леон приступил к работе, дергая Япана за эмоциональные нити. Дело пошло еще хуже. До него доходили смутные мысли примата, но сейчас Леон управлял мышцами. Это было серьезной ошибкой.

Он довольно быстро уяснил, что прутик следует засунуть внутрь сантиметров на десять, поворачивая кисть так, чтобы направлять его вниз по извилистому проходу. Потом нужно тихонько пошевелить палочкой. Опыт Япана подсказывал ему, что это привлечет термитов, заставит их вцепиться в ветку.

Сперва он держал прут слишком долго, и, когда вытащил его, половина палочки исчезла. Термиты просто отгрызли ее. Так что пришлось искать другую ветку. В животе Япана неистово урчало от промедления.

Остальные шимпанзе уже насытились, а Леон еще даже не попробовал лакомства. Нюансы охоты раздражали его.

То он выдергивал палочку слишком быстро, то не мог повернуть ее так, чтобы преодолеть повороты туннеля. Снова и снова совал он прутик в термитник, только чтобы обнаружить, что лишь давит сочных термитов, размазывая их по стенкам. Их укусы расщепляли его палочки так, что приходилось искать другие. Термиты пообедали лучше, чем он.

Наконец он освоил прием — скользящий поворот кисти, изящное извлечение прилипших к прутику термитов. Япан жадно слизал их. Леону понравилось ощущение, проникающее к нему через вкусовые сосочки шимпанзе.

Впрочем, добычи было немного. Стая, наклонив головы, с любопытством наблюдала за его скудным «урожаем», и он почувствовал себя оскорбленным.

«А, пошло оно все к черту», — подумал он.

Леон заставил Япана повернуться и пойти к лесу. Япан противился, едва волочил ноги. Леон отыскал толстый сук, отломил дубинку себе по росту и вернулся к термитнику.

Больше никакой возни со стебельками. Он от души треснул по холмику. Еще пять ударов — и в термитнике образовалась огромная дыра. Спасающихся бегством термитов он сгребал горстями.

«Вот вам и все хитрости!» — хотелось ему закричать. Он попытался накорябать на песке записку для жены, но дело оказалось слишком трудным: внезапно ставшие неуклюжими руки отказывались выводить буквы. Шимпанзе способны справиться с палкой, чтобы выкапывать червей и личинки, но

талант марать бумагу — или что там есть под рукой — в них еще не развился. Леон сдался.

Появилась Шила-Келли, гордо неся тростинку, облепленную белобрюхими термитами — излюбленным лакомством шимпанзе-гурманов.

Я лучше, — сделала она знак.

Он пожал плечами Япана и показал:

Я добыл больше.

Получилось — ничья.

Позже Келли сообщила ему, что в стае он теперь известен как Большая Палка. Имя это безмерно польстило ему.

За обедом Леон чувствовал себя воодушевленным, но уставшим и был не в настроении беседовать. Пребывание в шимпанзе словно подавило его речевой центр. Потребовалось некоторое усилие, чтобы спросить главспеца Рубена о технологии погружения. Обычно он относился к чудесам техники как к чему-то обыденному, но понимать шимпанзе означает понимать, как ты проникаешь в них. И воспринимают ли они тебя?

— Аппаратура погружения помещает вас в извилину в задней части головного мозга шимпанзе, — . объяснил Рубен за десертом. — Для краткости будем называть ее просто «извилиной». Это мозговой центр передачи эмоций и воплощения их в действие.

— Мозговой? — переспросила Келли. — А как же наш мозг?

Рубен пожал плечами:

— Общая планировка такая же. Но мозг шимпанзе меньше.

Леон подался вперед, не обращая внимания на дымящуюся чашку кофе.

— Эта извилина, она не дает прямого контроля над моторикой?

— Нет, мы пробовали, но это слишком дезориентирует шимпанзе. Когда вы освобождаетесь, обезьяна долго не может прийти в себя.

— Значит, мы тоньше организованы, — заметила Келли.

— Волей-неволей. У самцов шимпанзе в нейронах, ответственных за действия и агрессию, всегда горит сигнальная лампочка…

— Потому-то они и больше склонны к насилию? — спросила она.

— Мы думаем, да. В нашем мозгу тоже имеются аналогичные структуры.

— Правда? Мужские нейроны? — усомнилась Келли.

— У мужчин уровень активности лимбических систем[152]

выше, и располагаются они глубже в мозгу — эти структуры эволюционно древнее.

— Так почему бы не отправить меня сразу на этот уровень? — поинтересовался Леон.

— Мы помещаем чипы погружения именно в эту извилину головного мозга, потому что можем «дотянуться» до нее сверху, хирургически. Лимбическая система гораздо глубже, в нее невозможно вживить чип и сеть.

Келли нахмурилась.

— Значит, самцов шимпанзе…

— Труднее контролировать. Образно говоря, профессор Маттик управляет своим шимпанзе с заднего сиденья.

— В то время как Келли руководит своей самкой из «диспетчерской», которая у женщин рядышком? — Леон уставился в пространство. — Я в невыгодном положении!

Келли усмехнулась:

— Придется тебе играть теми картами, которые сданы.

— Это нечестно.

— Большая Палка, биология — это судьба.

Стая набрела на гниющие фрукты. Шимпанзе охватило лихорадочное возбуждение.

Запах был отвратительным и соблазнительным одновременно, сперва Леон даже не понял почему. Шимпанзе кинулись к перезревшим «грушам» болезненно-сине-зеленого цвета, принялись протыкать и сдирать кожуру, высасывать сок.

Леон с опаской попробовал один плод. Удар последовал мгновенно. Теплое ощущение счастья разгорелось в нем. Ну конечно, фруктовые эфирные масла превратились в алкоголь! Шимпанзе вполне сознательно предались пьянству.

Он «позволил» своему шимпанзе напиваться. К тому же выбора у него просто не было.

Япан ворчал и махал руками, стоило только Леону попытаться отвести его от сочащихся плодов. А чуть погодя Леону и самому уже не хотелось уходить. Он полностью отдался доброй крепкой выпивке. Беспокоиться он будет потом, бултыхаясь в своем шимпанзе, и… Это же вполне естественно, не так ли?

Потом появилась стая рабуинов, и он потерял контроль над Япаном.

Они приближаются быстро. Бегут на двух ногах, без шума. Хвосты подергиваются, они разговаривают друг с другом.

Пятеро сворачивают влево. Они отрезают Эсу.

Большой грозит им. Ляжка бежит к ближайшему, и тот

пыряет его рогом.

Я швыряю камни. Попадаю в одного. Он визжит и пятится. Но остальные продолжают бежать вперед. Я кидаю снова, и они идут — и пыль и вой — и хватают Эсу. Царапают ее когтями. Лягают острыми копытами.

Трое тащат ее прочь.

Наши самки убегают, перепуганные. Мы, воины, остаемся.

Мы деремся с ними. Верещим, кидаем камни, кусаем их, когда они близко. Но до Эсы не добраться.

Потом они уходят. Быстро бегут на двух ногах с копытами. Победно вертят хвостами. Дразнят нас.

Нам плохо. Эса старая, мы любили ее.

Самки возвращаются, им страшно. Мы ласкаем друг друга и знаем, — что двуногие где-то пожирают Эсу.

Большой подходит, пытается похлопать меня. Я рычу.

Он Большой! Он должен был остановить врагов.

Глаза его выкатываются, он бьет меня. Я бью его. Он бьет меня. Мы катаемся в пыли. Кусаемся, воем. Большой сильный, сильный, он колотит меня головой о землю.

Остальные воины смотрят на нас, не присоединяются.

Он бьет меня. Мне больно. Я удираю.

Большой успокаивает воинов. Самки подходят, выражают уважение Большому. Касаются его, гладят так, как ему нравится. Он взгроможда́ется на трех по очереди очень быстро. Он чувствует, что он Большой.

Я зализываю раны. Шила подходит приласкать меня. Скоро мне уже лучше. Забываю об Эсе.

Но не забываю, как Большой побил меня. Перед всеми. Мне больно, а Большого вычесывают.

Он позволил им прийти и забрать Эсу. Он Большой, он должен был остановить их.

Однажды я одолею его. Уложу на спину.

Однажды я стану Большим.

— Когда ты освободился? — спросила Келли.

— После того, как Большой перестал метелить меня… э… Япана.

Они отдыхали под ослепительным солнцем у бассейна. Пьянящие лесные запахи, казалось, пробуждали в Леоне тягу к тому, чтобы вновь очутиться там, в долинах пыли и крови. Он вздрогнул и глубоко вздохнул. Драка была такой увлекательной, что ему не хотелось уходить, несмотря на боль. Погружение гипнотизировало.

— Я знаю, что ты чувствуешь, — сказала жена. — Так легко

полностью отождествить себя с ними. Я покинула Шилу, когда эти рабуины приблизились. Жуткие твари.

— Зачем вообще было создавать их?

— Рубен сказал, что планировалось на них охотиться, для развлечения — ну как же, нечто новое, бросающее вызов.

— *Охотиться?* Бизнес готов эксплуатировать любой атавистический примитивизм для… — Он едва не начал читать маленькую лекцию о том, как далеко зашло человечество, но вдруг осознал, что больше не верит в это. — Мда.

— Ты всегда говорил, что люди — разумные животные. Никакая социоистория не будет работать, если не примет в расчет нашу звериную сущность.

— Боюсь, наши худшие грехи полностью принадлежат нам самим. — Леон не ожидал, что пережитое в погружении настолько потрясет его. Такой опыт отрезвлял.

— Вовсе нет. — Келли одарила его надменным взглядом. — Я тут почитала кое-какую внутреннюю информацию станции. Геноцид встречается и у волков, и у шимпанзе. Убийство широко распространено. Уткам и орангутангам известно изнасилование. Даже *муравьи* устраивают войны и набеги за рабами. Рубен говорит, у шимпанзе не меньше шансов быть убитыми, чем у людей. Из всех священных признаков — речи, искусства, техники и прочего — от зверей-предков мы, бесспорно, унаследовали именно геноцид.

— Ты многому научилась от Рубена.

— Неплохой способ следить за ним.

— Лучше подозревать, чем потом сожалеть?

— Конечно, — ласково сказала она. — Не дадим Африке размягчить наши мозги.

— Ну, к счастью, даже если согласиться с утверждением, что мы — супершимпанзе, в человеческом обществе общение размывает отличия между Нами и Ими.

— И?

— Это притупляет глубинный импульс к геноциду.

Она снова рассмеялась, на этот раз к его вящей досаде.

— Ты недопонимаешь историю. Малые группы все еще убивают друг друга с огромным удовольствием. Что в Боснии, что во время правления Омара Пронзателя…[153]

— Согласен, мелкие трагедии дюжин существуют. Но в масштабе, с которым работает социоистория, усредняя многомиллионное население…

— Почему ты считаешь, что статистика может тебя защитить? — многозначительно поинтересовалась она.

— Ну… без дальнейших исследований мне нечего сказать.

Она улыбнулась.

— В кои-то веки.

— Пока у меня не будет настоящей, работающей теории.

— Той, которая предусмотрит широко распространенный геноцид?

Теперь он понял ее точку зрения.

— Ты говоришь, мне на самом деле необходима эта часть «звериной природы» человека?

— Боюсь, что так. В термине «цивилизованный человек» уже заключено противоречие. Интриги, козни, Шила ворует мясо для своих детенышей, Япан хочет одолеть Большого — все это происходит и во вполне приличном обществе. Люди просто лучше маскируются.

— Не понимаю.

— Люди пользуются своим разумом, чтобы скрывать мотивы. Возьмем, к примеру, главспеца Рубена. Недавно он рассуждал о твоих работах по «теории истории».

— И что?

— Кто ему сказал, что ты этим занимаешься?

— Не думаю, что я… А, ты считаешь, он выясняет, кто мы такие?

— Уже выяснил.

— Мы же здесь просто туристы.

Она наградила мужа загадочной улыбкой.

— Как же я люблю твой вечно наивный взгляд на мир.

Леон так и не понял, были слова жены комплиментом или нет.

Рубен пригласил Леона опробовать новое развлечение в спортзале станции, и Леон согласился. Развлечение оказалось продвинутой версией фехтования с привлечением левитации, создаваемой электростатическими подъемниками. По сравнению со стремительно нападающим Рубеном Леон действовал медленно и неловко. Его неуклюжему телу было ой как далеко до уверенности и грации Япана.

Рубен всегда начинал с традиционной стойки: одна нога впереди, конец меча с контактным датчиком описывает в воздухе маленькие круги. Иногда Леон пробивался сквозь защиту Рубена, но чаще тратил всю энергию подъемника на ускользание от противника. Он не получал от фехтования такого удовольствия, как главспец. Сухой африканский воздух, казалось, отнимал у него силы, в то время как Япан наслаждался им.

Леон по кускам и крохам узнавал что-то о шимпанзе от Рубена, а еще — прочесывая обширную библиотеку станции. Главспец отчего-то нервничал, когда Леон исследовал массивы данных, словно Рубен был их владельцем, а любой читатель — вором. Или, по крайней мере, Леон предполагал, что источник его беспокойства именно в этом.

Он никогда не задумывался всерьез о животных, хотя вырос на ферме, среди них. И все же он пришел к ощущению, что и их нужно понять.

Ловя свое отражение в зеркале, собака видит другую собаку. Как и кошка, как рыба, как птица. Проходит время, и животные привыкают к безобидному изображению, безмолвному, не имеющему запаха, но они не смотрят на него как на себя.

Ребенок разбирается что к чему где-то в два года.

Шимпанзе требуется несколько дней, чтобы догадаться, что они видят именно себя. Затем они начинают бесстыдно прихорашиваться перед зеркалом, изучать свои спины и обычно пытаются что-то изменить в себе, даже пристраивают на затылки листья, как шляпы, и смеются, глядя на результат.

Так что они могут что-то, на что не способны другие животные — взглянуть на себя со стороны.

Они безыскусно живут в мире, наполненном отзвуками и воспоминаниями. Их иерархия подчинения — застывшая запись прошлого насилия. Они помнят термитники, деревья-барабаны, места, где в воде много губок и где зреет зерно.

Все это снабжало «сырьем» игровую модель, которую Леон начал строить по своим заметкам, — модель социоистории шимпанзе. В нее входили их действия, соперничество, схемы питания, спаривания и смерти. Территория, ресурсы и борьба за них. Леон отыскал способ разложения уравнений биологического бремени дурных поступков. Даже худших из них, вроде наслаждения пытками или истребления других наций ради кратковременной прибыли. Все это есть и у шимпанзе. Совсем как в сегодняшних газетах.

Вечером, на танцах, он наблюдал за толпой свежим взглядом.

Флирт — ритуал перед соитием. Он видел это в искрящихся

глазах, в ритмах танца. Теплый ветерок из долины нес запахи пыли, гниения, жизни. Животное нетерпение колыхалось в комнате.

Ему нравилось танцевать, и Келли сегодня была сексапильной партнершей. И все же мозг его безостановочно просеивал, анализировал, разлагал на части устройство мира.

Невербальные шаблоны, которыми пользуются люди для привлечения и сближения, очевидно, унаследованы от млекопитающих, как и говорила Келли. Он думал об этом, следя за людьми в баре.

Вот женщина пересекает переполненную комнату, бедра покачиваются, взгляд на миг останавливается на подходящем мужчине и тут же жеманно отводится, когда женщина замечает его интерес. Стандартный начальный ход: «Обрати на меня внимание».

Ход второй: «Я безопасна». Рука кладется ладонью вверх на стол или колено. Пожимание плечами, происходящее от древнего позвоночного рефлекса, показывающего беспомощность. В сочетании с наклоном головы, открывающим уязвимую шею. Таков, по-видимому, обычный первый разговор двух людей, которых тянет друг к другу, — разговор совершенно бессознательный.

Эти движения и жесты рождаются на подкорковом слое, возникают в болоте первобытных схем, и дожили они до нашего времени, потому что работают.

Неужели подобные силы могущественнее в сотворении истории, чем торговые балансы, союзы, конвенции? Он смотрел на своих сородичей и пытался увидеть их глазами шимпанзе.

Хотя женщины созревают раньше, они не «обзаводятся» жесткими волосами на теле, выступающими надбровными дугами, низкими голосами и шершавой кожей. Тем, что появляется у мужчин. Женщины повсюду стремятся выглядеть молодыми. Те, кто создает косметику, честно признают свою основную роль: «Мы не продаем продукт; мы продаем надежду».

Соревнование за спаривание идет непрерывно. Самцы шимпанзе иногда становятся в очередь к самке в период течки. У них огромные яички, показывающие, что репродуктивное преимущество принадлежит тем самцам, которые производят достаточно семени, чтобы низвести претензии конкурентов. У мужчин яички пропорционально меньше.

Но в одном важном вопросе люди мстят животным. Среди всех приматов у них самые большие пенисы.

Приматы разделились на виды много миллионов лет назад. Если взять за основу сравнения ДНК, шимпанзе отстают от людей

на шесть миллионов лет. Леон сказал Келли, что лишь четыре процента млекопитающих моногамны — они образуют прочные пары. У приматов пропорция выше, но не намного. Птицы, к примеру, значительно опережают их.

Келли фыркнула:

— Не забивай себе голову этой биологией.

— О нет, я ее туда не впущу.

— Ты хочешь сказать, ее место ниже?

— Мадам, не вам судить об этом.

— Ох уж этот твой прямолинейный юмор.

Позже вечером, с ней, он получил роскошную возможность осознать, что хотя быть человеком не всегда приятно, быть млекопитающим — огромное удовольствие.

Последний день они провели, погрузившись в своих шимпанзе, греясь на солнышке возле бурного ручья. Завтра рано утром их заберет самолет: Хельсинки ждет. Они собрали вещи, легли в капсулы погружения и нырнули в последнее забытье. Солнце, сладкий воздух, истома…

Так было до тех пор, пока Большой не вознамерился взгромоздиться на Шилу.

Леон-Япан сел, в голове его туманилось. Шила визжала на Большого. Она колотила его.

Большой и раньше спаривался с Шилой. Келли освобождалась, разум женщины возвращался в ее тело в капсуле.

Сейчас что-то шло не так. Япан вскочил и заторопился к Шиле, швыряющей галькой в Большого.

Что? — спросил он знаком.

Она быстро взмахнула руками, показывая:

Не ушла.

Она не смогла освободиться. В капсуле что-то сломалось. Он должен вернуться сам, сообщить…

Леон сделал мысленный прыжок, который обычно выводил его.

Ничего не произошло.

Он попытался снова. Шила пятилась от Большого, кидаясь в него песком и камнями. Ничего.

Времени на раздумья нет. Он шагнул между Шилой и Большим.

Крупный шимпанзе нахмурился. Япан, дружище Япан встал на его пути. Мешает ему взять самку. Большой, казалось, забыл о вчерашней драке.

Сперва Леон попытался взреветь, закатив выпученные глаза. Большой затряс руками, сжав кулаки.

Леон заставил своего шимпанзе стоять неподвижно. Для этого потребовались все успокаивающие Импульсы, какие он только смог создать.

Большой занес кулак, словно дубинку.

Япан пригнулся. Большой промахнулся.

Леон с трудом контролировал Япана, которому хотелось убежать. Пласты страха вспучивались в мозгу шимпанзе, раскаленно-желтые в иссиня-черных глубинах.

Большой рванулся вперед. Леон почувствовал толчок, острую боль в груди. Япан опрокинулся на спину. Сильно ударился.

Большой взвыл, торжествуя победу. Вскинул руки к небу.

Сейчас он шлепнется всей своей массой на нахала. Усядется на него. Снова поколотит.

Внезапно Леон ощутил глубокую, звериную ненависть.

Сквозь это кровавое кипение он почувствовал, что его власть над Япаном окрепла. Он вел обоих, вместе с шимпанзе и из шимпанзе, чувствуя багряный страх животного и подавляя его железным гневом. Ярость Япана подпитывала ярость Леона. Они слились воедино, они вдвоем возводили здание злости.

Пусть Леон и не принадлежал к этому виду приматов, но он *знал* Япана. Никто из них не собирался позволять опять побить себя. И Шилу-Келли Большой не получит.

Он откатился в сторону. Большой бухнулся на то место, где только что лежал Япан.

Япан вскочил и лягнул Большого. Сильно, по ребрам. Раз, другой. Потом в голову.

Уханье, вопли, песок, галька — Шила все еще бомбардировала их обоих. Япан задрожал от бурлящей в нем энергии и отступил.

Большой затряс запыленной головой. Затем кувыркнулся и с легкостью встал на ноги — тело преисполнено мускулистой грации, лицо — съежившаяся маска. Глаза шимпанзе расширились, показались белые с красными прожилками белки.

Япан дернулся, чтобы кинуться наутек. Лишь ярость Леона удержала его на месте.

Но силы пришли в статическое равновесие. Япан заморгал, а Большой, шаркая, с опаской двинулся вперед. Осторожность крупного шимпанзе была, конечно, вызвана ущербом, причиненным ему Япаном.

«Мне нужна помощь», — подумал Леон, оглядываясь. Он может позвать на подмогу. Вон Ляжка нервно переминается неподалеку.

Но что-то сказало Леону, что эта стратегия приведет к поражению. Ляжка все еще подручный Большого. Шила слишком

мала, чтобы создать ощутимый перевес. Он взглянул на других шимпанзе, возбужденно верещащих, и решился. Япан подобрал булыжник.

Большой удивленно хрюкнул. Шимпанзе не используют камни друг против друга. Камни — только для мерзких чужаков-посягателей. Нарушался общественный кодекс.

Большой взвыл, махнул остальным, топнул, рассерженно фукнул. И ринулся в атаку.

Леон метнул камень. Мощно. Он ударил Большого в грудь, сбил с ног.

Большой, рассвирепевший еще сильнее, быстро вскочил. Япан попятился, отчаянно желая убежать. Леон почувствовал, что контроль ускользает, — и увидел еще один голыш. Подходящего размера, в двух шагах сзади. Он позволил Япану повернуться, затем остановил его и заставил взглянуть на камень. Япану не хотелось брать булыжник. Его обуревала паника.

Леон перелил свой гнев в шимпанзе, вынудив длинные руки опуститься. Гибкие пальцы стиснули камень, повертели его, подняли. Чистая ярость развернула Япана лицом к Большому, бросившемуся за ним. Для Леона рука Япана поднялась мучительно медленно. Он подался вперед для броска. Камень попал Большому в лицо.

Большой пошатнулся. Кровь заливала ему глаза. Япан уловил ее железистый запах, сливающийся с острым ароматом злости.

Трясущийся Япан, повинуясь Леону, наклонился. Рядом валялось несколько острых камней, которыми самки счищали листья с веток. Он взял один, со щербатым краем.

Большой мотал головой, оглушенный.

Япан взглянул на серьезные, застывшие лица стаи. Никто из них не бросал камни в своих, а тем более в Большого. Камни для Чужаков.

Пауза затягивалась. Шимпанзе точно оцепенели, Большой ворчал и недоверчиво глазел на кровь, капающую ему на ладонь.

Япан шагнул вперед и занес зазубренный камень, острой гранью наружу. Какое-никакое грубое, но режущее лезвие.

Раздувая ноздри, Большой двинулся на Япана. Камень Япана рассек воздух, чуть-чуть разминувшись с челюстью Большого.

Глаза Большого расширились. Он заухал, зафыркал, швырнул горсть песка, взвыл. Япан просто стоял, сжимая камень, не отступая ни на шаг. Еще какое-то время Большой продолжал демонстрацию своей ярости, но не нападал.

Стая следила за происходящим с живым интересом. Шила подошла и встала рядом с Япаном. Это было против правил — самки не принимали участия в ритуалах самцов, в их драках за

первенство.

Ее поступок стал сигналом, что противоборство завершено. Но Ляжка не принял это во внимание. Он внезапно взвыл, затопал и подскочил к Япану.

Леон удивился. С Ляжкой, возможно, он мог бы противостоять Большому. Он был не настолько глуп, чтобы считать, что одна ничья утихомирит Большого. Будут другие вызовы, и ему придется драться. Ляжка станет полезным союзником.

Вдруг он осознал, что мыслит медленно, пользуясь притуплённой логикой самого Япана. Он допустил, что гонка за положение в стае шимпанзе — величайшая цель в его жизни.

Это открытие ошеломило его. Он знал, что проникает в разум Япана, берет на себя контроль над некоторыми функциями — снизу вверх, просачиваясь из глубоко похороненной в мозгу извилины размером с грецкий орех. Ему не приходило в голову, что и шимпанзе вольется в него. Неужели они настолько сплелись друг с другом — в сеть, растворяющую разум и сущность?

Ляжка стоял рядом с ним: горящие глаза уставились на других шимпанзе, грудь бурно вздымается. Япан чувствовал себя точно так же, охваченный безумием момента. И Леон понял, что должен что-то сделать, разорвать этот круг господства и подчинения, правящий Япаном на глубинном, неврологическом уровне.

Он повернулся к Шиле.

Можешь выбраться?

Нет. Нет.

Ее лицо — лицо ее шимпанзе — тревожно сморщилось.

Уходим.

Он показал на деревья, на нее, на себя.

Он развела руки — жест беспомощности.

Это взбесило его. Ему надо столько сказать жене, а приходится втискивать смысл в пару сотен имеющихся у них знаков. Он пронзительно заверещал, тщетно пытаясь заставить губы и нёбо шимпанзе сформировать слова.

Бесполезно. Он уже пробовал сделать это, от скуки, но сейчас ему как никогда хотелось заговорить, а не получалось. И не могло получиться. Эволюция параллельно лепила мозг и голосовые связки. Шимпанзе вычесывают друг друга, люди беседуют.

Он оглянулся и понял, что совершенно забыл об установлении статуса. Большой злобно пялился на него. Ляжка стоял на страже, смущенный внезапной потерей интереса своего нового вожака к конфронтации и его жестами, обращенными к какой-то там самке.

Леон выпрямился, насколько смог, и взмахнул камнем. Это произвело желаемый эффект. Большой немного попятился, а остальная стая придвинулась. Леон принудил Япана дерзко шагнуть вперед. На этот раз действие не потребовало больших усилий, поскольку теперь Япан сам наслаждался ситуацией.

Большой отступил. Самки обогнули Большого и двинулись к Япану.

«Если бы я только мог оставить его развлекаться с самками», — подумал Леон.

Он снова попытался освободиться. Безрезультатно. Механизм возвращения на Экскурсионную станцию не срабатывал. И что-то подсказывало ему, что никто не собирается чинить оборудование.

Он протянул острый камень Ляжке. Шимпанзе, кажется, удивился, но взял обломок. Леон надеялся, что символизм жеста дойдет до приматов, поскольку он не мог позволить себе тратить время на обезьяньи расшаркивания. Ляжка взвесил в руке камень и посмотрел на Япана. А потом закричал — с переливами, мощно, голосом, полным радости и торжества.

Леон был только рад, что Ляжка отвлек стаю. Он взял Шилу за руку и повел ее к деревьям. Никто не пошел за ними.

Он испытывал облегчение. Если бы кто-то из шимпанзе последовал по пятам за парой, это подтвердило бы его подозрения. Рубен мог следить за ними.

И все же, напомнил он себе, отсутствие доказательств — это не доказательство отсутствия.

Люди появились быстро, с лязгом и грохотом.

Они с Шилой уже провели в чаще какое-то время. По настоянию Леона они держались подальше от стаи. Япан и Шила выказывали нарастающую тревогу из-за того, что их отделили от сородичей. Зубы Япана стучали, взгляд метался по сторонам при каждом подозрительном шорохе. Это было естественно — ведь одинокие шимпанзе особенно уязвимы.

И высадка людей его отнюдь не успокоила.

Опасность, — просигналил Леон, приложив сложенную чашечкой ладонь к уху, как бы указывая на шум садящихся неподалеку флаеров.

Куда идем? — знаком спросила Шила.

Туда.

Она ожесточенно тряхнула головой:

Останемся здесь. Они заберут нас.

Да, заберут, но не в том смысле, который подразумевает она. Леон пресек возражения, коротко мотнув головой.

Опасность!

Они никогда не собирались выражать знаками сложные мысли, и теперь, не в силах высказать свои подозрения, он чувствовал себя закупоренной бутылкой.

Леон сделал жест — точно полоснул ножом по горлу. Шила нахмурилась.

Наклонившись, он заставил Япана подобрать палку. На мягком суглинке Леон кое-как написал:

АГЕНТЫ «ИМПЕРИАЛ». ХОТЯТ НАС УБИТЬ.

Шила выглядела ошарашенной. Келли, вероятно, полагала, что невозможность освободиться — временная неполадка. Но для простого машинного сбоя длилось это слишком долго. Шумная, бесцеремонная посадка-вторжение людей подтвердила дурные предчувствия Леона. Ни одна обычная группа не стала бы так тревожить животных. И никто не стал бы искать их в джунглях. Достаточно было просто отрегулировать погружающую аппаратуру, если проблема в ней.

ОНИ ДЕРЖАТ НАС ТУТ, УБЬЮТ, СВАЛЯТ НА ЗВЕРЕЙ.

У него были аргументы, подтверждающие эти догадки, медленно выкристаллизовавшиеся из скопления мелких деталей поведения Рубена. Им позволят умереть от «несчастного случая» при погружении в шимпанзе, и причина их гибели покажется всем достаточно убедительной — расследования не будет.

Люди продолжали шуметь. Их было так много, что жена поверила Леону. Глаза Шилы сузились, широкие брови сошлись к переносице.

Куда? — спросила Келли.

У него не нашлось знака для столь абстрактного понятия, так что он нацарапал палкой:

ПРОЧЬ.

Действительно, плана у него не было.

Я ПРОВЕРЮ, — вывела Келли в грязи и направилась в ту сторону, где шумели, рассыпаясь по лощине, люди. На шимпанзе гудение и грохот действовали весьма раздражающе. Леон не собирался выпускать Шилу-Келли из виду. Он пошел за ней. Она махнула ему, предлагая остаться, но он покачал головой и пристроился сзади. Келли сдалась и позволила следовать за собой.

Они держались кустов, пока не увидели внизу прилетевшую группу. В нескольких сотнях метров от них формировалась стрелковая цепь. Люди окружали территорию стаи. Леон прищурился. Зрение шимпанзе плохо приспособлено для дали. Люди когда-то были охотниками, это доказывали их глаза.

Он отвлеченно подумал о том, что почти всем к сорока годам нужны очки. Либо цивилизация плохо воздействует на зрение,

любо доисторические люди не доживали до возраста, когда возникают подобные проблемы, мешающие добывать дичь. В любом случае итог печален.

Два шимпанзе наблюдали за перекликающимися людьми, и среди них Леон увидел Рубена. Что ж, это все подтверждает. А также то, что у каждого прилетевшего мужчины, у каждой женщины было оружие.

Под поверхностным страхом он ощутил нечто сильное, темное.

Япан дрожал, глядя на людей, странное благоговение набухало в его сознании. Люди издалека казались невероятно высокими, они двигались так величаво, так изящно покачиваясь.

Леон плыл на гребне прилива эмоций, сражаясь с его мощным эффектом. Почтение к этим далеким высоким фигурам исходило из туманного прошлого шимпанзе.

Это удивило его, но потом он понял причину. Животных воспитывают и учат взрослые, которые умнее и сильнее их. Большинство видов, как и шимпанзе, эволюция вынудила разработать иерархию подчинения. Благоговение — фактор приспособления.

Когда шимпанзе встретили величественных людей с их непомерным могуществом, способных распределять награды и наказания — в буквальном смысле жизнь и смерть, — в них всколыхнулось нечто вроде религиозного пыла. Смутного, нечеткого, но сильного.

По верху теплых тропических эмоций дрейфовало чувство удовлетворения просто оттого, что ты есть. Его шимпанзе был счастлив быть шимпанзе, даже видя создание, явно превосходящее его по силе и уму.

Какая ирония, подумал Леон. Япан только что опроверг еще один предположительно отличительный признак человека: особенность поздравлять себя с тем, что ты единственное животное, способное поздравлять себя.

Он встряхнулся, выдергивая себя из рассеянности. Как это по-человечески — погружаться в размышления даже в момент смертельной опасности.

НЕ ИЩУТ НАС ПРИБОРАМИ, — накорябал Леон на песке.

МОЖЕТ МАЛАЯ ДАЛЬНОСТЬ, — написала в ответ Келли.

РУБЕН ИСПОРТИЛ СВЯЗЬ, — вывел он.

Она прикусила губу, кивнула.

Идем. Мы идем, — дал он знак.

Шила снова кивнула, и они крадучись поспешили прочь. Япану не хотелось уходить от людей, перед которыми он преклонялся, и он волочил ноги.

Они воспользовались способом «патрулирования» шимпанзе. Леон и Келли уступили власть над телами приматам, обладающими опытом бесшумного передвижения. Чуть только люди остались позади, шимпанзе стали еще осторожнее. Врагов у обезьян немного, но слабый запах хотя бы одного хищника может в любой момент изменить их восприятие окружающей действительности.

Япан взбирался на высокие деревья и сидел там часами, озирая открытое пространство впереди, прежде чем двинуться дальше. Он примечал все детали: падающие капли, еле заметные следы, согнутые ветки.

Они спустились по длинному склону и снова оказались в лесу. Леон лишь мельком просмотрел яркую большую карту местности, которую вручали всем гостям, и почти ничего не помнил. Один раз он узнал далекий клювообразный пик и начал ориентироваться по нему. Келли заметила ручеек, впадающий в большую реку, и это тоже помогло им, и все же они пока не знали, где находится Экскурсионная станция. И далеко ли она.

Туда? — Леон показал на далекий хребет.

Нет. Туда, — возразила Келли.

Далеко. Нет.

Почему?

Хуже всего было то, что они утратили речь. Он не мог пояснить, что техника погружения лучше всего работает на короткой дистанции, в радиусе около ста километров. И что персоналу станции имеет смысл держать своих шимпанзе там, куда легко долетит флаер. Ведь Рубен и остальные довольно быстро добрались до стаи.

Надо. — Он настаивал.

Нет. — Она показала вниз, в сторону долины. — *Может, там.*

Оставалось лишь надеяться, что Келли уловит общую идею. Знаков не хватало, и Леон начал раздражаться всерьез. Чувства шимпанзе сильны, но сами они так ограниченны.

Япан выразил это, швыряя ветки и камни, колотя по стволам. Не помогло. Потребность в речи была вроде тяжкого бремени, которое Леон не мог сбросить, и Келли тоже ощущала это. Шила неудовлетворенно гукала и фыркала.

Под своим разумом он различал тлеющее присутствие Япана. Они никогда еще не были вместе так долго, и крайняя необходимость решения вскипала между двумя покосившимися системами разума. Их нелегкий союз становился все напряженнее.

Сиди. Спокойно.

Она послушалась. Он приставил ладонь к уху.

Плохие?

Нет. Слушай. — Леон раздосадованно ткнул пальцем в Шилу. На лице шимпанзе было написано лишь тупое непонимание. Он нацарапал в грязи:

УЧИСЬ У ШИМПАНЗЕ.

Шила разинула рот и кивнула.

Они сидели на корточках под прикрытием густых кустов и вслушивались в звуки леса. Шорохи и шепотки стали отчетливее, когда Леон ослабил хватку, стискивающую сознание Япана. Пылинки плясали в косых солнечных лучах, пронзающих зеленый полог ярко-желтыми копьями. От земли струились запахи: химические посланцы говорили Япану о потенциальной пище, о мягкой листве, на которой так приятно отдохнуть, о коре, которую можно жевать. Леон осторожно приподнял голову Япана, чтобы тот посмотрел через лощину на скалы… задумался… и ощутил слабые резонансные колебания.

Для Япана родная лощина обладала значением, которое не выразишь словами. Его стая «пропитала» лощину эмоциями, связанными с пропастью, в которую упал их товарищ, с местом, где они нашли много вкусных плодов, и другим местом, где встретили и победили двух больших кошек. Замысловатый ландшафт наполняли чувства — таков механизм памяти шимпанзе.

Леон легонько подтолкнул Япана к мыслям о том, что находится за хребтом, и ощутил в ответ расплывчатую тревогу. Он внедрился в ядро этого беспокойства, и в сознании Япана вспыхнула картинка, обрамленная страхом. Массивный прямоугольник на фоне серого неба. Экскурсионная станция.

Там. — Он показал Келли.

Япан обладал простыми, сильными, тревожными воспоминаниями об этом месте. Его стаю забрали туда, вживили приматам импланты, позволяющие людям проникать в шимпанзе, а потом доставили обратно на их территорию.

Далеко, — знаком ответила Келли.

Идем?

Тяжело. Медленно.

Здесь нельзя. Поймают.

Келли выглядела настолько скептически настроенной, насколько только может выглядеть шимпанзе.

Драться?

Она имела в виду драться с Рубеном тут? Или драться, когда они доберутся до Экскурсионной станции?

Не тут. Там.

Келли нахмурилась, но согласилась. У Леона не было плана, он лишь понимал, что Рубен готов к встрече с шимпанзе здесь и может не ждать их на станции. Тогда элемент неожиданности будет на их с Келли стороне. Но как вступить в бой, он понятия не имел.

Они посмотрели друг на друга, словно пытаясь уловить в чужом лице родные черты. Шила погладила мочку уха Япана — Келли так любила этот успокаивающий жест. Действительно, его пробрала дрожь. Но Леон мог сказать так мало… Этот миг еще больше подчеркнул безнадежность их положения.

Рубен явно пытается уничтожить Леона и Келли, убив Япана и Шилу. Что же станет с их настоящими телами? Стресс от пережитой в погружении смерти, как известно, фатален. Их тела погибнут от неврологического шока, даже не приходя в сознание.

Он увидел слезу, побежавшую по щеке Шилы. Она тоже понимала, что дело плохо. Леон обнял ее, поднял на руки, глядя на далекие горы, и удивился, ощутив, что слезы текут и из его глаз.

Он не принял во внимание реку. Люди, животные — эти проблемы он принял во внимание. Они спустились к бурлящей воде там, где лес прикрывал их, а поток расширялся — отличное место для переправы.

Но веселую реку, с журчащим хихиканьем несущую пену по лощине, переплыть было невозможно.

Или, скорее, невозможно для Япана. Леон уговаривал своего шимпанзе идти дальше, осторожно останавливаясь, когда мышцы примата дрожали или когда он пускал под себя струю от страха. Келли испытывала те же трудности, и это замедляло их движение. Ночь они провели высоко на ветвях, и это успокоило их обоих, но теперь, в полдень, все симптомы стресса вернулись, как только Япан опустил одну ногу в воду. Какое холодное, быстрое течение.

Япан заплясал на узкой полоске берега, визжа от ужаса.

Идем? — спросила Келли-Шила.

Леон утихомирил своего шимпанзе, и они предприняли новую попытку. Шила не выказала сильной тревоги. Леон распечатал вязкие глубины памяти Япана и отыскал источник страдания: смутное воспоминание о том, как шимпанзе чуть не утонул в младенчестве. Когда Шила попробовала помочь ему, Япан дернулся и снова отскочил от воды.

Идем! — Шила помахала длинными руками по течению и против течения и сердито затрясла головой.

Леон догадался, что у ее шимпанзе нет скверных воспоминаний, связанных с переправой через реку, и что она знает: лучше места им не найти. Он пожал плечами, поднял руки ладонями вверх.

Рядом паслось большое стадо гигантелоп; некоторые переплывали реку в поисках травы посочнее. Они закидывали свои крупные головы, словно насмехаясь над шимпанзе. Река была неглубокой, но Япану она казалась непреодолимой стеной. Скованный ужасом своего шимпанзе, Леон кипел от злости, но не мог ничего поделать.

Шила бродила по берегу. Она раздраженно фукнула и вдруг, прищурившись, посмотрела на небо. Голова ее удивленно дернулась. Леон проследил за ее взглядом. В лощину, по направлению к ним, пикировал флаер.

Япан обогнал Шилу, бросившись под прикрытие деревьев, но не намного. К счастью, стадо гигантелоп отвлекло пилота. Шимпанзе скрывались в кустах, пока флаер, нарезая круги в поисках беглецов, гудел в вышине. Леону пришлось подавлять нарастающий страх Япана, рисуя ему сцены спокойствия, мира и еды, пока они с Шилой оглаживали друг дружку.

Наконец флаер улетел. Теперь придется как можно реже появляться на открытых лугах.

Они принялись искать фрукты. Разум Леона отчаянно пытался найти выход, подавленность овладела им. Его легко поймали в ловушку, он стал пешкой в политической игре. Хуже того, Келли попала в беду вместе с ним. Он не был человеком действия. «И даже не шимпанзе действия», — уныло подумал Леон.

Когда Япан принес несколько гроздей перезрелых плодов в их укрытие — в нависающие над рекой кусты, — до него донесся какой-то треск. Он пригнулся и двинулся вверх по холму, огибая источник шума. Шила отламывала ветки с деревьев. Завидев его, она нетерпеливо помахала рукой: обычный жест шимпанзе, так похожий на человеческий.

На земле она разложила дюжину толстых сучьев. Шила подошла к ближайшему стройному деревцу и принялась срывать с него длинные полосы коры. Звук заставил Япана поежиться. Этот необычный шум может привлечь хищников. Он оглядел лес: нет ли чего опасного?

Шила подскочила к Япану и отвесила ему оплеуху. А потом написала на земле палкой:

ПЛОТ.

Леон почувствовал себя очень глупо, когда до него дошло. Ну конечно. Неужели погружение в шимпанзе притупило его разум?

Или со временем эффект усиливается? Даже если он выберется отсюда, останется ли он тем, кем был?

Много вопросов, и нет ответов. Он заставил себя забыть о них и приступил к работе.

Шимпанзе связали сучья корой, грубо, но прочно. Нашли два упавших дерева и закрепили их на краю плота на манер киля.

Я, — показала Шила и продемонстрировала, как тянет плот.

Сперва «разминка». Япану понравилось сидеть на плоту в кустах. Очевидно, шимпанзе пока не осознавал цели постройки плота. Япан растянулся на палубе и уставился на деревья, шелестящие листвой на теплом ветру.

После очередного сеанса обоюдного поглаживания и вычесывания блох они отнесли неуклюжее сооружение к реке. В небе порхали птицы, но флаеров видно не было.

Они спешили. Япан недоверчиво отнесся к тому, чтобы ступить на плот, наполовину погруженный в воду, но Леон призвал воспоминания, наполненные теплыми ощущениями, и это успокоило оглушительно колотящееся в груди шимпанзе сердце.

Япан с опаской сел на ветки. Шила отчалила.

Она толкала сильно, но река стремительно несла их вниз по течению. Япана охватила тревога.

Леон заставил Япана закрыть глаза. Это замедлило дыхание шимпанзе, но беспокойство металось в его сознании, как огненные зигзаги молний перед грозой. Покачивание плота немного помогало, вынуждая Япана сосредоточиться на скручивающей желудок тошноте. Один раз глаза его распахнулись, когда в плот врезалась плывущая колода, но от головокружительного вида плещущейся повсюду вокруг воды он тут же снова крепко зажмурился.

Леону хотелось помочь Шиле, но спотыкающийся стук сердца Япана говорил ему о том, что шимпанзе близок к панике. Он даже не видел, что она делает. Леон вынужден был слепо сидеть и чувствовать, как она толкает плот вперед.

Шила шумно дышала, борясь с рекой, пытаясь вести их суденышко по прямой. Япана обдало брызгами. Он дернулся, взвизгнул, суетливо завозил руками и ногами, словно собираясь бежать.

Внезапно плот накренился. Кряхтение Шилы сменил булькающий звук, и Леон ощутил, как течение крутит плот. Какое тошнотворное верчение…

Япан неуклюже встал на ноги и резко открыл глаза.

Бурлящая вода, шатающийся плот. Он посмотрел вниз — сучья расползались. Паника овладела им. Леон попытался

призвать успокаивающие образы, но их мгновенно унес ветер страха.

Шила старалась догнать плот, но он набирал скорость. Леон устремил взгляд Япана к дальнему берегу — вот и все, что он успел сделать до того, как шимпанзе принялся выть и скакать по плоту в поисках устойчивого места.

Бесполезно. Сучья вырвались из связки, и холодная вода хлынула на палубу. Япан закричал. Он прыгнул, упал, покатился, снова взвился.

Леон отказался от всякой мысли взять контроль на себя. Единственная надежда сейчас — поймать нужный момент. Плот раскололся точно посредине, и его половину сносило влево. Япан шарахнулся от края, и Леон поддержал его в этом, вынудив шимпанзе сделать еще шаг. Два прыжка — и шимпанзе слетел с плота, оказавшись в воде, ближе к тому берегу, на который они переправлялись.

Япан барахтался, обуянный слепой паникой. Леон позволил ему бить руками и ногами, помогая каждому движению. Он умел плавать, а Япан — нет.

Япан продолжал колотить по воде всеми четырьмя конечностями, и это помогало ему большую часть времени держать голову над водой. Он даже немного продвинулся вперед. Леон сконцентрировался на конвульсивных движениях шимпанзе, не обращая внимания на холодную воду, — и тут подоспела Шила.

Она схватила его за загривок и пихнула к берегу. Япан попытался уцепиться за нее, вскарабкаться на нее. Шила ударила его в челюсть. Он задохнулся. Шила потащила самца на сушу.

Япан был оглушен. Это дало Леону возможность ритмично двигать его ногами. Он трудился над этим целеустремленно, среди плеска и бульканья, грудь его вздымалась… и наконец почувствовал под ногами гальку. На каменистый пляж Япан выбрался сам.

Леон позволил шимпанзе вволю поплясать, хлопая себя по бокам, чтобы согреться. Из воды вылезла мокрая, растрепанная Шила, и Япан заключил ее в благодарные объятия.

Хождение было тяжелой работой, а Япан совсем обессилел.

Леон заставлял шимпанзе идти, но теперь им пришлось взбираться по крутому, поросшему мхом ухабистому склону, изрезанному глубокими оврагами. Они спотыкались, брели, карабкались, а иногда и ползли на брюхе. Потом шимпанзе нашли звериные тропы, и это немного помогло им.

Япан часто останавливался, чтобы подобрать еду или просто

тупо уставиться в пространство. Размягченные мысли мотыльками порхали в затуманенном разуме, держась на поверхности эмоциональных потоков, пульсирующих собственной жизнью.

Шимпанзе не свойственно заниматься чем-то слишком долго. Они продвигались медленно. Наступила ночь, и они взобрались на деревья, нарвав заодно фруктов.

Япан уснул, а Леон нет. Не смог.

Их жизни сейчас в такой же опасности, как и жизни шимпанзе, но дремлющие разумы, в которых присутствовали они с Келли, всегда жили так. В шимпанзе лес проникал тихим дождем информации, даже когда они спали. Блуждающие звуки сообщали их сознанию об отсутствии угрозы, не прерывая отдыха.

Неуловимые признаки близкой опасности не были известны Леону, так что он принимал каждый шорох, каждое дрожание ветки за звук подкрадывающихся шагов. Наконец сон одолел и его.

На рассвете первое бледное зарево разбудило Леона, и он увидел пристроившуюся рядом с ним змею. Она зеленой веревкой обернулась вокруг наклонившегося сука, готовая к броску. Змея смотрела на него, и Леон напрягся.

Япан очнулся от собственного глубокого сна. Он заметил змею, но не дернулся от испуга, чего боялся Леон.

Долгое мгновение протянулось меж ними, а Япан моргнул лишь раз. Змея застыла совершенно неподвижно, сердце Япана заколотилось быстрее, но он не шевелился. Затем змея развернула кольца и ускользнула. Они как бы заключили безмолвное соглашение. Япан был непривлекательной добычей, зеленая змея невкусная, а шимпанзе достаточно разумны, чтобы не связываться с такими тварями.

Когда Шила проснулась, они спустились к журчащему поблизости ручью, чтобы напиться, собрав по пути листья и раздобыв несколько хрустящих на зубах насекомых. Оба шимпанзе беспечно стряхнули присосавшихся к ним ночью жирных черных земляных пиявок. При виде толстых, раздутых от крови тварей Леона замутило, но Япан снимал их с себя так же небрежно, как Леон завязывал бы шнурки.

Япан пил, и Леон отметил, что шимпанзе не испытывает необходимости умыться. Леон обычно принимал душ дважды в день, перед завтраком и обедом, а вспотев, чувствовал себя больным, но здесь, в этом лохматом теле, ему было вполне уютно. Может, его частое умывание — мероприятие по охране здоровья, как вычесывание шимпанзе? Или исключительно привычка цивилизации? Он смутно помнил, что мальчишкой целые дни

проводил в счастливых, потных удовольствиях и не любил ванн и душей. Каким-то образом Япан вернул ему более простое ощущение себя, примирил с «неопрятным» миром.

Ощущение комфорта оказалось недолгим. Выше на холме показались рабуины.

Япан уловил запах, но Леон не имел доступа к той части мозга шимпанзе, которая ведает нюхательно-образными ассоциациями. Он понял только, что что-то встревожило Япана, наморщившего шишковатый нос. А когда же он сам заметил врага, его передернуло.

Массивные задние ноги, стремительно перемещающие хозяев. Короткие передние лапы, оканчивающиеся острыми когтями. Большие головы, состоящие словно из одних зубов, белеющих под узкими, настороженными глазками. Густая бурая шерсть, пушащаяся на тяжелых хвостах, используемых для поддержки равновесия.

Несколько дней назад, с безопасного местечка на высоком дереве, Япан видел, как рабуины на лугу разорвали и сожрали мягкую плоть гигантелопы. Эти шли принюхиваясь, фыркая, рассыпавшись, словно в стрелковой цепи. Их было пятеро. Шила и Япан задрожали. Ветер дул в их сторону, так что они имели шанс отступить незамеченными.

Здесь не росло высоких деревьев, только кусты и молодые побеги. Леон и Шила двинулись вниз и вбок, прошли немного и увидели впереди прогалину. Япан уловил слабый запах других шимпанзе, несущийся со стороны поляны.

Он махнул Келли: *Идем.* В тот же миг позади них взревел хор. Рабуины учуяли их.

Свистящий вой эхом заметался среди густых кустов. Дальше по склону укрыться и вовсе негде, но в стороне виднеются деревья. Можно залезть на них.

Япан и Шила торопливо пересекли широкую прогалину на всех четырех, но, как выяснилось, бежали они недостаточно быстро. Рычащие рабуины ринулись в траву следом за ними. Леон вприпрыжку понесся к деревьям — и оказался в самом центре стаи шимпанзе.

Обезьян, ошеломленно моргающих, было несколько дюжин. Он бессвязно взвыл, размышляя, как обратился бы к ним Япан.

Ближайший крупный самец повернулся, оскалил зубы, сердито заверещал. Стая подхватила призыв, шимпанзе заухали, принялись хватать палки и камни, швырять их в Япана. Булыжник угодил ему в подбородок, сук — в бедро. Он побежал, Шила неслась в нескольких шагах впереди.

А рабуины уже мчались через поляну. В когтистых лапах они

сжимали маленькие острые камни. Хищники выглядели большими и сильными, но замедлили ход при звуках визга и воплей, летящих из леса.

Япан и Шила вырвались на прогалину, шимпанзе бежали за ними. Рабуины застыли на месте.

Шимпанзе увидели рабуинов, но не остановились. Они продолжали с убийственным весельем преследовать Япана и Шилу.

Рабуины словно оцепенели, лишь когти их беспокойно шевелились.

Леон понял, что происходит, и подобрал на бегу палку, хрипло окликнув Шилу. Она оглянулась — и тоже подхватила сук. Япан несся прямо на рабуинов, размахивая своей дубинкой: неуклюжей, сухой, корявой, бесполезной, но выглядящей устрашающе. Леону хотелось казаться авангардом большой «банды».

В поднявшейся туче пыли и общем столпотворении рабуины различили огромный отряд разъяренных шимпанзе, выскочивший из леса. Рабуины развернулись.

Вереща, они на полном ходу помчались к дальней роще.

Япан и Шила бежали за ними из последних сил. Когда Япан добрался до первых деревьев, он обернулся и увидел, что шимпанзе остановились на полдороге, продолжая визгом выражать свое недовольство.

Он сделал знак Шиле: *Идем,* и они развернулись, снова начав взбираться вверх по холму.

Япан нуждался в еде и отдыхе, чтобы сердце его перестало подпрыгивать при каждом шорохе. Шила и Япан, высоко на дереве, стиснув друг дружку в объятиях, нежно ворчали что-то и поглаживали друг друга.

А Леону было необходимо время, чтобы подумать. Кто держит их тела живыми на станции? Преступнику разумнее всего позволить им остаться здесь, в опасности, Сказав остальному персоналу, что два чудака-туриста пожелали отправиться в действительно долгое погружение.

Его размышления нервировали Япана, так что он отказался от конкретного мышления. Лучше думать абстрактно. А разобраться нужно во многом.

Биотехники, занимающиеся с шимпанзе, гигантелопами и прочими, напортачили с рабуинами. В дикие деньки расцвета биотехнологий позволялось практически все. Вскоре производственные мощности дали возможность ремесленникам от биотехники поглядеть, не могут ли они превратить дальних

родственников-приматов, бабуинов, в нечто, подобное человеку. Извращенная цель, по мнению Леона, но правдоподобная. Ученые любят играть с природой.

Рабуинов научили охотиться стаей. Но они не обладали никакими орудиями труда, кроме грубо заостренных камней, иногда используемых для резки мяса, если удавалось завалить добычу.

По прошествии еще нескольких миллионов лет, под суровыми ласками эволюции они, возможно, сравняются разумом с шимпанзе. И кто тогда вымрет?

В данный момент Леона это не слишком заботило. Он по-настоящему разозлился, когда шимпанзе — его родня! — повернули против них, даже при виде рабуинов. Почему?

Он испытывал необходимость разобраться в причинах произошедшего. Социоистории приходится сталкиваться с такими фундаментальными импульсами. Реакция шимпанзе слишком походила на бессчетное число случаев из человеческой истории. *Ненавидь Чужака.*

Он обязан дать объяснение этой печальной истине.

Шимпанзе передвигаются небольшими группами, не любят посторонних, спариваются в основном с особями из своего ближайшего окружения, насчитывающего несколько дюжин персон. Это означает, что любая проявившаяся генетическая особенность может быстро передаться всем членам стаи путем межродственного скрещивания. Если изменение помогает группе выжить, значит, сохраним его. Все честно.

Но эта особенность должна остаться неразбавленной: Стая особенно ловких метателей камней исчезнет, если присоединится к компании из нескольких сотен шимпанзе. Большее поглотит меньшее. Любой контакт вынудит их спариваться с кем-то, не входившим в первоначальный клан. Брак вне племени — и их генетическое наследие утратит чистоту.

Привести к равновесию генетические особенности малой группы и стабильность большой — вот в чем фокус. У какой-то удачливой стаи могут оказаться счастливые гены, дарованные им природой черты, которые позволят отражать вызовы, бросаемые вечно меняющимся миром. Они выстоят. Но если эти гены никогда не перейдут к другим шимпанзе, что тогда?

Небольшое число неродственных спариваний — и черта проникнет и в другие группы. Она просочится сквозь сито времени, ее унаследуют многие. Она распространится.

Следовательно, действительно полезно поддерживать тлеющую враждебность к чужакам, непосредственное ощущение их «неправильности». *Не спаривайся с ними.*

Так что маленькие группки держатся за присущие лишь им особенности, и некоторые процветают. Они выживают; большинство погибает. Эволюционные скачки происходят быстрее в малочисленных, изолированных сообществах, практически не контактирующих с другими. Они хранят свое генетическое имущество в одной небольшой корзине — в стае. Лишь иногда они спариваются с представителями другой стаи — зачастую используя насилие.

Цена непомерно высока: строгое предпочтение своего собственного крошечного жребия.

Они ненавидят толпы, незнакомцев, шум. Группы, насчитывающие меньше десятка членов, слишком уязвимы для болезней или хищников; пара потерь, и стая пропала. Чересчур много особей — и преимущества близкородственного спаривания теряются. Они неизменно верны своей группе, легко опознают друг друга в темноте по запаху, даже на больших расстояниях. У них много общих генов, и поэтому альтруизм в стае — обычное явление.

Они чтут героизм — ведь даже если герой погибает, его гены остаются у его родни и переходят к другим.

А если чужак вдруг пройдет проверку на внешность, поведение, запах, ласки — даже тогда культура усилит эффект. Незнакомцы с иным языком, или привычками, или осанкой покажутся отталкивающими. Все, что служит отличительными признаками группы, помогает поддерживать ненависть к другим.

Затем каждый малый генетический ансамбль путем естественного отбора вытеснит ненаследуемые различия — даже случайные, почти не связанные с выживанием… И так развивается культура. Так случилось и с людьми.

Многообразие и разнородность племенных взаимоотношений способствовали генетическому «разбавлению». Они прислушались к древнему зову отчужденного, настороженного племенного строя.

Леон-Япан неуютно поежился. В размышлениях Леона слово «они» означало как людей, так и шимпанзе. Описание подходило и тем и другим.

Вот где скрывался ключ. Люди приспособились к цивилизации, *несмотря* на их врожденное стремление к племенному обособлению, наследие шимпанзе. Это же чудо!

Но даже чудеса нуждаются в объяснении. Как могла цивилизация сохранять стабильность, опираясь на такие грубые существа, как люди?

Леон никогда раньше не рассматривал этот вопрос в таком ослепительном — и унижающем — свете.

И ответа у него не было.

Они шагали наперекор тупой, глубокой тревоге их шимпанзе.

Япан учуял какой-то запах, и взгляд его заметался по сторонам. С помощью полного набора успокаивающих мыслей и ловких трюков, которым он научился, Леон заставлял своего шимпанзе продолжать идти.

У Келли проблем было больше. Самке шимпанзе не нравилось взбираться на высокие, крутые склоны оврагов, пересекающих путь к горному хребту. Колючие кусты создавали преграду, и на то, чтобы их обогнуть, уходило много времени. На этой высоте фрукты встречались редко.

Плечи и руки Япана постоянно ныли. Шимпанзе передвигались на всех четырех, потому что их необычайно сильные конечности принимали на себя значительную часть массы тела. Умение передвигаться и по деревьям, и по земле приводит к тому, что не удается довести до совершенства ни того, ни другого. Шила и Япан кряхтели и хныкали от боли, гложущей их ступни, колени, кисти, плечи. Шимпанзе никогда не были хорошими путешественниками.

Они позволяли своим шимпанзе часто останавливаться, рвать листья, пить воду из дупл — будничные, простые действия. Но шимпанзе все равно продолжали испуганно принюхиваться.

Запах, волнующий их обоих, стал сильнее, тревожнее.

Шила пошла вперед и первой оказалась на гребне. Далеко внизу, в долине, они различили строгие прямоугольники Экскурсионной станции. С крыши здания поднялся флаер и полетел вдоль ущелья. Он не представлял для них опасности.

Леон вспомнил, как сто лет назад сидел на веранде с бокалом в руке, и Келли сказала: «Если бы ты остался в Хельсинки, ты мог бы быть уже мертв». И вот — он не остался в Хельсинки…

Они начали спускаться по обрывистому склону. Глаза их шимпанзе дергались при каждом неожиданном движении. Прохладный ветерок шебуршал в чахлой листве низких кустиков и искривленных деревьев. Некоторые, опаленные и расколотые молнией, напоминали ощипанных птиц. Здесь сражались друг с другом воздушные массы, поднявшиеся из низины и принадлежащие высокогорью, здесь шло свирепое столкновение давлений. Этот скалистый хребет совсем не походил на уютный лес шимпанзе. А люди торопили их.

Идущая впереди Шила остановилась.

Из укрытия беззвучно поднялись пятеро рабуинов, образовав перед ними аккуратный полукруг.

Леон не мог сказать, была ли это та же стая, что и раньше.

Если так, значит, они весьма искусные охотники, способные все время помнить о намеченной добыче и стремиться за ней. Они специально поджидали впереди, там, где нет деревьев, на которые шимпанзе могли бы залезть.

Рабуины в зловещей тишине шагнули вперед, лишь когти их тихонько пощелкивали.

Леон окликнул Шилу и принялся шуметь: выть, вопить, размахивать руками, трясти кулаками и вообще всячески рисоваться. Пусть Япан действует, а он пока подумает.

Отряд рабуинов наверняка способен расправиться с двумя оторванными от стаи шимпанзе. Чтобы выжить, им нужно удивить рабуинов, напугать их.

Он огляделся. Швыряние камней тут не сработает. С весьма смутным представлением о том, что он собирается делать, Леон осторожно двинулся влево, к расщепленному молнией деревцу.

Шила увидела, куда направляется Леон, и в несколько прыжков оказалась там первой. Япан подобрал два камня и метнул их в ближайшего рабуина. Один попал тому в бок, но большого вреда не причинил.

Рабуины рысцой начали окружать их. Они переговаривались друг с другом свистящим шипением.

Шила вскочила на иссохший ствол. Тот хрустнул. Она рванула вверх надломленный сук, и Леон понял, что она замышляет. Шимпанзе покачивала дубинкой размером почти с себя.

Самый крупный рабуин заворчал, и все они переглянулись.

А потом рабуины бросились в атаку.

Ближайший кинулся на Шилу. Она ткнула его в плечо тупым концом сука, и рабуин взвизгнул.

Леон ухватился за расколотый ствол, но вывернуть его не смог. Позади раздался еще один визг, и высоким, испуганным голосом заверещала Шила.

Шимпанзе криком ослабляют нервное напряжение, Леон знал это, но он чувствовал в тоне самки страх и отчаяние и понимал, что они исходят и от Келли тоже.

Он внимательно выбрал обломок поменьше. Обеими руками дернул его, используя свою массу и развитые плечевые мускулы, и деревяшка с треском поддалась.

Копья. Вот единственный способ избежать когтей рабуинов. Шимпанзе не пользуются таким продвинутым оружием. Учительница-эволюция еще не добралась до этого урока.

Рабуины уже окружили их. Япан и Шила стояли спина к спине. Едва Леон выбрал позицию, как на него бросился большой темношкурый рабуин.

Они тоже пока понятия не имели о копье. Рабуин наткнулся на острие, отпрянул. Испуганно заревел. Япан обмочился от страха, но Леон сумел удержать его под контролем.

Рабуин попятился, скуля. Он развернулся, чтобы бежать, и остановился, едва занеся ногу. Долгую секунду рабуин колебался — и вновь повернулся к Леону.

Он затрусил вперед, вновь обретя уверенность. Остальные рабуины наблюдали за своим собратом. Он подошел к тому же стволу, которым воспользовался Леон, и одним рывком отодрал длинный узкий кусок. Затем рабуин направился к Леону, остановился, держа копье в одной вытянутой вперед лапе. Он смотрел на Леона, вскинув крупную голову, стоя вполоборота к нему и выставив одну ногу.

Потрясенный Леон узнал фехтовальную стойку. Стойку Рубена. В этом рабуине сидел Рубен.

Все обрело смысл. Такая смерть шимпанзе будет выглядеть совершенно естественно. Рубен сможет сказать, что разрабатывал погружение в рабуинов как новое коммерческое предложение, используя то же оборудование, которое обеспечивает прогулки в теле шимпанзе.

Рубен осторожно шагнул вперед, сжимая теперь длинное копье двумя когтистыми лапами. Кончик оружия вращался по кругу, двигаясь резкими толчками: лапы слишком неуклюжи в сравнении с руками шимпанзе. Но рабуин был сильнее.

Он напал, сделав ложный выпад, потом ударил. Леон едва увернулся, отбив атаку своей палкой. Рубен быстро отступил и набросился на Леона слева. Выпад, финт, выпад, финт. Леон отбивался.

Их деревянные мечи стучали друг о друга, и Леон надеялся, что его оружие не сломается. Рубен отлично управлял своим рабуином. Он больше не пытался бежать, как давеча.

Леон полностью погрузился в парирование ударов Рубена. Ему нужно что-то придумать, или превосходящий его по силе рабуин наверняка победит. Леон пятился, отводя Рубена от Шилы. Остальные рабуины держали ее в окружении, но не атаковали. Все их внимание было приковано к двум сражающимся фигурам.

Леон вел Рубена к скалистому выступу. Рабуин с трудом удерживал копье прямо, ему приходилось то и дело смотреть вниз, на свои лапы. Следовательно, он обращал меньше внимания на то, куда ставил копыта. Леон бил, колол и продолжал двигаться, вынуждая рабуина шагать за ним. Один раз большое копыто застряло между камней, но хищник быстро восстановил равновесие.

Леон взял еще левее. Рабуин кинулся следом. Копыто подвернулось, и рабуин споткнулся. Леон был тут как тут. Он ударил, когда рабуин глядел вниз, переставляя ноги в поисках точки опоры. Острие копья Леона уткнулось в мягкую плоть.

Он поднажал. Остальные рабуины испустили стон.

Фыркая от гнева, рабуин попытался освободиться. Леон заставил Япана шагнуть вперед и вогнать копье глубже. Существо хрипло взвыло. Япан сделал еще шаг. Из раны брызнула кровь, окропив пыль. Колени рабуина подогнулись, и он растянулся на земле.

Леон кинул взгляд через плечо. Остальные хищники приступили к действиям. Шила отбивалась от троих, вопя так громко, что это пугало даже его. Она уже ранила одного врага. Кровь струилась по бурой шкуре рабуина.

Остальные прекратили атаковать. Они кружили, рычали, топали, но не приближались. Они пребывали в замешательстве. И кое-чему научились. Леон видел, как, поглядывая по сторонам своими юркими блесящими глазами, хищники оценивают ситуацию — новый поворот в вечной войне.

Шила шагнула в сторону и ткнула своей деревяшкой ближайшего рабуина. Он с рычанием бросился на нее, и она ударила снова, пронзив его шкуру. Хищник взвизгнул, развернулся — и кинулся наутек.

Первый послужил примером другим. Они рысцой помчались прочь, оставив своего товарища истекать кровью. Умирающий тупо следил за алой струйкой. Затуманенные глаза вспыхнули — и Рубен исчез. Животное тяжело осело.

Леон с ожесточением подхватил камень и обрушил его на череп поверженного противника. Это была грязная работа, и он забился поглубже в разум Япана, давая выход темной, чадящей ярости шимпанзе.

Потом Леон нагнулся и осмотрел мозг рабуина. Тонкая серебристая сетка поблескивала в губчатой, изборожденной извилинами бугристой массе. Схема погружения.

Он с отвращением отвернулся и только теперь увидел, что Шила ранена.

Станция венчала собой высокий неровный холм. Глубокие буераки придавали склону вид усталого, морщинистого лица. У подножия теснились заросли жестких, точно проволочных кустов.

Япан, пыхтя, прокладывал себе путь по этой разъеденной эрозией земле. Ночь виделась шимпанзе зловещей вереницей мерцающих бледно-зеленых и голубоватых теней. Этот холм был только частицей бесконечной гряды, но зрение шимпанзе не

приспособлено для дальних горизонтов. Шимпанзе живут в весьма ограниченном мире.

Впереди ясно виднелась сияющая белизной стена станции. Массивная, пятиметровая. И, как он помнил из своих путешествий по этому месту, утыканная поверху битым стеклом.

За его спиной охала взбирающаяся по холму Шила. Из-за раны в боку походка ее стала неуклюжей, лицо искажала гримаса боли. Но она отказалась укрыться внизу. Они оба были близки к изнеможению, а их шимпанзе упрямились, несмотря на две остановки с фруктами, личинками и отдыхом.

При помощи своего скудного словаря, мимики и каракулей в грязи они «обсудили» имеющиеся возможности. Пара шимпанзе здесь очень уязвима. Нельзя ожидать, что им повезет так же, как с рабуинами, ведь они устали и находятся на чужой территории.

Лучшее время подобраться к станции — ночь. Кто бы ни подстроил все это, он не будет ждать вечно. Вчера они дважды прятались от флаеров. Так заманчиво было бы отдохнуть денек, но дурное предчувствие толкало Леона вперед.

Он полз по холму, опасаясь электронных ловушек-растяжек. О такой технике он не знал ничего. Что ж, придется быть настороже, сторониться очевидного и надеяться, что охрана станции не рассчитана на разумных нарушителей границ. В тусклом свете острое зрение шимпанзе ясно различало предметы вблизи, но Леон не находил ничего подозрительного.

Он наметил местечко, прикрытое тенью деревьев. Ковыляющая позади Шила дышала часто и неровно. Леон посмотрел вверх — стена казалась громадной. Невозможно…

Он медленно огляделся. Ни малейших признаков какого-либо движения. Для Япана место это пахло необычно, как-то *не так*. Возможно, животные держатся подальше от чужих построек. Хорошо: значит, охрана внутри не слишком бдительна.

Стена гладкая, бетонная. Поверху тянется широкий выступ — взбираться будет еще труднее.

Шила указала на деревья, растущие возле стены. Пеньки рядом говорили о том, что строители не забыли о животных, способных перепрыгнуть преграду, оттолкнувшись от ветвей. Но некоторые из оставшихся деревьев были достаточно высоки, их ветви не доходили до стены всего несколько метров.

Смогут ли шимпанзе преодолеть это расстояние? Маловероятно, особенно с учетом усталости. Шила показала на него, потом на себя, потом свела руки и покачала ими. Сумеют ли они раскачаться и перемахнуть через стену?

Он вгляделся в ее лицо. Архитектор не предвидел, что два шимпанзе сговорятся. Леон покосился на верхний бетонный край.

Слишком высоко, чтобы залезть, даже если Шила встанет ему на плечи.

Да, — знаком согласился он.

Несколько секунд спустя ее руки сжимали его лодыжки, готовясь отправить Япана в полет, и тут Леона охватило сомнение.

Япан не возражал против такой гимнастики, напротив, он был безмерно рад вновь оказаться на дереве. Но разум Леона кричал ему, что он физически не сумеет осуществить план. Природные таланты шимпанзе конфликтовали с человеческой предосторожностью.

К счастью, на потворство сомнениям в себе у него не оставалось времени. Шила спихнула его с ветки. Леон упал, удерживаемый лишь ее руками.

Ее гибкие ступни надежно обвили толстый сук, и Шила начала раскачивать его, как груз на веревке, взад и вперед, увеличивая амплитуду. Взад, вперед, вверх, вниз, создавая в его голове центробежное давление. Для Япана в этом не было ничего необычного. А мир Леона кружился колесом, совершая леденящие сердце витки.

Мелкие ветки хлестали его, он опасался за нос, но потом забыл о нем, поскольку голова взлетела на уровень края стены.

Окаймляющий стену бетонный выступ закруглялся внутрь, чтобы ни один крюк не мог зацепиться за него.

Леон откачнулся назад, голова нырнула к земле и вновь оказалась среди нижних ветвей, царапающих лицо.

В следующий раз он взлетел выше. Повсюду на кромке стены густо поблескивало битое стекло. Весьма профессионально.

Он едва успел осознать все это, когда Шила отпустила его.

Он взмыл по дуге, раскинув руки, и в последний момент ухватился за выступ. Если бы край в защитных целях не выдавался вперед, он промахнулся бы.

Тело врезалось в стену. Ноги заскребли по бетону в поисках опоры. Пальцы зацепились за что-то. Он подтянулся, мускулы напряглись… Никогда раньше Леон не понимал, насколько сильным может быть шимпанзе. Ни один человек не способен на такое.

Он вскарабкался наверх, порезав руку и ляжку. Найти место, куда можно поставить ноги, оказалось трудным делом.

Волна ликования окатила его. Он помахал Шиле, невидимой в листве.

С этого момента все зависело только от него. Леон вдруг сообразил, что они, связав лианы, могли бы соорудить некое подобие каната. Тогда он втащил бы ее сюда. Хорошая идея, но

пришла слишком поздно.

Промедление бессмысленно. Здание едва виднелось за деревьями, в нескольких окнах горел свет. Полная тишина. Надо подождать, пока не перевалит за полночь. Часов у него, естественно, не было, но Япан нутром чуял нужное время.

Он посмотрел вниз. Возле его ноги сверкнула вмурованная в бетон колючая проволока. Леон осторожно переступил блестящие нити. Среди острых осколков нашлось место, чтобы стоять. Дерево заслоняло обзор, и он мало что видел под собой в тусклом свете, исходящем от станции. Ну, по крайней мере, это означает, что и они не увидят его.

Спрыгнуть? Слишком высоко. Прикрывающее его дерево близко, но в темноте не различить его ветвей.

Леон стоял и думал, но на ум ничего не приходило. А Шила осталась позади, и ему ненавистна была мысль оставлять ее там, где, быть может, таилась неведомая опасность.

Он размышлял как человек, забыв, что обладает способностями шимпанзе.

Давай. Он прыгнул. Сучья затрещали, и он тяжело плюхнулся в море теней. Ветки хлестнули по лицу. Он заметил что-то темное справа от себя, поджал ноги, кувыркнулся, вытянул руки — и ухватился за сук. Пальцы легко сомкнулись вокруг него, и он понял, что опора слишком тонка, слишком тонка…

Ветка надломилась. Раздался хруст, громом отдавшийся в его ушах. Он упал вместе с веткой, ударился спиной обо что-то твердое и покатился, стараясь зацепиться за что-нибудь. Наконец он поймал толстый сук и закачался на нем, боясь даже дышать.

Шелестели листья, колыхались ветки. И все.

Он находился где-то на середине дерева. Ломота пустила побеги в суставах, крохотные галактики боли кружились в них.

Леон расслабился и позволил Япану взять на себя спуск. Своим падением он наделал слишком много шума, но никто не бежал к нему по широкой лужайке между стеной и громадой станции.

Он подумал о Шиле и пожалел, что нет способа дать ей знать о том, что он уже внутри. Размышляя о ней, Леон прикидывал на глазок расстояние до ближайших деревьев, запоминая их расположение, чтобы найти дорогу назад, если придется спасать свою жизнь бегством.

Что теперь? Плана у него не было. Зато имелась масса подозрений.

Леон мягко подтолкнул Япана — нервничающего, усталого, едва контролируемого — к растущим треугольником кустам. Разум Япана походил на грозовые небеса, расколотые зигзагами

молний. Ни одной четкой мысли; одни узлы эмоций, формирующиеся и вспыхивающие вокруг зыбких ядрышек страха. Леон терпеливо призывал успокаивающие образы, заставляя Япана дышать медленнее, и чуть не пропустил шорох.

Когти скребли по мощеной тропинке. Кто-то быстро бежал.

Они показались из-за треугольного мыса кустов. Бугрящиеся мускулы, лоснящаяся кожа, мощные короткие ноги, стремительно сокращающие расстояние. Их обучали искать и убивать бесшумно, без предупреждения.

Для Япана они выглядели чудовищами, чуждыми, пугающими. Шимпанзе в панике пятился от двух несущихся к нему снарядов из мышц и костей. Безумные глаза и оскаленные пасти, приоткрывающие черные десны и белые зубы.

И тут Леон ощутил, как в Япане что-то зашевелилось. Примитивный, инстинктивный отклик остановил отступление, напружинил тело. Нет времени бежать — *дерись*.

Япан занял позицию. Эти двое могут добраться до его рук, так что он завел их за спину и согнулся, пряча лицо.

Япан уже сталкивался со стаями четвероногих охотников, это сохранилось — в его ли памяти, или в памяти предков, но он интуитивно знал, что они или виснут на вскинутых руках жертвы, или стараются вцепиться в горло. Псы хотят завалить его, перегрызть яремную вену, растерзать в клочья в первые, жизненно важные секунды, пока жертва еще не оправилась от потрясения.

Бегущие плечом к плечу связки упругих мышц собрались, вскинули крупные головы — и прыгнули.

В воздухе они беззащитны. Япан это знал. И раскрылся.

Он вскинул руки — и схватил псов за передние лапы.

А сам упал назад, крепко стискивая лапы врагов почти под самыми челюстями. Квазипсы по инерции пролетели над его головой; Япан кувыркнулся.

Он покатился на спину, сильно дернул. Внезапный толчок бросил псов вперед. Япан так удачно ухватил их, что они не могли повернуть голову.

Прыжок, захват, стремительный разворот, рывок — все слилось в единый водоворот, подвесивший псов над катящимся кубарем Япаном. Он ощутил, как лапы собак сломались, и отпустил их. С болезненным визгом они пролетели над ним.

Пригнув голову, Япан завершил кувырок и одним прыжком оказался на ногах. Он услышал громкий шлепок и клацанье захлопнувшихся челюстей. Это псы ударились о землю, сломанные лапы не держали их.

Япан, свистяще дыша, бросился за ними. Собаки пытались подняться, развернуться на подкашивающихся лапах мордами к

добыче. По-прежнему никакого лая, лишь слабое поскуливание, приглушенное рычание. Один квазипес ожесточенно и внятно выругался. Другой выл:

— Уууублююодок… уууублююодок…

Звери возвращаются в свою безбрежную, скорбную ночь.

Япан высоко подпрыгнул и обрушился на обоих. Его ступни вдавили их шеи в землю, и он почувствовал, что кость поддается. Еще до того, как шимпанзе отступил, чтобы посмотреть на результат, он знал, что псы мертвы.

Кровь Япана бурлила от радости. Леон никогда не чувствовал такого покалывающего трепета, даже при первом погружении, когда Япан убил Чужака. Победа над этими врагами с клыками и когтями, набросившимися в ночи, была абсолютным, воспламеняющим удовольствием.

Леон ничего не сделал. Победа целиком принадлежала Япану.

Долгий миг Леон наслаждался этим жаром в ночной прохладе, чувствуя дрожь экстаза.

Наконец здравый смысл вернулся к нему. Есть и другие сторожевые псы. С этими Япану повезло. Такая удача дважды не выпадает.

Трупы квазипсов легко увидеть на лужайке. Они привлекут внимание.

Япану не хотелось прикасаться к ним. Их кишки опустели, и вонь пронзала воздух. Когда он затащил их в кусты, на траве остались пятна.

Время, время. Кто-нибудь хватится псов, пойдет посмотреть, что случилось.

Победа все еще вдохновляла Япана. Леон воспользовался этим, чтобы заставить шимпанзе трусцой пересечь широкую лужайку, держась в тени. Энергия пульсировала в венах Япана. Леон знал, что это лишь временная радость, наложившаяся на глубокую усталость. Когда она иссякнет, Япан станет вялым, им будет трудно управлять.

Он то и дело останавливался, озирался и запоминал ориентиры. Возможно, придется возвращаться этой дорогой бегом.

Сейчас поздно, б**о**льшая часть станции темна. Впрочем, в технической зоне группа окон сияет невероятно насыщенным, на взгляд Япана, странным, жгучим светом.

Он вприпрыжку подбежал к этим окнам и распластался по стене. Очень помогало то, что Япана гипнотизировала и восхищала эта цитадель богоподобных людей. Движимый

собственным любопытством, Япан заглянул в окно. Под ослепительным светом раскинулась просторная приемная, Леон узнал ее. Здесь тысячу лет назад он вместе с другими ярко одетыми туристами дожидался начала очередного похода.

Леон дал любопытству шимпанзе повести его в сторону, туда, где должна была находиться дверь, ведущая в длинный коридор. Дверь, к удивлению Леона, легко открылась. Япан заскользил по гладким плиткам пола, недоуменно изучая фосфоресцирующую роспись потолка и стен, испускающую успокаивающее бледное сияние.

Дверь в кабинет была распахнута. Леон заставил Япана присесть на корточки и сунуть голову в проем. Никого. Пустой шикарный кабинет с книжными полками, парящими под сводчатым потолком. Леон помнил, как сидел здесь, обсуждая процесс погружения. Значит, отсеки всего несколькими дверями дальше…

По кафелю заскрипели ботинки, и он резко обернулся.

За его спиной стоял, наставив на него оружие, главспец Рубен. В холодном свете лицо человека выглядело странным, загадочно костлявым.

Леон ощутил в Япане прилив благоговения и позволил ему толкнуть тихо воркующего шимпанзе вперед. Япан чувствовал почтение, не страх.

Леон удивился, почему Рубен ничего не сказал, но тут же сообразил, что он, конечно же, не смог бы ответить.

Рубен напрягся, повел стволом своего уродливого оружия. Раздался щелчок. Япан вскинул руки в традиционном приветствии шимпанзе, и Рубен выстрелил.

Толчок развернул Япана. Он упал, растянулся на полу.

Рот Рубена насмешливо скривился.

— Умный профессор, а? Не учел сигнализации на дверях?

Боль в боку была ошеломляюще острой. Леон оседлал страдание и копил в Япане злость, помогая ей возрасти. Япан ощупал свой бок, и его рука стала липкой; ноздри шимпанзе щекотал запах, похожий на запах нагретого металла.

Рубен обогнул его, покачивая оружием.

— Ты убил меня, слабый жалкий остолоп. И уничтожил отличное экспериментальное животное. Теперь я должен решить, что мне с тобой делать.

Леон подбросил в костер гнева Япана собственную ярость. Упругие бицепсы на его плечах напряглись. Резкая боль пронзила бок. Япан застонал и перекатился, прижимая одну руку к ране.

Леон держал голову так, чтобы Япан не видел крови, бегущей сейчас по его ногам. Энергия покидала тело шимпанзе.

Неодолимая слабость просачивалась в плоть.

Уши шимпанзе дернулись на звук шагов Рубена. Еще один мучительный поворот: на этот раз он подтянул ноги к груди.

— Полагаю, есть только одно решение…

И снова этот щелчок.

Да, сейчас. Пусть прольется гнев.

Япан оттолкнулся руками и поджал под себя ноги. Вставать нет времени. Япан прыгнул на Рубена.

Свинцовая пуля просвистела рядом с его головой. Затем шимпанзе врезался в бедро Рубена и отбросил человека к стене. Запах человека был кисло-соленым.

Леон утратил всякий контроль. Япан оторвал Рубена от стены и внезапно изо всех сил ударил его кулаками.

Рубен попытался заслониться. Япан оттолкнул слабые человеческие руки с такой легкостью, точно смахнул паутину. Жалкая попытка Рубена обороняться ни к чему не привела.

Япан налетел на Рубена и врезался мощным плечом человеку в грудь. Упавшее оружие лязгнуло о кафель.

Япан всей своей массой обрушивался на человеческое тело снова и снова.

Сила, власть, радость.

Кости хрустнули. Голова Рубена откинулась назад, ударилась о стену и безвольно поникла.

Япан отступил, и Рубен сполз на пол.

Радость.

Где-то на краю поля зрения роились бело-голубые мухи.

Надо двигаться. Это все, что Леон сумел протиснуть сквозь завесу эмоций, окутавшую разум шимпанзе.

Коридор закачался. Япан шел, пошатываясь, то и дело припадая к стене.

Дальше, дальше, больно шагать. Две двери, три. Здесь? Заперто. Следующая дверь. Мир отчего-то замедлил свой бег.

Дверь отворилась. Он узнал вестибюль. Япан наткнулся на стул и чуть не упал. Леон заставил легкие работать интенсивнее. В глазах слегка прояснилось, подкравшаяся тьма отступила, но бело-голубые мухи остались, они порхали нетерпеливо, и рой стал гуще.

Он дернул дальнюю дверь. Закрыто. Леон призвал все, что он мог призвать в Япане. Сила, власть, радость. Япан всадил плечо в створку. Та выдержала. Снова. И снова. Острая боль — и дверь распахнулась.

Правильно, сюда. Отсек погружения. Япан брел вдоль ряда камер, между контрольных панелей. Прогулка заняла целую вечность. Леон концентрировался на каждом шаге, на

поднимании и опускании каждой ноги. Поле зрения Япана сужалось, голова, казалось, утопает в размягчившихся плечах.

Здесь. Его камера.

Он нащупал замки. Неумело отщелкнул их.

Тут лежал Леон Маттик, спокойный, с закрытыми глазами.

Аварийное управление, да. Его знакомили с ним на инструктаже.

Он пошарил по полированной стальной поверхности и нашел панель сбоку. Япан тупо уставился на ничего не значащие для него надписи, да и сам Леон читал с трудом. Буквы прыгали и сливались.

Он отыскал несколько кнопок и автоматическое регулирование. Пальцы Япана казались толстыми, неловкими. Потребовалось три попытки, чтобы запустить программу оживления. Огоньки на панели из зеленых стали янтарными.

Вдруг Япан сел на каменный пол. Теперь бело-голубые мухи гудели повсюду, они вились вокруг его головы, они хотели ужалить его. Он втянул прохладный сухой воздух, бесплотный, не помогающий…

А потом, без всякого перехода, он уже смотрел в потолок. Лежа на спине. Лампы наверху потемнели, угасая. Потом они выключились.

Веки Леона распахнулись.

Программа восстановления все еще продолжала электростимуляцию мышц. Что ж, пусть прыгают, покалывают, зудят, пока он думает. Чувствует он себя хорошо. Даже не голоден, как обычно после погружения. Долго он пробыл на лоне дикой природы? По меньшей мере пять дней.

Леон сел. В аппаратной — никого. Очевидно, Рубен получил какой-то беззвучный сигнал тревоги, больше никого не взбудораживший. Это тоже указывает на то, что группа заговорщиков весьма мала — вероятно, в ней состоял только главспец.

Леон выбрался из своей камеры, трясясь как в ознобе. Чтобы освободиться, пришлось отцепить несколько питательных трубок и датчиков, но это оказалось проще простого.

Япан. Большое тело загромождало проход. Он опустился на колени и нащупал пульс. Слабый, прерывистый.

Но сначала — Келли. Ее камера стояла рядом с его, и Леон начал воскрешение. Жена выглядела отлично.

Рубен, должно быть, подсоединил к системе какой-то блок, чтобы никто из персонала по виду панели не понял, что тут что-то не так. Легенда проста — пара пожелала пережить по-

настоящему долгое погружение. Рубен предупреждал их, но нет, они настояли… Вполне правдоподобно.

Веки Келли затрепетали. Он поцеловал ее. Она охнула.

Леон сделал знак шимпанзе: Тихо, и вернулся к Япану.

Кровь продолжала течь. Леон удивился, обнаружив, что уже не чувствует ее сильного пряного запаха. Как много потеряли люди!

Он стянул с себя рубашку и скрутил грубый жгут. По крайней мере, дышит Япан ровно. Келли уже готова была вылезти, и он помог ей отсоединить провода.

— Я пряталась на дереве, и вдруг — бац! — воскликнула она. — Какое облегчение. Как ты…

— Идем, — сказал он.

Когда они покинули комнату, Келли спросила:

— Кому мы можем доверять? Кто бы ни сделал это… — Она осеклась, увидев Рубена. — Ох.

Отчего-то выражение ее лица заставило Леона рассмеяться. Удивлялась его жена очень редко.

— Ты?

— Япан.

— Я никогда бы не поверила, что шимпанзе способен, способен…

— Сомневаюсь, что кто-нибудь так долго пребывал в погружении. Да еще и в таких стрессовых условиях. Вот и… ну… всплыло.

Он подобрал оружие Рубена и осмотрел механизм. Обычный пистолет с глушителем. Рубен не хотел разбудить всю станцию. Факт этот был многообещающим. Здесь наверняка есть люди, которые придут им на помощь. Он зашагал к зданию, где обитал персонал станции.

— Подожди, так что насчет Рубена?

— Я собираюсь разбудить врача.

Так они и сделали, но сперва Леон отвел доктора в аппаратную осмотреть Япана. Несколько стежков, бинты, уколы — и доктор сказал, что Япан поправится. Только после этого Леон показал ему тело человека.

Врач рассердился. Но у Леона была пушка. Все, что ему пришлось сделать, — это продемонстрировать оружие. Он ничего не сказал, просто повел пистолетом. Разговаривать не хотелось, и он сомневался, что когда-нибудь ему снова понравится болтать языком. Когда молчишь, лучше сосредоточиваешься, проникаешь в суть вещей. Погружаешься.

И в любом случае Рубен уже какое-то время был мертв.

Япан проделал отличную работу. Доктор лишь головой качал,

разглядывая страшные повреждения.

Келли все время как-то странно на него посматривала. Леон не догадывался почему, пока не осознал, что ему и в голову не пришло вначале помочь Рубену. Япан был им, и это чувство он не мог объяснить.

Но он мгновенно понял Келли, захотевшую пойти к стене станции и позвать Шилу. И они вывели ее из дикой тьмы.

Год спустя, когда промышленный заговор был разоблачен и десятки людей предстали перед судом, они вернулись на Экскурсионную станцию.

Леон соскучился по валянию на солнце после года, проведенного перед глазками новостных телекамер и среди адвокатов. Келли устала не меньше его.

Но оба они немедленно записались на погружение и проводили в джунглях много часов. Япан и Шила приветствовали их возвращение чем-то похожим на радость.

Каждый год они будут возвращаться и жить в сознаниях шимпанзе. Каждый год они будут уезжать, успокоившись, можно даже сказать — наполнившись.

Анализ социоистории, сделанный Леоном, произвел настоящий переворот. В нем вся цивилизация моделировалась как «комплексная система адаптации». Базисом этих сложнейших уравнений стали условия, учитывающие первобытные мотивации группового поведения, конфликтующего с индивидуальными стремлениями, сформированными дикой природой тысячи веков назад. Теория была точной, разветвленной и оригинальной; труд Леона произвел сенсацию в социальных науках, которые наконец стали подчиняться количественному анализу.

Через пятнадцать лет его работа получила Нобелевскую премию и два и три десятых миллиона ново-долларов.

Леон и Келли много тратили на путешествия, особенно в Африку.

Давая интервью, Леон никогда не говорил о долгом переселении, через которое прошли они с Келли. И все же в своих технических документах и на публичных выступлениях он приводил шимпанзе в качестве примера умения приспосабливаться к сложным обстоятельствам. При этих словах на губах его расползалась долгая, медленная улыбка, глаза загадочно поблескивали, но дальше тему он уже не обсуждал.

Copyright and acknowledgments

«On the Orion Line» by Stephen Baxter. Copyright © 2000 by Dell Magazines. First appeared in Asimov's Science Fiction, October/ November 2000. Reprinted by permission of the author.

«Immersion» by Gregory Benford. Copyright © 1996 by Abbenford Associates. First published in Science Fiction Age, March 1996. Reprinted by permission of the author.

«Mount Olympus» by Ben Bova. Copyright © 1999 by Dell Magazines. First appeared in Analog, February 1999.

«An Ever-Reddening Glow» by David Brin. Copyright © 1996 by David Brin. First appeared in Analog, February 1996.

«Understand» by Ted Chiang. Copyright © 1991 by Ted Chiang. First appeared in Asimov's Science Fiction, August 1991.

«The Hammer of God» by Arthur C. Clarke. Copyright © 1992 by Arthur C. Clarke. First published in Time, Fall 1992. Reprinted by permission of Scovil Chichak Galen, Inc.

«Reasons to Be Cheerful» by Greg Egan. Copyright © 1997 by Greg Egan. First appeared in Interzone 118, April 1997.

«Think like a Dinosaur» by James Patrick Kelly. Copyright: © 1995 by James Patrick Kelly. First appeared in Asimov's Science Fiction, June 1995.

«The Mendelian Lamp Case» by Paul Levinson. Copyright © 1997 by Paul Levinson. First appeared in Analog, April 1997.

«Gene Wars» by Paul J. McAuley. Copyright © 1991 by Paul J.. McAuley. First appeared in Interzone 48, June 1991.

«Into the Miranda Rift» by G. David Nordley. Copyright © 1993 by G. David Nordley. First published in Analog, July 1993.

«Hatching the Phoenix» by Frederik Pohl. Copyright © 1999 by Frederik Pohl. First published in Amazing Stories, Fall 1999-Winter 2000.

«Arthur Sternbach Brings the Curveball to Mars» by Kim Stanley Robinson. Copyright © 1999 by Kim Stanley Robinson. First appeared in Asimov's Science Fiction, August 1999.

«The Lady Vanishes» by Charles Sheffield. Copyright © 1996 by Charles Sheffield. First published in Science Fiction Age, November 1996. Reprinted by permission of the author.

«The Good Rat» by Allen Steele. Copyright © 1995 by Allen Steele. First appeared in Analog, Mid-December 1995.

«Bicycle Repairman» by Bruce Sterling. Copyright © 1996 by Bruce Sterling. First published in Intersections: The Sycamore Hill Anthology, edited by John Kessel, Mark L. Van Name, and Richard

Butner. Reprinted by permission of the author.

«Griffin's Egg» by Michael Swanwick. Copyright © 1991 by Michael Swan-wick. First appeared as a Legend Novella in hardcover.

«Fast Times at Fairmont High» by Vernor Vinge. Copyright © 2001 by Vernor Vinge. First appeared in The Collected Stories of Vernor Vinge.

«A Niche» by Peter Watts. Copyright © 1994 by Peter Watts. First appeared in Tesseracts 3.

«Kinds of Strangers» by Sarah Zettel. Copyright © 1999 by Sarah Zettel. First appeared in Analog, October 1999.

Содержание

Пол Макоули. ГЕННЫЕ ВОЙНЫ. *Пер. Е. Королевой*

Ким Стэнли Робинсон. КРУЧЕНЫЙ МЯЧ НА МАРСЕ. *Пер. П. Киктенко*

Стивен Бакстер. НА ЛИНИИ ОРИОНА. *Пер. Г. Соловьевой*

Артур Кларк. МОЛОТ ГОСПОДЕНЬ.*Пер. О. Ратниковой*

Джеймс Патрик Колли. ДУМАТЬ, КАК ДИНОЗАВР. *Пер. Е. Королевой*

Бен Бона. ОЛИМП. *Пер. О. Ратниковой*

Чарлз Шеффилд. ЛЕДИ ИСЧЕЗАЕТ. *Пер. А. Кабалкина*

Брюс Стерлинг. ВЕЛОСИПЕДНЫЙ МАСТЕР. *Пер. А. Кабалкина*

Дэвид Брин. КРАСНЫЙ СВЕТ. *Пер. К. Королева*

Дэвид Нордли. В ПЕЩЕРАХ МИРАНДЫ. *Пер. О. Ратниковой*

Грег Иган. ПРИЧИНЫ ДЛЯ СЧАСТЬЯ. *Пер. О. Ратниковой*

Майкл Суэнвик. ЯЙЦО ГРИФОНА. *Пер. Г. Соловьевой*

Питер Уоттс. НИША. *Пер. Г. Соловьевой*

Тед Чан. ПОНИМАНИЕ. *Пер. В. Двининой*

Вернор Виндж. ГОРЯЧАЯ ПОРА В ФАЙРМОНТ- КОЛЛЕДЖЕ. *Пер. Г. Соловьевой*

Пол Левинсон. ДЕЛО О МЕНДЕЛЕВСКОЙ ЛАМПЕ. *Пер. А. Новикова*

Сара Зеттел. ЧУЖАКИ. *Пер. А. Новикова*

Аллеи Стил. ХОРОШАЯ КРЫСА. *Пер. В. Двининой.*

Фредерик Пол. ПРОКЛЕВЫВАЮЩИЙСЯ ФЕНИКС. *Пер. Г. Соловьевой*

Грегори Бенфорд. ПОГРУЖЕНИЕ. *Пер. В. Двининой*

notes

Примечания

1

Циклический АМФ (циклический аденозинмонофосфат) — производное аденозинтрифосфорной кислоты, в организме служит для внутриклеточного распространения сигналов некоторых гормонов.

2

Квашиоркор — один из видов нарушения питания, связанный с недостаточным содержанием в гщще белков и потреблением низкокалорийных продуктов.

3

Бери-бери (от сингальского beri — слабость) — заболевание, возникающее вследствие недостатка в пище витамина Bi (тиамина).

4

Третья база — один из углов квадрата ближнего поля.

5

Шортстопер — игрок, контролирующий пространство между второй и третьей базами.

6

Граундер — отбитый мяч, который катится или прыгает по земле.

7

Равнина Аргир — крупная низменность в южном полушарии Марса, представляющая собой остаток древнейшего астероидного кратера.

8

Страйк-аут — ситуация, при которой после трех штрафных очков игрок нападения выходит из игры.

9

Аутфилдер — игрок обороняющейся команды, патрулирующий внешнее поле.

10

Софтбол — разновидность бейсбола.

11

Хоум-ран — удар, при котором мяч летит за ограждение. Хоум-ран дает право бьющему обежать все базы и вернуться в «дом», заработав этим очко.

12

Бейсмен — игрок, стоящий на одной из баз.

13

Питчер — ключевой игрок обороняющейся команды, бросающий мяч.

14

«Дом» — основная база, на которой начинается и завершается любая результативная атака.

15

Иннинг — игровой период, состоящий из двух частей: вначале одна команда играет в обороне, а другая — в нападении.

16

Раннер — бывший бьющий, который, бросив биту, перебегает на базу.

17

Кэтчер — игрок обороняющейся команды, который принимает мяч, поданный питчером, при условии, что бьющий не отбил его.

18

Страйк — в бейсболе — штрафное очко бьющему, если он не попал по мячу, брошенному питчером.

19

Зона, ограниченная шириной домашней базы и высотой от колена до груди бьющего.

20

Микки Мантл (1931–1995) — известный американский бейсболист, выступал за команду «Нью-Йорк янкиз» (1951–1968).

21

GUT (Grand Unified Theory) — теория великого объединения.

22

Э. Хемингуэй.

23

Мицуо Футида — летчик, капитан 1-го ранга, принимал активное участие в организации, подготовке и осуществлении налета японской авиации на Перл-Харбор 7 декабря 1941 года.

24

Джон Уэйн (1907–1979) — культовый американский актер, лауреат премии «Оскар».

25

«Верный старик» — название гейзера на территории Йеллоустонского национального парка в штате Вайоминг. Фонтан воды достигает высоты 45 м.

26

Кристофер Марло. Трагическая история доктора Фауста. (Пер. Н. Амосовой).

27

Клатраты — (соединения включения) — вещества, в которых молекулы соединения-«хозяина» образуют пространственный каркас, а молекулы соединения-«гостя» располагаются в полостях каркаса.

28

Глюон — частица-переносчик сильного взаимодействия.

29

Хитрый Койот — персонаж американских мультфильмов.

30

Жеода — замкнутая полость в каких-либо горных породах, не полностью заполненная скрыто — или явнокристаллическим минеральным веществом; полая крупная секреция.

31

Приблизительно — 173 ˚С.

32

Тритон — спутник Нептуна.

33

Титан — спутник Сатурна.

Приблизительно — 73 °C.

35

Харон — спутник Плутона, по величине относительно мало (всего в 10 раз) отличается от своей центральной планеты.

36

Горизонт событий — воображаемая поверхность черной дыры.

37

Jovis Tholus (Купол Юпитера) — вулкан на Марсе.

38

«Лицо на Марсе» — странное марсианское образование, напоминающее женское лицо, первый снимок которого был сделан в 1976 г.

39

Приблизительно — 181 ˚С.

40

Джон Холбрук Вэнс (р. 1916) — американский писатель, работающий в жанрах фэнтези и научной фантастики.

41

Приблизительно — 53 °C.

42

Аккреционный диск — скопление вещества, которое притягивает к себе небесное тело с мощным гравитационным полем, например черная дыра.

43

Нджари — африканский язычковый щипковый музыкальный инструмент, разновидность цитры.

44

Дофамин и серотонин — медиаторы нервной системы, т. е. вещества, осуществляющие перенос возбуждения с нервного окончания на рабочий орган и с одной нервной клетки на другую.

45

Синапс (греч. synapsys — соприкосновение, соединение) — специализированная зона контакта между отростками нервных клеток и другими возбудимыми и невозбудимыми клетками, обеспечивающая передачу информационного сигнала.

46

Музиль Роберт (1880–1942) — австрийский писатель, драматург и эссеист.

47

Пер. В. Полищук.

48

Ретик (наст, имя — Георг Иоахим фон Лаухен) (1514–1574) — австрийский астролог, астроном и математик, ученик, соавтор и друг Н. Коперника.

49

Реголит — лунный грунт, состоит из разнозернистого обломочно-пылевого материала. Сформирован в результате дробления, перемешивания и спекания лунных пород при падении метеоритов.

50

Кататония — состояние психического расстройства с преобладанием нарушений двигательной деятельности, возникает в результате интоксикации, инфекций или органического поражения головного мозга.

51

ПС. 23 (22).

52

Die Gemiitlichkeit (нем.) — уют.

53

Ханна Арендт (1906–1975) — философ и историк, автор фундаментального труда «Истоки тоталитаризма».

Абиссальная — глубоководная (спец. термин).

55

Фотофоры — светящиеся органы, в частности у глубоководной фауны.

56

ЭЭГ — электроэнцефалограмма. Запись биотоков мозга.

Фумарола — источник горячих газов.

58

Бентос — совокупность донных и придонных организмов.

59

Процентиль — мера расположения данных выборки или распределения. N-й процентиль — это такое значение, ниже которого расположено n процентов наблюдений данной переменной.

60

Дуг Хеннинг — иллюзионист, постановщик «волшебных» спектаклей на Бродвее.

здесь: ловкая штука (фр.).

62

Игра, в которой было три положения «вне игры» или трижды из игры были выведены игроки.

FDA (Food and Drug Administration) — Управление по контролю за продуктами и лекарствами.

Дендрит — отросток нервной клетки.

65

Гематоэнцефалический барьер — мембраны с избирательной проницаемостью, которые отделяют нервную систему от крови и создают химически оптимальную среду для нейронов.

Процедура утверждения нового лекарственного препарата в Управлении по контролю за продуктами и лекарствами (FDA) предполагает три фазы клинических испытаний. В ходе первой фазы оценивается безопасность нового препарата, в ходе второй — его эффективность. Третья фаза испытаний представляет собой расширенное исследование с участием большего числа добровольцев, предназначенное для окончательного подтверждения результатов первой и второй фаз.

67

ПЭТ — позитронно-эмиссионная томография.

См. «Причины для счастья», сноска 3.

69

Гештальт — целостная форма, структура.

70

Самый дешевый, но и самый грязный источник энергии.

71

DMV (Departament of Motor Vehicles) — Управление автомобильным транспортом.

72

«Пробуждение Финнегана» — знаменитое произведение Джеймса Джойса, имеющее кольцеобразную структуру.

73

Эзра Паунд (1885–1972) — гениальный безумец, фашист, анархист, бунтарь, идеалист и эстет, человек сложной судьбы и несомненного дарования.

74

Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716) — немецкий философ, математик, физик, юрист, историк, языковед. В своих философских трудах затрагивал роль языка в познании, стремился синтезировать логику и математику в единую дисциплину.

75

Из ничего (лат.), перефразируется принцип «Ex nihilo nihil fit» — «Из ничего ничего не возникает».

Да будет слово (лат.).

77

Курт Гёдель (1906–1978) — логик и математик. Доказал так называемые теоремы о неполноте (теоремы Гёделя), из которых, в частности, следует, что не существует полной формальной теории, где были бы доказуемы все истинные теоремы арифметики.

78

Джон Каннингэм Лилли (1915–2001) был исследователем природы сознания, провел ряд экспериментов, в которых он принимал психоделики в изолированной барокамере в компании дельфинов.

79

Мандала в буддийской мифологии является одним из важнейших сакральных символов, отражающих геометрическую схему структуры Вселенной с иерархическим расположением в ней буддийских святых. Рассматривается также как целостный образ мира.

80

Джаггернауты — огромные грузовики или танки, первоначально — повозка бога Вишну.

81

Чистая доска (лат), в переносном смысле — нечто, совершенно лишенное собственного содержания.

82

Эмиши — закрытая религиозная секта, основанная в XVII веке швейцарским меннонитом-радикалом Яковом Амманом. Отрицают технический прогресс, развивая только агрокультуру; Придерживаются строго патриархального уклада.

83

Сагау (исп.) — междометие, используемое для выражения удивления, досады, восторга.

84

Ежегодные математические соревнования им. Уильяма Лоуэлла Патнэма (1861–1924). Проходят под патронажем Американской Математической Ассоциации каждую первую субботу декабря начиная с 1938 года.

85

Одно вместо другого (лат.).

MIT (Massachusets Institute of Technology) — Массачусетский Технологический Институт.

Миграция (исп.).

88

Манчкин — очень редкая порода короткошерстных кошек. Слово встречается в книге Г. Баума «Мудрец из страны Оз» как ласковое обращение к маленьким человечкам.

Колд-Спринг-Харбор находится Институт Карнеги, в частности лаборатория молекулярной биологии.

90

«Справочник Джейн» — популярный многопрофильный справочник по всем видам вооружения, бронетехники и т. д.

91

Эванстон — северный пригород Чикаго.

92

В Форт-Миде расположен штаб Агентства Национальной Безопасности США.

93

Литопс — род засухоустойчивых растений.

Federal Express — служба доставки.

95

Проктор — преподаватель, наблюдающий за проведением экзамена.

Visial Amplifier — видеоусилитель.

Этология — наука о поведении животных.

98

Протеомика — наука о белках и их взаимодействии в живых организмах.

99

«Секрет крыс» («The Secret of NIMH») — мультфильм, снятый в 1982 году Доном Блатом по мотивам книги Роберта О'Брайена «Миссис Фрисби и крысы из NIMH».

100

На самом деле в мультфильме присутствуют и крысы, и мыши.

101

Аниматроник — анимационная кукла-робот.

102

Йосемитская долина — долина реки Йосемити-Крик (штат Калифорния, США). Крутые гранитные склоны несут следы ледниковой обработки. Густые хвойные леса. Много водопадов.

103

В городе Фрэмингеме с 1948 года проводится наблюдение практически над всем населением города с целью выяснения основных причин возникновения сердечно-сосудистых заболеваний и выработки мер профилактики. Здесь в более широком смысле.

104

Эйдетическая память — вид зрительной памяти человека.

105

См. сноску 82.

Ordnung (нем.), — порядок.

107

Пластиковые взрывчатые вещества получили свое название из-за пластичности, но никакого отношения к традиционным пластмассам не имеют.

Это имело бы смысл на Земле, но никак не в невесомости.

109

Фраза из романа Г. Мелвилла «Моби Дик».

110

Кох Самуи — остров Таиланда.

111

Катманду — исторический, экономический, политический и культурный центр Непала.

112

Аннапурна — горный массив в южных отрогах Больших Гималаев, в Непале.

113

См. сноску 66.

«Континенталь» — американская авиакомпания.

115

Trans World Airlines — американская авиакомпания, одна из крупнейших.

116

Тупой Койот — герой серии мультфильмов, придуманный американским мультипликатором Чарльзом Джонсом.

117

«Бостон Ред Сокс» — команда Главной бейсбольной лиги.

118

Имеется в виду американская компания срочных перевозок.

119

Бинтаун, прозвище Бостона, дословно — «город бобов». Блюда из бобов можно найти там практически повсюду.

120

Элмер Фуд — персонаж из мультсериала о кролике Багзе Банни; незадачливый охотник, известный своим косноязычием, глупостью и рассеянностью.

121

Сэмс-клаб — сеть американских супермаркетов, в которых выгодно покупать продукты питания (обычно крупными партиями) и бытовую технику, но для этого предварительно нужно оформить членство и получить пластиковую карточку с фотографией.

University of California at Los Angeles — Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе.

123

Бетти Раббл — персонаж «Семейки Флинстоунов».

124

Дорчестер — пригород Бостона; пользуется дурной репутацией, поскольку населен в основном неграми и латиноамериканцами.

125

Тофу — японский и китайский соевый творог.

126

Кейт Мун — легендарный барабанщик группы «The Who».

127

Рудольф Вурлитцер — основатель компании The Wurlitzer Company (1856 г.) по продаже и производству музыкальных инструментов. В эпоху немого кино, в 1930-е и послевоенные годы имя Wurlitzer стало синонимом для музыкальных автоматов-джукбоксов с их торговой маркой того периода «Музыка для миллионов». Опустив монету, посетитель может выбирать музыку. Усовершенствованный джукбокс пользуется популярностью и в наши дни.

128

Рик Оказек — фронтмен-вокалист популярной в 1980-х годах американской группы «The Cars», история которой началась в Бостоне в 1976 году.

129

Барни — герой детского фильма «Приключения динозаврика Барни». Динозаврик там розово-фиолетового цвета.

130

Лоллапалуза (от сленг, «отпад», «потрясный») — рок-фестиваль, основанный певцом Перри Фарреллом в 1991 году и проходивший ежегодно до 1997 года. Вновь возрожден в 2003 году.

131

The Today Show — ежедневная телевизионная программа.

132

Спандекс — синтетическая эластичная ткань.

133

Виллард Скотт — ведущий канала Эн-би-си.

134

Салли Джесси Рафаэль, Опра Уинфри — ведущие телешоу.

135

«Smash Pumpkins» — возникшая в 1988 году группа; исполняла мрачный альтернативный рок. Распалась в 2000 году.

136

Тихуана — город в Северо-Западной Мексике, штат Нижняя Калифорния, курорт.

137

По правилам бильярда-«американки» шар с номером 8 должен забиваться в лузу последним.

138

Кальвин и Хоббс — мальчик и тигр, герои глуповатых детских комиксов.

139

Сардж и Битли — герои комикса «Битли Бэйли» («Beetle Bailey»), сержант и солдат.

140

Арчи, Джугхед, Бетти, Вероника — герои популярных комиксов.

141

Ария из оперы «Волшебная флейта» В. А. Моцарта.

142

Ипатия (Гипатия) Александрийская — греческий философ, математик, астроном, глава Александрийской школы неоплатоников (370–415 гг.).

143

Монахи-пустынножители, селившиеся в Нитрийской пустыне, на границе Ливии и Эфиопии, получившей свое название от соседней горы, где в озерах имелось множество натра, или селитры.

Фритто мисто (ит.) — жаркое из овощей.

145

Ризотто (ит.) — отварной рис с маслом, мясом и овощами.

146

Мачу-Пикчу — город-легенда древней цивилизации инков (территория современного Перу).

147

Верхнее озеро — крупнейшее и глубочайшее в системе Великих озер Канады.

148

Военная база Форт Детрик (штат Мэриленд) — главная лаборатория Пентагона по разработке биологического оружия.

149

4 июля — день независимости США.

150

Столовые горы — изолированные возвышенности, образующиеся при расчленении высокоприподнятой пластовой равнины или плато. Столовые горы имеют крутые склоны и плоские вершины.

151

Pan troglodytes Blumenbach — лат. название шимпанзе обыкновенных.

152

Лямбическая система — комплекс структур среднего, промежуточного и конечного мозга, участвующих в организации висцеральных, мотивационных и эмоциональных реакций организма.

153

Омар Пронзатель (592–644) — второй халиф в Арабском халифате (634–644), по преданию, взяв штурмом Александрию, в 642 г. приказал сжечь Александрийскую библиотеку.